ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

7

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

7

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

✻

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

✻

ТОМ СЕДЬМОЙ

ПЬЕСЫ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

Р 2
Л 47

Примечания
ОЛЕГА МИХАЙЛОВА

Оформление художника
М. ШЛОСБЕРГА

Л $\frac{4702010200-340}{028(01)-83}$ подписное

ПЬЕСЫ

УНТИЛОВСК

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Виктор Григорьевич Буслов — расстрига.
Раиса Сергеевна — его жена.
Павел Сергеевич Черваков — унтиловский человечек.
О. Иона Радофиникин — то же самое, но только поп.
Илья Петрович Редкозубов — из мечтателей и, кроме того, заведует потребиловкой в Унтиловске.
Васка — солдатка.
Сергей Аммоныч Манюкин — бывшая личность.
Пелагея Лукьяновна — старушка нянька, свидетельница бусловских лет.
Матушка — жена Ионы.
Две Агнии — Ионин приплод.
Александр Гугович (в обиходе Гуга) — опальный интеллигент в очках.
Семен — сослужающий Ионе во храме.
Аполлос — земноводная личность, всегда жует.
Два мужика.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Бусловское жилище. Два стола, семь табуреток и еще всякое прочее, необходимое в обиходе. В уголке — раскрытое пианино с нотной тетрадью, все в пыли. Имеется книжный шкаф, на нем разный житейский хлам. Все тут кряжистое и раскорякое, потому что почти самодельное. За стеной пение. На диванчике, сделанном из дровяных плах и войлока, прикорнула нянька, спит. За столом Буслов и Черваков играют в шашки. В окнах снег. Сумерки.

1

Черваков. Дамочку фукнем вашу. Фук — и нет дамочки.

Буслов. А я сюда.

Черваков. А мы припрем в уголок.

Буслов. Ну-у, врешь, ускользну...

Черваков. От нас нельзя ускользнуть, Виктор Григорьевич! Мы всюду, всюду. Шашечка —она маленькая, а свое дело знает. Что ж вы бражкой-то моей пренебрегаете? Покупал ее, нес, можно сказать, с опасностью для жизни... Чуть ногу на Мавриной горке не повредил.

Буслов *(наливая)*. А что, скользко нынче? Я в школу не пошел — голову ломит.

Черваков. Оттепель, Виктор Григорьевич, и ветрено. Брызжется погода, и брызга липкая. Ну, нравится?

Буслов. Больно уж сладко, я сладкого не люблю.

Черваков. А по-моему, божественно! Назначили бы меня, скажем, господом богом, так я бы каждый день тогда...

Буслов. Ты мели хоть шепотом,— нянька услышит.

Червяков. И гонит его, напиток этот, солдатка одна с Коровьей улицы. Этакая смутьянская красавица...

Буслов. Ну-у... Врешь!

Червяков. Дух захватывает, так и просится в мыслях: эх, пронзай меня, бессердечная, вдоль и поперек! Да вот, видите меня?

Буслов. Вижу: сидит дурак и подмигивает.

Червяков. Опять ругаться... Дурака-то вы и на порог бы не пустили, а я с умником, да еще с каким умником, за одним столом сижу и даже выпиваю. Так вот, видите Павла Червякова? Влюблен. Как последняя тварь влюблен. Давайте, если проиграете, привожу сегодня на мальчишник солдатку. Идет?

Буслов. Все стараешься, все силу свою на мне пробуешь. Ты тьма, Пашка, мрак.

Червяков. Стыдно, Виктор Григорьевич, эдак ребенка обижать. *(Как бы мимоходом кивая на стену.)* Комсомольцы-то в хор к себе зазывали?

Буслов. Было такое дело. Ни баса у них нету, ни регента.

Червяков. Короткие штанишки придется надевать!..

Буслов *(думая)*. Придется, придется...

Червяков. На широкую дорогу, к свету выходите, Виктор Григорьевич. А может, постучать... чтоб перестали?

Буслов. Зачем же, я люблю, когда поют...

Играют молча.

Червяков. Поднажмем.

Буслов. Мимо.

Червяков. Ну, положим, я мимо не бью. Глядите теперь, как проигрываете солдатку. Раз, два, три... Ну, признаете, что конец?

Буслов. Нет, я еще с тобой повоюю. Я еще не совсем упал, я еще теплый, могу подняться... *(Откидываясь назад.)* Пашка, а ведь ты и в Раиску мою влюблен был, в мою неверную жену...

Червяков. Был, не отрицаю. Да и теперь еще тлеет уголек. Вам, Виктор Григорьевич, любви моей не понять. Вы помрете от паралича, а я непременно от разрыва сердца. Я посложнее вас...

Буслов. Внутренность паука всегда сложнее звездной системы. Не в этом, брат, дело. Ты подло был влюблен: ты

любил тайно, но уж подползал в открытую. Ты, Пашка, дрянь, но ты крупная дрянь, с большой буквы. Да не бойся, бить тебя сейчас не стану... настроения нет.

Червaков *(меняя тон)*. Вот возьму да не обижусь. Настоящую-то любовь нельзя обидеть. Она все простит.

Буслов *(помолчав)*. Пашка, а знаешь, какой день сегодня? Забыл? Сегодня, брат, шесть лет, как сбежала Раиска и ты начал спаивать меня. Шесть унтиловских лет...

Червaков. Ну, и что же?

Буслов. Ты ел меня все эти годы...

Червaков. Хорошего и есть приятно.

Буслов *(бьет с маху кулаком об стол)*. Не шути ты этим, не шути...

Червaков. Громкий вы человек, Виктор Григорьевич. Непременно чем-нибудь тишину нарушите...

Буслов. Жизнь, Пашка, есть постоянное нарушение тишины. Ну, чего отворотился? Стыдно стало?

Червaков. Игру расстроили и шашки все раскидали! *(Шарит под столом.)* А солдатку я все-таки приведу. Эх, прямо хоть донос на вас пиши: бывший, мол, поп, а обучает грядущее поколение. Спичку-то хоть зажгите!

Буслов. В Унтиловске, Пашка, может пригодиться и бывший поп. *(Громко.)* Нянька, лампу.

Нянька *(трет глаза)*. Чего же это я с сапогами завалилась. И сны: все мотаю да мотаю шерсть...

Червaков. Шерсть, Пелагея Лукьянна, к счастью!

Нянька. К счастью... Кто ты там, к счастью-то говоришь?

Червaков. Да это я, Пелагея Лукьянна!

Нянька. Да кто же это ты?

Червaков. Да это я, Червaков, с почты. Вот, старая, все перезабыла...

Нянька. Во-о, точно ветром выдуло из головы. Ой, да это, никак, ты! Уйди, уйди, шиш на тебя... Сглазишь еще!

Червaков *(подползши совсем близко)*. Мой глаз, Пелагея Лукьянна, не может сглазить. Мой глаз добрый, потому что голубой...

Нянька. Все мутишь, все ползаешь. Гнал бы ты его, Витенька.

Буслов. Ничего... Хвак у меня подох, так пускай он заместо Хвака сидит. Ты, нянюшка, стол прибери да лампу зажги. Гости придут скоро...

Черваков. Гостей ждут, а вы, старушка, храпите и в ус не дуете. Марш на кухню!

Нянька. Не лай мене, я тебе не мать! Витенька, да какие же гости, среда ведь?..

Буслов. А кооператора-то пропиваем нынче; видать, забыла?

Нянька. Ой, Илюшу-то и забыла, забыла совсем. Голова-то с дырками, не держит уж ничего...

Черваков. Заштопать надо.

2

Нянька, уходя, сталкивается с Манюкиным, снимающим рваную шапку.

Манюкин. Доброго здоровья, прелестнейшая! Бонжур, дорогие товарищи. Что же все двери-то у вас нараспашку?

Буслов. Скрывать нечего, вот и нараспашку!

Черваков. Знаменитому вралю здешних мест и поверженному дворянину.

Манюкин. Не прилипайте, прошу вас. *(Раздеваясь.)* Граждане, Илья собирался сегодня пораньше в потребилке кончить. За ним еще сходить надо, а у вас ничего не готово.

Буслов. Как не готово? Бутылки в углу вон стоят. Пирог будет, оленины дареной кус... Все в порядке!

Манюкин. Ах, Виктор Григорьевич, во всяком деле красота нужна. Пушку и ту в завитушки наряжают, а тут человек женится. Уж я сам тогда... И прежде всего лампа. Пелагея Лукьянна, лампу!

3

Нянька. Лампу, лампу! Лампа не ты — завсегда брехать готов. Ее заправить нужно, керосину надо подлить, в лампу-то.

Манюкин. Очень хорошо. Прелестнейшая, поставьте ее покуда на окно, вот так. Теперь стол. Стол надо вот сюда. Ну-ка помогите...

Нянька. Пониже, пониже бери... доску оторвешь! Дай хоть пройти-то! Задавите вы меня совсем, окаянные, со столом-то...

4

Буслов. Теперь бутыли. Пашка, ставь бутыли на стол.

Манюкин. Да обождите вы с бутылками. Сперва лампу нарядить вот хотя бы абажурчиком. Ничтожнейшая вещь, а ведь способствует! Я, знаете, тоже абажур изобрел, особенного устройства, для ночных занятий. Хотел даже патент заявить...

Черваков. А гору Арарат не вы случайно выдумали?

Манюкин. Имел касанье, имел некоторое, но не прилипайте, прошу вас. *(Сдержанно.)* Я же могу оскорбить вас неподходящими словами!

Черваков. Сергей Аммоныч, я, конечно, понимаю: ваши предки отечество там спасали, а сами вы нынче ссыльный, сиречь этакое rien [1] с двумя нулями...

Буслов. Пашка, да перестань же, надоело. Сходи-ка вот за Редкозубовым. Да не рассказывай ему ничего, а сюрпризом.

Черваков. У меня варежек нет, Виктор Григорьевич.

Буслов. Вот чудак, не на руках же ты побежишь к Илье.

Черваков. Склизко, неблагоустроенно! Непременно упаду и проломлю себе голову. *(Пробегая мимо пианино.)* Пыли-то, пыли-то! Э, куда ни шло! Кстати, и солдатку приведу.

Буслов. Пашка, солдатку лучше в другой раз. Пашка...

Манюкин. Кажется, убежал.

5

Нянька *(вносящая тарелки)*. Да он уже убежал, вздился в рукава и убежал.

Буслов. Нянюшка, ты потише, уж больно гремишь. Ты вот лучше веток нарви, принеси.

Нянька. Чай, не подушками ворочаю. Опять перепьются, срамов наделают.

Манюкин. Чего это вы все ворчите, прелестнейшая?

---

[1] Ничего *(фр.)*.

Нянька. А вот и ворчу. Какие бог людям фамилии дает: Черваков — ведь это удавиться от такой. Как отцу-то не совестно было с таким фамилием детей рожать. *(Ушла.)*

6

Стены украшены ветвями, бутыль повязана бантом, на бутыль посажен бумажный чертик, стулья переставлены, и произведено всякое прочее украшение.

Манюкин. Тишина-то какая! Кричи, и не услышит никто.

Буслов. Тундра, Сергей Аммоныч!

Манюкин. Да, да! Вот пятьдесят четыре года существовал на земле, а и не догадывался, что место такое есть — Унтиловск. А ведь тоже люди живут, на двух ногах бегают...

Буслов. Все люди на земле земноногие.

Манюкин. Все приглядываюсь к вам, а разгадать не могу... Вы... простите назойливость мою... из священников?

Буслов. А что, не похож? Поп был, поп, а теперь так, просто Буслов. А что, слышали что-нибудь? Курите, Сергей Аммоныч!

Манюкин. Так, знаете, левым ушком уловил кое-что, а в правое не перепало ни даже ни одной вот такой чуточки. А табачку, если позволите, я щепоточку и с собой прихвачу. Люблю перед сном закурить. С барских времен укоренилась роскошеская привычка.

Буслов. Ну, какая же это роскошь!

Манюкин. Виктор Григорьевич, да из моего-то положения, вот, кусочек тепла — и то роскошь!

7

Нянька *(с блюдом)*. Ну что, право, за фамилие! Точно обидеть кто хотел. Прошение на высочайшее имя подать,— как тут подпишешься? Со стыда сгоришь.

Буслов. Нянюшка, да ведь теперь нет высочайших-то. Теперь и ты и я, вон даже стол — все высочайшие. Нижайших-то нету более!

Нянька. Ну, а нет нижайших, значит, и высочайших промеж вас нет. *(Ушла.)*

8

Буслов. Славная старуха, она меня жалеет... О, этот Черваков совсем бы меня одолел! Вот нынче солдатку приведет... Все вниз спихивает!

Манюкин. А его, стыдного человека, ручкой бы его, ручкой...

Буслов. Э, разве прогонишь гнилую воду из затонувшего корабля. Унтиловщина, милый друг! Весной — этакий шиш торчит из липких вод, и над шишом туман, а в тумане мы, город ссыльный и заброшенный. Потом лето, дым и гарь. Потом осень, топь и хлябь. Потом опять вот снега... Большое человеческое тепло нужно, чтоб растопить их. Там безумствуют, нового человека выдумывают, которому новые земли запахать... Мир пугают новыми словами, и какими словами! А тут житие! Чем грозней у них безумства, тем слаще унтиловский самогон. Там у них орел, а у нас решка, вот почему-с!

Манюкин. Но, позвольте, почему бы вам теперь-то отсюда не уехать. Тем более и супруга вас, кажется, покинула. Вам бы теперь на высоких степенях процветать. Вы ведь еще до революции были сюда присланы?

Буслов. В Африке слонов вот так же ловят. Подпиливают дерево, пальму там какую-нибудь... а когда слон приходит почесаться, дерево падает, и слон валится на колышки...

Голос Ионы *(из кухни)*: «Их ведь тоже в ямы ловят, слонов-то!»

9

Нянька. Там батюшка пришел.

Буслов. Чего ему... *(Кисловато.)* Пожалуйте, отец Иона!

Иона. В сугроб сейчас ввергнулся. Эка пакость, вся ряса мокрая. Выпивать, мошенники, собираетесь, а меня и не позвали. А я выследил да сам пришел. У меня все ваши новости вот тут сидят. И ведь небольшой кулачок...

Буслов. А ровно сыскное отделение!

Иона *(вырывая у няньки руку, которую та не успела доцеловать после благословения)*. Ну-ка, после доцелуешь! *(Буслову.)* Как же это вас понимать прикажете?

Буслов. Да очень обыкновенно.

Манюкин *(примирительно)*. Вот вечерок устраиваем в честь вашего будущего зятя.

Иона. Женить вас обоих, шельмецов. Ух, женю вот тебя! *(Неожиданно тычет пальцем Буслову в живот.)* Ишь отрастил, сидидом этакий!

Буслов. Помилосердствуйте, отец Иона. Стар я жениться, да и сбежала уже одна!

Иона. Ну, моя не сбежит. Камень, а не девушка. А что не молод, так ведь и Агничка моя выдержанная девушка, к тому же не настойчива... на все согласна.

Сели.

Хотя, конечно, девушке и любо об мущинские усы пощекотаться, а где их найдешь? Хоть за Семена, пономаря.

Буслов. Ну, на Илье-то вам повезло, отец Иона.

Манюкин. Прекрасный человек Илья!

Иона. Попрыгун да выдумщик. Все ему опыт подавай. Придет ему в голову опыт, он тебя и чкнет ночью в башку-то!

Манюкин. Это каждый чкнет, если его довести.

Иона. Одну-то выдам, а куда вторую — и ума не приложу. У меня ведь обеих Агничками. Сие законом не воспрещено, хоть бы и трех!

Буслов. А что, третью ждете?

Иона. Что ж, я еще в соку. Еще могу восхищаться красотой... *(Хитро, облизывая губы.)* Третьего дня ко мне жильцы новые приехали. Он-то так себе, опусканчик такой, а она — волнительная женщинка! Так, этово, волною морскою... и зашибает. Все хочу упросить, чтобы в хоре пела...

Манюкин. Тоже для красоты, значит?

Иона. Эх, язык-то у тебя вертихвостый какой! Вот за это вас и ссылают к нам. Хорошего человека не сошлют...

Буслов. Ну, вас уж, отец Иона, никуда не сошлют. *(Наливая.)* Вам полную, что ли?

Иона. Не скупись, голубок.

10

Черваков впихнул солдатку и снова скрылся за дверью.

Васка. Чего ж ты пихаешься-то, паскудень? *(Оглядывая комнату.)* Куды же это он завлек-то меня? А говорил — на именины. Который у вас хозяин-то?

М а н ю к и н. А вы, красавица, с Павлом Сергеичем, что ли?

В а с к а. Да вот Черваков-то, прыгает который. Ишь чем займаетесь, а я думала, и вправду. Ишь какие народы! Ну, чего уставились-то? И ради, что за погляд денег не берут.

11

Ч е р в а к о в *(входя наконец)*. Вы уж познакомились тут! Это вот и есть Васка, перл в девяносто шесть градусов.

В а с к а *(скромно)*. Васена, мужа на войне убили... в солдатах. Пожалуйста!

И о н а *(обходя)*. Ишь ты, круглая какая. Курочка!..

В а с к а. А ты поотступи, петушок. Великий пост ноне.

Ч е р в а к о в. А вы уж и пьете без меня. Эх, товарищи! *(Взглянул за дверь.)* Он, пришел, пришел... Ну, приготовьтеська, туш, туш ему. Сергей Аммоныч, возьмите поднос. Виктор Григорьевич, вам... Ну, вы уж там голосом, вот хором с Ваской, а вы, батюшка... что же бы вам такое дать? Эх, жаль!..

В а с к а. Пугать, что ль, хочешь?

Ч е р в а к о в. Нате вам, батюшка, вот это. *(Дает самоварную трубу.)* Ну-ка, посмотрим! Ого, усы вытирает. Усы-то, усы распушил...

И о н а *(вертя трубу)*. Что ж я с ней делать-то буду?

М а н ю к и н. Трубите, отец Иона, трубите...

И о н а. Насмешники... Сана не уважаете...

Кидает трубу, и в то же мгновение вваливается блистающий Р е д к о з у б о в.

12

Ч е р в а к о в *(дирижируя.)* Се-е же-них гря-де-ет...

И л ь я *(ошарашенно)*. Хга... Друзья, все друзья. Баба! Во, даже в голову вдарило. Трубой-то зачем же кидаться?

И о н а. Это не я, Илюша. Это все они подстроили.

Б у с л о в. Гряди, гряди. Давай обниму тебя, Илья.

И л ь я. Виктор, как я рад... Тестюшка!

И о н а. Ты полощи рот-то хоть солью, Илья. Нехорошо...

И л ь я. А что?

И о н а. А ничего. Жених ведь...

Илья. Ух, как я рад. Сергей Аммоныч!.. Паша, до слез, ей-богу! А это?

Черваков. А это Васка! Помнишь, я тебе рассказывал?

Васка. Все от вдовства моего. Мужа на войне убили...

Буслов. К столу, к столу. Манюкин, приглашай даму.

Манюкин. Дорогое ваше сиятельство!

Васка. Чего ж ты за руку-то мене тащишь, я и сама сяду. С ангелом-то кого поздравлять? Его, что ли?

Манюкин. Вот он, ваше сиятельство, жених нынче.

Васка. Жени-и-их... Есть ему, что ли, нечего?

Черваков. Нет, у него вот тут... *(Щелкает его по лбу.)*

Васка. А я думала, еще где... А вы ничего, веселые!

Буслов. Мы веселые. Мы, Васена.., такие. Да и ты, вижу, ничего. Статная, круглая...

Васка. Уж и разглядел?.. Может, замуж меня хочешь взять?

Иона *(скрипуче)*. Виктор Григорьевич, вы на скатерть льете!

Илья. Пустяки, солью посыпать... соль вытравит.

Васка. Ну, мою никакая соль не вытравит!

Черваков. Ну, Виктор, буйный ветер, хороша?

Буслов. Эх, Пашка, Пашка!..

Манюкин. Здоровье жениха и за его житейскую исправность!

Илья *(вскакивая)*. Друзья, дозвольте слово. Друзья, вечность мчится промеж нас каждый миг и каждый час!

Смех.

А что, смешно? Это я сейчас сам выдумал. Мне самому смешно.

Выпили.

Иона. Погодка-то нынче!

Манюкин. Погода погоде рознь. А снежок я люблю. Восстанавливает к жизни...

Илья. Клюквы давеча новой в потребиловку привезли. Очень хороша, слаще сахару...

Буслов. После первого мороза она всегда словно бы с сахарком. Ты, ваше сиятельство, что же не пьешь?

Васка. Мы завсегда при этом. Еще подпоите!.. Клюква, говоришь, хороша? Ты пришли ко мне пудик, я попробую.

Манюкин. Виктор Григорьевич, разрешите отсесть. Она мне все в бок да в бок...

Васка. А я думала, развлечение тебе, раз баба ластится.

Манюкин. Баба-то не по мужику.

Червaков. Желаю произнести... Дорогие друзья! Там, где мирно ходила всероссийская соха... Нет, я лучше покороче. Унтиловск проспал все это буйное и героическое время...

Илья. Ура!

Иона. Не вопи, не вопи, не время еще.

Червaков. Но и в Унтиловске выдвинулись замечательные личности. Я имею в виду жену погибшего героя, а именно вот ее, Васку.

Васка. До чего уж хитер! Да брось растекаться-то. Я и так тебя знаю.

Червaков. Погоди! Вино и елей были запрещены во всероссийском масштабе, и тогда Васка пошла на помощь тоскующим единоплеменникам. Прадедовское уменье умудрилось опытом последних лет! Уж теперь никакие гобарзаки и рейнвейны не сравнятся с Васкиными изделиями. А в случае вторичного напора густая унтиловская бражка бурно, как половодная река, выйдет из берегов, заливая города и веси обширной нашей страны. Мой тост за нее, румянолицую и пышноплечую, оборотную сторону великой нашей эпохи!

Буслов. Злой ты человек, Пашка!

Манюкин. Хорошо еще, никто не слышал. Такое бы подумали.

Васка. А что подумали бы? Меня-то похвалил? А разве я плохая, а?

Буслов. Ну, что ж, давай, и я тоже тост... *(Встал.)* Илья!

Иона. Илья!

Илья *(Ионе, морщась от смеха)*. Ей-богу же, ну раз она щиплется!..

Буслов. Илья, к тебе обращаюсь! Слушай меня, Илья. Я говорить не мастер, но вот прими то, что умею. Как мороз обжигает листву и, мертвая, она осыпается на похолодевшую землю, так же вот и женитьба опаляет прекрасную дружбу.

Общее оживление.

Ты женишься, и славно делаешь, Илья. Ты молод, как хороший...

Червaков. И животрепещущий...

Буслов. Как молодой кит! А в молодости самое главное в жизни — это, брат, определить, на что ты годен. Иной, скажем, выращивает финики. Другой — убивает королей. Третий... просто так, фигурирует в жизни. Я говорю: женись, Илья, рожай ильят и славь меня, пропащего Буслова, за добрый совет. И еще клянись нам — никогда не заболеть напрасною мечтою...

Илья. Да, клянусь. Что скажешь, то и сделаю! А только ведь я ничего не понял. Жениться мне или нет?

Васка. Я и то поняла! Ты, говорит, кит — будешь убивать королей!

Манюкин. Да, конечно же, женитесь. Женитесь, и побегут от вас сынки... А от сынков еще сынки... и еще. Эх, целое племя в вас сидит, озорное, веселое племя, а вы и не чувствуете.

Илья. Нет, уж это я чувствую!

Смех.

Манюкин. Ну что ж, соврать вам что-нибудь?

Иона. Проповедь бы мне написали. Уж сколько дён прошу.

Манюкин. Языком действительно владею, а к бумаге у меня дара нет. Ну, про что же вам такое? Как я Александра Третьего отшлепал, рассказывал я вам? Гм, а как я всю Южную Америку в карты проиграл, тоже рассказывал? Вы чему смеетесь, отец Иона? История трагическая!..

Иона. Да как же не смеяться? Вот сейчас нагородит врак!..

Манюкин *(разливая по кружкам)*. Ну так вот! Заезжаю я раз к Баламут-Потоцкому. Лето, гроза шла. Сидит он этак на терраске в неглиже, слизывает пенки с варенья, раскладывает пасьянс. Ну, чмокнулись мы с ним! Я-то его в грудку, а он меня вот куда-то сюда! Огромнейшего роста человек! Его потом солдаты укокали.

Илья. До товарищей, значит, было?

Манюкин. Эге! «Распросиятельство, говорю, что это рисунок лица у тебя какой-то синий?» — «Да вот, говорит, беда! Лошадь купил, кобылу, завода Корибут-Дашкевича. Верх совершенства, девяносто верст в час...» — «А масть? — спрашиваю. — Масти какой?» — «Малиновой,— отвечает. — Цвета прелой малины». Я так и обомлел. «Как звать?» — кричу. «Грибунди, отвечает, Грибунди! Дочь знаменитого киргиза Букея, который, помнишь, на всемирной выставке скакал в Лондоне?

Семь кубков за красоту, а медалей... Медали потом пароходами доставляли!» — «В чем же беда, спрашиваю, садовая твоя голова?» — «Да вот, говорит, шесть воскресений усмиряем. В санях объезжать пробовали — съела!! Упряжку и сани — словно овсеца торбочку!» Меня так в жар и бросает. «Барабан ты, граф, говорю, право, барабан. Гляди мне в лицо. Я целый месяц не спал, а вчера сел за стол, да и проиграл три миллиона...»

Илья. Золотом?

Манюкин. Золотом!

Буслов. А пробы какой?

Манюкин. Пятьдесят шестой, не подкопаетесь!.. «Шесть, кричу, миллионов золотом, а разве я плачу? А ты уж и от кобылы сдрюпился. Да ты сам-то попробовал бы!..» А он только глаза в ответ заводит: «Куды мне!.. Она двух жокеев вчера к чертовой матери отправила... корейцу Андокуте руку сгрызла, а Василию Ефетову — помнишь, великана? — брюхо вырвала! А я, говорит, все-таки член Государственного совета!» — «Зубами?» — спрашиваю. «Зубами, отвечает, вдребезги!!» А надо вам сказать, я с тринадцати лет... этово... обожал красивых лошадей и резвых женщин! Тут меня и забрало, тут уж и разгулялся я. Меня хлебом не корми, а дай усмирить бешеную кобылу. «Давай его! — кричу и пальцем ему все в нос щелкаю. — Давай его сюда, Буцефала твоего! Я ему, четырехногому, зададу перцу!» Тот отговаривать: «Седел нет... в починке!» Жену позвал: «Маша, говорит, посмотри на идиёта: хочет Грибунди усмирять». Та в обморок! Перешагнул я через нее, пена из меня, как из бутылки. Ну, ведут меня под уздцы... э, черт, под руки, чтоб не сбежал! Народу — синедрион, а дело было в Веневской губернии, место равнинное.

Черваков. Да такой и губернии-то нету, Сергей Аммоныч!

Манюкин. Э, большевики потом переименовали. Там еще вот так вал татарский идет, а этак, к сторонке, кусок Соликамского озера досыхает. Выводят ко мне Грибунди, на арканах... Глаза мешковиной обвязаны, а меня чует, дрянь, ржет. Освирепел я вконец. «Поставь, хриплю, хряпкой ко мне». Поставили. «Подвязывай подушку чересседельником!» Подвязали. «Сдергивай мешковину!» Сдернули. Эх, думаю, Манюкин, пропадай твоя земная красота! Перекрестился я... этово, на образ матери, который постоянно ношу в душе... да как прыгну на нее! И платочком, помнится, помахал.

Васка. Брюхо-то в чулане, что ли, оставил?

Ч е р в а к о в. Налейте ему, вишь, заходится!

Б у с л о в. Выпей, выпей... Укротитель!

М а н ю к и н. Даю шенкеля — ни с места. Сижу, ровно собака на заборе. Хлыста даю — тормошится, ровно старый осел. Всеобщий смех! Тут как она... *(в отчаянии)* как она прыганет через сарай да шесть раз в воздухе и перекувырнулась! Подушка отвязалась, чересседельник по ногам ее бьет. Беру на повода, хлещу арапником — никакого впечатления. Уши заложила, морду окрысила, хребтом так и поддает. Хм, этак она тебя, думаю, Сергей Манюкин, и без потомства оставит! Намотал уздечку на руку,— деготь, знаете, даже на лайковую перчатку оттекать стал. Ломаю ей правую шею — rien. Левую ломаю — rien. А знавал я жары. Как я на одном ипподроме Забастовщика ломал, семнадцать тысяч в восторг привел! Эдуард Седьмой усыновить хотел, да я отбрыкнулся: еще подстрелит анархист какой-нибудь... Закусила скотинка удила и прямо на овец: там как раз стадо паслось! Как копытом ударит, так овца вдребезги, и потом жалкое блеяние это... До слез растрогался!! Тут как она меня об телеграфный столб...

В а с к а. Туда-то с платочком, а оттуда небось полпуда в весе потерял!

М а н ю к и н. Полбашки вдребезги. Коллодием заливать было нечего.

И о н а. А ну-ка, пощупай ему нос, Илья. Говорят, кто хорошо врет, у того нос гнется. Как же она прыгала у тебя: ведь не блоха?

В а с к а. Блоха не прыгает, она сигает.

И о н а. Все равно, кобыла не может сигать.

Б у с л о в. Да ведь это, отец Иона, черт был, малиновой масти!

И о н а. Странные вы люди, Виктор Григорьевич. Не можете веселиться без нечистой силы. Который раз спускаете е г о с уст своих, а промежду прочим принимаете пищу. А он, может, сидит в уголку да и ждет, когда его покличут...

В а с к а *(оглядываясь)*. Ну, уж до чертей договорились. Как языки-то не вспотеют...

Ч е р в а к о в. А ведь и вправду, иной раз точно в волшебном фонаре живешь, до того смешно. Со мной недавно случилось...

Легкий шум и голоса на кухне. Буслов прислушивается, теряясь в движениях и меняясь в лице.

Итак, просыпаюсь намедни, чиркнул спичку... И даже звук у меня из горла вырвался. Сидит возле меня на стуле настоящий скелет.

Илья *(захлебываясь от смеха)*. Да ну тебя, ну тебя...

Черваков. Ты погоди руками-то махать! Сидит, вместо глаз дырочки, платочком повязан, и даже ушки поверх черепушки торчат! И в добавление ко всему — в мужских ботиках...

Манюкин *(беспокойно)*. Тут уж спичка догореть должна!..

Черваков *(ехидно)*. Как догорела, я тогда огарочек зажег! «Ты что?» — спрашиваю. «Давай, говорит, сыграем в шашки!» — «Так ведь ты ж, говорю, покойник... Ты ж, говорю, костяной!.. Ты имеешь скорее сходство с пуговицей, нежели с живым человеком. С тебя и взять-то нечего!» — «Ботики!» — говорит, а сам дырочку прищурил и смотрит в меня дырочкой...

Васка. Я теперь одна и домой не пойду. До покойников доехали.

Илья *(хохоча)*. Ой, ой, помру сейчас!!

Буслов *(грузно вставая и все еще прислушиваясь)*. Стоп, стоп, я вам сказал. Я... я вам такое сейчас совру, складней всех... Вот, вот соберусь. Ну, слушайте... Илья, не скалься. Не велю.

Илья. Да ну тебя, ну тебя... *(Червакову.)* Скелет, говоришь? Да ну тебя...

Буслов. Илья! Вот допью... *(Сразу охмелев.)* Вы — мелочь. Кто вы? Сутулое племя, унтиловцы. А я... вот он я, я — еще живой человек! Жил в Питере поп, с католическим пошибом был: в бога верил и ходил украдкой на футбол смотреть. Раз выходит от Исакия... митрополичья служба, давка, красные рожи прут. И барышню в дверях сдавили. Он вытащил ее, она говорит: «Мерси». Ну тут как-то скоро и поженились они. Манюкин, нравится тебе начало?

Манюкин. Я б не так... Он бы, скажем, из пожара вытащил ее, и все волосы на нем обгорели. Вот за обезображенность-то она бы его и полюбила.

Буслов. Ну, в жизни таких пожаров не бывает... А жил человек в Италии, который любил делать скрипки. Амати его звали. Андрей Амати, понятно? Он делал скрипки тонкие и чистого звука. Так вот, она была как скрипка Амати. И звали ее — Раиса. Пашка, повтори!

Черваков *(потирая руки)*. Раиса Сергеевна...

Иона. Эге, дело напрямки пошло!

Манюкин. Молчите, молчите...

Буслов. Поп этот был... Э, он был сильный мужик. Ему бы пни корчевать, а он кончал духовную академию. И тут убили одну отъевшуюся дрянь: не то адъютант величества, не то... Все равно,— гадину никакими златыми эполетами не прикроешь. Так вот поп этот отслужил панихиду по студентике. По убийце, понятно?.. И приглашение послал всему синклиту. Первоприсутствующему в том числе.

Иона. Во, смелость! Даже в спине зачесалось.

Буслов. Ну ясно, синод взыграл... как четыре маленьких собачки. *(Громче.)* Ну ясно, расстригли попа. Поп пошел к архиерею объясняться... Плешивый старичок, слыл за утопическую доброту! О, он еще верил в бога, этот дурашливый поп. Они говорили о смирении, и плешивый сказал: «Если вселенские патриархи прикажут сжечь Евангелие — сожгу». Тогда я плюнул ему в бороду и сказал: «Вытри, хочу еще раз плюнуть...» *(Утеряв равновесие, Буслов ударяет рукой по тарелке, и вся подливка остается у него на одежде и в бороде. Отстранив друзей, он продолжает.)* Старик был добр, но на попа донес. Тогда попа сослали не в монастырь, нет, а в эдакую зубную червоточину, в Унтиловск, на пожрание дрянью сослали его.

Иона. Кто бы это мог быть? Вот загадал загадку...

Буслов. Раиса бросила консерваторию и поехала с ним... своею нежной лаской приукрашать его безрадостные дни. Ну, что ж, обучилась печь пироги, запекать оленину в сухарях... а скрипка-то играла все слабей, точно повисела в сырости. Поп со ссыльными не сходился, но однажды пришел один за книжкой и остался на пирожки. С тех пор звали мы его просто Гугой и ели пирожки втроем. Я дрова уходил колоть, пока он ей там расписывал, каким манером должен мир процвесть. Чудак, сам даже угля тлеющего не имея, пытался весь мир зажечь! Жук, ублюдок жука, такие в мебели живут, с усами!!! Эх, не скалься, Илья! Тут про жизнь человека идет... Не скалься...

Манюкин *(в ужасе)*. Так ведь вы это про себя рассказываете!

Буслов. И вдруг ей надоело печь пирожки, сидели без пирожков. А раз вечер был, она сидела у меня на коленях. Я нянчил ее, строил ей козу-дерезу. Вдруг она говорит и глазами в меня смотрит: «Какие чудные сны, Витя, бывают. Зна-

ешь, мне приснилось, будто я с Гугой...» В окне снег шел; я спросил ее: «И что ж, приятно тебе было?» — «Представь себе, да!» — говорит.

Васка. Дрянь какая!

Червяков. Довольно, Виктор Григорьевич! Уж и так далеко.

Буслов *(шатко переходит к пианино)*. Они сидели, сговаривались, а я вот так подбирал чижика одним пальцем... Вы — мелочь, вот я ковыряю вас словами, и вы безмолвствуете? Васка, поди обними меня... Пожалей, Васка, Виктора Буслова!

Васка. Пропащая я, что ли, на людях-то. Погоди, пожалею ужо. Да вытрись ты, уймись!

Буслов *(с маху бьет по клавишам)*. Шесть лет стоишь, молчишь?!

Манюкин. Все струны к черту.

Илья. Воды, воды!..

Васка. Ну, уж тут водой не затушишь.

13

Все стоят, сидит один Буслов. Червяков выжидательно улыбается. Никто, кроме Буслова, не замечает появления няньки.

Нянька. Витечка! Ох, старым глазам только бы плакать. Витечка, ведь Рая приехала!.. Набуздался! Раечка, погляди, какой стал. Пойди сюда, Раечка.

14

Раиса в дверях.

Манюкин. Скандал! Она же все слышала...

Васка. Пускай, барин, пускай, пускай все слышит!

Червяков. Васена, просят тишины! Представление начинается.

Иона. Голубушка моя. А мы-то чревоугодничаем тут. Да как же вас собаки-то не загрызли. Полно у нас собак. Иные по семь штук держат. Прихожанку намедни одну, старушку... Да входите же. Дозвольте шубку?

Илья. Запахните рясу, у вас оттуда что-то белое лезет.

Иона. Вот праздник счастья! Знакомьтеся, знакомьтеся: это Паша Червяков, головастый человек, мыслитель. У нас как годик поживут, так сразу и в мыслители! А это Витенька, ма-

кедонский буян, не во благообразии. А это зятек Илюша... шаркни ножкой. Потребилкой заведует, двадцатого июля именины празднует.

Илья *(манерно)*. Редкозубов, из Курску родом.

Иона. А это смешной человек Манюкин. А это... *(Васке.)* Уж как и назвать тебя, не знаю. Спрячься... Али еще лучше,— ступай вон, голубушка!

Буслов. Эй, не гони ее. Она — званая гостья.

Васка. Да нет уж, петушок, я, пожалуй, останусь. С самого веселья гонишь.

Раиса. Я очень растеряна... Я не знала, что попаду так не вовремя. Но я ненадолго. Я уйду скоро.

Илья. Нет, зачем же? Мы вот и дверки прикроем.

Васка. Посиди, погляди, барынька.

Нянька. Раечка, не уходи. Посиди с ним, Раечка! Только тебя одну и поминал тут.

Раиса. Ну, здравствуйте, здравствуйте. *(Перешла к Буслову.)* Ну, здравствуй, Витя. Вот мы и опять свиделись с тобой.

Нянька. Да встань, встань... Ровно пришитый сидишь.

Раиса. Ты не рад меня видеть, Витя? Или ты не видишь меня?

Черваков. Рад, сударыня. Ей-богу, рад. Посмотрите, с лицом-то что выделывает, точно на гармошке играет!

Раиса. Зачем ты молчишь?.. Ты знал, что я слушаю тебя, Витя?.. Что с ним?

Нянька *(просовываясь между ними, плача)*. Старенькие... Совсем мы старички стали. Собачку-то помнишь, Раечка? Хвачок, которого Витечка плясать-то учил? Помер, помер Хвачок. Лег в уголке на половичок и помер... Витечка, опомнись, ведь это Раечка! Раскрой глазики, вот тут она стоит живая...

Васка. Встань, парень. Погляди, какая стоит!

Буслов *(силясь встать)*. Ну, здравствуй... Я, видишь, пьян. Но это ничего не значит. И все... разумею. У меня только ноги...

Илья *(хмуро)*. Это действительно, у него хмель рассудка не отшибает.

Буслов. Постой, как же это все случилось?.. У меня в голове неясно, пр-прости, видишь... Как ты попала? У меня гости... друзья... Ембаргирьгирьгам!!

Черваков. Сергей Аммоныч, спасайте же положение!

Манюкин. Да, придется... Мадам! Имя ваше, извиняюсь, уже упоминалось прискорбно... в нелепом этом сборище... но... простите великодушно, забыл. Хотя и существую, но после революции напоминаю решето...

Раиса. Вы тоже друг Виктора?

Манюкин. Не удостоен. Я — Манюкин просто. В прежние времена звания мои не умещались на визитной карточке... *(Червакову.)* Да не дергайте же меня, он и так весь прштопан. А теперь вовсе не имею визитных: как-то помещать нечего. Ничего не осталось! Смейтесь на здоровье. Смех способствует...

Черваков. ...пищеварению!

Манюкин. Не пищеварению, стыдный вы человек, а примирению. Вот этот человек — жених. Подарите ему одну улыбку вместо поздравительного букета.

Раиса *(Илье)*. Вы?

Илья. Я.

Иона. К столу ее! К столу. Наливайте, Сергей Аммоныч...

Васка. Ты мне-то не наливай. Вон ей налей, она с мороза, озябла поди... ишь зубки-то стучат!

Манюкин. Виктор Григорьевич, унтиловочки налить? Эх, уж больно происшествьице-то торжественное. Желаю тост... Закройте дверь, дует! Откровенность... *(Чихает.)* Извиняюсь, сорвалось: волнуюсь... Откровенность всегда была украшением истого славянина. Сколько раз мы открывались всякому, кто только не признавался нам сразу, что он прохвост. Э, виноват! Я, кажется, не туда заехал? О славянин Виктор Буслов, мы любим и ласкаем тебя. Мы рады присутствовать при возвращении твоей жены, разрываемой поздним, но плодотворным раскаянием на части. То случилось раннею порой, когда бушует ветреная младость, коей и незрелые плоды слаще сладких плодов осени. Бушуй, младость, бушуй!.. К тому же непорочная-то любовь — всегда непрочная, а с изъянцем крепче, как говаривал, бывало, Васька Пылеев, друг давней юности. Раз приходит он ко мне под вечер...

Раиса. Мне стыдно перебивать вас... но... я приехала в Унтиловск с мужем. Видите ли, он — ссыльный... А сюда я пришла помириться с тобой, Витя!

За стеной смутное, полуслышное пение.

(Прислушивается.) Поют, и здесь поют!.. *(С отчаянием.)* Да что же вы все молчите? Какой ты страшный стал, Витя...

Васка. Тебе страшно?.. А не совестно тебе?.. Эх, барынька!

Манюкин. Вот это называется обмишулиться!

Буслов встал и пошел к выходу.

Раиса. Витя, куда же ты?.. Что с тобой, Витя?

Манюкин. Чрезмерно страдает, мадам...

Черваков. ...от переполнения желудка!

Буслов *(гневно обернувшись)*. Ах, ты...

Васка *(заступая Червакова)*. Не тронь его. По телу и удар! Ты его тронешь, так что от него останется? Ударь меня, коли душа требует, а я тебе отвечу.

Буслов. Васка, пусти... не загораживай, Васка: душа болит. Ломит ее, Васка!..

Васка. От силы ломит!.. Ну, чего вытаращился? Шесть лет силу копил, да хочешь ее за один час вымотать? Эх, парень... глу-упай!

Черваков. Виктор Григорьевич, дозвольте вылезть. С языка сорвалось...

Буслов. Так вот ты какая...

Васка. Какая же я?

Буслов. А вот такая.

Раиса *(растерянно)*. У вас сегодня мальчишник, значит? Так вы простите, что я так... ворвалась к вам. *(Уходит.)*

15

Нянька *(с самоваром)*. Вот и самоварчик тем временем поспел. Да куда же ты, Раечка, Раечка?!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Обиталище Редкозубова: скучная кривоватая пустота. Увеличенные фотографии на стене — бородатого человека и его жены — висят боком. Ломберный стол боком. Стулья тоже боком. Даже самые стены куда-то наклонены. На стене гитара, обряженная бантами. Над уже убранным столом, где неистовствуют закуски и другие земные дары местного происхождения, в мрачном раздумье — Аполлос.

1

Аполлос. Хм, а это едят? *(Ест.)* Едят. А это? Тоже едят. *(Наливает и пьет.)* Цвет-то какой чудной, триковый! Так-с, очень хорошо. Вот тут сиди и жди, пока придет. Чего же это мне не сидится? Сиди, выпивай, закусывай... и никто тебе не препятствует. Даже наоборот. *(Достал губную гармонику.)* А ну-ка?.. Ничего, действует. Ба, а это что такое? Хм, тоже едят. Рыба! Рыба? Да, рыба. *(Вырывает кусками, жует.)* А какая рыба? Налим... Илья в приезжую влюбился. Дурак, сам себе беспокойство устраивает. Лучше бы спать лег. Чего ж это мне есть-то хочется? Ведь не голодный! А тут? Грибки. Ну, мы и грибков. Вот, черт, ни гостей, ни хозяина. И табаку нет. *(У окна.)* Снег идет, не обильный, но идет снег. Комсомольцы на лыжах едут. Все едут. А куда едут — неизвестно. У Капукариных огонь зажгли, зажгли-и-и, огонь зажгли. *(Кому-то кланяется.)* Очень приятно! Да, это я, я... Ух, так и поддал бы ногой кошку, попадись мне кошка. Черт, и портрет косо висит. *(Пробует поправить, но тот срывается, звенит стекло.)*

2

Илья. Ах, Аполлос, ты уже тут? А я, брат, нынче в потребилке... Постой, ты что же родителя моего по полу-то мутозишь?

Аполлос. Сорвался. Я иду, а он ка-ак сорвется. Так во мне все и упало.

Илья. Как же сорвался? И шнурок крепкий, и крюк на месте. Чего же ему не висится-то?

Аполлос. Ка-ак сорвется... Я уж думал, на меня,— еле отскочил. Два часа тебя дожидаю, даже в дремоту вдарило. Я и хотел тут прилечь, а он ка-ак...

Илья. Так я ведь тебя к восьми звал?

Аполлос. Ну, значит, я ошибся. Я в шесть пришел. Ты чего стонешь-то?

Илья *(вешая портрет)*. Эх, теперь мухи засидят. Вот так нарочно все лицо родителю и засидят. Они чуют, так на самый лик и гадят. Ну, ладно! Вот еще причесаться... Здорово я растрепан?

Аполлос. Нет... Ну-ка, дай мне гребеночку! *(Причесываясь.)* Я ведь когда-то невесте твоей очень нравился. «Ты, говорит, Аполлос,— сущий лев». А мне смешно: ну какой я лев, я и на тигра-то не очень похож. Слушай, уж больно ты на стол-то навалил. И не перепробуешь всего, только расстроишься.

Илья. Так ведь из потребилки. Сколько съедят, столько и ладно. А остальное назад снесу. Что ж ты и не спросишь, отчего я горячий нынче такой?

Аполлос. Сам скажешь.

Илья. Все только жуешь бесчувственно. Если б ты только знал, кто у меня будет сегодня. *(Всматриваясь.)* Чего же смеешься-то?

Аполлос. Да как же, у тебя нос кривой!

Илья. Всегда у тебя какая-нибудь дрянь на языке, Аполлос. Посто-ой, кто ж это у рыбы бок-то выел?

Аполлос. У этой? У этой — я.

Илья. Ну, братец.... Пришел и вытворяешь тут. Как же я гостям-то предложу. И главное, по самой середине.

Аполлос. Ты в это место моченый яблок всунь.

Илья. Ишь ведь как ты ее измял. Эх, Аполлос, чужда тебе поэзия! Ну, я теперь ключ от тебя прятать буду. Ты знаешь, какой у меня решительный день нынче? Я им нынче такое

объявлю: с ног повалятся. Свету, брат, жажду. Горения хочу... Ах, да, кстати, есть ли в лампе керосин? Ничего, хватит. Мотайся тут из потребилки домой, из дому в потребилку. И хочется чего-то, а чего — и сам не знаю.

Аполлос. Чего ж тебе хочется, ведь женишься. Девушка, откровенно тебе скажу, замечательная.

Илья. А ты на опыте, что ль, узнал? Послушай, Аполлос, зачем же ты рукой-то? Ведь там же вилка есть!

Аполлос. Вилка гриб портит.

Илья. Разве ж это жизнь? Праведники — и те слаще жили. Вот брошу все и уеду с ней в теплые края!

Аполлос. Угодники-то, они все больше под старость, а в молодости-то праведник без греха — все одно что пеклеванник без изюму. Черт, может, и я еще угодник буду? Человек я тихий, приятный человек. *(Помолчав.)* А у тебя тут муха. Выкинуть ее? *(Еще помолчав.)* В которую сторону теплые-то края?

Илья. Вон в ту, должно быть. Там, через горы только перевалишь, так они друг за дружкой и пойдут.

Аполлос *(выглянув в окно)*. Ничего не видать.

Илья. Вот дубина. Так ведь до них тыщи две верст. Ведь если их полным бегом бежать, день и ночь, верст, скажем, по шесть...

Аполлос. По шесть не убежишь.

Илья. Нет, ты помолчи... Так тогда придется... *(Подсчитывает на клочке.)* Два в уме, три в остатке... Вот чудно выходит. Всего две недели получается. А мне-то казалось, года четыре бежать надо. О, даже от души отлегло.

Аполлос. Опять ты его криво повесил, старика-то своего. Поправить?

3

Черваков с флюсной повязкой.

Илья. Вот ты человек ученый, Паша. Скажи, в теплые края ехать, надо ли через горы переваливать, высокие там горы? Ого, как тебя разнесло. Ты, Паша, ешь больше: к толстым боль не пристает!

Черваков. Вот ты и ешь много, а толку мало.

Аполлос. У них порода такая. Чем больше едят, тем все хуже.

Илья. Семь, да пять, да четыре... Ого, за год-то, оказывается, всю землю можно обежать! Фу ты, какая тесная! Ну, что у тебя, Паша?

Черваков. Зуб. Нет ли у тебя чего-нибудь положить?

Илья. Ну-ка, покажись к свету. Корешок или дупло?

Черваков. Поосторожней. Не за ногу держишь, а за голову.

Аполлос. Зуб, так тащить надо. У Ионы пономарь веревочкой рвет. Даже смешно, до чего незаметно действует.

Илья. Придется... Дай-ка, Аполлос, с окна чего-нибудь железненького. Да нет, я сказал — на окне, а ты в шкаф лезешь. Нашел?

Аполлос. Вот тут щипцы сахарные есть.

Илья. Давай... И сам иди, подержишь. Ну, Паша, за коленки свои возьмись и гляди в сторону, а то еще с руки собьешь!

Черваков. Э-э-э. Никак, прошло. *(Отходит в угол.)* Так я и дался вам. Вы мне вдвоем-то и голову отвернете!

Звонок.

Илья. Ну, сам виноват. Давно бы уж и вылечил. Вот тоже прутся раньше времени.

4

Иона с матушкой и приплодом, парами, голова в голову.

Иона. Вот и мы пришли. Здравствуйте.

Матушка. Вот и мы, здравствуйте.

Две Агнии *(хором)*. Здравствуйте!..

Иона. Паша, какой вид!

Черваков. Дамская грудь вознамерилась на щеке вырасти.

Матушка. Поп, не связывайся с ним! *(Аполлосу.)* Что-то лицо твое мне знакомо?

Аполлос. Ежели в колоде всего пяток карт, ни одну шестерку невозможно утерять из памяти.

Матушка. Приятный человек.

Иона. Женить его, вертуна!

Аполлос. Премного благодарен. Самому жрать нечего.

Матушка. Ничего. А то помрешь, и на могилку некому будет прийти. *(Илье.)* Ты с невестой-то поговори, побалуйся, а мы отвернемся.

Илья. Успею еще. Потерплю.

Иона. Матушка-то говорит, как венчаться будешь, не забыть церкву-то красными флагами убрать. А то, не ровен час, со службы сгонят. Доказывай потом, что в бога не веруешь. Умная женщина — руль корабля.

Черваков. На руль похоже...

Илья. Ну, я извиняюсь, там кто-то пришел.

Иона *(придерживая)*. Никого там нету. Все удрать норовишь.

Илья. Пустите мою руку, мне надо идти...

Матушка. Своеволен ты стал, Илюша. Ты, поп, не пугай его до времени.

Аполлос. Ничего, пуганый-то смирнее! *(Агнии с укором.)* Вот замуж выходите!

Агния 1-я. Ну и выхожу, а вам что?

Аполлос *(срывая ботики с Агнии и что-то пожевывая)*. Я, конечно, ничего. Мне как-то даже и нескромно про свои сердечные раны говорить. К тому же без места я. *(Пожимая плечами.)* Только и имею, можно сказать, пачпорт да маменьку.

Матушка. Не вздыхай, еще вторая осталась! *(Вторая потупляется.)* Агничка... Нет, я не тебе!.. Ступай поставь, девочка, самовар, хозяйствуй — привыкай.

Аполлос. Тогда и я с вами. Можно? *(Облизываясь.)* Страсть люблю самовары ставить.

Ушли.

Матушка. Поп, ты попригляди... как бы не тово... *(Замечает черваковскую усмешку.)* Как бы пожара не наделали. Ну, чего ты лезешь, поднюхиваешь? Ишь рожу-то обвязал.

Черваков. У меня зуб раздулся.

Агния 2-я. Зуб не может раздуться. Он же костяной!

Матушка. Молчи! На зуб-то хорошо табаку положить да пожевать.

Черваков. Ну и жуйте, хоть всем семейством!

Матушка. И жую, когда болят. Цельные дни жую. Кому что положено... А у меня вот глаз скрипит.

Черваков. Ну, вы меня обманываете! Как же это он может скрипеть?

Агния 2-я. Глаз, маменька, не может скрипеть.

Матушка. Молчи, девка! Прямо беда, как закрою один, а другой... *(Ионе.)* Ты чего раззевался-то? Точно в алтаре своем стоишь!

Иона. Ах, мать! Каб он у тебя раз в год скрипел.

Звонок. Илья бежит в прихожую.

Черваков. Новая-то жилица у вас живет?

Агния 2-я. Так она же совсем старая. Под глазами-то точно боронили!

Матушка. И живет, любопытного-то мало. Ругаются круглые сутки. Из дому она его гонит!..

Агния 2-я. Без копейки сидят. Точно нищие какие...

Черваков. Илья даве интересовался... Тут уж никакой табак не поможет!

Матушка напугана.

5

Пришли Буслов и Манюкин в сопровождении Ильи.

Манюкин. О чем же вы говорили с ней? Мужа-то ее видали?

Илья. Да обо всем. О красоте мужской, о картинах. Два часа у них просидел!

Буслов. Да ты, никак, надушился, Илья?..

Илья. Ради создателя!.. *(Вертясь около них.)* Гуга-то мне все жаловался! Сколько, говорит, я времени потратил на тюрьмы, и опять теперь в исходное положение. Этот, говорит, народ, которого мы величали богоносцем... разрешился от бремени: большевика родил. Сердитый! Только уж на жука-то он мало похож.

Буслов *(внимательно выслушав).* А, Паша! Я зла не помню, здравствуй. Пухнешь все от неутоленной злобы?

Черваков. Распухнешь тут.

Илья. Да... и промеж них точно река холодная! Ни ее вброд, ни ее вплавь. *(Передразнивая.)* «Раиса, сходи, голубчик, к Буслову, попроси денег. Честный человек не допустит нужды у ближнего...» Я так и фыркнул!

Вошли Агния и Аполлос с самоваром. Оба смущены чем-то.

А г н и я 1-я. Илюша, там самовар поспел. Куда поставить-то?

И л ь я. Как поспел? Кто же поставил-то его?

А г н и я 1-я *(кокетливо).* Я и поставила. Я на лучинках, быстро.

А п о л л о с. А я как начал раздувать, как начал его... сапогом...

И л ь я. Кто же просил-то вас? Ведь вы же в гости пришли. Ах, какая неловкость! Ой, да что же это такое? *(В ужасе летит к гардеробу. Наклонясь над матушкой, которая копается в ящике с бельем.)* Это... это, извиняюсь, вы чего же тут?

М а т у ш к а. Вот, белье с Агничкой разбираем. Да ты чего выпятился-то, как Мазепа? Украдем, что ли!

И л ь я. Не то чтобы украсть, а только... Ведь это мое белье, это я его ношу.

М а т у ш к а. Знаем, что не тетка! Ишь длинные какие. Вот захватим домой, поштопаем.

А г н и я 1-я. Я с огромным удовольствием, Илюша.

И л ь я. Да нельзя же, эх... Такое время! Я гостей жду, а вы тут... Аполлос, да помоги же мне!

А п о л л о с. Отнять, что ли?

М а т у ш к а. Я тебе отниму! Я невестина мать. Мне Илья самим господом богом вручен, а ты кто тут?

И о н а. Ничего, голубок, а Агничке даже лестно! Это, брат, укрепляет любовь: точно на гвоздях будет. Гляди: на спине дырка, и в грудях дырка, а заплатки черными нитками пошиты. Эх ты, свете тихий. Да чего ты раскипятился? Тесть я тебе или нет?

И л ь я. Ну, это мы еще посмотрим! Ох, да закалывайте вы рясу хоть на булавку. Ведь гости же, гости у меня.

Звонок. Илья вырвал сорочку и летит с нею к двери.

М а т у ш к а. Егозливый он какой, а нынче прямо озверел. Даже в глазу закололо!

Ч е р в а к о в. Он в азарте и убить может. Подтверди, Аполлос!

А п о л л о с. Илья-то? Да, господи, с полным же удовольствием...

6

Илья (*теребя перед вошедшей Раисой сорочку*). Э-э... Дорогая... Раиса Сергеевна...

Манюкин. Легки на помине!.. Дозвольте ручку. Только вас и ждем!

Илья. Только вас и жду...

Раиса. Вот видите, не обманула вас. Добрый вечер... Что у вас в руках?

Илья. Это, это не моя... это просто тряпка...

Иона (*срываясь с места*). Солнце мое! Струя света во мраке не разгоняет так...

Матушка. Иона, Иона, куда ты? Вот блудень-то, прости господи.

Манюкин. А супруг-то ваш где же, Раиса Сергеевна?

Раиса. Он сзади шел...

Илья (*Червакову*). Заметь, заметь... Порознь.

Иона. Вот радость! А мы-то думали, кого еще ждет Илья. Все в сборе: и поп, и клир, и весь молящий мир. (*Догадавшись.*) Так ты вот ка-ак, Илья? С жениховской-то дорожки все на сторону резвиться бегаешь?

Илья. А что ж? Товарец-то ваш лежалый!.. Ну-ка, вы мне на ногу наступили. Ступайте уже чай пить. (*Раисе.*) Со всеми ознакомились? Это вот Аполлос-жующий. Паша его так зовет. Поклонись, поклонись хохлом-то.

Раиса. Не беспокойтесь, я найду себе место.

Илья. Нет уж, позвольте, я сам...

Раиса. Да ведь я и без вас могу дойти!..

Илья. Никак невозможно-с!

Звонок. Черваков убегает отпирать.

Буслов. Что же, Раиса... Ты так и не хочешь поздороваться со мной.

Раиса. Я кланялась тебе. Ты такой рассеянный нынче. Я тут много думала о тебе, Витя. Как страшно ты пьешь. Зачем ты пьешь?

Молчание.

Буслов. Да видишь, как-то пьется... Я и пью. Колечко-то уже после меня купила? Голубенькое... Раньше я такого не видал.

Раиса. Да это муж подарил.

Буслов. Что же, любит он тебя, твой муж? Кстати, он не пьет, не заливает?

Раиса. Нет...

Буслов. Что «нет»? Видишь, Раиса, когда любят, тогда и пьют. Не нравится мне твой муж, Раиса. Да, не нравится... Чудно, голубенькое!

Раиса. Ты не хочешь понять Гугу, Виктор. Если бы ты знал, как он мучится. Надо же уважать человека, хотя бы за мученья его.

Буслов. Нам тогда времени не хватит, Раиса. Теперь делать надо руками... Дело, понимаешь? Сапожник — ковыряй сапог! Строитель — строй башни свои, шкраб — учи. В реке, когда река идет, Раиса, ни одна капля не смеет остановиться: иначе она гниет.

Раиса. А сам пьешь...

Буслов. Пока... пью.

7

В сопровождении Червакова входит Гуга.

Черваков *(Гуге)*. Заочно наслышан о подвигах ваших. Черваков... в просторечье просто — Паша.

Гуга. Я впервые тут. Вы уж путеводительствуйте!

Черваков. Да вы всех уже знаете. Буслов!.. Тот самый, знаете? Взглядом кота может убить... Что-с? Ничего-с? Очень хорошо-с. Ну, потом. Э-э, все люди, одним словом... *(Ко всем.)* Почтенное собрание, у скромных врат обители нашей стучит пришелец, жаждая стать унтиловцем.

Гуга. Я усматриваю скрытое издевательство.

Черваков. А у нас, видите, не принимают без посвящения. Развлекаемся от жизни... Ходим вот в гости, жрем и упиваемся. Новичков обучаем.

Манюкин. Меня, знаете, заставили пролезть под столом, держа в зубах книгу. Да, да, книгу! Ничего не поделаешь.

Гуга *(шутливо)*. Ну, я провозглашаю бунт. Я не согласен лазить под столом. Я все-таки подозреваю...

Буслов. Нечего подозревать. Пришел, так садись и угощайся.

Гуга. Вас я прошу называть меня на вы!

Буслов. Брось, Гуга, ведь мы же родственники с тобой. Раньше ты общительней был.

Гуга *(повернувшись спиной)*. Что же, я согласен, это занятно.

Червaков. Занятное-то будет потом.

Все сели.

Агния 2-я *(Червакову)*. Извиняюсь, как вас зовут?

Червaков. Меня кличут Павлом.

Агния 2-я. Смешной какой! Вы влюблялись когда-нибудь?

Червaков. О, как же! Разов по восемь в иной день. День на день не приходится.

Агния 2-я. У, барабошка! *(Другому соседу, Гуге.)* А вы?

Гуга. Что вам угодно?

Агния 2-я. А вы влюблялись?

Гуга. Я?! *(Хватаясь за коленку.)* Зачем же вы щиплетесь — это моя коленка!

Агния 2-я. Это не я.

Аполлос *(перегибаясь через стол)*. Извиняюсь, это я, Аполлос, друг и доверенный Ильи. Служил, но вышибли за несознательность, разрешите мне теперь хвостик!

Гуга *(вспылив)*. Какой вам хвостик? У меня нет никакого хвостика.

Аполлос. Я не про вас. От рыбы вон хвостик. Я его доем.

Гуга. Нате, черт вас возьми!

Аполлос. Илья, меня этот гражданин чертом оскорбил...

Илья. Аполлос!.. Вы извините, Александр Гугович, он у нас подшибленный. Агния Ионовна, налейте гостю чайку. Виктор Григорьевич, вы уж сами наливайте. Не дотянешься до вас.

Буслов. Ладно, ладно, сиди там...

Червaков. Обратите внимание: даже словом не перекинутся.

Буслов. Погоди, у них там умный разговор начался!

Иона *(Гуге)*. Вот вы рассказываете про науку. Я, конечно, не прекословлю, пускай цветет, авось и нам теплее станет. Но вот: я болею семь лет, и наука не может исцелить меня.

Илья. Да вы, отец Иона, здоровы.

Иона. Разрежь меня, и ты увидишь сам. Пошел я раз к доктору, из ссыльных, а он велит мне проглотить сто пилюль. Я говорю — ладно, мол, давай уж. А их, оказывается, и нет в Унтиловске! К чему же тогда пилюли, раз их нет?..

Гуга. Но нельзя же отрицать пользу науки. Весь окружающий нас мир непонятен. Мы хотим его познать, отсюда и наука. *(Нетерпеливо.)* У вас ископаемые взгляды какие-то. Надо же понять...

Иона. Чего же понимать! Каб его заново сотворять, мир-то. Вы подумайте... Травки собирают по полям да пестреньких жучков случают... И будто бы из этого выходит, что бога нет!

Илья. Ну, уж это в некотором смысле! Ведь тут же дама сидит! Виктор Григорьевич, вы что-то там говорить хотели. Начинайте, прошу вас!

Манюкин *(с видом заговорщика)*. Вы уж помягче, Виктор Григорьевич...

Буслов *(встал)*. Вот что, Александр Гугыч, собранию благоугодно, чтоб именно я сказал тебе в целях посвящения правду. Что ж, я не прочь, ладно!

Агния 1-я. Илюша, неужто он его бить будет?

Манюкин. Скандал, опять скандал выйдет!

Буслов. Ну, ты сам знаешь, сам видишь, как все пожирают друг друга в этой капле гнилой воды. Высунуться отсюда некуда, щелей в Унтиловске нету. Этот гроб, Гуга, крепко сколочен. Ты прислан сюда не без причин, а раздвинуть стенки этого гроба,— видишь, брат, у тебя плечи узки!

Раиса. Витя, ты собираешься мстить, сводить счеты?

Гуга. Погоди, Раиса!

Буслов. Да, погоди, Раиса... Тут не бабьи разговоры, тут о самом главном. А мстить я стану потом... Пятнадцать лет ты беззаветно служил народу, интеллигент, слава тебе! Верил в этакого мужичка и сеял вот это самое...

Черваков. Разумное, доброе, вечное!..

Буслов. Да! И были у тебя тоже сто пилюль, по пилюле в год, а он взял да сожрал все эти сто сразу. Ему тесно, ему скучно стало страдать и ныть об лучшем веке, о котором твердят всякие свободоискатели. Работать надо, Гуга!.. Протаять этот страшный снег, разбить Унтиловск!..

Черваков. Дальше, Виктор Григорьевич!

Буслов *(рассеянно уставясь на Червакова)*. Пашка, разлагайся молча! И вот тебя, Гуга, колесом откинуло в Унтиловск. Кажется: ну, и черт с тобой. Будешь сгнивать тут с песенкой. Станешь когда-нибудь унтиловским Мафусаилом, пока в Унтиловске не растает снег... Но не-ет...

Гуга. Комсомольские речи ведете... в комсомольцы записываетесь.

Буслов. Мне поздно, Гуга, в комсомольцы... *(Брезгливо.)* Тогда ты проклял тот народ, которому поклонялся. Ты сказал, что это злой и подлый народ! Как же ты, Гуга, мог сказать, что мать твоя мерзкая дрянь? С каким лицом предстанешь ты миру, неудачное детище матери своей? Чем ты жить теперь станешь, Гуга? Злобой не живут, жить можно или трудом, или любовью!

Раиса. Виктор, перестань, лежачего бьешь.

Гуга. Не заступайся, Раиса. Не стану же я драться с пьяным.

Аполлос. Помалкивайте, а то еще хуже будет!

Буслов. Я пьян? Ты думаешь, что я пьян? Буслов Виктор, унтиловский шкраб,— он всегда пьян. Вот этими снегами, из которых произрастут цветы, машины и люди... полночным небом, даже встречей с тобой, Раиса, которую я, погибая, любил и ждал. Ну, торжественно посвящаю тебя в унтиловцы. Нюхни, нюхни унтиловского смрада. Растворяйся в стихиях и — черт тебя возьми!.. — давай выпьем в знак того, что я на тебя не сержусь.

Раиса *(встав)*. Виктор, да ты знаешь, что̀ ты врешь?

Черваков. Виктор Григорьевич, самого себя пополам раздираете.

Буслов. Всё, всё напополам... напополам и заново. Эх, и Унтиловск может цвесть на этом нелепом меридиане!

Матушка. Да попридержите его, ведь он дом завалит!

Аполлос *(роняя горшок, из которого он ел под шумок)*. Черт, поесть спокойно не дадут.

Илья. Аполлос! Александр Гугыч... Куда же вы? Ведь это же известный шутник... Он сейчас фокусы будет показывать. О, да у меня просто голова разломится!

Гуга. Глупая шутка! Вы заманили меня сюда и не можете унять пьяного. Раиса, ты идешь со мной?

Раиса. Нет, я посижу. А ты что, собак боишься?

Гуга. Мне стыдно за те минуты, которые я с вами просидел. Клеветники! Тот, кто поклонялся и любил, имеет право и проклинать и ненавидеть. У меня седые волосы, я одинок как никогда, но я не приспосабливаю себя...

Буслов шевелится.

Черваков *(кричит)*. Эй, вы, Виктор сейчас пьет. Правая рука занята, но левой он тоже неплохо действует.

Раиса. Гуга, скажи им, не уходи так!

Черваков. Ему нечего сказать, мадам!

Гуга ушел совсем.

8

Илья. Позор, позор!.. Паша, Сергей Аммоныч, помогите!

Манюкин. Дорогие гости, позвольте мне, как самому старому, утихомирить вас немножко. *(Аполлосу.)* Чего вам?..

Аполлос *(облизывая губы)*. Нет, ничего.., я так.

Агния 1-я. Илюша, ты обещал поиграть!

Манюкин. Да, я и буду просить Илью Петровича и Аполлоса... Аполлоса...

Аполлос *(с полным ртом)*. Псыч.

Манюкин. Простите, не пойму.

Аполлос. Псыч.

Манюкин. Что он говорит?

Илья. Ты прожуй сперва.

Аполлос. Осипыч...

Манюкин. И Аполлоса Осипыча изобразить какое-нибудь такое суперфлю по музыкальной части.

Агния 2-я *(сестре)*. Гляди, он кошелек достал!

Аполлос. Это, извиняюсь, не кошелек, а губная гармонь. По-иностранному — аккордеон.

Матушка. Почему же так?..

Аполлос. Так уж от природы дадено. В ней у меня тыща семьсот звуков сидит.

Буслов. Ты погоди начинать, Илья. Мы вот тут уходим. Я еще вернусь на обратном пути, Раиса. Не прощаюсь, значит...

Раиса *(встала)*. Витя... мне тоже пора...

Буслов *(сконфуженно)*. Видишь, я не один ухожу, Раиса...

Агния 2-я. У меня голова от вашего крику разболелась, а он меня провожать пойдет.

Буслов и Агния 2-я уходят.

9

Иона *(матушке)*. Может, и мне с ними?.. Последить, греха бы не было!

Матушка. Ты с ума сошел!..

Илья. Паша, объясни, друг, для чего они эти курбеты выделывают. Провожать пошел... *(Перебирает струны.)*

Черваков. Любовь, миленький, любовь и сила столкнулись! Они вместе-то горами двигают!

Илья. Поддай там на загибе, Аполлос! *(Запевает.)*

Посреди Аравии
На бесплодном гравии
Процветает наша пальма
Замечательным цветком!

Аполлос. Э-эх!. *(Озверело глядя в редкозубовскую гитару.)*

Во рту сухо,
В теле дрожь,
Где же правда?
Всюду ложь...

Илья. У-ухх!

Иона. Здорово играет Илья. С таким, дочка, не скучно.

Матушка. Он еще в утробе матери пропитался гитарой. Отец у него играл по вечерам.

Тем временем Раиса перешла к окну, и туда же перебирается Черваков; музыканты всё играют, но тише.

Черваков. Скучаете, Раиса Сергеевна?

Раиса. О вас тоскую, Черваков.

Черваков. Эх, люблю разговоры вплотную, чтоб хрустело! *(Деловито.)* По каким поводам грустить изволите?

Раиса. Кто это Васка?

Черваков. А что, ревнуете?

Раиса. Нет.

Пауза.

Зачем вы спаиваете Виктора? Скверная штука ваш Унтиловск.

Черваков. Дрянь, да. Но дрянь думает проще, и потому мудрее, и потому опаснее... А насчет... спаивания?.. Видите, в запое забывается крепче, и всякая печалишка этак растушевывается!

Раиса. Значит, это ты его так! *(Брезгливо.)* Да чего ты все кривляешься?

Черваков. Натура такая и... флюс! Ежегодно ушибает природа в это самое место. Но это не портит моей красы, а даже придает значительность.

Раиса. В этой каше из давленых мух каждая недавленая значительна.

Черваков. Браво, браво, браво... Но не хулите мест наших! Почва у нас не тряская, в жизни мы стоим твердо! Да и тишину... зеленоглазую девушку эту... уважаем. И мы не выдумываем о жизни, а питаемся из самых корешков. Они сладкие, приятные.

Раиса *(вздрогнув)*. Что это?

Черваков. А корешки-то... судите сами: тысячи оголтелых Бусловых громоздят там башню, чтоб страшнее рушилась и побивала кирпичами. А мы и в лачужках проживем! Надоели вавилонские сооружения! *(Раздернув занавеску.)* Э... Приволье-то! И топтать его некому: оленю скакать да ветру... да еще вот этой звезденке ежевечерне мигать!.. Премудрость!.. А лет через триста — как завизжит эта тишина, запрокинутая, пронзенная каким-нибудь там электрическим лучом. Хе-хе! по лакированным проспектам, под электрической луной гуляют нарядные, краснощекие, смирные потомки! Смирные, переросшие самих себя... *(Просто.)* Ой, и скучно же будет в ту желанную пору, Раисочка, ску-уш-но...

Раиса. И смешно: Черваков — через триста лет.

Черваков. Не смешно! Но мы еще повоюем с нашими преждевременными потомками. *(Кричит, беснуясь.)* Товарищи, соблюдайте строгую очередь в веках!.. Умерщвленный до срока Унтиловск возникнет, как феникс... Мы за мир, но если воевать — у нас слюны на триста лет хватит! У нас один конек, но верный...

Раиса. Далеко-то не уедете на вашем коньке! Вы — дрянь смешная...

Черваков. Та-та-та!.. Прыть какая! Так нам не по дороге? Буслов или Черваков? *(Гадает на пальцах.)* Буслов!

Илья выводит дрожащим голосом: «Эх, дама моя, дама со страусным пером!..»

(Вдруг страстно.) Слушайте, вы, дама моя со страусным пером! Слушайте, о чем щебечет сердце Павла Червакова. Вот я вам сказку расскажу... под музыку! *(Кричит.)* Пой, пой, неистовый Илья. Пой, остановка — смерть!.. В тихой щели, под этим

старым-престарым солнышком жил один ученый дуралей!.. И скучно стало дуралею, и взбунтовался дуралей... И смастерил себе бесколесный салон-вагон, в котором по временам ездить — как по земле. Не понравилось сегодня — можно во вчера, в завтра, в века, по ту и эту сторону, к черту на рога! Давнишняя мечта крутолобых человеков!.. А тут революцийка трахнула, большевички и всякие ныряющие фигуры с наганами... У старичка рояль отняли, сынишку расстреляли. И он задумал удрать, не из города, очаровательница, а из своей великой и утруднительной эпохи.

Раиса. Не смейте издеваться над этим!

Черваков. Рыдать готов... Сел он в свой бесколесный салон, забрал мопсика вот с такими глазами... Веселенькое такое личико! Повернул рычажок, чтоб годиков на двадцать вперед перемахнуть... по ту сторону нашего рая... и провалился в эту самую дырку... В вечность, мадам!

Раиса. Вы гадкий и страшный человек!

Черваков. Но в машинке сломался рычажок, и бесколесный вагон перемахнул на миллион лет вперед, через века, людские жизни, сотни революций, из двадцатого века в век десятитысячный. Хо-хо, миллион, как в аптеке!.. И когда выглянул дуралей из окошка, то земли-то и не нашел, и солнца не нашел *(с тоской)*, ни щепочки, ни малой песчинки!.. Голый, потухший самоголейший пшик... великая дырка. Там уж ни времени, ни вздоха моего, ни гнева вашего, ни редкозубовской гитары. Один сплошной Унтиловск. И в бесколесном сем вагоне — изобретательный старичок с мопсиком. А мопсик вот с такими глазами. Холодно?.. Раисочка, в дырку летим, так чего же нам дырке этой радоваться! Сотлеет олень, растает снег, потухнет милая звезденка...

Раиса *(почти с отвращением)*. И этим ты прельщаешь меня? Червяк...

Черваков. Аз есмь Унтиловск!.. Снега наши пусты и привольны. Сердца наши смирненькие, ссохшиеся... Солнышко наше маленькое, не сильное... Люблю — и цветы, возросшие под этим солнцем, приношу вам...

Черваков оглянулся: полная тишина. Все стоят и слушают. Матушка прильнула сбоку чуть не к самому уху Червакова. Иона, не рассчитав, вбегает посреди Раисы и Червакова.

Иона. О чем, братцы, это вы тут?

Черваков. Ха, о чем?! А вот беседовали, что бы вы выбрали: чтобы ваш любимый кот издох или в Сингапуре десять китайцев утонуло? Ну-ка, по-христиански-то!

Иона. Ядовитый, все с подкопом. А еще про что?

Черваков. А еще обсуждали, какой масти черт будет душить тебя нынче ночью... Она говорит — пегий, а я...

Иона ошарашенно молчит.

Матушка. Не связывайся с мазуриком! Ты — слуга вышнего, а он кто? Он сам черт и есть, прости господи!

Черваков. Ежели я черт, так могу и забодать. Место!! *(Уходит, слегка боднув отшатнувшуюся матушку.)*

Илья. Паша, Паша, побудь еще минуточку! Сейчас я объявлю, зачем я вас созвал. Друзья мои, застыньте по местам. Ах, и Виктор Григорьевич?.. Вот вовремя!

10

Буслов *(на пороге)*. Деретесь, что ли? Кто кого?

Илья. Погоди, не до шуток! Я по-честному хочу. Сергей Аммоныч, объявите им мое решение.

Манюкин. Ах, увольте, не могу.

Илья. Сергей Аммоныч, богом заклинаю!

Манюкин. Только ради вас. Илья Петрович поручил мне... мне... Батюшка, не глядите мне в глаза... Я не могу...

Иона. Что ж я, тигер, что ли? Бояться-то меня...

Манюкин. Ну, так как же... Так прямо и резать?

Илья *(зажмурясь)*. Режь!!

Матушка. Отойди, Иона, отойди!.. Ну, режь!

Манюкин. Вот он... велит сказать, что в зрелой памяти и в полном здравии ума... отказывается жениться!

Молчание.

Агния *(вскрикивает)*. Маменька, ведь это уж в третий раз!

Матушка. Ка-ак? Ах, вот какой оборот! Ну, постой, доберусь до тебя. Вот тебе! *(Раскидывает белье, связанное в узел.)*

Илья *(жалобно, весь в белье)*. Раиса Сергеевна, для вас примаю мытарства. Вам вся моя мечта по частям и в целом...

Звон разбиваемого стекла.

Аполлос *(давно уже возился с портретом)*. Ну, Илья... я, кажется, и родительницу твою грохнул!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Радофиникинское жилье: кисейный и всякий иной ажур. Зеркало в простенке. У широкого окна, за которым полно спокойного сугробистого снега, разместился целый батальон фикусов и другой сырорастущей ерунды. Сквозит луна и рисует на полу узоры. Тикают часы.

В дальней комнате смех Агний. Матушка чешет спину Ионе, а Иона — коту, возлежащему на его коленях.

1

Иона *(кивая на дверь Раисы)*. Всё ругаются?

Матушка *(встала, послушала у двери)*. Ругаются.

Иона. Эк, ведь с самого утра. Под лопаткой-то посильней, не скупись, не скупись, голубица!

Матушка. Да уж и так все ногти обломала об тебя. Щеточку бы завести, как у покойника Трофимья Ивановича для усов. Вот уж год твержу. Да еще мышей подморить. Намедни проснулась ночью, так по одеялу и бегают.

Иона. Говорил я Пашке, обещал забежать. Ну-ка, по хребту теперь, по хребту...

Матушка. С чего девки-то развеселились? *(Кричит.)* Барышни, забыли, какой день завтра? Не хохочите тама. А не то я вас розгой посеку. Ты бы поговорил с Ильей-то, авось образумится... Обманул, мол, ты девушку.

Иона. Да уж и то! Фырчит. «Каб, говорит, у этой девушки была бы дочь девушка, может, на дочери бы и женился». Ну-ка, полевей!

Матушка. Вот шушельник! Да перестань ты кота чесать! Дергаешься только.

Иона. У кота нет жены... Кота тоже понимать надо. Раискин-то муж съезжать, говоришь, собирался?

Матушка. Какой же муж, раз невенчанный! Просто хахаль! Она-то ему говорит: павший ты, расслабленный человек...

Иона. О! Это в каком же смысле?

Матушка. Знамо, в каком! Последнее колечко даве бегала продавать.

Иона. С камешком?

Матушка. Камешек-то так себе, голубенький, я уж смотрела: Агничкам, мол, не подойдет ли... витое такое, ни постирать в нем, ни хлебы поставить. Нажмешь — оно и сломается.

Иона. Так, и колечко, значит, побежало?..

2

Агния 1-я. Мамаша, вы щипцов завивальных не брали с шифоньерки? Ах, опять вы, папаша, чешетесь! Даже совестно...

Матушка. Нечего отцовской спины стыдиться: спина — не живот. Хоть бы и совсем голый сидел, отец-то.

Агния 2-я. Да... А потом замуж никто не берет. Вы, мамаша, забыли, что мы девушки, а не какие-нибудь там... А девушку понимать надо, вот что.

Матушка. Девичество-то — что квас: его вовремя надо пить. Илюшку, уж на что смирный, и то упустили.

Агния 2-я. Что же вы сестру корите? Куском хлеба скоро станете попрекать!

Агния 1-я. Это все она... все она! *(На дверь Раисы.)* У, дрянь бегучая!

Иона. А ты бы помолилась покрепче Ивану хоть воину. Ну-ка, возжги свет, матушка.

Агния 1-я. Иван-воин замуж меня не возьмет.

Агния 2-я. И право, смешно! Тут сердце разрывается... Весна идет, каждая пичужка в паре летает... Уж березки пахнут, а вы тут с молитвами пристаете. Не живые мы разве?

Матушка. И живые, а бесстыдные!

Агния 1-я. Ну, нечего вам тут с лампой сидеть. Мы завиваться будем.

Взяли лампу и ушли.

Иона *(жалобно)*. Берите, берите. Мы и во тьмах посидим. Ой, жалко девочек, мать, прямо хоть за себя бери... Ну!..

3

Семен. Я уж звонить Васятке велел. Семой час.

Матушка *(вскакивая)*. Куда же ты, скоромник, лезешь! Попадья в нижней юбке, а ты и рад. *(Убежала за дверь.)*

Иона *(вслед)*. Так ведь черная, ма-ать!

Матушка *(из-за двери)*. А я ее замест нижней ношу.

Иона. Ну чего стоишь? За газетой я тебя даве к Илье посылал. Что ж, прочел комсомолец твой?

Семен. Прочел, всю прочел.

Звон ко всенощной.

От прошлого месяца газета.

Иона. Какие же там новости есть?

Семен. Да все то же да то же. Они ровно бы против нас стараются, а мы не жалаем. Они все под корень, а мы наискосок. Провокателя поймали!..

Иона *(подбежав и заглядывая в глаза)*. Чего ты врешь! Кого еще поймали? Ты молчи, молчи, Семен! *(Отошел.)* Еще что?

Семен. Вот будто машину новую выдумали.

Иона. Что же на ней делать-то?

Семен. Не написано. Выдумали, а для чего — неизвестно.

Матушка *(из-за двери)*. Может, швейную какую?

Семен. Неизвестно.

Иона. Ну, заправь лампадки и ступай. Ишь наследил! Да что же он больно весело звонит-то? Великий пост, а он — ровно свадебную! Придешь домой, пробери племянничка! *(У Раисиной двери.)* Ничего не ви-и... нет, нет, видно! Укладывается...

Семен. Что, аль видно что?

Иона. Что ты там болтаешь? Твое дело кафизмы тянуть!

Семен. В масло, говорю, карасин нынче льют!

Иона. Ну, так что же!

Семен *(отходя)*. Да ничего, вонять будет! *(Зажигает лампаду.)*

4

Раиса *(входит, говоря Гуге)*. Да и ты, таким ли ты был? Что от тебя осталось? *(Натыкаясь на Иону.)* Это вы, отец Иона?

Иона. А я ключик тут потерял...

Семен. От церквы ключик!

Иона. Не вздорь, не вздорь, пономарь. Ищу, а вы так прямо стопочками и шагаете. Да, никак, плачете? О чем? Молодая, цветущая — и такое разочарование жизни? Уж моря цельные наплаканы, и ваш ручеек туда же?

Раиса. Мне очень стыдно, отец Иона... Мы у вас тут шум подымаем...

Иона. И-и, солнце мое. Шумите себе на здоровье. Никак, переезжает супруг-то ваш? И на жизнь-то не унывайте.

Голос: «Иона!»

Она, как бы сказать, ровно пряник, да приправлен-то он конским волосом. Жуешь, так и сладко, а потом...

Голос: «Иона!»

По секрету уж вам скажу: я так думаю, когда господь землю сотворял, это он пошутить хотел. О-он нашутил, насыпал конского волосу в пряники!.. Лечу, бегу... *(Воротился с полдороги.)* Васятке надери, надери уши... Ишь как, щенок, выколенивает.

5

Семен. Гражданочка, а ведь он за вами в щель подглядывал, в дырочку. Ноне все гласы перепутает. Знаитя, он как к скважинке-то приникнет, вы соломинкой и ткните,— во смеху будет!..

Раиса. Семен, у вас язык длинней бороды отрос.

Семен. Не бреем, они и растут...

6

Илья. Ушли? Здорово, отец! Есть кто дома-то?

Семен. Отец — небесный творец, а я земной долбило.

Илья. Раиса Сергеевна! Прекрасно-с! Замечательно-с! *(За дверь.)* Входи, Аполлос, можно.

Раиса. Простите, мне очень нездоровится.

Илья. Ничего-с. Мы ненадолго. Имею к вам внутреннее дело... Семен, симпатичный ты человек... Если я вот положу на порог трешницу и уйду, ведь украдешь?

Семен. Знамо, украду. Небось я сам себе человек.

Илья. Хорошо. Я как-нибудь на днях положу ее. Ты следи. А пока проводи его, Аполлос.

Аполлос. Ну, проваливай, товарищ.

Семен. Вот последнюю зажгу...

Аполлос *(рыча)*. Уходи, говорят!

Семен *(Раисе)*. Гражданин-то, играет. *(Ушел.)*

7

Раиса. Ну, что же, садитесь. Я ведь даже посылать хотела за вами, Илья Петрович. Мне нужно поговорить с вами о Викторе.

Илья. Садись, Аполлос.

Аполлос. Жареным как будто пахнет!

Раиса. Нет, это от лампадки... Там потухла одна.

Аполлос. Нет, жареным. У меня нос! *(Нюхает у дверей.)* Чудно... А пахнет!

Илья. Мы ненадолечко к вам. У вас, может, важные дела какие, а мы отрываем. Я сам занятой человек, вся потребилка на мне. Но я хороший человек. Зато уж если подступит, то моментально распаляюсь и начинаю сокрушать. Намедни весы сломал... Обсчет случился! Трахнул и сломал!

Аполлос. Пустяки, весы спаять можно. Вот человека уж не спаяешь.

Раиса. Так вы, что ж, избивать меня пришли?

Илья *(галантно)*. Что вы, дорогая? В высшей степени наоборот. Однако разрешите сперва...

Аполлос. ...разрешите ему!

Раиса. Я никак не пойму, у кого из вас дело ко мне?

Илья. У меня! *(Аполлосу.)* Не перебивай... Дозвольте прежде объяснить о себе. Я человек твердый, и зовут меня Илья, сын Петра. Сюда еще дед мой был прислан за избиение курского городничего: преломление плеча! Его тоже Петром звали. У нас все больше Петры в роду. Это только я один такой, игра природы. Получаю я пятьдесят в месяц... Брось в носу ковырять, Аполлос!

Аполлос. Я не ковырял, я просто палец нюхал.

Раиса. Я очень прошу вас покороче, Илья Петрович... *(Оглянулась на дверь.)* У меня большие неприятности, и мне очень трудно слушать вас.

Илья. Одним словом, вот. Тридцать пять лет томлюсь на этом свете, а в иной свет не верую. Природный атеист.

Аполлос. И левша к тому же.

Илья. Нет, ты меня поклялся с ума свести. Я тебя для нравственной поддержки брал, а ты меня в лужу сажаешь. Что о нас подумает Раиса Сергеевна?

Раиса. Милый Илья Осипыч.

Аполлос. Петрович!.. Это я Осипыч.

Раиса. Петрович, простите... Я очень хорошо о вас думаю, но, право же, я очень занята.

Аполлос. Ничего, ничего, все люди заняты. Уж на что я... а и то... прямо времени не хватает. Встанешь утром, поешь, ан уж и вечер.

Илья. Так я поскорей. Тридцать пять лет томлюсь в безвестности, но не славы ищу, а созвучного ищу себе сердца, чтоб билось поблизости. Подтверди, Аполлос.

Аполлос *(жуя что-то)*. Да.

Раиса. Ну право же... у меня как-то на примете никого нет.

Илья. Есть, есть, дорогая!

Раиса. Да кто же это?

Илья. Вы, вы...

Аполлос. Вы!

Илья *(не давая ей сказать ни слова)*. Вяну, уверяю вас. Могу погибнуть зря. Могу даже ударить, потому что загнан на самый край. Хотел принять участие в революции, выпалил два раза на площади из ружья...

Аполлос. Но затвор замерз! Жестокий климат препятствует порывам. Придется, брат, похитить.

Раиса. Вы простите мне смех мой. Какие же вы милые и дикие люди.

Илья. Метаюсь, как карта по столу. Думаете, не надоест керосин да мыло развешивать? А чего ведь я только не переделал! Лимоны пробовал выращивать — разонравилось. А ведь даже принес плод...

Аполлос. Недозрелый.

Илья. А все же принес ведь! Пробовал по-французски обучаться, уже и буквы выучил — разонравилось. Жениться, наконец, собрался...

Раиса. Опять разонравилось?

Аполлос. Илья, а ведь она смеется.

Илья. ...да, потому что я встретил вас. И точно сразу голову с меня сняли. Сил больше нет. *(В последнем отчаянии.)* Хотите, спичку съем? Зажгу и съем.

Раиса *(боясь, что Гуга может услышать)*. Нет, зачем же... Я, право же, не знала, что вы в любви изъясняться станете. Я совсем не приготовилась...

Илья. Не в любви изъясняюсь, а в отчаянии. Да не сиди же так, Аполлос. Поддержи чем-нибудь!

Аполлос. Все одно не поверит.

Раиса *(холодно)*. Все пройдет, все проходит, Илья Петрович. Я вас не люблю. Я даже и не знаю вас совсем. Да и меня не за что любить. Я не молодая, изломанная вся. Сегодня вот с мужем разъезжаюсь.

Аполлос. Ничего, он таких любит. *(Смутясь взором Раисы.)* Ей-богу-с.

Илья. Знаете... знаете что... Есть такие, я читал, теплые края. Снегу совсем не бывает. Совсем без снегу, ей-богу, на фунты его продают. Цветы круглый год, персики разные там, груши... И потом солнце такое... во все небо, ах!..

Раиса. Если даже и есть такие... тогда что?

Илья. Там лимон, как сосна, растет... У нас по рублю, а там торчит, дороги загораживает, и ничего с ним не поделаешь. Ты его руби, Аполлос, руби... а он назавтра как ни в чем не бывало. Лимоном печи топят,— боже мой!! *(Стонет, хватается за голову.)* Укатим, а? На руках носить буду... Уж от меня-то не сбежите.

Аполлос. И меня взяли бы для смеху.

Илья. И пусть провалится Унтиловск. Здесь только ветры свистят да снега летят, а человек тут истлевает, уверяю вас. У капукаринской молодки ребенок родился, так басом плачет. Басом — ребенок, вы понимаете?.. А денег я насобираю... распродамся весь. Постойте, я подсчитаю. Ломберный стол —

пятерку дадут. Мясорубка!.. Иона давно сватался... тоже пятерка... С руками оторвут. Потом часы, пятнадцать рублей плочены, а я за десять отдам. Да вот и он за десять-то возьмет.

Аполлос. В долг поверишь, так и возьму.

Раиса. Вы с ума сошли, Илья Петрович!

Илья. Э, не до вас тут. Шуба в теплых краях,— куда она? Там и пиджака-то не потребуется. Сорок целковых, даже пятьдесят. Нет, сорок... Да еще гитара, ружье охотничье центрального боя, жалованье за месяц вперед... Ух, даже голова закружилась!..

Раиса. Поймите же, что это оскорбительно — слушать, как вы подсчитываете тут свои гроши. Точно в потребилке своей торгуетесь. Илья Петрович, я запрещаю вам, запрещаю...

Аполлос. Ну, тут уж не гроши, а порыв-то один чего стоит!

Илья. Я... Аполлос, что она говорит? Я... оскорбил... ее? Ее, которой весь я, которой мои дни и ночи. Аполлос, дай мне в ухо! Бей, если хочешь остаться другом! Бей негодяя...

Аполлос. Бить или пожалеете?

Раиса. Илья Петрович, милый...

Илья *(мрачно)*. И надежду с корнем вырвать, Раиса Сергеевна?

Раиса *(с улыбкой)*. Рвите, Илья Петрович!

Аполлос *(уходя с Ильей)*. Я же говорил тебе. Теперь расстроился на всю неделю. *(С полпути возвращается.)* Кстати, вы еще не обедали или уже?

Голос Ильи: «Ты скоро, Аполлос?»

Есть чего-то захотелось. Даже слюна течет. *(Пугаясь чего-то.)* Я нарочно... пошутил только. *(Ушел.)*

8

Агния 2-я *(вошла в недошитом платье, к примерке)*. Женихи-то ушли? Я тут за дверью сидела, все ждала, когда кончит. Я вот спросить хотела, красиво так будет, если воротник скосить, а вот тут пуговку. Да чего вы как неживая нынче?

Раиса *(закалывая булавки, переставляя швы)*. Ах, Агничка. Вы еще жизни не знаете. Ошибки, ошибки... Одни ошибки, а жизни-то самой и нету.

Агния 2-я. Я вот тоже ужасно боюсь ошибиться. Как вы думаете, пойдет ко мне?.. Я хочу платье вельветовое сделать с гипюровым воротничком. Но только талию повыше, а плечики на ленточках.

Раиса. Вам, Агничка, все модно будет. Вы еще такая молодая!

Агния 2-я *(с ядом)*. Да ведь и вы не совсем еще старая!

Раиса *(холодно)*. Я и не говорю, что я старая.

Агния 2-я. Вы вот счастливая. Вам все в любви объясняются, а вам как будто все равно. Вот Виктор Григорьевич... меня провожать пошел, а всю дорогу промолчал. Даже под руку не взял. А уж как мне хотелось. Я упала на Мавриной горке, а он *(подражая бусловскому голосу)*: «Вы, говорит, не падайте, ушибиться можно!» Он ужасно смешной! Вы не видали, как он фокус с платком показывает? «Ни-ка-кой калдавство, ни валше-б-ство, один праворство рук...» *(Звонко смеется, вертясь перед зеркалом.)* Вы не глядите, что я такая тихая... Мне только попадись кто-нибудь. Илюшка-то, что же, путешествие предлагал?.. Сестра зли-ится. Уж третьему жениху платочки вышивает! Все срывается. Вчера отколола: «Если, говорит, папенька, я себя порешу, то отправьте мой труп в анатомический театр». А папаша и отвечает: «Погоди, говорит, до весны, тогда уж с пароходами!» *(Хохочет.)* А верно, вот и весна скоро. Потом лето будет. Лето пройдет, опять зима. Опять снегом засыплет... Александр Гугыч еще тут? *(Заглядывает в щелку.)*

Раиса. Вы слишком любопытны, Агничка.

Звонят колокола.

9

Черваков. Не помешаю вам?

Раиса. Помешаете.

Агния 2-я *(вскрикивает и не очень быстро убегает)*. Нельзя, нельзя... Я раздета!..

Черваков. Если не слишком помешаю, то я все-таки останусь, пожалуй. Сперва положу инструмент. Затем варежки сниму. Замечательные варежки Васкина тетка вяжет. Теперь позвольте приветствовать вас! Ого, не хотите и ручки по-

давать. Какой вы *(жест руками)* ребенок. Не сержусь, не сержусь. Ну, вы жаловались Ионе, что мышки вас одолевают? Где мышки тут у вас?

Раиса. Так это вы и есть крысодав?

Черваков. Д-да, морю. Для поддержания существования всякие таланты приходится в ход пускать. Когда-то химиком был... А еще раньше вот такой был, и звали меня Павликом. Шустрый такой, востроногий был... И вот что из Павлика вышло! Это как Иона в проповеди говорил: но-о, времена текут, и змееныш подрастает. *(Сразу меняя тон.)* Крыс морю, тараканов... клопы — тоже моя специальность! За каждого отысканного гривенник плачу... Клопа просто давить нельзя: он озлится, еще хуже будет! камфара, можжевел, бензин, скипидар... Каждой твари свое снадобье!

Раиса. Вы морите молча, и заработок ваш увеличится.

Черваков. Да ведь нам и спешить некуда. Снегу да вот времени еще у нас хоть навывоз. Научатся когда-нибудь время, как сено, прессовать. Прожил минуту, а на деле оказывается — год прошел. *(Другим тоном.)* Я больше мышьяком действую, но необходимо подсластить, чтобы слаще было...

Раиса. Послушайте, Павел Сергеевич, что вам от меня нужно?

Черваков. Во-первых, норки мне покажите...

10

Гуга с чемоданчиком и корзинкой уходит.

Черваков *(забегая)*. Белолицему брату моему букет неизменных чувств... Далеко отправились?..

Гуга. К черту, к черту вас!.. Раиса, ты больше ничего не хочешь мне сказать?

Раиса. Все уже пересказано, Гуга. Ты ничего не забыл?

Гуга. Ты не бойся, я больше не приду.

11

Агния 2-я *(быстро вбежав)*. Извиняюсь, я тут рукав на диванчике забыла! *(Убегает.)*

12

Черваков. Искренние соболезнования и пожелания счастливого пути.

Гуга ушел.

Ну вот, теперь легко и пусто. Можно начинать сначала. А вот тут небось сосе-ет?

Раиса. Вы не так умны, чтобы прикидываться особенно глупым. Если не замолчите, я уйду.

Черваков. Но ведь везде норки есть, а Иона везде просил выморить. Раисочка, не ищите ссор со мной. Вы загнаны в угол. Все порвано — и уже не срастется.

Раиса. Почем же вы знаете? Вот возьму да и выйду замуж за Редкозубова либо за вас.

Черваков. И этим не играйте, Раисочка! Почем знать! В Унтиловске иные законы жизненных отношений. У нас кровь густей, а вода тяжеле, а снег легче у нас. *(Присаживаясь к ней на диванчик.)* О, ведь я, Раисочка, шесть лет разговора этого ждал... Шесть лет, страшно подумать!

13

Аполлос *(входя)*. Извиняюсь... я... этово... Илья там дожидается. Ему ничего не надо передать?

Раиса. Что же ему передать? Кланяйтесь Илье Петровичу...

Аполлос. А может, еще что?

Черваков. Ты слышал?

Аполлос. Илья спросить велел. Ежели, мол, подарок пришлю, так спроси, мол, примет ли? Это он, чтоб задаром не тратиться.

Черваков *(в бешенстве)*. Ступай, ступай отсюда, ступай... Амфибия!

Пятясь, Аполлос исчезает в дверях.

14

Черваков. Так вот... Шесть лет бесновался я, поджидая вас. Ведь эти шесть лет только видимость, а я всю жизнь мою, еще не встретив вас, уже любил! Ведь для чего-нибудь сущест-

вую же я на свете, черт меня возьми со всей моей начинкой... А-ах, вы не знаете ничего, как вы нужны были мне все эти годы. Как я бумагой рот себе забивал, чтобы не закричать о вас. Как я музыку вашу подслушивал, в мусоре и ничтожестве лежа под окном вашим. Как я двадцатью руками обнимал вас в снах моих...

Раиса. Вы кричите о любви, а мне гадко даже глядеть на вас.

Черваков. А вы не глядите. Матушке моей я не удался, знаю сам. Как я Буслова все эти годы спаивал, потому что и он любил вас, как я. Я покупал на свои деньги всю эту хмельную дрянь, и мы пили вместе. Он пил крупно, дико, величественно, что-то вроде жертвоприношения... я почти благоговел перед ним в те минуты, в те бесчисленные часы. Я рассекал его на части, и они срастались на моих глазах, тянул его на дно, и он с рычанием сопротивлялся... Я гаже стал от любви моей к вам. О, неутоленная черваковская любовь...

Раиса. ...выгнать мне тебя или ударить?

Черваков. Куда, куда, если я везде буду возле вас? Ведь и вы будете жить в Унтиловске и смотреть на те же самые снега. Снега, снега, снега, передуваемые ветром. Давайте же быть вместе. Тосковать будем вместе в унтиловской щели, когда эти самые ручьишки побегут и разное зелененькое полезет. О, счастлив, Раисочка, кто не утратил способности тосковать. О, ведь и мы живые! И мы любим вот это самое: жить!

Раиса. Перестаньте, я велю вам уйти. Агния, Агния!

Черваков. Никуда, никогда. Я буду говорить, потому что для этого разговора я и существовал до нынешнего дня. Сми-ирна!!! Раскрывается влюбленный Черваков, как орех, как раковина...

Входит Семен.

15

Черваков. Чего тебе, зеленый черт Семен?

Семен. Составу хотел попросить. Напали, понимаешь: сухаря в сторожке нельзя оставить. Я составом-то и поморю.

Черваков шипит.

Ого! *(Ушел.)*

16

Червако в. Они нарочно будоражат меня. Я покажу им. Врал я вам, Раисочка, что не хотим мы туда, в трехсотый век... Хотим, хочу. Страшно, страшно, Раисочка, там... Ведь пятьсот солнц станут сиять, все небо будет солнцами утыкано. Свет-то, свет... глазам больно, не хочу! Сбежит наша краса, как краска с ситца: пугала останутся. Хотим... пускай скрежещет она зубами, тишина. Кнутом, кнутом ее! В телегу ее запречь, в куски ее... и чтобы каждый кусок разворотился, как зерно! О, никто уптиловского человека понять не хочет! Мы позади, мы гибнем, мы кричим, Раисочка. Жалости, жалости твоей прошу. Уптиловск на коленях перед вами. Не бить, а полюбить нас надо, полюбить... Ой, всякая человечинка с калечинкой... и не сгорбленный, а есть в нем! Так не пинайте калечинку эту ногой, чтоб не зверела безмолвствующая...

17

Буслов *(вступая в комнату)*. Внимание, так сказать, человеческим окраинам!

Червако в. А... ты опять тут? *(В ярости ударяется о бусловскую грудь.)* Кто? Кто это?

Буслов. Не видишь разве? Да перестань ты, Пашка.

Раиса. Ты вовремя поспел, Виктор. Представь, он хвастался тут, как спаивал тебя.

Червако в. Как же вы смеете рассказывать, вы... пустое вы место!

Буслов. Ну, Буслова нельзя споить. Буслов пил сам, потому что ему нравилось... и... потому что нужно было. Сбирайся, Пашка, освобождай место.

Червако в. Я еще имею дело тут... крыс надо...

Буслов. Не упрямься, не порть дружбы.

Червако в. Ухожу, потому что ты... невоздержан, да, невоздержан ты, Виктор. А вас, Раисочка, я еще заставлю дослушать Павла Червакова.

Раиса. Виктор, скажи же что-нибудь.

Буслов. Пашка, я сержусь!

Черваков ушел.

18

Буслов. Что же, мы, кажется, одни тут с тобой?

Раиса. Нет, там Агния-младшая где-то. Почти одни...

Буслов. Ну, здравствуй.

Раиса. Почему ты не глядишь мне в глаза? Разве мы делаем нехорошее?

Буслов. Ты писала мне записку, чтобы я пришел. Видишь, я получил ее. Да, Пелагея Лукьяновна тебе кланяться наказывала.

Раиса. Спасибо, она добрая. Ты садись, кури, если хочешь... хотя Иона, кажется, недолюбливает.

Буслов. Ну, а я люблю покурить. *(Закуривая от лампадки.)* Лампадный вонючий огонь.

Раиса. Это уже к «слава в вышних» звонят. Скоро хозяева вернутся. Ты какой-то большой нынче.

Буслов. Запух, хочешь сказать? Запу-ух... пью.

Раиса. Нет, я не то хотела сказать. Красный ты какой-то.

Буслов. А, это от мороза. Морозит, ветер нынче переменился, с океана дует. Ну, расскажи, где ты бывала, как жила... счастлива была ли... что видела...

Раиса. Ты же сам все знаешь. Счастлива! Глупое слово для глупых и малых.

Буслов. Для сильных и смелых слово! *(Внезапно отворил дверь, наткнулся на Агнию 2-ю.)* Не надо так, Агничка, а то можно о дверь ушибиться!

Агния 2-я. А я тут катушку потеряла...

Буслов *(затворив дверь)*. В отца пошла! Иона и прежде за ссыльными следил. Муж-то дома твой? Работает, что ли?

Раиса. Нет... он ушел.

Буслов. Гулять, что ли?

Раиса. Он совсем ушел, навсегда.

Буслов. Ты, значит, одна теперь! Совсем одна. Да и колечко уж снять поспешила...

Раиса. Я продала его, Витя.

Буслов. Да, вот я, я тоже совсем один остался, когда ты уехала! А потом ничего: должно быть, выспался. Стал вот в школе учить, в клубе у них лекции согласился читать. Я ведь, знаешь, собирался уезжать отсюда, в революцию-то. Ты не слышала? Как же, как же. Два месяца все вещи связаны лежали, в узлах.

Раиса. Ну... и потом?

Буслов. Потом стали развязываться узлы. Ни пройти было, ни сесть... везде наложено, пылиться стало. *(Откровенно.)* Пашка все уверяет, что меня непременно трамвай задавит... и, верно, отвык я. Пашка этот — хитрейшая машина. Погоди, со временем узнаешь полностью.

Раиса. Откуда он?.. Да ты сядь, сядь... Чего ты все ходишь?

Буслов. В тюрьме всегда привыкают ходить. А Пашка по ошибке был сослан, еще давно, вот и обиделся на весь мир. Иона-то не гнал еще тебя? У тебя небось денег нет?

Раиса. Нету денег, ничего нету. Пустая я стала, Витя. Ты мне такое скажи, чтоб пустота эта отошла... С тобой, возле тебя — какая я была!.. Ну, дальше рассказывай!

Буслов. Чего ж тебе больше. Вот Хвак помер... Ты, кажется, слышала? Потом болел я сильно... потом выздоровел. Работаю много. Все тебя ждал... Какие же в Унтиловске новости!

Раиса *(настороженно)*. Что это я хотела попросить тебя? Ах, вот! Агния говорила, ты фокус какой-то там смешной знаешь. Ты не показывал мне раньше.

Буслов. Это я потом обучился, со скуки. Все няньку им удивлял, да привыкла. Да ты знаешь... Ну, с двугривенным!

Раиса. Нет, я не знаю. Ты покажи... Я непременно хочу.

Буслов *(не сразу)*. У меня, извини, платка чистого нет. Да, по правде сказать, и совсем... и вообще нету. *(Махнув рукой.)* Да он, откровенно, как-то и не нужен мне совсем...

Раиса. Как же ты без платка?.. Так я тебе, позволь, принесу сейчас...

Буслов. Ну, чего смотришь так на меня? Опух, опух.

Раиса *(почти нежно)*. А ведь ты такой же, как и был. Только...

Буслов. Ну...

Раиса *(поспешно)*. Я принесу сейчас. *(С порога.)* Мне, знаешь, вчера как-то представилось, что вот снега, высокие снега, а посреди один лишь живой и теплый человек: ты. Один... это страшно.

Буслов. В Унтиловске, Раиса, четыре тысячи двести человек живут. И все теплые, живые...

Раиса. Да, но ведь снег, снег... Виктор, если бы я предложила тебе сейчас уехать из Унтиловска со мной... согласился бы ты?

Молчание.

Буслов *(в волнении)*. Как тебе в голову пришло! Отсюда?.. с тобой?.. Не знаю...

Раиса ушла.

19

Буслов *(перед зеркалом)*. Да, борода выросла. Да, опух. Не прежний... Ишь глаз-то какой!.. Пятно на самом рукаве, а я и не заметил, так и хожу с пятном. *(Чистит ногтем.)* Крепчает мороз! *(Перешел к окну, где Ионины цветы.)* Фикусы, унтиловские дебри... Неверная весна, неверная... Вот... есть с чего-то захотелось.

20

Червяков *(озабоченно заглядывая через порог)*. Вы еще тут, Виктор Григорьевич?

Буслов. Чего ты, Пашка, ровно над душой стоишь!

Червяков. Илья гонцом прислал. Там собираются встряхнуться. Манюкин, Васка пришла. Тобой крайне интересовалась...

Буслов. Ну, вре-ешь! Чего ей спрашивать...

Червяков. Да не скромничайте уж. Васка — буйная женщина, а сердце сердцу весть подает! У них, у таких-то, страсть тугая, самогонная. Четырех могла бы обогревать!.. Вы на меня, Виктор Григорьевич, не сердитесь?

Буслов. Так ведь тебя не переделаешь! Раз ты существуешь в природе, значит, есть у природы на тебя какой-нибудь умысел. Я в дела природы не вмешиваюсь. *(Помолчав.)* Пашка, скажи по совести... есть ли у тебя совесть?

Червяков. Совести, пожалуй, нет. Я как-то больше разумом пользуюсь!

Буслов. Все равно, по разуму скажи. Похож я на жениха?

Червяков. Драться будете!

Буслов. Нет, все-таки. Хорош я буду в роли новобрачного? А ты побреешься и поздравлять меня придешь.

Червяков. Сами позовете. У семейного-то очага тараканы всегда заводятся. Эта дрянь любит семейственное теплецо. А что, разве уж склеивается? *(Слушает у двери.)* Ого, пла-

чет. Она плачет! План, заведомый план! Ну, Виктор Буслов, идите утешать. Как утешите, так и дело будет слажено...

Б у с л о в. Ты... думаешь?

Ч е р в а к о в. Хороший вы человек, Виктор, даже стыдно как-то перед вами. Послушайте, миленький!

Б у с л о в. Ну, мути, мути...

Ч е р в а к о в. А не махнуть ли нам сейчас к Илье. Утешим его, сами утешимся. А вы не слышали, какие Васка песни поет! *(Поет.)* «За высокими горами солнце красное живет». Нет, что-то не в голосе нынче. Ай, как она поет песни! А это дело не уйдет! Это дело на цепочке вокруг вас бегать станет.

Б у с л о в. Так, говоришь, не похож на жениха-то? *(Стоит в раздумье, потом как-то по-мальчишески хватает шубу и шапку.)* Ты, Пашка, злейшая эпиграмма на человека!..

Ушли.

21

Тишина. Потом кашель Р а и с ы, потом трезвон церковный.

Р а и с а. Ну вот, нашла наконец... *(Отцепляет платье от скобки и потому не замечает бусловского отсутствия.)* С кем ты тут, Витя? Да где же ты? Не шути! Ушел? Вот странно... Зачем же ты приходил тогда, Витя?

Часы хрипят и бьют.

22

Шум в передней, голоса Агний, вошел И о н а.

И о н а. Ну вот, встретили воскресенье. Нонче служба длинная, крестопоклонная. Марии Египетской чтение. Можно мне вкруг вас посидеть?

Раиса молчит.

Просьбицей собираюсь побеспокоить. Дверку-то прикрою. Ой, да вы опять плакали тут?

Р а и с а. Вас это не касается, отец Иона.

И о н а. Да я и не спрашиваю, солнце мое. Чужие слезы в чужие моря текут. Я вот только огонька вздую.

Раиса. Не зажигайте, прошу вас.

Иона. Нельзя, мало ль что подумать могут. Я еще в соку... Небезызвестно вам, солнце мое, как мы все любим вас. Про себя скажу: души не чаю! Как ни вертись, а струя жизни. Так вот, тайком от матушки хочу просить любви вашей и снисхождения... *(Становится как бы на колени.)*

Раиса. И этот еще! *(Тихо плачет.)* Да что же вы набросились на одну меня... Грязный вы поп!.. Как вы завтра обедню служить будете?..

Иона. Не так громко, солнце мое. Дьяконица там сидит, баба болтливая, о четырех языках. Не о себе молю. Куды уж мне,— старик, старик. Фигуляю токмо, а сил уж нет. О дочке прошу! Илюшу оставьте нам, Илюшу. Тайком-то хоть и в ножки поклонюсь... Помолодела дочка, как Илья-то присватался. Ровно бы в зимний день да птицы запели. А где я их найду?

Раиса *(плача)*. Да берите, берите... С Аполлосом этим вместе. Две свадьбы разом...

Иона. Во-от, как приступит, вы его и пугните. Кто же это про Аполлоса вам говорил? Неправда, сущая ложь на девушку. Хм, окурочек. *(Поднял с пола и сунул в рукав.)*

23

Матушка *(вплывая со змеиным шелестом)*. Спеваетесь тут? Лучше бы подзор вон у кровати постирала, чем хвостом-то вертеть да женихов сманивать чужих. Стыдилась бы! Мужьев-то — словно яйца колотишь. Этот тебе лежалый, тот с тухлиной. Всех мужиков-то у нас перекокаешь. Без денег, без совести...

Иона. Спокойно, спокойно, мать, все уладилось...

Раиса *(подходя вплотную)*. Да не кричите вы на меня! Завтра же всех женихов с собой в кармане вот увезу!

Матушка *(присмирев)*. Вон, принимайте... гостья пришла... два сапога пара...

24

Васка. Валенцами-то не наслежу? Войти-то можно?

Матушка. Входи, краля, входи... *(Ионе.)* Выметайся, отец.

Иона. Дай хоть поглядеть... Может, драться станут?

Матушка. Да ты совсем, поп, от рук отбился. Скоро уж и мышей ловить не станешь!

Ушли.

Васка. Викторова жена ты, значит? Я уж сяду. Не запачкаю тут? Садись и ты, места и на тебя хватит.

Раиса садится.

Уж я не здравствуюсь... только и есть нашего знакомства, что по мужику!

Раиса. Чему вы смеетесь?

Васка. Худая ты... Небось плачешь много? Ты, барыня, молочко пей. Как рукой сымет... Да чего, дай уж хоть посмотреть и на такую-то на тебя. *(Берет Раису за руку, та машинально повинуется.)* Рука... рука твоя белая, красивая... а у меня красная. Коров дою, оттого. Ведь ты небось никогда коров не доила?.. И нога у тебя гладкая, а у меня ишь в сапоге. *(Все трогает оцепеневшую Раису.)* И волосы у тебя... мягкие, и глаза на месте... и родинка на виске. Ну, поцелуй меня: я тебе радость принесла. На, в губы целуй меня!

Раиса *(вскочила одновременно с Ваской)*. Я... Я ударю тебя!

Васка. С угольком, а все впустую. *(Вдруг серьезно.)* Дуреха, глядеть надо было! Виктора нельзя без дела держать. Людская сила гниет без дела, как железо ржавеет. Да еще хуже, людская сила со смрадом гниет! Ему дело нужно, большое дело. Мельницу вертеть, дрова возить, лес корежить... *(Помолчав.)* А ведь как он любил тебя.

Раиса. И любит!

Васка. Нет, барыня, плохие нонче твои дела...

Раиса. Что, что вам нужно?

Васка. Не кричи... Что нужно, то и нужно. Пойдем туда, что ли? Ладно ли, весь свет будет слушать, как бабы полюбовника станут делить... Иди, барыня. *(Подталкивает Раису.)*

Уходят в Раисину комнату.

Раиса. Не трогайте... не смейте трогать меня!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Опять бусловская конура. Дело к вечеру. Манюкин учится у няньки вязать варежки. Пианино уже закрыто. Приятно полыхает печка.

1

Нянька. Шерсть-то какую нонче делают. То рвется, а то все узлы да узлы. Так, так! Теперь спусти две петельки, да оттуда и подхвати. Во-от!!

Манюкин. Вся и жизнь теперь так-то, Пелагея Лукьянна. Нынче, если год ты прожил, значит, герой ты, значит, удивительный ты человек. Ой, не туда петлю-то пустил! Не-ет... А что, может, я варежками-то на весь свет прославлюсь? И поставят мне монумент — пре-огромную варежку, а?

Нянька. Варежки вязать ничего, а вот барбарис чистить — адская работа. Места-то так и не нашел себе? Так все и мотаешься по чужим столам?

Манюкин. Где ж меня возьмут. Находишься за день-то, сядешь в нетопленной-то комнате и... ровно дегтем тебя опоили!

Нянька. Голод да холод — они в дружбе. Капукарин-то в голод все вон пьянину Раичкину хотел купить, четыре пуда давал. А Витечка на смех поднял! А сам го-олодный.

Манюкин. Большой человек много пищи требует.

Нянька. Правда твоя. Сыт? — спросишь. Левая половинка, скажет, сыта, а правой только завидно. Ты свяжи вот так рядок, а мне пойти обед посмотреть!

2

(Уходя, в дверях, влетевшему Илье.) Да ты меня затопчешь копытами-то, Илюха, жених неневестный. Ноги-то отряхни, целый воз притащил!

Илья. Виктор не приходил еще? Здравствуйте, Сергей Аммоныч!

Манюкин. Простите, не могу руки подать!

Илья. Вяжете?

Манюкин. Вяжем. Извиняюсь, вы на нитку наступили.

Илья. А я вот места себе не нахожу, прежалостная судьба! Тридцать пять лет обитаю землю, а не страдал так. Цельный час даве за столом просидел: кусочка вогнать не мог! Вот Виктора хочу спросить: коли, мол, не будешь пользоваться, так мне отдай!..

Манюкин. А она ведь была здесь нынче!

Илья. Кто? Раиска? Ну, разговаривали вы с ней?

Манюкин. Разговаривал. Я на крылечко, а она с крылечка. Я говорю: bonsoir [1], дескать...

Илья. А она?..

Манюкин. А она — «прощайте». Опять на ниточку...

Илья. Ну, значит, еще придет!.. Аполлос говорит: либо похить ее через окошко, либо убей ее и себя. Аполлос дурак! Ведь когда я чуркой лежать стану, так ведь даже пожалиться будет не с кем! Э-эх, прямо загрызть готов!

3

Нянька накрывает на стол.

Буслов *(входит в поисках чего-то)*. Кого это ты загрызть собрался?

Илья. Весь земной шар готов загрызть! Взять его... трах, напополам!

Нянька. Неужто как орех, Илюша?

Илья свирепо косится.

Откуда ты так поздно-то, Витенька?

Буслов. Да вот к ребятам, соседям-то, заходил. Уж и метет на дворе, точно лопатами кто кидает. А мне повезло

---

[1] Добрый вечер *(фр.)*.

нынче, Сергей Аммоныч. Да бросьте вы ваши варежки! Прихожу в класс, а он что-то рисует украдкой... да нет, вы поглядите только! *(Достал из папки рисунок.)* Вот... Да вы не так взяли. Каково?

Манюкин *(Илье)*. Подержите, будьте добреньки. Ну-ка. Хм. Ну, олень. Ну?..

Буслов. Так ведь он сейчас удерет с бумаги-то, олень. Впрягай рисунок и поезжай хоть на край света. Эх, жалко, Гуги нет, я бы ему показал!

Илья *(вынимая другой рисунок)*. А ведь это ты, Виктор Григорьевич! Во, глядит и не дышит!

Манюкин. Нос кривоват.

Буслов. Да ведь кто рисовал-то! Двенадцать лет щенку. Пономарев племянник, Васятка! На старом пакете, а? Ба-альшой художник выйдет, только бы не сбился. А у тебя уж накрыто, нянька? Э, постой, узнаёшь?

Манюкин. Похож на меня, Пелагея Лукьянна?

Нянька. Бородища-то больно черна. Цыган!

Манюкин. Нет, это я на том свете через год после кончины!

Нянька грозит пальцем и уходит.

Буслов. Наобещал красок ему купить, вот с пароходами. Ну, Сергей Аммоныч, садитесь. Ты пообедаешь с нами, Илья?

Илья. Мне не до еды.

Буслов. Тебе с капустой, Сергей Аммоныч?

Манюкин *(стоя)*. Я бы и сел, Виктор Григорьевич, да неловко уж больно. Третий месяц у вас обедаю, вы не уговаривайте. Нет, я лучше в сторонке посижу!

Буслов. Ну-ка, помоги, Илья! *(Усаживает Манюкина.)* Ну-ка, тарелочку твою.

Манюкин. Какая унизительная штука: еда. Исподличаешься весь! *(Мешая ложкой.)* Хозяйка у меня... Позовет, сядет эдак и смотрит на меня. «Покормить тебя, али и так побегаешь?» А ты стоишь перед ней этаким болваном да ручки трешь. Лица своего стыжусь, Виктор Григорьевич!

Буслов. Ты мрачный нынче, Манюкин. Ну дай бабе в рожу и перебирайся ко мне. Ешь, Манюкин, всякий человек должен есть. Илья, дай сюда вон ту, с ярлыком которая. Садись, развлекись с нами! Ну-ка, Васяткино здоровье! Пусть растет, пусть в плечах ширится. Пусть покажет всем этим Гу-

гам, какая кровь у Васятки. Ох, как он меня ошарашил. Схватил я его, исцеловал всего, а он в слезы...

Илья. Эй, Виктор Григорьевич, терпенья больше нет! Нужна она тебе? Руби меня под корень, не жалей. Либо погибну, либо достигну счастья.

Буслов. Ты что, про Раису, что ли? *(Усмехаясь.)* Какая же я тебе помеха! Старайся, старайся... Я домком обзаводиться не собираюсь пока.

Илья. Ага, так? Ладно, будем говорить, значит. *(Уходя.)* Если бы ты знал, Виктор Григорьевич! Сейчас пойду и выбью окна Ионе!

Буслов. Дубина, за буйство сажают людей. Погоди хоть до весны...

Манюкин. Илья Петрович, нам ведь по дороге. Вот только косточку догрызу. Эх, зубки-то поистрепались! Илья Петрович, вот только в кофтенку облекусь. Ну, вот и готов... хоть на Северный полюс!

Буслов. Понедельник нынче, игорный день... Не забудьте!

Илья. Памятуем!

Манюкин. Привет, привет!

Ушли.

4

Нянька. Лег бы, отдохнул бы. *(Взглянула в окно.)* Ой, крутит-то как нынче.

Буслов *(мимоходом трогая рисунок)*. Да, нянька, смешная история! Эх, олень, олень! Ты приберись да приходи посидеть со мной. Да ты уже убрала? Вот быстрая. Ты тоже, нянька, оленьей породы!

Нянька. Я не оленьей, а человечьей. Дай-кась, полешце еще подкину.

Буслов. Ну, садись вот сюда. *(Сам уже лег.)* Вишь, какая ты теплая! Помнишь, как я маленьким был, в колени тебе щеночком ползал, помнишь? Ну, как жила тут без меня?

Нянька. Да вот обед варила. Мясо-то опять подешевело! Табачку тебе купила. Полтинничек прикопился у меня. Табачок-то в столик я сунула, возьмешь потом.

Буслов *(взволнованно целуя руку)*. Нянька...

Нянька. Что ты! Я не поп, я и так пойму.

Буслов. Нянька, вот мы всю жизнь вместе прожили. Скажи, плохо я жил? Разве нечестно жил?

Нянька. У кажного своя путь! Вот выспишься, с приятелями посидишь... *(Засмеялась.)* Косомолы-то даве какую штуку удумали. От шубы рукав привязали к двери. Я открываю, а рука-то и тянется. Так и обмерла я... *(Дразнит.)* «Ти-ти-ти: выходи за меня замуж, бабушка!» — «Да ведь ты, говорю, и в церкву не ходишь?» — «Зато, говорит, бабушка, в баню часто хожу».

Буслов. Стареем, нянька... Уходящее поколение, закон природы! Вот Васятка растет, греметь будет. Для него наша жизнь только глупая история. А мы вот здесь, нянька, носим дым ее и гарь. В счастливое время родился ты, Васятка, шагай!..

Нянька. Больно уж старишь себя, смеешься надо мной! Я и то Раечке даве говорю: «Витечкина сила, говорю, долго еще будет противиться!»

Буслов *(привставая)*. Когда же ты с ней говорила?

Нянька. А даве, прибегала без тебя!

Буслов. А ты и молчишь? Ну, рассказывай же, как она, что говорила?

Нянька. Посидели мы с ней на кухне. Больше я говорила-то, а она молчала. Поднялась потом да робко так к пианину присела, меня в сени прогнала. Всего разочка три стукнула, потом принялась по комнате ходить. Поглядит этак на вещь, огладит ее всю, точно не верит. Кто за стеной живет — спросила. Как сам живешь, спрашивала. Кто к тебе ходит, спрашивала. Что ешь, интересовалася.

Буслов. Да чего ж ты замолкла... не томи, дальше рассказывай...

Нянька. А чего ж дальше... Кашу, говорю, ест. Штями польет и ест ее, кашу-то. Ложкой.

Буслов. А она?

Нянька. Усмехнулася. «Ладно»,— говорит. Уж простил бы ты ее, Витечка! И продолжилась бы жизнь ваша...

Буслов. Жизнь, нянька, и без того продолжается. Вот молодые идут...

Нянька. Молодые, молодые... Воздуха на всех хватит, не стаканами продают. Что ж путного: Васятка тебя взашей. А подрастет у Васятки щенок, значит, и Васятку за бороду? Аль от бороды дуреет человек?..

Буслов. Ну, не ворчи, не ворчи. Загрызла ты меня сов-

сем. О себе расскажи что-нибудь. Вот, кстати, как с Изотом-то встретилась!

Нянька. Загрызешь тебя, гладкого. Ну, слушай. Я молодая-то очень хороша была: кругленькая, востроносенькая.

Буслов. Он и теперь еще востер.

Нянька. Это он уже к смерти вострится. Вот и присватался в те поры лавочник ко мне, Королев Алексей Степаныч. Вдовец, а мужик сто-ой-кой! «За меня, говорит, пойдешь, ровно в кармане сидеть будешь. Я, говорит, не человек, а каменная гора...» Да и подарил мне зеркальце. Ма-а-хонькое, ровно б яблок вот поперек разрезать. Как взглянула я в него, так и затряслась. «Такая, говорю, да за тебя, за раскорякого, замуж?» А тут Изотка и подвернулся... Ни кола ни двора, пляшет да зубы скалит. Ветер. А ведь не каюсь, Витечка: под ветром-то оно веселей, чем под каменной горой... Да, никак, спишь? Ну, пристал... Прикрыть тебя! *(Стоя над спящим.)* И борода что лес, а все такой же! *(Передразнивая.)* Нянюска, а засем глива у лосадей? *(Присела и поет.)*

Ай, коты мои, коты,
Коты — серые коты...
Ай, коты мои, коты...

Сумерки.

5

Черваков *(подпевает, сидя у двери)*. Ко-оты се-е-ренькие...

Нянька. Да как же ты попал! У тебя и голосу-то нет, как осина скрипишь.

Черваков. Ошибаетесь, у меня глубочайший тенор!

Нянька. Шиш на тебя! Спит человек, а ты развякался. Зубы-то прошли?

Черваков. Все прошло. Все проходит. Все пройдет, Пелагея Лукьянна. И ничего не будет. На всякий предмет есть своя дырка, незримо, но есть. Рождается предмет, рождается и дырка, жаждущая его поглотить.

Нянька. И непонятно, а чую охальное что-то. Вот ломается, вот ломается, точно весь свет только на тебя и смотрит.

Черваков. Не нравлюсь? Ну, что ж, я и самому себе не нравлюсь. Ладно, идите, приступайте к своим обязанностям!..

Нянька ушла.

6

Червaков. С чего начать? Сперва доску. Теперь прилагательное и четыре стакана. Так!.. Виктор Григорьевич, вы спите в самом деле или только притворяетесь? Спит! Ты спишь, чудак, а ведь каждую минуту совершаются события, которых уже не повернуть вспять! Что я говорю, какие события в Унтиловске? Какая глупость! Износился ты, Пашка, как и твой пиджак. Но не робей, Паша, не робей. В Унтиловске и с заплаточкой можно... И с заплаточкой!

7

Илья *(с гитарой)*. Раиска еще не приходила?

Червaков. Ты поздоровайся сначала, и потише, контрабас ты этакий. Человек спит, а ты во всю пасть...

Илья. У меня нет пасти — у меня рот.

Червaков. Да что с тобой, Илья? Ты прямо рычишь нынче. Если ты влюблен, то должен ощущать только легкость. И потом, как ты мог подумать хоть на минуту, что Раиса может поцеловать тебя?.. Ну, что ты за человек?

Илья. Я мечтательный человек и, кроме того, люблю красоту.

Червaков. Красоту надо любить робко и издали, а ты дерзаешь, но не в этом дело. Ты получаешь пятьдесят в месяц. Правда, родители твои померли и уже не обременяют тебя. Но ведь у тебя же могут быть дети...

Илья. Паша, не рви мне сердце! Меня и так уж мысли одолели.

Червaков. А ты свисти, разгоняй мысли. Тебе мысли вредно. И, кроме того, что за мечтательность такая! Ты же состоишь на службе! Пороть надо человека за мечтания. Да и о чем мечтать!

Илья. Как о чем? Дай-ка твое ухо... *(Шепчет что-то.)*

Червaков. Фу, какой ты сальный стал, Илья! И потом, ты плюешься мне в ухо!

Илья. Я к тебе с мечтой, а ты так? После этого я не желаю больше с тобой разговаривать.

Червaков. Ну, и к черту!

Ходят по комнате.

Ходи, пожалуйста, по той половине. Ты мне мешаешь думать.

Илья. А я хочу и по той и по этой.

Черваков. Ну и дурак!

Илья. Не всем же мыслителями быть! Надо и дураков для разнообразия.

8

Васка и Манюкин.

Васка. Живы, что ль?

Илья. Тише вы там!

Васка. Спит, что ли? Не будите его. *(Подошла, заглядывает в лицо.)* Спит и ничего не знает.

Нянька. Будет, будет вам. Нехорошо тайком на спящего смотреть. А может, он сон какой видит? Живой еще. Чего тебе, баба, нужно, все ходишь!

Васка. Я-то? *(Смеется.)* А я его, бабушка, жалеть буду. Поняла? Ты-то стара уж, бабка, я помоложе. Может, у меня любовь к нему! Любовь — не мышь, ее не выморишь... Ишь ведь как лег, горлом кверху, беззащитно как лег.

Нянька. Витечка, вставай, Витечка! Собрались уже все!

Буслов *(проснувшись)*. О, уж вся компания в сборе... А, и ты, Васка? Ну, здравствуй, здравствуй. Песня-то твоя про высокие горы все на уме у меня. Кажется, переспал? Не-ет, в меру. Что ж, можно и к доскам. Нянюшка, подкинь поленце, не скупись. Не улеглась еще погода-то?

Манюкин. Ужасно лепит. С дедом моим, Алексан Карпычем, случилось в турецкую войну. Вышел по надобности да четыреста тридцать верст и отшагал по метели!

Черваков. Э, надоело, слышали уже! Его потом в полковники за это представили?

Манюкин. Да, действительно, представили! А вы откуда?..

Черваков. К доскам, к доскам!

Илья. Ну, держитесь, Сергей Аммоныч. Лют я нынче!

Черваков. Я, по обыкновению, черненькими, я и сам такой.

Манюкин. Мы уж, как всегда, с уголка...

Буслов. Ты где-то витаешь, Пашка! Фук тебе...

Червaков. Следует человеку и повитать. Говорят, Раиса Сергеевна придет нынче!

Буслов *(думая)*. Говорят, говорят... *(Обернулся к Васке.)* Ты придвигайся, сиятельство. Чего ж ты одна-то там? Да пой, пой громче, я люблю.

Васка *(у окна)*. Не хочу петь. Я вот гляжу: метет и все следы заметает...

Манюкин. А еще, говорят, большевики Минина и Пожарского в Москву-реку мыть возили, на двенадцати тройках!.. До чего додумались!

Буслов. Говорят, говорят...

Илья. Зачем же его возили?

Васка. Пропылился, значит?

Червaков. Нет, не играется, сдаюсь, сдаюсь.

Манюкин. Понедельник нынче, мутный день. А сколько их еще впереди, понедельников-то!

Васка. Столько же, сколько и воскресений.

Червaков. А интересно!

Илья. Что тебе интересно?

Червaков *(на Манюкина)*. На монсеньера-то взгляни, как лысина у него блестит, не к добру!

Васка. А плохо сейчас тому, кто в поле едет...

Недоуменье.

9

Семен *(вошел, и тотчас к нему подошел Илья)*. Хм...

Илья. Ты?

Семен. Я!.. *(Помолчав.)* Отец Иона сказать велел, что, дескать, не серчает на вас.

Илья. Ну...

Семен. Ежели, мол, посватается, так не откажу.

Илья. Ну...

Семен. Вот еще Агния Ионна прислала вам, в бумажку завернуто было, только я бумажку искурил. *(Долго роется в карманах, вытаскивает кружевной платочек.)*

Червaков. Илья, немедленно отошли назад!

Илья *(сумрачно)*. Потом отошлю, а то все вышли... Эй, Калуга, вздумали твои хозяева в такую погоду посылать. Небось продрог, выпить хочешь?

Семен. Продрог-с, как березовая веточка!

Буслов. Ты тогда уже всем наливай.

Илья налил.

Васка *(подойдя)*. Не дам тебе пить, пить не дам.

Буслов. Чего-о ты?.. Не дашь мне?.. Сама гонит, а не дает! *(Хохочет.)* Спасательница души... Ну-ка, дай сюда!

Васка. Не дам.

Буслов. Ты что, спятила?

Васка. Не дам. *(Выплеснула из стакана.)*

Буслов *(после поединка взглядов)*. Ну, что же, я не буду.

Илья *(Семену)*. Еще не выпьешь?

Семен. Можно. *(Пьет.)*

Илья. Пей. Пей. Еще можешь?

Семен *(виновато)*. Могу...

Илья. На еще!

Семен. Э-эх, говельщики у нас нонче...

Илья. Ну, теперь ступай и скажи Ионе, что Илья, мол, Редкозубов кукиш ему шлет... Понял? Ну, лети, голубок!

Семен. Ладно!

Ушел,

10

Черваков. Виктор Григорьевич, не конфузьтесь. Мы ничего не заметили! Но желаю произнести мой последний тост за Буслова. Все мы были свидетелями, как с приездом в Унтиловск одного известного лица Виктор Григорьевич вдруг заволновался и как-то сразу полинял. Прошлое нахлынуло на него, и он боролся. И вот уже готов он был отряхнуть от валенок своих сыпучий унтиловский снег! Страшный этот поединок длится еще и теперь и разрешится, быть может, даже в нынешний вечер... Две женщины... *(Ехидно.)* Мечта прошлого, голубая сонь минувших дней... или явь, чреватая сомнениями и трудами. Некоторые мелочи последних дней заставляют меня сомневаться в устойчивости унтиловского... как бы сказать... кита. Буслов Виктор поступает в совмальчики, а Васка... за-

крывает самогонный завод. В чем дело? Какие-то просветленные фигуры... в белых ризах и с венками на головах, ха! И вот уже Червакову стыдно, Черваков тает, как воск от лица огня...

11

Н я н ь к а *(долго и нерешительно стоит за порогом, прежде чем заявить о себе)*. Витечка, тебя мужики какие-то спрашивают.

Б у с л о в. Узнай, что им надо?

Н я н ь к а. Машину, говорят, какую-то; Буслова, говорят, из попов который...

12

1-й м у ж и к. Мы от Капукарина. Машину взять. Которую брать-то?

2-й м у ж и к. От Фомы Егорыча, с подводой мы...

Б у с л о в. Ах да... вы, значит, за пианино приехали. Так, так. Погодите...

В а с к а *(загадочно)*. Так ведь снег, еще вывалите где! Виктор, метет в поле-то!

1-й м у ж и к. Мы ее дерюгами покроем. Мы с дерюгами. Людей возим, а эту-то повалим на бочок: ляжи-поляживай...

2-й м у ж и к. За милую душу! Эту, что ль, брать?

Б у с л о в. Да, да... эту. А ну, берите... да подружней берите, берите... бери!!

1-й м у ж и к *(бормочет)*. ...в санцы увалим. Ляжи-поляживай.

Ч е р в а к о в. Что это значит, Виктор Григорьевич? Ведь это — то самое, на котором Раиса играла. Ведь вы же шесть лет притронуться к нему не давали.

Б у с л о в. Ничего, Паша, ничего. Под низ бери. Да сними рукавицы-то, выскользнет...

Н я н ь к а. Да куда же это, Витечка? Ведь Раечка на нем играла... Да я не отдам. Не отдам, Витечка!..

1-й м у ж и к. Пусти-ка, бабушка, зашибем невзначай.

Н я н ь к а. Витечка, да как же это? Сергей Аммоныч, да скажи ему, ведь он Раечку, живую, из дому выносит. Да уйди ты, баба...

Б у с л о в. Крепче, крепче беритесь...

Один из мужиков ударяет нечаянно по клавишам.

Крышку закройте сперва. Надо же соображать, ребята.

2-й мужик. Ты на себя, Серега, бери... На себя.

1-й мужик. Склизкая какая, так и норовит. Не жалает на холод-то!

Б у с л о в. Пригрелась!

Н я н ь к а. Витечка, Раечку хоронишь.

Б у с л о в. Ничего, нянька. Деньги получу. На платье тебе куплю. *(Взволнованно.)* Хорошее тебе куплю платье! Васка, чего, чего смотришь?

В а с к а. А что, аль боязно стало меня?

Ч е р в а к о в. Виктор Григорьевич, да вы знаете, что делаете?

Б у с л о в. Пашка, отступи, изувечу...

1-й мужик *(уже в дверях)*. Выше, выше подымай, не пролезет. Ровно стонет...

И л ь я. Застонешь тут!

Вынесли.

Б у с л о в. Подотри, нянька, пол... Ишь наследили. Ну, нянька, просторно как стало, хоть танцы устраивать!

В а с к а. Молчи, молчи... тебе счас молчать надо!

Н я н ь к а. Да что же теперь будет-то? Заморозят они его совсем! *(Убежала за мужиками.)*

13

М а н ю к и н *(в полной тишине)*. Ляжи-поляживай!

Б у с л о в. А теперь... ступай за Раисой Сергеевной, Илья. Приведи, приведи ее.

В а с к а. Чего звать-то, она, чай, и сама придет.

Ч е р в а к о в. Васка, хитришь чего-то! Ты думаешь, что мы уж совсем тронутые?

В а с к а. Покажь мне нетронутого, я тебе рупь дам!

Б у с л о в *(Илье)*. Ступай... Да ничего не говори там. Чтобы сюрпризом. Соври что-нибудь, ты ведь поэт. А у поэтов это искренне выходит.

Илья (*одеваясь*). Я не прочь, я не прочь... О, даже дрожу весь с нетерпения. Виктор Григорьевич, отчего Васка смеется?..

Илья ушел.

14

Буслов. Да, Пашка, ты прав, мне уезжать отсюда незачем. Другим надо уезжать отсюда.

Васка. Больше-то уже никому уезжать незачем.

Буслов. Погоди, Васка, дай я тебе сейчас рисунки покажу. Где же они?

Черваков. Да мы уж видели их... пустяки, рассосется!

Буслов. Нет, это ты рассосался, Пашка! Был бы я художник, написал бы картину: луна, снег, эдакая бескрайность наша, и по ней бегут, этого... олени бегут! О-они знают, куда бегут...

Черваков. Лучше уж волки, правдивее...

Буслов. Олени, Пашка! Эх, неспокойно мне. Про что вы там, Сергей Аммоныч?

Манюкин. Да вот ее сиятельству историйку рассказываю пустяшную.

Буслов. Так ты уж вслух вали!

Манюкин. Так, ерунда-с. Вспомнил, как я в Неаполе концерты носом давал.

Васка. Развеселый ты человек, Манюкин. Тебя и повесить — все смеяться будешь.

Черваков. Веселый, да нос-то у вас маловат!

Манюкин. Сточился, сто тринадцать концертов. Автомобильная ось сточится. У меня рояль во время игры на пол-аршина подымался, такая сила звука! Фотографы из Америки приезжали. В одном журнале было: эдак страница... И во всю страницу мой нос — и больше ничего. Прямо государственный нос был.

Васка. Ну, ну. И лыс и сед, а ума нет.

Манюкин. Я концерты для эффекта в женском платье давал. И влюбился в меня Петька Шансов. Не знаете? Да вот тот самый знаменитый яичник. Яйца на всю Европу поставлял. Вся Волынь и Херсонщина только для него и неслись! (*Входя в азарт.*) Богач! Ватикан собирался купить и перевезти к себе, в Курскую. Мужик страшенный, к тому же мужчина трех с

половиной аршин! Ручку покажет, так долго вы этой ручки не забудете. А лицо: сразу и не поймешь,—лицо это или спина... в оголенном виде. Сижу раз вот эдак...

15

Илья весь в снегу, мычит с разинутым ртом.

Васка. Метет, Илюша?

Черваков. Пришла. Ну, Виктор... победитель... в последнее сражение!

Буслов. Пашка, убери это гнусное стекло! Сергей Аммоныч, спросите, чего этот дурак сипит?

Илья *(со стоном)*. Она... уехала, уехала совсем... из Унтиловска...

Буслов. Догнать, догнать ее... Раиска!..

Черваков *(метнувшись к двери)*. Пусти меня, Илья. По какой она дороге поехала?.. *(Убежал.)*

16

Васка *(гладя бусловские руки)*. Ну, чего, чего бьешься! Перетерпи, пройдет. Ей туда надо. Сейчас небось и реку уж переехала. Полем мчит! Я ей капукаринского зятя наняла. Лихой, бывалый мужик... он ее предоставит! Небось лежит в нартах, закуталась, а небо вьется. Пустоту повезла барынька!

Буслов. К чему ж ты все смеялась? *(Взял ее за голову.)* Тебе, Васка, весело?..

Васка. Как же не весело? Это я ей и денег дала, на отъезд денег. Глу-упый, ведь ты б ее убил.

Буслов. Ты?.. Во, точно рогатину впихнули. *(Наливает в кружку.)*

Васка. Не дам. Что ты, махонький, что ли?

Буслов. Васка, дай... Э-эх, олени, олени бегущие... Так ты меня откупила, значит? И дорого дала?..

Васка. Продешевила барыня!

Буслов. Это оттого, что по случаю. А глаза у тебя серые, таежные...

Васка. Какая есть... Вся такая! *(Илье.)* А ты чего буркалы пялишь? Играй, ну... играй. Я петь буду. Петь хочу!

Манюкин. Про высокие горы, спойте про высокие...

В а с к а *(поет).*

Веет холодом над нами,
Облегает сердце лед...
За высокими горами
Солнце красное живет...

17

А п о л л о с *(влетает, оставляя позади дребезг посуды).* Граждане, что же это такое? Павел-то Сергеевич чуть не загрыз меня!

В а с к а. Да что с ним,— спятил?

А п о л л о с. Плачет и буйствует. Его там косомолы вяжут! Никак, идет? Убьет, убьет... я ему семь рублей должен. *(Плачет.)* Гибнуть не хочется в такие годы!

Б у с л о в. Плачет? Манюкин, ты понимаешь, почему плачет Черваков?

М а н ю к и н. Значит, приспело время плакать и Червакову!

18

Ч е р в а к о в *(отбиваясь от толпы переполошенных соседей за дверью).* Пустите, пустите меня. Может человек и без чужой помощи сгнить!! *(Вырвался.)* Виктор, в чем дело? Снег, снег летит... Ничего не видно, а? Снега горят!.. И на ногах снег... и внутри снег. Х-хе, посрамление Червакова! Вот штука... *(Сел на стул посреди.)* Чего же ты не хохочешь, Васка?.. А ты, Аполлос, не катаешься по полу?

Аполлос пугливо прячется.

Смешно-то как...

Буслов все молчит.

В а с к а. Уходи, Павел Сергеевич, от греха! Так и уходи на метель...

И л ь я *(у окна).* Ишь, ровно злится... завтра к потребилке и не приступишься!

Б у с л о в *(спокойно).* Вон иди, Пашка, вон!

М а н ю к и н. Виктор Григорьевич, так ведь метель!

Б у с л о в. Ничего, весна всегда с метелями.

1925

УСМИРЕНИЕ БАДАДОШКИНА

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семен Егорыч Бададошкин — торговец рыбой, 50 лег.
Анна Петровна — его жена, 28 лет.
Никитай — его сын, 27 лет.
Настя — сестра его жены, 19 лет.
Домна Ивановна — его мать, 67 лет.
Сергей Петрович Коротнев — его жилец, 22 лет.
Фока Матвеич Крутилин } приятели его, с женами.
Багдад Багдадыч } приятели его, с женами.
Барин.
Князь.
Серафим Петрович Вошкин — щуплый гражданин.
Варгушев.
Закладчики.
Гармонист.
Григорий — дворник.

Действие происходит в годы нэпа в трех комнатах бададошкинской квартиры.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Столовая у Бададошкина, загроможденная обилием вещей, купленных по случаю и за бесценок. Глубокая печать стяжательства лежит на всем. На стене картина «Юдифь», в углу радио. Гости в задних комнатах; за столом, на котором самовар и всякие закуски, Никитай и жена Крутилина.

1

Никитай. Еще чайку не угодно ли? Вода-то казенная. Наливайтесь, мадам, пра!

Крутилиха *(басом)*. Да уж и то, все пью да пью. Запарилась вся.

Никитай. Под клюкву-то оно шибко пьется. Пейте, мадам, не обижайте самовара.

Крутилиха. Да ведь простужена я, голубь. Доктор сказал: срептококки залезли в мое тело и все никак не могут вылезть.

Никитай. А тоды винца хорошо. Дозвольте, я вам составлю! *(Наливая в стакан.)* Вот сперва пивка сунем, да коньячишку для крепости, да мадеры для вкусу. Скипидарцу бы еще, да под рукой нет. Вот глотайте, мадам, до донышка и в один дух!

Крутилиха. Ой, дюже страшно!.. А не свалюсь?

Никитай. Что вы, мадам... напротив, от такого напитка летать станете!

Крутилиха *(выпила и осовела).* Во, точно лом железный проглотила! *(Тянется за закуской.)*

Никитай. Ни-ни, закуска ни в каком разе. От этого все действие пропадет. Вот и хозяйку спросите...

2

Анна Петровна *(войдя.)* Отец не приехал?

Никитай *(почтительно вскочив).* Не знаю-с, пора б и быть. Поезд-то в семь приходит.

Крутилиха. За товаром, что ли, поехал?

Анна Петровна. Не, он баушку поехал на вокзал стречать. *(Никитаю.)* Чего ты ее напоил, еле язык вяжет!

Никитай *(ухмыляясь).* Так... маненько для опыта. Винцо, знаете, с пивком когда соединяют, вроде фейерверка выходит. Интересно, что получится...

Анна Петровна. Ну и забавы у тебя, сирота!.. Ну, да бог веселых любит. *(Строго.)* Знобит меня, принеси-ка платок из спальни.

Никитай. Это который-с?

Анна Петровна. Пуховый, он там на кресле лежит.

Никитай *(робко).* От зноба-то винца хорошо... с пивком.

Анна Петровна. Ну, разгулялся. Платок мне, сказала!

Никитай. Момент-с! *(Ушел.)*

3

Анна Петровна *(в соседнюю комнату).* Пожалуйте сюда, гости дорогие. Фока Матвеич, самовар-то озяб весь со скуки...

4

Вошли: Багдад, жена Багдада и Крутилин.

Багдад. Квартеру-то как заставил! Прямо заблудишься, как в лесу. И вещь все тугая, полноценная...

Крутилиха. Надраконил монетов-то, вот и запасается. Все равно отберут.

Крутилин. Уж напилась, эка бочка!

Б а г д а д *(осматривая комнату)*. А полноценная все-таки вещь!

А н н а П е т р о в н а. Все покупает, весь мир сбирается купить. Эвон, дурак намедни картину с голой бабой приволок *(кивает на «Юдифь»)*, он и ту купил. Скоро уж в сарайчике жить придется, а тут крысы в комодах поселются... *(Вошедшему Никитаю.)* Давай сюда.

Н и к и т а й. Анна Петровна... Там нету платка, я искал.

А н н а П е т р о в н а. Ну, в кровати поищи. Экой!

Никитай ушел.

5

Ж е н а Б а г д а д а *(тоненько)*. Пасынок-то так и порхает, как зучок. А малый ждоровый!

Б а г д а д. Ты на мене, дуреха, взгляд держи, а на чужое не зарься.

Ж е н а Б а г д а д а. Ждоровый малый...

К р у т и л и х а. Вот такой-то и пришьет. Встанешь утром, а башки-то и нету.

К р у т и л и н. Помолчи, раз уж выпила.

К р у т и л и х а. Я говорю, пришьет. Я знаю, бывалошнее дело...

А н н а П е т р о в н а. Ну, этот никуда, не в породу вышел. Вот Настька... *(Стучит в стенку.)* Сергей Петрович, вы спите аль дремите?

Молчание.

Должно, ушел, воздух чище... Настька-то с жильцом через стенку перехихикивается.

Ж е н а Б а г д а д а. А ты чего з смотришь?.. Я б такую сестру в бутылку жагнала!

К р у т и л и н. Виноват, жилец-то из нонешних, значит?

6

Н и к и т а й *(с платком на пороге)*. Так ведь и все мы нонешнего посеву. А я-то из вчерашних, что ли?

Анна Петровна. Принес? Накинь на плечи мне. У меня руки в варенье. Ну!..

Никитай. Я не смею-с.

Все смеются.

Анна Петровна *(показывает голое плечо)*. Что это, видишь?

Никитай. Вижу-с. Это — плечико.

Анна Петровна. Ну и накрой плечико, раз холодно плечику.

При общем смехе он укутывает ее платком.

И на груди запахни... Чего у тебя руки-то дрожат?

Никитай молчит.

Ну, чего уставился, как гусь на молнию?

Никитай. Я думаю.

Анна Петровна. О чем же ты думаешь, сиротка?

Никитай. О плечике.

Все смеются.

Крутилин. Ну полно над сиротой смеяться. Нá тебе, парень, монетку, пивка выпьешь на досуге! Бери, не робей...

В открытом окне стук пролетки,

Вона, кажись, приехали.

Багдад *(выглянув в окно)*. Он и есть.

Анна Петровна. Иди встрень отца-то, гамаюн-птица жалостливая...

Никитай убегает.

Крутилин. Ох-хо, всему, что глупо, бог заступа...

7

Бададошкин *(раздеваясь)*. Э-гей, гости, не всю еще закуску-то поели?.. Экий холодина, должно, дуб распускается. Ну, вот и я. Здорово, Багдадка! *(Целуясь и внюхиваясь.)* Фу, как несет-то от тебя! А я, брат, бросил водку, да, брат, перешел на коньяк! *(Хохочет.)* А, кум, живи сто годов!

Крутилин. А может, мне господь тыщу пошлет?

Б а д а д о ш к и н. Его милости не перечу. А я, эвон, маманьку привез. Почитай, двадцать зим не видались. И нема, и глуха, и телосложения кволого, а эко чудо на свет родила! *(Хохочет.)*

Могучий д в о р н и к проносит вещи. Входит с т а р у ш о н к а, кланяется в пояс.

Эй, Никитай, распакуй баушку. Да не теребп так, не осетрину пакуешь!.. Анка, дай и баушке пожевать. Хи-хи, друзьишки, славен бог в Сионе: дрожим, а дышим.

К р у т и л и н. Дышать покеда не воспрещено.

Б а г д а д. Извини, дышать декрету не было.

Б а д а д о ш к и н *(лукаво)*. Эк, юрисконсульт какой!.. А ну, налей и мне, ядрица. *(Выпил.)* Но приступают и наши времена. Силы да деньги копите. Рубликами нельзя, так копеечками... *(Вытягивая пальцами ломоть лососины.)* Самые грошики тащите за волосики. Везде помаленьку стригите, я и козявочкой не брезгую. Но тихо надо, людишки, тихо да с песенкой. Тихо, совсем тихо... *(Как бы усмиряя движение волны.)* Еще тише... Вот так.

Тишина. Бададошкин звучно чавкает.

А травка-то и лезет из-под кирпичика!

К р у т и л и н. Травка пузырится.

8

Через сцену проходит Н а с т я.

А н н а П е т р о в н а. Ты надолго, Настюш?

Н а с т я. А тебе что?.. Я посуду вымыла, пол вытерла.

А н н а П е т р о в н а. Нет, я ведь только... если жилец спрашивать будет.

Н а с т я. Как вернусь, так и дома буду. *(Ушла.)*

9

Б а д а д о ш к и н. Норовая девчонка, люблю. *(Никитаю.)* Жилец дома?

Н и к и т а й. Неизвестно. Кепка висит.

Бададошкин. Скинь евонную кепку. Так прямо в кошачье блюдечко и скинь, будто ненароком. *(Анне Петровне.)* Куда она пошла?

Анна Петровна. Небось в клуб флаг раскрашивать.

Жена Багдада. Ой, да к чему з, милая, флаг-то?

Никитай. А чего ж им делать-то боле, только флаги и раскрашивать.

Бададошкин *(строго)*. Я тебе насчет кепки приказал. И ступай-ка, проветрись там где-нибудь.

Никитай ушел.

Первый май у них скоро, вот и раскрашивают старенькое-то под новенькое. Ну, да я не препятствую! *(Кивая на картину.)* Вона Юдифь-то ходила к срамодержцу и фигли с ним крутила...

Жена Багдада *(глядя на картину)*. Тозе ждоровый малый был.

Бададошкин. ...а потом тяп ему главу-то. Вникайте, людишки! А душу-то как ломит... Дождик, что ль, пойдет аль убьют кого? Налей-ка мне еще, Аннушка.

Анна Петровна. Допьешься... Ишь рожа-то, как сургучная стала!

Бададошкин *(держа рюмку, в которую Анна наливает)*. Рази ж это я пью? Вот раньше!.. До того, милые мои, допился раз, Фердинанда Болгарского увидел. Стоит будто на шкапе вон там, и взор такой пла-ак-сивый! Да чего вы все молчите-то, сговорились, что ли?

Анна Петровна. Да ты и слова никому не даешь сказать!

Крутилин. С нами вот еще похуже вышло.

Багдад. Доложи уж ему, раз и его касается!

Крутилин *(внушительно)*. Следит за мной один, в синих очках, уж две недели вокруг ходит. В баню намедни пошел, а он — в бане. В церкву вошел, а он стоит в притворе да с батюшкой разговаривает. Спать ложусь, а он в окошко мне свистит!

Анна Петровна. В дудку, что ли?

Багдад. Не, просто губами свистит!

Бададошкин. Это быват, от водочки. А у меня тунбой, бывалоча, прикинется и мигает мне глазком, затягиват. А то раз вытянулся, об стекло расплюснулся, да и глядит ко мне в окно...

Жена Багдада *(пугливо)*. Неуз во второй этаз?

Бададошкин *(смеясь)*. Ну, это я маненько выдумал.

Крутилин. Не шути, кум, как бы не поплакать. Сперва-то моемся мы с ним в баньке, а он мне: «Как, дескать, Расеей интересуетесь?» А сам весь в мыле, в пузырях. Я отвечаю: может, и был интерес, да ведь товар-то ноне воспрещенный!.. «Ну, говорит, тогда читай газеты, береги здоровье и жди мене... на днях все разъяснится». Так с меня мыло и поползло!

Багдад. А со мной — и того хуже. Зашел в лавку надысь, стоит и очки фланелькой протираст. «Глаза, говорит, карего глаза с лиловым зрачком из-за границы не получали?» А я только что товарцу там... ну, словом, из Крыму... ну, словом, бандероль там забыли наклеить... получил. Моргаю, жену ногой поталкиваю...

Жена Багдада. Все на можоль, на можоль...

Багдад *(осклабляясь)*. Помилте, отвечаю, какие ж ноне карие глаза? Да рази, говорю, при нонешних условиях можно карие глаза держать? А он мне: «Помни, говорит, об Расее, мерзавец!» Погрозил пальцем и ушел...

Бададошкин смущен, глядит во все глаза.

Анна Петровна. Сыщик, наверно!

Крутилин. Дак ведь он товару-то не отнял, печати-то не наложил!

Анна Петровна. Жулик, значит. Кто нонче на такие дела польстится. Смотри объегорит — и следу нет.

Крутилин. Нет, не жулик, а человек он, и нитка от него туды идет. Да он и про тебя, кум, спрашивал: кто такой, да патриот ли, да каким духом дышит...

Бададошкин *(хмуро)*. Ну, а ты?

Крутилин. А я — с сыном, дескать, рыбкой торгует, рыбка у них.

Бададошкин. Ну, а он?

Крутилин. А он — список, говорит, на будущи времена составляем. Так в какую графу занесть?

Бададошкин. Ну, а ты?

Крутилин. Бла-ародный, говорю, человек. Капитал вещами содержит. Довериться можно, потому женатый.

Бададошкин. Ну, а он?

Крутилин. Да ну тебя, пристал! Погоди, скоро сам все испробуешь!

Бададошкин *(в смятенье)*. Ой, не влипнуть бы, тут похуже лотереи, кум. Оно и должно что-то случиться, да срок-то пальцем на воде написан... а вода, она ведь текет.

Крутилин. А пропустишь — реветь станешь. Товар-то этот больно подешевел.

Бададошкин *(долго раздумывает)*. Анна, чаю мне, погуще. Свежего завари, погуще. Чтой-то в ушах-то у мене свистит? Я и сам слышал про какого-то, который ходит. Высокий из себя.

Багдад. Росту хорошего, и бородка у него слегка.

Жена Багдада. Бояжно, братцы, ровно в холодную воду лежть. *(Мужу.)* Как, Баденька, а?

Бададошкин. Э-ех, купцы-глупцы!.. К вам самая мечта приходит, а вы ее персицким порошком?.. По дешевке счастье распродают, а вы смекаете, не краденое ли? Да я... я вдрызг раздамся, а уж такого не выпущу из зубов. Осподи, да у нас все великие дела с жульства начинались. Расея-то, ведь она что: кто сгреб, с тем и поехала. А ведь тут на жертву-то процент дают, и какой процент! Осподи, и станешь ты, скажем, земский начальник, а?.. И поедешь ты, скажем, к Фоке Матвееву в усадьбу квас пить, а? И пойдете с ним в баньку по вечерку попариться, а холуи эдак поодаль веники за вами понесут, а?.. И велишь ты, Багдад, на радостях из пушек вдарить, а-а!

Жена Багдада. Нет, из пушки не надо, не люблю я пушек.

Багдад. Музыку заместо пушек заведем, музыка дешевше обойдется. Пускай вальс играет...

Крутилин. А только, может, ловушка какая?

Бададошкин. Э, борода-то у тебя ровно валеный сапог, а не по уму, кум, прости на правде. Я уж не говорю, чтоб Расее помочь, как она на ложе своем терзается, я — про другое. Цветочек расцвел,— отцветет завтра, нежненькой... Его рвать надо, а ты шагу ступнуть трусишь. Дубина, рви его!

Багдад. Рвать?

Бададошкин. Рви!

Крутилин. Рвать?

Бададошкин. Рви!

Анна Петровна. Уж не распространяйтесь, заберут еще. Эко, веселье нашли!

Бададошкин. Не каркай, Аннушка: облака-то ведь темные, у облаков не спросишь. А сердце-то ноет, как в пустом

доме, а руки-то зудят. Ведь тут с деньгами да суетней и человека-то в себе забудешь. Так в очках, говоришь?

Багдад. Росту хорошего, и бородка у него слегка.

Крутилиха *(спросонья)*. Ты в хорошее-то не больно верь,— вот такой-то, хороший-то, и пришьет, я знаю, сама хорошая.

Радио начинает говорить: «Алло, алло! Прослушайте теперь телеграммы. В Саранском уезде обнаружен старик ста восьмидесяти двух лет. Егор Жилин, старейший середняк уезда. В беседе с сотрудниками газет товарищ Жилин рассказал, что жизнь теперь совсем иная, чем раньше была. Предположено устроить факельное шествие...» Бададошкин слушает с вытянутым перстом, все его обступили.

Крутилин. Речисто как оплетает!

Багдад. Поет.

Бададошкин. А почему, спрашивается, птичка поет?

Багдад. Дык воздух из нее идет, она и поет.

Бададошкин. Не, милый,— а птичка кушать хочет. Эй, птички, хотите кушать? Ну, вали-вали, потряси еще. Дай уж я тебя поцелую... вот в самую штучку! *(Целует радио.)*

Анна Петровна. Обмусолил ты его совсем, играть не станет.

Бададошкин. Никитай!

Никитай быстро входит.

Никитай, платок! *(Вытирает.)* Ну, действуй еще для дорогих гостей...

Радио хрипит: «Пастух Вася Самсонов, семнадцати лет, изобрел особую обувь из простого рогожного лыка, не уступающего по красоте и прочности заграничному шевро. Американские промышленные круги крайне заинтересованы изобретением товарища Самсонова. Запасы сырья...»

Общий хохот заглушает радио.

Бададошкин. Ой, не щекоти, упарился я с тобой!

Никитай. Вы, папаш, жилетку-то сымите.

Жена Багдада. Так ведь это он лапти ижобрел!.. Ой, да жакрой, жакрой его! Я зенщина сырая, у меня биение...

Бададошкин. А надысь такую сыромятину развел...

Громкий свист.

Ну, ладно, заткнись. *(Обернул радио к стене. Никитаю.)* Опять ты здесь?

Никитай ушел.

Ты чего, Аннушка, в стороне?

Анна Петровна. Знобит меня.

Бададошкин. А ты съела бы апельсинчик!

Слабый свист, все его слушают.

Анна Петровна. Ты вот сверчка сперва убей. Всю ночь свиристит, прямо душу вынает.

Крутилиха. Сверчок в квартеру залезет, так ведь расстроишься.

Бададошкин. Какие ж, Аннушка, сверчки в мае!.. А коли и залез, так он сам, он сам от пыли задохнется.

Анна Петровна. Тут и человек-то у тебя задохнется. Ты уж покупай свои комоды. Ишь, наставил гробов-то...

Бададошкин *(ласково)*. Ты, Аннушка, золота моего не хули, оно обидчивое.

Анна Петровна. Клопами золото твое пахнет! *(Сдержанно.)* Да не лезь ты на меня, пакля, гостей-то не стыдишься.

Бададошкин *(смущенно)*. Людей конфузится простая-то душа.

Опять легкий свист.

Кто это?.. Ты, Багдадка? Свистели будто.

Багдад. Да нет, ослышался ты.

Жена Багдада. Мышь, мозет. Бывают такие мыши, канарейкой свистят...

Крутилин. Вот и у меня все посвистывали, а потом и заявилась канарейка-то в синих очках.

Анна Петровна. Наговорите, накликаете, вот он и придет счас...

Бададошкин *(тревожно)*. И то, разговору нашли...

Пауза, стук в дверь.

(Со стулом в руках кидается к двери.) Нет, нет, что я! А может, это возвышение мое идет? *(Почтительно отворяет дверь.)*

Входит привязанная на веревочку кошка, на спине у нее бумажные синие очки.

(В страхе.) Ого!

Кошка, дернутая за веревочку, исчезает.

Бададошкин. Кто, кто там?

Никитай *(в дверях)*. Это я тут... маненько для смеху...

Бададошкин. Вот огрею тебя! Чего дарма народ пугаешь, разиня?

Никитай *(тихо)*. Там... там вещь принесли.

Бададошкин. Ну и не ори на людях-то. *(С неудовольствием уходит.)*

10

Крутилин. Вот те и синие очки! Ну-к, сирота, музыку хоть запусти.

Анна Петровна. Жилец у нас очень музыки не любит. Как пустим, так он там и почнет извиваться...

Никитай. А нам что, пускай извивается. А мы не извиваемся рази?

Анна Петровна. Так ведь он ругаться прибежит!

Жена Багдада. Жапусти, родной, а мы и посмотрим ево, каков он, Настькин-то!

Никитай. Я, пожалуй, запущу... мне что!

Он включает радио, ящик начинает сперва издавать треск, вой, взрыд, назойливое пищание. Тотчас Коротнев стучит в стену.

Вона, зачинается!..

Багдад. А по отрасли-то он по какой?

Никитай. Отрасль его покеда неизвестна. Будто в газетках пописывает. Попалось как-то мне, как рыбу заворачивал. Про фронт написано. Известно, для прокорму. Ну, вот уж подействовало!

За стеной яростный треск отодвигаемого стула.

Приготовьтесь теперь, эва!

11

Коротнев *(влетая с какой-то бумагой в руке)*. Послушайте, как вас...

Жена Багдада. А малый ждоровый...

Коротнев. Укротите, к черту, ваш инструмент, или... или...

Никитай. Или?

Коротнев. Я стрелять в него буду!

Крутилин. Ты, паренек, купи себе такой же, да и стреляй.

Все смеются.

Коротнев *(сдержав себя)*. Это же безобразие! У меня экзамены, а вы работать не даете. Как не стыдно... Смешно? *(Жене Багдада.)* Ну чего ты раззявилась, торговка?

Жена Багдада *(хохоча очень тоненько)*. Ой, не дражнись... Я смешливая, у меня биение...

Никитай. А вы, товарищ, остерегитесь на слова. Денег за квартиру рупь в год платите, а врываетесь, промежду прочим, нечесаный!

Анна Петровна. Перестань, Никитай.

Никитай. Нет, зачем поблажку давать. А может, мы тут деньги выделываем?

Багдад. А может, мы тут голые заперлись да в карты играем.

Коротнев. Стыдитесь, ростовщики...

12

Бададошкин *(входя)*. Что за шум? *(По дороге остановил радио.)* Кто пустил? А вы... как вы сказали, кавалер?

Коротнев. Брось, брось бузить, старик. Дело-то ведь ясное...

Бададошкин. Ты мене не стращай, я стреляный. Я и сам, может, радостно захлебываюсь в революции: во, по сих пор стало. И вреда от меня, кавалер, никому нет, окромя пользы. Рыбку мою и в Кремль берут, и вожди кушают.

Коротнев. Небось подтравливаешь помаленьку?.. Я тебя знаю.

Никитай. Дозвольте поучить, папаш?

Бададошкин *(отстранив его рукой, ударяет Коротнева по бумаге)*. Ты меня сосешь, так тихо соси, щенок...

Коротнев. Ах, так?.. *(Размахивается, Никитай на лету хватает его руку.)* Пусти руку, я его... я его хочу...

Никитай. Погоди, на хотенье есть терпенье. А ну, распорядитесь, папаша!

Б а д а д о ш к и н *(услышав новый свист)*. Пусти его, будь христианин, Никитай! Может, он с голоду... от стишков какая пища.

Коротпев уходит.

Спасибо, Никитаюшко: убить не убил бы, замарал бы навек! *(Качаясь в одышке.)* Ну, гости дорогие, поели?

Б а г д а д. Поели.

Б а д а д о ш к и н. Попили?

К р у т и л и н. Попили.

А н н а П е т р о в н а *(с холодком)*. Домой бы вам не опоздать. Пока доберетесь, час поздний...

Б а г д а д. И то, поплывем, Фока! Эй, Касьянна, загостилась? *(Будит Крутилиху.)*

К р у т и л и н. Ну как, если спрашивать станет, засылать баринка-то? Я и сам не веровал, а после Багдадкина товара уверовал.

Б а д а д о ш к и н. Ничего ему не говори, пускай само дозреет. Запри за ними, Никитай!

Гости уходят.

Ох, умаяли меня, да еще этот, в очках! Я уже не раз его примечал. И все свистит, слышишь?.. А мать-то где же?

Вошла м а т ь.

Вот вникайте, людишки, в каторжную жисть мою! *(Усаживает старуху в кресло.)*

13

А н н а П е т р о в н а. Жильца-то извели совсем. Этак графа доведи — и граф укусит. Донесет еще, туда сошлют, где и снег-то не тает!

Б а д а д о ш к и н. А тебе, что ж, жалко меня?

А н н а П е т р о в н а. Живу с тобой.

Б а д а д о ш к и н. Он мне дворника портит. Вхожу даве, а он его насчет Парижской коммуны насусоливает. И у Гришки уж вид — прямо хоть убивать идти. Жилец!

А н н а П е т р о в н а. Что ж в том, без мыша и дом не стоит. А сам-то он тихий...

Б а д а д о ш к и н *(в тон ей)*. ...красивенький опять же!

Анна Петровна. Ты уж лучше к самовару вон приревнуй, благо и он с крантом стоит!

Бададошкин. Ну, прости, прости... Ой, никак, опять свистели?

Анна Петровна. Да нет, это я ножом. Иди уж, приляг, иди к себе, отдохни!

Бададошкин. А ты... не хочешь со мной?

Анна Петровна *(сухо)*. Мне еще посуду надо убрать, ступай.

Бададошкин ушел. Анна Петровна, напевая, убирает посуду.

Баушк, вы и в самом деле не слышите аль только так, играете с нами? Вы бы прилегли, старая кость покой любит.

Вошел Никитай.

Ты чего не спишь?

14

Никитай. Не спится, Анна Петровна.

Анна Петровна. За что отец-то даве на тебя озлился?

Никитай. Да так, мечтание на меня нашло. Резал лососинку одному, да так всю рыбину ломтиками и отмахал...

Анна Петровна. Об женщине, что ль, мечтание-то?

Никитай. Нет, я не об женщине. Капусты, должно, объелся, пучит.

Анна Петровна. Дурачок, ты клада-то своего тут, вкруг меня ищи.

Никитай кидается в дверь.

Куда? Чего ты напугался?

Никитай. Боюсь... если папаша застанет.

Анна Петровна. Он спит теперь.

Никитай. Папаша никогда не спит. Ему нельзя спать... он вещи караулить должен. Вот сами гляньте, как у баушки глаза-то блестят...

Анна Петровна. Она ж глухая! Она дремит да чертей во сну гоняет.

Старуха хихикает. Анна идет к ней.

Ты, баушка, не сюда, а вон туда смотри, на картинку церковного содержания. *(Вертя старухину голову.)* Гляди, гляди, как она ему главу-то отстригает: видно, до точки дошла!

Никитай *(исчезая)*. Берегись, идут...

15

Настя *(входя)*. Пожевать-то что-нибудь осталось? Что ты красная какая?

Анна Петровна. Еда на столе.

Настя. Ужасно проголодалась. *(Садясь за стол.)* Ты зачем посуду-то моешь, хлебом, что ль, укорить хочешь? Не трогай, я вымою.

Анна Петровна. Я тебе сестра, Настюша, и зря ты меня обижаешь. Ты в последнее время изменилась, точно чужих кровей, точно пустыня меж нас...

Настя *(ест)*. Да и то пустыня! В который раз ты со мной разговор этот заводишь? Точно каяться в чем-то хочешь. Ну зачем, зачем ты замуж за него шла? Молод?.. Хорош? *(Тихо.)* Эх, Анка!..

Анна Петровна. Ведь мне и на ночку его не хватит, а только смущение одно. Ну, да это не твое дело. Вот ты его ругаешь, а он души в тебе не чает.

Пауза.

Винца не хочешь? У меня сладенькое есть.

Настя. А ты уж и до винца дошла?.. *(Сдержанно.)* Нет, спасибо, я даже не озябла. *(Стучит в стену.)* Сергей, ты дома? Я зайду. *(Анне Петровне.)* Я сказала, я не хочу вина.

Анна Петровна *(подходя)*. Не злись, и так уж в остроге живу.

Настя молчит.

Аль и без вина весело?

Настя молчит.

Слушай, он — муж тебе?

Настя. Передай, Анна, пожалуйста, горчицу.

Анна Петровна. ...живешь с ним?

Настя. Чудная ты, Анна. Мне и жалко тебя порою, и злость на тебя берет.

Анна Петровна. ...и он целует тебя?

Настя. Вкусная какая рыба... Ну конечно, и целует.

Анна Петровна. А ты... Дай-ка ухо. Да не откушу, не конфета твое ухо. *(Схватив ее за руки, шепчет что-то.)* Правда ведь?

Настя. Пусти руки, мне больно. Вот даже синяк! Как тебе не стыдно, Анна!

Анна Петровна. А ты счастливая! А я все только сны вижу. А надысь, Настьк, видела, ровно бы ручей мне в сердце-то ворвался. Закричала и проснулась, вся мокрая... а грудь-то болит, вот тут болит. У тебя тут не болит?

Настя. Если болит, йодом намажь... пройдет.

Анна Петровна. ...к доктору пошла, а он смеется. Вам, говорит, бебе надо. Я спрашиваю, а где, дескать, лекарство это продается?.. А он... Э, спалю я эту червоточину!

Настя *(вставая)*. Ну, мне еще к Сергею надо, дело есть.

Анна Петровна. Целоваться, что ли?

Настя *(усмехаясь)*. На свете еще, кроме этого, и другие дела есть.

Анна Петровна *(притянув ее к себе)*. А ты... ты тоже его любишь? Ишь, в глазах-то у тебя круги, как на пруду, вот когда камень бросят.

Настя. Слушай, пусти... мне душно.

Анна Петровна. Дай я поцелую тебя. Может, счастьишка твоего дольку уворую. *(Целует. Холодно.)* Ступай теперь свое дело делать.

Настя. Баба ты глупая, уезжай хоть в деревню вон с бабкой. Ведь как паучиха сидишь и муху ждешь, которая с усами. Кто сам себя гноит, того ведь и не жалко!

Анна Петровна *(плача, кричит)*. Ступай, сказала!!

Настя уходит.

(Идет к старухе.) Не человека, а капкан, капкан ты, Домна Иванна, родила, капкан, вот чем хорей давят. Ну, да погоди, может, и я еще Юдифью стану.

16

Бададошкин *(взлохмаченный, в одном белье)*. Чего ревешь, уймись. Ш-ш! *(Идет к окну, выглядывает и снова прячется.)* Эва, ходит!

Анна Петровна. Кто еще там ходит?

Бададошкин. Ш-ш, в синих-то очках эвон стоит.

Свист.

Кличет, а? А ну! *(Сам свистит переливчато, в окне повторный свист.)*

Вошел Никитай и тоже свистит.

Эге, откликается. А ну, еще!

Все. Где он, где?

Бададошкин *(старухе, которая тоже потянулась к окну)*. Ш-ш, ты-то куда, овца глухая? *(Самозабвенно.)* А вдруг я, Аннушк, губернатором стану, а? Аннушк, взгляни на меня, похож я на губернатора, а? *(Становится в грозную позу.)*

В окне свист. Все безмолвствуют.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная у Бададошкина, загруженная преимущественно сундуками. Среди них торчит несгораемый шкап, на нем иссохшая отрасль пальмы. Пыль и тлен. В углу на подоконнике сидит кошка, она картонная. Настя шьет несусветные какие-то штаны.

1

Настя *(поет).*

Через речку пошла
И колечко нашла...
На колечке два словечка —
Дорогому моему!

Никитай *(входя).* Воров, что ли, приманиваете, барышня? Да и песни-то у вас!.. Нонешней невесте полагается петь про бой, про бой кровавый... или про Балтийский флот, например.

Настя. Я всегда пою про то, что хочу.

Никитай. Над чем это вы трудитесь-то? Ну-ка... *(Выхватил, смотрит.)* Хе, интересный предмет для барышни. Хотя, что ж, какая ты барышня! Хахалю, что ли?

Настя. Нет, хахаль мой таких не носит. Это батюшке вашему, в лавке сидеть. Будьте добры, Никитай Семеныч, отойдите в сторону: кошатиной от вас несет, не продохнешь...

Никитай. Дак это рыбой пахнет. Одеколону на рупь — живой рукой сымет. Как букет пахнуть стану!

Настя. Вот и булавки все рассыпали... *(Собирает.)* Что вы нынче лохматый-то какой?

Никитай. Неизвестно. Бывает, от любви волос подымается. Так и стоит, как овес!

Настя *(как бы задумчиво)*. В меня, значит?

Никитай. Почем знать! Сердце не рыба, сердце не понюхаешь.

Настя. Напрасная забота: денег у меня нет... и, кроме того, я беременна!

Никитай *(отскочив)*. Да ну?.. От кого?

Настя *(хохоча и кивая в окно)*. Вон, от памятника! Хорош, точно от пороха отскочил. Иди-ка ты вон, Никитай, надоел.

Никитай. Корова!

Настя. Бб... Верблюд!

Пауза.

Никитай. Слышь-ка, Настюш, а ведь мы с тобой вроде как родня. Ты не примечала, куда отец ключ прячет? От шкапа ключ...

Настя. Ага, значит, прямо к делу. И хитер ты, да не очень. А что, об деньгах его соскучился?

Никитай. Да нет, я просто так, для интересу.

Настя. А-а... Может, вон под кошку прячет?

Никитай *(идет, приподымает кошку, она неожиданно пищит)*. Ой... Черт его знает, какой только дряни ни накупит! Настьк, тут нету!

Настя. Ну, значит, съела. Они, бывает, железо грызут. Кошки железо любят.

Никитай. Зря меня обижаешь, и так уж жисть проклинаю. *(Почесываясь.)* Мне без ключа только в могилу идти!

Настя *(раздумчиво)*. А может...

Никитай. Что, что «может»?

Настя. Может, он за щекой носит, ключ-то. Карман прорвется, а щека никогда...

Никитай. Ты у меня дошутишься! *(Дворнику, который вошел.)* Ну, опять за жалованьем? Эка нуда...

2

Дворник. Похлопочи, браток, жалованье-то у папаши. Эт-то что ж, и сторожем ночным, и дрова носить, и хозяина скипидаром натирать, и... э, да что там! И в баню неколи сходить!

Никитай. Есть тебе, что ли, нечего?

Дворник. Конешно, человек без еды тридцать пять ден может существовать...

Настя. Никитай, ты действительно скажи отцу. Хлам всякий, клистиры лошадиные покупать деньги есть, а...

Дворник. Очень уж обидно. Главное дело, во всех отраслях действую, а даже бумаги не на что купить, письмо в деревню написать.

Настя. Ну и дом! Пойдем, Григорий, я тебе дам бумаги.

Уходят вместе, наталкиваются на Анну Петровну.

3

Дворник. Здорово, хозяйка.

Анна Петровна. А, это ты. Плохо сторожишь, Григорий; всю ночь свистят. *(Странным тоном.)* Ты везде обходи ночью-то, везде загляни!

Дворник *(со вздохом)*. Чего уж, ладно уж, загляну везде. *(Ушел.)*

Анна Петровна. Фу, даже глядеть страшно. Чего он летом-то в тулупе ходит?

Никитай *(скромно)*. Холодно, может, ему, вот и ходит в тулупе.

Анна Петровна *(заглянув в лицо ему)*. А ты чудной, Никитайка. С отцом твоим противно, а с тобой страшно. Я боюсь тебя...

Никитай *(пятясь)*. Нашли кого бояться, сироту!

Анна Петровна. А что ж, небось и сирота живая. Нападешь, когда дома нет никого... Григорья за спичками ушлешь, а бабку шалью накроешь, а? Никто и не услышит. *(Тихо.)* Ай, полуживая сирота-то? Ты и веку, Никитай, не прожил, а старей отца стал.

Никитай. Вы вот папашу понять не хотите. Даже и спите с ним порознь...

Анна Петровна. Так ведь он орет по ночам-то, вскакивает... намедни душить меня стал. Помнишь, кричала?

Никитай. Понять его нужно. Заботы у него, налоги. А все людишки, все подлые жала их. Он платит им налоги, платит за свет солнца, за место на земле, за самый воздух, которым мы с вами дышим. Он жмется, а им все тесно, Анна Петровна, людишкам-то!

Анна Петровна. Ты к чему мне все это поешь?

Никитай. Опять же в синих очках этот допекает. Я и слова не говорю, он веселый, да ведь и шутка-то иной раз с кровью из горла вылетает...

4

Входит Бададошкин в фартуке, он из лавки; Никитай почтительно уступает место.

Бададошкин. Здравствуй, Аннушка, а я тебе гостинку принес.

Анна Петровна. Куда ты, рыбными-то руками... противно ведь.

Бададошкин. А Никитай тебе не противен, Аннушка?

Анна Петровна. Стыдись, ведь тут же бабка сидит...

Бададошкин. Ну, кто на этакое польстится, тот на баушку не посмотрит: повернет баушку к стенке...

Анна Петровна. Спасибо за науку, при случае попробуем... Кусаться скоро станешь!

Бададошкин. И укушу, весь мир покусаю! *(Тихо.)* Не серчай, лавку у меня нонче опечатали... *(Ушел.)*

5

Анна Петровна. А ловкий ты, Никитайка. Даже завидки берут!

Никитай. Я по секрету вам, Анна Петровна, скажу: как страдает-то он! Опять же лавку вот опечатали. Пока распечатают, пока что́ — вся рыба протухнет. Рыба не человек: полежит-полежит, да и обидится. Опять же налоги, сами по пальцам считайте! Уравнительный — загните пальчик — раз! Промысловый — два. Подоходный — три, патент — четыре. Теперь на другой ручке: квартера — раз, склад с помещением — два, молодцам жалованье — три... да еще забыл, постойте! *(Осторожно идет к двери, внезапно дергает ее на себя: там настороженно стоит Бададошкин.)* Что еще забыл-то я, папаш?

Бададошкин *(очень кисло)*. Соцстрах еще забыл, да.

Анна Петровна. А тебе, Семен, оттуда удобно слушать? А то сядь вон в креслице, а мы тебя в уголок поставим, будто и нет тебя вовсе!..

Бададошкин. Ну, расшутились! Мне переодеться еще... *(Закрыл дверь.)*

Анна с любопытством смотрит на Никитая.

6

Анна Петровна. А много в тебе этого волчьего семени, Никитайка!

Никитай. Нет, я простой.

Анна Петровна. Дай руку! О чем ты все думаешь? Говори, не бойся, я сама молодая, я никому не скажу...

Никитай. Отстаньте.

Анна Петровна. А я прошу, ну? Ну, я поцелую тебя тогда... в чем твоя дума?

Никитай. Погодите... *(Берет в руки половичок, который идет под дверь, с маху дергает его на себя.)* Нет, ушел, а то бы грохот был.

Пауза.

А дума моя — как бы погулять, в лодке покататься.

Анна Петровна. А ты... *(Посмотрев на него.)* Ой, какой ты все-таки. Ты хоть бы попудрился!

Никитай. Да ведь на пудру денег надо, а папаша жалованье жилит. Не в суд же на него идти.

Анна Петровна. А ты сам возьми, аль не смеешь? *(Кивая на несгораемый шкап.)* Вон деньги, там душа у него заперта...

Никитай *(умильно поглаживая шкап)*. А может, там пусто? Я раз эдак-то здоровущего карпа вспорол, а там у него в середке-то грошик лежит... царской чеканки.

Анна Петровна. Дубина, с карпом сравнил!.. Там золота, он меня третевось дразнил, — глаза слепнут. Ведь это сила, сила, Никитайка, злей пороха через моря бьет. Он и меня бы сюда посадил, да не той дюжины баба. Слушай, увези меня отсюда, Никитай, а? Я и в ямине не плачу, а в счастье-то птицей запою. Чем плоха... несытая, нетисканая. Неделю цельную умываться забудешь... *(Раздумчиво.)* Дивишься, самой бы уехать? Денег надо, пока работу найдешь, пока чтó. Да и даром, что ли, два года я с ним мытарилась? Увези, кисель!

Никитай. Ну, уедем, а жить на что станем?

Анна Петровна. Служить поступишь... Ну, я не знаю что.

Никитай. Не возьмут меня, лицо у меня такое, гляньте. Да и сам не хочу. По звонку приходи, по звонку уходи. Позвоночные какие-то! Нет, это нам не подойдет...

Анна Петровна. Торговлишку мало-мало соорудишь.

Никитай. Копператив доходней.

Анна Петровна. Ну, копператив.

Никитай. А денег-то из волосьев натрясу?

Анна Петровна. Достань... *(Вздрагивая.)* Ой, что это на спине-то у меня... под самой рубашкой. Погляди скорей, не жук ли заполз. Достань, достань скорей... Да ну же, чего уставился?

Никитай *(спокойно)*. Я думаю.

Анна Петровна. Про что же ты думаешь, лососина?

Никитай. Я думаю, что нету там никакого жука... а только так, заманиваете, а потом папаше скажете.

Анна Петровна *(оскорбленно)*. Ну тебя, уходи от меня...

7

Настя *(вошла)*. Ну, вдоволь налюбезничались?

Анна Петровна. Куда ты без стуку входишь?

Настя *(презрительно)*. Там караси к мужу твоему пришли. Сковородка-то готова?

Никитай. Куда они, в поздноту такую. Гони, взашей гони...

8

Бададошкин *(уже переодетый по-домашнему)*. Кого, кого гнать велишь?

Настя. Караси, говорю, пришли.

Бададошкин. Никого не надо гнать, никогда. И ты не смейся, Настюша. Ведь люди, люди, Настюша. Приходят, просят, и я даю им. Птички кушать хотят. Когда бьют, всегда больно. И полено кричит, когда его колют...

Настя ушла.

Эка фыркунья, а люблю, люблю ее. Иди, Никитаюшко, посмотри, много ли их.

Никитай ушел.

(Жене.) Чего он тут вкруг тебя потерял?

Анна Петровна *(насмешливо)*. Да то же, видно, что и ты. *(Серьезно.)* Все уму-разуму учу наследника-то твоего, а ему хоть бы что!

Никитай вернулся. Бададошкин неспешно надевает очки, садится за стол, делает вид, будто пишет.

Бададошкин. Ты, Никитаюшко, слушай мачеху-то, она с головой баба. Ну, много их там?

Никитай. Четверо. Колечко у одной, да с девочкой... та, которая скатерть-то приносила!

Бададошкин. Ну, введи их, гуртом вводи.

Никитай ушел.

Ты уж ступай, Аннушка, не надрывай сердце. Да и баушку прихвати. Посадь ее там в уголок, дай ей яблоко...

Анна уходит со старухой.

Аннушк!..

Анна Петровна. Чего еще тебе?

Бададошкин. Приласкай часом сироту-то. Дурак-то вдвойне сирота!

Анна Петровна *(усмехаясь)*. Ладно, приласкаю ужо...

Ушли, стук в дверь.

9

Бададошкин. Эй, кто там? Входи!

Входят в сопровождении Никитая: старуха в косынке и с девочкой, генерал в перешитой шинели и со свертком, монтер с самоваром и молодая дама. Бададошкин пишет.

(Строго.) Никитай!

Никитай. Я-с!

Бададошкин. Этово... из Совнаркома мне не звонили?

Н и к и т а й. Да покеда нет.

Б а д а д о ш к и н. Тогда сообщи им, что шаланды отправлены. А то звонят целый день, ровно оглашенные какие. А-а, опять собрались, просители! Фу, мурлет-то какой!.. Ну, чего галдите!

Г е н е р а л, с т а р у х а, м о н т е р и м о л о д а я д а м а *(хором)*. Ваше степенство, не откажите! Семен Егорыч... Товарищ Бададошкин!..

Б а д а д о ш к и н *(поучительно)*. Не все сразу галдите, а в очередь. Куда, куда ты мне ево в нос суешь?.. Никитай, расставь. Мадам, присядьте!

М о н т е р. Вот самовар в заклад принес. Почти новый, не лужен ни разу. Глянь, вот только бок в ем помят.

Б а д а д о ш к и н *(скрипуче)*. В заклад не принимаю. Я покупаю вещи, покупаю их навсегда. А вы, ежели пожелаете, можете их у меня обратно купить... тоже навсегда. Потрудитесь, закройте дверь с той стороны.

М о н т е р. Да я и продать могу, мне деньги нужны.

Н и к и т а й. Мы самоварами не займаемся, вертай.

Б а д а д о ш к и н. Проводи его, Никитай. Только время зря отымают. Следующий!

Г е н е р а л. Хрустальный вазон, ваше степенство.

Б а д а д о ш к и н. Картузик сымите, ваше превосходительство: не в хлеву-с!

Г е н е р а л. Извините, голова у меня стынет... *(Снял картуз, разворачивает сверток.)* Хрустальный вазон... с замечательной гранью, обратите внимание!

Б а д а д о ш к и н. Куды ж он мне, твой вазон?

Г е н е р а л. Помилуйте, цветы поставить... для красоты.

Б а д а д о ш к и н. Избавьте меня от красоты, ваше превосходительство!

Г е н е р а л *(сдержанно волнуясь)*. Очень прошу. Поддержите старого человека в нищете...

Б а д а д о ш к и н *(яростно)*. Расею проюрдонили, а вазоны к нам понесли?.. А петухом вы еще не пели, ваше превосходительство?

Г е н е р а л. Старость обижаете, ваша воля.

Б а д а д о ш к и н. Старость-старость... обратитесь к доктору, который омолаживает мужчин. *(Гадливо.)* Никитай, дай ему рупь за вазон да рупь за старость. Следующий!

Никитай. Папаш, вазон-то с дыркой... он ее пальцем прикрыл. Эх, а еще генерал!

Бададошкин. Следующий, я сказал.

Генерал ушел.

Дама *(скороговоркой)*. У меня вот колечко... посмотрите. *(До локтя подняла рукав, протянула руку.)* И камешек... очень ночью светится, при огне.

Бададошкин *(держа ее руку)*. Приятное, очень приятное колечко. Снять-то его нельзя?

Дама. В том-то и дело, что нельзя снять. Мне его давно подарили... жених. Оно так въелось...

Бададошкин *(игриво)*. Так вы, что же, вместе с ручкой его продаете?

Дама говорит что-то неразборчивое.

Никитайка, отвернись! Как, как вы сказали?

Дама. Я говорю... я могла бы и вместе. У меня такие обстоятельства...

Бададошкин. Не могу, хе-хе-с! Эвось, сын-то орясина какая. Осмеет меня сын и нахлобучку даст. Следующий!

Дама *(Никитаю)*. Может, вы возьмете колечко... я дешево отдам. *(Тихо.)* Берите, не раскаетесь!

Никитай *(почесывая переносье)*. Не займаюсь.

10

Дама ушла. Старуха сразу становится на колени и толкает на колени же девочку.

Бададошкин. У вас что, мадам?

Старуха. Батюшка, все уж тебе снесла. Ничего боле нету. Девчоночке помоги, кушать хочет. Дети-то, ведь они неповинны в грехах наших... Сама работать не могу, пятна в глазах!

Бададошкин. Вещь какая, покажите вещь.

Никитай *(наклоняясь)*. Слышишь? Вещь!

Старуха. Батюшки, нету. В колидоре с девочкой живу... Катюшей звать. Нянька я ей была... плелась-плелась к тебе на заставу-то!

Бададошкин. Извините, у самого платежи... векселя просрочены.

Старуха. Что ж мне делать-то теперь? *(В отчаянии.)* Катенька, ползи к нему, проси его... у него все. Он — бог, Катенька... он сильней бога!

Бададошкин. Мадам, вы мне портите сапог.

Никитай. Вытряхайтесь, гражданка.

Бададошкин. Погоди, зачем так грубо: надо сочувствовать. Подыми, подыми ее... проводи!

Никитай уходит.

Ох, осподи, даешь-даешь, точно в прорву какую валишь. И часу соснуть не дадут...

Минутная пауза, потом входит барин в синих очках; Бададошкин в страхе пятится.

11

Барин *(неторопливо протирая синие очки)*. Не пугайся, это я. Бададошкин?

Бададошкин. Кабысь, я. А вам чего тута?

Барин *(раздельно)*. Мне?.. Я... вещь... принес.

Бададошкин *(после паузы)*. Какая же ваша вещь, покажите.

Барин. А вещь моя не от мира сего.

Бададошкин. Ага, так-так...

Барин. Теперь гляди мне в лицо, Бададошкин!

Бададошкин. Зачем же мне в лицо?.. Мне в лицо глядеть незачем!

Барин. Тебе та-ак кажется? *(Надел очки.)* Видишь, я пришел наконец к тебе. Имею слово. Но прежде всего — подкрепиться. Однако не суетись: простая яичница и коньяк. Распорядись пока!..

12

Бададошкин убежал; к сидящему барину просовываются головы домочадцев.

Барин *(указуя перстом)*. Кто?

Анна Петровна. Жена...

Барин. Оч-чень приятно. На гитаре играете?

Анна Петровна. Да нет...

Барин. Та-ак. Ну а тигру своему изменяете?

Анна Петровна. Да не с кем!

Анна Петровна исчезла, просунулся Никитай.

Барин. Приказчик?

Никитай *(оторопело)*. Сын-с.

Барин. С чего же у тебя лицо неестественное какое-то? Крадешь поди?

Никитай. Да нечего...

Барин. Кради... но не забывай и сирых, униженных.

13

Никитай спрятался, вошла мать.

Барин. Не нюхай меня, дорогая, я не букет.

Старуха молчит.

Строгая старуха, вижу...

Та проходит мимо.

Вы, бабушка, на которое ухо не слышите?

Никитай *(осторожно входя)*. Они у нас на оба уха ни бе ни ме. По ветхости здоровья...

Барин. А отчего у тебя ноги пляшут?

Никитай. Должно, от робости.

Барин. Ага, мерси, дружок. Ну, нá тебе... *(Ищет в карманах.)* Нá тебе ассигнацию. За смирение получишь особо... Напомни потом.

14

Прибежал Бададошкин со сковородкой, отворяет буфетный шкап, барин засматривает через плечо.

Бададошкин. Вы сидите, сидите, я подам.

Барин. Ничего, я тебе помогу. Это что там, красное такое? Балык? А ну, дай сюда балык. Балык хорошо при малокровье. И это тоже поставь туда. Ты, я вижу, мастер обхаживать нужных тебе людей!

Б а д а д о ш к и н. Да ведь ноне истинного человека только во сну и встретишь!

Барин ест, Бададошкин благоговейно присутствует.

Б а р и н *(снимая с кусков незримые пылинки)*. У тебя, брат, волосы какие-то на балыке! Извини, я волос не ем... Ну-ка, налей. Жильца опасного нет поблизости?

Б а д а д о ш к и н. Ушел... всеобщая могила-с!

Б а р и н. А это что за тетка?

Б а д а д о ш к и н. Не извольте беспокоиться, это мамаша. Из деревни, игра природы-с... Глухая, а что и услышит — не поймет!

Б а р и н *(взглянув поверх очков)*. Скажи на милость, какое симпатичное строение лица. В них всегда есть что-то такое. Странно, но есть. Овчиной от них эдак несет, березовым веником. Что-то весеннее в них! Так садись здесь.

Б а д а д о ш к и н. Сел здесь. *(Никитаю.)* Ты, сынок, ступай проветрись. Я тебя кликну потом.

Н и к и т а й. Я бы в уголке...

Б а р и н. Ступай, за погодкой там понаблюдай.

Никитай ушел.

Сынок? Ты его берегись, он подозрительный!

Б а д а д о ш к и н. Дураки-то, они всегда подозрительные!

15

Б а р и н. Нос имеешь?

Б а д а д о ш к и н. Как можно без носу. Рыбку носом распознаю.

Б а р и н. Не хитри, торгаш. Ну, а чуешь, чем пахнет?

Б а д а д о ш к и н. Трупцом будто попахивает... Так это у нас от помойки.

Б а р и н. Ты не лишен и острого слова, но не хитри, возненавижу! Ну-ка, налей. Люблю эту марку. Хотя у меня пищевод, мне вредно.

Б а д а д о ш к и н. Ты, барин, выкладывай свой товар, чего даром время терять! Я ведь только виду трепаного такого, а так меня матушка без изъяну родила. Ты за мной неделю ходишь. Тень моя, чего жаждешь?

Б а р и н. Странно сказать, но уважаю прямоту твою. Странно, но уважаю. Так вот: все уж поговаривают, только вслух произнести не смеют.

Б а д а д о ш к и н. О чем же это поговаривают-то?

Б а р и н. Ха, да все о том же. О чем ты вчера в бане болтал? Думаешь — гол, так и не слышно? А утром нонче в лавке?.. Ха, революция отменяется с такого-то числа? У меня глаза, у меня уши, Бададошкин. Я везде. Что-о? Я тебя в руке держу, и пальцы мои безжалостны, Бададошкин!

Б а д а д о ш к и н. Ну-ка, я постучу все-таки. *(Стучит в стенку.)* Сергей Петрович, мне письма не приносили?

Молчание.

Ты, барин, колышков-то в дорогу не вколачивай... и так еле бредем! *(Никитаю, который вернулся.)* Ну?

Н и к и т а й *(мрачно)*. Погоду посылали проверить. Погода в самый раз.

Б а р и н. Ага, мерси, дружок! Ну поди понаблюдай, пожара нет ли где!

Никитай ушел.

Нос ты имеешь, ну а деньги у тебя есть? Молчи, молчи, я уважаю даже твое целомудрие. Странно, но уважаю. Ты ж набит деньгами, как семенами огурец по осени. Но скажи мне, торгаш, что тебе делать с твоими деньгами? Либо повеситься, либо водку пить. Ты же холуй, ты даже не знаешь, какая нога слаще у индюка!

Б а д а д о ш к и н *(ущемленно)*. Там у меня мамаша сидят...

Б а р и н. Пускай, пускай, тебя осудит и мамаша!.. Кстати, обожаю старух; странно, но обожаю. Я и теперь еще люблю... Сядешь этак к ней на колени, свернешься в клубок... и мечтаешь, мечтаешь... да! *(Кашлянул.)* Зак-купайте муку!

А н н а П е т р о в н а *(высунувшись в дверь)*. Ой, да для чего ж муку-то?

Б а р и н. Для здоровья, дамочка, для здоровья. *(Внушительно.)* В Тамбове хлеб девяносто рублей пуд. Россия ждет мановения высокого лица. Что будет, что будет!.. Черт, я, кажется, проговорился?

Б а д а д о ш к и н. Да нет... вали, барин, все в порядке!

Б а р и н. Не торопись, дабы не оступиться. Я, Грамацкий, предсказываю тебе судьбу. Тебе надо покупать...

Б а д а д о ш к и н. Да ты, барин, хоть кончиком покажи товар-то свой.

Б а р и н. ...да, покупать. Но не это барахло, затмевающее душу, а вещи нетленные... дома, поместья, титул, наконец. *(Смакуя слова.)* Губернатор, государственный контролер, статский советник... Рождаясь сначала, рождаясь в нищете, повитая лохмотьями, родина признательна за каждый грош. Прижми ее, прижми ее коленкой, Бададошкин! Дай ей в рост, кинь ей монетку... Чудак, ты под шумок скупишь весь мир, а там — прямая дорога в мировые Бонапарты!!

Б а д а д о ш к и н. Боюсь, барин, боюсь... оно и пахнет, да еще слабо пока пахнет-то!

Б а р и н *(ерзая по всему дивану)*. Я взираю на твою судьбу и хочу плакать от зависти. Смотри, я уже плачу. Какая карьера! Оперу, скажем, напишешь. Играйте, скажем, рабы... рабы и рыбы!! Ты ведь по рыбной части, кажется? И найдутся, которые станут играть... и найдутся, которые восхвалят, потому что — людишки!

Б а д а д о ш к и н. Людишки, барин... кушать хотят.

Б а р и н. Ха, собакам они дают титул львов, а на тигров надевают ошейники. Где, где человечество, ответь мне, тигр! Я вижу только виляющее чрево, вооруженное парой жадных рук. Где же люди-то, торгаш?

Б а д а д о ш к и н *(тыча себя в грудь)*. Они тут, тут... не извольте надрываться!

Б а р и н. Э, да что оперу... ты же реквием напишешь, реквием всему миру. Черт, у тебя, кстати, и строение глаза музыкальное!

Б а д а д о ш к и н. Музыкальное, говоришь?.. Постой, так ты вот о чем! Барин, я ждал тебя, как камень ждет дождя. Я тебя, барин, ночами кричал... у меня, барин, душа заржавела, никакими ключами не отпереть ее, а ты уж там... Я верить перестал и проклял, а ты ее вновь оживил?.. Не береди Бададошкина, барин. Ты — черт, барин, черт...

Б а р и н *(наливает)*. Выпей-ка вот для ясности. *(Воспламеняясь.)* С твоими деньгами такой гранпасьянс можно закатить, что зола с небес посыплется. Ты открываешь, скажем, кафешантан; ты воздвигаешь себе памятник: в твою честь переименуют улицы. Проспект, скажем... как тебя зовут?

Б а д а д о ш к и н. Семен Егорыч.

Б а р и н. ...проспект Симеона Бададошкина. И на углу памятник, вот как ты счас сидишь, только погрустнее... погрустнее, торгаш. Великое всегда грустно! Симеона? Ха, это почти гремит,— сим победиши, мы их под ноготь, с нами бог!! Ты самую Россию покупаешь за четвертак... э, в переносном смысле, разумеется. Ты ее покупаешь и устраиваешь огромный банк. Ноги твои греются на Черном море, а голову охлаждает Ледовитый океан. Англия юлит перед тобой... Францию ты кормишь из жилетного кармана, Испания... э, Испания просто так!.. Нет, я не черт, я просто страдающий Грамацкий. Я ношу отребья шута, таскаю эту идиотскую пелеринку... потому что они, они великодушны, только когда издеваются! Гляди мне в лицо, Бададошкин: ты будешь... *(Никитаю, который сунулся в дверь.)* Пшшол!.. Ты будешь Минин наших дней.

Пауза.

Б а д а д о ш к и н. Сплю, сплю, и разбудить меня некому... Ладно, я — Минин, а тебе-то какой барыш?..

Б а р и н. Со временем... со временем я буду Пожарский. *(Встал, шатается.)* Фу, никак, ноги отсидел... Чего смотришь? Ну, беги, беги предавай меня. Тебе дадут двугривенный, и ты положишь его на дно громадного сундука. Ползи на чреве, тебе двугривенный дадут, он тебе души дороже...

Б а д а д о ш к и н. Нет, я людей чту. Я истинных людей очень чту.

Пауза с томлением.

Слушь, баринок, а какая нога все-таки слаще-то у индюка?

Б а р и н *(смеясь)*. Чудак,— та, на которой он спит, явно жестче... сообразил? Ну, то-то. Мне пора, меня ждут клиенты. Надо еще Крутилина этого навестить. Только ты в диване пружину подвяжи, такого стрекача дает... Неловко. *(Одевается.)* А то беги, я подожду, а?

Пауза.

Я тебе завтра и привез бы самого, с ним и решай. Мое дело сторона, но постарайся ему понравиться: важный старик. Ну как, решил?

Б а д а д о ш к и н. Сердце велит, барин. *(С дрожью.)* Скажи только, а ты не прохвост?

Б а р и н. Ну, вот еще! *(Помахал рукой, ушел.)*

16

Вошли Анна Петровна и Никитай.

Анна Петровна *(враждебно)*. Столковались?.. Объегорит он тебя, высосет и дудку пустую оставит. Играй тоды в дудку-то!

Бададошкин. Молчи, молчи... Вот пальму полей. Почему растения не полита?

Анна Петровна. Да и пальмешка-то дохлая.

Никитай. Гнали бы вы жулика-т, папаш. Уж больно доверчивы стали.

Бададошкин. Не вопи, дуборос. Ты мне этого баринка береги покеда. Он Расею продает...

Никитай. Расея, папаш, не гардероб!

Бададошкин. Милый, ежели от Расеи-то и крылышко достанется, и то по конец веков хватит. У ней, милый, и крылышко сытное, так-то! *(Стукнул его пальцем в лоб.)* Ну, чего примолк?

Никитай. Я, папаш, думаю.

Бададошкин. Не думать, не думать, а спать пора. *(Сел.)* Вот даже и газету некогда почитать. *(Развернул, смотрит объявления.)* Машинка швейная... колыбелька... молодой сенбернар... умывальник подержанный... Ничего существенного не продается. Скушные стали нонче газеты! *(Откинул газету.)* Ну, марш, по конуркам. Эй, погоди, шкап завтра с дворником в спальню перетащить, а то ходят все ночью-то. Влезут еще вон по фонарю... Пойдем и мы, мать.

Все расходятся, хозяин тушит свет. Некоторое время полумрак, потом к двери Анны Петровны идет Григорий; одновременно со свечкой входит Никитай.

17

Никитай *(хватая его)*. Куда, черт?

Григорий. Пусти, задушишь... сама велела прийти. Вот и ключ дала...

Никитай. Катись отсюда... и чтоб дыханья твоего сюда не просочилось! *(С грохотом отталкивает его.)*

Григорий пятится в дверь. Никитай входит к Анне Петровне.

18

Б а д а д о ш к и н *(вбегая и таща за руку мать)*. Слышь, здесь ходят, мать. *(Держась за грудь.)* Упало... Вот так упадет когда-нибудь, и уже не подымешь... *(Осматривает шкап.)* Нет, цело... причудилось. Присядь, мамаша. Вот точно так же сорок лет трясусь за это железо.

Шум.

Стой! Опять... сиди тихо, мать.

Он с железной линейкой обходит комнату; от малого света, зажженного над шкапом, двигается по вещам огромная тень. Шаги. Бададошкин прячется.

19

Н а с т я *(войдя, Коротневу)*. Иди сюда, здесь никого нет.

К о р о т н е в. Неудобно, Настьк, перед ребятами. Зазвал, а сам ушел.

Н а с т я. Я хочу говорить с тобой.

К о р о т н е в. Говорить и так можно. Ну, я пошел...

Н а с т я. Сядь.

К о р о т н е в. Ничего. Я постою. *(Насвистывает.)*

Н а с т я. Сядь, сказала. Ты уезжаешь?.. Рвать со мной хочешь?

К о р о т н е в. Да... Меня перекидывают на другую работу. И, кроме того, есть тому добавочные обстоятельства...

Н а с т я. Перестань свистеть... Ты, может, познакомишь меня с добавочными обстоятельствами?..

К о р о т н е в *(читает вполголоса)*.

Тебя помиловали, скаред,
И мор, и голод, и Чека.
И вот теперь судьба мне дарит
Любимицу ростовщика...

Н а с т я *(с холодком)*. Это ты за последнюю неделю написал? *(Со слезами.)* Любимица!.. Ты видел, где я сплю?.. Где я сплю, ты видел? Думаешь, мне самой нравится посреди всех этих... катафалков!

К о р о т н е в. Ну вот уж и обиделась... Настя, ты обиделась?

Настя. Уезжай, ладно.

Коротнев. Куда же я один поеду!..

Пауза.

Насть, погляди, таракан-то какой ползет!..

Настя. Уезжай, стихотворец.

Коротнев. Черт, посылал я к нему монтера знакомого с самоваром, да он разнюхал. Противно мне тут... и за тебя обидно. Год еще пройдет, и сама как паучиха станешь. Настя... таракан-то убежит!

Настя. Пускай бежит.

Коротнев. Слушай, поедем со мной, а? Там арбузы во какие растут... Посмотри!

Настя *(оглянувшись)*. Вот и врешь, таких не бывает!

Коротнев. Ну и баста. Ты жена мне и едешь со мной...

20

Бададошкин *(выскакивая из своего укрытия)*. Ты... с ним, с этим блохастым? Али хлеб мой надоело жевать!.. Для него хранил я тебя, Настюша?

Настя. А что, жениха с фирмой хотели отыскать?

Бададошкин. Не с фирмой, а чтоб хоть штаны-то цельные были... Ну, здравствуй, кавалер. На музыку не пробовал стишков-то положить?.. Под гитару бы да по пивным, а она подпевать будет. Лим-бам-бом, а?

Коротнев. Я, Насть, пойду, а то, пожалуй, стукну я его слегка...

Бададошкин *(заступая ему дорогу)*. Погодь, парень, не трусь Бададошкина!

Коротнев. Не поймал я тебя, жаль. Большой хоть процент-то берешь?

Бададошкин. Не обижай до времени, зятек!.. Неохота мне Настюшку под тебя кидать. С Никитаем я ее хотел в жизнь пустить... Э, да и порченая-то — все же своя, от плоти Аннушкиной, вот только рыженькая. Привык я к ней, дорого мне девчоночка эта стоит.

Настя. Заработать хочешь на нем? Смотри, на нем не заработаешь!

Б а д а д о ш к и н. Ему заработать даю. Слушь, сколько отступного тебе вместе со стишком, а? Я всякое покупаю, мне все годится в обиходе жизни...

Н а с т я. Пойдем, Сергей, мне надоело.

Б а д а д о ш к и н. Эй, тыщу на воздушный шар пожертвую.

К о р о т н е в. Резвый ты стал, Бададошкин... где-то сядешь!

21

Б а д а д о ш к и н *(кричит вдогонку)*. Торгуйся, я накину!

Коротнев и Настя ушли.

Не резвый, а смешливый я, мать. Ха, мое море бушует, скалится, а я смеюсь... Я на все смеюсь, я смешливый, не в тебя.

Шум у Анны Петровны.

Стой, с кем она там!.. Аннушка, ты спишь? Ишь, сквозь сон смеется. Ты спи, Аннушка, спи!.. Я все слышу, мать, все знаю. Червь в земле ползет, мрак грызет, а я слышу. *(Отпирает шкап, достает пригоршню золота.)* Гляди, вот он, мой смех. Это камни, настоящие камни, мать... они греют душу. Дай ладонь, слышишь?.. Эту брошь я купил у барыньки одной. Ее высылали, даром отдала и руки вдобавок лизала... Я не люблю, когда мне лижут руки: это значит — еще больше получить хотят. А вот цепь. На нее прикуй великана, мать, и он не перекусит ее. Я купил ее в Самаре. Там шли большие расстрелы, полковничек один орудовал... *(С новым смехом.)* А когда полковничек попался, я купил у его жены часы вот эти, мать. Они не тикают, они разговаривают... там две барышни сидят и одна старушка... слышишь? старушка сердится. Все это вези с собой, мать, прячь. Зарой его в землю, мой смех: он не гниет, мы посмеемся. О, как мы посмеемся, мать. А чем я был тогда, сорок восемь лет назад?.. Пастух, прыщ на дырке! Но времена плывут, в них отражаются судьбы... Мы еще поживем, и как мы поживем, мать!..

Мечтание.

Бададошкин внезапно преображается. Он в мундире своеличной выдумки: грудь, украшенную орденами, устилает борода; на ногах зеленые сапоги с перламутровыми шпорами. Домна Ивановна мнится ему в

парчовом платье, на шее у нее огромная брошь, в которую вделан исполинский камень, похожий на леденец. В комнате, заставленной с комической, но правдоподобной пышностью, вырастают колонны и фикусы; мебель сверкает позолотой. Неслышные лакеи вносят свечи, которые тухнут по мере прохождения сцены. Внятна лишь речь самого Бададошкина и его матери, остальные говорят беззвучно.

Бададошкин. Чегой-то мне сапог малость теснит?.. Дайте мне другой сапог на ту же ногу! *(Выбирает один из десятка принесенных.)* Теперича дайте мне цигару. Мамаш, грозен я в таком виде аль не грозен?

Домна Ивановна. Уж на что пуганая, а и то мурашки бегут.

Бададошкин. Это хорошо, страх — это полезно. Да чего вы все киснете, мамаш?.. Хотите — чай пейте либо к обедне поезжайте.

Лакей докладывает ему что-то.

Чего ему?.. А, в гости? Ладно, впустите сюда графа Крутилина!

Вошел в сверхъестественном наряде Крутилин.

Кум, душа моя, садись, цигару хошь?.. Ну, чем же мне тогда тебя... Эй, попрыскайте духами графа Крутилина!

Прыскают.

И меня тоже слегка.

Прыскают.

И мамашу за компанию!

Попрыскали и мамашу.

Ну как, брат, у тебя в губернии? Произрастает?.. Эге, это хорошо, пущай произрастает. А я, брат, надысь фининспектора своего поймал. Уж я ево... долго я ево ласкал. Нонче в башне сидит, а на башне замок, а у замка солдат с усами. *(Домне Ивановне.)* Мамаш, а то, может, вы замуж хотите? Осподи, вы не стесняйтесь. В нашем-то положении хоть за китайского посла! Эй, позвать сюда управителя.

Является управитель.

Эй, кликни сюда главного министра!

Является министр.

Позови-ка, дружок, китайского посла на минутку!

Является китайский посол.

Вот он, кум, гляди на него! Эй, бери мамашу замуж... ухаживай сперва, дубина, а потом бери. Букет ей, что ли, подари!.. Эка нация!

Домна Ивановна. Староват будто жених-то!

Бададошкин. Эй! Помолодить китайского посла!.. Тройку им с бубенцами! Дворец им!.. *(Кричит в полном самозабвении.)* Прыскайте их духами... Прокофий, лошадей!..

22

Свечи потухли, все приходит в прежний вид. Отовсюду сбегаются домочадцы.

Анна Петровна. Чего он орет-то, спятил, что ли?

Никитай. Воды, воды папаше!..

Все склоняются над Бададошкиным, дуют на него, машут платками, прыскают водой.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Спальня Анны Петровны, загроможденная шкапами гипертрофических размеров. В стороне огромная кровать, на авансцене столик с радио. Полуодетая Анна Петровна причесывает волосы перед большим овальным зеркалом. В кресле неподвижно сидит мать.

1

Анна Петровна. Что и поделать мне с волосьями-то, не придумаю. Хлещут — и не уймешь никак. А вот за границей, баушк, стригут волосья-то. Баба, а под бобрика за милую душу щеголяет. Тоже и бреют, говорят, на плешь картину нарисуют... цветок там какой аль барашка. *(Напевает.)* Бабка ты ведь глухая... тебе все равно. Ну и внучок у тебя. Сожмет — душу выдавит напрочь. А чудно — любовь. И что это такое любовь!.. И никто не знает. *(Смеется.)* Ночью-то вчера, в грозу-то, говорят, столб электрический взорвался!

Настя *(вошла уже одетая)*. Можно к тебе?

Анна Петровна. Ты одна?.. Входи. Собралась?

Настя. Еду. Проститься зашла. И потом передай вот, пожалуйста, эту брошку ему... ну, мужу своему. Он мне подарил в прошлый месяц. Мне больше не надо...

Анна Петровна. Ладно. *(Напевает.)*

Настя. Там еще колечко было...

Анна Петровна. С бирюзой, что ли?

Настя. Да. Я его отдала.

Анна Петровна. Поносить, что ли, кому дала?

Настя. Нет... Там у нас сбор был, я и отдала.

Анна Петровна. Ну и дурена! Кольцо пищи не просит, а скучно станет — надела бы, оно и отойдет. *(Смеется.)*

Настя. О чем ты?

Анна Петровна. А что, завидно? Столб-то давешний... Смешно очень. А вдруг стоят они стоят, да и почнут друг за дружкой взрываться! Треску что будет!

Настя *(присматриваясь).* Лекарство, что ль, от тоски нашла?

Анна Петровна. Известно, со счастья люди поют.

Настя *(дружески).* Ты, Анна, и с Никитаем-то не заживайся. Людей в мире много, кроме волков.

Анна Петровна. О, мне бы отсюда-то вырваться! Ты счас уезжаешь? *(Всплакнув.)* Ну, прощай, сестра ведь... *(Обнялись.)* А меня, Настьк, не взяла бы с собой, а? Я бы и оделась порваней... у меня прачкин капот есть.

Настя. Не знаю, Анка, неудобно...

2

Никитай *(который давно стоял у двери).* Поезжай, Настьк, отправляйся. Никуда она не поедет...

Настя уходит.

Не видишь разве, она стыдится нас.

Анна Петровна *(тихо).* Куда ты, грешник? Видишь — раздета сижу.

Никитай. Ничего, я не смотрю.

Анна Петровна. А не совестно тебе отцовскую жену любить, а? Не грешно?.. Вон спроси бабку. Она у смертных-то ворот не станет врать.

Никитай. Осторожно, ты... услышат.

Анна Петровна. А вот не хочу, чтоб осторожно. Вот стану на подоконник — да и закричу. Чего мне удачу мою скрывать!

Никитай *(зажимая ей рот).* Молчи... глупая.

Анна Петровна. Пусти... *(Освободясь.)* А ты и в самом деле подумал — закричу? Да разве об этом кричат!.. Дай-ка платок, знобит меня.

Никитай. Теперь от другого знобит, от ожиданья. Ты приготовься заранее, извозчика найми. Я уже билеты взял...

Анна Петровна. Какие билеты?.. Ошалел, что ли?

Никитай. Зачем шалеть: погода прохладная, билеты — ехать. Я нонче либо выше всех вознесусь, либо оземь брякнусь...

Анна Петровна *(тихо)*. Куда ехать? *(Приняв признание Никитая за шутку.)* Пусти, кисель! Ты еще меня попроси,— может, я с тобой и не поеду. Может, я его люблю, отца твоего, а? *(Снова расчесывает волосы, упавшие на лицо.)* Может, я толстых да дремучих люблю, и чтоб борода, и чтоб тараканы в бороде ворошились... Ну, чего замолкнул?

Никитай. Я думаю.

3

Входит неслышно Бададошкин. Никитай быстро исчезает.

Анна Петровна. О чем же ты думаешь, Никитай?

Бададошкин *(гладя ее волосы)*. Славные, славные!..

Анна Петровна *(растерянно)*. А... а где же...

Бададошкин. Услал я его, шкап ему надо еще перенести. Давай помогу тебе...

Анна Петровна. Отойди, что ж твои-то не едут?

Бададошкин. Приедут!.. Холодна ты стала, Аннушка. Все молчишь, точно гиря на весах сидишь. Присядь, посоветуй что-нибудь.

Анна Петровна. Что ж тебе советовать, ты и сам жох.

Бададошкин. А все-таки... как мне жить, что пить, где деньги копить.

Анна Петровна *(уходя за ширму одеваться)*. Сон мне нынче снился. Будто восхожу я на небо, и везде там ситцем торгуют. Все ситец, ситец... И вдруг из-за уголышка выбегает ко мне...

Бададошкин *(перебивая)*. И сны-то у тебя все куриные! Это от скуки. Вот погоди, куплю себе высший чин — и тебе дела прорва будет. Одни букеты считать. *(Перед зеркалом.)* Иные говорят, что я толстый, а я ничего себе. Плох, скажешь? Меня нарядить...

Анна Петровна. И покойников убирают. Такие, быват, красавцы лежат...

Б а д а д о ш к и н. ...бороду ежали в конус пустить, а лик-то поутюжить. Ну, чего не смотришь, чего в душе хоронишь? Все имеешь, чего еще тебе надо?

А н н а П е т р о в н а *(вышла из-за ширмы, в лицо ему)*. Любви хочу.

Б а д а д о ш к и н *(в упор)*. С Никитаем застану — зарублю. Так обоих в кровати и зарублю.

А н н а П е т р о в н а. Закуют Бададошкина, и золото твое зря повянет. Уж и надоел ты мне с Никитаем своим. Хоть бы руки мыть его научил!

Б а д а д о ш к и н *(смягчаясь)*. Не серчай, Аннушк, на сироту. За сирот бог воздаст!

4

В дверь, сгибаясь под тяжестью, Н и к и т а й с д в о р н и к о м вносят несгораемый шкап.

Н и к и т а й. На себя, на себя заноси...

Д в о р н и к. Уф, не иначе как горе людское перетаскиваем.

Б а д а д о ш к и н. Ну, помалкивай. Поди-ка, подставку под шкап-то притащи.

Дворник ушел.

(Никитаю.) Чего там за грохот ночью был?

Н и к и т а й *(смущенно и утирая пот со лба)*. Этово... стол на кошку упал.

Б а д а д о ш к и н. Пьяный, что ли, аль повздорили?

Н и к и т а й. Куда ставить-то, сюда, что ли?

Д в о р н и к *(войдя)*. Я... я, хозяин...

Б а д а д о ш к и н. Опять насчет жалованья? В деревне-то не наголодался?

Д в о р н и к *(храбрясь)*. Не, я хочу сказать, отчего ночью грохот был.

Н и к и т а й *(перебивая его)*. Да, вот еще не забыть бы, папаш. Дверь железом обшить. *(Пристально взглянув на дворника.)* А то на соседнем дворе человека зарезали, вот сюда прямо... *(Показывает на дворнике.)*

Б а д а д о ш к и н. Слесаря завтра позвать. *(Дворнику.)* Откуда же грохот? Стол, что ли, упал?

Дворник *(тихо)*. Стол-с.

Бададошкин. На кошку?

Дворник *(тихо)*. На ее-с.

Анна Петровна. Да гони ты их вон... до чего надоели!

Дворник исчезает.

5

Звонок. Никитай бежит отпирать, быстро возвращается.

Никитай. Приехали... Папаш, и что же это! Он мне двугривенный дал. За чистого холуя хожу...

Бададошкин. Копи, копи... и я так же начинал, дурачинка.

Барин *(входит)*. Привет, привет... Э, беспорядок какой у вас! Приберитесь, приберитесь скорей... Там он сам раздевается. Я уж все обговорил.

Никитай и Анна Петровна спешно приводят комнату в порядок.

Как по маслу! Кстати, я гармониста пригласил, чтоб заглушать заседание. Понимаете, в отношении лишних ушей.

Бададошкин. Оборотистый ты, баринок. С тобой не пропадешь...

Барин. Только, создателя ради, поаккуратней с ним. Он такой щепетильный, львиная порода, понимаешь?.. Голубой жилы человек. И потом, родня, высокая родня...

Бададошкин. Брат, что ли?

Барин. Н-нет, но вроде дяди. Пойдем встретить, пойдем.

Ушли.

6

Никитай *(Анне Петровне)*. Ты, Аннушк, за дверью встань, а как хлопну, так входи.

Анна Петровна. Ой, боязно, Никитаюшка!

Никитай. А ты зажмурься, коли страшно...

7

Расходятся в разные двери; Анна Петровна наталкивается на князя, ведомого барином и Бададошкиным.

Бададошкин *(князю)*. Об коврик не оступитесь, ваша светлость. Ножки треснут, станут хроменькие...

Князь *(заглядываясь на Анну)*. Да вы пустите меня, я не сбегу!

Бададошкин. Помилуйте, ваша светлость!.. Пожалуйте сюда сесть.

Барин. Ну, вы займите пока гостя, а я мамашу уведу. Бабушк, пойдемте куда-нибудь туда. *(Взял под руку.)* У меня тоже мамаша есть... странно, но есть. И тоже во всякую чертовщину верит, и кряхтит тоже... Вот я вас познакомлю, вы станете вместе... ковры там вышивать, кофе пить... *(Увел.)*

8

Бададошкин. Вам от окошечка, ваша светлость, не надует?

Князь. От окошечка? Нет, бла-адарю.

Пауза.

Э, кто такая?

Бададошкин. А то могу закрыть, а?

Князь. Закрыть. А?.. Почему? Нет, бла-адарю.

Бададошкин. Хм, большое дело затеваете, ваша светлость!

Князь. Да, порядочное.

Бададошкин. Великое!

Князь. Да... значительное.

Бададошкин. Шикарная жисть будет. *(Кричит.)* Прокофий, лошадей!

Князь напуган.

Э, не пугайтесь, ваша светлость! Я пошутил...

Князь. Да, да, ты шутник. Бла-адарю.

Оба смеются.

Эта бабочка... очень приятная. Я люблю приятных. Я вообще люблю.

Бададошкин. Флюсик бы вам от окошечка не нагнало!

Князь. Э, нет, бла-адарю. Небось у нее сто любовников... и сам поди ударяешь!

Бададошкин *(конфузливо)*. Помилуйте. Я уж одной ногой тово... да, тово.

Князь. Вот я ее у тебя отобью. Я у нее сто первым буду! Хе, а тебя позову да за дверью с ружьем поставлю...

Бададошкин *(пугливо)*. Она вся в родинках, ваша светлость.

Князь. Э, ничего, я люблю родинки.

Бададошкин. У нее глисты, ваша светлость!

Князь. Э, ничего, я люблю глисты... *(Внезапно напыжась.)* Э, не хами, братец, не хами!

Барин. А вот и остальные. Пожалуйте, проходите... Принимайте, хозяин.

9

Входят: Багдад, Крутилин, Варгушев и щуплый гражданин, у которого поминутно спадает пенсне и развязывается ботинок.

Бададошкин. А, Варгушев!.. и тебя, видно, баринок-то соблазнил.

Варгушев. Все там будем.

Барин. В строгой очереди знакомьтесь с князем. *(Щуплому.)* Одерните пиджак, черт возьми! *(Князю.)* А вы постарайтесь говорить баритоном. Князь, а черт знает каким местом разговариваете.

Князь *(покорно)*. Да-да, я баритоном. Бла-адарю.

Багдад *(весело)*. Здравия желаю, ваш-сиясь.

Князь. Ты, как видно, из солдат, братец?

Багдад. Так точно. В сорок осьмом Сибирском, на Карпатах... А потом, как нашего брата оттэда шарахнули... Ведь все измена. Мы даже и песню склали. *(Уставляет руку в бок, запевает.)*

Вы-сокн Арпатски горы...

Барин. Очень хорошо, и голос неплохой. Ну-ну, сядь вон-там...

Князь. Сядь пока.

Крутилин. Рекомендуюсь. Крутилин, Фока Матвеев.

Щуплый. Меня зовут странно, не удивляйтесь,— Серафим Петрович Вошкин! *(Протягивает руку, но ее вместо князя перехватывает барин и отводит его в сторону.)*

Князь. Чудак какой!

Варгушев молча кланяется.

Барин. Вот и прекрасно. Дай-ка спичечку, братец. Эй, кликните там гармониста с лестницы. Совершенно свой человек.

Бададошкин. Никитай, гармониста!

Голос Никитая: «Гармони-ист!..»

10

Вошел гармонист с папироской.

Барин. Сядь, дружок, здесь. Как нажму, играй, разное играй. Ну, прошу размещаться, господа. Надеюсь, в этой пятерке все перезнакомились? Князь, разрешите крохотное вступленьице для новичков?

Князь *(тенорком)*. Прошу. *(Басом.)* Бла-адарю.

Барин. Гасспада!

Гармонист яростно играет, оратор жестикулирует. Когда гармонист играет тише, прорываются его возгласы.

Надо же когда-нибудь осмелиться... газеты читайте, газеты!.. Крестьянская стихия гудит... Мы решили пожертвовать Кремлем!

Гармонный грохот. Гармонист даже подпевает себе.

Оставить им красные флаги, Советы, выборы... пение развивает грудь, а нам нужна здоровая нация... способная к победам...

Щуплый одиноко аплодирует.

В Твери, в Казани, в Семипалатинске... приветствуют зарю...

Гармонист играет.

Багдад. Зарю-то какую?

Щуплый. Не мешайте...

Барин. ...ветер попутный дует... Смело поднимайте парус... море глупо, даже когда грозно... лбам нужен пол, в который биться. За нами — планета!

Багдад. Какая, какая планета?

Щуплый. Да не мешайте же сосредоточиться!

Гармонист играет, барин переходит на шепот с задыханиями.

Барин. Мы приветствуем вас, достойные наследники нижегородского купца. Мы приветствуем вас, как протоплазму...

Крутилин. Деньги-то кому вносить?

Барин. Да погодите вы с деньгами! Имеющие высказаться? Нет? Очень хорошо. Единодушие — залог всеобщего успеха. Итак, позвольте перейти к делу. Деньги вносите его светлости... Не спешите, граждане: Россия велика, всем хватит. *(Щуплому.)* Да что вы все гнетесь?.. Лезьте под стол и сидите там!

Щуплый. У меня... у меня ботинок развязывается.

Барин *(кричит)*. Так завяжите его!!! *(Крутилину.)* Ну, что же вам угодно было бы получить в том недалеком и светлом будущем, когда, по слову апостола, произойдет обличение вещей невидимых?

Крутилин *(роясь за пазухой)*. Я... я вот тут на бумажке написал, а то самому как-то неловко. Извольте ознакомиться!

Князь. А ну, дай сюда. *(Читает, удивленно поднял брови.)* Что-о? Что он написал? Архимандрита? Да ты, любезный, в своем уме?

Крутилин. Не извольте сомневаться, семью семь сорок девять.

Князь *(не замечая знаков барина)*. Так ведь архимандрит лицо духовное!

Крутилин. Каб я в кредит, а то я наличными плачу.

Пауза.

Я с детства пристрастье к сему делу имел, да папаша подгадил, по торговой отрасли пустил.

Князь *(барину)*. У него в бороде лапша какая-то!

Крутилин. Лапшу вымем.

Барин. Ничего, соглашайтесь, князь. Он подучится, ведь не завтра же. Сколько?.. Я помечу. А, у вас в пакетике! Очень хорошо. Да, позволь... Чем до революции занимался?

К р у т и л и н. Торговал, как обыкновенно.

Б а р и н *(помечая что-то)*. Торговал, так... оч-чень хорошо. Да, но ты запомни: ты должен духовно просиять. Ты поведешь свою паству туда, к немыслимому солнцу!

К р у т и л и н. Квитанцию бы мне.

Б а р и н. Ну какая же, братец, квитанция на архимандрита! Ты умно выбрал, каналья, сознаюсь. Странно, но сознаюсь. Только лавку-то тебе придется закрыть... или, еще лучше, на жену переведи. Ты меня понимаешь? Ну-ка, отойдите в сторонку пока, ваше преподобие. *(Варгушеву.)* Вам чего прикажете? Чин?

В а р г у ш е в *(горько)*. Что ты мне предлагаешь! Мне не надо ничего, даже спасиба твоего не надо. Мне павлинье перо не к лицу, барин. Я та́к дам, от сердца. Дашь медаль — скажу мерси. *(Дает и садится.)*

Б а р и н. Бла-ародно, оч-чень знаменательно. Вы слышите, князь? Потомки оценят. Потомкам и делать будет нечего, кроме как оценивать благородство предков!.. Браво! *(Багдаду.)* А вы как это дело обдумали?

Б а г д а д. Мне-то уж что, не доживу поди. Рак, говорят, у меня.

К н я з ь. Какой же, братец, у солдата рак. Застудил, верно.

Б а г д а д. Никак нет, чую, шевелится: рак. А вот парнишка у меня растет, тринадцатый годок...

Б а р и н *(князю)*. Оч-чень, знаете, даровитый такой брыкун. Так что же именно вы хотели бы для своего паренька?

Б а г д а д. Да где уж потепле. *(Робко.)* В околоточные бы, если дозволите!

К н я з ь. Какая простота!..

Б а р и н. ...И мудрость, князь, мудрость! *(Щедро.)* Желай больше!

К р у т и л и н. Дом проси, в Охотном ряду дом!

Б а г д а д. Да чего же больше-то... *(Долго думает.)* Не, давай уж в околоточные!

Б а р и н. Ну, как угодно. Околоточные бывают и из людей. Князь, примите пожертвование. *(Поучительно, Багдаду.)* Но только ты ему внуши, парнишке своему... не вели сразу-то хапать. Постепенно приучай, с выдержкой. До кожи стриги, а кожу не трогай!

Б а г д а д. Уж доверия не омману, в самый раз потрафлю. Эх, чья очередь-то за мной?

Щуплый *(суча ногами)*. Именьице бы мне с прудом. И чтобы карпы в пруду. Карпы — восхитительно. В закат, знаете, выйдешь к лознячку, а они плывут, золотые, сердитые. Ситничка ему кинешь в воду, а он и жует, щекастый, как свинья...

Барин. Не сучи ногами.

Князь. Ну, карпов сам разведешь. Карпов придется заново.

Барин. Деньги давай сюда, и быстро!

Щуплый. Деньги я счас... *(Ищет.)* А то все деньги на театр да на портвейн уходят, так и не купишь ничего. *(Все ищет.)* Да и в театрах-то нынче все только стреляют... так и сидишь, точно после затрещины. *(Все ищет.)* Хорошенькое я одно именьице присмотрел, на Оке, да от станции далеко. Да где же деньги-то у меня? Ах вот, оказывается, в кулаке!

Князь. Однако что же он дает?

Барин. Покажите! *(Щуплому.)* Послушайте, вы мало даете!

Щуплый. Да мне немного и надо: зато если и пропадут, мне не жалко. А то можно и без усадьбы, сам построюсь...

Варгушев *(ехидно)*. Вы ему дайте леску, он сам построится.

Барин. Вот казус!.. *(Махнув рукой.)* Ладно, черт с ним, берите, князь! *(Щуплому.)* В Якутской бы губернии тебе именьице. Эх, стараешься-стараешься, а кто оценит? Аукционист при России, скажут... не обидно, а? *(Бададошкину.)* Ну вы, наверно, такое придумали, что все только ахнут.

Бададошкин. Все думаю, как бы поскладней.

Барин. Выбирайте, время терпит. Губернатора-то, как же, отдумали?

Бададошкин. Да ведь стрелять будут!

Барин. Губернатор, конечно, опасно. А предводитель дворянства, например... как вам нравится? Очень почетно.

Князь *(поспешно)*. Но вы же сами говорили, что он ростовщик?

Барин. Ну, так тогда только дворянам будет в рост давать, что из того!.. Как же, наконец? Можно бы, пожалуй, и в камергеры, но, предупреждаю, хлопотливо. Придется подтянуться, постричься, и живот, живот долой. А то приятно... челядь этак суетится, карета, мундир, приемы... Черт, может,

мы еще и опахала заведем! На камергеров у меня большой спрос...

Бададошкин *(жадно)*. А еще там выше-то что?

Барин. Выше?.. Ну, архиерей, тайный советник. Тебе тайный-то к лицу, ты и подпух малость. Фельдмаршал, наконец.

Бададошкин. Барин, а фермаршалу ордена положены?

Барин. За ордена особая доплата, разумеется!

Бададошкин. Во, нашел... голова-то ровно картонная стала. Помочи-ка мне башку, кум. Теперь Никитаю... *(Кричит.)* Эй, Никитай!

11

Вошел Никитай.

Вот оно, племя мое... Ну, вали, чего хочешь, проси... даю.

Никитай *(осторожно)*. Я жизнию своею доволен, папаша. Мне ничего... гребеночка вот только у меня сломалась.

Бададошкин. Ха, гребеночку дураку!.. *(Упоенно.)* Ему городок запиши небольшой, чтоб сидел там и правил помаленьку и посреди полной тишины... без налогов, без жильцов. И пускай все тебя обожают, и ты тоже всех обожай! Осподи!.. Никитай, бери Калугу!!

Никитай. На что мне Калуга, папаш? Из Калуги штей не сваришь.

Бададошкин. Бери, правь и властвуй... Ты — семя зрелое, чего тебе на ветхом будыле торчать. Настька меня покинула, все тебе! Мы с тобой-то что, а? Мы поперек всей Расеи вывеску наколотим: Бададошкин с сыном, а? Мы все скрутим, бери Калугу!

Багдад. Не ломайся, бери!

Крутилин. Не задерживай!

Никитай *(потупясь)*. Что ж, я из отцовской воли не выхожу...

Бададошкин. Эй, гармонист, играй теперь в нашу честь, что-нибудь веселое играй, на одоление супостатов!

Гармонист играет.

Веселей играй, возвышение Бададошкиных празднуем...

Гармонный вихрь постепенно стихает.

Никитаюшко, на ключ... сам, сам им плати... Гляди на нас, барин!!

Никитай берет ключ, неспешно открывает шкап, берет деньги и снова запирает.

Никитай. Слов моих нету за почет такой. *(Тихо.)* Дай мне казну твою, светлость твоя, я сам вложу. Пусть никто в целом свете не знает, сколько Никитай Бададошкин дал. *(Берет у князя бумажник, кладет его себе в карман.)* Ну, вот и все. Теперь складайтесь!

Князь. Шутник, право, шутник... бла-адарю.

Крутилин. Эй, парень, на могилке не шутят.

Никитай. Какой мне барыш с дураками шутить. Складайтесь, сказал!

Барин. Однако... эт-то же грабительство! Эт-то же среди бел-ла дня!

Никитай. Не ссорься со мною, барин. С Никитаем Бададошкиным говоришь! *(Кивая на дверь.)* Там у меня полно понятых, все с ноготками людишки.

Общее враждебное движение.

Ну, вы, тише, покупатели. Еще тише... совсем тихо. Вот так...

Багдад. Миленький, так ведь деньги-то на святое дело...

Князь. Пардон, пардон... это притон какой-то!

Бададошкин. Отдай, щенок!

Никитай. Тише, фермаршал!.. От тебя баба стонет, а доведется тебе на конь сесть, пушка бахнет, труба возгремит... вся причина из тебя вылетит... Мне Калуга — Калугой, да Калугу на себе не унесешь. Тише вы! *(Хлопает в ладоши.)*

12

Вошла Анна Петровна.

Никитай. Я тут, Аннушка, дураковинки наскреб. Возьми счеты, клади. *(Развертывает первый пакетик.)* В первой бумажке за архимандрита... восемьдесят пять целковых. Положила? Да во второй, за околоточного... сто тридцать. Анна, три десятка-то, а ты два кладешь. Да еще от полного сердца... пятнадцать целковых. Да за именье... *(Со смехом.)* Трешница! Складай разом, за сколько Расея продается?

Анна Петровна. Двести тридцать три, выходит.

Никитай. Подешевела, матушка... Какая стала: до рук моих докатилась! А маловато, поостереглись. Ну, Фока Матвеев, доложи сюды до круглого. Доложи, хуже будет...

Крутилин. Не дери шкуры-то, живой ведь...

Багдад. Ну, я домой побегу.

Никитай. Погодьте, гражданин. Давайте и вы сотню. Я много не беру: с дурака по шерстине — умному валенцы. *(Щуплому.)* Давай и ты что-нибудь, хлюст.

Щуплый. Нету-с... я бы и рад.

Никитай. Это что, часы у тебя?.. на ходу-то на анкерном? Давай часы, давай с цепкой... *(Собирает со всех.)* Вот на дорогу и хватит.

Барин *(на минутку отозвав его в сторону)*. Дай хоть половинку, молодой хозяин! *(Скороговоркой.)* Расходы же, ей-богу! Я этого князишку с угла взял, месяц кормил, пока он уверовал. Я же гармонисту кровные свои платил. А какую ты мне музыку расстроил! Одних камергеров пять голов наклевывалось... Странно, но наклевывалось! Монетный двор продавал, а на тебе споткнулся... Кого стрижешь? Актера безработного стрижешь! Дай, имей благородство!

Никитай. Благородства не держим. Вещь опасливая... Ну, теперь вон, все вон! Может, я спать хочу! Аннушк, проводи баринка да за польтами там последи!

Все торопятся уйти.

Анна Петровна. Не торопитесь, гражданы, всем дорога будет.

Все ушли вместе с Анной Петровной. Вошла мать.

13

Никитай. Вот еще тоже, таскается круглый день! Надоешь ты мне, старуха! *(Отцу.)* А вы бы прилегли, папаш, отдохнули бы!

Бададошкин *(тихо)*. Мать, правда-то есть на свете? *(Горько.)* У волков какая ж правда, у волков зубы. *(Встал, шатается.)* Вот и покончилась слава моя. Нырял, злодействовал, людей жевал, подкопы вел... В статские, в фермаршалы сбирался, холуйской масти шатия!.. Чтоб колокола, чтоб опа-

хала, а?.. Что ж это, с души-то штаны стащили?.. Прокофий, собаками его, хлюста, собаками... Прокошка, запор-рю!!

Пауза.

Не идет мой Прокофий. Прокофий в клуб пошел, флаг раскрашивать. Расея, петля моя... топчу, топчу тебя, вот так!! Спасибо вам, людишки, поучили маненько старичка.

Никитай. Брось извиваться, старик,— люди смотрят.

Бададошкин. Да-да, не надо. Тихо надо, тихо да с песенкой. А погодка-то, славен бог в Сионе, разгуливается. Ничего, мы и так. Мы и так, Никитаюшко. Мы с тобой и так, ровно слоны пройдем сквозь судьбу-то, все потопчем. Я горжусь тобой, из тебя выйдет прок. Ты как насчет слонов-то соображаешь?

Никитай *(ковыряя в зубах)*. Слон — изрядна насекомая.

Бададошкин. Вот-вот. Я тебе ключик-то давал, ты не потерял его?

Никитай. Притомился я, папаш. Какой ключик? От лавки, что ли?

Бададошкин. Зачем от лавки, я других ключей ищу.

Никитай. Больно нужны мне ключи. Из ключей штей не сваришь.

Бададошкин. Я к тому, что баушка нонче едет... деньжонок на дорогу дать. Я бы отвернулся, а ты бы ключик-то вон на краешек стола и положил. Я только возьму немножко, а ключик назад отдам. Я и сам отдам. Я и сам потерять его боюсь.

Никитай. Душа у меня за вас болит. Зря суроп льете.

Бададошкин *(подойдя близко)*. Ты, сынок, с Аннушкой-то живешь, что ли? Ты живи с ней, живи. Бабочка молодая, ласки хочет... всяка ветка под дождик тянется, а я эвон какой гриб. Вот мы с тобой и поделимся.

Никитай. Что мое, то я сам возьму.

Бададошкин. Я б тебе, Никитаюшко, и кроватку подарил...

Никитай. Брысь... экий сквернавец!

Бададошкин *(сидя на полу и покачиваясь)*. Хо-хо, в люльке ты у меня качался, на коленях сидел, руки мне слюнил, махонький... и я не задушил тебя. За то и мука мне ноне.

14

В дверь осторожно просунулась с т а р у х а - з а к л а д ч и ц а.

Н и к и т а й *(не оборачиваясь)*. Кто еще там... входи, терзать буду!

С т а р у х а. Вот, батюшка, принесла вещь-то, принесла.

Б а д а д о ш к и н. Какая же твоя вещь, покажи!

С т а р у х а. Сабля, батюшка, сабля, государев подарок. Покойник-то самого Излагир-бея ею покончил...

Б а д а д о ш к и н. Никитаюшко, дай ей рублик за государственную саблю.

Никитай безмолвствует.

Опоздала ты, старуха, не нужна мне боле твоя сабля. Ты вот ему ее отдай, воителю моему.

С т а р у х а. Возьми, сынок, саблю-то. Хорошая сабля и в хозяйстве пригодится... капусту порубить, лучину поколоть. Без сабли уж какое хозяйство!

Н и к и т а й *(дико кричит)*. Отступи!!

Старуха пятится в дверь.

15

А н н а П е т р о в н а *(уже одетая)*. Извозчик стоит, дожидается. Забирал бы уже скорей, чего старика расстраивать зря. А ты лег бы хоть на сундучок, хозяин. Зазорно купцу на полу сидеть.

Н и к и т а й. Ты его покарауль, Аннушка. Как бы мне его не зашибить невзначай. *(Идет к шкапу, раскладывает по карманам бададошкинские сокровища.)*

Б а д а д о ш к и н *(ложась на сундучок)*. Аннушк, ведь я живой еще, теплый, а? Пощупай меня... Слеза-то моя упадет на него аль нет?

А н н а П е т р о в н а. На ево чугунная слеза нужна, да потяжельше. Лежи... Ты заснуть постарайся!

Н и к и т а й. Ты ему подушку подложи. Папаш, этот ключ от нижнего?

Б а д а д о ш к и н. Какой, этот? От нижнего, от нижнего. Там в бумажке-то не рассыпь!

Тем временем Домна Ивановна подошла к Никитаю, тянется рукой в шкап.

Н и к и т а й. Ты, бабк, куда?.. ополоумела?

Д о м н а И в а н о в н а *(ласково)*. Брошечкю я тут, голубок, присмотрела. Мне бы к шали-то. Шаль у меня такая есть, темная, с брусничкой...

Н и к и т а й. Да ведь ты ж немая, бабка!

Д о м н а И в а н о в н а *(напуганно)*. Ой, да я нямая и и есть! Ой, нямая... забыла я, родной. Какая у старухи память!..

А н н а П е т р о в н а. Вот чудеса-то начались: немые заговорили. Чего же ты молчала-то все сроки?

Д о м н а И в а н о в н а. Дак это он мне молчать велел. Только я, милые, с вагону-то сошла, а он мне сразу: «Ты теперь нямая,— говорит.— Слушай все, а потом мне доноси». Тут со страху одного онемеешь!

А н н а П е т р о в н а. Да ведь ты ж и глухая вдобавок!

Д о м н а И в а н о в н а. А уж вот глухая, это правда. Ты вот говоришь, а по мне, ровно бы вода шурстит.

Н и к и т а й. Ты все слышишь, только прикидываешься!

Д о м н а И в а н о в н а *(гневно)*. Да каб я слышала-то, да разве б я ему не донесла? *(Всплеснув руками.)* Осподи, они еще не верят, что я глухая, а?..

А н н а П е т р о в н а. На поезд-то не опоздаем, Никитай?

Н и к и т а й. Да я уж и готов. Сразу-то и не подымешь всего... *(Ищет картуз.)* Ну, все в порядке... Присесть на дорожку. Присядь, баушка!

Посидели.

Двигайся, Аннушка. *(Проходя мимо отца.)* Вы поправляйтесь, папаша.

Ушли.

16

Д о м н а И в а н о в н а *(смятенно шаря в шкапу)*. И тут все выгреб, эка чистая работа! *(Кидаясь в дверь.)* Внучек мой, внучек... *(У окна.)* Поехали. И сидит-то как важно, псов сын!.. Никитаюшко, брошечкю-то оставь... На что тебе брошечкя?

Б а д а д о ш к и н. Ныряй, ныряй, Никитайка!.. Где-нибудь и тебя додушат!

Радио начинает хрипеть: «Алло, алло! Послушайте теперь вторую и заключительную часть великорусского концерта». Играет музыка, отвратительно бренчат балалайки.

1928

ПОЛОВЧАНСКИЕ САДЫ

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Маккавеев Адриан Тимофеевич — директор совхоза, 57 лет.
Александра Ивановна — его жена, 39 лет.
Юрий, 34 лет; Виктор, 32 лет; Сергей, 29 лет; Василий, 26 лет; Анатолий, 24 лет — дети Маккавеева от первого брака.
Маша, 19 лет; Исайка, 18 лет — дети Маккавеева от второго брака.
Отшельников Алексей Дмитриевич — военнослужащий, 28 лет.
Ўнус Ирод Антонович — научный сотрудник, 45 лет.
Ручкина Софья Николаевна — учительница, 35 лет.
Стрекопытов Платон Платонович — заведующий хозяйством, 52 лет.
Дуся — его жена, 23 лет.
Пыляев Матвей Фомич, 50 лет.
Жабро Каспер Касперович — гость Маккавеева.
Письмоносец.
Лейтенант для связи.
Другие гости Маккавеева.

Действие происходит в плодовом совхозе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Бывший помещичий дом, и в нем большая, с остатками былых роскошеств, комната Маккавеева; одна из стен вся новая. В трех некрашеных шкафах — восковые плоды, ботанические препараты, лабораторный инвентарь. Направо — лестница в верхний этаж; на площадке ее первого марша — чучело ночной желтовато-серой птицы. Под лестницей, рядом с дверцей в пристроенный чуланчик,— конторка. Над нею — часы-ходики и сельскохозяйственные плакаты по сторонам: большие разрезанные яблоки и в них хищные червяки. За дверью с цветными стеклами — прозрачное, подкрашенное осенью пространство сада. Слева — отгороженная занавеской койка Исайки и столик с его инструментами; разобранный граммофон на полу. Вечер и жара: все приходящие обмахиваются чем придется. Александра Ивановна штопает пиджак мужа. Маккавеев в кресле; из-под халата торчат его большие грубые сапоги.

1

Маккавеев *(взял крынку, заглянул)*. И тут скисло. Хлопья какие-то плавают. *(Сплеснув на пол, пьет.)*

Александра Ивановна. Не пей столько. Опять припадок будет. Дай сюда.

Маккавеев. Поезд давно пришел. Что ж дети-то не едут?

Александра Ивановна. Твердила, лошадей бы послать. Много ли за вечер воды навозишь!

Маккавеев. Нельзя, Саша. Сгорят мои сады.

2

Стрекопытов *(заглядывая за дверь)*. Есть кто-нибудь дома-то?

Маккавеев. Заходи, в самый раз.

Стрекопытов. Отвернитесь, Александра Ивановна. У меня вид окаянный. *(И верно, рубаха на нем надета задом наперед. Он что-то высматривает.)* Не приехали еще ребятки-то?

Маккавеев пальцем зовет его к себе.

Ну, пошто, пошто заманываете?

Маккавеев. Чего, на аркане тебя тянуть? Что я, дракон?

Стрекопытов *(усмехаясь)*. Ну, опять вы, такая вещь, задумали!

Маккавеев. Вы же сами, как это говорится, местный самородок ума. И рапорт тоже... *(И такая уж у него привычка: в волнении утрачивать связь между словами и сопровождать их необыкновенными жестами.)* Па-адалица везде! Слива-то венгерская...

Стрекопытов. Вы уж как-нибудь появственней, Адриан Тимофеевич.

Александра Ивановна. Адриан говорит, поливка у нас плохая. Молодь пожелтела, лист сыплется, как в ноябре.

Стрекопытов. Неустройство вселенной. *(Он неторопливо набивает трубочку.)* Как снег сошел, два дожжа всего. Из них один неполноценный. Вы окиньте легким глазиком, что деется-то: петухи петь перестали.

Маккавеев. Воды, воды... в бочках возить, копать.

Александра Ивановна. Тише, Адриан, спят у нас. Сойдитесь вы поближе. Кричат, что на покосе.

Стрекопытов *(шепотом)*. И это я благоразумно понимаю, что вода. Что же, я ее загонопотизирую, что ли? Пруды вчистую выхлебали, уж головастики в трубы пошли... Один намедни топор в колодец уронил. Он туда влазит... и что же он там видит? Не угадаете. *(Закурил, пыхнул дымком.)* Лежит его топор, а вокруг сухое, прохладное помещение. Такая вещь.

Молчание.

Я так полагаю, нынче их ждать не приходится, ребяток-то.

Маккавеев *(тихонько забирая в кулак его плечо)*. Рапорт-то писали, Платон Платонович?

Стрекопытов. Кто ж за язык-то нас тянул? Эка, рапорт надо писать с поправками; на стихийство, на немощь людскую, на встречное обстоятельство. Да пустите вы мое плечико. Возьмите вон скамеечку, что ли, и ломайте. *(Вырвался и отошел.)* Вы, я вижу, выздоравливаете.

Маккавеев. Со мной осторожно, я нынче под током. Я, эвон, припадочный стал. *(Срываясь с шепота.)* И ежели завтра же, завтра... сколь глаза хватит... я не погляжу, что самородок!

Стрекопытов вопросительно смотрит на Александру Ивановну.

Александра Ивановна. Адриан говорит, что если завтра все полито не будет, то... *(Мужу.)* То что тогда, Адриан?

Маккавеев. Переведи, переведи ему... я сам, сам с ведрами выйду, я...

Стрекопытов уходит.

Он опять свой перхун пил. Вокруг него посидишь — пьяный станешь.

Стрекопытов *(вернувшись)*. Уже лекарства от вина не отличаете, просвещенный человек. *(Уходя.)* Разъясните ему потом, Александра Ивановна.

3

Маккавеев. Вот и он то же говорит. Васька все свои моря побросает, прискачет, а я здоров... и даже в сапогах. Нельзя, Саша, телеграммами шутить.

Александра Ивановна. За три года можно три дня подарить больному отцу.

Маккавеев. Чем я болен, чем? Припадки сердца у всех бывают. У меня один ребенок знакомый был, и тот... э! *(Махнул рукой.)* А ты Ваську с работы сорвала. Часовой на посту, он караулит морскую границу, а ты... А может, в эту-то полминуту они и полезут!

Александра Ивановна. Что ж ты все про Василья одного? К тебе и другие дети приедут.

Маккавеев. Тем паче! У Юрья глаз на эти штуки специальный. Эх, не поверит. Дай хоть пузырьков сюда из чулана. Пыль сотри и долей, где не хватает. *(Ерошит волосы.)*

Больные все лохматые бывают. Что ж ты меня ровно в шкатулке содержишь. Побалуй, дай сквознячку!

Александра Ивановна пошла открыть окна.

Саша, а может, на голову тряпочку мокрую положить? Я видал, больные кладут на голову тряпочку.

Александра Ивановна. Адриан, я с тобой поговорить хотела.

Маккавеев. Давно заметил. Ну, порадуй.

Александра Ивановна *(у Исайкиной койки)*. Исай, ты спишь? *(Она отдернула занавеску, там нет никого.)* Опять уполз куда-то. Задал бы ты ему хоть раз: расшибется где-нибудь.

Маккавеев. Вернется, я ему подкручу пружину. Ну, давай радость-то.

Александра Ивановна *(тихо, сзади)*. Адриан... Матвей-то жив, оказывается.

Маккавеев взволнован, он пытается встать. Она его удерживает.

Сиди уж, сиди. Он письмо прислал. Я тебе не показала, не хотела волновать, ты лежал. На!

Маккавеев *(отстраняя ее руку)*. Значит, они его не убили? Это хорошо, Саша, хорошо. Что же он тебе пишет, Матвей?

Александра Ивановна. Пишет, в тресте устроился, по поручениям. Вот, описывает, как рыбу закупал. Смешно очень, в стишках, прочесть тебе?

Маккавеев молчит.

Он хочет сюда приехать. Я сама понимаю, что не вовремя: и дети приедут и он... Да ведь адреса-то мы его не знаем, упредить.

Маккавееву душно, он распахивает халат.

Надо бы койку-то Исайкину в чуланчик перенести. Все почище, поаккуратнее будет при гостях.

Маккавеев. Непохоже, чтоб Матвей на рыбе успокоился. Злых кровей мужик. Значит, турнули его с высоты-то?

Александра Ивановна. Ты сам прочти, оно не длинное...

И опять Маккавеев не взял письма.

Помиритесь вы с ним, Адриан. Оба вы теперь старики.

Маккавеев *(притянув ее к себе за рукав)*. Присядь, Саша. Все сбирался спросить, да минута не подходила. Как же это случилось-то промеж вас... знакомство-то ваше?

Она молчит.

Какая ты все еще молодая у меня!

Александра Ивановна. Смотри, как расплылось мое лицо и как глаза мои потухли.

Он гладит ее руку.

Просто, Адриан, проще самих слов. Я за тебя девчонкой вышла. А ведь я с твоими детьми росла. Настенька, сестра, когда умирала, велела мне не покидать детей. Потом ты ушел на фронт. А Матвей тут и подвернулся. Утром началось, я думала — к вечеру и кончится. Шла по дороге, а он случайно попался мне навстречу. Он остановил коня и все глядел мне вслед.

Маккавеев. Значит, оглядывалась?

Александра Ивановна. Нет.

Маккавеев. Так откуда же ты знаешь, что он вслед тебе смотрел?

Александра Ивановна. Должно быть, сердце подсказало.

Маккавеев. Приставал он к тебе?

Александра Ивановна. Нет. Молчал и только улыбался при встречах. Он веселый был, и всегда ветерок от него шел. Потом, через полгода... уже немцы пришли, ты снова был в окопах. Матвей ворвался ко мне. Мокрый, вот здесь кровь, черная. Ночь была, и дождик с ним ворвался. Мне почудилось, все наши, убитые, товарищи наши, теснятся сзади. Куда же я нитки-то задевала?.. Я его пустила.

Молчание.

Потом его взяли немцы. Все прошло, Адриан. Я его оплакала.

Маккавеев. А он взял да и открылся через осьмнадцать лет.

Александра Ивановна. Не думай об этом. Ничего у нас и не было, погляделись и разошлись. Первая-то любовь никогда не бывает главная. *(С новой силой.)* Но когда подумаю, что то же самое случится когда-нибудь и с Машей... Тот же возраст, тот же в окнах запах яблочный!..

Маккавеев. Ну, за Машенькой-то мы последим. *(Слегка оттолкнув ее от себя.)* Мне и самому интересно, чем он стал теперь, Матвей Пыляев. Постой, кажется, приехали.

4

Шум из сада. Александра Ивановна едва успела распахнуть дверь. Влетели, запыхавшись, Ручкина и Дуся. Они разодеты в пределах местных возможностей и вкуса. Дуся хромает, оторвавшийся каблук она завернула в платок.

Ручкина. Дуська, я за тобой не поспеваю. Ты словно на колесиках.

Дуся. Миленькие, значит, всё наврали нам? Мавра плела — у Маккавеевых полон дом сыновей, играет музыка, все кричат «ура». А у вас тишина и даже лекарством пахнет.

Александра Ивановна. Музыку-то, вон она, еще не собирал Исайка. Нету. Наверно, поезд опоздал.

Ручкина. Сейчас урожай в первую очередь. Как здоровье, Адриан Тимофеевич?

Маккавеев. Здоровье мое подтачивает неизвестный червь... старость, Софья Николаевна! А я ему не поддаюсь. *(Жене.)* Дай-ка мне папку с конторки.

Дуся. Мы сюда шли, за бурнашевскими стогами — войска, танки стоят. Даже воздух — какой-то железом пропизанный!

Ручкина. Ну да, сегодня ж маневры начинаются.

Александра Ивановна подала папку.

Маккавеев. Опять у вас, барышня, в ведомостях ералаш. Нельзя эдак, круглый год в голове весна... Семью девять сколько, восемьдесят один?

Дуся. Ой, дайте я поправлю. Такой переполох, все ждут гостей. Мы так спешили...

Ручкина *(перебивая)*. Мы так сюда спешили. Дуська все бегом, напрямки... Даже каблук в канаве сломала.

Дуся. И вовсе не бегом. Он у меня давно шатался. Взгляните, Адриан Тимофеевич... просто как специалист взгляните: все гвозди ржавые. Мне-то незачем бегать, я замужем.

Ручкина *(вспыхнув)*. Ну, меня тоже добиваются. Только я на первого встречного не кидаюсь.

Дуся. Кто про что, она про Унуса. Нашла чем хвастаться. Цифра какая-то в бумазейных брюках. На этого лунатика только в погребе, ночью, с завязанными глазами и любоваться. Одна фамилия! Унус! Унус в гумус сунул прунус... Господи, какая пучеха!

Александра Ивановна. Опять повздорили подружки. В который раз сегодня?

Дуся. Тре... да, третий. Ну, будет дуться. Поцелуй меня. *(Она обняла Ручкину, которой это неприятно.)* Мой Платон тоже клад, прятать некуда. Ребята еще и не приехали, а он уж... ревнует, как... ну, как его звали, негра, который жену-то задушил? *(Шепчет что-то Ручкиной на ухо.)* Ты подразумеваешь, что это за фрукт!

Ручкина. Пусти, жарко же.

Дуся. Мавра плела, будто у Мосея курица вареное яйцо снесла. По-моему, это в высшей степени не научно. Как вы думаете, Адриан Тимофеевич? Просто как специалист скажите... Тсс, голоса! *(Выглянула наружу.)* Не-ет, это Исая ведут. С утра так волнуюсь, что новые люди приедут...

Ручкина. ...и молодые люди, главное дело.

Дуся. Ты что, мстить мне собираешься?

5

Унус *(с чешским акцентом)*. Обопирайтесь на меня хорошенько. Тут еще приступочка.

Держа один костыль, вводит смущенного Исайку.

Добрый вечер, всем добрый вечер. Барометр шагает вниз. *(Меланхолично.)* Ура, ура.

Исайка. Теперь пустите, я один могу.

Александра Ивановна. Вот, посмотрите на гуляку. Он и полежать дома не может.

Исайка. Братья не приехали еще? Ну, принимайте меня, прячь за занавеску.

Унус *(поочередно здороваясь со всеми)*. Иду, а он лежит под яблоней подобно тому, как птенец из гнезда. Больные должны лежать; напротив, здоровые должны ходить. *(Передавая сверток Маккавееву.)* Ваша почта. Тут записочка, на мотоцикле привез один. Маневры начинаются. Уже заметно движение войск. *(Ручкиной.)* Вы красивы сегодня.

Ручкина. Всегда вы берете руку, как в тиски. Ложитесь, Исай, не стесняйтесь.

Исайка. Вот еще музыку надо к приезду починить.

Маккавеев *(тоном выговора, который ему не удается)*. Ты уже, братец, экскурсии какие-то затеваешь. Нельзя быть таким гордецом.

Исайка. Брани, брани меня, Маккавеев. Мама, дай мне керосин. Он там, на окне, в баночке.

Ручкина. Делайте свое дело, я ему подам. У вас целая мастерская. Я вам зонтик принесу, защелка отскочила. Можно?

Исайка. Вот граммофон; потом медогонка у Мосея. Строгая очередь. Несите.

Ручкина. Как делается жизнь, Исай?

Исайка. Подержите тут, я просверлю. *(Положил пружину на стол.)* Какую мне Васька дрель-то прислал! Обо всем помнит. *(Он сверлит отверстие для заклепок.)* Жизнь моя покончилась, наступило житие.

Ручкина. А вы держитесь. Посмотрите, какие все Маккавеевы крепкие, стойкие. Каркас в них какой!

Исайка. Э, разве я Маккавеев... разве Маккавеевы такие?

Молчание.

Это Мосей сказал про житие, а я ему не верю. Мне нельзя в это верить.

Дуся. Вы еще наделаете дел, Исай. У меня предчувствие.

Исайка. Хочется. *(Со сдержанной завистью.)* Бурнашевские ребята в Красную Армию пошли, с песнями. Они песни поют... Ну, еще одну, не устали? Вы нарядная нынче.

Ручкина. Последние дни каникул отгуливаю. Опять школа, ребята... Я люблю после лета ребячьи новости.

Скатилось одно колесико, она его подняла.

Не гнитесь, не гнитесь, я подниму.

Исайка. Руки дрожат. Юрка в письме обещал посмотреть меня. Он вроде профессора теперь. Его все болезни, как черта, боятся.

Дуся. Адриан Тимофеевич, вы нам всё про Василья рассказываете, а у вас, оказывается, и врачи есть в семье?

Маккавеев *(прерывая разговор с Унусом)*. О, спросите, кого у меня нет. На любой выбор. Вот еще Исайку будем ремонтировать. Эй, знаменитый ходок, лови газеты. *(Кинул ему сверток.)* Читай, потом доложишь. А сыновей у меня множество: сад.

Дуся. Когда вы успели столько, Александра Ивановна? Не скажешь ни по годам, ни по лицу.

Ручкина. Это все от первого брака Адриана Тимофеевича. *(Александре Ивановне.)* Я еще девчонкой помню вашу сестру.

Александра Ивановна. Моих только двое, остальные от Настеньки. Заждались, три года дома не были.

Маккавеев. А чего? Чего товаро-пассажирское движение без толку загружать?

Унус *(пуская длиннейшую струю дыма)*. Есть такая поговорка: отцы не должны терзанить своих детей.

Ручкина *(терпеливо)*. Нету такого слова, Ирод. И поговорки нету. И потом, что вы такое курите?

Унус. Это есть опыт табака. Новый сорт.

Ручкина. Пополам с крошеными мухами, наверно.

Она закашлялась и отошла в сторону. Унус спрятал трубку. Дуся прибирает комнату.

Дети и не узна́ют теперь, так все здесь переменилось.

Александра Ивановна. Уж двадцать лет, а как вчера! Дусенька, там я уже вытирала. Кажется, закрыть глаза, и снова будут вечер, и песня, и молодость, и тачанки гремят в степи, и этот дом расстрелянный, точно на колено припал...

Отдаленный стук пулемета. Все слушают.

Дуся. Началось.

Александра Ивановна. Когда нас сюда привели и сказали: «Стройте!» — здесь горелое место было и две десятины порубленного сада. Вот эта стена на земле валялась, и на ней ночная птица. Адриан ее убил.

Унус *(глядя на чучело)*. Это есть по-латыни бубо максимус. Есть еще и другой вид, бубо аскалафус, с крапинками на груди, но он у нас не живет.

Ручкина. Какой вы смешной, Ирод. Это есть пугач, порусски — филин.

Александра Ивановна *(улыбнувшись)*. Спали вповалку на полу, снег забивался в щели. Ночью раз чайник наклонила напиться, а не течет, замерзло. Тишина, Адриан на фронте, дети спят... Начало мира.

Дуся. Вы прямо поэт, Александра Ивановна, поэт на все сто. Да что же они не едут-то?

Все посмотрели на часы.

Дайте, дайте мне еще что-нибудь вытирать!

6

Стрекопытов *(уже приодетый)*. Благоверная, кто станет ужином кормить? Собирайся домой, матушка.

Дуся. Слыхали, все слыхали? Но никто не обращайте внимания... Ну, дальше, дальше!

Александра Ивановна. Может, пирожок скушаете, Платон Платонович? Я для детей напекла.

Стрекопытов. Да ведь я пирожков просто так не ем. Пирожок есть такая вещь, сухая.

Дуся. Не давайте, не давайте ему водки. Он намажет себе лицо чернилами и задушит меня на конторке.

Унус. Одолжите вашего табачного состава, товарищ Стрекопытов, и покурите трубочку, как я.

Стрекопытов со вздохом опускается рядом и закуривает одновременно с Унусом свою коротенькую носогрейку.

Маккавеев. И вот, Витька без штанов бегал, дроздов из рогатки стрелял. И вдруг он уже что-то там на радио. М-м, консультации дает. Но Ваську ему, конечно, не перешибить.

Дуся. Я так и вижу: он сидит в железной башне, ветер шевелит на нем волосы, на макушке. Мя-агкие! И голос такой мелодичный, смахивает на баритон.

Ручкина. Дуся, ты же не слыхала его в жизни ни разу.

Дуся. Я замечаю, Сонюшка, что из высших переживаний тебе ничего не доступно.

Маккавеев. Или Юрий, например. Отчаянный малый был, полна голова репья, ящериц таскал за пазухой...

Дуся содрогнулась от отвращенья.

Как вдруг в газетах пишут, он что-то себе привил, для науки. Все ученые даже за голову схватились, а он отвил назад, и никаких последствий. Вроде Васьки сынок-то, решительный!

Дуся. Он не психиатр? Безумно люблю психиатров. В них всегда что-то есть.

Стрекопытов. Дуся, не смеши людей, пойдем домой.

Дуся. Вот бы тебе у него гипнозом от водки полечиться... Ну, третий теперь!

Маккавеев. Третий мой — чемпион пяти городов. Бьет налево и бьет направо... Этого Анатолием зовут, знатный че-

ловек у себя на железной дороге. А кроме того, извиняюсь, боксер.

Ручкина. За силу не надо извиняться. Ловкая и быстрая сила — это хорошо.

Унус. Зачем вам сила, Софья Николаевна?

Ручкина. А хотя бы охранить старость матери, славу родины, честь сестры. Вы кроткий, Ирод. Вы гусеницу с закрытыми глазами давите, чтоб не видеть. А в мире еще мерзость есть, с ней драться надо.

Александра Ивановна. Вот, двое у нас в войну пошли. Сергей-то здесь, танками теперь командует. Скоро увидите.

Маккавеев. Он записку прислал, прочти.

Александра Ивановна *(прочтя записку)*. Пишет, только после учений. Жалко, в сбор не попадет.

Молчание.

А Василий в подлодке ходит, под водой. Под тяжелой морской водой. Скажи сам что-нибудь про своего Василья, Адриан!

Исайка. Василья папа больше всех хвалит.

Маккавеев. Чего ж мне его хвалить. У нас зря орденов не дают. Приедет, сами увидите.

Ручкина. А Машу-то, если не сын, и забыли?

Александра Ивановна. На рассвете приехала. Спит. *(И показала наверх.)* Исай, что ты все стучишь?

Исайка. Пружину надо переклепать.

Александра Ивановна. Так ты как-нибудь шепотом стучи... Это и есть самое дорогое у нас. Нонешние-то, знаете как, пиво пьют, с аэропланов кувыркаются. И думать-то дух замирает. А эта тихая, как свет вечерний: ходит, и тени от ней нет.

Стрекопытов. Погодите, придет и за ней какой-нибудь. Мордастый, с усиками, папироску жует... И уведет он вашу Машу.

Отдаленный расплывчатый гул.

7

Александра Ивановна. Никак, гроза? Ребята в самый дождь попадут. Когда же ее надуло?

Один очень сильный удар. Дуся выбежала и вернулась.

Исайка. Война стучится в половчанские сады.

Дуся. Из-за сада стреляют. Бой начался. Кто со мной туда, на поле? Ракеты пускают, и кажется, что яблони бегут от страха. Сонюшка, айда... может, оркестры пойдут.

Стрекопытов. Куда, куда! Оркестры на войне раненых таскают.

Исайка. Мама, можно мне из-за занавески выйти?

Александра Ивановна. Дуся, проводите его до беседки. Оттуда всё как на ладони. Подайте ему, Сонюшка, отцовский бинокль из конторки. Но будешь сидеть тихо.

Исайка. Да, мама.

Дуся *(уходя под руку с Исайкой)*. Не ревнуешь, Стрекопытов?

8

Новый удар.

Маккавеев. Здорóво, сынок!

Унус. Товарищ Стрекопытов, молодые посадки у нас еще не загорожены?

Стрекопытов. У меня там колышки стоят и ямки накопаны.

Маккавеев. Так ведь ночь, и на картах они не обозначены. Надо бы хоть людей с фонарями поставить.

Стрекопытов *(привстав)*. Люди, такая вещь, в баню пошли. Выходной завтра, Адриан Тимофеевич.

Маккавеев *(сердясь)*. Э, опять он... в глазах у меня маячит. Саша, рукав подшила? Давай сюда как есть!

Александра Ивановна. Адриан, тебе лежать надо.

Стрекопытов. Вам бы теперь себя, Адриан Тимофеевич, в аккуратности соблюдать.

Маккавеев скинул халат, облачается в старую, с разными пуговицами куртку. Какие-то пузырьки падают вокруг него.

Дракон, дракон и есть.

Маккавеев. Належимся еще, милые. Айда, Ирод Антонович. *(Обернувшись с порога.)* Дети приедут... э, покорми!

Они ушли.

Стрекопытов. Ему бы рук-то вчетверо. По саду идет — яблони от ветра в стороны клонятся. Дуську мою гоните, пока не поздно, гоните от себя. Она надоедная. *(Бежит следом за ними.)*

Александра Ивановна *(вдогонку)*. Адриан, что же ты делаешь с собою... Адриан!

9

Александра Ивановна. Вот так и упадет где-нибудь лицом в землю.

Ручкина. Сколько я его ни помню, всегда он такой. Куда ни войдет, и сразу тесно становится.

Александра Ивановна. После припадка я к нему подошла, а он один глаз нащурил, в испарине, и подмигивает. «Вот,— хрипит,— не хватает меня на мир-то, Саша. Так я сыновей на него напущу...»

Ручкина. И сдержит свою угрозу.

Гул самолета, и еще одна далекая бесшумная ракета. Тени скользят. Ручкина поднялась.

Светло будет домой идти. Надо подготовиться, занятья скоро.

Александра Ивановна. Не оставляйте меня одну, Сонюшка.

Ручкина. Всегда вы ровная, тихая, как ясный день осенний. А нынче вас и не узнать. Глаза без солнышка, и все движение другое. Что с вами, Саша?

Александра Ивановна. Духота какая стоит. Грозу бы хорошую опрокинуть на эту печку.

Ручкина *(настойчивее)*. Так что же с вами, Саша?

Александра Ивановна. Страшно, Сонюшка.

Молчание.

Давно, девчонкой была... помните, я вам рассказывала? Так вот, этот человек скоро сюда придет, и этого нельзя остановить. Я думала, его убили в застенке, а он... Мне кажется, я даже слышу его шаги... Вот сейчас он мостик переходит. И я не вижу его лица: какой он теперь?

Ручкина. Саша, Саша... ведь вы же всегда любили Маккавеева!

Александра Ивановна. Должно быть, девчонка забыла, что она любит только Маккавеева.

Подает знак молчания. По лестнице, потягиваясь и протирая кулачками глаза, спускается Маша.

10

Маша. Что же это, утро или все еще ночь? Никак не разберу. Тишина, и где-то звенело. *(Перед чучелом.)* А, это вы! Приветствую вас, хранитель ночи. *(Зевнула.)* Мама, сколько моли в нем. А братцы... моются, спят?

Александра Ивановна. Задержались где-то. Кушать хочешь?

Маша *(отрицательно качнув головой)*. Как я разоспалась. Туман какой-то... Что же мне снилось? Розовое и много-много. Забыла.

Александра Ивановна. В твои годы это всем снится, Воробей.

Маша. ...И все звенит. Не-ет, не мошкара. А потом все рухнуло и разбилось. *(Трясет головой.)*

Ручкина. Что, застряло и не вываливается?

Маша увидела Ручкину. Склонив голову, та смотрит на нее из-за конторки.

Маша. Софья Николаевна... Сонюшка!

Ручкина. Это стекла зазвенели, как из пушек ударили. Маневры начались. Большущая вы какая!

Держась за руки, они кружатся.

Какая вы стали, Маша! Голову можно потерять.

Маша *(трогая щеки)*. Красная? Это спросонок. Мама, куда ты?

Александра Ивановна. Я за Исайкой схожу. Затащит его Дуся куда-нибудь.

Уходит.

11

Ручкина. Кто же вы теперь, Воробей?

Маша. Агроном... почти. Ездила много, на хлопке была. Сколько повидала людей и городов! Широко в мире, Сонюшка!

Ручкина. У вас вся жизнь впереди, весь ее разлив. А мне приятно, что когда-то вы сидели у меня на школьной скамье. И глаза у вас были такие же, непроснувшиеся. По зимам вас

увозили в Половчанск, и, помню, вы спросили однажды: «Почему в Половчанске всегда зима, а у папы всегда лето?»

Обе смеются.

Чего вы погрустнели, Маша?

Маша. Можно мне вас поцеловать, Софья Николаевна?

Ручкина. Маша, за что?

Маша. Просто так. У меня не хватило денег на подарок вам. Стипендия маленькая, вы понимаете.

Ручкина. Как вам не совестно, Воробей!

Маша. А ведь это вы научили меня любить науку, работу, жизнь. И, главное, видеть то, что спрятано от неумелых глаз.

Ручкина. Мне дорого, что меня не забыли. Целуйте, можно.

Маша. Вот, честнее не умею. Очень хочу, чтобы ваши ученики поднялись высоко-высоко, откуда видно всё, города и люди. И пусть они вспомнят тогда, кто же первый обучал их этой честной жизни... Вас Василий часто вспоминает.

Ручкина. Довольно, а то разревусь... Перестаньте, Воробей.

Маша. Все еще не поженились с Унусом? Как мне стыдно, что девчонками мы издевались над этим... Ну, что у вас ничего не получается?

Ручкина. Вот видите, мошка какая-то в глаз попала.

Молчание.

Он добрый ко мне, но тихий очень. Нет, не выходит у нас. Да и неловко, Маша. Знаете, сколько мне? Не говорите ничего, не надо, Воробей. Кому я нужна! Разве цыган ночью по ошибке со двора сведет.

Маша. Стыдно, стыдно, Сонюшка.

Ручкина. А у вас, Воробей, никого нет? Признавайтесь старухе, я никому не скажу.

Маша. Хитрая, подзадорить хочет. А мне и не в чем признаваться. Тут чисто... И, кроме того, все это баловство ужасно отвлекает от работы.

Легкая, неслышная, она проходит по комнате. Ручкина провожает ее взглядом.

Только теперь начинаю узнавать все: дом и сад. Вот электричество у вас, новость.

Ручкина. Первый год еще, Воробей.

Маша. Завтра с утра побегу здороваться. Мосей жив? О, какие он мне дудки вырезал! Я ставила их в поле, и они сами пели на ветру. И прежде всего в пруд, купаться. Я забегу за вами, Сонюшка. *(У раскрытого окна.)* Безмолвие... и воздух-то! Стойте, что это?

Ручкина. Соловей. Молодое поколенье. Ишь, трелей не досказывает. Начнет, начнет, и не умеет.

Маша. Странно. Вот соловьев не помню совсем. А хорошо как...

Ручкина. Так никого у вас нету? Ну, значит, это вор был. Днем нынче, когда вы спали... и никого у вас дома не было... человек приходил под окно, вас спрашивал.

Маша *(резко захлопывает раму)*. Кто?

Ручкина. Он называл фамилию, да я забыла. Машенька, что с вами? Воробей!

Маша смущена, закрыла лицо руками. Шум из сада.

Маша. Молчите... ничего не было.

Ручкина *(принимая, как уговор)*. Ничего не было.

12

Александра Ивановна вернулась.

Ручкина. Что, не нашли Исая?

Александра Ивановна. Нет, я по саду прошлась. Ты что окном хлопнула, Маша? Ну, взгляни мне в глаза, что тебя напугало?

Маша *(растерянно)*. Там... В саду.

Ручкина. Маше кто-то в саду привиделся.

Александра Ивановна. Я шла, там никого не было. Да и про разбой не слыхать в нашем краю, все сытые.

Ручкина. Маша, простите меня.

Маша. Нет, нет. *(Прижав руки к щекам.)* Как щеки горят. Мама, что же это со мной? Я, кажется, заболеваю.

13

Маккавеев вернулся. Веселый, кинул куртку в кресло, болезни нет и следа. Закусывает, стоя у стола.

Маккавеев. Кто же на сады попрется? Чай, грамот-

ные. Ну и конница, Саша, прошла! Вспомнил, как и мы когда-то в клинки ходили... и разволновался. Пылищу подняли. Вы что, мышей ловите,— затихли?

Александра Ивановна. Маша заболела с дороги. Порошки бы найти. Были у меня где-то порошки.

Маккавеев. От жары! По дороге идешь, как по горячей золе. *(Пьет из крынки, отплюнулся.)* Кисейкой надо закрывать, хозяйка! *(Поставил на место, подошел ближе.)* На что жалуетесь, Воробей?

Ручкина. Маше кто-то в саду привиделся.

Александра Ивановна. Вот и пожалеешь, что Анатолия-то нет. Он бы освидетельствовал, что за зверь бродит. Верно, за яблоками полезли.

Маккавеев. Что же, у самого дома-то слаще, что ли?

Молчание.

А может, покойник? Его ведь только с одной стороны видать, а с другой не видать. В третьем годе в Бурнашевке повадилось привиденье кур воровать. Дали два года с изоляцией. Теперь сторожем при клубе служит, ничего... *(За подбородок поднимая голову дочери.)* Загуляли твои братья, Воробей!

Маша. Они приедут.

Маккавеев. Не-ет, разлетелись из гнезда. Вот и ты полетишь когда-нибудь от меня, Воробей.

Маша. Я уже сговорилась в наркомате. Весной приеду к тебе работать уже навсегда. Кро-овь! Что у тебя с рукой, порезался?

Маккавеев. Так, от земли потрескались. Салом смазать. Ну-ка, мать, что тут случилось?

Александра Ивановна. Я ушла, меня тут не было.

Маккавеев. Софья Николаевна, ну-ка!

Молчание.

Софья Николаевна, в этом доме не лгут.

Ручкина *(смущенно)*. Днем, Маша спала, к ней сюда человек приходил. Я случайно за выкройкой прибегала...

Маккавеев. А-а!.. Человек-то молодой или старый?

Ручкина. А я внимания не обратила... *(Не выдержав маккавеевского взгляда.)* Молодой.

Александра Ивановна. Оставь их, Адриан. Это у нее пройдет. Щеки... это у нее с дороги.

Маккавеев. Саша, дочка-то последняя у меня. Зашей пока рукав, на плетне порвал. Ты его знаешь, Воробей, человека-то?

Маша. Да.

Маккавеев. И давно ты его знаешь?

Маша. Совсем нет. *(С внезапной смелостью.)* Конечно, давно знаю.

Маккавеев. Год, два знаешь... сколько? Смелей, Воробьенок!

Маша. Месяц... Да, месяц.

Маккавеев. Она его знает давно: месяц. Темпы, мать, дыханье времени!

Ручкина. Не дали девочке отдохнуть с дороги...

Маккавеев. Кто же он, Воробей? Может, юрисконсульт какой или в кооперативе служит?

Маша. Я не знаю. Я поднималась к Василью, брату. Мы встретились на лестнице. Он уступил мне дорогу. Он в форме, как у Василья... *(И жест о нашивках на рукаве.)* Он глядел мне вслед, пока я не захлопнула дверь.

Александра Ивановна. Так, значит, ты оглядывалась? Оглядывалась на него, Машенька?

Маша. Нет.

Маккавеев. Оно повторяется, Саша. Оно падает на нас из ясного неба... Тогда откуда ж тебе известно, дочка, что он вслед тебе глядел?

Ручкина *(пытаясь помешать допросу)*. Раз шаги его стихли, значит, он на месте стоял. А если стоял, так что ему и делать иначе!

Испуганная совпадением происшествий и слов, Александра Ивановна растерянно трогает вещи кругом.

Маша *(подымаясь)*. Я лучше к себе пойду. У меня вещи не разобраны.

Маккавеев. Машенька, не торопись. Мы никогда тебя больше не спросим. Ну, потом вы встретились еще. Нет, нет, как и мать твоя, совсем случайно!

Маша. Да. Однажды ночью...

Маккавеев. Ты хотела сказать — днем однажды!

Маша *(резко)*. Нет. Я из академии шла, бюро выбирали. А там шоссе глухое. Трое пристали. Я побежала от них и упала, руками. А этот человек...

Молчание.

Он шел случайно сзади.

А л е к с а н д р а И в а н о в н а. Ну, и что же, Машенька?

М а ш а. Эти трое плакали.

Молчание.

Я даже и не говорила с ним ни разу.

М а к к а в е е в. А разве при этом говорят? Не говорят, молчат и улыбаются. Что ж, Воробей, ты звала его сюда?

М а ш а. Нет.

А л е к с а н д р а И в а н о в н а. Но хочется тебе, чтоб он пришел сюда... случайно?

М а ш а. Совсем нет. Что ты, папа! Пусти меня, мне больно.

М а к к а в е е в. Саша, она не хочет. Она знает, что первая-то не самая главная. Она приносит горе, первая-то. Не пугайся, мы так и сделаем, Воробей. Мы его не пустим.

Р у ч к и н а. Пойдемте, Маша, на верхнюю террасу... ну!

А л е к с а н д р а И в а н о в н а *(смятенно)*. Ступай, Воробей, ступай. Там у нас хорошо, самый аромат.

Ручкина и Маша медленно уходят к лестнице.

М а к к а в е е в *(вслед)*. Ты улетишь от меня, Воробей, как разлетелись твои братья.

Маша вздрогнула, остановилась и, не обернувшись, пошла дальше.

14

А л е к с а н д р а И в а н о в н а. Почернела вся, точно молоньей обожгло. И голос с хрипотцой, ты заметил?

М а к к а в е е в. Вспомнила себя, Саша? *(Перебирая свои лекарства на столике.)* Тут уж не помогут твои порошки.

Потом он проходит по комнате, трогает Исайкины инструменты, Александра Ивановна следит за ним от двери.

Сколько раз говорил, собак не держать на цепи.

А л е к с а н д р а И в а н о в н а. Адриан, этого собаками не устережешь. Да и время не то: они выходят замуж сами. *(Она всматривается в ночной сад.)*

М а к к а в е е в. Времена-то новые, да я-то уж не прежний! *(Услышав движение Александры Ивановны.)* Ну, что еще там?

Александра Ивановна *(мечась).* Что делать, что делать... Кто же думал, что он так скоро! Матвей идет! *(На ней легкое летнее платье. Второпях она накинула на голые плечи старый вязаный платок.)*

Маккавеев нехотя садится на прежнее место в кресло.

В последний раз... когда-то он был твоим другом. В последний раз: не гони его, Адриан!

Они ждут в молчании. Появляется Пыляев в черном пальто, с некрашеной длинной палкой. Полуседая прядь налипла во впадину виска. Он снял фуражку. Так, закусив ус и держа за спиной скобку двери, он стоит на пороге.

15

Пыляев. Собак в доме нет?

Александра Ивановна. Они на цепи. Входи, не бойся.

Пыляев. Они меня не любят.

Александра Ивановна. Кто?.. Ах да, собаки! Адриан, а к нам гость. Ты заснул, что ли? *(Пыляеву.)* У него позапрошлой ночью с сердцем было нехорошо.

Пыляев. А, знакомо. Что это у вас, половики? *(Коснулся палкой.)* Половики в доме — хорошо. Для ног. Здравствуй, Адриан!

Маккавеев недвижен.

Что смотришь, постарел?

Маккавеев. Входи, будь гость. Сымай свою хламиду.

Александра Ивановна. Мы и не слыхали, как ты подъехал. Или ты пешком?

Пыляев. А я не спешил. Идешь с палочкой. Луга в росе, птицы шебаршат. Хорошо. *(Бережно вешает свое пальтишко на спинку стула, а палку относит в угол.)* Что ж ты не спросишь, Адриан, зачем я приехал?

Маккавеев. А я знаю зачем.

Пыляев, который собрался сесть, выпрямился.

Пыляев. Что, что ты знаешь?

Маккавеев. А вот, зачем приехал-то, знаю.

Пауза.

Чай, отдохнуть приехал.

Пыляев *(Александре Ивановне, с облегчением)*. Все знает, ничего не утаишь. Потянуло на прежние места. Все думал, сойду со станции и след своего коня увижу. Ан нет. Приходит вечерний ветер, он сметает дневные следы.

Маккавеев *(жене)*. Его к поэзии потянуло. Это с голоду. Заряди-ка его, Саша, похлопочи.

Александра Ивановна рада занять чем-нибудь свои беспокойные руки.

Чего жмешься, озяб? Там, в буфетике, есть. Погрейся.

Пыляев идет к шкафу, наливает, пьет.

Дверь-то открой, Саша.

Пыляев. Дуплет в середину, хоп!.. *(Выпил.)* Комик я стал, Адриан. Я, пожалуй, еще стаканчик позаимствую.

Выжидательно смотрит на хозяев, они молчат, он поспешно закрывает шкаф.

Александра Ивановна. Мы детей сегодня ждем. Уж летят со всех сторон в отцовское гнездо. Ты не запиваешь, не испортишь нам встречи?

Пыляев. Нет, что ты! Я совсем другой стал. Меня люди не узнают на улице. *(Присаживается к краешку стола.)* Вот, потепле стало, и пальцы гнутся. А ты, я вижу, все тот же, деревянный доктор: лечишь деревья, беседуешь с мотыльками... Премудрость. С мясом пирожки-то! *(Ест.)*

Молчание.

Сколько же у тебя всего сынов-то?

Маккавеев. Семеро.

Пыляев. Сколько накопил. Кто же это, седьмой?

Александра Ивановна. Исайка, ты его не знаешь. Он... потом родился. Ты ешь, ешь селедку-то!

Пыляев. Большущее хозяйство. Вот тоже, я шел, яблок много у тебя. Даже вроде на деревьях не помещаются: богатство. Ишь, моль летает, живая, хорошо. Я люблю, когда моль. Сколько ж мы не видались-то?

Маккавеев. Осьмнадцать.

Пыляев. Многовато.

Александра Ивановна. Расскажи нам, Матвей, что потом было, как уехал, в жизни у тебя?

Пыляев. Чего? Все было. Сольцы в доме нет?

Александра Ивановна подала ему солонку.

Я сейчас хорошо живу. Хлопотно хотя, хочу уходить. Ты меня не пристроишь куда-нибудь к обиходу? Что-нибудь такое, огород сторожить. Меня вороны очень боятся. *(Посмеялся.)* Я шучу, у меня место хорошее. Начальство меня тоже любит.

Маккавеев. Саша, дай ему тряпочку. Чего он руки-то всё о стол вытирает. Да ты не беги от него, Саша. Ты поближе сядь.

Александра Ивановна. Ему, наверно, с дороги умыться надо. *(Пыляеву.)* Вещи-то подводой, что ли, едут?

Пыляев. А меня обокрали в поезде. Я спал, они стенку над головой прорезали... И ловко так, только дырочка осталась.

Маккавеев. Ты дай ему потом переодеться, Саша. Рубаху свежую дай, мою. Зашила пиджак-то? Ну-ка прикинь пиджак.

Пыляев *(стыдясь Александры Ивановны)*. Это я потом, Адриан, потом. *(Он складывает пиджак у себя на коленях.)*

Александра Ивановна. Адриан, я пойду пока, кровать ему постелю. *(Молчание мужа она принимает за позволенье уйти.)*

16

Пыляев. Чего ж она бежит-то от меня?

Маккавеев. Карболкой от тебя несет, Матвей Фомич. Болел, что ли?

Пыляев. А я принюхался, не замечаю. Я, Адриан, как Иов стал!

Маккавеев. Чем болел-то?

Пыляев. Да всем понемножку, по совокупности. Саша-то какая все еще молодая!

Маккавеев. А что! Жизнь ровная, власть Советская, работы вдоволь, на воздухе целый день.

Пыляев. Плечики-то у ней как играют.

Маккавеев берет его за руку, они пристально смотрят в глаза друг другу. Пыляев опускает голову.

Совладал, совладал, пусти.

Маккавеев. Так зачем же ты приехал-то?

Пауза.

А я знаю, зачем ты сюда прикатил.

Молчание. Пыляев встревожен, как от огня отдергивает руку.

Ты, верно, приехал на старые места перед смертью взглянуть.

17

Александра Ивановна *(сбегая вниз по лестнице)*. Адриан, там подводы какие-то гремели... Адриан! *(Пробегает в сад.)*

Маккавеев. Ну, допивай свое. При детях не дам. Дети у меня строгие.

Пыляев. Что ты! Я запрусь в каморочку, меня и нету.

Маккавеев садится в кресло, старым байковым одеялом прикрывает ноги. Пыляев отходит в сторону. Из сада слышны смех и молодые голоса.

18

Александра Ивановна *(возвратясь)*. Вещи все наверх. Несите все сразу наверх. Складывайте пока в угловую. Они, оказывается, на станцию дальше проехали. Василия только не раньше утра ждать. Адриан, дети приехали!

Рослый возница, на цыпочках и косясь на Маккавеева, поднимается с чемоданами по лестнице.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Верхняя просторная терраса у Маккавеева. Покосившуюся балюстраду заплело диким виноградом; на балюстраде графин с квасом. Узенькая лестница налево опущена по стене дома вниз. Видны желтеющие верхушки яблонь. Стол, табуретки, дощатый диван, почерневшие от времени. На столбике висят две пары боксерских перчаток. На столе в углу весы, микроскоп, два сортовых яблока. Время за полдень, полтеррасы в тени. Пишут рапорт. Маккавеев ходит и диктует. Стрекопытов за бумагой. Унус у весов.

1

Маккавеев. Стоимость капиталовложений подсчитаете потом и вставите в рапорт, Ирод Антонович. *(Стрекопытову.)* Пишите дальше. Совхоз обещает, кроме того, увеличить площадь посадок до четырехсот га.

Стрекопытов *(иронически)*. Вы уж пообещайте, такая вещь, сплошной сад до самого Черного моря.

Унус. Ничего. Что человек задумал,— значит, можно вдвое. Я хочу этим сказать, что можно сделать вдвое против того, что задумал человек.

Маккавеев. Написали? Точка с запятой. И, наконец, повысить урожайность до сорока восьми тонн с гектара, а выход меда на пасеке до восьмидесяти килограммов с улья.

Стрекопытов *(вскочив)*. Это ж чистая брехня, Адриан Тимофеевич! Миленькие, ведь это же все выполнять придется. Я и сам, такая вещь, слава богу, тридцать два года в крымских садоводствах, а там все коренные сады.

Маккавеев *(показывая ему вниз на балюстраду)*. Эва, полюбуйтесь на вашу гвардию. С кого это они пример берут?

Стрекопытов *(вниз)*. Эй, эй... в платке, в платке! Разве я так тебе наказывал? Ты вольготней, на штык, на полный штык бери!.. Что ж это с головой моей делается? Вы пощупайте... Нет, я прошу вас, как директора совхоза, пощупайте мне лоб.

Унус. Это солнце, оно напекает гладкие поверхности. Перебирайтесь на эту сторону. Здесь хорошо.

Вдвоем с Маккавеевым они переносят стол в тень.

Говорят, градусник на солнце лопнул. Я не видал.

Стрекопытов *(держа в руках бумагу и чернильницу)*. Вы хоть про суховей-то помяните, Адриан Тимофеевич. С самых, дескать, жен-мироносиц не было дождя... И все-таки, как бы это сказать, что ли, вопреки стихийству...

Унус. В райкоме, товарищ Стрекопытов, широко известно про суховей. Надо писать, чего они не знают. *(Дружественно.)* И не надо думать о жене. Она молода. Вникайте в закон природы.

Стрекопытов. Во все законы природы вникать — это проникновения не хватит.

Александра Ивановна внесла посуду, поставила на стол и ушла.

2

Маккавеев. Не прерывайте ход мысли, сейчас завтракать сюда придут. *(Диктует.)* Таким образом, запятая, совхоз, основанный в октябрьский год на мертвой половчанской глине, волею народа и Советской власти...

Унус. Имеете глубокое право упомянуть и себя, товарищ Маккавеев.

Маккавеев. Э, я тоже и народ, и Советская власть. Не мешайте!

Голос Маши внизу: «Мама, лови мыло!»

Ну вот. И не успели!.. Тут, Ирод Антонович, вы подберите подходящую цитатку, что-нибудь насчет всемирного сада. Так. Нам еще остался помологический паспорт. Ну-ка, дайте сюда яблоко. И не плохое, милые товарищи мои!

Стрекопытов. А говорят, Адриан Тимофеевич, вы людей убивали в гражданскую войну.

Маккавеев. Это вы меня каждодневно убиваете, Платон Платонович. Итак, внимание, товарищи: новый сорт. Название «родина» оставляем? *(Высоко поднимая плод.)* Начали. Ну, что мы видим? Форма плода.

Унус *(сурово, пряча свою длинную трубку в самодельный чехольчик)*. Кальвилевая, ребристая.

Стрекопытов. Тут у меня прибавлено: слегка сплюснутая по оси.

Маккавеев. Отставить, незначительно. Окраска! Скажем так: смуглая...

Стрекопытов *(искоса взглянув, привычно пишет)*. Сму-углая. У плодоножки, на солнечной стороне, нежный размытый румянец. «Нежный» я зачеркну, пожалуй: неловко, ведь это в газеты пойдет...

Маккавеев. Подчеркните два раза слово «нежный»!.. Вес прикидывали?

Унус. Не верится. Давайте еще раз. *(Бросает яблоко на весы.)*

Все собираются рядом.

Гирьку десять граммов Маша потеряла еще шесть лет назад. Но мы возьмем пятьдесят и вычтем два раза по двадцать. Дайте ей остановиться. Смотрите, четыреста тридцать грамм. Это — чудесная плотность. «Первенец Джеффри» посинеет и сгниет от зависти, ха-ха...

Стрекопытов *(похлопывая его сзади по плечу)*. Не зазнавайтесь, Ирод Антонович!

Маккавеев. Теперь вкус. Внимание!

Кривым садовым ножом, предварительно вытерев лезвие о виноградный лист, он режет яблоко на три дольки. Каждый жует свою.

Не торопитесь, вы делаете историю. Как там у вас записано?

Стрекопытов. Не дойдет, несерьезно как-то: мускатновинный, переходящий в гамму лимона.

Унус. Припишите еще: с острым ледяным... Нет, зачеркните! Пишите так: с прозрачно-ледяным ароматом. Это есть так.

Стрекопытов. Какой же это такой аромат: прозрачноледяной. Такого аромата, извините, не бывает.

Унус. Внюхайтесь, если еще не все органы у вас утратили свое предназначение. От него нестерпимый холод идет, на нем роса лежит, глядите!

3

Снизу голоса и быстрые шаги по лестнице.

Ручкина. Маша, что вы еще там придумали?

Обе с полотенцами вбегают на террасу. Легкий халатик Маши, пронизанный сзади солнцем, не скрывает формы ее отличных ног.

Маша. Простите, мы не знали...

Маккавеев. Входи, входи, мы почти закончили.

Маша *(целуя отца)*. Какое утро было! И везде побывала: и на ключе, и на пчельнике.

Ручкина. Бросилась Мосея целовать. Сперва растерялся, потом принялся мед ломать. Гудит и ломает, гудит в бороду и ломает.

Маша. До сих пор голова кружится, и пальцы, понюхай, медом пахнут. Что ты жуешь так вкусно?.. Дай кусочек!

Унус. Маша, когда вы успели... Такая!

Маша *(махнув рукой подруге)*. Все такой же. Сейчас будет речь.

Унус взял оставшееся яблоко. Он колеблется, кому из двух женщин отдать его. Ручкина отходит в сторону.

Унус. Возьмите, товарищ Маша.

Она уже протянула руку, но он еще не отдает яблока.

Скоро юбилей нашей молодой родины. Потом ей будет и сорок, и сто, но двадцать не повторится в жизни никогда.

Ручкина. Ирод, это все знают и без вас.

Унус. Всякий несет ей свои плоды и дары. Одни — паровозы молниеносных скоростей, другие — рекорды угледобычи или, скажем так, перелет через неизвестность. *(Ручкиной.)* Можно так сказать, Софья Николаевна: неизвестность?.. Мы, маленькие люди,— новое яблоко. *(И опять он не торопится отдать его Маше.)* Оно прекрасно и лежит дольше всех. И пусть кто-нибудь через сто лет возьмет его в руку, маккавеевское, и похвалит его сытную тяжесть.

Маккавеев. Это яблоко, Маша, мы делали втихомолку семь лет. Возьми!

Маша. Это почтенно, и это нарядно. Но этого мало... Нас двое!

Ручкина. Кушайте, кушайте, Воробей, вам в новинку.

Стрекопытов. В этом году выпускаем первые две тонны.

Маша смотрит на него и не узнает.

Это я, Платон Платонович, Черномор!

Маша. Милый Черномор! Я и не узнала вас сразу. Где густейшая борода?

Унус. Хо-хо, время переменяет облик человека, как говорят некоторые старики.

Маккавеев. Ты про женитьбу-то его расспроси.

Стрекопытов *(закрывая ладонью голый подбородок)*. Проспал полвека, сосал водочку-перхун. И вдруг разглядел и лунный свет, и женский след на талом-то снежку. Тут мне бороды и урезали. Эхма, пародия в общей сложности. Двинулись, что ли? Адриан Тимофеевич, мы вас в конторе будем ждать. Софья Николаевна, Дуську там мою не видели?

Они уходят с Унусом.

Маша *(вдогонку)*. Черномор, Черномор, где твоя густейшая борода?

4

Александра Ивановна вошла со скатертью.

Александра Ивановна. Завтракать станем, не расходитесь. Задержи их, Адриан.

Маккавеев. Погоди, мать. Вижу, купался, Воробей?

Маша. Всю дорогу мечтала — с разбегу в воду. А ты все пруды на свои яблони вылил, Маккавеев. Пришлось за пчельник тащиться. Ряской затянуло... но у самого дна, если нырнуть, вода отличная, с хрусталинкой. И обе, как русалки, в зеленой чешуе!

Ручкина. Русалка была одна, Воробей. Не надо быть умнее правды.

Александра Ивановна. Умней не надо, а добрее будь.

Маккавеев. И выспался, вижу, отлично.

Маша *(про яблоко)*. Это его собственный запах?

Маккавеев *(отводя ее руку)*. И щеки больше не горят?

Маша. Нет, прошло. А братцы всё дрыхнут? Какая гадость. Сонюшка, айда ребят будить.

Ручкина. Они меня, наверно, и не помнят.

Маша. Какие пустяки. Вы увидите, это мировые ребята!

Александра Ивановна. Уж поднялись, Анатолий вон все утро тень свою на стенке колотил. В саду гуляют.

5

Исайка *(поднимаясь по лестнице)*. Папа, тебя ждут в конторе.

Маккавеев. Иду, иду. Кликни к завтраку. *(Ушел.)*

Александра Ивановна. Я у тебя костыли отберу, Исайка. Юрий разрешил тебе по ровному месту ходить час в день.

Исайка. Мне уж восемнадцать. Мне пора учиться ходить по лестницам.

Александра Ивановна. Слова не даст сказать. На вечер костылей у тебя не будет.

Маша. Исай, машину свою починил? Значит, мы устраиваем фестиваль танца, Сонюшка!

Ручкина. С утра минутки свободной не дала. *(Маше.)* Нет, нет... я молодею с вами.

Александра Ивановна. Бедовая.

6

Вошел Пыляев; сразу наступило молчание.

Пыляев. Нигде Адриана не найду.

Александра Ивановна. Они рапорт пишут.

Пыляев *(Маше)*. Красоте вашей поклоняюсь. Познакомь нас, Александра Ивановна. Пылаев!

Сдержанный поклон Маши и Ручкиной.

А когда-то в шорохе этого имени людям чудились горные обвалы. И я знал вас совсем маленькой. Вас еще не было, а было предчувствие одно... в мимолетности взгляда, в лепестках той весны...

Молчание.

Девушки-то уж и не смотрят. И пожалеешь горько об этих обвисших плюшевых щеках.

Исайка. Мама, кто это пыльный человек в папином пиджаке?

Ручкина. Пойдемте, Исай. Это старая дружба.

Маша. И, кажется, слишком старая, чтоб ее стоило подновлять.

Ушли.

7

Пыляев. Жестких деток вырастили. Занятный сад, где каждое яблоко с шипами.

Александра Ивановна *(не желая поддерживать разговор)*. Ты далеко ходил гулять сегодня?

Пыляев. Да, обошел ваше хозяйство и должен заметить, что в сравнении... Кстати, эти громадные чаны и пресса́?..

Александра Ивановна. Это опытные. Адриан пробует делать сидр. Все изобретает.

Пыляев. Я так и догадался. Он и в молодости беспокойный был мужик. Хо, мир замер и не дышит: все ждут маккавеевского сидра!

Александра Ивановна. Ты покури пока, я спущусь. Скоро завтракать будем.

Пыляев. Не беги от меня, больше не буду. Ну, пойди ко мне, скорее. Шкуру я сменил, больше не пахнет.

Александра Ивановна. Ты уже старый. Тебе стыдно, Матвей!

Пыляев. Усы, что ль, не нравятся? Я за усы не держусь. Сбреем.

Александра Ивановна. Не говори, не подумав. Мне это причиняет боль...

Пыляев. Спасибо. В самые черные минуты Пылаева поддерживала мысль, что здесь его встретит старая ласка... хотя бы в половинном пайке. Хоть жалость-то осталась?..

Александра Ивановна. ...и я не хочу, чтобы она перешла в отвращение к тебе.

Пыляев. А скажи, шепотком скажи... нищим не лгут. Если бы я снова позвал тебя с собою...

Александра Ивановна сделала непроизвольный жест испуга.

Ну-ну, я пошутил. Ты прочно встала на этот якорь, да и Пылаев не тот. Сам под маккавеевским диваном пристроился

из милости. В жизни-то, как в женском сердце: смыли — Пылаев, написали — Маккавеев, и никто не заметил.

Александра Ивановна. Как можешь ты сравнивать Адриана с собою!

Пыляев. Ему не повредит. Он идет, и все цветет вокруг: сад, сыновья, самые камни, по которым он ступает. Так вот она, обитель, куда я полз осьмнадцать лет. *(Подергав себя за ворот.)* Тесна, тесна мне маккавеевская риза!

Александра Ивановна. С такими мыслями трудно тебе будет у нас.

Пыляев. Я уйду. Отпустишь?

Она молчит. Он отвернулся к балюстраде, лицом в пространства полей и сада.

Там, за лесом, синеет на горизонте... это и есть граница? *(Неожиданно обернувшись.)* Да, я уйду. Я, собственно, по дороге и забрел. Но вот что: ты не дашь мне что-нибудь... на память?

Александра Ивановна. Ты карточку хочешь? Я давно не снималась.

Пыляев. Нет, нет, я не то имел в виду. Нечто другое, не столь выцветающее. Ты... не устроишь мне некоторую скромную сумму? Я потом почтой верну... или попрошу одного паренька завезти. Милейшая личность. Кстати, он и отдохнет у вас малость.

Александра Ивановна *(с готовностью)*. Хорошо, Матвей. Я все собиралась Исайку на курорт везти, на грязи. Все лежать — какое уж на койке леченье. Кроме Исайкиных, нет у нас денег. Но я возьму немножко, украдкой. Сколько тебе надо?

Пыляев. Одному римскому папе пожелали прожить сто лет. Он сказал: зачем ограничивать милость божию. Так и я. Бери больше. *(Взял микроскоп в руки.)* Это ведь тоже ценность в наше время, а ценности любят пропадать. Во что ты ценишь эту вещь?

Александра Ивановна. Поставь, уронишь. *(Недобро.)* Куда ж тебе больше-то?

Пыляев. Ну, как сказать! Расходы по жизни. Там у тебя в графине сидр? Будь друг, протяни!

Александра Ивановна почти конвульсивно сталкивает графин за балюстраду.

Смотри, убьешь кого-нибудь!

Александра Ивановна. Какого зверя ты в себе содержишь ежеминутно, ежечасно!

Пыляев. И раненого зверя, прибавь.

8

Юрий с осколком графина.

Юрий. Кто тут кидается режущими предметами?

Александра Ивановна. Он упал.

Юрий *(Пыляеву)*. Я не признал вас вчера, в суматохе. Я — Юрий Маккавеев. Помните, во времена оккупации, мальчика, который таскал обеды вам на чердак. Это был я.

Пыляев. Как же, как же. Выросли. Кажется, директор клиники? Время, время...

Юрий. Что было! Немцы, завоеватели... они превратили нашу Украину в сплошную братскую яму.

Пыляев. Да, да...

Юрий. А вот голос у вас стал совсем другой.

Александра Ивановна. Только ли голос?

Пыляев. Да, да, и голос.

Юрий. Из всех ребят только я один знал, что вы прячетесь у нас на чердаке. И эта тайна делала меня взрослым. Курите?.. Я даже отчетливо помню ночь, когда вас взяли. Еще у двери усатый, рыжий такой, в бескозырке, и штык у пояса...

Пыляев. Я не люблю вспоминать: еще не зажило. Я внизу погуляю, Александра Ивановна. *(Ушел.)*

9

Юрий. Кажется, я задел больное место у старика.

Александра Ивановна. Не бойся. Оно зарубцевалось и черной шерстью поросло.

Юрий посмотрел на нее, удивленный ее тоном.

Что же завтрак-то... Плохая я хозяйка. Ты, говорят, утром отца смотрел. Ну что?

Юрий. Признаться, по телеграмме я думал — дело хуже.

Александра Ивановна. Уж он бранил меня за телеграммы. Но ему так хотелось повидать вас, я хорошо знаю Адриана. Это еще с весны у него началось.

Юрий. Ты весной болела, кажется, мать?

Александра Ивановна. Да. Так получилось: все разъехались, в шашки ему играть не с кем. Исайка читал нам вслух по вечерам. И помню, строка попалась. Пустяшная... Но как же это было? *(На память.)* «Когда настигла его ночь, он встал во весь рост лицом к закату и припомнил свой пройденный день...» Вскочил мой Адриан и убежал в сад. Я бросилась за ним с курткой, как была — раздетая. А еще снег лежал.

Юрий. Ну, до ночи-то ему далеко. Этот человек надолго сделан.

Александра Ивановна. Ты втолкуй ему беречь себя.

Юрий. Славная ты женщина, мать! Помню, болел, мальчишкой. Открою глаза — потолок с оббитой штукатуркой, в глазах все какой-то черный мотылек порхает... ты топишь печь рядом. Потом опять бред, ночь, иней на окнах, маленькая Маша плачет. И опять, как ни очнусь,— ты рядом сгорбилась у печки. Нас пятеро, отец за Советскую власть где-то бьется... а ты сама еще совсем девочкой была. Дай руку, мать.

Она протянула, он ее целует.

Александра Ивановна. Юрий, Юрий!

Где-то далеко четкая, буйного ритма песня. Оба слушают.

Конница идет. Хорошо у нас песни петь научились.

Юрий. Можно задать тебе вопрос?

Александра Ивановна. Давай поговорим о тебе, о твоей работе.

Юрий. Вот при мне твоя телеграмма: «Выезжай немедленно». Она без подписи. Я прочел ее сто раз. В сто первый она показалась мне похожей на крик.

Александра Ивановна. Да, я припадка испугалась.

Юрий. Я так и понял. Когда припадок-то случился?

Александра Ивановна. Ты со мной как с маленькой. Тринадцатого вечером.

Юрий. Точнее время, мать!

Александра Ивановна. Ну, в семь. В четверть восьмого Унус уже мчался за врачом.

Юрий. Припадок в семь. Телеграмма послана в восемь. Но ехать до станции два часа. Значит, телеграмма была написана в шесть. Ну, смелее, мать! Что же случилось за час до припадка?

Молчание.

Александра Ивановна *(волнуясь)*. Дай и мне папироску. Зачем ты хитришь со мною! Ты же все знаешь, тебе было тогда уже шестнадцать лет.

Юрий терпеливо ждет ответа.

В шесть пришло письмо от Пыляева. *(Кашляет от дыма.)* Адриана не было, его принесли потом. Мне стало страшно...

Юрий. Вот это мне и нужно. Чего же ты напугалась, мать?

Александра Ивановна. Я не знаю... Но ты же понимаешь, Пыляева увели тогда в такое место, откуда никто не возвращался живым. Ты ведь помнишь Гришу Одинцова, Гарковенку Илью. А ведь они знали, кого они берут. И мне стало страшно, что придет человек, который умер.

Юрий. Ну, мертвые не ходят. Они спят в хорошо закрытом помещении.

Александра Ивановна. О, сколько ходит их между нас. Оттого порой живым и плохо. И вот он уже денег у меня просил.

Юрий. Что ж, дай ему рублика три. Эти трубокуры любят подымить.

Александра Ивановна. Нет, я не дам. Это только начало. Или уж заплатить ему, чтобы ушел? Не знаю... А все-таки, как же он выбрался-то оттуда, Юра?

Юрий. Ну, наши бегали и не из таких застенков.

Александра Ивановна. Ты прав, мне и самой смешно теперь. Но вернулся он уже не наш... мне кажется, даже не свой. Все ходит вокруг дома, кого-то ждет... забулдыгу вроде себя. Мне все чудится, вот двери рухнут, и целое кладбище ворвется за ним...

Юрий *(помолчав)*. Ну, кто же может войти в дом, если ты сама этого не захочешь.

Александра Ивановна. Мальчики, не пускайте их сюда!

Музыка в глубине дома.

Вот, Исайка музыку свою починил.

Юрий. Смотри в жизнь весело, мать, и она станет еще веселей. И, кроме того, ты не одна.

10

Из внутренних комнат открывается шествие. Виктор и Анатолий, одетый в длинный пестрый халат, несут на самодельных носилках граммофон Исая. Из помятой, оклеенной сукном трубы грохочет полька. Сзади Маша и Ручкина.

Виктор. Халло, халло. Танцевальный фестиваль объявляю открытым. Маша, Софья Николаевна! *(Кричит вниз, в сад.)* Папа, Платон Платонович, вас записать? На вальс? *(Всем.)* Они желают танцевать марш.

Маша. У нас марша нет в запасе.

Анатолий. У меня в чемодане есть, я привез.

Ручкина меняет пластинку. Старинный дребезжащий вальс. С молчаливой изысканностью Виктор предлагает руку Александре Ивановне. Анатолий — Маше, Юрий остается сидеть. Кружатся две пары. Первая пара — Виктор и Александра Ивановна.

Виктор. Не сопротивляйся, мать, я в танце зверею.

Александра Ивановна. Не надо, Виктор, я совсем разучилась.

Виктор. А ты делай, как я. Теперь поворот, два шага влево. Что с тобой? У тебя губы трясутся.

Александра Ивановна. Жара, осы летают. Ужалила одна.

Виктор. Куда она тебя ужалила?

Александра Ивановна. В сердце, Виктор.

Вторая пара — Анатолий и Маша.

Анатолий. С тобой и пройтись лестно. Ты фартовая девочка стала.

Маша. Хорош, а билет на матч с Воскобойниковым не прислал.

Анатолий. А почему не позвонила? Я сбил его на втором раунде. Если бы не канат, он летел бы у меня шесть трамвайных остановок. В декабре еду за границу на рабочую спартакиаду. Что тебе привезти?

Маша. Крутите, крутите!

Темп вальса замедляется, музыка хрипнет.

Анатолий. Там Исайка пружину переклепал, не хватает на полный завод.

Ручкина поворачивает завод один раз. Что-то щелкает, и все замолкает. Все бросаются к граммофону.

Виктор. Халло, халло. Фестиваль объявляю закрытым. *(Отцу, который поднялся наверх.)* Папа, ты опоздал. Мог получить первый приз.

11

Дуся *(вбегая по лестнице)*. Уже оттанцевали? Всегда в жизни опаздываю. *(Ищет глазами свободного партнера, видит Юрия.)* А вы почему не танцуете?

Юрий. Ботинок жалко, новые.

Дуся. Скрипеть перестанут... Вы — Юрий Адрианович, я вас знаю. *(Присела возле.)* Вы не психиатр? Немножко да? Ну расскажите тогда, как специалист, что-нибудь про сумасшедших. Я так интересуюсь на научную тему. У меня у самой иногда мурашки по спине и голова как отрубленная...

Юрий. И часто это у вас бывает?

Дуся. Не-ет, когда с мужем поссорюсь. А отгадайте, почему? Ай-ай, вам же надо хорошо знать человеческую душу, правда?

Юрий. Конечно. Как же нашему брату без этого?

Дуся. Я не знаю, есть ли душа, но что болеть она может, это я знаю.

Молчание.

Женская душа, наверно, труднее остальных?

Юрий. Я бы не сказал. Устройство и наружный вид почти одинаковые.

Их окружили. Собираются к завтраку.

Дуся. А можете вы меня загипнотизировать и внушить что-нибудь? Только не вредное.

Юрий. Это запрещено. Милиция не велит.

Виктор. Гипнотизер — так это я. Сорокалетний стаж и семь медалей. *(Скороговоркой.)* Гипнотизирую лиц обоего пола, домашних животных, сельскохозяйственный инвентарь, а также мелкие серебряные вещи!

Дуся *(в восхищении)*. А можете вы... Хотя лучше начнем с мужа. Он у меня уже созрелых лет, и мне так хочется... Что вы головой трясете?

Виктор. Насчет мужа не выйдет. Тут гипнотизм пропадает.

Дуся. А вы попробуйте. Если с ним что и случится, то ничего. Это такой мировой водочник и, кроме того... О Сонюшка, ну как его звали, этого негра, который... ну! Стойте, я его сейчас приведу. Платон, Платон! *(Бежит вниз искать мужа.)*

12

Александра Ивановна. Дуся, оставайся завтракать. Садитесь же к столу, простынет.

Маккавеев. В такую погоду не простынет. *(Весело.)* Ну, баяны, знакомьтесь промеж собою.

Кивая на вошедшего Пыляева.

А это старый приятель Александры Ивановны.

Александра Ивановна. И твой!

Маккавеев. Она ему крепко нравилась, но я ее покорил. Это теперь у меня на голове только сто восемьдесят шесть волосков, а тогда я был завлекательный мужчина.

Александра Ивановна. Адриан, уймись.

Пыляев. Уж вряд ли кто помнит меня. Пылаев!

Братья молчат, несколько смущенные этим именем.

Маккавеев. Вот и славно. Ну, становитесь в ряд, сынишки. День-то какой благоприятный!

Сыновья становятся в шеренгу, оставляя незанятым одно место. Отец обходит их поочередно.

Здорòво, Юрий! *(Про его рост.)* В общем, я бы запретил такие длинные предметы на земле. Ну, обними меня. Крепче, еще крепче. *(Высвобождаясь.)* Ну, хватит. Мысль мне скажи... какую-нибудь мысль, свою.

Юрий. Хорошо жить, отец, зная, что люди нуждаются в тебе. Хорошо идти в бой, отец, и локтем чувствовать соседа.

Маккавеев *(задумавшись на мгновенье)*. Кругло, кругло. Ничего не скажешь. Ну и выходит это у тебя?

Юрий. Об этом родину спроси, отец.

Маккавеев. То-то. Лечишь нашего брата, припадочных?.. И взрезаешь?

Юрий. И взрезаю.

Маккавеев. Аспирин с касторкой не путаешь? Смотри-и!

Юрий *(Ручкиной)*. Сколько таких прошло через мой московский кабинет. Иного разденешь — все тело в иероглифах гражданской войны. А прочтешь по складам — выходит песня.

Маккавеев. Э-эх, про раздетых при девушках!.. Виктор, смирно. Гляди веселей. Ну, скажи мне тоже что-нибудь такое... ну!

Виктор *(внятно и тихо, как клятву)*. Страна моя прекрасна, отец, но я волью в нее себя, и она станет еще лучше.

Маккавеев. Похвальное намерение. Что это, братец, ремешки какие-то на тебе, штучки разные?

Анатолий. Это, папаша, кинамка на нем висит, для записи чрезвычайных происшествий.

Юрий. Он ее из-за границы привез. Ездил радиостанцию консультировать.

Виктор. Вот, в строители затесался.

Маккавеев *(всем)*. Слыхали? Ччер-ти! Гляди с башни-то, сынок. Враги на нас лезут... все ползут, ползут. В оба гляди!

Виктор. Слово! По буквам, отец: Савелий, Лука, Ольга, Василий... Ты что, ты что, отец?

Маккавеев. Василий... На этом бы месте ему стоять. Обманул Васька. *(Анатолию.)* Здорово, душегуб!

Анатолий. Боксерский салют, папаша. Что, тоже мысль сказать?

Маккавеев. Скажи, Толенька, хочу и тебя услышать.

Анатолий. Ты сказал сейчас: враги на нас ползут. Так вот, раньше говорили: око за око, зуб за зуб. А я так скажу: два ока за око и челюсть за зуб.

Маккавеев. Крутовато, но ничего. Нам и это сгодится. Чего смеешься? А ну, давай, как Бульба, на кулаки. Разойдись! Счас я его прочкну.

Анатолий *(слегка отталкивая)*. Проиграешь!

Маккавеев. Да, стар стал Маккавеев. Я уж как бы на вокзале, перед отъездом. Не провожайте меня, не машите картузами...

Анатолий. Шути, тебя хоть на ринг ставить.

Юрий. Ложись ко мне на стол, старик. Я из тебя трех комсомольцев выкрою.

Маккавеев. Не-ет, погнулось мое железо. Но я сделал все, на что хватило разума и рук. Сады видишь под солнцем? Мои. Доделывайте, детки...

Александра Ивановна. Да уж налюбовались, голодом всех заморил. Садитесь, садитесь.

Все, кроме Маши и Маккавеева, садятся за стол.

Маша *(пальцами касаясь маккавеевского лица)*. Ты грустный сегодня, Маккавеев. И брови сухие, как осенняя трава.

Маккавеев. Вот, Васьки нет. Неполон, неполон наш сбор. *(Подошел к столу, про место рядом с собою.)* Пусть это место, Васькино, нынче свободно будет. Ну, налили? *(Встал.)* Позвольте, близкие мне люди, секретно представить сей первый опыт отечественного сидра. Он молод и ясен, время прибавит ему силы и крепости. И пускай потомки выпьют тогда за наше здоровье, как мы сейчас выпьем за ихнее.

Александра Ивановна. Матвей, ты выпьешь с нами? Ты хочешь говорить, Матвей?

Пыляев *(поднявшись)*. Разве несколько шутливых слов. Я остерегаюсь формулировать... это есть дело иных вдохновенных пророков, хотя и я хотел бы видеть столетие спустя на этом месте прочный гранитный столб... и на нем в назидание потомкам отчеканен рецепт маккавеевского сидра. Словом, вместе с современниками я аплодирую даровитому изобретателю... однако не будем вымогать рукоплескания у помянутых потомков за блюдо, которое, в конце концов, находится пока в процессе изготовления. Пардон, я всего только твой сидр имею в виду, Адриан...

Все вскочили.

Виктор *(закусив губу и протирая очки, как всегда он это делает в волнении)*. Я не очень понял ваше вещание, но тон и смысл его мне показались злыми. Мне думается, вам теперь пойти бы за занавесочку и поспать часок.

Маша. Он забыл, что в этом доме можно нарваться на неприятности.

Пыляев *(выходя из-за стола)*. Я прошу прощения. Что-то тут сломалось у меня. *(Задыхается, держится за грудь, табуретка его упала.)* Воздуху, еще воздуху. А-а, не идет...

Ручкина. Ему дурно.

Маккавеев. Отведите его, помогите ему. Матвей, возьми мою руку... Матвей!

Анатолий. Я проведу гражданина до кроватки.

Пыляев. Я сам, я сам. Прошу прощения. Я сам доберусь. *(Уходит.)*

Молчание.

Виктор. Что это, астма?

Юрий. Нет, это деменциа завистиана, браток, по-русски — бешенство зависти. И ненависть.

Александра Ивановна. Нехорошо как вышло. Сметаны-то, сметаны-то накладывайте!

Юрий. Васька не похвалил бы тебя, отец, за это гостеприимство.

Ручкина *(стараясь переменить тему разговора)*. Кстати, я так и не поняла... Василий Адрианович завтра приедет?

Александра Ивановна. Видно, завтра.

Маша. Это я виновата: не хотела раньше времени вас огорчать. Василий вряд ли скоро приедет.

Общее движение удивления и досады.

Юрий. Позволь, у него же отпуск!

Александра Ивановна. Телеграмму-то он получил?

Маша. Получил. Но его послали в поход на подлодке. Он сказал, если успеет вернуться до зимы, приедет наверняка. Зимой у него какие-то зачеты предполагались.

Маккавеев. Так ведь сам же он писал... *(Шаря в карманах.)* Да и письмо где-то здесь было...

Виктор *(стуча вилкой о тарелку)*. Чего вы так растерялись, чудаки! В нашу эпоху все в экспедиции ходят. Хозяевам полагается знать свое хозяйство.

Александра Ивановна. Погоди, Вителька. *(Маше.)* Ты толком-то расскажи.

Маша. Словом, я зашла к нему недели полторы назад. Он был подтянутый, сухой, но веселый. Он мне: «Я, говорит, не смогу с тобой поехать, сестра, извини!» Мы с ним вместе собирались ехать. «Иду, говорит, в поход. Поцелуй за меня стариков». Я стала расспрашивать. «Это секретно, говорит, ничего не могу сказать». И сам смеется. «Но это опасно?» — спрашиваю. «Ну, говорит, я же не один иду. Но лестно, как никогда». Мне тогда очень понравилось в нем, что опасно, а он доволен. Я ему: «Топтыга, говорю, вы симпатичный!». Мы обнялись. Вот и всё.

Ручкина. Но смысл-то какой жизнью рисковать? Неясно, Воробей.

А н а т о л и й. Куда поход-то?

М а ш а. Я же сказала, что не знаю. Никто не знает. Но билеты лежали на столе, он не успел убрать. *(Оглянувшись, тихо.)* Билеты были на север.

А л е к с а н д р а И в а н о в н а. Там же самые льды у нас. Что же, морей потеплее нет?

Ю р и й. Чудаки вы, половчанцы. Человеку разрешают подвиг, то есть проверить себя на большом. Я понимаю подвиг как цветение мужества и зрелости. И я ввел бы это обязательным для каждого комсомольца страны. Покажи себя родине во весь рост, незнакомец!

М а к к а в е е в. Как всегда, шибко правильно ты все освещаешь, Юра.

А н а т о л и й. Какой же это подвиг, раз секретный... если о нем и не узнает никто! Я понимаю, портрет в газетах напечатают...

В и к т о р. Запомни, Толя, боксера украшает только молчание.

А н а т о л и й. Что ты меня все учишь! Кроме того что я боксер, я еще лучший помощник машиниста на моей дороге.

А л е к с а н д р а И в а н о в н а. Дети, дети, зачем же ссориться!

Р у ч к и н а *(раздельно и в тишине)*. А я ставлю так: тот подвиг и есть настоящий, о котором никто и никогда не узнает.

М а ш а. Сонюшка, это потому, что вы сама такая!

Р у ч к и н а. Вы меня мало знаете, Воробей. Да я назову вам десятки безвестных имен...

М а ш а. Но вы знаете их здесь, куда газеты на третий день приходят. Значит, вы не правы, Сонюшка!

В и к т о р. О чем спор! Не важно, громкий подвиг или неслышный. Для народа важно, чтобы его высокое поручение было исполнено до конца.

Ю р и й. Странные речи для кандидата партии и учительницы. Простите за прямоту, Софья Николаевна. Так чем же отличается ваш подвиг от подвига тех, которые утверждают его смертью, могилами неизвестных солдат? Мы утверждаем его жизнью. Назовите мне еще страну, где говорят о подвигах шахтеров, трактористов, доярок. Нет подвига безвестного. Нужно, чтоб на нем учились другие. И только тогда это станет качеством действительно нового общества.

В и к т о р. Это следствие, а я говорю о причине.

Ю р и й. Ты сними очки, ты оглянись на массы, Витя.

Виктор. Очки тут ни при чем. Попроси боксера, он тебе разъяснит.

Анатолий. Витька, дай мне поесть спокойно!..

Маккавеев *(внимательно выслушав всех)*. Ладно, уймитесь, петухи. Значит, к зиме будем ждать Ваську.

Молчание. Виктор отошел к балюстраде.

Маша. Вы обиделись на меня, Сонюшка?

Ручкина. Я имела в виду вашего брата, Исайку.

Александра Ивановна. Дети, что ж вы про Исаято забыли?

Маша. Мы его звали, но он сказал, что занят.

Ручкина. Это я ему зонтик в починку принесла. Я виновата. Пойду приведу его.

Александра Ивановна. На лестнице не споткнулся бы!

Маша. Пойдемте вместе, Сонюшка!

Они ушли в дом.

14

Виктор. Идет какой-то незнакомый человек. Юрий, это не тот?

Юрий *(быстро)*. Где, покажи. Мама, мы больше никого не ждем?

Александра Ивановна. Нет.

Юрий. Поди сюда на минуточку. Ты знаешь этого человека... озирается за яблонями?

Александра Ивановна. Нет, Юра. Помнишь, я тебе говорила...

Юрий. Не волнуйся, мать. Все будет так, как тебе приятно. Поди и ты сюда, Анатолий.

Маккавеев. Кто еще там, Юра?

Юрий *(сухо)*. Пыляев несколько расширительно толкует маккавеевское гостеприимство. Он собирается устроить здесь клуб проходимцев. Ты не возражаешь, чтобы мы вмешались в это дело?

Маккавеев подходит к балюстраде, косится на дверь, куда ушла Маша, отходит на прежнее место, молчит.

Анатолий, после доешь.

Анатолий *(подходя с тарелкой)*. В чем дело, начальник?

Юрий. Скажи ему, детка, что мы никого не ждем и чтоб он ушел отсюда.

Анатолий. Ага! Это тот самый, пыляевский? Ну-ка пустите меня.

Виктор. Он улыбается.

Анатолий *(широко раздвигает виноград, насмешливо)*. Эй, внизу! Быстренько, в два счета, смывайся отсюда со своей гитарой!

Виктор. Он улыбается.

Александра Ивановна. Ты не груби ему, Толенька. Скажи только, что никого дома нет.

Анатолий. Пустите, мамаш. Я имею аппетит на эти вещи. *(С сознанием своих преимуществ.)* Там, с серенадой!.. Когда я говорю во второй раз, то я только половину говорю, а половину делаю.

Виктор. Он улыбается.

Анатолий. Подержите кто-нибудь тарелочку, я сейчас вернусь. Эй, лови, вздремни пока на подушках!

Он сорвал с гвоздя перчатки и бросил вниз. Маккавеев украдкой прикрывает дверь в дом.

Виктор. И довольно симпатичная улыбка, черт возьми! *(Быстро вынимая из футляра кинамку.)* Давай, начали... Для семейной хроники это просто клад.

Анатолий. Хана!! *(На бегу развязывая пояс халата, он спускается вниз.)*

И снова, поглядывая на всех, Маккавеев подходит к балюстраде. Трещит кинамка. С возрастающим любопытством Юрий реферирует поединок внизу.

Юрий. Неплохая школа у парнишки. Брэк!.. Анатолий, первое замечание.

Виктор. Эх, свет-то какой. Только бы пленки хватило... Эге, ну это можно пропустить. Для широкого зрителя это неинтересно.

И пока Анатолий внизу оправляется от удачного удара, он снимает всех, даже, кажется, самый раскаленный воздух полдня.

Юрий. Сочно. Браво, Анатолий. Стряхни песок с перчатки. Пыляевскому мальчику сегодня будет скучно.

М а ш а. Сбежала от нас Сонюшка. Расстроилась, такая жалость. Что у вас происходит?

В и к т о р. А, пустяки... Вот, стой так! *(И с колена он направляет на сестру объектив кинамки.)*

М а ш а. Да объясните же.

Ю р и й. Брэк!

В и к т о р. Пыляев позвал гостя, а мы двинули на него Анатолия. Вот всё, благодарю.

М а ш а *(выглянула в сад)*. Юра, это же не тот... это другой, я его знаю! *(Бежит к отцу.)* Папа, останови это... тут ошибка!

М а к к а в е е в *(удерживая ее за рукав)*. Сядь со мной, дочка. Теперь уже поздно.

А л е к с а н д р а   И в а н о в н а. Кто же это, Машенька? Адриан!

М а к к а в е е в. Он за Машей сюда пришел, мать. Все в порядке. Держи себя в руках, Воробей. Ну, что же Исайка-то?

М а ш а *(сплетя пальцы)*. Он не может, у него паяльник разогрет. Он говорит, что вечером будет дождь и зонтик потребуется... *(Сдержанность оставила ее.)* Юрий, прекрати это немедленно!

Ю р и й. Погоди, сестра. Брэк!.. Анатолий, второе замечание. Что ж, и это бывает. Раз, два, три, четыре, пять... *(Дальше он отсчитывает время нокаута только взмахами руки.)* Так, сеанс окончен. Где тут его тарелка-то?

В и к т о р *(перематывая ленту)*. Кстати, и лента вся. Вот подвезло, Воробей!

А л е к с а н д р а   И в а н о в н а. Кто кого, Юра, кто кого?

Ю р и й. Маккавеева бьют, Виктор.

В и к т о р. Значит, завелся кто-то на свете пошибче Маккавеева.

Молчание. Маша все не может выбрать яблоко с тарелки. Пауза. По лестнице с опущенными руками и рассеченной бровью, волоча за собой халат, поднимается А н а т о л и й. Он дышит тяжело, плечи блестят от пота. Никто на него не смотрит.

16

Анатолий. Ну... я его попробовал, значит. Парнишка, оказывается, в полутяжелом весе, и... *(почти с восхищением)* мировое крошé! Понимаешь, Воробей, я сперва погнал его, и он стал виснуть...

Юрий. Не ври сестре. Виснуть стал ты.

Анатолий. Ты же ничего не понимаешь в боксе. Ты умеешь только считать до десяти. *(Виктору.)* А ну давай сюда ленту, что сымал.

Виктор. Не дам, урок тебе. Зазнался слишком, чемпион. А вот как продам ее в Союзхронику...

Маша *(подавая Анатолию графин с водой)*. Как видно, это тебе не Воскобойников. Поди умойся, Толька!

Анатолий. Какие люди у нас зря пропадают. Такого бы подучить да на европейский ринг поставить... какие апперкоты! *(Идет в угол террасы с графином, плеснул воды в ладонь.)* А вот все-таки уходит, с серенадой-то!

Пауза, и всем жалко, что тот уходит, наверно, уже навсегда.

Маккавеев. Что ж ты, невинница, стоишь, глаза опустила? Иди пригласи его в дом, твоего!..

Александра Ивановна. Машенька, тут прибор лишний есть. Я на Василья рассчитывала.

Юрий. Покажи нам его, сестра. Это становится занимательным.

Маше стоит усилий не бежать вслед за уходящим, но она помнит, что все смотрят на нее.

Маша *(широко раздвинув сетку винограда)*. Слушайте, Отшельников. Я вам, вам. Поднимитесь сюда. Это все недоразумение. Вас зовет мой отец.

Голоса всех. Вернулся он?.. Вернулся? Да ты сбеги вниз-то за ним, гордыня!

Анатолий. Он идет.

17

Все, кроме Маккавеева, привстали от нетерпения.

В дом входит незнакомый человек. Он в белой рубашке и военных сапогах. Свой пиджак он держит в руке. Бросается в глаза четкая и легкая подобранность его движений. Маша виновато делает два шага ему навстречу. Они разговаривают так, будто остальных не существует.

Маша. Произошло ужасное недоразумение.

Отшельников. Я понял. И я собирался уйти сам, но мне не понравилась форма, в которой было высказано это пожелание.

Маша. Вы вели себя хорошо. Здесь возникло недоумение, как вы сюда проникли.

Отшельников. Ворота были раскрыты.

Маша. Почему не лаяли собаки? Для таких случаев вы носите сахар с собою?

Отшельников *(смеясь одними глазами)*. По-видимому, собаки догадались, что здесь меня ждут.

Маша кусает губы.

В первый раз я вас увидел в Тушине восемнадцатого августа, когда вы прыгали с парашютом. Василий показал мне на вас.

Общее движение. Маккавеев сокрушенно шарит вокруг себя. Александра Ивановна шепчет: «Машенька, свет мой вечерний...» Братья с полной серьезностью переглянулись.

Маша. Это была ошибка, меня легко спутать с другой. Василий жил только на восьмом, а и то мне бывало жутко глядеть с его балкона. Я просто ужасаюсь высоты.

Отшельников *(понял и улыбнулся)*. Вы правы. В первый раз я видел вас тогда, на лестнице. Я не знал, что вы сестра Василия.

Маша. Вы могли справиться у него на другой день.

Отшельников. Я полагал неудобным спрашивать у друга о девушке, которая в поздний час поднимается к нему по лестнице.

Виктор. Да познакомь же нас, Воробей.

Маша. Это мои братья, отец и мать. Ступайте к ним.

Александра Ивановна. Будьте гостем, молодой человек. Не поранил он вас, медведь наш? Как его зовут-то, Машенька?

Отшельников. Моя фамилия — Отшельников. Меня зовут Алексей Дмитриевич. *(Идет здороваться.)*

Юрий. У вас первоклассная школа. Где вы учились спорту?

Отшельников. В армии.

Виктор. Очень выпукло, Алексей Дмитриевич. Умно и не назойливо.

Отшельников. Все это простая случайность. В минуту

решительной атаки ваш брат дрался лицом против солнца. *(Анатолию.)* Не сердитесь на меня, друг!

Анатолий. Вы меня ужасно сконфузили.

Отшельников. Нельсон советовал не презирать врага, чтоб не уменьшать бдительности к нему. *(Дружески поправил складку на его халате.)* Со временем из вас выйдет мастер, если только не станете увлекаться. *(Александре Ивановне.)* Ваша дочь — лучшая из девушек, ваши сыновья — славные ребята.

Александра Ивановна. Матери в таких случаях не возражают. Извините нас, мы плохого человека ждали. Мы так рады, так рады, что все обошлось.

Юрий. Мы всё объясним ему потом, мать.

Александра Ивановна. А это папа ее, Адриан Тимофеевич.

Отшельников делает поклон. Маккавеев сидит неподвижный и пристальный, не протягивая руки.

Маккавеев. Хорош кавалер, силком в дом входишь.

Отшельников. Не совсем так. Василий приглашал меня ехать с ним, но его поездка расстроилась. Я друг Василья.

Маккавеев. Васька-то у меня осторожен в выборе друзей. Помнится, он у меня даже к таблице умноженья критически относился.

Маша. Васька отважный и наш человек. Он пройдет, и завтра мильоны ринутся по его следу.

Маккавеев *(испытующе)*. Куда он годится, ваш Васька!

Отшельников *(Маше)*. Жму вам руку за друга. *(Маккавееву.)* Дружба Василья много стоит. И было бы ошибкой не поработать над этой дружбой.

Маккавеев. Я отец ему.

Отшельников. Этого мало, друг больше.

Из сада слышны голоса Ручкиной и Дуси: «Маккавеевы, на соревнование... Маккавеевы!»

Юрий. Нас зовут, отец. Мы пошли в сад.

Виктор. Отшельниковы, мы будем вас ждать на волейбольной площадке.

Маша показала ему язык.

Александра Ивановна. Твой костюм я погладила, Толя. Ступай оденься!

Двое сыновей уходят в сад. Александра Ивановна и Анатолий — в дом.

Отшельников. Кстати, я обедал сегодня с Сергеем Маккавеевым. Он просил передать привет всем, кто помнит его. Отличный командир и настоящий Маккавеев.

Маккавеев *(польщенно, подмигивая дочери)*. Я вижу, нравятся тебе Маккавеевы-то. Чего глаза прячешь?

Отшельников. Я не понял, что вы имели в виду. По-видимому, я еще молод и неопытен.

Старик сконфужен этой четкой и холодной простотой.

Маша. Вы в волейбол играете, Отшельников? Тогда пойдемте. Приходи к нам, папа!

Они направляются к двери.

Маккавеев *(вслед)*. Стой!.. Кто же ты сам-то такой... статный, ловкий, без промаха весь?..

Отшельников. Я служащий. Военнослужащий. Я той же части, что и Василий. Но я в отпуску, и вот... *(Так он объясняет свой гражданский костюм.)*

Они уходят,

18

Из дома выходит Исайка с газетами и зонтиком.

Исайка. Софья Николаевна уже ушла? А я-то спешил... *(Подошел, неслышно сложил костыли.)* Ну, прочел я газеты. Доложить тебе? В Испании республиканцы продвинулись немного по железной дороге. Вот, посмотри на карту...

Маккавеев *(отстранив его руку с газетой и глядя в ту сторону, куда Отшельников увел Машу)*. Не улетай, Воробей!

Пауза. Вступает глухой, далекий гул маневров.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Нижняя угловая, гораздо меньшая терраса у Маккавеева. Два спуска в сад. Яблоня, похожая на корзину с плодами, подступила слева. Ночь. Луна делит не поровну это пространство на свет и тень. В теневой стороне на двух составленных скамейках, среди всякого хозяйственного инвентаря, спит прикрытый тулупчиком Исайка. Из дома несутся всплески смеха и музыка. У Маккавеева гости по случаю приезда детей. Пробуют молодой сидр. Унус и Ручкина. Они не знают, что они не одни здесь.

1

Ручкина. Люблю, когда идет гроза. Когда все никнет и поклоняется дождю. И он проходит, добрый, влажный, тучный...

Унус. Нет, это синие наступают. Сегодня ночью будет бой.

2

Очень веселая, высунулась за дверь Александра Ивановна.

Александра Ивановна. Софья Николаевна, где вы тут? Идите, ваша очередь, Сонюшка.

Ручкина. Я вышла из игры. И воздух здесь посвежее. Я потом вернусь.

Дверь закрылась.

3

Ручкина. Помолодели Маккавеевы! Дети приехали. Какая огромная сила во всякой радости! Хотелось бы вам снова стать восемнадцатилетним, Унус?

Унус. Нет.

Ручкина. Хлопотливо, что ли?

Унус. Мудрость яблони, я полагаю, в ее плодах.

Ручкина. Так. А, кроме яблонь, существует для вас что-нибудь на свете?

Унус. Да. Вы это знаете. Я люблю вас.

Ручкина *(оглянувшись)*. Не надо об этом!.. Яблони... Ну, если бы вы хоть финики на крапиве выращивали. Это хоть есть нельзя, но интересненько. А яблоко и без вас сладкое.

Унус. Яблоко от завтра должно быть слаще, чем от вчера.

Ручкина. Ничего не возразишь. Я читала вашу анкету. В гражданскую войну, когда все дрались за наше счастье, которое придет столько лет спустя, столько лет спустя... вы караулили ваши сады, чтоб не порубили на дрова. Стрекопытов сказал, вы даже лаяли по ночам, для острастки. Ну, покажите вполголоса, как!

Унус. Я думал, завтра начинается с сада.

На мгновенье звук самолета и тотчас же четкий, не очень далекий пулеметный речитатив.

Ручкина. И вот — Василий Маккавеев. Я не видала его взрослым ни разу, но я вижу отчетливее, чем ваше, его большое грубоватое лицо, с умными, хозяйскими глазами. Вот мы стоим. В доме пробуют первый сидр. А где-то в плотной тьме он идет, и ледяная вода шумит о стенки подлодки. Маккавеев незримо проходит через океан, и сотни тысяч матерей, братьев и сестер затая дыхание слушают его шаги. А кто слышит мои?

Унус. Слышат те, кого вы выпустили в жизнь. Бригадиры, председатели сельсоветов, пограничники на рубежах нашей земли. А это и есть народ, Сонюшка.

Ручкина. Что же, я браню вас, а для меня тоже не существовало ничего, кроме детей. Чужих.

Унус. Надо, чтоб скорее родились наши дети. Я люблю вас.

Ручкина. Пустите, с серенадой... увидят. А скажите, Ирод, вы скандалили в жизни хоть раз?

Унус. О да!

Ручкина. Где, как это случилось?

Унус. Когда я был в институте, там был молодец, который очень обидно врал про женщин, чужих. Тогда однажды я подошел к нему, посмотрел свысока... и потом сразу вышел вон. К сожалению, он не понял. Я никогда не изменял правилу: не бить людей.

Ручкина. Это похоже на вас. Какая пучеха, как Дуська говорит. *(Насмешливо протянула ему обрубок толстого сука с перил.)* Нате, сломайте.

Он легко сломал его в вытянутых руках.

Ну, значит, он был гнилой. Идут сюда. Бежимте, мой вечный жених!

4

Дуся тянет за руку Виктора. Ее появление так стремительно, что Унусу и Ручкиной приходится задержаться во мгле террасы.

Виктор. Дуся, я боюсь темноты. И чай недопит остался.

Дуся. Скорее, а то он за нами увяжется. Слушайте совет пожилой исстрадавшейся женщины: не связывайтесь со стариками!

Виктор. Дусенька, я там мед не доел, целое блюдце.

Дуся. Ни слов, ни речей. Вытрите губы, так. Теперь быстро целуйте тетю за добрый совет. Постойте, что там? Ах, нет — это просто лунный свет играет. Ой, как я испугалась. Ночью я боюсь даже самой себя. Послушайте, что у меня с сердцем делается... дайте руку!

Виктор. Не дам.

Дуся. Да не бойтесь же вы! Оно маленькое, оно не кусается.

Виктор. И ногти у вас какие-то... электрические.

Дуся. Тихо. Молчание — разговор любви... *(Вдруг.)* Достаточно, вы забываетесь. Ой, кто еще тут? *(Погладила рукой в темноте.)* Мохнатое... Нет, это Исай спит. Тсс, не разбудите его.

Дверь открывается.

Тихо спускайтесь за мною в сад.

Гул нарастает и проходит. Ручкина тронула локоть Унуса, приглашая слушать.

5

Анатолий. Дуся, куда вы завалились? Идите, вам водить.

Виктор. Здесь спят, не буди. Кстати, шепни Стрекопытову, что мы пошли в сад. Из последних сил отбиваюсь.

Анатолий. Вижу тебя, Виктор, убеленного сединами, и детишек, числом до дюжины, резвящихся вокруг. А ты попробуй сказать ей что-нибудь такое, в популярной форме!

Виктор. Она тотчас в слезы. И грозится сказать мужу, что я ее соблазнял. А я, понимаешь...

Анатолий. Ладно, ступай, я понятливый.

Анатолий скрывается.

6

Некоторое время никого нет. Музыка из дома и шорохи ночи. Кто-то прячется здесь, и кого-то находят. Потом приходят Александра Ивановна и Пыляев. Он заметно под хмельком. Дверь осталась открытой.

Пыляев. Зачем я тебе нужен? Ну, чаруй меня, деньги заплочены!

Александра Ивановна. Я таким тебя никогда не видала. *(Старается говорить мягче.)* Ты, когда пьяненький, не очень похож на себя, на трезвенького. Я вижу, тебе понравился наш яблочный квасок.

Пыляев. Давай короче.

Молчание. Кто-то внутри дома, во исполнение фанта, читает «Попрыгунью-стрекозу». Александра Ивановна прикрывает дверь.

Александра Ивановна. Я принесла тебе деньги на дорогу.

Пыляев. А, давай.

Александра Ивановна. Ты не развертывай, бери прямо с платком. Он старый. Никто не знает... И возвращать не надо!

Пыляев. Сколько тут у тебя?

Александра Ивановна. Сто. Это из Исайкиных. Он простит меня. Ну, прощай... *(И протянула руку.)*

Пыляев. Что ж ты мне... на пол-литра суешь? *(После минутного раздумья опустил в карман.)* Подешевел Пылаев.

А помню раз, как в монастырьке под Балтой два монаха украли у меня из вагона десять цинок с патронами, а я их накрыл... Что ж, падают и горы! *(Берясь за скобку двери.)* Ну, всё?

Александра Ивановна. Когда ты уйдешь?

Пыляев. Как тебе сказать... не знаю.

Александра Ивановна. Ты обещал. Пойми, все они смотрят на тебя и молчат. И ты сам какой-то нервный стал, все что-то слушаешь, бегаешь куда-то.

Пыляев. Шесть лет без отдышки бегу, Саша. Уж я прямо бегун стал. Да ведь и некуда мне.

Молчание.

Никто не приходил ко мне в эти дни?

Александра Ивановна. Вот, вот, ты кого-то ждешь. А я даже не знаю, кто ты теперь... беглый, прощенный... Я ночей не сплю. Уйди, Матвей, дай нам жить!

Пыляев. Ну, не плачь, не надо. *(Подошел ближе.)* Не толкай меня. Я уж и так на краешке стою.

Александра Ивановна *(шепотом)*. Умей уйти совсем, сам... если жизнь не удалась тебе. Чего, чего ты еще хочешь от нее? Скажи.

Пыляев. Я бы, знаешь, и застрелился, но мне не хочется тебя расстраивать. *(Коснулся ее плеча.)* Пылаев слов назад не берет. Я уйду. Но я не могу уйти сейчас. Потерпи до завтра, Саша.

Александра Ивановна. Хорошо... но не доводи меня до последнего слова, Матвей.

Пыляев. Какое же это слово?

Александра Ивановна. Я прогоню тебя... с собаками.

Пыляев. Ну, побоишься!

Александра Ивановна. Я ничего не боюсь, Матвей.

Пыляев. Покажи мне такого, чтобы не боялся, что про него что-то откроют!

Молчапие.

Скажи, этот дерзкий мальчик на костылях... это оп?

Александра Ивановна. Нет, что ты!.. Твой сын умер еще маленький. Это от Адриана.

Пыляев. Врешь, Сашка. Это тебе никогда не удавалось. Техники нет...

7

Она руками закрыла лицо. Исайка, который проснулся и слышал часть разговора, скинул на пол тулупчик.

Александра Ивановна. Исайка!..

Исайка. Мамочка, дай ему в морду... мама! Ударь его, я не дотянусь. Мама, дай мне костыли, мамочка...

Александра Ивановна *(кидаясь к нему)*. Исай, тише, тише, милый старичок мой, молчи!

Исайка. Я же сильный... посмотри, какие руки у меня. У меня сильные руки. Помоги... да помоги же мне!

Пыляев. Голос из далекой провинции. *(Повернулся и очень медленно ушел.)*

8

Исайка. Не плачь, мама, не велю. Как же ты его упустила? Догони его, еще не поздно, догони!

Александра Ивановна *(гладя его руки)*. Исай, все это сон. Ты маленький, тебе приснилось. Все хорошо, Исай. *(Шепотом.)* У Маккавеева больное сердце. Утихни, утихни, милый...

Исайка. Мамочка, как же ты могла полюбить его, такого!

9

Один из гостей *(заглянув)*. Александра Ивановна, вас ждут. Публика бунтуется.

Александра Ивановна. Я приду, приду... Ты лежи, я пойду, а то заметят. Юрий сказал, что, если можно тебя починить, он возьмет тебя с собою. Ты спи, а когда проснешься, сразу будут Москва и утро.

Исайка *(ласкаясь)*. Вы все ко мне добрые.

Тот же гость. Александра Ивановна, там уже посуду бьют.

Александра Ивановна *(поднимаясь и разглаживая руками лицо)*. Я иду, иду. *(Открыла дверь в комнату.)* Ой, как вы тут накурили. Вы бы хоть на воздух шли!

10

О т ш е л ь н и к о в из сада вглядывается в темноту. На нем военно-морская форма.

И с а й к а. Ее тут нету. Это я, ее брат Исайка.

О т ш е л ь н и к о в. Я вижу. Что же вы один лежите?

И с а й к а. Юрий костыли отобрал, в наказанье, как маленькому. А я обиделся. Ох, Отшельников!

О т ш е л ь н и к о в. Что Отшельников?

И с а й к а. Они все думают, что я не от мира сего. А я от мира, от мира. Я хочу много, хочу летать, драться. О, мне бы только ноги. Я бы всыпал кой-кому и за маму и за Испанию. Я дал себе срок: два года ждать, а там... Теперь этот срок истекает. Сказать вам тайну, Отшельников?

О т ш е л ь н и к о в. Если можно ее вслух сказать.

И с а й к а. Дайте ухо. Ваське завидую. Ему машины, честь народа доверили, а мне зонтик. Но я его починил.

О т ш е л ь н и к о в. Не надо этих слов, Исай. У нас подвига не ищут. Его делают из повседневной жизни. Чем они лечат-то вас?

И с а й к а. А чем придется. Мосей на днях салом с тертым хреном натирал. А я лежу, мне смешно и щекотно. «Лавровый лист, говорю, забыли положить?» Уж скоро, очень скоро изобретут лекарство ото всего и такой силы, что в пузырьке уж нельзя его хранить, стекло расплавится. И я его выпью, и все во мне обуглится... И встану во весь рост, седьмой Маккавеев...

О т ш е л ь н и к о в. Осторожно, свалитесь, расшибетесь. Ну, а теперь... о чем тут плакала Александра Ивановна? Я видел ее глаза.

И с а й к а. Маккавеевы не плачут.

О т ш е л ь н и к о в. Так. Ну, а что Пыляев здесь делал?

И с а й к а. Я не видел. Я спал.

Молчание. Отшельников поднялся уходить.

Но я потом проснулся. Он ждет кого-то здесь...

О т ш е л ь н и к о в. Да, Юрий объяснял мне... почему меня встретили у вас так оригинально.

Они сидят молча.

11

Струнный шелест гитары. Анатолий проходит мимо и поет.

Анатолий. «Мамаша спит, огонь горит, а сердце грустно... как-то даже слишком грустно говорит...» *(Остановился, заглянул; тихонько Отшельникову.)* Пыляев опять к воротам бегал. Но там пока никого нет. *(И пошел дальше, напевая.)* «Моей любезной милый прах, явись, явися мне впотьмах!»

12

Отшельников *(взглянув на часы)*. Все очень хорошо. А Василью не завидуйте, не надо.

Исайка. Я не ему, а его движенью. Когда идет человек... и воздух ледяной, с искорками, бьет ему в грудь.

Отшельников. Какой там с искорками! Мы подводники, Исай. Мы ходим по глубине, и воздух наш пахнет гретым маслом. Ну, я пойду Машу поищу.

13

Дверь открылась. Там все поднялись, двигаются стулья. Возгласы: «Антракт восемь минут!», «Чаю, кому чаю!». Первым выходит высокий старик с вислыми усами, в чесучовом френче и сапогах. Через минуту он назовет себя Жабро.

Жабро *(прокашливаясь)*. У, заложило. Дам никаких нет? *(Он расстегивает френч, за которым видно могучее его, волосатое тело.)* Здесь отрадно, как на дне морском. Ирод Антонович, поставим тут три кущи! Нуте-с?

Унус *(весь обвешанный табуретками)*. Там уже аудитория расходится.

Жабро. Ничего, они подойдут потом. Эй, Платон, тащи сюда наглядные пособия.

В дверь деловито протискивается Стрекопытов с бочонком, украшенным веночком, под мышкой. На пальцы нанизаны стеклянные кружки. В темноте он натыкается на Отшельникова.

Стрекопытов. Каспер Касперович, тут уж занято.

Отшельников. А мы сейчас уходим. Исай, помогите нам найти Машу.

Жабро. Разрешите... Кандидат ветеринарных наук и старинный друг Маккавеева, Жабро! Это фамилия. *(Громогласно прокашливается.)* Ух, как заложило, черт. Прибыл приветствовать молодое поколенье. Нуте-с?

Отшельников *(дружественно)*. Мне всегда приятно видеть друзей Адриана Тимофеевича.

Жабро. Так. Изучаем загадочный напиток сидр и его последствия. Не щадя слабых сил.

Унус. С научно-медицинской точки зрения.

Стрекопытов. Погода бездыханна. Небо чисто. Слава творцам земли!

Они стоят перед Отшельниковым в ряд, все трое в разной степени навеселе.

Жабро. Заметьте, с наглядной демонстрацией учебного материала. *(И стукнул в дно бочонка.)* Ты расставляй пока!

Стрекопытов снимает с Унуса табуретки, расставляет кружки на одной из них. Пыляев появляется на ступеньках из сада.

Отшельников. К сожалению, мы запоздали к началу и не сможем соответствовать в полной мере. Берите мою руку, Исай.

Исайка. Юрий браниться станет.

Отшельников. Ничего, я беру вину на себя. *(Шутливо он подает Жабро Исайкин тулупчик.)* Будьте добры подержать некоторое время эту вещь.

Уходит с Исайкой.

Жабро *(смотря на полушубок)*. Нуте-с?

14

Пыляев *(прислонясь к столбу террасы)*. Держи крепче, а то оно уползет.

Жабро молча укладывает тулупчик на койку. Группа молодежи, тесня друг друга, пробегает из дома в сад. Происходит диалог. Александра Ивановна: «Ребята, куда же вы от чая?»—«А мы купаться, Александра Ивановна!» Стрекопытов пристально всматривается в лица пробегающих девушек.

Пыляев. Не разыскивай жену, Менелай. Она занята сейчас с другим.

Стрекопытов. Третий раз вы нынче всё против шерстки, Матвей Фомич. Я ведь прыгать на вас буду!

Жабро. Плюнь, пренебреги. Дурак. Сядем без него и утолим нашу жажду.

Прокашлялся так, что все на него посмотрели.

Что вы в меня уставились?

Стрекопытов. Этак из вас, такая вещь, позвонок вылетит, Каспер Касперович!

Жабро. Технически невозможно. Но продолжим наш семинар. Всем налито? На чем мы остановились?

15

Александра Ивановна вышла на террасу.

Жабро. Честь и место!

Александра Ивановна. Я на минутку. Я все на вас гляжу, как дети забавляетесь... Адриан куда-то пропал.

Идет к ступенькам. Пыляев посторонился.

Пыляев *(тихо)*. Там кто-то приходил, Александра Ивановна?

Александра Ивановна. Нет, это почту принесли. *(Кричит в сад.)* Адриан!..

Ответа нет. Она возвращается, делая жест, чтобы все оставались на прежних местах.

16

Жабро *(обращаясь к одному Стрекопытову)*. Товарищи студенты! В предварительной лекции мы рассмотрели с вами ботаническую и поэтическую часть нашего предмета. Мы гуляли по садам, видели урожай года и рассуждали, куда же все это девать, когда Адриан Тимофеевич сдержит свою угрозу и превратит всю планету в сплошной сад. Так мы пришли к сидру. Нам надлежит теперь изучать общие симптомы болезненного состояния, называемого опьянением. Итак, яды суть лекарства, а лекарства суть яды...

Стрекопытов *(монотонно)*. Как сказал Клод Бернар...

Ж а б р о. ... как сказал Клод Бернар. Слово имеет Ирод Антонович Унус.

У н у с. Итак, мы обозрели таинственный процесс, где труд человека, яблони и мельчайшего грибка, сахаромицета, образует эту дивную жидкость. Это уже не ваш гадкий перхун, товарищ Стрекопытов! Это сок половчанской земли, безгрешный, как юность. Сюда примешаны цветы и песни, здесь растворены закаты и ночи наши. Пусть все пьют и видят в нем лицо того, кого любят! Подвергнем дополнительному рассмотрению, что это есть и как оно происходит.

Все выпили.

С т р е к о п ы т о в. Глоток скользит и ждет к себе другого.

Пауза. Стрекопытов снова взялся за кружку.

Вникнем еще раз!

У н у с. Теперь обозреем механизм действия. Принятая вовнутрь через рот, жидкость эта собственным весом протекает по данной толстой трубе сюда и через посредство различного калибра трубочек и хоботков жадно... виноват, я хочу сказать: жадно всасывается в организм.

Ж а б р о. Как сказал Клод Бернар. *(Хохоча.)* Похоже, похоже, вали дальше!

У н у с. Болезни... например, даже неизлечимый кашель товарища Жабро... проходят бесследно. Образуется прилив крови к оболочкам мозга, к печени и ряду... скажем условно, к ряду второстепенных органов. *(Стрекопытову.)* Ощущаете?

Ж а б р о. Ирод, друг мой Ирод, печень не с той стороны.

У н у с. Появляется теплота в желудке, пульс крепнет, хочется закусить... Умственная деятельность оживляется, как это представляется обзору ваших глаз на примере Матвея Фомича Пыляева.

Точно пробудившись, Пыляев подходит и наливает себе кружку.

П ы л я е в. Сколько у вас времени, Платон Платонович?

С т р е к о п ы т о в. Ну, десять... Ну!

Пыляев отошел.

У н у с. Но мы углубляем предпринятый опыт, чтоб проследить действие этого... как его некоторые ошибочно называют... яда до конца.

17

Когда кружки уже подняты, из сада приходит Маккавеев. Руки его висят вдоль тела, из кармана торчит смятая газета. Рукав белого праздничного пиджака в пыли. Он остановился и незрячим взглядом смотрит куда-то мимо гостей.

Жабро. А, включайся, еще не поздно.

Они заметили его состояние. Все замолкли, только музыка играет в доме.

Адриан, ты что, упал?.. Что-нибудь с сердцем? Сядь, сядь.

Стрекопытов. Адриан Тимофеевич, очнитесь. Выпейте глоточек!.. Александру Ивановну надо позвать.

Маккавеев *(слабо махнув рукой.)* Нет, не надо. Музыку не надо.

Замешательство. Унус бежит в дом, вытаскивает лампу на длинном шнуре, ставит ее на пол. Музыка прекратилась.

Стрекопытов. Вот... говорил я вам, Адриан Тимофеевич, в аккуратности себя соблюдать.

Жабро. Он весь вечер как опоенный. Все — «неполон, неполон наш сбор». А чем неполон? В четырнадцать рук на жизнь вышел. Ты оглянись: сыновей-то — целое человечество. И сыновьищи какие!

Стрекопытов. И семеро, как в Библии.

Маккавеев стоит безучастно.

Пыляев *(ставя на балюстраду допитую кружку)*. Он деятельный, трудолюбивый, Адриан-то. Даром времени с супругой не терял!

Почти смятение. Стрекопытов закрыл лицо руками. Жабро отвернулся. Маккавеев медленно и страшно движется к Пыляеву, тот пугается его.

Маккавеев. Кто это тут? Голос знакомый, а признать не могу. А, это ты, Матвей! *(И он уходит обратно в сад.)*

Группа гостей, которые возвращаются с купанья, расступается перед ним.

18

Пауза. Гости вопросительно смотрят на Унуса. На что-то решаясь, тот поднимается.

Унус *(глухо)*. Так, мы продолжаем нашу лекцию. Нам предстоит теперь рассмотреть обратный процесс вытрезвления.

Движется к Пыляеву. Тот замечает его слишком поздно, чтоб бежать.

Пыляев. Не трожь меня... не задирай меня, деревянный доктор!

Унус. Тихо, тихо. Ну, дай мне теперь твой нос. *(Почти на ощупь он шарит по лицу Пыляева.)* Ну, не срывай нам лекции. *(Поймал и сжал крепко.)* Внимание. Я произвожу легкое сжатие...

Пыляев. Пусти меня, мне больно.

Унус. И вот сознание просыпается, в стыде и горечи возвращается память, затемнение проходит. Я ускоряю действие. Обратите внимание...

Жабро *(сбоку)*. Как в лещётку взял. У вас исключительная сила в пальцах!

Стрекопытов. Ирод Антонович, у него кровь показалась. Софья Николаевна, Софья Николаевна, скажите ему!..

Ручкина *(пройдя сквозь толпу)*. Что вы делаете?.. Вы его избили?

Унус. О нет, я никогда не бил людей. *(Брезгливо глядя себе на руки.)* Теперь дайте мне платок.

Громыхая голосом, Жабро рассказывает о происшествии Александре Ивановне. Стрекопытов бежит в сад искать жену. Сцена поворачивается. Яблони, яблони без конца. «Дуся, Дусенька, я по тебе соскучился. Откликнись хоть разок!» Но муж уклоняется в глубину сада, а те, кого он искал, оказываются прямо перед рампой. Две яблони у пруда сплелись ветвями. На скамейке под ними Виктор и Дуся.

19

Дуся *(прислушиваясь к воплям мужа)*. О, даже ночью мне чудится этот скрипучий голос.

Виктор. Дайте же мне, гражданка, хоть словечко вставить.

Дуся. Какой вы говорливый, господи!

Виктор. Вы, конечно, сокровище...

Дуся *(скороговоркой)*. О, не надо! Я замужем и люблю мужа. Он такой чуткий. Он даже во сне все слышит. Как собака! В день вашего приезда я даже еще не знала, что именно должно случиться, а он уже начал ревновать. Это просто припадки старости. Кстати, о припадках. Вы обещали мне сеанс. Имейте в виду, я очень легко поддаюсь внушению, в два счета.

Мне один доктор говорил. Он, собственно, не доктор, а агроном, но у него двоюродный брат доктор. Вернее, аптекарь. Лы-ысенький! Он умер, когда я была совсем маленькая, вот такая! *(И двумя сложенными пальчиками коснулась губ оторопевшего Виктора.)* Как же я могла его запомнить? Ну, и я не знаю. Начинайте же, берите мою руку.

Виктор оглянулся на далекий зов Стрекопытова.

Чего он все кричит? Только на мысли наталкивает. Ну, я готова.

Виктор. Смотрите только, это опасно для здоровья.

Дуся. Ничего, от этого не умирают. Наоборот!.. Я уже чувствую кое-что, щекотное такое электричество в коленках... это так и надо?

Виктор. Рано. И не прижимайтесь, у меня пиджак линяет, имейте в виду. Итак, вы чувствуете себя маленькой птичкой. Перышки на вас блестят. И вам хочется...

Дуся. У меня веки закрываются. Это так и надо?

Виктор. Не обрывайте тока!.. И вам хочется, бесценная птичка, полететь домой, выпить чаю с кулебякой, которую испекла Александра Ивановна, а потом храпануть до зорьки, черт возьми!

Дуся *(кладя ему руки на плечи)*. О, я разрешаю вам это только потому, что вы настигли меня врасплох. Этот упояющий аромат, нельзя сидеть!

Виктор. Дуся, я вам этого не внушал. Я рассержусь, Дуся...

Дуся. Скажите, вы альтруист?

Виктор. Н-нет. Я скорее радиоинженер.

Дуся. Ага. Тогда увезите меня куда-нибудь на громадном океанском пароходе. И чтоб трубы дымили, восемь штук, и чтоб никто не знал...

Виктор. Это невозможно. Таких пароходов не бывает!

Дуся. Но вы же сами называли меня сокровищем!

Виктор. Так вы же не давали мне досказать. Я хотел выразить, что вы есть сокровище для холостяков, а я... У меня невеста есть. Даже две. И обе даже стреляли друг в дружку. Ревность!

Дуся. Зачем же вы меня завлекали тогда? А я-то верила, что вы покажете мне людей, и горы, и города. Уйду я от Стрекопытова, все равно уйду. Я замуж выходила — хотела

отомстить одному человеку, который... Словом, я его еще больше, чем вас, ненавижу...

Виктор. И берегите в себе это ценное чувство, берегите!

Дуся. Слушайте, инженер башенный, ну хоть недалеко увезите.

Виктор. Нет. По буквам: Никодим, Елена, Тимофей. Нет!

Дуся. Хорош гусь, нечего сказать. Внушил бог знает что, а теперь на попятный. Боже, опять муж зовет. Бежимте хоть вон до той скамейки!

И снова она его тащит в глубину сада.

20

Стрекопытов. Дуся... что у меня есть для тебя, Дуся! *(Заглядывает везде, обминает каждый куст.)* Виктор Адрианович, она вас заманывает, а вы не поддавайтесь. Молчат, замолкли... Дуся, я уже простил тебя. Я все знаю, Дуся. *(Вспоминая слова Маши.)* «Черномор, где твоя густейшая борода?» Эй, там, вижу, вижу!

Уже издали доносятся его печальные зовы. Потом сюда приходят Маша и Отшельников.

21

Маша. Сядем. Девчонкой я бегала по дну этого пруда. Его при мне копали. Вы молчаливы сегодня, Алексей Дмитриевич.

Отшельников. Бывают часы, когда надо молчать.

Маша. Справедливое, но скучное наблюдение. Сорвите яблоко и дайте мне.

Яблоко скатилось в пруд. Он сорвал другое.

У вас сегодня все падает из рук. Не узнаю Отшельникова.

Отшельников. Я тоже.

Маша. Вы больны?

Отшельников. Больных военных не бывает. Вам это известно.

Маша. Значит, еще одна загадка. Мне непонятно... Вы гнались за мною столько дней... И вот настигли здесь. И никого нет. И луна. И скамья еще теплая от предыдущей пары.

Отшельников. Вам смешно, что я искал этой встречи?

Маша. Тогда изъясняйтесь. Читайте стихи. Скажите, что у меня красивый лоб. И руки хорошие, и затылок. И имя. Кажется, так полагается в подобных случаях. Я читала в довоенных романах.

Отшельников. Да, у вас красивый лоб. И руки ваши теплые, милые. И имя. Если все эти слова доставляют вам радость...

Маша. Ура, сдвинулись. Берите яблоко в награду. Я испортила его, надкусила. Но вишня, например, клеванная воробьями, всегда вкуснее. Так говорят. Берите же, я не Ева. Мне от вас ничего не надо.

Он взял. Молчание.

Мы еще с вами не настолько знакомы, чтоб молчать без передышки.

Отшельников. Вы дороги мне вдвойне. Ведь вы сестра Василья.

Маша. Этим и объясняется ваша привязанность ко мне?

Отшельников. Этим объясняется моя двойная привязанность к вам.

Маша. Ну хорошо, давайте помолчим.

Пауза.

Мне нравится ваша дружба с Васькой. Жалко, что он не приехал. На ваш взгляд, это опасный поход?

Отшельников. Его опасность равна его почетности.

Маша. А если бы поход кончился неудачно и Василий вернулся бы ни с чем... Это, разумеется, невозможно, но все-таки?..

Отшельников. Народ пошлет второго, третьего, пятого. Есть вещи, Маша, которые должны быть выполнены.

Маша. Понятно. И тогда, может статься, этим вторым, третьим, пятым окажетесь вы?

Отшельников. К сожалению, это зависит не от меня. Я только перо в крыле громадной птицы.

Маша. Вы хорошо сказали: перо в крыле громадной нашей птицы. У вас есть что-то общее с Васькой. Не в лице, нет...

Отшельников *(почти сухо)*. Василий был лучше меня. Иначе его не послали бы первым.

Маша. Но почему — был? Вот, опять замолк.

Отшельников *(поднимаясь)*. Случилось большое несчастье, Маша.

Маша. Я не поняла... скажите!

Отшельников. В газетах, я только что получил, напечатано краткое извещение товарищей. Маша, спокойствие... Маша!

Она догадалась, она зажала рот ладонью, чтобы не крикнуть.

Маша. Нет, этого не могло произойти. Я же знаю Ваську! Но какой бы ни был теперь... жив он, по крайней мере?

22

Исайка вышел из сада, он слышит окончание разговора.

Маша. Исайка, милый Исайка...

Отшельников. Надо сообщить старику. И будет лучше, если это сделаете вы.

Маша *(про газету)*. Дайте мне... дайте!

Отшельников. Там, на последней странице.

Маша *(комкая газетный лист, бегло)*. «На боевом посту... милый товарищ... погиб... дело живет...», подписи. Всё. Я пойду. Алеша, побудьте сегодня у нас!

Отшельников. И будет лучше, если вы вызовете его сюда. Не на людях!

Она ушла.

23

Отшельников. Хотите и теперь Васильевой судьбы?

Исайка. Пополам ее поделить хотел бы. Я сяду, Отшельников. Я устал.

Они сидят рядом. Отшельников чертит сучком по песку.

Он даже Мосея не забывал... В письмах всегда для него ласковое слово. Его на все хватало... Слышите?

Отшельников. Армия идет, Исай. Родина готовится к бою.

Исайка. Ну, на этот раз гроза. Воздух-то жесткий на ощупь. *(Весь подаваясь вперед.)* Сережка, Сережка приехал!

24

Отшельников. Сидите, Исай.

Идет навстречу Сергею. Тот в серой гимнастерке танкиста.

Это правильно, что ты собрался. Вовремя.

Сергей. Был уверен, что встречу здесь Алешку. Ну, здравствуй.

Отшельников. Читал?

Сергей. Читал. *(Исайке.)* Не ходи, я подойду к тебе, Исай.

Исайка. Тебя, тебя одного не ждали, Сережа. Сядь со мной. Вижу, вижу, ты весь на лету. *(Касаясь его командирских петлиц.)* Ого, какой у нас Сережка-то! и золото на рукаве.

Сергей. Отец уже знает?

Отшельников. Я послал за ним Машу. Там люди.

Сергей. Да, так умнее. *(Отшельникову.)* Я прочел, знаешь, и растерялся.

Отшельников. Ты же знал, что он в плаванье?

Сергей. Только из заметки. Как все это случилось-то?.. Просчет?

Отшельников. Не думаю, Василий не из таких. Возможно, снесло теченьем. Ну, и пропорол брюхо. Это, разумеется, на лучший конец.

Сергей. Понимаю. К черту ли тогда ваша хваленая гидрография!

Отшельников. Ну, жестким тралом все море не протралишь. Да еще такое море!

Исайка. Готовьтесь, отец идет.

25

Маша *(несколько опередив отца)*. Я ничего не успела ему сказать. Не хватило мужества. А, Сережа!.. Ну, после, после.

Приходят Маккавеев с Анатолием. Старик уже спокоен, газеты в кармане нет. Сергей обнял его за плечи.

Сергей. Здорово, Маккавеев. *(Держа его в объятиях.)* Добрый, теплый. Ну, как политико-моральное состояние?

Маккавеев. Спасибо, я прочный. Надолго к нам?

Сергей. Моя колонна проходит мимо. Вот я и решил заскочить на... *(смотрит под рукав, на часы)* ровно на шесть минут с половиной. Времени вечность, отец.

Маккавеев. Скуповата твоя вечность, Сереженька.

Сергей. После тактических учений я приеду на целую неделю. Пеки пироги! А пока не серчай. Сейчас все военные скупы на время. Вижу, дети здесь? Анатолий!.. Маша, не сердишься, что семь лет назад я отломал нос у твоей куклы? Вот жаль, отец, что Васька-то не приехал, а?

Маккавеев. Ты что это имеешь в виду, Сереженька?

Сергея выручает появление лейтенанта.

26

Лейтенант. Товарищ комбриг.

Сергей *(обернувшись)*. Да.

Лейтенант. Лейтенант ...нов. С пакетом от командира кавдивизии.

Сергей. Да. *(Прочел.)* Так всегда бывает: ускорение причин вызывает ускорение следствий. Ты извини, отец. Видишь, какая быстрая наша жизнь.

Он отошел с лейтенантом, который подал ему карту из своей полевой сумки. Сергей делает отметки, сломался карандаш. Лейтенант подал ему свой из кармана комбинезона.

Спасибо. Передайте начальнику штаба — установить связь с дивизией.

Лейтенант. Приказано передать начальнику штаба — установить связь с дивизией.

Сергей. Исполняйте.

Лейтенант. Есть. *(Ушел.)*

27

Сергей. Вот и опять я с вами, отец. Мать здорова? Черевички я ей на Кавказе отыска-ал... Привезу после отбоя.

Маккавеев. Ты полторы минуты истратил на этот пакет. Тоже в счет идет, Сережа?

Сергей. В счет, Маккавеев! Идем в бой. Эх, хорошо у вас тут, а мы гремим, птиц ваших пугаем. Что делать, Маккавеев,

Полмира хочет кидать в нас бомбы. И каких полмира! А у них еще кровь Абиссинии на руках не высохла!.. Может быть, я бы каналы знаменитые строил, а Алешка, скажем, сонаты писал, а Васька...

Молчание.

(Про Отшельникова.) Маша, ты уже познакомилась с этим пареньком? Наложи на него глаз покрепче. Сколько у тебя отпуска, орел?

Отшельников. С дорогой месяц. Еще много впереди.

Сергей. Тогда все в порядке. Ну — мне сворачиваться. Еще добраться до машины. Рад был слышать твой голос, отец. Скажи мне слово на прощанье, последнее. *(Снял фуражку.)* Маккавеевское!

Маккавеев. Хочу много, но ты спешишь. Хочу, чтобы никто не упрекнул Маккавеева ни в трусости, ни в слабости, ни в лжи.

Сергей. Есть маккавеевское слово. *(Делает прощальный жест.)* Маша, обними братьев. Здоровы? Ты, Анатолий, поучи паренька... *(Про Отшельникова.)* Он у нас тоже к боксу пристрастие имеет. Береги отца, Отшельников. *(Обернулся с полдороги.)* Ой, орлы-ы!

Исайка. А мне-то, Сережа... Ну потом, ладно, иди, иди!

28

Маккавеев *(садясь на скамью)*. Устал от гостей. Да один еще так и не приехал. Война. *(Анатолию, который сзади положил ему руку на плечо.)* Что ты делать станешь, Толенька, если война?

Анатолий *(сурово и твердо)*. Кровь из носу, папаша. Первые лягим, как один.

Маккавеев. Лягим!.. Грамматика у тебя, сынок, плохая. А сады мои кто станет защищать?

Исайка. Папа, не будь несправедлив к Анатолию!

Маккавеев. И пусть они разобьют головы о ваши груди. И пускай «Яблочко» наше громыхнет под воротами ихней столицы. Поют нонче «Яблочко»-то?.. А вот и забыл, как ее зовут, ихнюю столицу. *(Отшельникову.)* Ну-ка, помоложе. Ай тоже память недолга?

Отшельников. Я внимательно слушаю вас, Адриан Тимофеевич.

Маккавеев *(усмехнувшись)*. Нельзя, форму надел?.. Ну, кончен бал. Будни начинаются. Спать пора.

Он уходит, и в ту же минуту вдалеке начинается шествие танков.

29

Маша. Догоните, скажите ему, Алеша. Я вбежала, он что-то матери говорил про Василья. Они обнялись. Я не посмела прервать его.

Анатолий. Что, что случилось?

Отшельников *(беря его за руку)*. Завтра он все узнает сам. Сохраним ночь старику!

Колонна Сергея приблизилась. Грохот усиливается. Все стоят, обратясь лицом на звук. Исайка машет рукой. Луна ушла. Свет из дальнего окна гаснет. Тьма, и в ней раскат грома. Первый суховатый всплеск дождя. В короткое мгновенье молнии видно: Маша подняла руки навстречу ливню раскрытыми ладонями вверх.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Общая комната первого действия. Обед окончен, еще не убрана посуда со стола. Смеркается, и сад стоит мокрый. Дождь. Исайкиной койки уже нет. У стены выстроились в ряд чемоданы братьев. Склонясь с табуретки, Анатолий укладывает вещи в свой. Юрий осматривает полуголого Исайку; рядом горит спиртовка.

1

Юрий. Твердо помнишь, не падал, не ушибался?

Исайка. Нет. Холод-то какой завернул.

Юрий. Ничего, потерпи. *(Анатолию.)* Ну, чего же замолк? Ну, выбегаешь на ринг... а дальше?

Молчание.

Ты что, сломался, что ли?

Анатолий. Вот перчатки почему-то не влезают.

Удивленный его тоном, Юрий поднимается.

Юрий *(Исайке)*. Погоди рубаху надевать.

Он подошел к Анатолию, поднял за подбородок опущенную голову. Тот слабо сопротивляется.

Анатолий. Отца жалко. Ваську жалко. Руку бы дал отрубить по плечо, по сердце, вот тут!

Юрий. Держись, Толя. Чемпион, а совсем как мальчик. И губы дрожат.

Анатолий. Пусти, чего ты меня крутишь! Я тебе не велосипедный руль.

Исайка *(кротко)*. Юра, у меня уже обледенение началось.

2

Юрий возвращается на место. Вошел Виктор. Не снимая мокрого пальто, с запотевшими очками, он молча стоит посреди.

Исайка. Ой!

Юрий. Больно?

Исайка. У тебя руки холодные. Но ты коли, где тебе надо, коли.

Юрий. Это хорошо, если больно. *(Виктору.)* Нашел отца?

Виктор. До самого Мосея доходил, нигде не видно. *(Анатолию, который рвет какие-то бумаги.)* Все укладываешься?

Молчание.

И Пыляев пропал. Куда он мог завалиться?

Юрий. Далеко не уйдет. *(Исайке.)* Теперь согни в колене, попытайся.

Виктор. Коснись, меня за нос бы взяли,— я бы нагишом по снегу убежал. А этот ходит как ни в чем не бывало. Что Алексей-то говорит?

Юрий. Все идет хорошо, Витя.

Анатолий *(вскакивая)*. Где мы живем, где!.. Прохвост обидел отца, и мы молчим. Он ждет кого-то, а ты велишь нам молчать. И мы молчим. Витька, мы молчим! У меня ногти ноют, когда я на него гляжу. Ты старший: сам медлишь и нам не даешь его за грудки взять...

Виктор. Тихо!

Вошел Пыляев с вязанкой дров. Он идет к печке.

3

Юрий. Закройте дверь, если это вас не утомит.

Пыляев *(возвращаясь к двери)*. Виноват.

Виктор. «Здравствуйте» надо говорить, когда входишь в чужой дом.

Александра Ивановна внесла блюдо пирогов.

4

Александра Ивановна. На дорогу вам, пускай простынут. Что, Юра, можно починить человека? Человек-то хороший.

Юрий. Одевайся. В герои годится. Поедет с нами в Москву.

Исайка. Мне тогда собираться надо. Братья, вы подождете меня? Мама, что, не яснеет там?

Александра Ивановна. Грязища, реки по дорогам идут. Как-то вы поедете? Подождали бы, может, разветреет.

Анатолий. Нельзя, мать. У Юрия клиника, у меня матч. Да еще на дороге соревнование начинается. *(Про перчатки.)* Вот черт, только теперь вспомнил: они ж у меня в отдельном свертке были. Постой, что-то мне сидеть высоко.

Он идет к Пыляеву, который затапливает печку, пристроившись рядом на скамеечке.

Будь друг, слазь на минутку. *(Взял его скамейку, унес с собой.)*

Пыляев. Вступись за меня, Александра Ивановна!

Молчание. В печке веселый огонь. Виктор предупредительно распахивает дверь. Входит Маккавеев с корзиной яблок. С них течет, как и с его плаща. Все встали.

5

Александра Ивановна. А мы не знали, что и думать про тебя. Гляди, уж пообедали.

Маккавеев *(про корзину)*. Пускай с нее стечет. Что ж вы все повскакали, я не архиерей.

Анатолий. Сбираемся к отплытию, папаша.

Маккавеев обводит комнату глазами, и, следуя за его взглядом, Юрий тушит спиртовку. Анатолий собирает с пола клочки бумаги.

Это я, папа, насорил.

Александра Ивановна. Ты Машу смотришь? Она промокла, сушится наверху. Сонюшку искала, запропала с утра. И Упуса нигде нету.

Исайка. Виктор, а мы не опоздаем?

Виктор. У нас в запасе два часа сорок минут. Но надо еще прикинуть на плохую дорогу.

Маккавеев. Вот и сору в доме не будет. *(Жене.)* На, расстели мой брезент, чтоб просох.

Пыляев. Ты его к огню, Адриан. Давай сюда.

Замолкает от пристального маккавеевского взгляда.

Я пройдусь, тебе с сыновьями проститься надо.

Маккавеев. Пройдись, ступай пройдись.

Пыляев уходит.

6

Маккавеев. Стемнело нынче быстро. *(Включает свет.)* Ну, развязывайте ваши сундуки. Саша, полотенце дай, мокрые. *(И вот, стоя на коленях, он укладывает яблоки в чемоданы сыновей.)* Придвинь корзину, Толя. Прояви силу.

Александра Ивановна. Для пирогов-то место оставь, не жадничай. Да куда ж ты яблоки-то, прямо на чистое белье!

Маккавеев. Сюда хватит, вяжи его. Следующий. Мешок приготовила бы, если не влезут.

Юрий *(вполголоса)*. Виктор, помоги отцу.

Виктор. Чего ж ты гнешься перед нами, отец? Давай я!

Маккавеев уступает место. В молчании все работают. Между делом Виктор выдернул ленту из кинамки.

(Анатолию.) Возьми картину подвигов твоих и не задирай рога перед миром, чемпион.

Анатолий уходит в сторону, на ходу разматывая ленту.

Маккавеев. Под книги-то подсунь. За пустое место тоже платить.

Виктор. Ремешок лопнет, папаш. Вынуть бы, куда их столько.

Александра Ивановна. Пожуешь на своей башне, лишний раз вспомнишь старика.

Маккавеев. Затягивай, затягивай. Остатки на базаре продашь. Ну, лошади заказаны.

Виктор. Отец, мы тебе хотели сообщить одно известие...

Маккавеев *(раскинув руки)*. Ну, пронзи меня еще раз!

Александра Ивановна. Он уже все знает, мальчики.

Маккавеев ушел к двери, смотрит через стекла.

Маккавеев. Что на свете-то деется. Дождь идет!.. Колесо по ступицу уходит. *(Обернулся.)* Ну, дайте я обниму вас напоследок, Маккавеевы.

Исайка. Анатолий!.. А то опоздаем.

Анатолий *(Виктору)*. Зря я за тобой ухаживал. Ничего на этой ленте, кроме дырочек, и нету.

Виктор. Помолчи.

Маккавеев. Полетал, пора и заземляться... Мне уж, грешным делом, и подремать порой охота. Ничего, родина мне простит.

Юрий. В будущем году пораньше приедем, весною.

Маккавеев. На том-то свете, сказано, ни тревог, ни печалей. А я любил мои тревоги... одолевать и ломать их обожал. *(Глядит себе на руки.)* Какие! Темные руки-то. В жилах.

Виктор. Что ж, ты закопал их в землю, и вырос сад. Неплохо, отец.

Маккавеев. Мне хорошо, я сыт.

Александра Ивановна. Поцелуй их, Адриан, сынов своих! Какой-то еще будет ближний год. Может, и полезут!

Маккавеев. Что ты меня все войной пугаешь? Эти руки могут еще доставлять неприятность кое-кому. *(Юрию.)* Ну, лечи там своих малахоликов. *(Виктору.)* А ты строй. Людишки стоят, чтоб поработать для них в полную силу. *(Анатолию.)* Вот, опять смеется! Мотри, битого и на порог не пущу.

Исайка. Папа, я тоже еду, в починку.

Маккавеев *(целуя его одного)*. И ты, слабый мой, меньший мой. Мать, а волосы-то у него мя-ягкие, мои.

Юрий. Ну, время, Исай. Собирай свой багаж.

Александра Ивановна. У него и багаж-то — бельишко да Васькина дрель. Витя, проводи Исая!

Братья уходят наверх. Виктор отводит Исая к каморке под лестницей.

Исайка *(через всю комнату)*. Папа!

Маккавеев. Чего тебе, ходок?

Исайка. Как же ты один-то здесь станешь?

Маккавеев *(басом)*. Буду на гитаре играть.

Александра Ивановна. Маша у нас остается, Алеша Отшельников побудет. Одевайся, иди!

7

Маккавеев. Обедать не накрывай, не стану. Кинь мне Исайкин тулупчик. *(И, как в шутку когда-то, он закутывает себе ноги.)* Ну, что Матвей?.. нагляделась? Ты думала, он тебе в кармане молодость обратно принесет? Стыдно тебе?

Александра Ивановна. Горя не стыдятся. Его прячут.

Маккавеев. Позови его ко мне.

Александра Ивановна *(за дверь)*. Матвей, иди. Зовет... Мне уйти или остаться?

Маккавеев. Поставь ему графинчик напоследок и уходи.

Александра Ивановна ставит на стол последнюю трапезу Пыляева.

Вот и ладно. Закрой дверь поплотнее.

Она ушла. Из сада пришел Пыляев. Он трет руки.

8

Пыляев. Ветер поднялся, глаза текут.

Маккавеев молчит.

Плакал я нынче, Адриан. Пришел черед и Пылаеву.

Маккавеев. Это плохо. От этого глаза вянут. С чего же ты так?

Пыляев. Подвел итоги.

Маккавеев. А это хорошо. Налей себе, погрейся. Что все на дверь оглядываешься?

Пыляев. Ливень. Плохо, кого в поле застало. *(Наливает.)* Ишь рука-то пляшет, как подстреленная. Не серчай на меня, Адриан. Ты — как гора, а гору чем обидишь? У тебя *(широкий жест)* эвона, а у меня только палка, да и та из чужого плетня. Отгромыхал Пылаев, и ни следа позади, как за мертвецом на воде. Как это вчера читали? Вот, затмилось. Стрекоза одна все прыгала, все резвилась, а на поверку... Горько сказать: ведь я даже горю твоему вчера позавидовал. Ничего, что я так длинно?

Маккавеев. Говори, говори! Как кончишь, так и выгоню.

Пыляев. И вот все я отбыл: любовь, славу, бегство. Мне только пятьдесят, а уж руки коченеют по утрам. Пора на гроб доски воровать. А ведь было, было, Адриан! Как добивали скоропадчину, не другого, а меня послали к немцам в тыл, на секретную работу...

Маккавеев. И целую неделю ты вел эту секретную работу у меня на дому.

Пыляев. Ну, значит, все тебе известно. *(В открытую.)* Выпьем тогда за солдатских жен, Маккавеев!

Исайка, уже одетый, вышел из своей каморки.

9

Исайка. Не пей с ним, папа. А вам пора уходить, Пыляев. Уж вечер.

Пыляев *(догадываясь о чем-то и потому медля с уходом)*. Да, я пойду. Кажется, и ливень перестал. Ну, спасибо за хлеб, Адриан. Старых калош у тебя не найдется? *(Надел пальто, взял палку из угла.)*

Исайка. Теперь можно и без калош. Торопитесь. Вас человек ждет у калитки.

Пыляев. Чушь, я один. Во всем мире один... Кто?

Исайка. Которого вы ждали здесь два дня. Он пришел.

Пыляева пугает чернота раскрытой двери.

Пыляев. Я, пожалуй, задним ходом пройду.

Ему навстречу вышла Александра Ивановна.

Александра Ивановна. Той дорогой тебе ближе будет, Матвей.

Пыляев. Лужи там... натекло.

Отшельников *(появляясь с террасы)*. Теперь уж не бойся насморка, Пыляев!

Внезапно Пыляев ударяет палкой по лампе. Свет тухнет. Падение тела и звон стекла. Слабое мерцание угольного тлена из печки пересекается мельканием проходящих ног,— люди, которые пришли с Отшельниковым. В темноте происходит кратковременная схватка. Несколько реплик, и все тихо. Чирканье спички.

Отшельников. У меня спички отсырели. Александра Ивановна, есть у вас спички?

Александра Ивановна. Я в соседней комнате свет зажгу.

10

Квадратный сноп света падает из соседней комнаты. Видно, что, кроме Маккавеева, все переменили свои места. Скатерть на полу, стулья опрокинуты. Пыляева уже нет. Исайка сидит на полу.

Александра Ивановна. Он ранил тебя, Исай?

Исайка. Нет. Я, когда бросил ему костыли под ноги, тоже равновесие потерял. Мама, все в порядке. Это нам только приснилось, мама. Помоги подняться.

Александра Ивановна. Ты дойдешь один?

Отшельников зажег свечу, подбирает вещи с полу.

Я вернусь, приберу потом. Спасибо вам, Алеша, за все!

Отшельников. Я делал только то, что сделал бы на моем месте и Василий.

Александра Ивановна *(уходя)*. Дети наверху. Подымитесь к ним.

Отшельников. Потом. *(Выглянув в раскрытую дверь.)* Ну, увезли Пыляева!

11

Отшельников. Теперь здравствуйте, Адриан Тимофеевич. Погода отличная для сада.

Маккавеев. Чисто ты работаешь в жизни, Алексей. Я как-то сразу и не понял.

Отшельников *(прикрывая дверь)*. Знаете теперь, зачем он приходил сюда?

Маккавеев *(шепотом)*. У него сын здесь, Исай. Все мы ищем опоры в старости.

Отшельников. Не угадали, Адриан Тимофеевич.

Маккавеев. Ты думаешь, он за Сашей притащился?

Отшельников. Проще, в жизни всегда проще. Однажды этот человек испугался смерти и продал себя за жизнь. Понятно? Вас здесь любят, верят вам. Вот он у вас и ждал хозяина своего... оттуда. И дождался.

Маккавеев. Мы простые люди, живем с открытым сердцем. А сын, а Саша, а ненависть его, Алеша? Чувству-то где-нибудь найдется местечко на этой свалке бесчестия и низости?

Отшельников. У них — все игра и маска, а в глубине злоба и расчет. Хватит о них. Их много, нас больше. Спички вот отсырели. *(Идет к печке закурить. С угольком в пальцах.)* Их много, нас больше. Это Васька сказал перед отъездом. Он брился, когда я книги ему занес. Потом встал, и почему-то в тот раз он мне показался громадного роста.

Маккавеев. Он у меня роста хорошего. Грудища-то, помнишь?

Отшельников. В Сочи, помнится, мы с ним возились на песке. Он клал меня на второй минуте.

Маккавеев. Как же он, Алеша... врукопашную с водой-то? Этак и Васьки не хватит: с океаном врукопашную. Дела-то своего он так и не выполнил?

Отшельников. Об этом позаботятся. Василий не один у нас на флоте.

12

Маша *(с лестницы)*. Я слышала ваш голос, Алексей. Что у вас темно?

Отшельников. Лампочка упала и разбилась. Я ввернну потом новую. Идите, совет сыновей заседает перед отъездом, вас зовут.

Маккавеев. Завтра доскажешь. Ежедень давай мне его помаленьку. Ступай к ней, ступай!

Отшельников ушел.

13

Маккавеев недвижен. Порыв ветра распахивает дверь. Листья с террасы скользят по полу. Вихрятся бумаги, колеблется пламя свечи.

Маккавеев *(один)*. Ну, войди, ближе, ближе... Васька. Дай мне твою минутку. Какой ты новенький весь, хороший. Лицо твое поцарапанное, мокрая рука. Э, все торопишься... ветер!

14

Порыв слабеет. Сверху спускается шествие сыновей. Они одеты подорожному. Отшельников и Маша позади. Александра Ивановна приходит в самом конце явления.

Юрий. Ты задремал, отец?

Виктор. Вертай, вертай назад. Он в саду возился, озяб.

Исайка. Он спит. Адриан всегда сидя спит.

Юрий. Я пойду прикрою дверь.

Маша. На, вверни лампочку кстати.

Юрий спускается, ввинчивает лампу, взглянул в лицо отца.

Юрий. Научная медицина, отец, рекомендует закрывать глаза во время сна. Давай сюда, ребята!

Анатолий *(Исайке)*. Садись на меня, паяльщик.

Виктор. Кто станет говорить?

Юрий. Я. Становись, отъезжающие.

Маша *(Отшельникову)*. Становитесь и вы в ряд, седьмой сын!

Отшельников. Речь идет об отъезжающих, а я остаюсь, Воробей.

Юрий. Срочное сообщение, отец. В вечернем заседании совет сыновей постановил выразить тебе благодарность за гостеприимство. Туш!

Они изображают туш.

Виктор. Нет у тебя, братец, этого самого, информационного таланта. Пусти меня! *(Подражая шипящему голосу радиодиктора.)* И кроме того запятая если не встретится возражения запятая просить о разрешении остаться еще на три дня. Все, точка, точка.

Маккавеев. Мальчики мои!

Юрий. Теперь осторожно отнесем его в постель. Он еще недоболел.

Исайка. Больные должны лежать. Напротив, здоровые должны ходить.

Анатолий. Папаш, не сопротивляйся. Дай сюда ножку.

Маккавеев *(легко обороняясь от протянутых к нему рук)*. Спохватились, нашли лекаря себе болванку. Разве можно на одном человеке все порошки, какие есть, испытывать? Душу надо иметь! *(Жене.)* Саша, что ж ты меня не покормишь? Сижу час, сижу два, намекаю...

Александра Ивановна. Пойдем, я там тебе соберу. Какой подарок вы ему сделали, мальчики!

Маккавеев. Погодите веселиться, я еще резолюцию не наложил. Сейчас совет родителей обсудит ваше постановленье.

Они ушли.

15

Стрекопытов *(войдя)*. Отъезжающим второй звонок. Везет молодым: погодка проясняется, и звезды видать.

Маша. А Дусю где вы потеряли?

Дуся *(врываясь в дверь, которую Стрекопытов прижимал телом)*. Я тут, тут.

Стрекопытов. Дусенька, люди торопятся. Надо, Дусенька, приличия соблюдать. Лошади поданы. Ну, боритесь там за нашу славу!

Дуся *(вручая мужу сверток)*. Не урони... Виктор, я все простила. Так боялась, что не застану вас. Слышали? Мир полон событий. Сонюшка с Иродом поженились. Виктор, вы не передумали?

Виктор. У меня слово твердое.

Стрекопытов. Не заманывай, не заманывай... все равно уж!

Дуся. Тогда вы будете мне писать, каждый раз не меньше четырех страниц и мелким почерком. Лучше на Александру Ивановну, а то лиса перехватит. *(Мужу про сверток.)* Платон, дай сюда. Это варенье. Будете ехать в вагоне и кушать. Китайские яблочки, малюсенькие, вот такие! *(И двумя сложенными пальчиками коснулась губ Виктора, прижатого в угол.)* Ложечка завернута в записку, внутри. Записку прочтете на ночь.

Стрекопытов. Так жалеем, так жалеем, опять останемся одни. Представьте на минуточку, такая вещь: дремучий лес, и вдруг луч солнца!

Анатолий. Могу тебя порадовать, певучий старик. Данный луч солнца остается у вас еще на три дня!

Дуся хлопает в ладоши. Стрекопытов роняет варенье.

Дуся. Разиня, ты сердце мое уронил. Не огорчайтесь, Виктор, я сварю другое.

Стрекопытов. А я-то им сенца свежего в подводу положил.

Юрий. Внимание! Молодая пара идет.

16

Унус и Ручкина под одним зонтиком, разряженные, промокшие, торжественные. Букет обвядших цветов. Все аплодируют.

Ручкина. Товарищи, не надо, не надо... я убегу.

Маша. Мы еще утром догадались. Уехала! А куда уехала?.. и не одна? Браво, Сонюшка!

Ручкина. Перестаньте, Воробей. Глядите, на кого мы похожи.

Унус почтительно подхватывает падающие из ее рук вещи: букет, перчатки, пальто.

Дуся *(повисая на шее подруги)*. Прощаю, все прощаю. И что скрывала, и платье новое не показала мне... все! Сонюшка, у вас будут дети. И, по глазам вижу, много. Но, ради бога, не увлекайся, береги линии!

Ручкина. О таких вещах вслух... Дуся! Надо же такт иметь.

Дуся. Ты хочешь сказать, что я бестактная?

Ручкина. Да скажите же им что-нибудь, Ирод!

Унус. Мы... мы постараемся оправдать доверие друзей.

Ручкина *(входящему Маккавееву)*. Поддержите, Адриан Тимофеевич: со стыда горим!

17

Маккавеев. Занимаетесь разными пустяками, а... *(Стрекопытову.)* Яблоки бойцам на учения отправили?

Стрекопытов. Завтра утром отправляем, Адриан Тимофеевич.

Маккавеев. Вот, вот, карусель... Опять он у меня, Платон... снисхождение...

Голоса всех. Александра Ивановна, Александра Ивановна... Мама! Скорее, требуется срочный перевод!

Александра Ивановна. Перестань уж, в такой день. Садитесь, в этом доме нынче поят чаем. Витя, самоварчик с кухни!

Виктор ушел, все рассаживаются за столом.

18

Юрий. Интересно, чья ж теперь следующая свадьба?

Маша. Брось свои шуточки, Юрий. Скучно.

Анатолий. Поскольку я остаюсь, а к матчу мне готовиться не с кем... Может быть, ты со мною... Алексей?

Отшельников. Я к твоим услугам, Анатолий.

19

Виктор с самоваром.

Александра Ивановна *(Ручкиной)*. Как же вы надумали-то? Столько лет тянули, и вдруг на, в одно утро.

Ручкина. Это ужасно... но он меня украл.

Дуся. Господи, как людям везет. Ну, расскажи скорее!

Ручкина. Ирод, скажите им, как вам это в голову пришло.

Голоса всех. Внимание!.. Просим... Рассказывайте ваши секреты!

Унус. Если начинать последовательно, то мысль об этом содержалась во мне уже давно. Но в позапрошлом году на совещании в районе я слушал доклад старшего агронома.

Маккавеев. Это Афанасия, что ли? Вот балда!

Унус. Да, это ужасно смешно. Вы помните, как он поставил раздел о гибридизации плодовых деревьев? Я еще сказал ему тогда: я прошу вашего великодушного извинения... не считайте, что я хочу оскорбить вас, но до некоторой степени я имею смелость считать вас чудаком. И напомнил ему,— ха-ха,— как много лет назад, когда почтенный Шредер скрещивал свою крупноплодную китайку, пирус прунифолиа, с обычными садовыми сортами...

Стрекопытов. Вы не в те ворота попали, Ирод Антонович!

Все смеются.

Унус. Что вы имеете в виду сказать?

Дуся *(мужу)*. Вот перебиваешь, а сам всегда молчишь, такая вещь. Ну скажи и ты что-нибудь выдающееся!

Ручкина *(Унусу)*. Сядьте уж, оратор здешних мест.

Александра Ивановна *(жестом призывает всех к молчанию)*. Кого вам надо?

20

Это деревенский п и с ь м о н о с е ц. Каплет вода с его бедного клеенчатого плаща. Он долго ищет в сумке.

П и с ь м о н о с е ц. Телеграмма-молонья. Тут она, в подкладке забилась. Ходил-ходил, мгла така стоит, прямо зимуха!

О т ш е л ь н и к о в *(покидая стол)*. Простите, друзья. Это, наверно, мне.

П и с ь м о н о с е ц. Эва, подмокла моя молонья-то. Не вижу на свету, как сова. Постой, вот: Отшельников Алексей.

О т ш е л ь н и к о в. Давайте. *(Расписываясь в получении.)* Чего же вы смеетесь, товарищ?

П и с ь м о н о с е ц *(улыбаясь восхищенно)*. А как же, куда ни приду, везде Алексеи. И сам я тоже Алексей.

О т ш е л ь н и к о в *(протягивая ему папиросы)*. Ну, закуривай тогда, если Алексей.

П и с ь м о н о с е ц. Мы уж свово. Не щипает поди твой табак. Читай, может, я тебе плохого привез. Чего в этой сумке не бывает!

О т ш е л ь н и к о в *(прочел и весь прямеет при этом. В чем-то это уже совсем другой человек)*. Нет, на этот раз хорошее. Маша, найдется у вас расписание поездов?

Все выходят из-за стола. Маша роется в конторке, второпях выкидывая какие-то бумаги.

А л е к с а н д р а И в а н о в н а. У вас же отпуск, Алешенька.

О т ш е л ь н и к о в. Видите, какой я: не могут без меня. Маша, поторопитесь. *(Письмоносцу.)* Не заметили, лошади еще тут?

С т р е к о п ы т о в. Про лошадей-то я и позабыл, такая вещь.

П и с ь м о н о с е ц *(заклеивая цигарку)*. Фырчат там. Не видать, кто фырчит. Гражданы фырчать не станут.

Маша подала наконец расписание.

О т ш е л ь н и к о в. Где тут ваша ветка? Так, двадцать два сорок! *(Справился с часами.)* Маловато. А если не попаду? Час тридцать две. Нет, уж лучше буду спешить. *(Одевается.)*

Александра Ивановна. Чай-то допейте, Алешенька.

Отшельников. Вы его не убирайте. В следующий раз допью. Вот подгребу к вам на будущий год.

Ручкина. Положите пирожков в карман, пожуете в дороге. *(Кстати она протянула блюдо и письмоносцу.)* Угощайся, дедушка!

Письмоносец *(подбирая кончиками пальцев четыре)*. Для деток!.. О прошлый месяц в одночасье и внук и сын у меня родились. Во какой я дедушка!

Отшельников. Ну, спасибо хозяевам за ласку. Постараюсь заслужить.

Маккавеев. Значит, по Васькиному следу, Алеша?

Маккавеев взял его голову в руки, и, пока смотрит ему в глаза, Юрий успевает сказать сестре.

Юрий. Не грызи ногтей, девчонка.

Маккавеев *(отпуская Отшельникова, про глаза)*. Веселые.

Отшельников. Общий привет всем — инженерам, садовникам, врачам... *(Анатолию.)* Не забывайте о нижней защите пресса. Маша!

Маша *(сдержанно)*. Я провожу вас до подводы.

Исайка *(Отшельникову)*. Встретимся еще в мире-то, Алексей!

Отшельников уходит. Маша бежит за ним, схватив тарелку и роняя яблоки по дороге.

21

Александра Ивановна. Воробей, накинь что-нибудь на плечи-то. Простынешь, Маша!

Ручкина. Не трогайте уж вы ее теперь.

Она прикрывает дверь и сама становится как бы на страже.

Стрекопытов. Вот и всё. Будто ничего и не было. Такая вещь.

Д у с я *(тихо)*. Как она любить его будет, когда он вернется. Какое солнце будет ей светить в эту ночь...

У н у с *(у окна)*. По-видимому, луна восходит.

22

Неслышно входит М а ш а. Туфли ее в грязи, волосы мокры, кофточка прилипла к плечам. Раскинув руки, держась за рамку двери, она стоит с закрытыми глазами.

М а ш а. Тума-ан какой!.. Что же вы все замолкли? Я хочу, чтоб было весело сегодня. Мой день, мой день. Мальчики... где же ваша музыка, мальчики?!

1936—1938

ВОЛК

(БЕГСТВО САНДУКОВА)

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рощин Григорий Иванович — ответственный работник.
Аграфена — его мать.
Настя — его дочь.
Ксения — его жена.
Лаврентий Сандуков — отец Ксении.
Лука Сандуков — ее брат.
Елена — ее подруга, живет в доме Рощиных.
Остаев Андрей Павлович — жених Насти.
Дарья Никитишна — его мать.
Фома Кукуев — его дядя.
Магдалинин Василий Самсонович — юрисконсульт у Рощина.
Три Настиных подруги и один молодой человек.

Действие происходит на периферии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Столовая в квартире у Рощина, обставленная замысловатой мебелью из распределителя. Буфет с дверцами гнутого стекла, кресла с резными спинками в виде гирлянд из крылышек и херувимских головок,— часть уже в чехлах. На круглом столе расписная ваза местной продукции. На стене мазня в раме, изображающая не то пожар в лесу, не то лесной закат зимою. У дивана в углу детская игрушечная колясочка. В окнах сквозь тюлевые занавески — всё крыши вперемежку с зеленью, крыши да чердаки. Направо — дверь в прихожую, прямо — стеклянная, за которой анфилада опрятных, просторных комнат.

Стоя на коленях и с ножницами, Елена кроит чехол на очередное кресло.

С полотенцем на плече, без френча и с бритвой выходит Рощин.

1

Рощин. Йод у нас в доме есть?

Елена. Ой, да глубоко как! Надо одеколоном промыть.

Она ищет везде склянку с одеколоном.

Рощин. Все чехлы шьешь?

Елена. Ксения приказала. Ангелочки, вишь, ей не понравились.

Рощин. Такие, как ты, у меня с районом справляются, а ты — чехлы. Курсы кончишь, я тебя на место устрою. Правь, пей жизнь крупными глотками.

Елена молча промывает ранку.

Ну, хватит, хватит. Чего глаза прячешь, плакала?

Елена. Куда же вы с бритвой-то, Григорий Иванович?

Рощин. В глаза тебе хотел заглянуть.

Аграфена, мать, приносит на буфет мытую посуду.

Отдохнули бы вы, Еленочка. Ночь — за книгой, днем — шитье...

Аграфена ушла.

Елена. Ну, от ее глаз не спрячешься. Матери до дна морского видят. *(Нечаянно.)* Господи, как воры, как воры мы с тобою... Кто я, кто я в этом доме!

Рощин. Ты меня совсем разлюбила. Уж месяц не была.

Елена *(отступая)*. Григорий Иванович, полон дом людей. Настя вернулась, у вас человек в кабинете сидит... *(Она снова принимается за чехлы.)*

Рощин. Все Луку ждешь. А что твой Лука? Туман, искатель, выдумщик.

Застегивая портфель и со шляпой выходит Остаев.

2

Остаев. Я пробовал написать, Григорий Иванович, но у меня не выходит. Я вам завтра принесу.

Рощин. Что, заявление об уходе? Согласен. *(Очень сухо)*. Вчера, на подкомиссии, вы имели дерзость заявить, что нашей молодежи полезнее проводить время на футбольном поле, чем на этих прокуренных заседаниях. Вы что, футболист?

Остаев. Я врач. И я сказал не совсем так, но... Вы находите мою мысль неправильной?

Рощин. Для футболиста — правильная. Зачем вы ко всему придираетесь? *(Примирительно.)* Но в институте, надеюсь, вы остаетесь?

Остаев. Я ухожу только с референтуры.

Пауза.

Кстати, это вам Магдалинин на меня донес?

Рощин *(гневно)*. Человек ученый, вы должны выбирать выражения.

Остаев. Я потому и стараюсь выражаться точнее.

Рощин. Я знаю Магдалинина девять лет, вас — полгода. И мы уже ссоримся.

О с т а е в. Предпочитаете тихих?

Р о щ и н. Вы... вы у меня...

Е л е н а *(спокойно и твердо)*. Собирались уезжать, Григорий Иванович... Не опоздаете?

Р о щ и н. Заявление ваше заранее принимаю. *(Снова смягчаясь.)* Я сейчас еду. Могу вас подкинуть.

О с т а е в. Спасибо, мне в другую сторону.

Остаев кланяется и уходит. А г р а ф е н а сторонится в дверях.

3

Р о щ и н. Вот, черт, какой упорный: не согнешь. И кричит, кричит к тому же!

А г р а ф е н а. Это ты, Гриша, на него кричал.

Р о щ и н. Письмо я неприятное получил. Позовите, когда машина придет.

Он ушел.

4

А г р а ф е н а. Не гостит у нас радость в дому. Сам в работе до ночи. Ты все молчишь. Ксения... В колхозе поди уж коров подоили, а она еще не обедамши. Щи выкипели, а я все дрова подкладаю да подкладаю.

Е л е н а *(держа булавки во рту)*. У нее, бабушка, генеральная репетиция сегодня.

А г р а ф е н а. Как, как ты сказала?

Пауза.

Опять молчишь, а ночью плакала. На кухню воду бегала пить.

Е л е н а. Мне Лука плохо приснился, бабушка.

А г р а ф е н а *(присаживаясь возле, с видом разгадчика снов)*. А как, а? Ну-кась!

Елена молчит, занятая делом. Н а с т я вошла и стала у двери с цветами в опущенной руке.

И поговорить-то мне не с кем. Ходишь-ходишь, до чумоты! Ведь до чего намедни дошла: с рукомойником заговорила. И внучка тоже. Другая бы утешила бабку...

5

Настя. Не ворчи, бабушка. *(Про цветы.)* Нá тебе веник, нюхай. И дай мне черного хлебца со смородиновым вареньем.

Аграфена *(намазывая варенье на хлеб)*. Даве вахтер зовет: «Гляньте, говорит, обожаемая старушка, как ваша внучка вверх тормашками загибается!» Каково старухе-то слушать!.. Летала?

Настя. Ну, летала. Ой, Еленочка, что было! Ветром меня на луг понесло. Чуть птицу свою не поломала. Одува-анчиков!.. Вот кстати и нарвала.

Она ест. Усевшись напротив, Аграфена касается ее колена.

Аграфена. В деревне у нас, я еще Гришкой ходила, заладила одна молодка этак-то лятать. Другие хороводы водят либо с мужьями спят, а она лятает, оглашенная, да лятает. Тут ее мужики в колья и взяли. А бабочка-то ровная, гладкая, вот вроде Ленки.

Настя. Так ведь она на помеле летала, а я на планере. На помеле и теперь не разрешается.

Аграфена обиженно отошла.

Остаев у отца сидит?

Елена. Ушел давно.

Настя. Что ж молчишь?.. Ну, как они?

Елена. Поругались.

Настя. Вот, всегда он так. Пришел о свадьбе говорить, а получилось наоборот. Что делать-то теперь?

Аграфена. А то — как Гришку я в ремесленное училище определила — жила я, вдовая-то, у адвоката одного, в кухарках. Краса-авец, сукин сын, бородка махром. Швейку одну, я с ее сестрой водилась, с первого взгляда и обольстил. Так она, несчастная, с шестого этáжа и рухнись!

Настя. Никак, ты это про меня, бабушка?

Аграфена. Я на то упираю, что долетаешься.

Настя. А я повторяю: на планере не опасно. На самолете — другое дело. Там — мотор, крылья, бензин.

Аграфена. К тому и веду, что не в бензине дело, а в высоте.

Настя. Бабушка, ну дай же мне с Еленочкой поговорить!

Аграфена. И чего я к вам из колхоза приехала! Месяца не доживу, уеду. Рукомойник, где ты, батюшка? *(Тоненько, отвечая самой себе.)* Кап-кап-кап. Иду, иду, касатик, иду! *(Ушла на кухню.)*

6

Настя. Хорошая старуха!.. Хочет на свадьбе моей плясать. А твоя когда, Еленочка?

Елена молчит.

Пишет тебе Лука?

Елена. С полюса-то? Почтовый ящик, говорят, некуда там приколотить. Только телеграммы с оказией шлет: «Жди меня да жди». Я и жду, дура.

Настя. Значит, любишь, если ждешь.

Елена. На три года с меня обещанье взял: ждать. Два дня еще мне любить его осталось.

Настя. А что же через два-то дня?

Елена. О, не печалься. Далеко не уеду. Где-нибудь рядком поселюсь.

Пауза.

Настя. Люблю на руки твои глядеть. Всё умеют. И тела у тебя много, и оно хорошее. Ему бы рожать, по борозде ходить после дождя, чтобы след на земле оставался.

Елена. Хвали меня, хвали. Я люблю, когда меня хвалят.

Настя. Я в тебе то хвалю, чего в самой нету.

Елена *(лаская ее)*. Ты умница, только заметалась зря. Летаешь, а науку забросила. В летчики собралась?

Настя. Не знаю. Летчику хорошо. Лица его там никто не видит — красивый он или нет, — а только дерзость их, волю, выдержку. Я и твоей выдержке удивляюсь. Тебя Ксения каждый день норовит обидеть, а ты... И только солнышко на поверхности играет.

Елена. Мы девчонками вместе росли. Приютила меня. Я спокойная.

Настя. Лука, говорят, за спокойствие в тебя и влюбился.

Елена. У самого-то нет спокоя, оттого. На заводе работал — разонравилось, ушел. На железной дороге устроился — повздорил, году не высидел. Теперь на зимовку фанта-

зия приспичила. Любовь, говорит, временем надо проверять. Скачет-скачет!..

Гудок под окном. Елена кидается к окну, потом стоит с закрытыми глазами и держась за сердце.

Ксения вернулась... *(И уже совсем спокойно, приоткрыв дверь.)* Григорий Иванович, машина за вами пришла.

Настя. Чего же ты напугалась, Еленочка?

Елена. Это еще с ночи у меня. Ветер-то! Ночью, думала, и дом завалит. *(Тихо.)* Весна...

7

Быстро вошла Ксения, за нею Аграфена, которой та на ходу отдает вещи: перчатки, шляпу, пальто.

Ксения. Приедет Магдалинин с покупками, задержите. Чаем напоить. *(У зеркала.)* Боже, как лицо от грима горит... Еленочка, мне ванну горячую. Побыстрей!

Аграфена. Дрова-то у нас, Ксюша, на исходе.

Ксения. Позвоните, не поленитесь, вам рощу приволокут. *(Елене про чехлы.)* Очень мило получается. Потом обошьешь красной тесемкой по канту. Ужасная мебель, поповская. Чего улыбаетесь, бабушка?

Аграфена. Ни еда, ни добро, ништо в прок тебе не идет.

Елена *(сдержанно)*. Видно, по табуреткам соскучилась.

Ксения. Умерь свой блеск, Елена. *(Насте.)* Как жила?

Настя. Спасибо.

Ксения *(тронув ее за подбородок)*. Бледненькая.

Настя *(резко отпихивая ее руку)*. Не трогай меня, Ксения, за лицо. Не хочу.

Ксения. ...и нос блестит. Отчего он блестит? Есть у тебя пудреница? Напомни, я тебе подарю.

Она уже уходит, когда, одетый в дорогу, появляется Рощин.

8

Ксения. В семь я звонила, тебя еще не было. Опять едешь на всю ночь?

Рощин. Да, надо слетать в район.

Ксения. Завтра на дачу едешь?

Р о щ и н. Неизвестно.

К с е н и я. Браво, строим прочную советскую семью. *(Смеется и так же неожиданно умолкает.)* Послезавтра тебе надо быть на премьере. Они тебе речи заготовили.

Р о щ и н. У меня сев, Ксения. Не выполняем планов. Овсы запоздали в трех районах.

К с е н и я. Планы, планы... Все толкуют о планах! По плану тебе обещали новую машину к осени. Уж май, а корыто все то же.

Все осудительно молчат, она оборвалась в смущении. Потом заметила детскую колясочку. Слишком поздно Аграфена пытается унести ее.

Кто ее вытащил сюда? Я же всех просила не ходить в детскую.

А г р а ф е н а *(виновато)*. Девочка вахтёрова, хроменькая, пошту приносила. Я и дала ей поиграть,— попусту добро пылится.

К с е н и я. Можно вас просить, Аграфена Петровна, не вмешиваться в мою личную жизнь?

Р о щ и н. Садись уж, пообедай. Добрей станешь.

Ксения уходит. Аграфена понуро плетется вслед.

А г р а ф е н а. Как-кап-кап!

9

Р о щ и н. Чего смотришь, дочка? *(Кивая на дверь, куда ушла Ксения.)* Понравился тебе спектакль?

Н а с т я. Ты поезжай, поезжай, опоздаешь.

Задетый ее улыбкой, Рощин кинул фуражку на стул, медленно идет к дочери.

Р о щ и н. С игрою дочка, узнаю. Ну, здравствуй, Настасья Григорьевна!

Н а с т я *(шутливо)*. Здравствуй, Григорий Иванович!

Р о щ и н *(про царапину на щеке)*. Где это ты напоролась?.. Планер?

Н а с т я. О, спохватился,— уж зажило.

Рощин. А я все мотаюсь. Овес, кирпич, лен, вагоны... Людей нету, Настасья, подрастай!

Настя. Ну, в такой-то стране? Шу-тишь, Григорий Иваныч. Мало по улицам ходишь.

Рощин. Вострая, узнаю. Как у тебя на научном фронте? Сколько семью семь будет? То-то... *(Посмотрев на часы.)* Ну, рад, что у тебя все в порядке.

Настя. Раз ты думаешь так, значит, все в порядке.

Рощин. А что, больна? Врачей позвать, для этого существует аспирин... Что?

Настя. Ты за делами иногда не видишь жизни, Григорий Иваныч. Вернее, видишь в ней то, что тебе приятно видеть.

Рощин. Ну, это ты загнула. Я же самая ось колеса!

Елена. А случалось вам, Григорий Иванович, людям в глаза взглянуть, до донышка? И чтоб люди не моргнули при этом?

Настя. Сделай опыт. *(Приблизив к нему свое лицо.)* Ну, что ты видишь?

Рощин. Вижу глаза. Ясные, нормальные, в мать. Из всех ивановских ткачих она у меня самая востроглазая была.

Елена. Дочь-то замуж выходит.

Рощина это известие застает врасплох, он не верит, машет рукой.

Настя *(повернувшись уходить)*. Ну... я задержала тебя, Григорий Иваныч. Заезжай на свадьбу-то!

Рощин. Постой... ты же все время девочкой была. Я тебя помню на каруселях в Суздале. Еще бантик у тебя сорвался...

Настя. О, уже и бантику тому восемь лет. Не тужи, Григорий Иваныч, я тебе объясню. Дай ухо... *(Шепотом.)* Я выросла!

Елена уходит.

Рощин. Еленочка, вы куда?

Елена. Ванну Ксении нужно затопить.

Рощин. Позвоните кстати секретарю. Задержусь на полчаса. Ждать.

Елена ушла.

10

Рощин. Кого же ты себе выбрала? Ну, по секрету!

Настя. Угадай.

Рощин. А я его знаю, видал его?

Настя. О, много раз. Он бывал у тебя с докладом.

Рощин. Кто же там у нас из холостых? Коняев... так это же бревно. Алексей Трофимович если... но он харя и подхалим. Как там у поэта сказано: прислуживаться рад, но подскажите как!

Настя. Дальше! Ты же ось, все спицы знаешь.

Рощин в раздумье смотрит на руки.

Ага, дело дочери коснулось, Рощин!

Рощин. Что же он представляет из себя?.. член партии?

Настя. Тебе нужна его анкета? Но там же не сказано — глупый он или умный, честный или дрянь, красивый или нет.

Рощин *(с любопытством)*. А твой, красивый он?

Настя *(оглянувшись, раздельно)*. Я люблю его... больше тебя, папа.

Рощин *(прижав ее к себе и заглядывая в глаза)*. Ну-у? Хвастаешься поди. А умный?

Настя. Я тебе все о нем сказала. Я люблю его.

Рощин ходит по комнате. Все ему представляется новым. А уже сумерки.

Рощин. Вот! А у меня еще нынче доклад, потом ускоренный выпуск на курсах, еще что-то было...

11

Ксения *(зажигая свет)*. Ты еще не уехал?

Рощин. Представь себе, дочь-то замуж выходит. Пригодятся твои игрушки. А ну, мать, Еленочка... кто там? Дайте бутылку вина из тех, подарочных! Такое у меня не часто бывает.

Ксения достает из буфета. В полном молчании Рощин открывает старую черную бутылку.

Аграфене, которая внесла тарелку щей для Ксении.

И ты, мать, выпей с нами кисленького за внучку! *(Насте.)* Да ничего, ничего, чашки давай.

Все становятся в молчании вокруг стола. Рощин разливает вино.

Стойте, дайте сообразить... Смысл-то в этом какой?

12

Елена. Я ванну затопила. Ты бы шла, Ксения, а то дров не хватит.

Ксения. Бери чашку и молчи.

Рощин. Итак... третье поколенье стучится в жизнь. Мы отвечаем: просим, детки, просим. Входите, дом для вас построен. Кто же мы сами-то, строители? Кто ты, мать? Кухарка. О тебе Ленин писал, когда тебя не считали даже за человека. А я ткач, сын кухарки. А Ксения — писарева дочь... Э, не то я говорю! Главное, что жизнь в цвету. И как бы еще цвела, кабы черви ее цвету не точили...

Настя. Григорий, уж вся пена осела.

Рощин. Буду пить это за всех дочек, которые станут рожать нас, завтрашних. Пей, мать! Это дорогое винцо. Твой адвокат такого не нюхал. Пей, мать! *(Выпил.)* Хорошо, начерно.

Аграфена *(вытерев руки о передник)*. Ну, со счастием, родимые. Никого не хоронить, никого, кроме меня, старухи, не провожать, ни с кем не разлучаться! *(Ставя чашку на стол.)* Кислое, за что только деньги берут.

Ксения *(Насте)*. Когда же ты нам покажешь своего жениха?

Аграфена. Сёмью бы его повидать. Тут уж не утаишь. Вы меня на сёмью-то напустите.

Елена. Завтра день рождения Настеньки. Вот и позвать бы к обеду.

Ксения *(взглянув на нее мельком)*. Тебе иногда хорошие мысли приходят. Пускай завтра на дачу приезжают. Справитесь с обедом, Аграфена Петровна?

Аграфена. Посуды бы хватило. Много их там, родни-то?

Настя. Я не видала их ни разу. Он как будто стесняется их немножко.

Пауза.

Рощин. А теперь спросим главное. Ну-ка, поди сюда, Настя!

Настя. Все равно, уж поздно, старик. Дедушка из тебя получится отличный!

Она подходит, танцуя. Рощин кладет ей руки на плечи.

Рощин. Ты меня так учила?.. чтоб до донышка?.. Ну... а он-то любит тебя?

Настя молчит.

Не таись, дочка!

Настя *(снимая с плеч его руки)*. Мне это... неинтересно. Мне важно, что я сама люблю.

Рощин. Значит, любит?

Настя. Не порть мне торжества, Григорий.

Она отошла. Он идет за нею. Тихо.

Хочешь сказать, что некрасивая я? Я сама этого никогда не забываю. *(Движением плеча стряхивая с себя руку.)* Пусти-и, папа!

Ксения. Женится,— значит, любит. Настя отлично делает. И другим посоветовала бы: замуж, да поскорей. *(Елене.)* Я про тебя, про тебя. Чего Луку упустила? Я ли вас не сватала?

Аграфена *(с тоской и громко вздохнув)*. О-осподи!.. Щи-то ешь, Ксюша. Простыли щи-то.

Ксения. Я щи не буду. Дайте мне молока. *(Елене.)* Кажется, и Лука нравился тебе.

Настя *(чтоб перебить этот разговор)*. Ксения, ты не забудь лекарство принять.

Аграфена уже пристроилась сбоку с пузырьком и рюмкой. Все стоят, кроме Ксении.

Ксения. Упустила, вот и осталась на бобах.

Рощин *(окриком)*. Ксения!..

Елена. Я же не виновата, что твой брат... исчез от меня... за день до свадьбы. Ведь помнишь, весь город надо мной смеялся. Хорошо еще, что мы оттуда уехали.

Ксения. Ты могла и удержать Луку.

Елена. Чем, Ксения, чем... могла я его удержать? Ничего у меня больше нету. Чем?..

Ксения. Надо уметь, женщина!

И опять, заметив недоброе молчание всех, смутилась. Она торопливо идет к Елене, которая с закушенными губами стоит в нише окна.

Ну, не сердись. Пойми, что я права. *(Дергая ее за рукав.)* Посмотри, как ты ходишь. Кому ты нужна, такая!

Елена. Будут деньги, сошью себе.

Ксения *(вслед ей, уходящей)*. Возьми у меня старенькое какое-нибудь, перешей. Я же даром даю. Какая ты обидчивая стала!

13

Рощин. А злая ты, Ксения. С того и сохнешь.

Пауза.

Вот почему я спросил тебя, Настя. Письмо я получил... без марки, без смысла, без подписи. *(Достал и развернул его.)* Тут сперва чепуховина. Тоже, Иезекииль нашелся! *(Читает вполголоса.)* «Утомился от сладкой лжи язык мой и жаждет в последок дней коснуться пламени правды. Уже природа тянет руку за моим телесным составом, гаснет жизни жар, и любопытство меня томит испробовать холод ночи». Черт, нарочно не придумаешь! И тут клякса. *(Разбирая с трудом.)* «Тайный благожелатель ваш упреждает: человека бойтеся, с дружбою приходящего в дом...» Ну-ка, читай сама, дочка!

Настя *(медленно, через плечо отца)*. «Туча идет на тебя, видом как рысь... С нее содрали шкуру. Ей и больно, и обидно, и холодно...» Глупости какие. Про кого же это?

Рощин *(свертывая письмо)*. Ничего не имею прибавить тебе, дочка.

14

С середины письма в дверях показывается Магдалинин со свертками. Ксения поднялась было ему навстречу,— Магдалинин остановил ее, приложив палец к губам.

Ксения. Григорий, прервем на минутку. Василий Самсонович приехал.

Магдалинин. Продолжайте, продолжайте. Я только свой сверточек выберу — и назад. *(Сконфужен общим вниманием.)* Малость запоздал я, Ксения Лаврентьевна. *(Рощину.)* Решил все-таки показаться на торжественном заседании...

Рощин. А, техникум! Кончили они там?

Магдалинин. Резолюцию принимают. Пороховая молодежь. Трясутся, сотрясаются стены древнего Иерихона! *(Насте.)* К вам разговор! Целая Илиада в областном масштабе. Колхозник выиграл планер по лотерее. Деньгами остерегся получить: «Вещь, говорит, мне интереснее, а денег у меня и из трудодней хватит!» Ну, ему и доставили махину. Приковал к дереву, а она рвется с цепи-то, летать хочет...

Все смеются скорее на Магдалинина и его добродушные ужимки, чем на самый рассказ.

Продается. Торопитесь, пока куры не засидели.

Настя *(загораясь)*. Дорого?

Магдалинин. Двухместный, буксировочный. Э, покопаться надо, найдем статью. Григорий Иванович поддержит в порядке шефства.

Настя. Нет, это неудобно. Я его дочь... а в кружке нашем всего четверо, и я же председатель.

Магдалинин. Коснись меня... да я бы для такой красавицы...

Настя *(в упор и очень резко)*. Имейте в виду, Магдалинин: когда мне говорят что-нибудь чересчур приятное, я всегда соображаю — почему мне это говорят.

Неловкое молчание.

Рощин. Сдерживай себя, Настя.

Ксения. У нее вырабатывается ужасный стиль. Извините ее, Василий Самсонович.

Магдалинин. Я не сержусь на вас, милая девочка.

15

Елена *(на минутку заглянув в дверь)*. Звонит секретарь. Прибыл фельдъегерь с именным пакетом, литер «К». Что сказать?

Рощин *(взглянув на часы)*. Еду.

Настя. Я провожу тебя. Подожди, я только оденусь. *(Убежала.)*

16

Ксения. Замуж выходит, понятное волнение.

Магдалинин. Хорошего темпа девочка. У меня тоже дочь, замужем за моряком. Сегодня телеграмму получил с

Дальнего Востока: неудачные роды. *(Отвернулся, посморкался в старомодный цветной платок.)* Может, и меня подбросите до площади?

Ксения. Без чаю вас не отпущу. Елена... Аграфена Петровна!..

Молчание.

(Мужу.) Задержи Василия Самсоновича. Я только чайник поставлю. *(Ушла.)*

17

Рощин. Конечно, оставайтесь. Куда вам спешить!

Магдалинин. Действительно, торопиться мне теперь некуда.

Рощин *(глядя в сторону)*. Мы очень благодарны вам, Василий Самсонович. Вы вовремя подали сигнал.

Магдалинин вопросительно смотрит на Рощина.

Я насчет Цирюльникова. Он уже признался во всем.

Магдалинин. В меру моих сил, Григорий Иванович. *(Неохотно.)* Надеюсь, вы охраните мою старость, если... если он вывернется.

Рощин. Думаю, вам не потребуется наша помощь. Страшное дело...

Пауза.

Магдалинин. Есть еще один на примете.

Рощин молчит.

Остаев!

Рощин молчит.

Мы не знаем, как выглядит завтрашний Остаев!

Рощин *(разочарованно)*. Ну, этого недостаточно. Значит, еще не созрело. *(Елене, которая ждет окончания фразы.)* Вы что, Еленочка?

18

Елена *(сухо)*. Настя по черной лестнице побежала. Машина во дворе ждет.

Рощин. Не прощаюсь, Василий Самсонович. Вы еще заедете на работу?

Магдалинин кланяется.

Елена *(подойдя вплотную к Рощину и касаясь его руки)*. Одевайтесь потеплее, ветрено в поле.

Рощин *(тоже вполголоса)*. Заприте за мною дверь, Елена.

Они уходят.

19

Магдалинин один, развернул телеграмму, лицо его сморщилось: это горе. Он принимается разбирать свертки. Дверь за его спиной раскрылась. Магдалинин не видит, что это Настя. Она смущена и молчит, теребит сумочку.

Магдалинин. Будете вы меня бранить, Ксения Лаврентьевна. В нашем магазине появилась лаковая мужская обувь. И неплохая. Григорий Иванович сорок третий номер носит? *(Он оборачивается с ботинками в руках, он удивлен, он прячет ботинки за спину.)*

Настя, виновато улыбаясь, идет к нему навстречу.

Настя. Так ведь он в сапогах ходит, отец. Хорош бы он был на колхозном совещанье в лакированных штиблетах! *(Кончиком пальца она робко касается руки Магдалинина.)* У меня давеча нехорошо получилось. Я не знала про ваше горе. У вас умерла дочь?..

Магдалинин *(суеверно выставив руки)*. Она еще жива, она еще жива... *(Справившись с собой.)* Уж нашептал вам Григорий Иванович! Ничего, девочка, ничего... У меня еще кот остался. Мы уж как-нибудь с ним, старички. Идите, Григорию Ивановичу спешить надо.

Настя. Завтра день моего рожденья. Будут свои. Приезжайте к нам на дачу.

Пауза.

(Совсем по-ребячьи и всхлипнув.) Ну, извините! *(Убежала.)*

Ксения *(войдя)*. Что с вами делается, Василий Самсонович?

Магдалинин *(тычась с ботинками)*. Да вот, Рощину захватил, и недорогие... А он, оказывается, не носит лаковых-то.

Ксения. Бросьте куда-нибудь, пригодятся. У меня тоже настроение неважное, Магдалинин. Всех сегодня перекусала.

Магдалинин. Майские ветры, артистическая натура... Одно к одному!

Ксения. Мне дали дублершу в пьесе. Вчера я видела ее в своей роли и разревелась.

Магдалинин. Так плохо?

Ксения. В том и дело, что хорошо. Как эту роль Ксения Рощина станет после нее играть!

Магдалинин. Дорогая, откажитесь от дублерши!

Ксения. Я сама ее потребовала. Не могу же я играть каждый день. А я занята везде.

Магдалинин *(припоминая)*. Я ее видал, эту артисточку. Худенькая такая. Но талантливая.

Ксения подавленно молчит.

И она красивая. Когда-то я обожал таких.

Ксения. У вас дурной вкус, Магдалинин.

Магдалинин. На днях в одном месте о ней разговор был. У нее что-то с родней неблагополучно. Тетка, помнится, с околоточным жила. И вообще следовало бы ее проверить.

Ксения *(пугаясь слова)*. Я прошу вас, не делайте то, что вы задумали сейчас, Василий Самсонович. Как же можно отвечать за родню!.. *(Тихо.)* И потом, если эта история дойдет до Рощина...

Пауза. Лицо Магдалинина жестко и по-старчески бесстрастно.

Магдалинин. Я был лучшего мнения о вашей воле. Когда великие артисты шли к цели... ну, как это говорится по-русски, напролом... А в искусстве и нельзя иначе...

Ксения молчит, закрыв лицо руками.

Справились же вы с вашим мужем!

Ксения. Нет, неладно в этом доме, Магдалинин. Такие, как Рощин, ключей от себя не хранят под супружеской

подушкой. Я откровенна с вами. В вас есть что-то свое, актерское. Да и Григорий очень верит вам.

Магдалинин *(взволнованно и прямодушно)*. Я вышел из другого класса. Но я тоже много жил, работал и умирал, поднимал друзей и опрокидывал врагов. *(Привстав и подняв руку, как в клятве верности.)* Таких, как Рощин, я встречал мало.

Пауза.

(Совершенно трезвым голосом.) Что же неладно в доме Рощина? Вернее, кто она?

Ксения *(расставляя чайную посуду на столе)*. Я не знаю. Теперь женщины всякие: химики, парашютистки. Все хорошенькие, приходят с докладами, настойчивые...

Магдалинин. Ну, а эта пышная женщина... в славянском стиле?

Ксения. Елена? Это овца, грубошерстная. Словом, он от меня уходит.

Магдалинин *(отечески)*. Деточка, надо удержать его.

Ксения *(тушит верхний свет)*. Простите, у меня глаза от рампы болят. *(Стыдясь и кусая ногти)*. Чем, чем мне его удержать?

Магдалинин. Не мне советовать, вы — женщина. Да закатите ему порцию ребят в полдюжины. Садитесь поверх кучи и смейтесь.

Ксения. Да, но... судьба ответственных работников так превратна. Их кидают с места на место.

Магдалинин. Понимаю. Но есть и другие способы.

Ксения в нетерпенье, а Магдалинин нарочно тянет слова.

Станьте ему полезной, необходимой, как хлеб, как воздух. Герои тоже стареют. Влейте себя в него.

Ксения. У меня театр.

Магдалинин. Главный театр в жизни, деточка. И, наконец, спасите его. Вот он письмо про тучу читал... Хотя вряд ли Остаев на тигра похож!.. Так заслоните Рощина собою. Да-да, пока его не спасла другая!

Ксения *(стряхнув с себя колдовство магдалининских советов)*. Спасти Рощина... Что я — пожарный или водолаз? Он мне говорит: Ро-щи-на спасти!.. Нет, Магдалинин, давайте уж лучше чай пить.

Магдалинин. Этот совет я подал бы и дочери, когда б она была несчастна и талантлива, как вы! И если бы она жива осталась...

Ксения слушает его, стоя к нему спиной и держась за скобку двери. Дверь подергивают снаружи: это Елена с чайником и под шалью. В открытую дверь откуда-то шум дождя в желобах и нытье ветра.

21

Ксения. Вот спасибо, что догадалась, Лена. Да ты бы хоть копоть-то вытерла!

Елена *(вполголоса)*. Он... пришел. Ты ему в это время наказывала?

Ксения *(пугаясь)*. Здесь?

Елена. Там... на улице стоит.

Ксения суетится, ей неловко перед Магдалининым. Тот поднимается.

Магдалинин. Все понятно, дорогая. Не стесняйтесь старика. У женщин вашего звания всегда гости: портные, режиссеры, парикмахеры, поклонники, просители... И мало ли еще кто!

Ксения. Извините нас... К Григорию столько людей ходит. Даже ночью...

Елена. Ты сиди, Ксана. Я ему вынесу что надо.

Магдалинин. Да все равно, мне уж и поздно. Семьи-то нет, а я вот еще дырочку прожег, заштопать надо. Только сверточек свой заберу...

Ксения *(томясь и слушая скрежет ливня)*. Так мы вас завтра ждем, Василий Самсонович.

Магдалинин. Дождик начался, а я без калош. Ну, да мне недалеко.

Он бежит к окну взглянуть на погоду. Ксения знаками спрашивает Елену, где ночной гость.

Елена *(тихо и раздельно)*. Он на задний двор пошел.

Магдалинин *(отходя от окна)*. Ух, как припустился! Теперь все в цветение пойдет. Ваш гость!

Он заблаговременно подвертывает брюки и смешно, точно ныряя в воду, бросается в дверь. Ксения меняется. Торопливо она набирает в салфетку всякую снедь: хлеб, кусок колбасы, сыплет туда же орехи. Елена усмешливо наблюдает эту суматоху.

22

К с е н и я. Дай мне твою шаль добежать до него. Господи, и жалко и стыдно. Настя бы не наткнулась...

Е л е н а. Беги, я постою у двери.

Они встретились глазами.

К с е н и я. Прости меня, Лена. У тебя большое сердце, ты поймешь.

Е л е н а. Обижаешь всегда на людях, а извиняешься наедине. Неси скорее!

23

Ксения убежала. Ее долго нет. Ночным дозором, гася по дороге свет, квартиру обходит А г р а ф е н а. Единственный свет, от уличного фонаря, падает на потолок и оттуда к приножью буфета.

А г р а ф е н а. Что, ровно краденое караулишь?

Е л е н а. Не спится мне. Снов боюсь.

А г р а ф е н а *(зевнув и по-бабьи оправив платок)*. Мужики в деревне скоро уж вставать станут, хо-хо! А старые-то ноги все идут куда-то, идут. *(Наклонясь к ним.)* Далеко вы собрались, но-оги? *(Присела рядком.)* Как тебе Лука-то твой приснился?

Е л е н а *(не сразу)*. Будто поле и ночь крутая. А он бежит, голова обвязана, и все оглядывается. И не жалко мне его и не страшно, а уж только добежал бы скорее до конца.

А г р а ф е н а. В сапогах бежал-то аль босый?

Е л е н а. Не разглядела. Не до того мне было, бабушка.

А г р а ф е н а. Не знаю, что и присоветовать. При царизьме, бывало, панихидку заказывали. Отслужишь, тут е г о ровно в лоб шшелканет, он и отстанет.

Е л е н а. Бабушка, в наше-то время стыдно такое говорить.

А г р а ф е н а *(обидевшись)*. Ну, тоды мажь его йодом, как заявится. Мажь на весь рупь. Вон он, йод-от, в бутылочке!

Возвращается К с е н и я. В спешке она не видит старухи. На ее шали посверкивают капли дождя.

Ксения *(скороговоркой)*. Где у нас Григорьево белье?

Елена. В левом нижнем, Ксана. В буфете.

Ксения. С ума посходили! Кто ж в буфете белье держит!

Елена. Класть-то нечего, а комода нет у нас пока.

Ксения. Вы бы еще тут баню устроили.

Быстро просматривая на просвет, она отбирает белье похуже. Аграфена сзади коснулась ее плеча. Ксения присела, застигнутая врасплох.

Аграфена. Кому, бабочка, исподники-то Гришкины несешь?

Ксения. Нужно... там.

Аграфена. Я и спрашиваю, кому? Не самой же носить! Присоветуйся, не чужая.

Пауза. Ксения закрыла лицо руками.

А ты не стыдись. И не то, родимая, в жизни моей видала.

Елена. Там... отец ее пришел.

Ксения. Я... я неправду сказала Григорию, что он умер. Я же не виновата, что он жив, на мое горе.

Аграфена. Кто же он, твой отец, что смерти ему хочешь?

Елена. Поп. Без места четвертый год шатается.

Пауза. Слышен дождь. Где-то хлопнула рама.

Аграфена *(Елене)*. Поди окна-то закрой. Все рамы ветром побьет. Иди... мы тут с ней!

Елена ушла, оглядываясь.

Может, он замаранный какой?

Ксения. Старый он и жалкий. Гляньте, на лестнице стоит.

Аграфена. Отца под дожжем, как собаку, держишь. По-оп!.. Нынче им, эвона, и выбирать дозволено. Сходи за ним, угости чайком, и пускай своей путей бредет.

Ксения. А если Рощин узнает?

Аграфена. Не убудет у Рощина, если дочь отцу кусок хлеба подаст.

Ксения нерешительно уходит. После минуты раздумья Аграфена ставит вместо кресла табуретку и стелет на нее газету, убирает вещи

поценнее, скатерть загибает, чтоб не испачкал ее гость, стелет у порога половичок. Звонок, приходит Настя со свидания, ставит в угол мокрый зонтик сушиться. Ушла, возвращается, смотрит широко раскрытыми глазами на бабушку.

25

Настя *(как во сне, вытянув ей руки навстречу)*. Бабушка!..

Аграфена. Что, милка моя?

Пауза.

Настя. Бабушка!..

Аграфена *(подойдя к ней)*. Что? Какое ты солнце там повидала?.. Сиянье-то в глазах несешь!

Настя *(шепотом)*. Нет, ничего... Спокойной ночи, бабушка!

Она уходит, сопровождаемая Аграфеной. Вернулась Ксения.

26

Ксения. Входите, папаша.

Слышно только усердное шарканье ног, вытираемых о половичок, да простудный, с трудом заглушаемый кашель.

Да входите же. На веревках вас тащить?

В дверь, оглядываясь по сторонам, просовывается Лаврентий Сандуков. Он в меховой и намокшей, с бархатным донышком, шапке. Остальное — милость православных: стеганая кофта образца восемнадцатого года, кожаные брюки-галифе и обмотки. В руках узелок Ксении, на плече брезентовая сума; в ней вместе с прочим что-то плоское и квадратное.

Лаврентий. Текут мои бахилки-то. Зря ты меня, Ксанка, на чисто место тянешь. *(Беспокойным взором обводит углы, понятливо улыбается, долго ищет, куда сложить имущество, и наконец складывает его у порожка. Трясет головой.)* Дожжик в ухо затек. Он меня наскрозь протекает! *(Почти весело.)* Вот и все. Честь имею явиться из тайны гроба, доченька!

Ксения пятится, когда он обмахивает бороденку рукавом,— не полез бы целоваться!

Издаля, издаля!

Ксения. Чего вы развеселились-то, папаша?

Лаврентий. Колбаски-то пожевал, должно, и захмелел с колбаски-то. На душу ведь ногой не притопнешь. *(Озираясь.)* В красоте живешь!

Ксения. Ничего не трогайте руками. Пейте уж чай, раз на столе стоит.

Лаврентий. Мебель-то священного содержания. На ней, может, патриарх александринский сидел, а теперь — ты. Знаешь, я и княгинь видал, даже отпевал одну. Важная, усатая ляжит... А ты пошибче будешь. Барыня, хе-хе!

Ксения *(оглянувшись)*. Бар нет, папаша. Бары в Черном море утопли.

Пауза.

По ночам ходите, живых смущаете...

Лаврентий *(наливая себе чайку)*. Напоследок дней обхожу всех сынов и дочерей моих. Ухожу, прощайте, кровные, милые мои. Безрадостно приидох изовсюду, безгорестно уйду во вся. Четверо вас у меня, исправных-то, и все при деле. *(Важно.)* Федька-то торгсином заведовал! Бывало, крупки пришлет, пуговок там... На предъявителя, конешно: таится. К сестре твоей, Глашке, забежал. Фершелица в родильном доме. Чистота-а, окна зеркальные, сморкнуться некуда. Тоже, под вечерок, деньжонок три рублика мне к забору вынесла. Сергунька Сибирь обмеривает. Ге... геодезия, не выговоришь. Лука вот не добрый. Не заявлялся Лукашка-то?

Ксения. Он на зимовке, далеко. Папаш, чего же вы конфетку с бумажкой-то едите?

Лаврентий *(испуганно)*. А?.. а!..

Ксения. Я говорю, далеко он. И чешетесь всё. Рубашка-то на вас есть?

Лаврентий. А то как же! Жука поковыряй, и тот рубашку носит.

Ксения. Расстегнитесь тогда...

Лаврентий. Что ты, не-е, я остудиться боюсь. Не-ет, я всем доволен. Я живу хорошо, сам при себе. Лекции когда о вреде леригии читают, то меня зовут. Я теперь вроде как наглядное способие. *(С завистью.)* Дьякона-то ноне в оперу

идут, а меня и в комары не примут. Но я детей своих не ограблял.

Пауза.

А Лукашка придет — гони его. *(С внезапной яростью.)* Ружье, ружье ему в грудь наставь... Вглубь хочет уйти, душа́ спасать, сукин сын. Скаку-ун, обломают ему лапки!

Ксения. Не говорите мне плохо о Луке, прогоню. За что вы на него злобитесь?.. Общенья не имеет? Так ведь вы хуже чумы, папаша.

Лаврентий. Общенье-то он имеет. Он было у Глашки-то съесть меня задумал. Уж и вилку в меня воткнул. А эвон, в мешке-то, и не дозволил, хе-хе... Кса-анка! Всякое в роду у нас бывало: рукастые, сутяги, маклаки, шельмецы, барышники, а такого... *(Приходя в себя, шепотком.)* Не осуди, доченька, за счастие ваше трясусь.

Сквозь закрытую дверь сочится слабая музыка: какой-то растленный голосовой джаз поет фокстротную песенку. Насторожась, Лаврентий делает три шага в направлении звука.

Ишь ты, ровно полунощницу ангели поют. *(Восхищенно.)* Где, где тут, Ксанка, у тебя на небо-то щель?

Ксения. Это Настя... от первой его жены дочка. Радио пустила.

Лаврентий *(слушает, уткнув лицо в ладони)*. Нет меня хуже, а любо, любо мне на свете, Ксанка. Радость-то, как роса, на мире лежит. Утро-то из нишшеты виднее! *(Поднял колясочку, про колесики.)* Крутятся, махонькие. Своих-то деток много у тебя?

Ксения молчит.

У нас в роду все плодущие были. У Прокопия двенадцать, из них одна двойня. У Герасима девятеро, да еще помер старшенький-то. Онисим, каб его на войне не обезглавили, уж он наворочал бы племени... Покажь деток-то! Спят, что ли? Я на цыпочках, бездыханно.

Ксения. У нас нет детей, папаша.

Лаврентий. О-о, так, ровно сука, и живешь? Ноне бабы-то модные стали, за талию стращатся. Дед-то Дорофей проклял бы тебя, каб дожил! *(Вкрадчиво.)* Али уж муж от тебя не хочет?

Ксения. Он-то хочет... Они у меня не родятся.

Пауза. Лаврентий гладит ее, всхлипывающую, по голове.

Лаврентий. Смири-ись! Несчастие бродит посередь нашего роду.

27

Аграфена. Григорий приехал. Сбирайся, поп. *(Елене, которая торопливо проходит в прихожую.)* Сразу-то не отпирай, займи его.

Ксения *(чуть не плача)*. Папаш, там ботинки в углу. Примерьте на лестнице, может, сгодятся.

Лаврентий. Спаси бог, уж и мечтать не думал. *(Хвастливо Аграфене.)* Младшенькая-то у меня, старушка, а?

Аграфена. Давай, давай! *(Ксении.)* Ты его через задний ход. Да выбеги — нет ли кого на лестнице.

Лаврентий. Старушка, ты меня еще позови. Лестно мне погостить-то у вас.

Аграфена. Завтра на дачу уезжаем, за сорок верст.

Лаврентий. И-и, я и по четыреста хаживал. И пешком. На поезд-то ноне билеты надо брать. Ты в чуланчик меня пихни, ситничка дай — и все.

Ксения *(в дверь)*. Да скоро ли вы там?

Лаврентий торопится и еще раз, машинально, вытирает ноги о половичок.

Аграфена *(вдогонку)*. Где ж ты, старичок, нонче спать-то будешь? Ведь дождь.

Лаврентий. И-и, старушка! Я люблю спать под дождем.

Аграфена закрывает за ним дверь.

28

Молча проходит Рощин.

Елена *(идет следом)*. Григорий Иванович, расстелите пальто на диване. Пускай просохнет...

Рощин ушел.

Аграфена *(Елене, сурово толкая ее в плечо.)* Все равно уж, поди к нему, утешь. Хмурый приехал...

Елена. Еще один день, бабушка, остался. Не могу. *(В отчаянье.)* Какие же слова-то скажу Луке, если он приедет? Ведь я его любила...

Аграфена. А ничего ему не говори. Сердце за тебя скажет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Большая темноватая кухня на рощинской даче. Внушительная русская печь, с плитой и лежанкой,— творение провинциального печного архитектора. Под окошком за нею коечка — прилечь на часок. На переднем плане узенький проход в кладовую. Направо дверь в чистые комнаты. В углу стол и табуретки, крашенные ядовитым голубым колером. Посуда на полках, осколок зеркала на стене, полотенца сушатся на веревочке. Посреди — открытая дверь во двор. Видны часть крыльца, лес, и впереди качаются тоненькие, в цвету, вишневые деревца. Где-то в комнатах тихо играет радио. Свежий солнечный полдень.

Аграфена в действии. Со двора опасливо поднимается Лаврентий. Он в лаковых штиблетах.

1

Аграфена. Притащился.

Лаврентий *(сгружая суму со спины)*. Здравствуй, старушка! Как, не наезжал?

Аграфена. Рощин-то? К обеду обещался, как день сложится. Нонче во властях-то ходить — и не пообедаешь.

Лаврентий *(почтительно.)* Уму неприложимо.

Аграфена. То поезд с рельсов сойдет, то завод новый задумают, а то, глядишь, шпиёна поймают. Ведь вон куда забираются. Ты сам-то, батюшка, не шпиён?

Лаврентий. Не-ет, что ты!

Аграфена. Ну, притащи тогда дровец. У сарая сложены. Веревку в чулане возьми.

Лаврентий. У меня есть.

Присев на порожке, он последовательно вынимает из сумы краюху хлеба, икону, которую кстати протирает рукавом, и, наконец, длинную веревку с узлами. Аграфена стоит над ним.

Тута у меня весь припас. Пустой не хожу.

Аграфена. Пошто бога-то таскаешь? Аль веришь в доску-то?

Лаврентий. Матушка моя, слишком много я об етом деле знаю, чтоб верить. А куды ево? Жечь нельзя, топить ево грешно, на дороге кинуть боязно: скажут — нарочно. Так и живет у меня на горбу. *(Уходит.)*

Аграфена *(вдогонку)*. Посуше выбирай.

2

Заглянула Настя, стала у двери.

Настя. Кто это, бабушка?

Аграфена. Так, с ветру один. Женихи-то не едут. Не обманут?

Настя. Ксения хотела машину за ними послать. Я звонила. А они уж поездом выехали... Давай я помогу тебе, бабушка!

Аграфена. Куды, куды в чистом-то платье! Тебе теперь сидеть да в зеркало хорошиться. Счастливая ты!

Пауза.

А?

Настя *(тихо)*. Я говорю — да.

Аграфена. Счастливые-т, сказывают, песни голосят. Что-то я твоих не слышу.

Настя. Голосить-то нечем, бабушка. Летчикам голосу не полагается.

Аграфена. Подразнись, подразнись у меня!

Настя *(вдруг, как бы на счастье)*. А ну... дай мне, бабушка, зеркальце.

Аграфена снимает осколок со стены. Настя смотрится.

За что же он меня берет? То-щая я...

Аграфена. Не скажи. Нонче постненьких-то нарасхват.

Настя. И всего у меня чуть-чуть: носика немножко, губы тоже, глаза... Нет, глаза ничего! А так — фитюлька. Нет, некрасивая я. *(Со вздохом отдавая зеркальце.)* На, возьми.

3

Лаврентий *(с вязанкой дров)*. Куды их?

Аграфена *(машисто отвертывая мясорубку от стола.)* Складай на стол. Счас в котлеты порубим!

Лаврентий послушно сваливает дрова у печки, сматывает веревку, садится на коечку.

Это отец письмом тебя напугал. Слово-т — горькая трава: запустит корешок — не выполешь. А ты брякни ему, жениху-то, что капиталу при тебе нет, секретных бумаг тоже. Чтоб не рассчитывал!

Настя. Ладно, брякну.

Она переводит глаза на Лаврентия, который что-то жует. Тот мгновенно поднимается.

А вы... счастливы?

Лаврентий. Премного. Маненько меня покачало, как строительство произошло. А боле ничего.

Настя. А скажите, людям можно верить?.. Да садитесь, зачем вы встали-то!

Лаврентий. Ничево, обожаем постоять. *(Он поник головой и как бы задремал на мгновенье.)* Ежели их не обижать да самому дураком не быть, так верить можно. Ведь кажный человек при сердце своем состоит.

Настя *(недобро усмехнувшись)*. Ладно. Продолжайте, жуйте.

Где-то женский голос зовет Настю. Гремя противнем, Аграфена достает из печки свои изделия.

Я зде-есь...

Аграфена. Ступай к подружкам-то. Нá тебе ватрушечку.

4

Две Настиных подруги и сердитый молодой человек с фотоаппаратом.

2-я подруга. Настя, где у вас теннисные ракетки спрятаны?

1-я подруга. Ой, вкусно пахнет как. Что у вас тут?

Аграфена *(держа ватрушки на блюде)*. Налетайте, кушайте, ребятки. Пожалуйте и вы, молодой товарищ!

Молодой человек *(мрачно)*. Извиняюсь, я не ем ватрушек.

1-я подруга. Вот дурной, ведь вкусно! *(Дуя на пальцы.)* Горячие какие... Настя, это ты ему своей свадьбой сердце пронзила. Заметь — бледность кожного покрова и ногти до локтя обкусаны.

Молодой человек отдернул свою руку.

2-я подруга. Ну, сними нас тут, у плиты.

Молодой человек. Невозможно. Освещение плохое.

Настя. Ракетки у вешалки, в прихожей. Ступайте, я скоро приду.

1-я подруга. Тоня, бери ее под руки. Колька, а ты заводи аллилуйю...

2-я подруга *(Насте)*. А ты упирайся, вопи, невеста!

Настю насильно уводят. Молодой человек с порога возвращается.

Молодой человек. Если можно... дайте теперь и мне ватрушечку.

Аграфена *(протягивая ему все блюдо)*. Утешь свое горе, милый!

Молодой человек выбирает покрупнее. Нечаянно поднял глаза на Лаврентия.

Молодой человек. А вы чего улыбаетесь, старичок?

Лаврентий. О младости о вашей веселюсь.

Молодой человек *(сердито)*. Довольно странная улыбка при подобном возрасте. *(Ушел, подкидывая на руке горячую ватрушку.)*

5

Аграфена. И верно, чего ты больно ликуешь-то? Опять подозрительный ты мне стал.

Лаврентий. Да чем, чем, старушка ты этакая?

Аграфена. Ведь ты мне про себя не сказывал.

Лаврентий. Што сказывать-то? Ты и так все про меня знаешь.

Аграфена. А зачем пришел-то к нам? Может, ты Григорию что подбросить хочешь.

Лаврентий *(оглядевшись)*. Дакось ухо-то. *(Секретно.)* На архирея самому-то пожалиться хочу.

Аграфена. Ну-у!.. Обижат?

Лаврентий. Насажал везде по приходам шурьев да свояков, а я четвертый год в списках хожу. А кушать-то надоть. И поговорить не дается. Я к нему раз ночным часом да омманом и ввернулся в архирейски-то покои. А он сидит, грешник, в красной темноте, карточки проявляет.

Аграфена. Скажи на милость!

Лаврентий. Ну, вознегодовал на меня, суроп свой опрокинул...

6

Елена *(запыхавшись)*. Дома-то у нас никого нет, бабушка?

Лаврентий *(копаясь в суме)*. А вселенски-то патриярхи как наказывали? К примеру, Златоуста взять аль Ефрема Сирина...

Аграфена. Да помолчи ты, Ефим Филин. *(Елене.)* А что стряслось? Лес на речку купаться побёг?

Елена. Женихи приехали. Они спереду покричались, а нет никого. И повернули. Наши-то за ландышем пошли!.. Ведь их к обеду звали, а они экую рань!

Аграфена. Беги, девка, за нашими, а я их встрену, проведу, обследую пока, кто такие.

Елена убегает. Аграфена сдергивает с себя передник. На ней новое платье в горошек.

Лаврентий *(выглянув в окно)*. Сюда идут. У-у, жених-то бравый, аки конь.

Аграфена. Примкнись в уголок. И чтоб тебя не слышно было.

7

Входят гости. Мать жениха, толстуха в ярком вязаном берете, с зонтиком, обмахивается еловой веточкой. Не мало усилий стоила ей нынешняя ее краса. При толстухе — длинный равнодушный мужчина в сивых усах и с букетом черемухи; на плечах, внакидку, пиджак, видавший и дождь и зной; вместо жилетки старинный широкий брезентовый пояс с кожаным кармашком: там часы.

Остаева. Здравствуйте, если не помешаем.

Аграфена. Пожалуйте, пожалуйте! Зонтичек-то приставьте к стенке. Пущай отдохнет.

Остаева. Благодарю вас. Знакомьтесь. Это мой брат Фома.

Кукуев *(кладя руку на усы)*. Очень приятно завести знакомство.

Аграфена *(встревоженно, Кукуеву)*. Поди, батюшка, встань к свету.

Отвела к окну, коснулась усов, оглядела всего. Кукуев неподвижен.

Ой, усишши-то!.. Да чем же ты, батюшка, Настеньку-то нашу обольстил?

Остаева. Да нет же, что вы! Я даже вся смеюсь!

Кукуев. Ах-ах, ошибка! *(Положив букет на плиту.)* Никогда не сделаю такой глупости, чтоб жениться. Это долго объяснять, но факт остается фактом.

Остаева. Назовись, как я тебя учила.

Кукуев. Женихов дядя, Фома Кукуев.

Аграфена *(с облегчением)*. Должность какую-либо занимаете?

Кукуев. Эксперт я являюсь по роялям.

Остаева. Настройщик, по-нашему. Во времена старого режима фирма Блютнер, не слыхали?

Аграфена. Ой, не́ русская, слыхать? В чисты-то комнаты проходите, уж будьте гости до конца!

Остаева. А мы лучше тут, на сквознячке, посохнем. Тут у вас прекрасно. Я люблю, когда чисто. Чтоб всякую иголку на полу видать. Сядь, Фома!

Аграфена. Пирогами тут у нас воняет.

Кукуев. Приятным приятного не испортишь.

Они сели, разговор не клеится.

Аграфена. А мы тут радио заслушались. Очень приятно передают.

Кукуев. Музыка молодит человека. Особливо в жару.

Остаева. Фома, думай больше, говори меньше. Знаете, мы со станции пешком прошлись...

Кукуев. ...Один час восемнадцать минут, тютелька в тютельку.

Остаева. Ну какой ты, Фома!.. Утихни. Цветы такие яркие на жаре. Можно ослепнуть, если долго на них глядеть. Всю дорогу пришлось обмахиваться еловой веточкой.

Аграфена. А наши-то машину хотели за вами спосылать.

Остаева. Не-ет. Я и в прежние времена не любила в машине ездить. Меня от мотора мутит.

Молчание. Кукуев поймал бабочку на степе.

Аграфена *(Остаевой)*. Тоже занятие какое-либо в жизни имели?

Остаева. У нас заведение было.

Аграфена *(насторожась)*. Ой, поди хлопотно с народишком-то?

Остаева. Мы очень зажиточно жили. Ни в чем себе не отказывали. Фома, не раздирай мотылька, ему больно!.. Захочется фруктовой воды, сейчас же покупали фруктовой воды.

Аграфена *(хмуро)*. Та-ак-с!

Кукуев. Извиняюсь, кстати, попить у вас найдется?

Аграфена *(с сердцем на гостей, Лаврентию)*. Эй, полупочтенный, зачерпни там, в кадушке. И какое же, матушка моя, заведение?

Остаева. Вы про нас? Швейное. И заказчики были тоже все зажиточные! Адвока-аты... Даже один управляющий был. На железной дороге. Депом управлял.

Лаврентий подает ковш Кукуеву. Тот пьет, видимо наслаждаясь.

Аграфена *(уныло)*. По́льты, извиняюсь, шили али форменное что?

Остаева. Нет, мы верхнее не любили шить. Мы больше нижнее платье шили. Рубашки там, сорочки... Ну, все, что ниже, тоже шили.

Кукуев. Белошвейное производство. *(Очень благородно.)* Воду, извиняюсь, с колодца берете или из городу пользуетесь?

Лаврентий. С колодца-с. Многие не верят. *(И посмотрел на Аграфену, так ли сказал.)*

Аграфена *(сердито, Лаврентию)*. Иди в чулан, батюшка. Глянь, нет ли там мышей.

Лаврентий уходит.

Белошвейное-то мне знакомое. Была у меня одна швея. Это очень хорошо: как песню заведут, машинки застучат... Ну,

ровно на пароходе вдаль едешь. И капиталу прибавление. *(В упор.)* Народу-то много у вас работало?

Остаева в замешательстве молчит.

Кукуев *(кладя руку на усы)*. Перед зеркалом сидеть — так четверо, хо-хо-хо!

Остаева. Не будь болван, Кукуев!.. *(Смущенно.)* Вдвоем мы с сестрицей работали. Потом-то уж и померла она... *(Вспыхнув.)* Несчастная, в лестницу она кинулась.

Аграфена. С чего ж она так? *(И вот, заглядывая в мокрые глаза Остаевой.)* А скажите вы мне, милая, не Дашенькой ли вас зовут?

Всеобщее потрясение. Остаева пятится, роняет кастрюлю, потом кидается на шею Аграфене. Беретик с нее валится. Кукуев предупредительно отодвигает стол и табуретки.

Остаева *(смеясь и плача)*. Грушенька, что же ты мне сразу-то не открылась?..

Аграфена *(держа ее в объятиях)*. Остынь, Дашка, остынь. То-то я слушаю: на машине, говорит, ездить не любила. Я тоже, милая, не любила... Я и есть досытя не любила, Дашенька.

Остаева. Родная ты моя, родная, тело мое...

Кукуев взволнованно отворачивается.

Фома, это Груша, что у адвоката жила. Мы и Зойку-то с нею хоронили. Вдвоем да в дождик за гробом шли. Постарела-то ты как, Грушенька. Бородавки-то не было у тебя тут!

Аграфена. Годков-то, милая... А что прожито! А как сынов-то в грязи да в нужде подымали...

Остаева *(уже не помня себя)*. А как мы с тобой краюшечкой-то делились! Слезой-то посолишь ее погуще...

Кукуев *(взволнованно)*. Да перестаньте вы... люди же живые кругом, с сердцами!

Аграфена. Тут уж нам наливочки на радостях! *(Снова появившемуся на кухне Лаврентию.)* Эй, Ефим Филин, возьми там, на столе, плодоягодную да поесть, что глянется, захвати. *(Вслед.)* Ценного-то не побей!

Лаврентий с великой охотой бежит в комнаты. Кукуев заранее вынимает ножик со штопором.

Платье-то сама шила?

Остаева. Только самой себе и шить! Заказы-то брать сын не дозволяет. Неудобно, говорит, чтоб в научный институт чужие люди с узлами таскались. *(Яростно.)* Вот и отдыхаю. А я завсегда при руках моих жила. Руки-то и страдают!

Кукуев. Если не считать глаз и головы, то главнее рук нет у человека.

Аграфена. И не говори. Я от своих в колхоз бежать собралась. Настеньку выдам — и прощай... *(нараспев)* прощевай тоды, мой милый подстоличный городок!.. Матушка, жиреть стала.

Остаева. Ужас, ужас!

Аграфена. Полы бы помыть, а они паркетные. Внуков бы, глядишь, помять, а не дадено. *(Мечтательно.)* Зеленя-то поди уж в шелка́ пошли... *(Лаврентию в комнаты.)* Эй, там, не слыхать тебя... Закусываешь, что ли?

8

Возвращается Лаврентий, нагруженный всякой всячиной; три рюмки на подносике и бутылка; он жует.

Кукуев *(берясь за бутылку)*. Дозвольте проявить силу. Эх, был у меня знаменитый штопорок, да злые люди погубили... *(Он деликатно разливает по тонюсеньким рюмочкам, всякий раз вытирая горлышко чистым носовым платком — своим.)*

Аграфена. Ну, со свиданьицем. *(Лаврентию.)* Возьми себе рюмочку шелковистого-то на радостях.

И сразу из Лаврентьева рукава появляется четвертая рюмка. Налито и роздано.

Лаврентий. Наиприятнейшего времяпровождения!

Все выпили.

Кукуев. Что-то знакомое, но не могу уловить аромату. Факт остается фактом.

Для правильной ориентации он наливает себе и Лаврентию еще по одной. Лаврентий поглаживает его наливающую руку.

Остаева. Ты, Фома, как будто семь лет не едал, наваливаешься!

Аграфена. А чего! Нашему брату да в нонешнее время не покушать? Ешь, Кукуев. Ветчины бери, а то вот крабы.

Кукуев *(Лаврентию).* Краб — это есть большой паук, проживающий на морском берегу.

Лаврентий *(с благодарным чувством).* Разнообразие природы!

Кукуев. Как, как вы заметили?

Аграфена. Иди, батюшка, на место пока.

Лаврентий уходит в чулан.

Остаева. А как былое-то вспомянешь, Грушенька...

Неожиданно она запевает высоким фальцетом, делая какое-то профессиональное движение ногой: ножная педаль швейной машины. С третьей строки баском подхватывает Аграфена. Кукуев изучает тайну плодоягодной наливки, время от времени пожимая плечами.

При слиянии двух рек
стоит ужасный человек.
Ты за что меня спокинул,
разлюбил меня навек?
Головою кинусь в пролубь,
захлестну себя петлей...
Милый голубь да сизый голубь,
посидел бы ты со мной!

9

Рощин на пороге, обнявшись с дочерью.

Рощин. Вона, мы гостей ищем, а они уже песни поют.

Настя. Ну, познакомились, бабушка?

Аграфена. Родные мы оказались. *(Рощину.)* Рубашка-то синяя ластиковая, в тюрьму тебе принесла... это она тебе шила!

Остаева. Нет сил передать мое состояние. Боюсь проснуться...

Кукуев. Можете не верить: всю ночь глаз не сомкнула. Женская натура является загадкой для мужчины.

Рощин смотрит на него с любопытством.

Женихов дядя, Фома Кукуев. Дозвольте, как невесте, поднести бесхитростный букет. *(Ищет везде, берет с плиты обгорелый веничек.)* Винова-ат, это же черемуха была!

Р о щ и н. Ничего, в воде отойдет.

Н а с т я *(прижимая букет к сердцу и в тон Кукуеву).* Мерси вам от чистого сердца. *(Отцу, с торжеством.)* Как ты считаешь, все в порядке, Григорий?

Р о щ и н. Завтракать — молодежь проголодалась! *(Уходя в комнаты.)* Ксения, принимай гостей!

А г р а ф е н а. Ой, сгорят у нас совсем пироги... забыла!

О с т а е в а. Где у тебя фартук-то, давай помогу.

Кукуев уводит Настю под руку. Немного спустя из комнат доносится еще раз: «Женихов дядя, Фома Кукуев!» Происходит рождение свадебных пирогов. Старухи мажут их маслом, тычут лучинками, соблюдая кухонный ритуал. Реплики их носят чисто технический характер. Из столовой слышен шум нетерпения.

10

О с т а е в а. Ну-ка обдерни меня сзади, Груша. Ничего там не сбилось?

А г р а ф е н а. Ладно, бери с капустой-то. Не ровен, еще тарелки побьют!

Они торжественно несут пироги. Сцена поворачивается. Столовая. Два разнокалиберных стола накрыты одной скатертью. Тахта у стены. Букет черемухи уже в вазе. Все сидят за столом и барабанят вилками в тарелки. Жених отсутствует. М а г д а л и н и н среди гостей. Появление будущих б а б у ш е к встречается аплодисментами.

11

К с е н и я. Ура, ставьте их на средину. *(Остаевой.)* Здравствуйте и садитесь, где вам нравится.

П о д р у г и. К нам, к нам... Вот это место не занято.

О с т а е в а *(кланяясь на приветствие).* Спасибо... и пускай вы, девочки, так же будете счастливы в мои годы, как я сейчас. Фома, откликнись!

К у к у е в *(привставая).* Язык ограничен в пределах.

Уже теперь он не сводит глаз с Елены, та конфузится.

Н а с т я. Еленочка, садись рядом со мною. Дарья Никитишна, дайте я вам фартук сниму.

Р о щ и н. Нет, дочка, дай уж мне поухаживать. *(Снимает фартук.)*

Остаева плачет.

Н а с т я. О чем вы, Дарья Никитишна?.. Что с вами?

К у к у е в. Переживание.

О с т а е в а *(в слезах)*. Как в бывалошнее время... к магазинщику одному за деньгами я притащилась... приданое его дочке шила. А прикащики-то собаками меня, для забавы... А я толстая, в забор враз не пролезу, тыркаюсь...

А г р а ф е н а. Да перестань ты, оглашенная, дрянь-то вспоминать!

Р о щ и н. Вот-вот, почаще им *(жест на молодежь)* рассказывайте. Веселей завтра драться будем.

М а г д а л и н и н. Поблекшие враги наши всегда помнят, чем они были вчера. И нам тоже не следует забывать об этом.

Пауза.

Н а с т я *(Магдалинину, благодарно)*. Вы хорошо сказали...

Остаева улыбается.

Ну, вот и все. И солнышко.

О с т а е в а. Извините за неожиданность.

Е л е н а *(Кукуеву)*. Кушайте, чего вы на меня уставились.

К у к у е в. Не могу. Гляжу и целиком теряюсь.

Е л е н а. Почему?.. Смешной какой!

К у к у е в. Вы мне вчера во сне такую вещь сказали...

Е л е н а. Ну что вы, право, Фома Никитич!

К у к у е в. ...и, главное, я поверил вам, как ребенок!

Все смеются. Кукуев со вздохом принимается за пирог.

А г р а ф е н а. А уж и настрадалась я с тобою, Даша! Что за барыня, думаю, притащилась. Внучку-то ведь жалко, в какие руки попадет.

Часы бьют два раза.

Р о щ и н. Жениха-то багажом, что ли, отправили?

К с е н и я. Да, что-то не торопится.

О с т а е в а. Не знаю, что и думать. Не случилось ли чего?

М а г д а л и н и н. А могло!

Пауза недоумения.

Р о щ и н *(Насте)*. Ты бы хоть позвонила ему.

Н а с т я. Почему же ты не захватил его с собою? Он тебе сегодня заявленье об уходе подавал.

Р о щ и н. Ну, открывай тогда твой секрет. Кто же он?

Н а с т я. Остаев, Андрей Павлович.

О с т а е в а *(привставая)*. Остаевы мы, Остаевы.

Р о щ и н. А! *(Плохо скрывая досаду.)* Мало в нем жениховского-то. Суховат твой суженый.

М а г д а л и н и н. А я бы его в излишней резвости упрекнул.

Все затихло.

Еще третьего дня утром он гулял под ручку с Цирюльниковым. Смеялись... И вообще мне показалось, что т а к смеяться может только не наш человек.

Остаева потерянно встает в тишине.

Н а с т я. Папа, папа...

О с т а е в а. Вы... вы сказали... Андрюша не наш человек? Фома... как он про Андрюшу-то сказал!

К у к у е в *(в волнении поднимаясь во весь рост, по-солдатски)*. Виноват. У Остаева глаз ясный. У Андрея Остаева скрозь глаз сердце видать.

М а г д а л и н и н. Я про то говорил, что́ у него на службе видать. И еще — к о м у видать.

К у к у е в. Ах-ах! *(Помолчав, трудно соображая.)* Зачем же Кукуева порочить? Кукуев в гражданской войне дрался.

М а г д а л и н и н. Надо сперва узнать, на чьей стороне он дрался.

Замешательство. Одна из подруг вскрикнула. На всякий случай все прячут глаза от Кукуева. Он в смятении вытирает салфеткой пот с лица. Он ищет слов, их нет. Он совсем один. Он говорит через силу и с запинкой.

К у к у е в. Я... я... Умственная способность моя, возможно, меньше вашей... *(грудью двинувшись на Магдалинина)*, но я выжимаю на два пуда больше!

Его придержали. Магдалинин значительно кивает Рощину на Кукуева. Рощин сердится, ни на кого не глядит.

О с т а е в а. Нам бы погулять теперь. Мы уж покушали на кухне. Знаете, у нас Фома очень природу любит. *(Рукой гладя брата по лицу, чтоб успокоить.)* Фома, Фома!..

Настя *(вскакивая)*. Папа, мне опять не нравится этот Магдалинин.

Тогда Магдалинин поднимается, обводит всех взором и медленно идет к выходу. В смятении сердца он уходит через кухню.

Ксения *(догоняя его)*. Василий Самсонович, Василий Самсонович... Григорий, вмешайся же наконец!

Магдалинин. Девочка права. Я зря сюда поехал. Мне надо сосредоточиться, побыть одному... Но в доме Рощина не говорят неправды! *(Ушел.)*

12

Рощин. Настя, я лично прошу тебя вернуть этого человека. Это мой старый сослуживец...

Ксения. ...и единственно преданный тебе до конца человек.

Рощин. Он оказал нам большую услугу.

Пауза.

И у него сегодня дочь хоронят. Настя-а!

Настя. Я не могу, папа. Не заставляй меня!

Аграфена. Оставь ее, Гриша. Вся дрожит девка-то.

Остаева. Дайте уж мы тогда его догоним. Он Андрюшку хотел обидеть, а я его мать. Ему приятно будет, что сама мать извиняется. *(Тихо.)* Пойдем, Фома... нам не впервой!

Они идут вон из комнаты рядом, плечом к плечу.

Кукуев *(очень сурово, с порога)*. Извиняемся за причиненное беспокойствие.

Настя. Дарья Никитишна, не ходите за ним. *(Топая ногой.)* Я не велю. Для меня же весь праздник. *(Бросается вдогонку и роняя стул.)* Мама!

Рощин. Настя, вспомни письмо.

Настя в растерянности бежит к Аграфене.

Настя. Бабушка, что же делать-то мне?.. Бабушка!

Аграфена *(басовито и властно)*. Э, дитя! Солнце на дворе, пироги на столе, а людям все мало. Пойдем вместе, махонькая моя, дураков мирить!

Они уходят. В ту же минуту телефонный звонок.

13

Ксения. Вот и жених... в самое время! *(Елене.)* Это из проходной будки звонят. Возьми трубку.

Елена поднимает трубку и снова с силой прижимает рычаг. Ксении не сразу удается сорвать с рычага ее руку.

Пусти же, что с тобой? *(В трубку, не выслушав.)* Пропустить, пропустить...

Рощин *(поднимаясь из-за стола, раздумчиво)*. Кто пригласил Магдалинина к обеду?

Молчание.

Как Остаев заявится, проведите его ко мне. *(Ищет на столе.)* Пить... питья опять у нас никакого нет!

Елена. Я сейчас на погреб за квасом сбегаю.

Рощин уходит. Подруги потихоньку выбираются из комнаты. Елена поднимает глаза на Ксению.

Пироги-то убирать? Остынут.

Ксения. Выдавать замуж больше некого. Может, тебе захотелось?

Елена *(сдержав себя)*. Я пока не собираюсь замуж выходить.

Ксения *(испытующе)*. Чужими мужьями пробавляться думаешь?

Елена *(сурово)*. Язык-то жалит, да яд не жжет. Как бы не раскаяться тебе, Ксана. *(Уходит.)*

Мгновение спустя Ксения бежит за нею. Сцена пуста.

14

Дверь распахивается рывком. Точно с разбегу в ней встает нестарый, длиннорукий и бородатый человек в меховой, внакидку, куртке. В одной руке эскимосская шапка-кюхлянка, в другой — большой и до отказа набитый чемодан, который он волочит за собою.

Лука. Что... никого дома нет?.. А голоса?

В тишине он идет на средину комнаты поднять опрокинутый стул. Из кухни выглядывает Лаврентий. Он выставляет руки, защищаясь, когда к нему приближается Лука.

Лаврентий. Ну, чево, чево тебе тут?

Лука. Добежал? Уйди.

Лаврентий *(показывая пальцами)*. Три слова... три!

Лука. Не на людях, дурень.

15

Ксения *(из боковой двери)*. Вот не гадали. Ты прямо с вокзала? Григорий, к нам Лука приехал.

Лука. Здравствуй, сестра. *(Разнимая ее руки у себя на шее.)* Ну!.. похудела.

Рощин *(войдя)*. Надо было позвонить, чудило полярное. Я бы послал за тобою.

Лука. А я и звонил на квартиру. Там не ответили. Я тогда прямиком сюда. Елена дома?

Ксения. Она на погреб побежала. Ты садись, раздевайся.

Рощин. Пирога ему штрафную порцию.

Лука. Сперва пить и спать. Устал за двадцать суток. *(Оглядывая стены.)* Все новенькое, с иголочки. Настя небось выросла?

Рощин. Невеста, не узнаешь!

Лука. У меня для ней подарок есть. Елена здорова?

Ксения. Сказано тебе, она сейчас вернется. Ну, как медведи на полюсе?

Лука. А я ведь, собственно, на Чукотке сидел. Дальше семидесятой параллели не заглядывал. *(Очень размашисто и жадно.)* Надоело, солнца хочу. Три года ледяной ночи — это много.

Рощин. Да, не мало. Рассказывай, рассказывай!

Шум в соседней комнате. Лука оглядывается.

Гости у нас сегодня. Настасью выдаем.

16

Три Настиных подруги и молодой человек.

1-я подруга. Все помирились, все идут сюда.

2-я подруга *(соседке, удивленно)*. Это не жених, этот, в бороде?

3-я подруга. Наверно, зимовщик. Я в журнале видала таких.

Ксения. Знакомьтесь, девочки. Это мой брат, Сандуков.

Они робеют. Лука протягивает им руки, шутливо рычит.

Лука. Что, страшный я, девушки?

1-я подруга *(подходя и улыбаясь)*. Вы весь меховой. Наверно, боитесь простудиться?.. Тоня.

3-я подруга *(залпом, в одно дыхание)*. Студентка второго курса педагогического техникума географического отделения, Нина.

Вторая подруга фыркает.

Лука. Пятнадцать тыщ для вас отмахал, а вы уж и на смех подымаете!

2-я подруга. У вас... у вас такой вид... словно вы... забыли побриться в прошлом году.

Молодой человек *(знакомясь, с фотоаппаратом в руках)*. Я состою в арктическом кружке... как секретарь. Можно мне вас снять?

Лука. Вот отдохну, срежу бороду, поем, посплю, отогреюсь как следует...

Рощин. Озяб, наверно!

Ксения. Что ты спрашиваешь! Лед, холод, растительности, конечно, никакой...

Лука. Растительность я носил при себе.

Общее внимание, все молодые столпились вокруг Сандукова. Из записной книжки он достал засушенный цветок.

Вот. Одна девушка сорвала мне это три года назад. Э... да далеко у вас погреб-то?

Ксения. Потерпи же, Лука. Она за квасом побежала.

3-я подруга *(благоговейно)*. Можно мне осмотреть этот сухой цветок? *(Соседке.)* Как в стихах, верно? Как в стихах!

2-я подруга. Дай мне. Ты уж посмотрела.

1-я подруга. Девочки, он снегом пахнет... *(Заглянув в книжку.)* А там нарисовано... это план зимовки?

Лука. Это вам еще рано, девушки. Это чертеж скворешника.

Молодой человек *(враждебно)*. Почему бы, однако, нам рано?

Рощин. А ну, покажи.

Не сразу Лука вырвал листок из книжки и протянул Рощину; тот принял его после секундного раздумья.

Ого, целый птичий комбинат: крылечко, поилка... Ну, объясняй!

Лука. Как-то раз, помнится, нерпичий жир горел в плошке, а я...

Тем временем вернулись Остаева, Настя, Кукуев с Магдалининым в обнимку,— через минуту они молча станут выпивать в уголке. Все почтительно сохраняют тишину. Аграфена пальцем зовет Остаеву на кухню. Лука делает приветственный жест Насте, которая шепотом рассказывает про него подругам.

...а я глядел на пляшущие копотинки и рисовал это. *(Глухо.)* Мечтать о скворешнике — это стареть. Выдумай мне, Григорий, где-нибудь избушку на лесной поляне... чтоб одуванчики в траве... воркотня в этом *(стуча пальцем по листку)* домике, и нагретой хвоей пахнет. А?

Рощин. Заело, вижу, тебя. А на завод, по старой специальности, не хочешь?

Лука. Нет, не теперь. *(Кукуеву, который подобрался и заглядывает в самый рот Луки.)* Вы, кажется, что-то во рту у меня забыли?

Кукуев. Интересно очень, и глазам невероятно.

Ксения. А вот и она! *(На кухню, Елене.)* Еленочка, иди скорей. Он весь в сосульках. Обогрей его поскорей. Еленочка...

17

Пауза. Потом Елена с глиняным кувшином.

Елена *(протяжно и навскрик)*. Лука!!

Она стоит на месте, бессильно откинув голову к косяку двери. Квас льется на пол. Лука быстро подходит; не сводя с нее глаз, берет кувшин из ее вялых рук.

Лука. Ну... ну, не надо. Сердишься?.. Простила?

Елена. Не то, не то...

Лука взахлебку пьет из кувшина. Жидкость течет по его бороде и платью. Он смотрит на Елену долгим взглядом и снова пьет.

Как... доехал?

Настя *(выталкивая подруг)*. Не будьте любопытны, девочки. Пошли, пошли Андрюшку встречать!

Подруги уходят неохотно.

Лука *(отдавая кувшин)*. Хлебный. Хорошо. Теперь спать.

Ксения. Ты пока ложись здесь до обеда, а я тебе кровать приготовлю. Гриша, можно его с тобой на террасе положить? Еленочка, ты задерни шторы.

Елена *(все еще слабо)*. Я ему сейчас... подушку принесу.

Все деликатно ушли, кроме Кукуева и Магдалинина, которые самозабвенно пьют на брудершафт и на ухо, по-братски, бранят друг друга. Кукуев кивает на Луку и шепчет что-то на ухо Магдалинину, который тоненько хохочет.

18

Лука *(идя к ним)*. Что он вам про меня сострил? Давайте знакомиться. Сандуков!

Магдалинин. Да он говорит, что вы с ним уж встречались.

Лука. Не припоминаю.

Кукуев. Вы у меня в прошлом году вещь забрали попользоваться, да так и не отдали.

Лука. Какую вещь?

Молчание.

Магдалинин. Да вещь-то, ты скажи, какую!

Кукуев. А штопор! Ситро открыть. Под Воронежем.

Лука *(снисходительно хлопая его по плечу)*. Чудак! Я три года сидел на Чукотке. Как же я мог к вам оттуда до Воронежа дотянуться!

Кукуев. Вы в карманах-то пошарьте — может, и найдется. Вещь-то заветная. Там с другой стороны ключ настройный был.

Магдалинин *(под хмельком)*. Какой ты нескромный, Кукуев. Может, он с Чукотки по этой... ну по дамской линии выезжал. А ты порешь вслух. А у него тут невеста. Пойдем, пойдем отсюда!

Кукуев. Главное дело — вещь-то заказная, любительская.

Магдалинин. Грубый ты, грубый. А еще струны настраиваешь. *(Насильно уводит Фому.)*

Елена возвращается с подушкой, бросает ее в изголовье тахты.

Елена. Вот, спи. Я тебя разбужу к обеду.

Лука *(удерживая ее)*. Ты не рада мне?

Елена. Руки! Руки убери...

Лука. Я сдержал свое слово — вернуться через три года. А ты?

Елена. Э, не о том нам надо говорить, Лука. Сон я видела вчера...

Лука насторожился.

Ты бежишь, и тебя убили. А ты не хочешь и опять бежишь.

Лука. А... дальше?

Елена. Потом я проснулась. Я как безумная проснулась. Бросилась к окну... Дождик шел.

Лука. Чепуха-а... Смотри, что я тебе привез. *(Он раскрывает чемодан, небрежно выкидывает оттуда белье, вещи, подарки родным.)* Это кость моржовая... Рощину, для смеха. Это Ксении торбаса. Это кюхлянка Насте. А тут у меня, на самом дне... Ну, закрой глаза!

Елена *(увидев в чемодане)*. Револьвер, спрячь назад. Какой большой! Он заряжен?

Лука. Да... а что?

Елена. Убери, убери, не люблю.

Лука. Пустяки, ты сюда смотри. *(Выхватывает из чемодана шкуру песца.)* Это голубой, Лена, голубой! Погладь его.

Елена. Мне?

Лука. Да. Прикинь на шею.

Елена *(борясь с собой)*. Небось дорого заплатил?

Лука. Нет, я сам. Тут, на лапе, и след от капкана. О, как я соскучился по тебе! Бывало, выйдешь в полдень на берег. А но-очь! На Беринге льды, ветер свищет по разводьям. В нем голоса с далекой земли. И среди них — твой. Звала меня?

Пауза.

Елена. Говори, говори много, чтоб я забыла свои мысли.

Лука. Не хочешь простить, что я ушел тогда, перед свадьбой. Пойми, не мог. Права не имел. Нам помешали бы. А теперь все ясно впереди.

Елена *(в упор, властно)*. Скажи мне все... всю правду, все и сразу, что ты от меня прячешь. Не опуская глаз, скажи!

Лука. Я письма покажу тебе, которые я писал каждый день. И все не мог послать. *(Копается в чемодане, стоя на коленях. В дверную щель просунулось лицо Кукуева. Нетерпеливо.)* Спроси его, Лена, что ему?..

20

Елена. Что вам, Кукуев?

Кукуев *(значительно)*. Хотел напоследок на солнышко взглянуть, перед тем как закатится.

Елена. Ну, посмотрели — и хватит. *(Нетерпеливо.)* Идите, помочите себе голову.

Кукуев *(войдя в комнату)*. Сказать правду, ужасаюсь происходящему. *(Луке.)* Одолжите хоть папироску!

Лука. Возьмите там, на столе.

Кукуев *(осмотрев портсигар)*. Вот, что я говорил! И портсигар тот же, что под Воронежем. Факт остается фактом.

Лука *(продолжая копаться в чемодане)*. Не могу я найти этих писем...

Вдруг раздается выстрел. Кукуев хватается за висок. Под пальцами проступает на коже красная полоса. Лука вскакивает к нему, почти падающему.

Вас задело?

Кукуев ошеломленно молчит; его тело оседает. Он потягивает скатерть, скомкав край в кулаке. Падают стаканы и бутылки на столе.

Елена. Кажется, мимо. И ведь говорила я тебе, Лука!

Лука. Откройте же глаза... Вина, выпейте вина, Кукуев!

Пауза. Кукуев открывает глаза. Долго смотрит на Сандукова.

Кукуев *(очень трезво, строго и сощурив один глаз)*. Я у тебя только папироску попросил, а уж ты мне сразу и огоньку! *(Отстраняя Луку.)* Ничего. Моя красота от этого не погибнет.

Елена. Возьмите же папироску-то!

Кукуев. Извиняюсь. Я не курящий. *(И он уходит, пятясь спиною.)*

21

Елена одну за другой распахивает двери. Всюду тихо. Она выглядывает за штору в окно.

Елена. Все ушли. Хорошо еще, никто не слышал. Неужели ты меня ревнуешь даже к Кукуеву?

Лука. Спа-ать!

Она хочет уходить, он схватил ее за край платья.

Нет, нет... видеть тебя я хочу еще сильнее. *(Махнув рукою.)* Нет, спать еще больше хочу. Не забыть: его фамилия Кукуев. Ну, теперь уходи. Разбуди меня... через год!

Он валится на тахту, сгребая под себя подушку и валик, и засыпает лицом вниз, мгновенно, Елена стоит над ним в смятенье.

Елена *(как бы жалуясь)*. Зачем же ты не хочешь говорить со мной, Лука?

22

Лаврентий *(шепотом, из кухни)*. Что, никак, началось? Можно мне теперь к нему?

Елена. Завтра, завтра... Спит.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Низенькая, но широкая остекленная терраса на даче у Рощина. Две громадных сирени приникли снаружи к рамам. В левом полукруглом углу несколько банок с длинными безлистными растениями, подмороженными за зиму. Тут же складная, с серым суконным одеялом, койка Рощина. Ближе, лицом к рампе, большой и неожиданный в таком месте, карельской березы шкаф. Входная дверь направо. Красные сумерки стоят в комнате, потому что закат пробивается сквозь набойчатую, с красными цветами, до полу занавеску. Когда ее отдернут, оранжевые пятна, разлинованные рамами, лягут на бревенчатую стену. Здесь сооружена из стульев кровать Луки. Она в беспорядке, клетчатое одеяло съехало на пол. Рядом раскрытый чемодан Луки. Бумажная карта страны наколота на стену. Стол с подвернутой клеенкой; на его неприкрытой части зеркало и стакан чая. Беспоясый и с расстегнутым воротом, в синей кавказской гимнастерке, Лука мылит щеки. Бороды уже нет. Где-то за террасой теннисный корт. Оттуда доносятся голоса молодежи.

1

Голоса. Колька, Колька, не жулить! Василий Самсонович, берите свободнее!

Взрыв смеха, аплодисменты. Вошла Елена с платьем Луки и плетеной лопаточкой для выбивания пыли. Она бросила весь ворох на постель и смотрит сзади на Луку. Тому видно в зеркало ее лицо.

Лука. Давай условимся на будущее время. Не терплю, когда на меня смотрят со спины. Бритву принесла?

Елена *(кладя ее на стол)*. Я у Григория Ивановича взяла. Потом вернешь мне.

Пауза.

Сколько моли в твоей куртке! Откуда же моль-то на холоде развелась?

Лука. А ты думала — снег полетит, как ударишь? Снег остался позади. Ха, он растаял от твоей любви, Лена. Сколько я спал?

Елена. Сутки.

Она раздергивает занавеску, открывает раму. Полураспустившаяся сирень вваливается в комнату.

Все уж пообедали. Григорий Иванович с Ксенией уехали на спектакль. Ты спал...

Лука. Это его кровать, Рощина?

Елена. Да.

Лука. А Ксения?

Елена. Они врозь спят. *(Прижимая мимоходом сирень к лицу.)* Ты что-то хотел сказать мне?

Лука. Нет, с чего ты взяла? Бритва хорошая.

Пауза.

Ничего не помню. Даже как вы перетащили меня сюда. Смутно только — музыка какая-то, пение.

Елена. Вечером жених приехал, танцы начались. Он и перетаскивать тебя сюда помогал.

Лука. Не помню. Кто он?

Елена. Врач. О нем писали. Я его не знаю. Из-за него-то и суматоха. Да, тут еще дрянь одну поймали, Цирюльникова. Магдалинин помог его раскрыть. Да!.. Видишь ли, третьего дня письмо пришло с предупреждением: стеречься от злых людей, которые войдут в дом.

Лука *(быстро)*. Подпись?

Елена. Без подписи.

Лука. Всё ловят призраков, взрослые люди. Даже там у нас, на Чукотке. *(Мимоходно.)* Опять смотришь сзади... Что с народом делается!

Елена. А что? Народ тишины хочет, труда и братства. Слушать его надо, Лука.

Лука. Что народ! У меня на себя своего ума хватит. Я сам.

Елена. Народ! Ты встань да шапку сыми, о народе-то говоришь. Ты чей сын? Вас пятеро у Лаврентия, а все при деле. Ксанка кутью бы жрала на чужой могилке со своим

блохастым дьячком. А Федор? А ты-то сам! Инженер-механик, в большую семью пущен... Э, не то я говорю. Мне бы кричать надо. А вот о чем — не знаю.

Сказав лишнее, она зажала себе рот ладонью. Лука идет к ней, Елена встревожена.

Что, что ты хочешь делать?

Лука. За сутки ты мне ласкового слова не сказала. И речь твоя двойственная. Но я-то знаю: ждала, ждала меня!

Ей страшно его вытянутых рук. Он взял ее за плечи, она рванулась, не удалось.

Елена. Я тебя другого ждала. *(Внезапно.)* Лука, на коленки встану... скажи, что ты там наделал?

Лука. Ты люби и не думай. Счастье ума не любит.

Елена. Постой, не надо...

Лука. Согрей меня, я озяб.

Елена *(высвобождаясь)*. Мертвому и в пожаре холодно. Пропадать с тобою не хочу. Скажи, деньги у народа украл, да?

Лука *(толчком локтя закрывая раму)*. Нет.

Елена *(шепотом)*. Убил кого-нибудь? Случайно... как вчера Кукуева.

Лука *(зажимая ей рот)*. Замолкни. В мыслях, в мыслях потуши. Мы теперь с тобой уедем в глушь. Я видал из вагона: есть еще боровитые места. Ты с обрыва спускаешься за водой. И ты сама как речка: все в тебе — лес и небо. А я сижу на камне...

Елена. Пусти, задушишь. Я людей крикну...

Они борются. Стук в раму. Снаружи, привстав на завалину, засматривает Лаврентий и делает знаки. Вытирая лицо полотенцем, Лука идет к окну.

Лука. Ну, что тебе, лиса?

Лаврентий воодушевленно машет руками, и сквозь стекло ничего не понять из его жестов.

Ну, заходи. Давай скорее.

Лаврентий исчезает.

Эх, Лена! Не ссорилась бы ты со мной...

Елена *(подаваясь на его ласку)*. Вот, и сильный ты. А кажется: раздеть тебя — и весь ты в рубцах, битый. Кто, кто тебя сюда пригнал?

Лука *(хрипло)*. Любовь.

Стук в дверь.

(Громко.) Давай!

2

Вошел Лаврентий с сумою. Он изображает великую радость свидания с сыном.

Лаврентий. В кои веки, Лука! Дай мне прижать тебя, принять на себя твое дыханье...

Лука. Ступай теперь, Елена. Сейчас ломаться начнет. Ишь что на публике выделывает, петрушка.

Она не трогается с места. Лаврентий суетливо бегает по комнате, заглядывая во все углы — нет ли посторонних; и верно: есть в нем что-то от петуха, обхаживающего курицу.

Ступай, я сказал. Дай Сандуковым обняться на радостях. *(Лаврентию.)* Эй, петух, курицы не вижу!

Елена уходит.

3

Лаврентий. Сие проходит мимо меня. Уж полгода не осязал тебя, вот и льются слезы-то. *(Прикрыв рот ладонью, секретно.)* Боялся: уж и застрелили Лукашку-то, как букашку, хе-хе. А он живет, сукин сын, слава богу, во святых его!

Лука *(барабаня пальцами в стол)*. Короче, короче, лиса. Не обедню тянешь.

Лаврентий. Злое семя, злое семя. Плевел, плевел на ниве людской. А родной, родной!.. Как тебя называть-то теперь?

Лука. Как! Ты Сандуков, я твой сын. Обыкновенно. Ну, что у вас там, в загробном мире?

Лаврентий. А ничего. Лежим, сынок, под нафталинцем, до всеобщего воскресения.

Лука *(строго)*. Помирать пора, отец. Совесть надо иметь.

Лаврентий. Легко сказать! Что она, адреса моего не знает?.. Да ведь живучие все у нас в роду. Считай!.. Прокопий уж только шестидесяти осьми в колодец упал, пьяный. Герасим-то на семидесятом вторую сноху заездил. Онисим... *(Махнув рукой.)* Только ты у нас рано себя кончаешь.

Рама раскрылась от ветра. Лука пошел закрыть ее, смял при этом в горсти ветку сирени и поднес к своему лицу.

Лука. Ну, я жизнь люблю, старик.

Лаврентий. Да жизнь-то тебя не любит.

Лука хочет кстати задернуть и занавеску. Лаврентий не дает.

Пошто, пошто тебе тьма? Пускай светло будет. *(Тревожно.)* Скоро отсель уходить-то собираешься?

Лука. Дай дух перевести, не гони раньше сроку.

Лаврентий. А я и не тороплю тебя. Хошь — нонче уходи к вечерку, а хошь — завтра поутречку. Так ножками ступай... А то ризы-то с тебя совлекут, весь срам и увидят.

Лука. Ты за мной, как горе, ползешь. От Глафиры меня прогнал. У Федьки двух дней погостить не дал. Опасную игру ведешь, старик!

Лаврентий. Самыя жизни дороже мне счастье детей моих.

Пауза.

Ты бритву-то положь. Бритва есть острый пре́дмет.

Лука. Океан хитрости в тебе, лиса. Денег хочешь?

Лаврентий *(очень поспешно)*. А что, лишние завелись?

И он уже гладит то место стола, краешек, куда должен положить деньги Лука. Сын откровенно смеется над этим непроизвольным движением Лаврентия.

Нет, сынок, не воодушевляет меня злое злато твое.

Лука. Не о злате речь. Ну, а вещь, например, рублей в пятьдесят, воодушевляет тебя? Ха, тогда возьми вон одеяло у Ропцина!

Лаврентию остается лишь посмеяться над собой вместе с сыном.

Лаврентий *(сквозь смех и кашель)*. Ух, заморил ты меня совсем, Лукашка. Шутишь над стариком, в люди вышел. Тебе уж поди иерей-то и пахнет плохо. *(Наступая на сына.)* На-ка, понюхай меня, отца своего!

Лука. Брось, брось... *(И сразу обрывая веселье.)* А если не уйду?

Пауза. Лаврентий вытирает лоб рукавом.

Лаврентий. Я тебя тоды народу выдам. Выду на базар да — «людишши, вскричу, хватайте его, пока не поджег он до́мы ваша, пока ребяток ваших не потравил!» А у них, Лукаш, рука тяжелая.

Лука. Всегда знал, что ты поможешь мне упасть.

Пауза.

Много в голове держишь. Лучше порох в ней хранить, чем такие мысли. Смелый ты!

Лаврентий. А я всякий бываю. Мне Ксанку от тебя охранить охота. Чево в ей?.. На что Рощин польстился? Так только, жилка какая-то дрожит и гибнет. А в счастье живет. Уж дай ей жить, уйди!

Лука. Куда уйти-то, лиса!

Лаврентий. А беги, скитайся. Летом травку ешь, ягодка, грибок тебе случится. Река тебя напоит. А зимой... что зима! Собаки-то не мерзнут!

Лука. Уж умереть легче.

Лаврентий. И то! Сам, ты сам умри, Лукаш. Самому-то не так страшно. Посмейся над ними! А я твой грех отмолю... в чистом поле, перед осиновым пеньком. Смелей! *(Подталкивая снизу в подбородок.)* Глянь, глянь наверх-то разок! Давай я благословлю тебя. Веревка у меня есть хорошая, конопельная...

Лука молчит, плечи его обвисли. Лаврентий кладет руку ему на голову.

Властью, данной мне от него *(стуча по суме)*, дрянь и прелесть мира создавшего, сымаю с тебя самоубиение твое!

Лука *(с силой отпихивая его от себя)*. Иди ты... к черту!

Ему жарко, рубаха душит его; он рванул ворот, стрельнула пуговица; долго ходит по комнате.

Для кого ты представление затеял? Ломается-ломается... Тебе Ксанку жалко или себя?

Лаврентий *(тихо)*. Ты раскамаривай себя на стороне. А за других не хватайся. Я тебе башку напрочь оторву. И Ленку за собой не влачи: она тебя первая утопит!

Лука. Ага, своим голосом наконец заговорил.

В ту же минуту на террасу через открытую раму влетает теннисный мяч. Лаврентий пугливо шарахается.

Это мячик с тенниса... Сколько же ты мне сроку даешь?

Лаврентий. И часу много, да мягко сердце-то. День!.. Ну, не серчай на меня. *(Копаясь в кармане.)* Орешков не хочешь? Мне старушка даве подвалила... Ты, говорит, уж больно старичок-то забавный. И верно, я смешной! И какая я лиса,— я уж скорей зайчик стал. *(С порога обернулся.)* Пахнет-то у тебя как духовито!

Лука. Сирень.

Уходя, Лаврентий сталкивается с Настей. Слышны голоса остальных, которые ищут мяч под окном.

4

Настя *(внимательно глядя вдогонку Лаврентию)*. Лука Лаврентьевич, тут мячик не залетал?

Лука. Где-то здесь.

Настя *(в окно)*. Тоня, Нинка... он здесь, здесь. *(Луке, который, откинув ногой крышку чемодана, раздумчиво смотрит в него.)* Это Магдалинин. Мы его хотим научить, а он такие свечки дает...

5

Две Настиных подруги, молодой человек и Магдалинин с ракеткой входят через дверь. Солнце уже низко, последние блики горят на стене.

1-я подруга. Ну, нашла? *(Луке, едва узнав его.)* Здравствуйте!

2-я подруга. А вы без бороды еще старше выглядите. Ну, нашли?

Настя *(на коленях)*. Нет, закатился куда-то. И под шкафом нету. *(Да она и не ищет, а все глядит украдкой на Луку.)*

Магдалинин *(виновато, не участвуя в поисках)*. Говорил я вам, поздно мне спорту обучаться.

Молодой человек. Зачем же вы снизу-то поддаете? Эх, старец! Нужно глазомер иметь.

Магдалинин *(ворчливо и утираясь платком)*. Вот и заменили бы меня, раз вы такой профессор.

Молодой человек. К сожалению, я не играю в теннис.

Настя. Нашла, нашла! Он за банку с вареньем закатился.

Молодой человек *(Луке)*. Можно мне теперь снять вас, товарищ Сандуков? Пока солнце не ушло...

Лука *(рассеянно)*. Снимайте.

Молодой человек. Вот спасибо. Тогда садитесь вот тут, так. Теперь встаньте кто-нибудь из своих сзади... А то скажут, что я с чужого негатива напечатал...

Девушки стесняются.

Настя. Иди ты, Нина.

2-я подруга. Почему именно я? Я вся растрепанная. Лучше Тоня.

Магдалинин. Давайте я встану. *(Становясь позади Луки.)* Вот для этого дела я гожусь.

Молодой человек. Отлично! Василий Самсонович, положите руку ему на плечо. А вы *(он срывает карту со стены)* возьмите вот карту... и как будто показываете, где Чукотка. Так!

Он разошелся, перекладывает руки Луки, поправляет складки его гимнастерки, даже коснулся подбородка. Тот взглядывает с бешенством, но повинуется.

Теперь внимание. Ой, забыл, какая кассета у меня была снята...

Настя. Все фотографы — деспоты, а ты, Колька, прямо рабовладелец!

2-я подруга. Сейчас солнце скроется.

Молодой человек. Внимание! Василий Самсонович, немножко улыбки! Снимаю...

Все замолкают. Щелкает затвор. Солнце скрылось, сразу стало сумеречно. Все собрались уходить.

2-я подруга *(первой)*. Ну, говори, говори... ты хотела сама.

1-я подруга. Лука Лаврентьевич... у нас завтра в педтехникуме вечер перед выпуском. Вы не согласитесь выступить с рассказом о жизни наших незаметных героев за Полярным кругом?

Лука. Не знаю. У меня плохо выходит.

2-я подруга. Настя, попроси его.

Настя. Они уже с директором сговорились. Все очень просят.

Лука. В котором часу? Возможно, я уеду к ночи.

1-я подруга. О, мы успеем. Приедем за вами на машине, упакуем...

Магдалинин. ...в стружки.

Молчание. Косой взгляд Луки.

2-я подруга. Почему в стружки? Тоже сострил!.. И увезем прямо на вокзал, даже не заметите.

Лука. Хорошо.

Они уходят. Магдалинин незаметно прячется за занавеску. Первая подруга возвращается.

1-я подруга. Разрешите наш спор, если вам... Как пахнет белый медведь?

Лука *(зло)*. Рыбой. Он тухлой рыбой пахнет.

1-я подруга *(разочарованно)*. Спасибо.

Ушла, и тотчас же за дверью начинаются поиски Магдалинина: «Василий Самсонович! Василий Самсонович!..»

Магдалинин *(из-за занавески)*. Не говорите, что я здесь. Прямо до испарины загоняли.

2-я подруга. Магдалинин у вас?

Лука. Он в окно вылез. *(Магдалинину.)* Выходите, они убежали. И уходите. Я хочу быть один.

6

Магдалинин *(вышел из своего укрытия)*. Минуточку пережду. Нет, старому миру не угнаться за молодостью. Пора не та!

Молодежь еще раз со смехом пробегает мимо окон: «Настя, Настя, с крыльца заходи...»

Бегают, смеются. Вот так же, со смехом, и драться пойдут. Победа начинается с первой бесстрашной улыбки. Кстати, вы любите бегать, Сандуков?

Лука. Нет.

Магдалинин. Та-ак!.. Ну, а за что мы с вами будем драться, Сандуков?

Пауза.

Молчите — и правильно. Не говорите никому, за что мы станем драться. А то они рассердятся.

Лука. Вы, кажется, ловите меня? Не чисто работаете, я вам не Цирюльников. Вообще у вас тут мода, я вижу, в сыщиков играть.

Магдалинин. А думаете, их нет?

Лука. Кого?

Магдалинин. А врагов-то!

Лука. Какого же черта вы губы распускаете по этому случаю?

Магдалинин. Анекдот сейчас придумал: «Неужели вы верите в шпионов?» — спросил один. «Конечно, нет!» — ответил другой. И их повесили вместе.

Лука. Я не поклонник провинциального юмора. *(Берясь за скобку двери.)* Извините, пойду перекусить. Со вчерашнего дня ни крошки.

Он стоит спиной к Магдалинину, взявшись за скобку. Смутная тревога мешает ему открыть дверь.

Магдалинин. Вам не очень хочется уходить, Сандуков. Так оставайтесь. Разве со мною скучно?

Лука *(вернувшись)*. Да нет... Но вы, кажется, юрист? Органически не выношу юристов.

Магдалинин. Советских только или всяких?

Лука в бешенстве идет к нему.

Лука. Говорите быстро, что у вас есть ко мне!

Магдалинин. С передовых позиций не бегают, Сандуков. От нас не так легко уйти.

Внезапно Лука хватает его. Тот улыбается, не сопротивляясь. Лука отступает, суеверно вытирает руки о штаны.

Дурак! Куда же ты меня, мертвого-то, спрячешь в этом доме?

Лука. Вот кто ты!

Магдалинин. Зовите меня на «вы», Сандуков. Я старше. *(Расхаживая по комнате и вертя в руках за спиной лопаточку для выбивания пыли.)* У вас неплохой нервный ритм, но мало ума. Вот где нечистая работа. Давеча, когда мы сни-

мались, вы вместо Чукотки показывали мне Камчатку. Потом этот выстрел в Кукуева — тоже глупость. Это делают в укромном месте, наедине!

Лука. Я хотел спать.

Магдалинин. Надо уметь хотеть спать. Вы еще на Рощина замахнитесь за то, что он из-под вас невесту украл.

Лука. Так это он? Ага, спасибо за сведения. Я не знал.

Пауза.

Кукуев, наверно, разболтал про этот выстрел?

Магдалинин *(нехотя)*. Н-нет. Вчера я припугнул его. На сегодня дал ему работу в двух клубах. Завтра отправляемся попьянствовать в одно место. А у него вообще... плохое здоровье.

Лука *(понятливо)*. А-а...

Магдалинин. О вас приходится заботиться, как о ребенке. *(Останавливается у шкафа.)* Зайдите сюда, за уголок.

Лука *(насторожась)*. Зачем?

Магдалинин. Встаньте здесь, а то видно снаружи.

Лука. Может быть, задернуть занавеску?

Магдалинин. Обойдемся и так. Ну! Когда я прошу, это надо делать быстро.

Лука неохотно отправляется на указанное место. Его не видно от рампы. Отведя одну руку за спину, Магдалинин бьет его, как придется, ивняковой лопаточкой. В его речи на мгновенье проскальзывает нерусский акцент.

Я бью одного собачьего сына, чтоб работал и не бегал... не бегал. Опустите руки, я еще не кончил.

Орудие расправы ломается у самой рукоятки. Он бросает обломки в угол. Совсем сумерки. Тяжело дыша, Магдалинин отходит к открытой раме и наклоняет лицо к веткам сирени. Он говорит, стоя спиной к Луке.

Разожмите кулаки, Сандуков. Так. Не вздумайте кричать. Там, снаружи, будет еще больнее.

Пауза.

Вам нравится сирень, Сандуков? Лично я предпочитаю розу.

Лука *(не сразу появляясь из-за шкафа и судорожно оправляясь)*. Вы еще довольно сильный для вашего возраста человек.

Магдалинин. О, вы мне льстите. Уже не то. Одышка! Я вас нигде не поранил?

Лука вытирает пот, прикладывает полуоторванный на гимнастерке лоскут.

Теперь говорите, только недлинно. Почему вы сбежали из Воронежа?

Лука. Я выполнил много поручений, но... собаки идут по следу!

Магдалинин. Мы это знаем. Держитесь, чтоб не пришлось пожертвовать и вами!

Сандуков делает жест бешенства.

Вы перестали ненавидеть?

Лука. О нет.

Магдалпнин молчит.

Я боюсь. Мое тело боится. Я хочу Елену, сирень, воздух. Я хочу жить.

Магдалинин. Когда на фронте потери, в тылу отменяются отпуска. Я сам уже двадцать семь лет в этой стране. Уже хожу в баню, люблю самовар, ем блины на масленице. Когда я был щенок, как вы, мне тоже мечталось — дом со скворешником, циновка перед порогом. И полная, добрая фрау. И сын приезжает из города на вейнахтен [1] навестить старика. Это слюни возраста! Мне их утерли.

Пауза.

Трус весом в сто кило — это достаточно гнусное зрелище. Согласны?

Лука *(сжавшись)*. Я слушаю вас. У вас есть планы?

Магдалинин. Планы — это логика, а логика — отмычка ко всему. На логике сломался сам Цирюльников!..

Лука. ...которого вы предали?

Магдалинин. Он все равно закончился. Я получил про него телеграмму. *(Дает прочесть.)* Неудачные роды дочери — это про него... Но логика бешенства, вот! Валите людей, шепчите, сейте сомнения, делайте просеки... Они пригодятся нам, Сандуков... И чтоб никто не улыбался, даже на-

---

[1] Рождество *(нем.)*.

едине с собой. Убивайте улыбку! И кусайте, кусайте на сгибах, там трудней заживает.

Лука. Вы прямо поэт. Конкретно — Рощин?

Магдалинин. Что Рощин! Остаева, то есть народ.

Пауза.

Я проголодался с вами, Сандуков. Пойдем закусим вместе. Вы так мне и не ответили, нравится ли вам сирень. Лично я люблю в сирени эту кристальную чистоту. Этот холодок майского воздуха, эту взволнованность младости. Кроме того, я люблю в сирени... Прошу!

Он выпускает Сандукова первым. Некоторое время сцена пуста. Потом в дверь заглядывает Настя.

7

Настя. Лука Лаврентьич, вы один? вы не спите? *(Кому-то за дверь.)* Никто не отвечает. Он ушел, пока ты с бабушкой говорил.

Остаев *(войдя и осмотревшись)*. Я подожду его здесь. Ты ступай по своим делам.

Настя. Но он может вернуться только к ночи. Поискать его?

Остаев. Не надо, я не тороплюсь.

Настя. Я тоже.

Он сел. Она опустилась на скамеечку возле, положила голову ему на колени. Остаев касается ее волос.

Андрюшка, у меня есть к тебе пренеприятный вопрос.

Остаев. Ну, только тихо.

Настя. Ты... шибко меня любишь?

Остаев. Шибче даже нельзя. Постой, не говори ничего, молчи.

Настя *(тоже прислушавшись к звукам)*. Нет, это бабушка с посудой. А зря любишь. Я неорганизованная. На планёре катаюсь, конфет много ем... Ну, а за что ты меня любишь?

Остаев. Не надо вслух об этом.

Он шепчет ей что-то на ухо, она смеется.

Настя. Ну, у нас все веселые и чистые. А еще?

Он опять склоняется к ее уху.

Тоже сказанул! У нас все умные и смелые. Не-ет, ты самое важное скажи!

О с т а е в. Важнее не знаю, не умею.

Н а с т я. А пожалуй, ты и прав, Андрюшка. Любовь не должна знать, как она родилась. И я не знаю. Хотя нет, знаю. Ты будешь большой ученый, Андрюшка. Можешь мне верить. Я никогда не лгу. Но зачем ты такой строгий с людьми? Хотя нет, будь, будь строгий... Не изменяйся даже для меня. *(Неожиданно.)* Не целуй меня, я запрещаю тебе!

Он ее целует.

Я хочу быть землей, по которой ты ходишь.

О с т а е в. Детка, ты хочешь мало: бессмертия.

Н а с т я. Я недосказала... Землей — пока по ней ходишь ты. Хочется тебе растаять во мне без остатка?

О с т а е в *(сухо)*. А ну-ка, зажги свет на минутку, Настя.

Н а с т я *(обиженно отодвигаясь)*. У нас здесь проводки нет. Я вижу, тебя пугает моя любовь. Не бойся, это у меня скоро пройдет. Уже проходит.

Пауза.

О с т а е в. Ну как, прошло?

Н а с т я *(совсем по-детски)*. Нет еще, не совсем.

О с т а е в. Что еще ты хочешь, девочка моя?

Н а с т я. Хочу, чтобы прошли тучи.

О с т а е в. Мы это устроим, пожалуйста. Еще?

Н а с т я. Хорошую ботаническую лупу.

О с т а е в. Еще?

Н а с т я. Скажи, зачем тебе нужен Лука?

Вечерние звуки вступают в окно.

А я знаю. Рощин пожелал познакомиться с родней жениха. Но жених тоже не прочь полистать родню Рощина.

Быстрые шаги за дверью. Кто-то снаружи шарит скобку двери.

О с т а е в. Молчи.

Торопливо входит С а н д у к о в, вслепую шарит на столе, роняет какую-то вещь, берет бритву. На мгновенье блеснуло ее лезвие. Он уходит.

Н а с т я. Что он взял?

О с т а е в. Бритву.

Настя. Зачем ему?.. Опять молчишь, что-то прячешь от меня. Поссорился с отцом, а он хороший. Это он Еленочку поднял... Она полуграмотная к нам приехала. Ну, говори быстро, чего ты сейчас больше всего хочешь. *(Тормоша его.)* Ну!

Остаев. Знать, куда ушел с бритвой Сандуков.

8

Рощин чиркает спичку в дверях.

Рощин. Кто тут у меня?.. Можно?

Настя. Входи, ты нам не помешаешь. К сожалению. Мы не слыхали, как ты подъехал.

Она хочет обнять его. Рощин сторонится.

Рощин. Постой, дочка. У меня неприятности.

Он зажигает огарок свечи. Настя поворачивается к отцу спиной.

Ты не одна?

Настя. Я боюсь темноты. Со мной Остаев.

Остаев. Здравствуйте, Григорий Иванович!

Они поздоровались холодно. Откуда-то с шоссе доносится далекая гармонь.

Вы звонили мне. Я приехал. *(Иронически.)* Едва сдерживаю волнение.

Рощин. Потом, потом...

Неловкая пауза.

(Насте.) Магдалинин не приезжал?

Настя. Он у нас с обеда. Ксения его на весь день позвала.

Рощин. Так. Принеси нам, Настя... что-нибудь попить.

Молчание.

И не торопись.

Настя. Что вы затеваете? Папа, я уже не ребенок. Я хочу знать все.

Остаев *(бережно и с нежностью ведя ее к двери)*. Есть знания, детка, которые могут испачкать человека. Ступай и будь совсем милой. Нам очень хочется пить.

Настя ушла.

9

Остаев *(не зная, с чего начать)*. Как прошел спектакль?

Рощин. Неплохо. Я не дождался конца. Дал кое-какие указания и уехал.

Остаев. Вы хорошо разбираетесь в театре?

Рощин. А что?

Остаев молча играет веткой сирени.

У вас есть склонность задавать иногда странные и неприятные вопросы.

Остаев. Но я никогда не задаю их впустую.

Рощин. Это правда. Ваша вражда с Магдалининым делает вам честь. За старичком оказалась кое-какая темнота. Пока я направил туда людей с фонарями.

Остаев. Я ждал, что вы заговорите со мной о другом. О Сандукове.

Рощин *(выжидательно)*. А что, тоже сумлеваетесь?

Остаев. В истории науки сомнение бывало иногда более прогрессивным фактором, чем абсолютная вера.

Рощин. Ну, я человек неученый, кухаркин сын.

Остаев. Пора подучиться! Я тоже не из графьев. Не надо ждать, пока другие скажут.

Пауза. Рощин в гневе подносит огарок к лицу Остаева.

Рощин. Вы... вы даже похудели, Остаев. Что это, любовь?

Остаев. Вы капаете стеарином на пол, Григорий Иванович.

Рощин. Есть документы на Сандукова?

Остаев. Тогда я обратился бы в другое место. У меня есть ощущение.

Рощин *(разочарованно)*. Неходкий товар. Вам что, вообще не нравятся зимовщики?

Остаев. Раки тоже где-то зимуют. Однако я их ем.

Рощин. Грубо, товарищ Остаев!

Остаев *(запальчиво)*. Они уже лезут на нас, Рощин. А на войне всегда грубо!

Пауза.

Не сердитесь, Григорий Иванович. Хочу, чтобы вашим внукам хорошо и честно жилось в просторном доме родины моей. И еще: не люблю ходить в дураках.

10

Аграфена входит с подносом, на нем шестнадцать стаканов чая.

Аграфена. Настенька чай вам прислала. Да где же остальные-то? *(Не сразу поняв, в чем дело.)* Ой, баловница! Может, лампу вам принесть?

Рощин. Не надо. К слову: тут приедут четверо. Проведи ко мне, чтоб Магдалинин не видал. *(Остаеву.)* Попейте хоть чайку со мною...

Остаев. Нет, пора. Мне только с Настей попрощаться.

Рощин *(задерживая его руку в своей)*. Трудно ей будет с вами, Остаев.

Остаев. Ну, всякая радость стоит своего труда.

Рощин. Проводи его к Настеньке, мать. Видишь, он умирает от любви!

Они ушли. Упираясь локтями в колени, Рощин сидит на койке, смотрит на пылающий огарок и, не чувствуя ожога, оправляет пальцами фитиль. В дверь без стука вошла полуодетая Елена.

11

Елена. Можно к тебе?

Рощин. Пришла наконец, нашла время. Куда же ты такая? А если Лука сюда войдет?

Елена. Он вдруг собрался и в город уехал.

Рощин. А!.. Эх, сизый голубь, посиди хоть ты со мной. Что у нас в доме-то делается?

Елена. Все хорошо будет, Гриша.

Рощин *(настороженно)*. А что пока плохо-то?

Елена. Замучилась, ума моего не хватает.

Рощин. На что не хватает-то?

Елена. Луку ловлю, а он склизкий, уходит. Всю ночь сидела, слушала, может во сне проговорится,— а нет. Но разгадаю я его загадку, только бы не помешали. *(Ладонями за-*

крывая свои голые плечи.) Не гляди на меня, Гриша. Злая я сейчас...

Глухая трель гармони с шоссе. Вдалеке одинокий крик. Рощин и Елена прислушались. Тишина.

Ни единому вздоху его не верю. А родне его еще меньше.

Рощин. Я тоже.

Елена. Ой, давно ли?

Рощин. Я вчера запрос о нем послал: был ли зимовщик с такой фамилией?

Елена. Как же мне самой-то в голову не пришло? Ну, ответа не присылали?

Рощин. Ответ получен... утвердительный. Тут глубоко, Елена. Тут неводом надо брать.

Шум на дворе, голоса, свисток. Елена бежит к окну. По комнате скользят блики от фонарей, с которыми проходят люди во дворе.

Голоса:

— Ты аккуратней, аккуратней... Рогожу-то подымайте разом, за все концы.

— Он у тебя спалзывает, спалзывает он у тебя...

Рощин. Взгляни, кого они несут? *(Сам подошел к окну.)* Эй, сокола́, что у вас там?

Голос. Магдалинин... на шоше... зарезался.

Пауза. В окне появляется деловитый парнишка в красной рубашке, глаза его горят.

Парнишка. Куды его класть-то, Григорий Иваныч? Там накрапывает!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Столовая из первого действия, но с того времени поприбавилось в комнате — рояль, ковер на стене, шторы на окнах, всякая пестрая мелочь. Мебель уже вся в чехлах. Два новых кресла в углу похожи на людей, присевших на корточки и накрытых простынями. Вечер, пасмурно, крыши блестят от дождя.

Аграфена складывает шубы в сундук, засыпает их нафталином.

1

Громкий, с руладами и странным бульканьем зевок за дверью.

Аграфена *(за дверь)*. Эй, взойди, красота. Чего тебе в прихожей-то томиться!

Вошел Кукуев. На нем чесучовый пиджак, белые в полоску брюки, в руках соломенная шляпа, плащ, палка с костяной ручкой, перчатки, коробка конфет, букетец и еще что-то в карманах. Он плохо справляется со всем этим имуществом. Аграфена мерит его взглядом.

Батюшка... из дому-то все захватил аль еще осталось? Ты б еще мелкий столик на себя надел!

Кукуев. Ах-ах, Аграфена Петровна, а еще в людях жили. В парадном виде ни один человек на себя не похож!

Аграфена. Зачем тебя Еленочка-то позвала?

Кукуев *(таинственно)*. Причина неизвестная. Однако письмо духами пахнет.

Переглядываясь, оба нюхают конверт.

Аграфена. Приманула тебя, видать. Так ведь у ей жених есть.

Кукуев *(испытующе посмотрев на старуху)*. Молчу. *(А[illegible] картину, на которую смотрит, сложив пальцы в трубку.)*

Природа изображена. Довольно живые краски. *(Не оборачиваясь.)* Аграфена Петровна!

Аграфена. Что, милая ты моя картинка?

Кукуев. Она вам про меня ничего не намекала?

Аграфена. Намекать не намекала, а сказывала.

Кукуев. Что сказывала-то?

Аграфена. Лицом, говорит, Кукуев не вышел, па налима похож, а по душе, говорит, отменный человек.

Кукуев. Ах-ах!.. А поконкретнее не выражалась?

Аграфена. Некогда мне с тобой, батюшка. Покарауль пока шубы-то! *(Ушла.)*

Кукуев в волнении приводит себя в порядок перед зеркалом. «Ежели издаля, так ты, Фома, совсем ничего!» Замечает пятно на шляпе, трет его. Из графинчика на буфете смачивает носовой платок. Вошла Елена.

2

Елена *(на ходу)*. Здравствуйте, Фома Никитич. Уж выпиваете? Вы рюмку возьмите. Там, в буфете, и сыр есть.

Кукуев. Даже не могу найтиться, что произнесть. *(Про шляпу.)* В девятьсот девятом в Ревеле куплена...

Елена. Я захлопоталась, заставила вас ждать. Завтра утром Сандуков уезжает. Меня с собой зовет. Так вот: ехать мне с ним?

Кукуев. Ни в коем разе!.. *(Испугавшись.)* То есть, конечно, можно и поехать *(иронически)* для здоровья.

Елена. Я и решила поговорить с вами по одному делу. Секретному, Кукуев!

Кукуев. Могила, как это говорится, раза в три разговорчивее, чем я.

Елена. Отлично. Видите ли, возраст мой таков, что пора мне замуж выходить.

Кукуев. Абсолютно согласен, чего уж тут ждать!

Елена. Но когда не знаешь человека, то... Словом, я и решила обратиться прямо к вам.

Елена показывает на кресло. Кукуев в волнении садится, потом встает, набирает воздуху в грудь и снова садится.

Кукуев. Все понял. Разрешите приступить? Я зачну немножко издалека, но вы меня не прерывайте. Скажу о себе напрямки. Я являюсь застарелый холостяк. *(Хитро усмехаясь.)* Иные даже подразумевают во мне игру природы, хо-

хо! Они меня просто не знают. Отсюда вопрос: в чем же тогда секрет? Отчего же, отчего я, так сказать, сорок девять лет варюсь в индивидуальном соку? Ответ прост. Хотите — смейтесь, хотите — нет. Я всегда обожал только высоких женщин!

Елена. Фома Никитич, вы меня неправильно поняли...

Кукуев. Погодите, вы уж привыкайте ко мне помаленьку. Для меня женщины ниже, чем метр восемьдесят пять, просто как-то не существует. То есть она существует, но как человек, как брат. И когда вы в тот раз, как этот жулик приехал, пропорхнули мимо меня с квасом, то, извините за грубость, вся шерсть на мне затрепетала. Вот когда я понял, что ошибался...

Морщась, но не от смеха, Елена идет к столу; наливает воду из графина, пьет. Ее губы закушены. Кукуев заметил ее состояние.

Буду краток. Я есть бережливый, жизнерадостный активист, вес с одежей девяносто семь, по утрам занимаюсь гимнастикой. Имею жилплощадь с садиком, выколачиваю восемьсот. Но поскольку массы тянутся к музыке, а количество инструментов сказочно растет и поскольку товарищ Сандуков вам совсем не пара... Что, что с вами?

Елена *(справившись с собой)*. Вот я и хотела узнать, почему... почему он мне не пара?

Кукуев. Виноват, вы за кого выходить-то собрались?.. За меня или...

Елена. Совесть имейте, Фома Никитич. Посмотрите в зеркало-то на себя!

Кукуев нерешительно отправляется к зеркалу; ему боязно взглянуть на себя, потом он касается усов, сует в карман сбившийся галстук, в огорчении смотрит на свои закатанные брюки.

Кукуев. Я... я лучше домой пойду.

Елена. Имейте жалость, Кукуев! Я останусь одна, на распутье... Кстати, вы с Сандуковым раньше были знакомы?

Кукуев. За руку не держались, а взглядом не считается.

Елена. Зачем же он стрелял в вас тогда?

Кукуев *(машинально касаясь царапины)*. Происшедшая нечаянность. От прикосновения руки.

Пауза.

Только если у вас на уме идти за него, так лучше вам от него в гроб укрыться. *(Доверительно.)* Они стервецы-с. Где жрут, там и гадят.

Елена. Да вы говорите начистоту!

Кукуев. Опасаюсь.

Елена. Чего, чего?

Кукуев. Товарищ Магдалинин позавчера упредил меня, что-де поскольку товарищ Сандуков являются родственниками товарищу Рощину, то через посредство этого можно без хвоста остаться.

Елена. Какие пустяки. Рощин простой человек, как и вы. Он поручил мне узнать правду. Он работал ночь, спит. Хотите, разбужу его?

Кукуев. Отпустите меня домой. Я всем доволен.

Елена. Значит, вы нарочно про него сказали, чтоб соперника отогнать?

Кукуев изо всех сил борется сам с собою.

Ну, приезжайте завтра на вокзал проводить нас с Лукою. Поезд уходит в полдень. Ладно?

Кукуев *(не принимая ее протянутой руки)*. Ах, раз так, сидите крепче. Я... я их в прошлом годе под Воронежем встречал. Они в соседнем купе ехали с дамочкой и штопор у меня попросили. А потом военный их спугнул ненароком, они на ходу и спрыгнули. Штопор оставимши при себе. Я их в лицо потому и заприметил, что вещь-то заветная. Всё. Прощайте.

Елена *(поднимаясь)*. Ну, спасибо вам, Кукуев. А невесту вы себе найдете строго намеченного роста. Попадаются! Я понимаю, как вам грустно сейчас...

Кукуев. И не говорите, до чего тяжело. Замнем-с! Так мне и надо.

Звонок в прихожей.

Елена. Сегодня же присылайте Дарью Никитишну. Пора молодых устраивать. Это ваш сверток?

Кукуев. Коробку конфет хотел поднесть, если сладится. Придется самому конать. Вот сяду нонче вечерком у раскрытого окошка... Извините, что невпопад раскрылся.

3

Вошла Аграфена.

Аграфена. Што, родной, не выкраивается твоя доля?

Кукуев. Факт остается фактом.

Аграфена. Тебе, милый птенчик, старушку надоть, вроде меня. Она тебе и горчишник поставит и рюмочку поднесет.

Кукуев. Ах-ах! Сказал бы я вам, бабушка, да при дамах стесняюсь. *(Уходит.)*

4

Аграфена. С Ксенией-то поговорила?

Елена. Нет еще. Дай мне платок, бабушка, знобит меня.

Аграфена. Не остудилась ли?

Елена. Нет, так что-то. С утра.

Аграфена. Ксения с Лукою заперлись ночью. Лаврентия призвали. Все жу-жу-жу да быр-быр-быр. Прогнала я попа-то. И всех бы их метлом.

Елена. Ничего, всему свое время, бабушка.

Аграфена. Магдалинина поминали, а что — не разобрала.

Елена молчит.

Чего молчишь? Уши-то мне на рукомойник, что ли, повесить?

Звонок.

Никак, телефон?

5

Настя *(танцуя, пробегает в прихожую)*. Ура, ура, Андрюшка приехал!

6

Аграфена. Вахтер даве спрашивает про Магдалинина, с чего завернулся. А я моргаю, уж что и соврать — не знаю.

Елена. А нечего и врать. Одинокий старичок был, заодно дочь у него погибла.

Настя вошла, сделала знак молчания.

Кто там, Настенька?

Н а с т я. Лука с Ксенией вернулись. *(Понуро идет к Елене, садится возле.)*

Е л е н а. Летала нынче?

Н а с т я. Нет, не летается. К микроскопу опять потянуло. Должно быть, и впрямь выросла.

Пауза.

Почему, когда мне грустно, к тебе, как к матери, тянет, Еленочка?

Е л е н а. Все потом объясню, погоди. Ну-ка, бабушка, снимай чехлы с мебели.

А г р а ф е н а. Что ты! Ксения со свету сживет.

Е л е н а. Ничего, пускай у нас нынче нарядно будет. Новая жизнь в этом доме начинается. Сымай, сымай!

Н а с т я. Ура... Еленочка бунтуется!

А г р а ф е н а. Нехорошо здесь будет. Шла бы ты к себе, девка!

Е л е н а. Зачем? Пускай на людей посмотрит. Ей все нужно знать. Прижмись ко мне, Настенька!

А г р а ф е н а. Никак, сюда идут...

7

Вошли Л у к а и К с е н и я.

К с е н и я *(продолжая начатый разговор)*. ...пожил бы недельку, а там мы тебя и отпустим. Еленочка, ты слышала? Лука завтра утром покидает нас.

Е л е н а. Да, все не сидится ему.

К с е н и я. Ты, конечно, едешь вместе с ним.

Е л е н а. Нет... я еще не решила.

К с е н и я. А мне показалось... ты стремилась приобрести человека в жизни. И ты выходишь из фальшивого положения, в котором живешь у нас.

Л у к а *(лицом к окну)*. Не надо, Ксения. Я вернул ей слово. Она и без меня устроится!

К с е н и я. Что же ты завтра будешь делать в этом доме, Елена?

Е л е н а. Но я же не спрашиваю тебя, что ты завтра здесь делать станешь?

Пауза.

А еще сегодня не прошло.

Ксения *(пытаясь замять разговор)*. Ты голоден, Лука?

Лука. Я не прочь был бы закусить.

Ксения. Дайте нам чаю, Аграфена Петровна, и... осталось что-нибудь от обеда?.. Ступайте.

Елена. Не ходите, бабушка. *(Сухо.)* Бестактная ты стала, Ксана. Мать приехала на месяц к сыну, а ты пристроила ее на побегушки.

Напуганная Ксения подошла к Елене, взяла ее за руки.

Опять извиняться? Надо было раньше соображать.

Ксения. Не узнаю тебя. Ты вся какая-то новая. И бровь, и бровь другая. Ты даже нравишься мне. *(С еле заметной настойчивостью.)* Ну, подай тогда ты!

Елена. Не трогай меня. Нездоровится мне с утра.

Настя. Давайте я принесу. *(В комнаты — тревожно.)* Папа, иди чай пить. *(Ушла.)*

8

Ксения. Вот так и живем, Лука. *(Пряча под шуткой свою растерянность.)* Возьми меня с собой на зимовку!

Елена. Хорошие мысли иногда тебе в голову приходят, Ксана. Отдохнешь, окрепнешь на свежем воздухе...

Ксения *(Луке)*. Молчишь? Конечно, я не смогу заменить тебе Елену...

Лука. Не болтай глупости, Ксения. Не время!

9

Вошел Рощин.

Рощин. Зовут чай пить, а стол пустой. Здорово, Сандуков! Как твои делища?

Лука. Понемножку прихожу в себя.

Ксения. Знаешь, он опять уезжает.

Рощин. А! И далеко?

Лука. Сперва в санаторий. Был сегодня у врача. Нервы нашел, дур-рак. Ха, у Сандукова — нервы!

Настя принесла чайник, ставит посуду на стол. Елена молча кутается в платок.

Рощин *(поучительно)*. А ты напрасно так относишься к своему здоровью! Ты здорово кричал нынче во сне.

Лука *(отвернувшись)*. А о чем... не запомнил?

Рощин. Неразборчиво в общем. Собаки какие-то...

Лука *(не сразу)*. Видишь ли... у меня всегда собака возле койки спала. Проснулся, руку опустил, а никого нету. И вдруг испугался... пустоты! Трехлетняя привычка.

Настя. Григорий, тебе погуще?

Рощин. Да. Надолго едешь?

Лука. Я в санатории недолго побуду.

Ксения. Неужели опять на зимовку?

Лука. На этот раз думаю податься на золото. Кстати, не выяснили, что с Магдалининым?

Рощин. Наверно, пронюхал, что по следу идут. Но как бритва моя к нему попала!

Лука *(в упор)*. А ты сам не имел с ним ссоры? *(Смутясь от рощинской усмешки.)* Мне что-то это дело темно!

Настя *(стремительно)*. Но ведь вы же сами, ночью...

Елена удержала ее за руку. Пауза.

Елена. Старик Магдалинин заходил к Луке. Видимо, захватил со стола.

Ксения. Уверена, что старик это сделал с умыслом: запутать чистых людей. Боже, как мы иногда обманываемся в... *(Только теперь заметив перемену.)* Кто снял чехлы?

Настя. Это Еленочка велела.

Ксения. Ты? Смелая какая стала.

Елена. А зачем красоту прятать? Пускай глаз радует. Пускай...

Ей становится трудно говорить, она борется с очередным приступом, который скоро проходит. Настя заглядывает ей в глаза.

Настя. Дать тебе что-нибудь, Еленочка?

Елена *(отстраняя ее)*. Я говорю, пускай все раскрыто будет.

Лука. Ну, я пошел пока вещи собрать. *(В последний раз.)* Как же ты решила, Лена?.. Лена!

Елена. Голос чужой, не слышу.

Он уходит, плотно прикрыв за собой дверь.

10

Елена. Магдалинин тебе нарочно со всего города мебель посмешнее собирал. А ты и обрадовалась? Чего ж чужую насмешку прятать!

Она сделала незаметный знак Насте. Та идет к двери.

Смеются люди,— значит, есть над чем смеяться.

Настя внезапно открывает дверь. Лука стоит за нею. Неловкое молчание.

Лука *(не обращаясь ни к кому)*. Я старуху спросить хотел... белье пришло из стирки?

Аграфена. Пойдем, Лука Лаврентьич. Я тебе выдам твое белье.

Они уходят вместе. Дверь опять прикрыта.

11

Елена *(Ксении)*. А как ты думаешь, зачем Лука за дверью стоял? Скажи Рощину, муж ведь. Мне скажи, всем!

Ксения. Он... несчастный.

Елена. Прямей говори. Народ спрашивает.

Ксения. Я... я тебя с самого низу вытащила, одела тебя, кормлю, а ты... ты...

Настя *(становясь между ними)*. Не смей, не смей на Еленочку кричать. Это ты плохая. И артистка ты плохая! Над тобой в театре смеются... Только боятся, что укусишь.

Елена. Перестань, Настя. *(Ксении.)* Предупреждал тебя Лаврентий?

Ксения. Григорий, что же это? Вступись, Григорий!

Молчание.

Елена *(с тоской)*. Дождик еще этот с утра... А вот опять. *(Властно.)* Гриша, дай мне воды, самой сырой дай. Что-то тошнит меня с утра.

Ксения отступает. Рощин бросается к Елене.

Рощин. Чай есть. Чаю с лимоном хочешь?

Е л е н а *(сквозь зубы)*. Воды, я сказала. Ничего, сейчас пройдет.

Настя убегает за стаканом. Ее голос на кухне: «Бабушка, осталось у тебя селедочки? Поделись...»

(Встала.) Нет, пойду...

Р о щ и н *(держа ее под локоть)*. Прилечь бы тебе.

Е л е н а *(Рощину, через плечо)*. Меня Ксения с Лукою во вдовы посылает. Ехать мне, Гриша, с Лукою-то?

Р о щ и н. Останься.

Елена ушла.

12

Р о щ и н. Тебе бы самой с Лукой поехать. Женский глаз да присмотр — великое дело для нашего брата. Сама проветришься.

К с е н и я. Я не поеду с Лукою.

Р о щ и н. А почему?

Пауза.

Одна поезжай. Путевку тебе театр устроит. А что, не нравится с Лукою?

К с е н и я. Я не поняла, это допрос?

Р о щ и н. Нет, просто последняя наша беседа.

Рощин поднялся, готов уйти.

Ты сама знаешь, где и когда мы живем... Знаешь, сколько на мне всего лежит. Весь дом тебе доверил... а ведь в спине глаз нет. Ну, твоя очередь говорить!

Молчание. Рощин уходит. Ксения делает шаг вдогонку.

К с е н и я. Григорий!

Рощин обернулся.

Ты... ты сегодня поздно вернешься?

Р о щ и н. Больше у тебя нечего мне сказать?

К с е н и я. Клянусь тебе... я ничего не знаю.

Рощин ушел в раздумье.

13

Ксения одна. Она расстроена. Разодетая, вошла с чемоданчиком Остаева; даже нос блестит от счастья. Несколько позже сюда вернется Аграфена.

Остаева. Здравствуйте, дорогая моя! Вижу, вижу, вся в мечтах и звуках. Я уже почти ушла, только на минуточку.

Ксения неподвижна. Остаева переводит дыхание.

Ой, высоконько живете, сердце-то и стучит! Как Фома мне передал, так я и помчалась. Андрюша сказал, теперь можно и свадьбу играть. Он-то в скромности хотел, да мне уж понарядней охота, чтоб как люди. Дерево вон бессердечное, а и то для любви одевается. Я не о тройках, как в бывалошнее время, говорю, а только бы обед с гостями и чтоб тихая музыка играла.

Ксения *(рассеянно)*. Конечно, конечно...

Остаева. Сама-то я плохо замуж выходила. Я ведь чувствительная. И, знаете, все хотелось мне за композитора, а композиторы живые как-то редко попадаются.

Аграфена. И вышла тебе судьба с монтером на чердаке слюбиться!

Остаева укоризненно смотрит на Аграфену.

В облаках летаешь. О простынях надо говорить. А знаешь, почем нонче простыни-то?

Остаева *(робко)*. И полетать надо, Грушенька,— не раки!.. И уж как хотите, а платье Настеньке сама буду шить. Я и выкройку захватила. *(Достала из чемоданчика, раскинула на диване кусок материи.)* Да взгляните же кто-нибудь! Мы ей креп-жоржет поставим, а снизу фай. *(Прикидывая на Аграфену.)* Ну-ка, стой так. Рукава скроим попышней, со сборками... Прихвати тут мизинчиком. А на шейке присобрано, тысячи-тысячи мелких складочек. Здесь цветок! *(Осматривая Аграфену глазом мастера.)* Дух замирает, до чего прилично! *(И уже закалывает ткань на застывшей Аграфене булавками, которые по прежней привычке носит при себе.)* К вам на суд, Ксения Лаврентьевна.

Аграфена. Ты мне, мне говори. Не трожь ее.

Остаева. Они артистки, они дамы со вкусом...

Ксения. Уйдите все вон отсюда... Что вам надо от меня?

Остаева с шепотом извинений пятится в дверь и спиной натыкается на сына. Сердясь и фыркая, Аграфена торопится снять с себя свадебную ткань.

14

Остаев. Как с тобой говорят, мама! Ступай домой.

Остаева. Я пойду, я пойду, Андрюшенька. Я хотела...

Остаев. И зачем ты все это на себя нацепила? Стекляшки какие-то...

Остаева. Андрюшенька, не сердись. Весь век на людей шила да шила... самой покрасоваться захотелось.

Аграфена *(освободясь наконец от приколотой ткани)*. Чево, чево мать бранишь! Экого дуботряса вырастила... Целуй руку матери, не менее двух раз целуй. А то как шугану тебя через окно...

Остаева. Не кричи на него, Грушенька. Может, он мыслями занят!

Звонок в прихожей.

Остаев *(привлекая к себе мать)*. Толстая ты моя... И не надо тебе быть другой. Швея — это тоже высокий титул, мать!

Аграфена. Пойдем, Настеньке выкройку покажешь. Осподи, и везде-то я нужна. И что бы с вами без меня сталось, оглашенные!

Ушли.

15

Ксения *(одна)*. Что же нам делать-то теперь, Лука?

Вошла Елена, настороженная и спокойная. Это и есть завершение ее плана.

Елена *(негромко и значительно)*. Ксения...

Ксения. Что, что там?

Елена. Там... за Лукой приехали.

Ксения. Ты... отперла?

Елена. Я через дверь спросила.

Ксения мечется по комнате. Второй звонок у двери. Решась на последнее, Ксения распахивает дверь во внутренние комнаты.

Ксения. Беги... Лука!!

16

Вначале какая-то смутная возня, шум отодвигаемой мебели и звон стекла. Потом выскакивает Сандуков, его лицо искажено. Он кидается к двери и, вспугнутый новым звонком, бежит обратно. Ксения боязливо тянет к нему руки: «Лука, Лука...» Он с ходу вскакивает на подоконник и, ухватясь за раму, в нерешительности повисает над крышами.

Елена *(тихо)*. Куда же ты, Лука, на зимовку?

Лука. ...придержи дверь.

17

На пороге появляется Рощин, и это ускоряет развязку. Несколько раньше опрокидывается за окно горшок с цветком. Следом за этим, слабым, слышен тяжкий звук сандуковского прыжка. Ксения кидается к окну. Слышен грохот проминаемого железа: Сандуков бежит вниз по крышам.

Ксения *(вся вместе с Лукою, машинально)*. Торопись, Лука... торопись, Лука...

Елена *(переглянувшись с Рощиным)*. Не ушел бы, Гриша.

Рощин. Только в яму, Еленочка, только в яму!

Грохот на крыше становится множественным, и, может быть, это погоня. В поведении Ксении отражено происходящее за окном: вот она бьет в ладоши, вот вскрикивает и закрывает лицо руками. Одновременно закричали и на улице: Сандуков сорвался вниз. Ксения кидается в дверь, к брату. Елена молча уступает ей дорогу. В следующую минуту появляются остальные. Ряд беспорядочных восклицаний.

18

Голоса. — Что, что упало?
— Где Лука?.. а Ксения?
— Да отоприте же, там звонят.

Аграфена поспешно уходит в прихожую. Рощин делает знак Остаеву пойти вниз; тот уходит. Настя в недоумении идет к Елене.

Настя. Я видела, как ты пошла сюда. Что ты им сказала?

Елена. А ничего. За Лукой приехали. Он же на вечере согласился выступать.

Пауза удивления. Тишина и далекий свисток за окном.

Остаева. Так зачем же ему в окно-то прыгать?

Рощин. Наверно, так ему было ближе!

19

1-я подруга. Можно?.. Тонька, входи, можно.

Это две Настины подруги. Они робеют, волнуются, Аграфена подталкивает их вперед. Они говорят вперебой.

2-я подруга. Мы за товарищем...

1-я подруга. ...мы за Лукой Лаврентьевичем. Он хотел...

2-я подруга. ...он дал обещание выступить. И уж полон зал. Но мы так долго...

1-я подруга. ...ужасно долго искали машину!

Елена. Он не сможет поехать с вами, девочки. Его уже нет.

1-я подруга. Опять на Чукотку укатил? Вот хвост-то нам теперь накрутят.

2-я подруга. Это ты придумала, ты и отвечай.

1-я подруга. И вовсе не я. Ты сказала — пригласить бы!

2-я подруга. Я тихонечко сказала — пригласить бы, а ты на весь техникум растрезвонила...

20

Вернулся Остаев.

Остаев *(проходя мимо Рощина к окну)*. Его уже увезли.

2-я подруга. А портрет-то Колькин?

1-я подруга. Да, где портрет?

2-я подруга *(ища вокруг себя)*. Потеряли, потеряли... что делать-то? Ты его в руках держала.

Аграфена *(беря из-за дверей)*. Тут он, ваш портрет.

2-я подруга *(Рощину)*. Коля вчера ваших гостей снимал. Он сделал увеличение и просил передать вам в подарок.

(Передает Рощину что-то завернутое в газету, большое и квадратное.)

1-я подруга. Здесь они оба, Лука Лаврентьич и Василий Самсонович, как живые. Колька и колечко привинтил, можно на стенку повесить.

Рощин *(сорвав бумагу, в которую завернут подарок)*. Хороши!.. Передайте молодому человеку спасибо от Рощина.

Пауза. Девушки уходят.

Остаев. Скажи и ты что-нибудь отцу-то, Настя...

Настя *(кладя руки на плечи отца)*. Хорошо жить в чистом доме, Григорий!

1938

МЕТЕЛЬ

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Степан Сыроваров — директор чего-то.
Катерина — его жена.
Порфирий — его брат.
Зоя — дочь Катерины от первого брака.
Марфа Касьяновна — тетка Сыроваровых.
Лизавета — предколхоза, ее сестра.
Зиночка — свой человек при Марфе.
Лопотухин — из бывших.
Валька — его дочь.
Сарпион Теткин, Иван Теткин — мужики, приехали с Лизаветой.
Сережа Шабрин, Мадали Ниязметов — товарищи Зои по архитектурному институту.
Товарищ Поташов А. Д.
Прочие сверстники и подруги Зои.

Действие происходит на периферии в конце тридцатых годов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Просторная, с отсыревшими углами столовая у Сыроваровых, с уютной кафельной печкой и крытым балконом, эркером, приподнятым двумя ступеньками. Там, за побелевшим местами и сплошным, донизу, стеклом,— неистовый ночной снег. Впечатление подчеркнутой скромности: и от старомодной портьерки под аркой направо, и от подлакированной, бывалой мебели. Над покрытым цветной набойкой диваном, в простенке между буфетом и телефонным столиком, карта Европы. Двухстворчатая дверь налево ведет в глубь квартиры.

Блики прогоревшего печного тлена скачут в приножье у сидящей Марфы Касьяновны. Возле нее на скамеечке Катерина с газетой. Зиночка кроит что-то на краешке стола, где с другого конца приготовлена под салфеткой еда для запоздавших к обеду. Порыв ветра и скрежет снега о стекло. Видно, как за форточкой качается вывешенная на холод кошелка с пищей. Все трое, повернув головы, слушают разгул русской зимы.

Катерина. Эка творится... нехорошо у кого кровли нет. *(Возвращаясь к газете.)* Тут еще новогодние пожелания. Летчики, артисты разные, и всё.

Зиночка. Вы мелкостное-то почитайте, Катерина Андреевна. Теперь самое важное мелким почерком печатают.

Катерина. Правда, главное-то и пропустила. Лизаветы Касьяновны портрет... и смотрите, уже с орденом.

Марфа. Дай сюда, Катя. Где она тут, Лизаветица моя?.. покажи!

С помощью Катерины старуха шарит пальцами по газетному листу, и теперь видно, что она слепая.

Катерина. Здесь в верхнем уголке. *(Зиночке.)* Лекарство Марфе Касьяновне пора.

З и н о ч к а *(из-за плеча Марфы).* Двух мужей схоронила, а детишек не нажила. Уж как ей хотелося...

Она засмеялась. Марфа вопросительно обернулась в ее сторону.

Как же, колхозники вкруг ей стоят, и борода у одного. Господи, какие иногда бородатые мужчины попадаются на земле! *(И принялась отсчитывать капли в рюмку.)* Ой, сбилася...

М а р ф а. На фабрику к нам за год, как мне в тюрьму садиться, мастер нанялся. Борода наивысшего качества, и над нею усы полумесяцем. Как в цех заявится, у Зиночки останов, а то и вовсе челнок выскочит.

З и н о ч к а. Полно смеяться-то. Женихи мои давно внуков нянчат. *(Ведя счет каплям.)* Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... Конечно, твой Данилыч бороды не носил.

М а р ф а. А чего м о й Данилыч? Только и было, что в пятом году неделю в полицейском погребе вместе просидели. *(Отдавая газету.)* Лизку мне сохрани. И в кого такая неистовая? В роду все строгие у нас, степенные. Сестру Верку и в хороводе-то за монашку принимали. Эх, жить бы да жить женщине-то!

З и н о ч к а. Это ее сыночек, это ее Порфишка доконал.

Катерина подает ей укоризненные знаки.

М а р ф а. Сказано, имени этого не поминай при мне. Он беглец, с родины беглец. Мертвей его нет у меня.

Молчание. Относя пузырек к буфету, Катерина мельком заглянула в окно.

Пошумели бы немножко, разбили бы что-нибудь.

З и н о ч к а. Накличешь. Капли-то пей, Марфинька...

Марфа отстраняет ее руку, лекарство проливается на пол.

М а р ф а. Каких врагов мы с тобой ломали, Зиночка. Какие грозы над нами совершалися...

З и н о ч к а. Ты меня на вольный свет вывела из темноты.

М а р ф а. ...и вот пришел наш длинный вечер, зимний вечер.

Она поднимается, отстранив помощь Зины. Движущийся воздух заставляет ее остановиться. Вошли с покупками С е р е ж а и З о я, румяные с холода, счастливые и молодые.

З о я. Это мы с Сережей, Марфа Касьяновна. Елочные украшения принесли.

М а р ф а *(целуя ее в лоб).* И звездочек путеводных купили?

С е р е ж а *(молодым баском).* Полсотни звезд, кило инея и прочие мечты и грезы.

К а т е р и н а *(дочери).* К тебе там Валька пришла елку украшать.

З о я. А елки-то и нету...

С е р е ж а. Я искал. Третьи сутки метель, подвозу нет. Завтра возьму машину у отца, с дачи привезу.

З о я *(Сереже).* Мне с мамой поговорить надо. Тащи все это к Вальке, я приду через минутку.

М а р ф а. Веди и ты меня куда-нибудь, Зиночка.

Они уходят. Зоя ждет, пока не затихнут шаги. В этом неоднократном мучительном разговоре мать и дочь не смотрят друг на друга.

З о я. Мама... опять.

Настороженное молчание.

К а т е р и н а. Звонил Мадали, спрашивал, достала ли елку.

З о я. Снова роздали анкету. Кто, что, когда и почему.

Мать закрыла глаза. Ее состояние выдают только руки.

Спрашивают про отца.

К а т е р и н а. Он умер.

З о я. Я не могу больше лгать, мамочка. Столько раз, столько раз... Через это я поступила в институт, стипендию получила, овладела дружбой товарищей. Ведь это все кража, мамочка... *(Сквозь слезы.)* Такая молоденькая и уже такая дрянь.

К а т е р и н а. Все пройдет, Зоя. Защитишь проект, выйдешь замуж... кстати, Сережа еще не заговаривал с тобой? Будешь устраивать елки уже для детей.

З о я. Не хочу красть себе и мужа. Когда-нибудь он скажет, что я воровка.

К а т е р и н а. Нынче все не без пятнышка, Зоя. Только одни таскают на плечах, другие прячут за пазухой...

З о я. Как вошь, как вошь...

К а т е р и н а. Ты жестока, родная. Пощади же меня ради Христа.

З о я *(вся дрожа).* Я сказала — как вошь.

Катерина *(не помня себя)*. Тогда... пиши тогда, что твой отец Порфирий Сыроваров бежал с белыми за границу. Тебя исключат из института. У Степана сорвется заграничная командировка. А Марфа?.. если узнает, что ей врали про смерть Порфирия. Останешься одна, без диплома, и никто даже кивнуть не посмеет тебе в окошко. И не мсти мне, дочка, за свою жизнь.

Пауза. Где-то у соседей ребенок разучивает вальс. Зоя задумчиво чертит ногтем по столу.

Холодно на улице?

Зоя. Потеплело, снег идет. *(Покорно.)* Хорошо. В котором году он умер?

Катерина. В девятнадцатом, от тифа. *(Подойдя, приласкала дочь.)* Дальше пиши правду. Техник, из крестьян. Дед возил с сыновьями лед в Москву. Пиши, лишнее в анкете не повредит.

Зоя. Каков он был из себя?

Катерина. Кто?

Зоя. Ну, этот... Порфирий. Красивый, наглый, хлюст такой, наверно?

Катерина. Он был длиннорукий, неуклюжий, но добрый. Сильный очень. Тоже в анкете требуется?

Зоя. Нет, это для себя. *(Навскрик.)* Не могу же я ненавидеть пустое место. Проклятый, проклятый... *(В ее руке появляется конверт.)* Месяц назад опять получила от него письмо.

Катерина. Прочла?

Дочь отрицательно и с содроганием качает головой.

Дай мне, на марку взглянуть.

Зоя *(отдавая)*. Штемпель. Аликанте. Заграничная.

Мать и дочь смотрят в глаза друг дружке.

Уж месяц... и, оказывается, нет места на земле, где можно спрятать такую маленькую вещь.

Молчание.

Катерина. Спрячем его в огонь, дочка.

Зоя. Спрячем, мама.

Зоя бросает письмо в печь. Недолгая вспышка. Звонок в прихожей.

Катерина. Побей его прутом, пепел. И раскидай пошире.

Зоя исполняет приказание. Зиночка проходит открыть дверь.

Наверно, к тебе. Вытри глаза, чтобы Сережа не заметил. И привыкай к жизни.

Зоя *(неискусно улыбнувшись)*. Я уже привыкаю, мама.

Вернулся с работы Степан. Бросив портфель на сиденье дивана, он испытующе и безответно протянул руки Зое. Катерина идет к столу готовить ему ужин.

Степан *(ей, про Зою)*. Не выхожу из опалы. И опять у обеих глаза заплаканы.

Зоя. Мы с мамой только что с улицы, Степан Петрович.

Степан. Благополучие страны измеряется количеством проливаемых там женских слез.

Зоя. Сверхпартийные доклады читаете, а дома говорите такие скользкие вещи.

Пожав плечами, Степан бросил иронический взор на жену.

Катерина. Будь справедлива к Степану, Зоя. Ты стала забывать его постоянные заботы о нас.

Зоя. Напротив, я всегда помню, мама.

Степан. Я не сержусь. *(Зое.)* Посмотри, какую тебе Ниязметов елку раздобыл.

Зоя *(выглянув в прихожую, восхищенно)*. Мадали... Смотри, мамочка, он целый лес сюда притащил. Сразу праздником и зимой запахло, слышишь?

Но матери не до нее. Только присутствие дочери мешает ей высказать вслух мужу написанные на ее лице тревогу и подозрение. Старшие уходят.

Нет, оставьте елку там, пусть обтает. И сразу тащите ее с Валькой ко мне, по коридору... Где вы взяли такую, Мадали?

Мадали *(входя с одной тяжелой веткой)*. Жалко бросить, обломилась в пути. *(С постоянной своей улыбкой.)* Я достал бы ее вам хоть с Гималайских склонов.

Зоя. Вот услышит Сережа, опять поссоритесь. *(Куда-то через прихожую.)* Валька, Сережа, идите смотреть это чудо. Пожалуйста, будьте ему другом, Мадали.

Валька *(влетая)*. О-ля-ля, да из нее шубу можно сшить.

Сережа *(войдя следом за нею)*. Елка вполне приличная. Сколько я тебе должен за нее, Мадали?

М а д а л и. У меня уже перекупали по дороге. Я сказал, здесь мне больше дадут.

С е р е ж а *(уверенно, с деньгами в руке)*. Я спросил, Мадали, сколько ты платил за эту вещь?

Зоя хмурится. Валька азартно переводит глаза с одного на другого.

Ты способен понять, Мадали, что я не могу позволить Зое принять этот подарок? Не стесняйся, чудак, сколько ты хочешь получить за нее?

З о я. Умоляю... перестань, Сережа.

М а д а л и *(Зое, полушутливо)*. У него папа с большим кобуро́м, денег много. *(Сереже.)* Выйдем немножко, я назову тебе эту цену... там.

Молчание. Валька хлопает в ладоши, Сережа презрительно прячет деньги.

Простите... теперь я должен уйти, Зоя. Накопились неотложные дела...

Несмотря на слабое Валькино сопротивление, он уходит.

С е р е ж а. Тоже батыр нашелся... районного масштаба. Дерзость какая...

З о я *(не повышая голоса)*. Немедленно догнать и извиниться.

С е р е ж а. Не ставь меня в фальшивое положение, Зоя... И перед кем?

Маленькая размолвка. Валька насильно соединяет их руки.

В а л ь к а. Ну, помиритесь, перестаньте дуться. А Мадали — свой парень, он все поймет.

В теплой домашней куртке выходит к ужину С т е п а н.

Теперь ступайте, устанавливайте елку пока. Мне тут надо уладить кое-какие семейные неприятности. *(Дождавшись их ухода.)* Такие все нервные стали, то и дело мирить приходится. Не помешаю вам, Степан Петрович?.. у меня к вам одна жуткая тайна.

С т е п а н *(разбивая яйцо)*. Давайте, обожаю всякие тайны.

В а л ь к а. Собственно, даже и не тайна, а так, просьба... насчет отца, только абсолютно между нами. Вы ешьте, ешьте... *(Собравшись с силами.)* Я уже не первый год вас наблю-

даю, какой вы жутко чистый человек. Как вы на жене покойного брата женились, чтобы ей с Зойкой не пропадать, все знаю, и как от служебной дачи отказались. И вообще для всех у вас ласковое слово. И про ревизора тоже знаю, что приехал вас обследовать. Только вы наплюйте на эту Карякину. Хоть и грозится что-то там раскрыть, все равно ей никто не поверит. О-ля-ля, ревизоры не бывают дураки. Я сама у нас там в ревизионной комиссии состою.

Степан. Это отец вам, Лопотухин, что ли, про ревизора рассказывал?.. откуда вы Карякину знаете?

Валька. Господи, она же через стенку от нас живет... И про то знаю, как вы отцу тайком от всех помогаете, но здесь я вам должна открыть секрет. Он все ваши деньги до копеечки пропивает... а у него жуткое сердце, все на последней веревочке держится. Доктор сказал, ему даже глядеть на бутылку вредно. Так и рухнет когда-нибудь где придется. Третьего дня Мишка Жаворонков на мотоцикле меня катал, на Сережином... Между нами говоря, жутко обожаю, чтобы ветерок в лицо. Вернулась, а он уже напомадился, мой Лопотухин, и штуки там разные орет...

Степан. Это какие штуки-то, Валенька?

Слышен голос Зои.

Валька. Ой, никак Зойка зовет... Ну, всякие там и про вас тоже. А у нас сосед — жуткий доносчик. Жильцы даже отравить его собирались коллективно, только боятся. Он сядет в коридоре на табуретку и все слушает, слушает с блокнотиком. Всегда у нашего порога его окурочки лежат. *(С мольбой.)* Степан Петрович, миленький, не давайте папке деньги! Я уж сама немножко прирабатываю у нас там, в яслях ночных... только, абсолютно между нами, я ведь жуткая работяга. А на мои-то он постыдится пить... Ну пожалуйста.

Она начинает одергивать платье на себе под его пристальным взглядом. Одновременно шевельнулась портьерка: кто-то стоит за нею.

Как чудно́ вы смотрите на меня...

Степан. Просто удивился сходству характеров. И мне тоже, Валя, ужасно нравится это самое, время от времени захлебнуться ветром... давайте захлебнемся вместе? Завтра у нас Новый год, гости, неудобно. А вот, скажем, послезавтра вечерком и махнем куда-нибудь в самую метель. Имейте в виду, когда я за рулем, то меньше ста не езжу...

Валька. Ой, что вы... Мишка Жаворонков такой ревнивый у меня. Бог знает что подумает, если узнает.

В ужасе и отмахиваясь, она исчезает. Степан вздрагивает, когда всегда неслышная Катерина ставит у него за спиною стакан чая на стол.

Степан *(сквозь зубы)*. Скверная привычка появляться без шороха. Откуда ты взялась?

Катерина. Ты не обедал сегодня. Ужинай.

Недоброе молчание. Степан принимается за начатое яйцо.

А Валька жутко прехорошенькая стала, правда?

Степан. Яйца опять крутые и холодные. Не терплю.

Катерина. Остыли, пока ты занимался с нею. Что слышно насчет командировки?

Степан. На днях получаю заграничный паспорт. Соль, пожалуйста.

Катерина *(подавая солонку)*. Скажи, Аликанте — это в Испании?

Степан. Да... между прочим, родина отличного, немножко пряного вина. Кроме того, сколько помнится, там были жестокие бои. Война гражданская в Испании... Чего ты все в окно смотришь?

Катерина. Нет, просто так. *(Вдруг.)* Не трогай Вальку, Степан. Без пяти минут сирота... не порть молодость девчонке.

Вторично уловив враждебную нотку в ее голосе, Степан за руку притягивает ее к себе.

Степан. Где твой юмор, Катя? *(Интимно.)* Уже три года ты не жена мне.

Катерина. С тех пор, как узнала, что Порфирий жив. *(Почти с отчаянием.)* Зачем, зачем ты солгал мне тогда, что он убит при побеге?

Степан. Я так хотел тебя.

Катерина. Хоте-ел... Меня любили только раз, и этот человек далеко.

Степан. Ты и сейчас такая же, как я тебя впервые с ним увидел. Все равно Порфирий не вернется, это у нас прочнее смерти. *(Вполголоса.)* Приходи сегодня ночью... и мы похороним его еще раз.

Катерина. Пусти. *(Высвобождаясь.)* Лучше объясни мне: что творится вокруг тебя?

Степан прищурился в ее сторону.

С одной стороны, безумная Карякина бормочет про какие-то темные деньги. С другой — Лопотухин этот к тебе повадился. Не нравятся мне ваши сидения при закрытых дверях. Я скобки дверные после него одеколоном вытираю... Какая-то вьюга поднялась над нами, Степан.

Степан. Ничего, утихнет. Не стреляться же мне из-за дурацкой сплетни.

Катерина. Насколько я знаю, ты же без единого пятнышка... и вдруг приезд этого ревизора.

Степан. Ах, ты и про него слыхала? Но ведь и другие предприятия имеются в городе. Во всяком случае, я справлялся стороной, он пока даже личного дела моего не затребовал. *(С раздражением.)* А какие у тебя основания думать, что такая фигура, как Поташов, тронется с места ради моей особы?

Катерина. Однако справку-то ты наводил... И вообще ты стал совершать уйму подозрительных телодвижений — рвешь какие-то бумаги по ночам, ведешь телефонные разговоры на ужасно благонамеренные темы, явно в расчете на третье лицо... Неужели ты рассчитываешь подцепить кого-то на такую нехитрую штуку?

Степан умоляюще поднимает руку. Молчание. За стенкой разучивают вальс.

Степан *(сквозь сжатые зубы)*. Ходят слухи, что научились подслушивать через электрическую лампочку, а ты... И откуда у нас так дует? Всякий раз невралгия от этого окна.

Сдернув с дивана набойку и свернув жгутом, он укладывает ее на подоконник. Теперь из рваного сиденья откровенно торчит пружина. Степана все более раздражает следящий взор жены.

Но чего, чего ты хочешь от меня?

Катерина. Береги нервы, Степан. У тебя Поташов впереди.

Степан *(ища примирения)*. Ну, прости меня, прости... Я просто запутался, прости.

Катерина *(смягчаясь)*. Эта Карякина уже побывала у него?

Степан. Неизвестно... кабы в глаза ему заглянуть. Но самому туда отправляться глупо, к себе позвать — не поедет.

Катерина. А может, и поедет... Знаешь, кто этот контролер оказался? Поташов Андрей Данилыч, тот самый, приятель Марфин... Зиночка вспоминала давеча.

Степан *(оживясь)*. О, это совсем новая карта в игре. И, пожалуй, козырная.

Длительная пауза озаренья. Телефонный звонок, Катерина берет трубку.

Катерина. Да, только что вернулся. Что вы, наоборот. О, какие пустяки!.. Да нет, мне еще с осени нездоровится. *(Смеясь.)* Самая затяжная болезнь — это старость. Уж постараюсь. Сейчас подойдет. *(Передавая мужу.)* Из обкома.

Степан. Слушаю... Кто? Не узнал, прости, голубчик. Не может быть, когда?.. у нее же на квартире? Ах, даже вот как! Я давно намекал тебе, что не так просто с Карякиной. В ту пору она была переводчицей в торгпредстве... видимо, тогда же и смигалась с кем надо. Да уж конечно, нас, мужицких детей, иностранным языкам не обучали. *(Горячо.)* И ведь какая путаница получилась: если она молчала целых два года, значит, у ней нет улик... а если имеются, тогда она моя сообщница, раз молчала. Вот именно, рубить и стрелять надо эту дрянь. Еще что-нибудь интересное нашли при обыске? *(Он напрасно стучит по рычагу и кладет трубку.)* Черт, междугородная прервала. У Карякиной два часа назад арестован сын. Все перевернули вверх дном. За окладом, в иконе, нашли две золотых десятки.

Словно помолодевший и даже под хмельком немножко, он наугад движется по столовой, пока не натыкается на тот же укорительный взор жены.

А как же! брехала на других, а на поверку у самой нос в пуху.

Катерина. Ты весь распахнулся, Степан, и как ты ужасен с изнанки!

Звонок и затем шум перебранки в прихожей.

Вот начинается ночная жизнь Степана Сыроварова. Кажется, опять этот клоп притащился.

Степан. Встреть... пожалуйста. Он был у меня юрисконсультом и до гроба преданный мне человек... Заодно окажи услугу, настрой Марфу на воспоминания о Поташове. И — никого сюда.

З и н о ч к а *(раздвинув портьерку, Катерине, неуверенно).* Там опять к Степану Петровичу этот... товарищ Лопотухин в гости пришел. Заметно освежимшись.

Катерина быстро уходит. Слышен ее голос: «Мы уж спать совсем собрались, Никон Васильевич». В ответ хрипучий бас Лопотухина: «Где он там, знаменитый патриций здешних мест?» Степан успевает поставить на стол початую бутылку водки. В складках вплотную сдвинутой занавески появляется белесая и лысая, с двухъярусным лбом голова Л о п о т у х и н а. Без единого слова он обшаривает комнату взглядом.

Л о п о т у х и н. Чемоданов не видать, значит, наврали.

Он вваливается в громадной шубе с клочковатого меха воротником и, опрокинув по дороге этажерку и вазу на ней с сухим букетом, в одышке смотрит на осколки.

С т е п а н *(сухо и сдержанно).* Ничего, я соберу потом, Никон Васильевич.

Л о п о т у х и н *(в смущении из-за неоправдавшихся подозрений).* Там на вешалке пальтишко Валькино... увидит мою шубу рядом — со свету сживет.

Поставив на скатерть высокую, вроде скуфьи, шапку, он вызывающе опускается в кресло. Степан бесстрастно наблюдает его одновременно робкое и дерзкое поведение.

Та-ак, ковер с полу испарился. Заместо карты еще третьего дня море в багете висело. Гляди-ка, пружина из дивана проклюнулась. Вон как праведники-то живут... *(С пальцем у рта.)* Молчу. Умница, из карандаша выстрелишь.

С т е п а н. Если вы за деньгами, Никон Васильич, то не бойтесь, не расплатясь, не уеду.

Л о п о т у х и н. То-то. Что там, никак водка у тебя? *(Нюхает и не без борьбы возвращает на место.)* Она... На месте преступления застал. Чуть про ревизора заслышал, приступил водку пить.

С т е п а н. Запьешь тут.

Л о п о т у х и н. Все врешь... а ну, дыхни на меня. Не темни, всё у тебя расчет и притворство. Нет на свете трезвей Степана Сыроварова. В глубь веков смотрит.

Скрестив руки и в позе выжидательного долготерпения Степан смотрит, как гость пробует пальцем на язык каплю из рюмки, оставшейся на столе после Марфы Касьяновны, и отставляет с гримасой отвращенья.

Лекарством пахнет, не твоя. И бутылка та же, что в прошлый раз.

Степан. Бутылка другая, Никон Васильевич.

Лопотухин *(показав на ярлык)*. Видишь?.. я в прошлый раз отметку ногтем сделал. Для меня держишь, мошенник. Лопотухин рыхлый стал, толкануть — и пшик. Точи, точи его, подрубай Лопотухина.

Степан *(забирая бутылку со стола)*. Если вас, Никон Васильич, регулярно серной кислотой поить, полстакана в день, то, может, через полгода...

Лопотухин *(мешая кашель со смехом)*. Х-ха, слову место! *(Про бутылку.)* Дай сюда. Я, брат, медный. *(Ударив себя в грудь.)* Слышь, звенит, как колокол. У меня мамаша была, калоши сорок четвертый номер носила, х-ха...

Держа рюмку на весу, он обливает ее водкой и снова брезгливо морщится. Степан подает ему чистый стакан из буфета.

Когда отплываешь, патриций?

Степан. Паспорт обещали не ранее двух недель, если вообще поездка не отменится. Война в Испании и вообще... международное положение.

Лопотухин. О чем ты мечтаешь, давно известно мне. Наголодался при советской-то власти, то-то отыграешься на приволье. В самую масть попадешь. *(Он выпил водку и, раздавив в кулаке яйцо, ест, выплевывая скорлупу.)* А я как?

Степан. Получите за два месяца вперед, Никон Васильич.

Лопотухин. Три.

Степан. Жена доплатит вам, если я задержусь на какую-нибудь неделю.

Лопотухин. Три, не торгуйся. И привезешь мне халат. Запиши...

Степан послушно делает пометки в листке бумаги.

Турецкий, размер шестьдесят один... с лиловыми кистями, как у Глинки. И еще бинокль большой, корабельного типа.

Степан *(тоном сомнительной ласки и дружбы)*. Зачем же вам корабельного типа, Никон Васильич?.. в Африку, на тапиров охотиться собрались?

Лопотухин *(воркотливо)*. На сон грядущий обожаю взад-вперед по чужим этажам пробежаться... такие, брат, сю-

жетцы попадаются. Опять же бдительность. Записал?.. ну и Вальке там захватишь, по усмотрению. Новость-то про Карякину слыхал? Вон как у меня — и не булькнуло. Спроси хоть, идол, как я его в омут-то спихнул! *(Доверительно.)* Словом, письмо ему послал по почте, т а к о е, без подписи. Кому надо, те прочтут.

Молчание.

Мало ценишь меня, патриций.

С опущенными глазами Степан выслушивает сообщение Лопотухина, переданное вполголоса и с явным расчетом на похвалу.

Дверь-то настежь после обыска... ну, заглянул давеча по-соседски. На комодном ящике сидит, растрепанная. Вокруг пух-перо, обломки дымятся и погибшие мечтания. Х-ха, сухое кораблекрушение. Завидела: «Знаю, кричит, чья рука! Отомщу им, так и подохну с тайной... ничего не открою им про Сыроварова». Понятно, какой я ей кляп вколотил?

С т е п а н. Убедительно прошу вас, не ввязывайте меня в ваши ночные проделки, Никон Васильич. Тем более что и меня давно тяготит эта тайна. Возможно, еще до отъезда я сам раскрою на бюро, что брат у меня бежал за границу.

Л о п о т у х и н. Э, брат, тут не о беглых речь... Уважай ум раба, патриций. Не всегда раба от патриция отличают только цепи.

С т е п а н *(тихо и бешено)*. Тогда придется погасить ум раба... На высоте, где мы с вами, товарищ Лопотухин, сдвиг песчинки порождает лавину. Пощадите свою Вальку там, внизу. *(Поднимаясь.)* У них в этом возрасте такие хрупкие кости. Всё... Теперь уходите.

Л о п о т у х и н. Ладно, ладно... победил пока. *(Придвинув стакан.)* Плесни Велизарию посошок в дорогу.

С видом отвращения к стариковской слабости Степан наливает ему доополна.

И себе... выпей со мною.

С т е п а н. Но вы же знаете... с двух глотков у меня наступает жестокое отравление. *(Кивнув на прихожую.)* Ну, поехали. Я проводил совещание с утра и хочу спать.

Вошедшая К а т е р и н а застает молчаливый поединок взглядов. Она явно нервничает, пока Лопотухин с видимой тоской собирается опорожнить стакан.

Катерина. Может, ты пройдешь в кабинет со своим гостем? Марфе Касьяновне срочно требуется телефон.

Степан. Мы уже кончили. Проводи, Катя, Никона Васильича.

Лопотухин *(Катерине)*. Великий артист. В каких еще ролях увидит его потрясенная Россия...

Степан гневно кидает в проем портьерки шапку Лопотухина. Тот уходит за нею с побитым видом и держась за сердце.

Катерина. Не слишком вольно ты с ним?

Степан. Эта скрипка требует железного смычка... Марфу подготовила?

Катерина. Знаешь, ужасно разволновалась, едва я намекнула ей... Какая это гордая, красивая старуха, Степан! Может, не стоит ее ввязывать в твою игру?

Но уже поздно, Зиночка вводит Марфу. Степан достал из портфеля коробку конфет.

Степан. Любимых твоих, кофейных, достал тебе, Касьяновна.

Марфа. Все балуешь тетку, Степушка. Придется мне отвыкать, как за границу-то укатишь.

Катерина. Мигом месяц пролетит. Соскучиться не успеете, Марфа Касьяновна.

Насколько позволяет слишком короткий шнур, она отставляет от окна телефонный столик. Зиночка усаживает Марфу, а Катерина подает мужу шаль, которою тот заботливо укрывает плечи старухи.

Марфа. Что вы меня, право, ровно дворянскую собачонку, все в суконце кутаете?

Степан. Дом старый, окна щелястые... долго ли? *(Про шаль.)* Отличный товар когда-то выпускали... Где ты такую раздобыла, Касьяновна?

Марфа. Где, где... нашла. В лесу на дереве висела.

Зиночка *(с табуретки, закрывая печную вьюшку)*. Это все Поташов ей... То, бывало, апельсинов сотенку, то миндалю ящик из Ташкента пришлет. А то вот шаль.

Катерина. Не грех бы ему и навестить по старой-то памяти.

Зиночка. Поташов из ссылки-то прямо за границу проехал, а она народ на фабрике подымала. Потом Фрунзе его позвал. В девятнадцатом на Тихорецкой поездами встренулись. Мы подарки от наших, ивановских, на фронт отвозили. Постояли секундочку. «Что, Данилыч?» — «Да ничего, Марфинька...» А уж звонки, и в бока толкают. «Тифу берегись». Только и было ихней свиданки.

Марфа. Другого-то разговора нет у вас?

Зиночка. Уж он ее по всей России искал... Да мы его все со следу сбивали. *(Показав на глаза.)* Тут как раз и случилось это с нею. Так и прокружили жизнь свою, ровно в карусели.

Марфа. И все-то ты знаешь у меня, Зиночка, во всем разбираешься.

Степан. Кстати, того Поташова, Касьяновна, не Андреем ли Данилычем звали?.. не тот ли это, что в город к нам прибыл?

Марфа *(чужим голосом)*. Давно ли прибыл-то?

Степан. Да вот уж несколько дней, ревизия у него в городе какая-то. Однако уж время, хозяйки... завтра у меня опять совещание с утра. Спать.

Никто не расходится, однако, и все почему-то пристально смотрят на взволнованную известием Марфу.

Марфа. Ступай пока, Зиночка. Постели приготовь.

Зиночка уходит.

Надоела я тебе просьбами, Степушка. Уж достал бы ты полсапожки Зине моей. Совсем обтрепалась со мною.

Степан. Завтра же привезу. *(Катерине.)* Напомни с утра, на работу, цвет и размер.

Марфа. И неловко мне хлопоты тебе доставлять, Степушка... а хотелось бы тоже Поташова-то позвать. Старики мы, к земле клонимся.

Катерина. Какие ж там хлопоты?.. вот и зовите его на елку завтра. Чего же ты молчишь, Степан?

Степан. Не уверен, поедет ли. У большого человека время всегда маленькое.

Марфа. Это Данилыч-то не поедет?

Степан. В таком случае позвони ему сама. Он здесь остановился... где-то у меня тут записано было. *(Как бы листая*

записную книжку.) Думаю, с заседаний он уже вернулся. Вот: гостиница «Красная фантазия», номер сорок два.

Суета подготовки у телефонного аппарата.

Может, соединить тебя, Касьяновна?

М а р ф а. Сама. Только уходите все... пожалуйста. Сейчас я его попугаю. Сорок два, сорок два, не забыть.

Напрасно Катерина, уже из-за портьеры, жестами зовет к себе мужа, который остается возле телефонной розетки. Поразительно, сколько времени требуется старухе на сборы даже к телефонному свиданию. Она оглаживает лицо, точно молодость призывая на увядшие щеки, и вот на глазах у затихшего Степана былая статность появляется в осанке Марфы, а в голосе — резвость, даже ветреность девчонки.

«Фантазию» дайте... Да уж не знаю, каким вы ее там колером покрасили. Сорок два соедините... Спасибо. Скажите, товарищ Поташов еще не спит? Тут знакомая одна по неотложному делу. Да уж подожду, раз с Москвой говорит... *(В лице ее бежит смена воспоминаний.)* Кто это?.. никак, сам Андрей Данилыч? Здравствуйте. А с вами говорит одна молодая, цветущая женщина, которая по вас очень соскучилась... истосковалась даже. Да не серчай же, Данилыч... не серчай, глупый. *(Шепотом.)* Это Марфа твоя говорит... та самая, живая. Еле с духом собралась, разбудить тебя боялась. Нет, голос твой не дребезжит нисколечко. *(Стуча по трубке.)* Данилыч, не слыхать тебя... куда же ты пропал, Данилыч? А-а, закуривал. Вот приезжай и посмотришь... Да хоть завтра, Новый год встречать. Запиши: Пушкинская, десять. А живу я теперь у племянника моего...

Тихонько, чтоб не щелкнуло, Степан вытаскивает вилку из розетки и тотчас же скрывается за портьерой.

...у Степана Сыроварова, сестры Верки сын. Данилыч, куда же ты снова запропал, Данилыч?

Снова за стеной разучивают вальс. Марфа возвращает трубку на рычаг. Потом с ворохом мороженого белья возвращается З и н о ч к а.

Откуда там холодище такое?

З и н о ч к а. На чердак за бельем бегала. Ой, метет, Марфинька... зимушка-зима в расписных валенцах выплясывает. *(Сложив белье на диван.)* Отвела душу с суженым-то?

М а р ф а. И сказать стыдно: на свидание завтра позвала... видать, последнее. *(С какой-то простонародной тоской.)* Эх,

повела бы ты меня куда-нибудь в самую вьюгу-то, на незнакомую улицу погулять.

Зиночка. На ночь-то глядя... ты Чапай, что ли? Уж все старушки спят.

Марфа. Платье мне на завтра самое черное, какое в укладке найдется. И косынку Веркину, праздничную...

Взамен убежавшей Зиночки появилась Катерина.

Да пораньше достань, загодя нафталин проветрить надо.

Катерина. Это я, Марфа Касьяновна.

Марфа. Вот ты-то и нужна мне. Оглянись, никого там нету, окроме нас? Скажи, очень древняя я стала?

Катерина. Это мы кругом вас старички стали. А у вас, Марфа Касьяновна, только голова белая.

Марфа. Вот-вот, уж обмани еще немножко... А глаза какие?

Катерина. Голубые и совсем прозрачные они у вас.

Марфа. Верно, как дом пустой. Войдешь, а там нет никого.

Катерина. Это у меня такие, наверное, стали, а у вас как небо в реке...

Марфа. ...ночное небо в ночной реке. А заплаканный у тебя голос-то. Пусть тебе радость приснится, горькая ты моя. *(На уходе.)* Не ты ли меня давеча с Поташовым-то разъединила?.. верно, за книгой потянулась да и задела, а?

Она проходит как раз мимо Степана, закрывшего рот листком бумаги, чтобы и дыханием не выдать своего присутствия. Тот благодарно пожимает локоть жены — хотя бы за молчание. Она с отчаянием и осуждением качает головой.

Степан. Пойми, Поташов не поедет, если узнает, что ко мне. И вот список покупок на завтра. Деньги найдутся у тебя?

Катерина. Придется найти на это.

Степан *(семейной скороговоркой)*. Ничего лишнего. Колбасы подешевле, самого ядовитого цвета. Орехи, мармелад, хризантема — в горшке покривее. Хорошо бы жидкого компота всем по чашечке. Здесь живет человек, который ценит свой ломоть счастья. Словом, в расчете, что завтра станет еще веселей... И как заявится — вытащишь меня под предлогом какой-нибудь аварии: пусть Марфа побудет с ним наедине. Теперь массы сюда какие-нибудь, побородатее... вот бы Лизавета подъехала. Чего ты меня осматриваешь?

Катерина. Люди у тебя как клавиши, Степан. И никто не догадывается, что именно ты на них играешь.

Степан. Прости, не дошло. У тебя женский ум и мысли всегда какие-то недодуманные.

Катерина *(возгораясь протестом)*. Зимой гибнем здесь от сырости, летом задыхаемся от пыли, а ты отказываешься от новой квартиры...

Степан. Есть люди, которые ютятся в бараках, Катя.

Катерина. В доме нет денег, а ты подписываешься на заем в тройном размере...

Степан. Не забывай же, на меня смотрят тысячи подчиненных.

Катерина. ...да еще даешь на пьянство Лопотухину.

Степан. Кому-кому, а мне не к лицу бросать в беде старого, больного сослуживца.

Катерина. И потом, ты столько, столько лжешь, а ложь — это всегда отражение преступлений.

Степан *(в гневе)*. Так назови же мне их!

Молчание.

Катерина. Несовершенные преступления еще ужаснее совершенных. *(Утрачивая выдержку наконец.)* Тогда почему же, раз ты всех добродетелей образец... почему вон там, в подъезде, стоит человек и не отрываясь смотрит на твои окна, почему?

Степан *(не сразу справившись с собою)*. Давно?

Катерина. Вторые сутки. И у него черная повязка через глаз.

Степан. Прогресс, гримироваться научились...

Затем, кусая ногти, Катерина смотрит, как ее муж крадется в эркер, чтобы с корточек выглянуть поверх обындевелой наледи на стекле.

Потуши свет.

Теперь, при свете уличного фонаря, внизу еще виднее, как вьется снаружи лихая новогодняя метель.

Ничего не разобрать... может, не на наши окна? Покажи, где ты видела его. Нет, лучше пригнись и ползи на коленях...

Катерина гипнотически опускается на четвереньки и вдруг кричит навзрыд и шепотом, сидя на полу и самой себе зажимая рот, чтобы не привлечь внимания молодежи.

Катерина. Не хочу, я не хочу на коленях! Люди не должны ползать, не должны! Они тогда как грязь делаются, как грязь...

С т е п а н. Утихни... там же нет никого. Просто у тебя недопустимо нервы расшатались.

К а т е р и н а *(тихо плача)*. Помоги мне умереть, Степан.

Дверь приоткрылась, по потолку пролегли цветные полосы света — З о я и В а л ь к а.

В а л ь к а. Идите скорее елку смотреть. Там у нас жутко красиво получается.

З о я. Чем вы тут занимаетесь в темноте? *(Помогая матери подняться.)* У тебя все лицо мокрое, мама. О чем ты, бедная моя?

С т е п а н. Мама упала в темноте и расшибла коленку.

Валька распахивает вторую половинку двери. Цветные тени лапчатых ветвей волшебно располагаются по стенам и потолку. Прихрамывая и виновато улыбаясь, Катерина идет с Зоей смотреть елку,

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Подготовленная к предстоящей вечеринке, со сдвинутой мебелью, комната Зои, запоминающаяся своей стерильной чистотой. Белая девичья постель со взбитыми подушками, и над нею, рядом с гравюркой Пиранези,— лепная дорическая капитель. На шкафу, составленные туда вплотную,— хрупкие предметы, рулоны бумаги, ваза с кистями и стеблями рогоза, античный гипс и другая обиходная мелочь. Под куском алой ткани — чертежный стол.

Через приоткрытую для проветривания раму левого окна залетает с улицы снежок. На соседнее — Зоя со стремянки накалывает полотнище голубой кальки, по которой движутся тени древесных ветвей. Единственное пока освещение — от поставленной на полу настольной лампы с зеленым рабочим козырьком. На коленях и в спецовке, Сережа заканчивает дополнительную подсветку подножия разукрашенной елки.

Сережа. Слезай, свалишься, устала. Что и от кого ты хочешь прятать?

Зоя. Так, сглазу боюсь.

Поднявшись с полу, Сережа глазом мастера окидывает свою работу.

Сережа. Вот теперь это современная электрифицированная елка. Требуются награда и поощрение.

Он тянется к ней, Зоя молчит в оцепенении рассеянности.

У меня затекли руки, Зоя. *(Терпеливо.)* Не разберу, от кого дует больше — от тебя или от окна.

Зоя. Спроси человека в себе, Сергей, пожалуйста. Действительно он любит меня?

Сережа. Это неточно. Он обмирает по тебе, Зоя.

Зоя. Это хорошо... А если несчастье, пожар?

Сережа. Он вынесет тебя на руках. По кручам крыш. По крышам круч.

З о я. А если землетрясение?

С е р е ж а. То же самое, только на крыльях.

З о я. А если еще хуже?.. хуже огня, потопа, чумы, междоусобной брани?

С е р е ж а *(нахмурясь)*. Не пугай меня, Зоя.

М а д а л и *(заглянув с порога)*. Не помешаю счастью друзей?

С е р е ж а *(не оборачиваясь)*. Помешаешь, исчезни.

Тот скрывается.

Что ты имела в виду, Зоя?

З о я *(вдруг)*. Нет, не стану второе завешивать. Пусть все в этом доме будет нараспашку. *(Спускаясь со стремянки.)* Ступай переоденься, уж время.

С е р е ж а. Я вообще должен поставить тебе на вид, Зоя... последнее время ты несколько удивляешь меня своим поведением.

З о я. Подожди, милый, я тебя и не так еще удивлю.

К а т е р и н а и В а л ь к а вносят блюдо с заливным, поднос со сладостями и какой-то до крайности дохлый цветок в пестрой бумаге.

Нет, никакой еды... вся пища в соседней комнате. Вот орехи, пожалуй, оставьте. Здесь только вино и танцы... если кому еще танцевать захочется.

В а л ь к а *(Катерине)*. Чего она капризничает сегодня? Тебе нездоровится?.. дай лоб.

К а т е р и н а. Но всегда же так бывает, Зоя: общий стол и все сидят.

З о я. Мамочка, я всю жизнь делаю по-твоему. Давай сделаем разок по-моему.

Звонок.

Взгляни, Валя... проведешь на ту половину, если Поташов. Заодно предупреди ребят, чтобы стулья приносили с собой. И ты отправляйся с нею на кухню, Сережа. Возможно, потребуется дров наколоть.

Все озабоченно поглядели на занятую какой-то незначительной приборкой Зою.

Слышала, мама, что задумал представить на конкурс Дворца Советов этот самоуверенный молодой человек? Большой стеклянный глобус на красной ножке. Так сказать, в революцион-

по-географическом разрезе. Как отрадно, что не в медицинском... Смеет при этом издеваться над Мадали.

С е р е ж а. Если ты собралась испытывать мои умственные способности, то сдаюсь. Снизойди и поясни, чего ты добиваешься от меня, Зоя.

З о я. Просто хочу облегчить тебе одно неминуемое решение.

К а т е р и н а. Не обращайте на нее внимания, Сережа. У нее с проектом не ладится, вот и кусается, злюка.

С е р е ж а. Итак, я отправился в ссылку, на кухню, Зоя.

Он уходит. Катерина кладет руки дочке на плечи.

К а т е р и н а. Что, что ты задумала? И за что ты его так? ведь ты же любишь его.

Зоя молчит с закрытыми глазами.

И он прав: ты отвратительно держишься последние дни.

З о я *(с улыбкой)*. Или я бесчувственная стала, или ты убедительнее бранилась в прошлый раз, мамочка.

Звонят в прихожей.

Вот он, ваш ревизор из центра. Беги, встреть у порога. Это нужно твоему мужу, который обеспечивает нам с тобой калорийное пропитание.

Слышны восклицания Зиночки: «Ой, кого бог-то нам послал!» Мужской голос: «Куды кульки-то складывать?» А громче всех — Лизаветы Касьяновны: «Раздевайте, раздевайте меня, окаянные! Рукава-то теткины пожалейте...» Маленькое недоразумение происходит на пороге.

В а л ь к а *(приезжей)*. Общий сбор у нас в столовой назначен... Здесь у нас пока не подготовлено.

Л и з а в е т а. Да чего, чего ты, в самделе, ровно махонька собачка в меня вцепилася, кудрявá?

З о я. Ура, Лизанька приехала... Да отпусти ж ее, Валька. *(Повисая на плече Лизаветы.)* Как же я рада тебе, прелесть ты моя... именно сегодня. Как мне было пусто без тебя...

Л и з а в е т а. Ой, задушишь... мокрая я. И-и, милые, снегу намело, до Покрова не потает. Усаживайте меня, усаживайте. Грешна, люблю в гостях бывать, усаживайте.

Она вошла — статная, грубоватая чуть, в ладной жакетке и таких же тугих сапожках, с орденом на кумачовой подкладке, чтоб видней было. Сзади нее — спутники: И в а н Т е т к и н, долговязый парень, в тройке на деревенский вкус, с приспущенной на лоб прядью и озороватой

усмешкой на слегка продолговатом лице; он несет Лизаветины подарки. Чуть отступя — дядя его Сарпион, коренастый, в круглой смолевой бороде, косоворотка под тесноватым пиджаком. Вкусно и вперебой скрипят крестьянские сапоги.

Лизавета *(обнявшись с Зоей)*. А грусть в глазах-то девичья: знакомое. *(И оттолкнула слегка.)* Гляди, древо как обрядили. Вот бы и нам для ребяток-то... сообрази, Сарпион.

Сарпион *(красным платком протирая мокрые с улицы усы)*. Невелика трудность. При лесах живем. *(Почтительно, про Лизавету.)* Наседка. Чистая наседка: так под ей, как под наседкой, все триста домов и ходим.

Лизавета *(Катерине)*. И ты у меня с лица подвяла малость. Ничего-то у вас тут нету, милые, ни покою, ни воздуху... Держись, Зинаида, жениха тебе обещанного привезла. *(Про Сарпиона.)* Гляди, каков, на триста годов хватит. Ой, сватать я ловка. Временно отвернися, Сарпион. *(Зиночке, доверительно.)* Нет-нет да и прикрикни на него. Он за строгую женщину жизни не пожалеет.

Зиночка. Я на мужчин как-то уж и глядеть отвыкла.

Лизавета. Немудра наука. Рожать надоть, рабочих рук не хватает. Эва, на что замахнулися. А ты чего стоишь, ровно закоченелый... а еще артиллерист. Соображать надоть, Сарпион.

Сарпион *(оглаживая усы и смеясь одними глазами)*. Наша батарея завсегда к огню готовая.

Катерина. Вот здесь садитесь, и танцы вам отсюда виднее будут. *(Зиночке.)* Сходите за Марфой, Зиночка... Да откуда же вы такие нарядные?

Иван *(показав на Лизаветину грудь)*. В Москву за орденом ездили...

Лизавета. ...и еще там подобрались делишки разные. Сдуру-то наобещала своим о прошлую уборку кином раздобыться. И ведь достала, а вот с механиком... Помастеровитей хотелося, на все бы руки. Много ли ему труда вечером машинку прокрутить, а за день-то он все бока себе отлежит. Одними лекарствами по миру пустит.

Сарпион. Нонче в России должностей развелось — на кажный волос по парикмахеру.

Иван. Вот бы у Степана Петровича, мамань, механика-то испросить.

Лизавета. Не зови меня маманей, сатана. Далась им дурацкая кличка эта... Вон, возьми зернышек с окна и грызи,

как человек. *(Катерине.)* Не посадили пока Степку-то? У нас по району ровно ветровал прошел. На каланче один уж сколько годов стоял, старичок, а на деле открылося, всё объекты высматривал. Шпиён турецкий оказался.

Иван. Мамань, это который из райфо — турецкий, а тот, с каланчи, африканский.

Общее движение, все невольно приподымаются. В сопровождении Зиночки, уже одетая к приему важного гостя, входит Марфа.

Марфа. Слышу, голос Лизаветин гремит. Где ты тут, толстая?

Лизавета. Здорòво, старшенькая. Вот бруснички тебе любимой да баранинки к ней привезла...

Они обнялись. Зиночка перехватывает кулек. Лизавета всхлипнула с сухими глазами.

Свет-от вконец затмился, али видать еще хоть с росиночку? *(Всё тоном причитания.)* А была-то какая... в покос, бывало, на речку побежим — тело у ей чистое, белое, непорочное. Глаза-то дна в колодце доставали.

Марфа. Полно, полно врать, Лизавета. Где пропадала-то целых полгода?

Лизавета. Сдуру, вишь, клуб связалась строить, а за народом-то нонче, сама знаешь, глядеть да глядеть.

Сарпион. Еще в Библии описано, не помню у какого апостола: маляры да плотники до вина охотники.

Марфа. Кто же это наехал-то с тобой, Лизавета?

Лизавета. Бригадир наш, Теткин Сарпион... из тех Теткиных, из заозерных. Конский царь его зовем... Вот, Зиночке привезла показать.

Сарпион выступил было шаг вперед поздороваться, но Марфа не видит его протянутой руки, и тот ретируется, бормоча: «Премного благодарен за знакомство».

А другой — племянник его, Иван. *(Подталкивая его вперед.)* Иди, иди поближе, пускай она тебя руками-то поглядит.

Иван *(упираясь и тоже вполголоса)*. Я щекотки боюсь, мамань. Меня тогда смех разбирает.

Лизавета. Уж полюби его, старшенькая. Пристал, закрутил, скажи и отбою нет. Ведь это муж мой...

Общее одобрительное оживление. Иван приглаживает прядь на лбу.

Марфа. Годков-то сколько тебе, Лизанька?

Лизавета. И, милая, чего их считать... Летят, как лебеди.

Зиночка. В семейной жизни главное — было бы согласие достигнуто.

Сарпион. Ну, об нее до ста лет хочь прикуривай.

Долгий двойной звонок. Все переглянулись.

Зиночка. Поташов, его звонок, больше некому.

Лизавета. Сарпион, будь человек, выдь покамест с Ваней на лесенку покурить.

Зиночка и Катерина вслед за нею исчезают за портьеркой. Мужики уходят. Беготня и перестановка к встрече важного лица. Где-то что-то уронили. Появившийся Степан становится за кресло Марфы, откинувшей голову к спинке.

Степан. Принимай дорогого гостя, Касьяновна. Может, уйти нам?

Марфа. Так ведь и уйдешь, Степушка, да тайком останешься.

Марфа поднимается в кресле, когда, чуть расставив руки, быстро входит Поташов — седой и в зеленоватом глухом кителе по моде тогдашней русской жизни.

Поташов. Сверхштатных гостей еще принимают?

Несколько мгновений, не примечая остальных, он смотрит на Марфу и переводит глаза в направлении ее взгляда, но, к его удивлению, там нет никого.

Марфа. Где ты меня ищешь?.. здесь я, здесь. Здравствуй, Андрей Данилыч.

Поташов берет ее руку, все еще не отрывая глаз от лица Марфы.

Узнаю́, теплую руку твою узнаю́. Спасибо, приехал-то.

Поташов. Что у тебя с глазами, Марфинька?.. болят?

Марфа. Уж отболело, уж давно. Ведь я тебя, Данилыч, не вижу.

Поташов. А я-то думал, раз замолкла...

Марфа. Нет, я не забыла тебя, Данилыч. Как стало меркнуть, вот мы и прятались от тебя, недогадливый. А шибко испугалась первые-то лет шесть...

Поташов. Чего, тьмы своей?

Марфа. Нет, а вот что люди научились обходиться без меня. А потом ничего, обвыклась. Кто-нибудь там дайте ему присесть со мною.

Степан подставляет стул гостю, который все еще не замечает окружающих.

Вот и свиделись, на краю нашего времени. Рада я за тебя, на какую ты кручу поднялся... доволен?

Поташов. И не знаю, Марфинька. В юности мечталось — любую звезду с лету достану, а видишь, по какой нынче цене они обходятся.

Марфа. То-то, руки-то порой по локоть обугленные... С женой приехал или внуков нянчить осталась?

Поташов. Так ведь неженатый я, Марфинька. Не получилось у меня.

Марфа. Ай не идут?

Поташов. Видать, лицом непригож. *(Чуть помедлив.)* А тебе... хорошо тут?

Лизавета. Чего ж хорошего-то! Выведут в палисадничек, и сидит весь день с ребятишками да воробьями. Вспоминает, что было, чего не было.

Поташов недоверчиво всматривается в нее.

Не признаёт — знать, шибко поправилась я.

Поташов. Растем, растем, Лизавета Касьяновна.

Лизавета. Куды, в зеркале не помещаюсь, на озеро глядеться бегаю.

Степан. У нас тетя Лиза, как родина, громадная. И насмотреться невозможно...

Все немножко смущены фальшью сказанного. Поташов впервые поглядел на Степана.

Марфа. А это племянник мой, Степушка. Бери пример, Данилыч: семьянин, без единого взыскания, окроме службы еще статейки пишет, не пьет, не курит...

С комическим смущением в лице Степан пожимает руку Поташова.

Степан. Меня зовут Степан Петрович Сыроваров.

Поташов. Верно, бережет себя для еще более великих дел, Степан... Степан...

Рукопожатие непроизвольно затягивается.

Поташов. Совпадение какое... *(В самые глаза.)* Как раз брошюрка ваша на столе у меня лежит. Названье только не припомню...

Степан. О социалистической морали в переходную эпоху. Доклад делал на семинаре низовых партработников., но товарищи потребовали углубить, дополнить...

Марфа. Почитай, Данилыч. И слог хороший.

Поташов. Прочел. Суровые слова... о приметах грядущего, о тайномыслии, о пережитках. Очень верно у вас, что многие нынче, особенно на собраниях, октавой разговаривать навострились, в унисон. А вот, кабы послушать, о чем они с женой в метельную ночку да без свидетелей разговор ведут...

Степану не по себе. Он смотрит на дверь, где как раз появляется Катерина.

Катерина. Срочно звонили с работы, Степан... там авария какая-то. Простите нас, Андрей Данилыч.

С восклицанием досады и не очень правдоподобным сожалением в лице Степан уходит.

Зоя, товарищи на тебя обижаются.

В самом деле, из нарастающего где-то по соседству шума явственно выделяется скандирующий ропот молодых голосов: «Зоя, Зоя, Зоя...» Поташов помогает Марфе подняться.

Поташов. Переберемся в сторонку, Марфинька, чтобы молодежи не мешать.

Он отводит ее в ближний угол, и туда чуть позже, во время подготовительной суматохи, Зиночка благоговейно доставит большой, с ярко-красными сургучными печатями, видимо с нарочным присланный, пакет, а затем так же, держа над головой и по расступившемуся коридору, унесет контрольную расписку.

Валька. Зойка, там бунт начинается. Всего семь минут осталось до Нового года.

Она тормошит подружку, пригревшуюся в коленях Лизаветы. Прорыв — и вступает молодежь. Передние, с бородами и в масках гномов, тянут детскую песенку про родившуюся в лесу елочку. Один несет торт, другой — таз с бутылками шампанского в снегу, остальные — недостающие стулья.

Зоя. Ставьте на подоконник... Нет-нет, из снега пока не вынимайте, Мадали.

Начинается праздник. Под аплодисменты гостей зажигается елка. Вступает оркестр шумовых инструментов из домашней утвари.

В а л ь к а. Мишка, Сережа, наливайте... Мы же провороним Новый год.

Голоса: «Внимание, внимание...» Три гидальго в сомбреро самодельного образца, припав на колено перед молодой хозяйкой, поют под свои гитары:

Как у Гомера в древней Трое
судьбу богинь решал Парис,
так вот и мы на выбор Зое
отдать три сердца поклялись.

Чей-то отчаянный голос: «До встречи всего две минуты, товарищи!» Шиканье, пение продолжается под рокот, кажется, уже целого десятка гитар:

И, как один, мы кинем трое
три сердца ей...

Пауза, и три больших бумажных сердца катятся под ноги смущенной, оглушенной Зои.

...на Новый год
того, кто всех милее Зое,
пусть Зоя милым назовет.

С мальчишеским энтузиазмом припев дважды повторяется всеми.

М а д а л и *(с авансцены)*. Поправка. Четыре сердца, Зоя.

Хлопают пробки, и льется вино. Входит н е к т о под маской упитанного младенца, в венке и шубе из хвойных ветвей. В руках у него поднос и обернутая полотенцем скалка.

Г о л о с а:
— Привидение, до мистики докатились. Милицию надо звать.
— Ничего подобного, граждане, это загробный дух Мишки Жаворонкова.
— Товарищи, не срывайте ответственное мероприятие.
В а л ь к а. И вовсе не Мишка и не мистика, а это Новый год. Осталось четверть минуты. Задумывайте желания и слушайте сигнал. *(Справившись с часами Зои.)* Давай...

Жаворонков начинает отсчитывать удары. Между шестым и восьмым он говорит: «Валя, проследи, Илья одну бутылку за шкаф спрятал». Звенят бокалы.

Голоса:
— За зодчих нового мира.
— Локоть к локтю, локоть к локтю.
— Пусть ширится наше гордое единство...
— За верность и дружбу.

Сережа срывает с елки золотую нитку и при общем одобрении венчает ею Зою.

Сережа *(властно, как клятву)*. Я пью за мою невесту. Мои друзья пьют со мною.

Все поднимают бокалы, кроме Ниязметова.

Почему ты повесил свой некрасивый нос, Мадали?

Мадали *(так же, через всю сцену)*. Потому что ты слишком задрал свой, шибко красивый.

Сережа. Нахожу, что это не шибко умно, товарищ Ниязметов.

Мадали *(уже менее справляясь с акцентом)*. Популярный деятель рабовладельческого общества Соломон, Сулейман по-нашему, рекомендовал отвечать глупому по глупости его.

Валька. Перестаньте же, ребята... жуткие сумасшедшие, нашли время для потасовки. Мальчишки, предлагаю за бесстрашную, нерушимую дружбу... *(Обернувшись к Зое.)* Что ты задумала, Зойка, что у тебя на уме?

Лишь теперь все увидели: Зоя поднятой рукой со скамейки приглашает всех к тишине и вниманию. Начальный холодок скандала.

Катерина. Помни о матери, Зоя.

Лизавета. Эх, спели бы лучше, а я пройдуся. Заводи нашу хороводную, Сарпион.

Голоса:
— Зоя хочет говорить.
— Оно полагалось бы выпить сперва...
— Успеется. Новогоднее слово Зое.

Зоя. Стойте, не пейте это невеселое вино. *(Хрустко и звеняще.)* Все краденое тут у меня. Все: стены и почти подвенечное платье это. И елка и вино. Вот я вам открою сейчас, кого вы здесь обнимали...

Лизавета *(на вздохе)*. Болячку сдернуть хочет, горькая ты моя.

Всеобщее движение, сразу разделяющее гостей на два неравных лагеря. И поразительно, с каким злым восторгом иные сдергивают с себя личину притворного приятельства. Некоторые так и остаются в масках. Проталкиваясь локтями, Сережа напрямки идет к невесте, чтобы из уст в уста выслушать ее признание. Напрасно пытается Валька унять подругу, зажать ей рот, остановить назревшую катастрофу.

Валька *(цепляясь и плача)*. Умоляю, Зоенька, уймись. Жуткая ты моя, безумная красавушка, замолчи... Кого ты хочешь устыдить? Думаешь, хоть кому-нибудь совестно станет?

Зоя *(из последних сил)*. Погоди, Валя, погоди: через год ты сама скажешь, как все хорошо получилось. *(Всем.)* Вот вы меня обнимали, а я вам лгала... до нынешнего вечера боялась очень. Мой отец не умер. Он за границей, Порфирий Сыроваров, беглый офицер. Письма его мы жгли... Я даже не видала его ни разу. *(Вдруг сорвавшимся голосом.)* Я и России прежней не видала... только осколки ее во мне болят. Вот я возвращаю вам краденое, с добавком жизни.

Она сдергивает покрывало с чертежного стола, и если бы ближайшие не успели помешать, наверно, размахнула бы пополам лист проекта, полный стольких трудов и надежд. Короткая борьба, и, сразу обессилевшая, Зоя сползает на скамейку, похожая на клочок скомканной бумаги в своем нарядном белом платье. Мать и Лизавета хлопочут над нею, чтобы через мгновение увести ее в спальню. Тишина, и в ней стонущий звук случайно задетой струны. Затем почти стихийно возникает дискуссия дальнейшего расслоения.

Голоса:

— Вот что называется гран-гиньоль по-русски.

— Неплохо придумано: зазвать гостей и угостить их пирогом с гвоздями.

— Сматываться надо, ребята, от греха. Кто со мною?

— А я считаю, что это подло, подло — покидать товарища в любой, в любой беде...

— Так ведь она же в переписке с ним была.

— У Карякиной сын тоже получал некоторые странные письма.

— Спрашиваю, кто мы: строители всемирные или крысы на корабле?

— Ого, аттракцион.

— Тише, тише, товарищи...

Толчея и беспорядок на сцене. Елка чуть накренилась. Борьба совести и страха среди гостей. Валька пытается приостановить начавшееся бегство.

Валька *(мечась во все стороны)*. О-ля-ля, да что же это делается, миленькие?.. куда же вы все?.. Мне за вас перед стариками стыдно... Ох, не глядите на них, Марфа Касьяновна, они еще образумятся... Трусы, трусы, дворяне. И ты, Мишка, тоже?.. не уходи, не велю... За стипендию свою трясешься, мальчишка.

Жаворонков *(по-ребячьи плачевно и сдирая с себя еловый венок)*. Ты же знаешь, Валя... мать и двое младших вот на этих руках у меня.

Валька *(исступленно)*. Все одно, умирают пусть. Под кнутом, под кнутом улыбайся. Не смей... навек от меня уходишь, Мишка.

Жаворонков вместе с другими утекает в дверь.

Сколько же нас теперь?.. Смотрите, совсем немного осталось. *(Сереже.)* А если бы вы только знали, абсолютно между нами говоря, как вас Зойка любит. Ступайте к ней, накричите на нее, прикажите, чтоб жила...

Сережа. Мой отец, старый слесарь, так говорит: поскреби с железцем, где ложь, другую найдешь. Я постараюсь, Валя, не задержать ответа.

Мадали. Правильно. *(Сбоку, тоном сочувствия.)* Отпустите руки, гражданка. Дайте человеку провести юридическую консультацию. *(Подавая гитару.)* Прихвати. Ценный предмет, может пострадать в суматохе.

Сережа машинально берет инструмент. Мадали протягивает следом откуда-то взявшиеся у него развернутый газетный лист и веревочку.

Завернуть. Снегопад на дворе.

Сережа швыряет ему в ноги скомканную бумагу и уходит.

Валька *(вдогонку)*. Беги, беги, пока черный ворон не подъехал!

Немногие оставшиеся молчат. Возвращается Лизавета. Марфа сидит с закрытыми глазами. Поташов раскуривает трубочку. Со сбитой набекрень прической, ослабевшая от разрядки, Валька, как пьяная, бредет по сцене.

А гитару-то захватил, негодяй. Осторожный, знатный, жутко жизнерадостный. Уж теперь каюк Вальке. Небось уж слышал

мой голос, в черной-то повязке, к стенке прилип. Налей мне водки, Мадали... большую налей. Все одно мне теперь, у меня и отец пьяница.

Ввиду полной его безответности Валька сама выбирает себе стопку покрупней из уже налитых и с почти отцовской повадкой ведет пальцами над блюдом с закусками. Подоспевшая Лизавета перехватывает ее руку.

Лизавета. Хватит тебе, ишь расшумелась, кудрявà. И тела-то всего на копейку, ровно у сыча, а поди-ка, страсть какая. Ах ты, крапивка моя молодая, перестань... Детки-то у нас, старшенькая, разные: в непогоду зародилися. Ладно, домой запрягать пора: повеселилися... Допьем уж, у кого налито, чтоб не пропадало.

Она умолкает при виде появившейся Катерины.

Катерина *(шепотом)*. Задремала... Ступайте по домам, ребята: спасибо вам, что не покинули...

Марфа. Не кори ее, Катюша. Слабенькая, поди в ней нынче человек родился. Ты еще здесь, Данилыч? Пригубь с нами... не за смирных да хитрых, а за честных да гордых, как мы с тобой были когда-то, при царе Горохе.

В молчании Поташов выскребает свою трубочку.

Ладно, пошутила я, Данилыч. Опять же, небось тебе еще на работу заехать, да ведь и мне тоже ни глоточка не велено. Пойдем, я тебе свои хоромы покажу...

Поташов. Будь моим поводырем, Марфинька.

Этот разговор происходит вполголоса, чтобы не тревожить Зою. Все шикают на неумеренно громкую реплику возвратившегося Степана: «Где же гости-то, Катя? Куда ты отпускаешь их в такую рань?» Катерина выходит проводить Лизавету, которая делает Степану мимические знаки привета и сожаления — «до завтрева». Пропустив вперед Марфу, последним уходит Поташов.

Поташов. И что же, большая авария, товарищ Сыроваров?

Степан. О, по счастью, все уладилось! Минуточку, я верну вам машину...

Поташов. Спасибо, у меня своя. Кстати, скажите, вы знавали такую... Карякину?

Степан. В торгпредстве одно время работала. Горяча и неуравновешенна, но это вполне наш человек. А что с нею?.. какие-нибудь неприятности?

Поташов *(уклончиво)*. Вроде того. И главное — непоправимые.

Кивнув на прощанье, он уходит с загадочной улыбкой, к очевидному недоумению Степана. Впрочем, тот сразу преображается по уходе Поташова, и лишь теперь видно, насколько он взволнован, даже выбит из колеи каким-то внезапным известием. И прежде всего, еще до возвращения Катерины, он гасит большой свет.

Степан *(жене)*. Что произошло в доме?

Катерина. О, многое. Я очень устала, у меня нет сил. Словом, Зоя заболела, спит... На что он намекал при уходе?

Степан. Пустяки, все идет пока нормальным ходом. Видишь ли... Карякина повесилась. От большой лужи всегда большие брызги. Но, к сожалению, есть и другие новости, которые ты просто обязана, Катя, принять совершенно спокойно. Знаешь, все случается в эпохи вроде нашей...

Катерина. На нынешний вечер мне, пожалуй, хватит новостей, Степан.

Степан. Но это самая серьезная из всех. Вот так же в семнадцатом веке, помнится, где-то в океане застигло штормом корабль один... кажется, французский. Понимаешь, такая же ночь, и команда вся наверху, полный аврал, потому что уже без мачт, без рулей, без надежды. И тут глыба воды с двенадцатиэтажный дом смывает с палубы матроса... Целых три минуты затем эта дьявольская качка — смерть и жизнь, молния и тьма, ветер и осатанелая вода. И вдруг та же волна, наигравшись, возвращает на палубу беднягу...

Катерина *(с предчувствием дурного)*. Не понимаю, какой матрос?.. о чем ты говоришь, Степан?

Степан *(не глядя в глаза)*. Словом, я прошу тебя, держись... полное спокойствие. В общем, у меня для тебя неплохие вести. Видишь ли, Порфирий воротился... вполне живой и, за исключеньем небольшого увечья, совсем здоровый. Допускаю, что очень, очень скоро ты и сама его увидишь. И, пожалуй, в наших общих интересах, чтобы встреча ваша прошла как можно безболезненней...

Закрыв лицо руками, Катерина с ужасом слушает сбивчивые излиянья мужа,— сквозь пальцы виден один ее округлившийся глаз. Любой ценой Степан торопится зачем-то выпроводить ее отсюда.

Приди в себя, дорогая, не бойся и не бейся же так... оно еще уладится. Возможно, подвернется какой-нибудь отличный вариант из всех. Взгляни мне в глаза... ну вот видишь, как

хорошо. Теперь ступай, ступай к своей дочке. Мало ли что, пить захочет. Дай мне тут собраться с мыслями... ступай.

Он остается наедине с собою, и здесь обнажается его второе состояние: смертельное смятение человека на самом грозном распутье жизни. Временами это походит на приступ сумасшествия. Его терзает свет, он гасит последнюю лампу. Ему душно — не показываясь в окне, протянутой сбоку рукой он распахивает створку окна... может быть, зачерпнуть снежка с наружного железного отлива? Нет, совсем другое. И вдруг, став коленом на подоконник, он машет рукою кому-то там, внизу.

Порфирий... это я, Степан. Что же ты стоишь там, под окнами? Войди, не заперто... только скорей, скорей.

И, кое-как запахнув окно, Степан мучительно ждет своего ночного судью, сообщника и собеседника. «Где ж ты там, умоляю, я с ума сойду, скорей!»— бормочут непроизвольно губы. Потом в проеме широко и с лязгом колец раздернутой портьеры, насколько позволяет видеть очень слабое освещение, показывается высокий, без возраста, человек в короткой финской бороде и с черной перевязью через глаз. Все на нем непривычное и чужое: заграничная куртка со стоячим меховым воротником, суконный картуз с наушниками, шнурованные сапоги. Так представляются в детских картинках фантастические, во всех морях и бурях побывавшие капитаны самых дальних и отчаянных плаваний, возможных в наши годы. Обращает на себя внимание сильный тик в губах Порфирия — при совершенно неподвижном лице. Без взаимного привета или рукопожатия они долго, испытующе смотрят друг на друга, и ничего нельзя сказать пока о сущности их отношений. Дальше следует стремительная, с задышкой порою и с постепенной утратой самообладания, без единой реплики Порфирия, сбивчивая Степанова скороговорка, направление и тональность которой меняются от еле приметного выражения в лице ночного гостя — насмешки, гнева или гадливости.

Ну входи, наконец-то... Знаешь, я просто удивлен, пожалуй, обижен даже на твое поведение, Порфирий. Столько лет кружит тебя история по всяким безвестным пучинам, и вот после такой разлуки, такой разлуки ты возвращаешься на родину даже без уведомления, чтобы близкие могли как-то встретить тебя... ну, и смягчить начальный удар приземленья. И потом три дня, целых три дня мерзнешь, как бездомный бродяга, как нищий, мерзнешь в какой-то тухлой подворотне да еще на этой чертовой российской вьюге, хотя ведь это же и твой дом... в том смысле, конечно, что у тебя здесь родня... словом, я хотел сказать: дочь. Из-за такого твоего поведения, х-ха, я как-то даже не решаюсь обнять тебя, до такой степени мы отвыкли друг от друга, хотя последняя наша встреча в той кромешной дыре, на задворках в Пасси... не забыл небось?.. случилась всего два года назад... я не ошибаюсь, два? А ведь мы же братья, кровные, если только, несмотря на всю эту суто-

локу, ты по-прежнему брат мне. Давеча мне пришлось дважды пройти мимо, прежде чем я опознал тебя, потому что... не могу утверждать пока, не смею, но что-то новое, не то что человечное, но как бы угрожающее, жгучее появилось в твоем лице. И, несмотря на это, представь себе, я почему-то нисколько не боюсь тебя, Порфирий... верно, оттого, что только в первой фазе озлобления человек способен на месть, пока свежая обида отравляет мозг, застилает глаза совести... а чуть позже, иногда год спустя, он уже не годится ни в судьи, ни в палачи, потому что все, все перегорает там, в костре страдания... прежде всего — потребность причинять боль даже тем, даже тем, Порфирий, кто ее по справедливости заслужил... правду, правду я говорю? Такие слишком глубоко постигают эту трогательную и страшную, с переменной победой, схватку добродетелей и страстей, всех тех жалких кровоточащих жилок, что изовсюду — из жадных рук, ненасытных глаз, воспаленного мозга сбегаются сюда, в кожаный котел, вместилище души, и этот непрерывный взрыв — человеческое сердце. Ты слышишь меня?.. так вот, это я, я, Степан Сыроваров, который тогда... помнишь, помнишь?.. подарил тебе жизнь. Слишком у многих в те годы зудели руки при виде всяких болячек прошлого вроде тебя, Порфирий... о, за минувший срок они в тебя уже сто тысяч пуль всадили бы — и еще одну, для верности, в зрачок... кабы я не помог тебе тогда ускользнуть из России. Я вижу, хочешь сказать, что неспроста, не задаром все это? Что ж, давай как на духу, как на духу. Ты прав, я слишком верил в твою честность и, конечно, предвидел, что ты однажды воротишь мне должок. Пусть без процентов, а только самую жизнь или в равнозначном ей эквиваленте... ну, ты же сам знаешь, знаешь, в каком. К несчастью, у тебя никогда не хватало воображения в детстве, ты даже никогда не умел это... высунуть голову из разбушевавшейся стихии, где мы все кишим и колотимся башками друг о дружку, чтобы понять — много ли еще осталось. И все галдят, но таят в душе украдкой, что где-то рядом, совсем рядом с этой напрасной толчеей плещется море в голубой дымке, и альбатросы над ним, и круглая черта горизонта без ничего. Но это нельзя сегодня никому, за это полагается залп. А ты вспомни, вспомни, Порфирий, сколько раз в истории эти бедные двуногие мышки с приплясом и причитаниями хоронили все того же громадного, с тысячелетним стажем, мурчащего кота... не этого, который во дворцах да в храмах, которые можно раз-

веять, растолочь в щебенку, по̀ ветру пустить, а того, что проживает *там* в неприступных катакомбах человеческих душ. Но к чему я это?.. да, я верю, ты сразу вернул бы мне мое, кабы не это... уж я-то знаю — *что*. Ты ненавидишь меня за Катерину, потому что ревность не знает ни логики, ни благородства. Так почему же ты не захватил ее с собою на ту голодную помойку, где я застал тебя при последней парижской встрече? Ты жрал руками какую-то тухлую самодельную замазку, когда я отыскал тебя в твоей эмигрантской норе... и ты уже стоял у последней черты, на распутье между петлей и полицейским участком... хотя, верно, тебя и в шпики, в шпики не взяли бы, Порфирий, каб узнали, чем занимается твой красный брат. В тот раз впервые за полгода я накормил тебя досыта, и ты со слезой, со слезой и всхлипом называл меня теплым ветром с родины. Так отвечай же: этой участи хотел ты Катерине? Или чтоб с дочкой на руках ждала тебя все эти пятнадцать лет, пока пучина не соблаговолит выплюнуть твое молчащее, изжеванное тело. Да, каюсь, стреляй меня за это, я прикрыл ее телом от напастей, твою вдову, и, кажется, ей было неплохо за моей широкой спиной. Да, я любил ее, Порфирий, обожал ее лопатки, затылок, ключицы... и то еще, чего ты по младости и оценить не успел, простак. Что ж, кидайся, кусай меня... или тебе мало одной смерти моей? Чего ты там прячешь за пазухой, покажи... *(Вдруг утратив надежду исторгнуть любой ответ из Порфирия — через раздражение, с этого конца.)* Нет, лучше отложим до завтра... Так все накалилось, даже не предложил тебе присесть, извини... но завтра, завтра я разыщу тебя, и мы посидим рука в руку, за братской чаркой, а пока... тут у меня найдется выпить. Давай, давай с ходу, начерно, за это самое... за лучшую долю в наступающем году... давай!

Одной рукой он забирает со стола два уже налитых бокала, а другой — какую-то еду, сколько уместилось в пятерне, и возвращается к брату, который все в той же позе наблюдает его от косяка.

Вот уж и забыл, за что мы с тобой хотели?.. Бери же. А-а, не хочешь? *(Выплеснув наземь.)* Пусть оно соединится в нашей с тобой могиле. Ладно, бросим играть в жмурки. Да, я хочу знать... про те деньги, которые поручил тебе в проклятую минуту. По глазам вижу, тебе не терпится спросить — откуда. Разумеется, горбом столько не наживешь... и вообще воображаю твой идиотский столбняк, когда ты подсчитал число нулей... хотя нищему все, что выше сотни,— мильон. Что

ж, я готов признать, что эти деньги необычного происхождения, все зависит от подхода. И, заметь, даже не упрекаю тебя за бесчеловечные подозрения, потому что после очистительной купели вроде твоей, вроде твоей — где грязь сползает вместе со шкурой,— весь мир, наверно, представляется притоном зла. Но материнской памятью клянусь тебе, Порфирий: это не сребреники за проданное отечество, не цена души или чужой жизни, а лишь обычная коммерческая сделка... пускай кощунственная сегодня, когда каждый грош у нас на счету. Скоро ты сам расчухаешь, на какой берег и в какую погоду выкинула тебя милосердная волна. Дурак, ты рано прибыл: о н о еще не кончилось тут. Отныне всю ночь без сна ты будешь слушать на лестнице шаги, будто свинец несут, и чей-то стон потом, и затихающее урчание мотора... и потом всюду — в оконном стекле, водопроводных трубах, в самых ногтях, вот тут — будет зудеть чей-то надсадный, дребезжащий плач. И тебя тоже повезут и кинут в большую яму и закидают мороженой землей. Ты получишь порцию русского снежка, по которому так соскучился, Порфирий... не боишься? А я вот испугался, задумал уберечь себя от будущего и вот перекинул украдкой краюху хлеба через забор, на черный день, Порфирий... правда, пожирней, чем может вместить фантазия бродяги... но ведь там на двоих на нас. Твоя половина и за гробом будет ждать тебя, твоей посмертной воли, самой беглой твоей строки. О, я читаю в глазах иронию твою: что именно было раньше?.. с испуга ли перед историей перекинул я туда кошелку с припасом, или потому и испугался, что она там лежит сейчас и кто-то, пиная ее ногой, с усмешкой смотрит в сторону России. Но в конце концов это же схоластическая тема, Порфирий: что вначале — курица или яйцо, пчела или цветок, эгоизм или преступление?.. что? *(Защищаясь.)* Не кричи, у нас больные в доме: Зоя т в о я больна... и ты знаешь — чем! Тобою, здесь все больны тобою. *(Шепотом.)* В этой комнате живет твоя дочь! Тут она спит, мягкое. Видишь, ее вещи. В целости передаю тебе все это. Только намекни взамен, умоляю: целы о н и там?.. дай мне кусочек веры дожить до завтра. О, как ужасно ты молчишь, Порфирий, плаха ты моя...

Теряя последнюю надежду, он смешно и неумело опускается к ногам Порфирия. Без единого слова тот сближает полы портьеры и исчезает. Вошедшая сзади К а т е р и н а застает Степана на полу.

К а т е р и н а. Кажется, ты тоже повредил себе коленку?

С т е п а н. Я потерял ключи, Катя...

К а т е р и н а. ...на этот раз, видимо, от себя?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же сыроваровская столовая, с оттенком какой-то житейской неустроенности на этот раз. Конец зимнего дня, уйма снега за окном, и все еще идет — очень крупный и отвесным валом теперь. Огня пока не зажигали, синий сумрак отражается в кафеле печки. Временно поставленная на диван корзина цветов и еще букет срезанных на столе — большими смутными пятнами белеют в потемках. Холодно в квартире, и Зиночка на корточках растапливает печь, потом тряпкой подбирает синюю же лужицу с пола, натекшую с охапки дров. Где-то ребенок разучивает вальс. На пороге появляется Лизавета с закутанной пестрым платком головой и в синей бекешке с меховыми обшлагами. Позади Сарпион в крытой черным сукном негнущейся шубе.

Лизавета. Ровно ополоумели... все двери настежь, бери что хошь. *(Тревожно.)* Ой, цветов-то больно много, да все райские какие...

Зиночка. Товарищи Зойкины раскаиваются... видать, в складчину. Да две туда отнесла.

Лизавета *(раздеваясь)*. И спросить боюся.

Зиночка. Ночь-то бредила, а ближе к свету проснулась Катя, а Зойка, распаленная-то, при распахнутом окне сидит. Скипидаром оттирали...

Сарпион. В самый раз об эту пору водкой на пижме напоить: стакан на растирку, стакан в нутро. Пижма ее, водку-то, аж в синеву, под вороново крыло возгоняет. Ни одна хворь перед ней не выстоит.

Лизавета. Далась ему пижма, привык коней своих лечить. *(Зиночке.)* Ивана-то с утра по делам услала, а этот вторые сутки рвется с тобою по заветному дельцу потолковать.

Зиночка *(Сарпиону)*. Садитеся, где помягче... *(Лизавете.)* Да тут еще суматоха у нас: Порфирий воротился.

Охнув, Лизавета опускается на диван.

Войти-то не смеет, так все под окнами проворит. Глаз заклеен один, и одежа не наша. А с позволения приехал, видать: соседка в окне видала — у милиционера прикуривал.

Лизавета *(ужасаясь)*. А-а... попадися — наповал уложу! Подумать только, какое страдание за него люди приемлют! Что Катерина-то?

Зиночка. И не говори, бродит, как простреленная.

Деревянный стук.

Никак, Марфинька кличет. *(Сарпиону на уходе.)* Не откажите в услуге, подкиньте покамест щепочку, чтоб не загасло.

Она убегает.

Лизавета *(на Сарпиона)*. Свататься приехал, а сам сопит в шубе, чистый барсук. Скидай сокровище-то, привяжи вон на веревочку, не убежит.

Сарпион раздевается, пристраивает в уголок шубу с шапкой поверх.

Ну, понравилась тебе женщина?

Сарпион. Женщина как будто строгие, хозяйственные. Да только...

Лизавета. Не скажу, не красавица... Да ведь и тебе не для баловства, для дела нужно-то.

Сарпион. Не в том горе, мамань, а мне промахнуться боязно.

Лизавета. А на что тебе хитрость дадена? Ты ее завлеки, словцо ей подкинь обходительное... и чтоб к завтрему было улажено. За все деньги платить: проелись совсем в городе-то.

Вернулась Зиночка с новой, еще в бумагу завернутой корзиной цветов.

Зиночка *(заглянув к Зое)*. Можно к вам, Катерина Андреевна? Вчерашние гости приехали. *(Лизавете.)* Входи, кашку едим.

Лизавета *(размашисто, с порога)*. Ты чего же это, кудрявá? Ай-ай, лазарет на Новый год устроила. Эй, несите мне сюды розги! Лежи уж, лежи. *(Зиночке, отбирая корзину.)* Давай прихвачу. Да поднеси гостю наливочки, ради знакомства-то.

Мигнув обоим для ободрения, она и дверь за собою прикрыла поплотней. Зиночка ставит на стол графин и остатки вчерашнего угощенья. Оба, не глядя друг на дружку, устраиваются у противоположных краев стола.

З и н о ч к а. Долго ли погостите у нас? Ведь это и голову заломит в большом городе, кто с непривычки, от нашей суеты.

С а р п и о н. Вот как механика сыщем. Стараемся...

З и н о ч к а. Нонче, я так гляжу, клад с золотыми монетами легче сыскать, чем по вольному найму — нужного человека. Да и не возьмешь с ветру-то...

С а р п и о н. Есть один на примете. Ивана с утра пустили разведать стороной, не стрекулист ли какой.

З и н о ч к а. Шутка ли, незнакомому человеку такую ответственную машину доверить.

Оба вздыхают в молчании.

Время нонче у всех такое хлопотливое, а уж вы так молчите, Сарпион Егорыч, ровно обруча на себя надели.

С а р п и о н. Снял бы, да опасаюся: как бы не рассыпаться.

З и н о ч к а. Издаля-то и не скажешь, что при такой бороде и такие робкие.

С а р п и о н. Это нонешним не положено, а ведь прежние-то артиллеристы, они как-то скрозь с бородами.

З и н о ч к а. От незнакомства или там еще что, а только я артиллеристам как-то не особенно доверяю. Нам на фронте одного показывали: в море песку столько нету, сколько же по нем женских слез было пролито. Несчетно.

Зиночка наливает ему наливки, Сарпион церемонничает.

Уж откушайте с прибытием-то. Запеканка с холоду хорошо. Думы хорошо разгоняет... и я с вами. В каких же краях служили-то?

С а р п и о н. Город Ченстохов, Петроковской губернии. Население все больше польское. *(Выпил и разочарованно заглянул на дно.)* Сладка-а... В десятом артиллерии пограничном полку. Извиняюсь, пекарем.

З и н о ч к а. Пекарем-то хорошо, завсегда при хлебе.

Молчание.

Никак, мне почудилось, вы что-то спросить меня хотели?

С а р п и о н. Нет, просто так. Девушка будете или промах случился какой?.. при старушке-то живете.

З и н о ч к а *(пальцем рисуя узоры по клеенке).* Не знаю, как и сказать вам про себя. Ничего в жизни моей не состоялося.

С а р п и о н. Вот я и спрашиваю, по хворости или там недоразумение какое?

З и н о ч к а. И ни то, и ни се. А верней всего — боязно было как-то на злодея либо на алкоголика нарваться.

С а р п и о н. Понимаю. Я на это так гляжу: под выходные самое высшее начальство в мундир закладает, но чтоб в рабочие будни... Один инженер прикинул, сколько земной шар пропивает за один квартал. Подсчитано, сколько одних детских яслей или там паровозов можно соорудить на такую крупнейшую сумму. Прямо скажу, я эту водку наотрез отрицаю. Навалиться бы мирòм да и выпить ее всю подчистую к чертовой матери.

Зиночка поднимает на него обеспокоенный взгляд.

Это так у меня, извиняюсь, к слову пришлось... Хотя тоже и в среде женщин ветреные попадаются.

З и н о ч к а. Уж разве какая помоложе. Тем всё в диковинку.

С а р п и о н. Иная два раза пряников поела — и барыня. А в поле выйдет — снопёшки лепит махоньки, из вязева вываливаются.

З и н о ч к а. Верно, уродка, без рук какая-нибудь.

С а р п и о н. Меня взять... за что меня почитают на селе? Я тебе при желании все могу. Сани обогнуть либо колесо обуть — пожалуйста. *(Не рассчитав силы голоса.)* Да я тебе венец из-под топора сложу — водой не прольешь. Ну и от жены требуется: скажем, рубаху сшить, корову прибрать по крестьянскому делу.

З и н о ч к а. Господи, коров не видали. Будто с графиней говорите, даже обидно.

С а р п и о н. У нас там иные, по соседству, стонмя стонут,— наши деньги на книжке не помещаются. Мы штиблетами пренебрегаем, носим только сапоги с головками. Наши кони в обеих столицах табунами призы берут. Тоже и банька: медные краны что зеркало блестят, волосья в них расчесывай. А с кином-то управимся, так нам и сравненья нет. Опять же такие леса вокруг, что привяжи корове лукошко на рога, она тебе полно орехов принесет. А на зорьке, этта, как выйдешь, босичком на нашу речечку...

Зиночка. Уж вы меня ровно в клетку заманываете, Сарпион Егорыч, даже невольно жуть охватывает. Да ведь при таких ваших достоинствах вам, наверно, и от молоденьких отбою нет.

Сарпион *(отступая)*. Не без того: маненько округлил для складности. Я к тому про сапоги с головками допустил, что в штиблетах-то у нас и до колодца не сходишь, в грязище пропадешь. Насчет орехов тоже... корове-то с орехами и в неделю не управиться, вчистую кругом повырублено. И озорства и комаров тоже хватает: не хуже людей живем...

Зиночка *(смеясь)*. И банька поди на бумаге пока задумана?

Сарпион *(в тон ей)*. Осподи, а на что руки-то дадены?

Так, через шутку, устанавливается у них полное взаимопонимание. Зиночка без обиды наливает ему еще рюмочку.

Зиночка. Я вашу хитрость насквозь угадала. Уж лучше вы насчет себя намекните. Особа какая постоянная подле вас находится или всё больше в одиночестве проживали?

Сарпион. Так в моей жизни обернулося, знаете, что на исходе лет горький вдовец я оказался.

Зиночка. Ах, вон оно что! Тяжело одному-то остаться... И много ли деток при вас насчитывается?

Сарпион. Уж не знаю, как бы это выразить половчей. *(Пауза нерешительности.)* Если всех-то на круг считать, то... восьмеро. Главное, так вы мне с первого взору полюбилися... всю опрошлую ночь подушки не коснулся: все кручуся, и сон меня ни в какую не берет.

Особо длительное молчание.

Зиночка. От восьмерых-то уж какой тут сон. *(Снимая его руку со своей.)* Это вы мне не любовь, а должность предлагаете, Сарпион Егорыч. И тут вам попрочней надо искать чтобы заместо жил ремни у ей сыромятные. А я у вас за годок поломаюся, Сарпион Егорыч, и одни только расходы вам от меня достанутся.

Настойчивый звонок в прихожей.

Небось опять цветы несут... Да вы не расстраивайтесь: нонче

такие отчаянные попадаются — па десятерых пойдут. Ну, вы тут управляйтеся, а мне старшенькую на прогулку вести...

Она уходит. От Зои вышла Л и з а в е т а и, неслышно притворив за собою дверь, сокрушенно качает головой на Сарпиона, разглаживающего какой-то клочок бумаги на колене.

Л и з а в е т а. Иван еще не появлялся? Вот гуляет человек: ужо покажу ему м а м а н ю... Как, уговорил женщину-то?

Тот безнадежно машет рукой и, послюнив огрызок карандаша, ставит крестик в своем списке.

На твоем месте иной три раза́ успел бы обольстить, а ты... Совсем ты оплошал у меня, вот сдам я тебя в приют, Сарпион. Сколько там еще у тебя записано?

С а р п и о н. Последняя теперь, что в Слободе, осталася. А сорвется — не знаю, куда и голову приклонить.

Л и з а в е т а. Даю тебе сутки, завтра же кончай это дело. А пока хватит переживаниями заниматься. Собирайся, поедешь на квартиру кладь увязывать... да посуду коленом не подави.

Обернувшаяся на шорох Лизавета видит З о ю — в халатике и прислонившуюся к косяку.

А ты у меня почто из лазарета выползла? Где твое место?.. ай опять розги захотелося?

З о я. Голоса услышала сквозь сон, Лизанька, вот и вышла взглянуть — чьи. Постой, голова закружилась, дай отдохну немножко.

Приспустив ладонь на глаза, она в изнеможении опускается на диван. Лизавета дает команду своему подопечному ожидать ее в прихожей: «Сейчас вместе поедем. Чего, чего ровно на чумную уставился? Давай обмундирование мое...»

Чуть задремалось, а ты и в бегство. Теперь опять на целый год пропадешь.

Л и з а в е т а. Не тоскуй, кудрява́, не повидамшись, не уеду. *(Глянув за портьерку.)* Опять к тебе... а жалуешься — все покинули. Целый день толчея, ровно двор проходной. *(В прихожую.)* Иди-ка сюда, кипяток, после́ разденешься. Полюбуйся, что твоя неразливная вытворяет. Ну, сдаю тебе ее с рук на руки... побранитесь тут маленько, пошушукайтесь.

Из-за сумерек и на уходе Лизавета не успевает разглядеть В а л ь к у, разодетую со смешным и разудалым щегольством: шубка колоколом, высокие резиновые ботики, облачко кудрей из-под беретика и, в довершение, накрашенные губы.

В а л ь к а *(всплеснув руками).* Ей лежать велено, а она... Тебе что, жизнь надоела, окаянная? И даже на босу ногу. Марш домой!

З о я. Не обижай меня хоть ты, Валька, а то совсем завяну я у вас. Там Зиночка проветрить открыла... *(Взглянув на подругу.)* Милая, куда ты таким попугаем вырядилась?

В а л ь к а. О-ля-ля, секрет, не скажу. Но в пять подойди к окну: такой спектакль увидишь, от восторга с ума сойдешь. Словом, все идет к заключительной развязке. Абсолютно между нами: у ребят по твоему поводу жуткая дискуссия идет. Многие считают тебя положительным явлением нашего времени, что ты как бомба взорвалась. *(Участливо.)* Чего нахохлилась?.. принц-то не звонил, не заявлялся?

З о я. Мама поминала, были два каких-то звонка... оба раза не успела подойти.

В а л ь к а. Сейчас все выведаем... благословляешь? *(У телефона.)* Извиняюсь, мне бы хотелось переговорить... Шабрина Сергея. Как, как вы сказали, Шабрин? Извините, у меня тут в карточке жутко неразборчиво написано. Ах, жалость какая! Нет, это из библиотеки говорят. Он книгу нам одну заказывал. Спасибо, я позвоню. *(Положив трубку.)* С утра изволили на охоту отбыть, негодяйство какое! Кстати, я сейчас Мадали у вашего дома застала... Я его впустила, ничего? Будто гуляет взад-вперед... а ведь они все жутко гордые... ну, которые из горных районов. Привыкли орлов у своего подножья видеть. *(По секрету.)* Я тебе ужасно завидую, Зойка. Знаешь, мне все кажется, он только случая ищет погибнуть за тебя.

З о я. Вот, кстати, кликни его сюда, Валечка.

Звонок.

Это мама, наверно. Отопри... и побудь там с нею минуточку.

И вот на месте Вальки, сдвинув за спиною полы портьеры, встает М а д а л и со своей обычной невозмутимой улыбкой верности и поклонения.

Спасибо вам за дружбу, Мадали. И у меня к вам еще одна страшная просьба... мой неслышный терпеливый рыцарь.

Мелким кивком тот подтверждает свою готовность выполнить любое пожелание Зои.

Вон в ту белую бумагу, на диване, заверните цветы со стола и отнесите. Вы знаете Сережин адрес?.. пожалуйста.

Мадали *(без всякого изменения в лице)*. Все отнести или половину?

Зоя. Три цветка хватит, даже два, пожалуй. Но только без записки... и поскорее нужно, милый Мадали.

Ма́дали. Он с папой на охоту уехал. Оставить можно или в собственные руки передать?

Зоя *(тихо)*. Надо, чтоб никто не догадался из посторонних... Наверно, вернутся скоро — какая же охота в темноте!

Мадали. Тогда я погуляю у дома. Думаю, не замерзнут здесь, на груди. Снег сегодня такой чудесный, фиалкой пахнет... как на Гиссарском перевале у нас. Так передам — никто не заметит.

Впрочем, с бумагой и цветами он задерживается, охваченный каким-то сомнением. Вернулись Валька и Катерина — со всякой снедью в сумке.

Катерина. Тебя, Зоя, как ребенка, ни минуты нельзя оставить без присмотра. Без разговоров, марш на место. Обедать будешь в постели. Степан Петрович вернется, и будем обедать. Оставайтесь, Мадали.

Мадали. Спасибо, срочное поручение. *(Не оборачиваясь.)* Не боитесь унижения, Зоя?

Зоя. Это не унижение, это — великодушие, Мадали.

Валька *(после его ухода)*. Он из всех ребят самый верный тебе, Зоя, и это очень, очень чутко с твоей стороны, что ты ему цветы подарила. Теперь ты отправляйся к себе, а то мне нужно словцом перекинуться с твоей родительницей. Доберешься одна?

Пока Валька дожидается ухода подруги, Катерина включает свет и начинает накрывать на стол к обеду.

Можете вы уделить мне немножко времени для одного секретного разговора, Катерина Андреевна?

Катерина. Конечно... но сперва дайте-ка мне вас при свете рассмотреть. Да что же это вы с собой наделали, Валя?.. Боже, даже глаза подвела.

Валька *(звонким ручейком)*. О-ля-ля, вы сейчас всё сразу поймете, но только абсолютно между нами. Это я из соседкина арсенала немножко раздобылась... И могу заранее предсказать, что не только как мать, но и как жена ведущего политработника, вы ни капельки меня за это не осудите.

Я просто хочу открыться вам как женщина женщине, но — абсолютно всем молчок. *(Шепотом.)* Меня Степан Петрович третьего дня кататься пригласил... когда узнал, что и я тоже к быстрой езде неравнодушна.

Катерина. Ну просто глядеть на вас не могу, Валенька... дайте я вам хоть губы вытру. *(С шутливым участием.)* И что же, поправился вам мой муж?

Валька. Вот я и хотела предупредить вас на эту тему, чтобы вы не беспокоились. То есть я не отрицаю, что он симпатичный и вообще жутко передовой... ну, в смысле прогрессивный человек нашего времени, но по заправде-то я вот нистолечко его не люблю... потому что я, как женщина, никого еще в жизни не любила, даже Мишку Жаворонкова... особенно после вчерашнего. Но у меня уж давно возникло стремление понемножку перевоспитывать его, потому что в таком виде его просто нельзя, противно впускать в будущее. Я его сегодня, этого мальчика, так проучу, он у меня извиваться по снегу будет. Только абсолютно между нами: давеча я позвонила ему чужим голоском, через платок... приходите взглянуть, как с такого-то угла один пожилой дядька вашу ненаглядную медхен в метель кататься повезет. Ловко? Небось уж на посту, несчастный. *(Украдкой выглянув в окно, она танцует и хлопает в ладоши.)* Так и есть, хотите взглянуть?.. уж выхаживает. *(Подражая его походке.)* Гуляй-гуляй, медведь лапчатый. Сейчас начнется жуткое представление с твоим участием... Однако уж темно, а вашего мужа нет как нет. А тут самое главное, чтоб засветло.

Как всегда, в это время за стеной начинают разучивать вальс. Со средины Валькина рассказа Катерина продолжает подготовку стола к обеду. Звонок.

Наконец-то пробил твой час, Мишка Жаворонков. Окиньте меня опытным глазком, Катерина Андреевна, ничего там не сбилось у меня?

Какой-то необъяснимый дребезг в прихожей, и кто-то грозится поломать все замки на свете. Катерина бросает обеспокоенный взгляд в прихожую.

Катерина. Боюсь, Валенька, не состоится катанье ваше. Уходите скорее к Зое и шепните Зиночке, как вернутся, чтобы Марфу не пускала. *(Она почти выталкивает испуган-*

ную Вальку из столовой.) Господи, где же ты так, Степан?.. попал под машину?

Стиснув виски, Катерина невольно пятится перед входящим мужем, утратившим свое недавнее благообразие. Он в распахнутом пальто и без шапки, темная струйка из рассеченного лба. По первому же бессмысленно-размашистому жесту и сквозь дым произнесенному слову «альбатросы...» можно понять, как безнадежно он пьян, несмотря на относительную устойчивость. Катерина торопится раздеть его, усадить на диван и потом хлопочет вокруг, бормоча: «Ты пешком?.. никто не видел? Как хорошо еще, что метель такая! Только бы Поташов не приехал. Да куда же это у меня все лекарства подевались?» После напрасных поисков на подоконнике и в ящике буфета она догадывается промыть ранку водкой,— остатки в бутылке она ставит на стол.

Да разве можно тебе столько пить? Боже, с кем же ты... и до такой степени?

Затем, ломая пальцы, Катерина слушает пьяные откровения Степана, в которых прорываются то хитрость, то досада, то озлобление.

Степан. Мы там с Порфирием целых два часа... с глазу на глаз, по-русски. Обсудили весь шар земной... теперь еще сто метров ледяной воды, и все. *(Показав из кармана.)* Документы тут... если погода, завтра после обеда отлет. Выпили за разлуку, за тебя тоже... хотя ему нельзя, у него горло прострелено... не в том смысле нельзя, что проливается... тут у него все зашито... а просто голос пропал. Дай воды... Представь, прошел все кольца ада и остался благородный человек... придет, сама увидишь.

Катерина *(подавая ему стакан с водой)*. Когда же она назначена, казнь моя?

Степан. Завтра, меня уже не будет. Тебе лучше без меня с ним. И не гони: пусть поживет, оглядится... до моего возвращенья. Наскитался по всяким африкам да иностранным легионам... и вот через Испанию домой. Но это честный человек... не в смысле там человечества или разных там дежурных истин, а в том, запретном смысле, понимаешь? Так и сказал.

Катерина *(в голос ему, как говорят со спящим)*. Как же сказал, раз говорить не может?

Степан. Он сказал молча. Камень свалил с меня. Понимаешь, он мне море подарил и альбатросов... и тыщу лет гляденья в даль. Приласкай его за это...

Катерина *(с интонацией созревающей догадки)*. Степан, ты бежишь... навсегда. Но ты же недоучка, ты ровно ни-

чего не умеешь, кроме своих речей. Тебя **там** и в лакеи не возьмут: ты разобьешь посуду, которую тебе поручат. Но ты бежишь... значит, правда, что **там** деньги у тебя? *(Плача.)* Так вот почему ты толкаешь меня назад, в постель Порфирия. Потому что ты бежишь.

Степан. Я только отдохну и вернусь. Пойми, я устал... О, эта вечная трясучка, этот ассирийский бред величия, эта липкая испарина ожидания по ночам...

Катерина. Что ты говоришь, Степан?.. в мыслях, в мыслях потуши.

Напрасно Катерина пытается влить в мужа хоть стакан воды. Страх, что услышат, превозмогает в ней самый ужас открытия, но, может быть, еще сильнее смертельное любопытство к этому новому Степану.

Сам же на всех перекрестках твердишь, что это и есть большая история, как при Иване и Петре...

Степан *(с бешенством боли)*. А-а, при тех не требовалось кричать ура на дыбе...

Короткая схватка, и даже непонятно, чего добивается Катерина: отпоить водой или зажать рот мужу. Вода проливается на пол... Потом, вернувшиеся с прогулки, через комнату проходят Зиночка и Марфа.

Зиночка. Отвернись, Марфинька. Ишь, обнялися перед отъездом, как голубки.

Катерина. Степан поскользнулся и разбил себе лицо на улице.

Зиночка. Ой, такая нынче под снегом гололедица!.. *(С досадой и жалобой.)* Да, там еще под вешалкой Лопотухин у нас сидит, кто и впустил — не знаю.

Марфа. Внучку пойду навестить, а ты промой ему ранку-то, Катя. Одна доберусь...

Катерина. Пойдем, Степан, я тебе промою ранку. *(Зиночке, угасшим голосом, про Лопотухина.)* Пусть посидит здесь пока. Скажите: Степан выйдет сейчас... Чуть левее, Марфа Касьяновна.

Все трое уходят. Возвратясь к арке, Зиночка раздвигает портьерку.

Зиночка. Посидите тут, Никон Васильевич. Зашибся у нас Степан Петрович, выйдет сейчас.

Необычно суровый и трезвый, в шубе, как всегда, входит Лопотухин.

Что же это вы кажный раз в тулупе-то своем, уж ровно в баню наладились. Нате, газетку почитайте пока.

Лопотухин остается наедине с собою. Длительная пантомима какой-то назревшей и злорадной решимости, также немипуемой при виде напитков на столе, комичной и трагической борьбы со своею слабостью. Налицо вся клиника застарелого лопотухинского недуга. С гримасой боли в сердце он поддается наконец искушению, зачем-то прикрывшись газетой от рампы; темная злоба в нем препятствует опьянению. Через столовую, на звонок, проходит Зиночка, и затем в обратном направлении пересекают сцену пришедшие навестить Зою приятели.

Зиночка. Сейчас выйдет. Вон в окошечко поглядите, коли не читается.

Лопотухин успевает принять вполне безучастный вид, когда механической походкой и с марлевой наклейкой и мокрой еще головой появляется Степан. Он производил бы впечатление сонного безразличия, если бы не эти, всякий раз после особо наглых поворотов Лопотухина, долгие и с сжатыми кулаками паузы, необходимые ему, чтобы подавить свое раздражение. Его состоянию вполне соответствует такая же, почти без выражения синкопическая речь. Весь разговор ведется почти тихо, не повышая голоса: люди кругом. Одновременно с началом этой завершающей беседы за стеной начинается разучивание вальса.

Степан. Меня задержала перевязка, простите. Слушаю вас, Никон Васильевич.

Лопотухин *(также без повышения голоса)*. Пришел сообщить свое решение. Еду с тобой за границу.

Молчание.

Степан. Но мы же договорились с вами. Я привезу все записанное. Кроме того... за каким рыжим дьяволом вы мне нужны там?

Лопотухин. Раз патриций, при нем должны быть рабы.

Молчание.

Степан. Что делать?

Лопотухин. Чудак, зачем... Ну, пришивать пуговицы, стеречь золото, убивать кого требуется.

Молчание.

Степан. Хорошо, вам будут платить здесь в полуторном размере.

Лопотухин. Без себя не отпущу. Мне тоже полечиться надо... кроме того, и я имею право на альбатросов. Я, брат, твои думки насквозь читаю. Х-ха, банкир там, где его деньги.

Степан *(с темным и тоскливым огоньком)*. Но это же низко — ваши оскорбительные подозрения, Никон Васильевич. Вам хорошо известно, что я даже института не закончил, со второго курса был взят на политработу. Я просто ничто там... бродяга иностранного происхождения. Думаете, охота мне падаль лизать с парижской помойки? Что̀, что̀, по-вашему, я стану делать там — без языка, без связей, даже без диплома?

Лопотухин. А при деньгах и не нужно никакого диплома.

Степан *(как бы в запале и вторично пропустив намек мимо ушей)*. И вообще я вел бы себя потише на месте человека, у которого сестра замужем за расстрелянным эсером, а брат — директор царской гимназии... *(С жаром ненависти.)* Эта дворянско-кулацкая икра поступала к вам на конвейер херувимами да недорослями, а выходила против нас юнкерами.

Лопотухин *(со смешком и качая пальцем)*. Не финти, я же законник. Не потянет. Моя кила грузней.

Степан. Тогда... тогда объясните, по крайней мере, что именно вдохновляет вас на такое неосторожное поведение?

Лопотухин. Хочешь видеть товар лицом? Хорошо... Ну, скажем, взятие куша из запретных рук. За это и у них по шапке, а у нас... знаешь, что за это у нас положено?

С торжеством одоления, неверной рукой он наливает еще себе в стакан — почти на глазах отвернувшегося Степана, который слышит дребезг бутылки о стекло.

Я, брат, знаю, что тебя зудит! Тебе распустить бы Лопотухина на куски да развесть по оврагам, но... туша велика. Я, брат, груз скоропортящийся.

Степан *(почти с отчаянием)*. Мне стыдно за вас, что вы повторяете гадкую и уже отвергнутую карякинскую сплетню, Никон Васильевич. И я слово, слово вам даю, что эти руки не касались никаких грязных денег...

Лопотухин. А патриций и не станет мараться лично, для этого есть рабы. Словом, я капкан на твоей ноге. Либо тащи, либо руби вместе с ногою. *(Опустошив оставшиеся полстакана до дна.)* Открыть тебе, в чьих руках эти деньги?

Молчание.

Степан *(тоном мнимого облегчения)*. Ах, вот вы что

имеете в виду... Теперь все ясно мне. Однако вы же понимаете, что с вашей анкетой вас не выпустят за границу.

Лопотухин. Похлопотать придется. Бабку свою на это дело навостри. Ее почитают, на царей охотилась. Пускай бабка черканет кому следует, что ты... ну, одним словом, не можешь без юрисконсульта. *(И, воодушевясь удачным ходом, наливает последние в своей жизни полстакана.)* Бабку пошибче тряхани.

Степан. Кому вы мстите так бессмысленно и страшно, Никон Васильевич?

Молчание.

Вы грызете вымя, Лопотухин, к которому приспособились. Это опасно: можно сразу лишиться молока и получить удар копытом...

Молчание.

Хорошо, мы попробуем. Я завезу вам на днях выездные анкеты... возможно, даже завтра к вечеру, прямо с работы. Будьте дома весь день, пожалуйста. *(Поднявшись и с убедительной яростью.)* Но с одним ответным условием, Лопотухин. Ни в дороге, ни там — ни капли. Все свое допивайте здесь.

Лопотухин. Х-ха, вот как я подмял тебя, патриций... сдаешься? Давно бы так. *(Поднявшись.)* Вот и ладно, до завтра... А теперь отдыхай пока.

Допив последнюю каплю, он отправляется к выходной арке и вдруг замечает забытый на диване выездной паспорт Степана. Так раскрывается обман. Торжество мнимой победы сменяется яростью в белесом лице Лопотухина. Короткое буйство, и вот, уже полумертвец, он слушает свое сердце. Из-за стола, подавшись вперед, Степан совершает мелкие, поталкивающие движенья ладонью вниз, и, как бы подчинясь внушенью, Лопотухин громоздко валится на пол с сорванной по дороге портьеркой. Все, отовсюду бегут на грохот паденья...

Катерина. Итак, дорога на запад свободна, Степан. Все, что прикасается к тебе, погибает.

С запозданием появившейся от Зои, разряженной и испуганной Вальке.

Не пугайся только, не пугайся, Валенька... дай я обниму тебя, сиротка ты моя.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Угловая и рядом с кухней комната Марфы, заставленная нескладной сборной мебелью: все равно старуха не заметит. Собственно, на Марфиной половине ей принадлежит только темная, почему-то без единой округлости кровать. В другой безраздельно царствует неприхотливый Зиночкин вкус. Карликовая, с пирамидкой подушек коечка за веселенькой с оборками занавеской и комодик со сгрудившейся над ним, чуть ли не в одном квадратном метре, уймой фотографической родни, издали напоминающей засиженное мухами место. Тут главенствуют два больших, в рамках и подрисованных фотоувеличения черноглазой женщины и стриженного в скобку сурового старика. Между ними — крытый черным лаком висячий посудный шкафчик, а над ним ходики.

Наверно, здесь никогда не бывает солнца, хотя за широким окном в пушистой синей раме простирается кроткий волшебный мир крыш с какими-то малиновыми на закатце послеметельными снегами. Дело к вечеру, и у Марфы в гостях Поташов. На покрытом клеенкой столе незамысловатое стариковское угощение с полбутылкой кагора.

Марфа. Видишь, как хорошо обернулось, что Порфирий-то прощенный оказался. За всех я рада: и за себя, и за Зоеньку, и пуще за тебя, Данилыч... чай, не взыщут с тебя за твои похождения! А без того, пожалуй, и не свиделись бы мы с тобою. Признавайся, ведь из-за Степки ты в город к нам пожаловал, Данилыч.

Поташов *(посасывая трубочку)*. И откуда только у тебя такая широкая осведомленность, Марфинька?

Марфа. Слепые-то втрое слышат. Вона, никак, и машина за Степкой пришла? *(Прислушиваясь.)* Нет, почту принесли... Чего же там наклепали на племянника-то?

Поташов. Да будто, видишь ли, при распределении заказов за границей он с фирмы одной благодарность взимал в валютном исчислении. Местная тут одна сигнал подала... ви-

димо, воду замутить хотела, да сама же и напугалась пристального-то расследования. Сынок у ней, из молодых, да ранний, в трех разведках сразу оказался.

М а р ф а. Ой, не многовато ли, Данилыч... и с одной-то небось не управишься.

П о т а ш о в. Ничего не поделаешь: натиск старого мира... по мере приближения сияющих вершин, Марфинька. *(Пряча свою трубочку.)* Ну, там я со всеми простился. Пора и нам с тобою...

Как раз, постучавшись о косяк двери, в пальто и с внушительным номенклатурным портфелем заглянул С т е п а н. Следом заходят прочие все, за исключением Зои, д о м о ч а д ц ы, провожающие хозяина в дорогу.

С т е п а н. Прошу извинить... я только проститься, Касьяновна. *(Целуя руки.)* Будь тут здорова и весела. Спешу, самолет уходит ровно в пять. *(С улыбкой Поташову, на прощание.)* Извините, Андрей Данилович, что стал косвенной причиной вашего беспокойства.

П о т а ш о в. Ничего... правда, как в театре, всегда любит к концу объявляться.

М а р ф а. Катюшу-то не слыхать, где она там?

К а т е р и н а. Здесь я, Марфа Касьяновна.

З и н о ч к а. Обмерла вся. И то убеждаю: не в омут кидается, вернется.

В проходе появляются незнакомые, с завода, л ю д и.

Никак, и машина пришла.

С т е п а н. Вот и отлично. Забирайте вещи из кабинета. *(Про портфель.)* И это кстати... Спускаюсь через минуту. *(Непонятно, жене.)* Все срастется и будет хорошо, Катя. Зою не стоит будить. *(Зиночке.)* На свадьбе спляшем вместе, по возвращении. Тетя Лиза, не худей.

Л и з а в е т а. Некогда, некогда по второму разу обниматься. Снегу-то на дорогах... и опоздать не мудрено.

С т е п а н. Кажется, всё. *(Обернувшись, с полдороги.)* Тут без меня зайдет проститься Порфирий. Сейчас его там записывают в толстую прошнурованную книгу. Так вот, я смотрел его бумаги... да, наверно, теперь и Андрей Данилыч подтвердит: с ним дело чистое. Правда, он все больше молчит, в горле небольшое повреждение у него, но главное-то ведь по глазам читается. *(Исключительно для Поташова.)* Я бы даже сказал, что именно там, в скитаниях по кольцам ада, он правду

нашу осознал поглубже многих здешних, которые, чего греха таить, иногда спят на ней запросто.

Дерзость эта — последняя со стороны Степана попытка выведать у Поташова размеры его сокровенного знания о тайне, а тот улыбается с блестящими глазами и сосет, сосет свою потухшую трубочку. Снова появились чужие люди.

Иду, иду... Мне даже показалось вчера, что и денег у него нету, у Порфирия. И я предложил было ему на первое время, но отказался. Даже впечатление осталось, что и не ест совсем, пока сам не заработает свой первый хлеб на родине. Так что приголубьте... не как родню, конечно, а просто так, по человечеству. Иду, иду. Никто не провожайте, не люблю. Привет... *(Поташову, на уходе.)* Охотно подвез бы вас...

Поташов. Спасибо, мне совсем в другую сторону.

Степан уходит в сопровождении своей свиты.

Давай и мы прощаться, Марфинька.

Марфа. Ступай, Лизавета, никак, твой муж приехал. А у тебя, Зиночка, взгляни, молоко не убежало бы.

Обе понятливо уходят. Старики смешно и неуклюже обнялись головой в плечо.

Хотелось бы мне на вокзал поехать. Когда еще свидимся?

Поташов. Не надо. Поезд ночью, сквозной, а на перроне ветрено: остудиться долго ли. Ну, отпусти меня теперь, Марфинька.

Он уходит, и когда Лизавета возвращается, с Иваном на этот раз, Марфа уже сидит своеобычно в своем кресле с откинутой к спинке головою.

Лизавета. Ишь как, еще приголубить его требуется, Порфишку-то. Погоди, заявится, я его приголублю, стервеца. *(Ивану.)* Застал механика-то?

Иван. Дежурство у него, круглосуточное... зато у дворника узнавал. Пришлось сунуть рублишечко.

Лизавета. Привыкли сорить, общественные. На рупь-то, в бывалошние годы, полсвадьбы справишь. Ну?

Иван. В общей сложности, мамань, характеристика подходящая. Холостой, до водки не касаемо, опять же бывший кровельщик.

Лизавета делает знак одобрения.

Вот только насчет дамского полу...

Л и з а в е т а. А что... насчет полу-то?

Иван делает стеснительный жест в сторону Марфы — в том смысле, что при старушке неудобно.

Ничего, она слепая, говори.

И в а н. Как бы это выразиться половчей. По женской линии так, мамань, и лущит в обе стороны. Дворник намекал: вдова от ихнего управдома осталася, уж в годах, со свояченицей. Обеих не пощадил...

Л и з а в е т а. Ишь, деятель какой по продолжению рода человеческого. Дарма мне такого не надо... всех невест у меня поточит. Господи, и в какие только огорчения я для вас не пускаюся...

И сразу — смятение.

З и н о ч к а *(в задышке)*. Что делать-то, Лизанька, станем?.. Порфирий идет. Народищу за ним пол-улицы...

Л и з а в е т а. Откуда ж проведали-то, осподи?

З и н о ч к а. Ведь как молва прошла... да и одежа на нем не наша. *(Выпроваживая Катерину.)* Ты уж от греха погуляй там пока, Катерина Андревна, книжку почитай. Кликнем, как управимся.

И в а н. А видать, не смеет с парадного-то, мамань: с черного ходу идет.

Все затихло... Однако еще до появления Порфирия сюда, как бы с журчаньем и понезаметнее, с кухни втекают многочисленные н а б л ю д а т е л и из соседних квартир и размещаются по стенке. С опущенной от позора головой Лизавета становится за креслом Марфы, которая попрежнему невозмутимо смотрит, все смотрит на происходящее своими незрячими глазами. По расступившемуся людскому коридору вступает П о р ф и р и й, ужасно напоминающий какую-то всем с детства знакомую, тоже нескладную и долговязую фигуру, и еще при входе ждет своей участи с непокрытой головой — под ненасытными взорами толпы, застывшей в позах сочувствия, злорадства, томительного ожидания или обывательской любознательности. Забежавшие со взрослыми д е т и ш к и смотрят на него снизу вверх, какой-то школьник торопится запечатлеть на фотопластинку нечастое в русском быту возвращение блудного сына.

З и н о ч к а *(стремясь сблизить все это, столь разное, спаять воедино своим душевным теплом)*. Вот, Марфинька, племянник твой, из бегствия воротился. Посмотри-ка, весь ровно обугленный пред тобою стоит...

Л и з а в е т а *(наугад отстраняя ее левой рукой)*. Отойдика в сторонку, Зина. *(Тоном причитания сперва.)* Вот он, ми-

лые, весь тут, живенький... налетался, нажрался мертвых костей да братского мяса... Что ж ты, коршун, вострый клюв свой опустил? Жену старухой сделал, дочку чуть наповал не уложил, да и нас-то всех собою ровно удавкой оммотал...

Иван. Мамань, ты не волнуйся, выпей водицы... тебе теперь вредно волноваться, мамань.

Лизавета. Ишь, змей, стоит... видать, в кабаке глаз-то по пьяному делу вышибли. Он там с девками, поди, по заграницам котует, а мы в котлованах грязишшей с кровью умываемся да срам за него черней смолы пьем. *(На портрет.)* Верка-то уж пила-пила, сестрица наша бедная, да и захлебнулася. *(В запале шаря вокруг себя и чуть не плача.)* Эх, ничего железненького-то нету под рукой, приголубить тебя, гладкого.

Зиночка *(тоже плача)*. Дай ему, Лизанька, хоть словцо-то вставить, дух перевести.

Лизавета. Вона, иной язык бы себе начисто со стыда отгрыз, а ему, вишь, поговорить охота. Прислушайтеся, милые, сейчас он вас словцом одарит. *(Сурово.)* Да вольно бы отец-то банкир али там урядник был: эвон. Мослы-то, бывало, со стужи да воды растрескаются... маслом зальет, сидит — перхает да и греет на угольях-то, расправляет. А кажный грошик на учение его да Степашкино копил. *(К портрету.)* Тут он, первенец твой... получай с него должок, Петр Дорофеич. Чего сник, ай глаза не глядят? Ну и с нас хватит, повидалися. Ступай отседа куда глянется. Велика у нас земля-то, ступай, бог подаст.

Кто-то вкладывает выскользнувший на пол картуз в бесчувственную руку отринутого блудного сына. Снова толпа на кухне раздается по сторонам, и когда сутулая спина Порфирия скрывается в проходе, Лизавета срывается вдогонку племяннику.

Отседа прямо на погост ступай. Сыми плиту-то с матери. Обыми, приласкай ее, сыночек... она обмирала по тебе, по стервеце.

Усталая и постаревшая, Лизавета возвращается присесть на Зиночкину койку. Примечательно, что никто из незваных зрителей не уходит: как зачарованные ждут они какого-то неминуемого в русском обиходе поворота.

Черпни мне водицы поледяней, Зиночка. А ты, Вань, спроси у бессовестных... аль еще на срамоту нашу не нагляделися?

Иван *(обходя собравшихся)*. А ну, граждане, попрошу

по домам! Никакого отрубления головы не будет. Больше ничего такого не предвидится, выметайтеся.

Происходит смешная погоня за увертливым, благообразного вида старичком, который, едва сгонишь в одном месте, уже приветливо улыбается на другом.

Попрошу, папаша... убедительно попрошу, уважаемый папаша, а то я вам, этта, бороды поубавлю.

Посторонних не остается, и тогда наступает тягостное безмолвие невысказанного раскаяния.

Лизавета. Вот и воздух вроде почище стал. А уж дома-то у нас вот то-то снежное раздолье об эту пору. Загостилися!.. Сарпион объявится, тут и нам со двора. Последнюю свою сватать поехал...

Зиночка. Бог даст, и подвернется бабочка попрочней. В русском народе крепкие такие, просто без износу иной раз попадаются... *(Внутрь квартиры.)* Выходи, Катерина Андреевна, теперь можно... проводили мы нашего беглеца.

Молчание.

Иван. А только на поверку-то, мамань, не больно он гладок оказался.

Лизавета. Да уж, видать, тамошние хозяева досыта не кормили. Понял теперь, почем русским копеечка за границей-то достается?

Зиночка. Про мать помянула, так и почернел весь... ровно чернил напился. Ведь у нищего только и есть на уме: вот ворочуся в родную хату... «Все кончено, скажу, все похоронено. Налейте штец, мамаша». Отыми у него надежду, и сотлеет в одночасье, ровно гриб лесной.

Молчание.

Марфа. Ах, камни вы, камни: голодного отпустили. Ведь он на какую расправу сюда прибыл. Крохи-то со стола все одно на пол стряхивать станете...

Лизавета *(Ивану)*. Ну-ка пошуми его там, далеко не ушел.

Словно только и ждал подобного приказания, Иван исчезает на кухню, и затем начинается маленькая суматоха приготовления. Все у женщин падает от спешки и нетерпенья.

Осталось у вас чего от обеда-то?

З и н о ч к а. Баранину твою варили. Самая сытность на донышке. *(И уже с кухни.)* Заодно нарежь там хлеба-то.

М а р ф а. Хлеб под салфеткой у нас, а ложку из шкафчика возьми. Да не казни его до смерти-то, Лизавета. Он свой билет на родину сполна оплатил.

З и н о ч к а *(торопясь поставить на стол дымящуюся миску)*. Не пролить бы... Никак, ведут?

Придерживая за локоть, И в а н вводит П о р ф и р и я.

Л и з а в е т а. Поешь горяченького-то, враг разноглазый. Уж ладно, потом с тетками поздороваешься. Садись, хоть в долг поешь: родня, поверим.

Сплетя и ломая пальцы, Катерина наблюдает из потемок дверного проема, как Иван с видимым удовольствием усаживает за стол Порфирия, который в сослужении двух женщин приступает к священнодействию еды.

И в а н. Главное, еле поспел, на углу его застигнул. *(Лизавете про хлеб, взволнованно.)* Дай, мамань, я поспорей нарежу... Интересно устроено, кому что, а по мне слаще нет — посмотреть, как человека кормят. Ты ешь, ешь, пока не простыло, Порфирь Петрович, послѝ объяснишь свое настроение.

Не умея высказать свое сужденье вслух, Порфирий взволнованно показывает пальцами на горло.

А ты давай, шепни мне легонечко, я им враз переведу.

Порфирий произносит ему что-то на ухо.

Еду хвалит, мамань, очень вкусно, в смысле — питательно, говорит. Еще бы, наша баранина нарасхват, исключительно в детские ясли берут. Приканчивай, следующим номером каша у нас идет.

З и н о ч к а. Наскитамшись-то по белу свету, все будет в охотку. Видать, вдосталь хлебнул да с наварцем. Да не торопись, Порфирий, не отымем.

И в а н. Я так гляжу: если теперь всю его жизнь по ходу действия описать, так это ни в один том не поместится.

М а р ф а. Да хоть отвернитесь вы, уставились в рот голодному человеку... Кем же ты стал теперь, Порфирий?.. планы какие у тебя?.. расскажи.

Л и з а в е т а. Старшенькая интересуется, на уме у тебя что и звание какое? Спроси у него, Ваня, фермаршал он теперь какой али просто, по-нашему сказать, балалаечник?.. к чему стремление-то имеет?

З и н о ч к а. Вот вам механик-то, под рукой лежит, а вы с ног сбились. По всем статьям, ровно для вас и ложено.

Иван выслушивает ответ Порфирия.

И в а н. Э, вон оно что. Он, оказывается, на поезд спешит. После всех переживаний на дальний север отправляется. Чего, чего? А-а, понятно: имеет теперь намерение зарыться головою в снег. Отлежаться желает.

Кормление окончено. Пауза благодарности и примирения. Отодвинув тарелку и поднявшись, Порфирий показывает на часы, потом — какие-то бумаги.

М а р ф а. Натерпелся жары нерусской, вот и потянуло на холодок.

Л и з а в е т а. Эх ты, скиталец недострелянный... куска не успел проглотить — и за порог. На африки разные хватало, а на теток родных и часика пожалел.

З и н о ч к а. А под окном-то три дня стоял да еще давешнее приложить, как раз и сойдется. *(Прислушавшись.)* Ой, никак наш Степан Петрович полетел...

Посредством привязанных тесемок распахиваются обе форточки сразу. Шевелится занавеска от зимнего ветерка, и все глядят вверх, в квадратик вечерней синевы, откуда такое отчетливое в морозной тишине струится нарастающее журчание винтового самолета.

Небось и сам смотрит на нас сверху... Помахайте ему все в дорогу-то, помахайте. Слышишь, Марфинька, Степушка твой за границу полетел.

Все слушают эту длинную тугую струну затихающего самолета. Показав пальцем на форточку, Порфирий склоняется к уху Ивана, и никто не замечает злой и острый блеск его глаз.

И в а н. Говорит, на помойку полетел.

З и н о ч к а. Это в каком же смысле, на помойку-то?

И в а н. В обыкновенном. Не иначе как про капитализм имеет в виду. Одним словом, загнивание империализма.

Порфирий берется за картуз, и по наступившей затем паузе все понимают, что пришло время прощаться.

Л и з а в е т а. Не много же было твоего гощения, племянник. *(В дверь.)* Войди, Катюша, ознакомьтеся. Порфирий у нас тут.

С закрытыми глазами Катерина встает на пороге, и остается впечатление, что своим несмелым, через всю сцену, жестом Порфирий хочет коснуться ее вздрагивающих плеч. Уже наловчившийся в своей должности Иван сперва слушает, затем переводит с обычной своей, однако, деревенской интонацией.

Иван. Говорит: ты нисколько не бойся меня, милая Катюша. Как, извиняюсь, как еще? Потому что я сюда приехал умирать. *(Выслушав очередную порцию.)* Так, понятно. Желаю, говорит, лежать в родной землице. Всякая вещь, говорит, должна лежать на своем месте, где ей указано.

Катерина. Хочешь, я разбужу Зою, Порфирий?

Иван. Не надо, говорит. Это лишнее, пусть она лучше отдыхает. А как отлежуся в снежке маненько, может, и сам ей оттуда письмецо напишу. Чего, чего? *(Вслух.)* Также премного благодарит за хлеб, за соль. Боле сказать нечего.

Пауза, и все почему-то смотрят на Марфу, за которой остается последнее слово.

Марфа. Подойди поближе, Порфирий. Дай мне напоследок поглядеть на тебя.

Тот подходит и, приспособляясь к ее протянутой руке, опускается на одно колено. Пальцы Марфы неторопливо движутся от его нагрудного кармана к плечу, воротнику и, наконец, глазу.

И чего же это она, покойная Верка, так обожала в тебе? Видать, надежду свою в тебе любила. Кабы знала, какой он нынче битый да простреленный, первенец ее. И одежка на тебе... у нас в могилу тепле снаряжают. Где глаз-то потерял?

И тогда, поджав к плечу голову, как бы изловчась, Порфирий произносит свое единственное на протяжении всей пьесы, свистящее фистулой и одновременно на птичий клекот похожее слово.

Порфирий. Гвадалахара.

Молчание.

Марфа. Вот оно, как родину-то отрабатывают. Хорошо, хоть руки-то целые. Что ж, ступай теперь... отдыхай, Порфирий.

Она снова откинулась к спинке. Порфирий поднимается, и, как по сигналу, все — кроме застывшей у входа Катерины — стараются чем-нибудь смягчить неловкость начального приема. Воротившийся из своего брачного похода Сарпион с удивлением застает эту последнюю виноватую суету.

Л и з а в е т а *(с хлебом)*. Краюшку-то... дай я тебе хоть за пазуху суну. Возьми, не велика обуза.

З и н о ч к а *(опуская в карман)*. И сольцы, в бумажку завернула. Все не занимать в дороге...

Простившись общим коротким кивком, Порфирий уходит. Зиночка всхлипывает украдкой.

Л и з а в е т а. Чего ты, разве мы его обидели? Посидели, живым словом обменялися, в путь-дорогу снарядили. Хватит, загостилися. Обмундирование мне, Иван... *(Сарпиону.)* Не раздевайся, на вокзал пора. Ну, рассказывай свои успехи. Зина — свой человек, не осудит.

Одеваясь с помощью мужа.

Спрашиваю, сманул женщину-то? И чего воздыхаешь? Ты на лакомое-то не зарься. Лакомая-то от твоей оравы либо на фабрику, либо в Москву за развитием укатит. Не скажу, не красавица, рябовата малость...

С а р п и о н. Малость... Глазам на нее больно смотреть. Опять же, мамань, своих ребят у ней троица...

Л и з а в е т а. Вот в самый раз и составится у тебя хор песельников. *(Начиная свой прощальный обход.)* Не серчай, Зина, за сватовство наше. Не его жалею, охламона,— на ко̀нях отражается. *(Марфе.)* Прощай, старшенькая. Надоела, напылила, извини. *(Катерине.)* А ты насчет жизни-то... не допив, наземь не выплескивай: по второму разу не поднесут. Никак, на парадном ходу вещи-то у нас осталися? Иди запри за нами, Катюша.

Катерина уходит вслед за отъезжающими гостями. И сразу тишина. Зиночка уже в полных сумерках начинает приборку посуды со стола.

М а р ф а. Вот так же и молодость, как Лизавета наша: налетит, обрушится, нашумит и схлынет. Теперь наслушаемся мы с тобою вдоволь вьюги ночной.

З и н о ч к а. Лекарство пора, Марфинька.

Отойдя к рампе, где посветлее, она отсчитывает капли. Чья-то смутная фигура появляется в дверях.

Не все-то ночь да вьюга, вот и солнышко наше взошло.

Это З о я, почти оправившаяся после болезни.

З о я. Можно и мне к вам в компанию, старушки? Весь дом впотьмах, и пусто.

З и н о ч к а *(отдавая лекарство Марфе)*. Уж все разъехались, пока ты выздоравливала. Поклоны вон на табуретке складены. Мне за хлебом пора пойти... Поскучайте тут с Марфинькой.

Зоя на ощупь и на смену Зиночке бредет к старухе.

З о я. Чей-то крик слышала сквозь сон, и будто двери хлопали. *(Устраиваясь рядом с Марфой.)* Проснулась... и какая-то немота во всем теле томительная. И ясность.

М а р ф а. Это совершеннолетие твое, Зоя. Отсюда начинается главный разбег жизни. Теперь молчи и слушай... синь-то в окне какая.

Обе молчат, пока не услышат шорох за спиной, и тогда Зоя крикнет: «Кто там?.. не зажигайте». Но свет уже включен.

К а т е р и н а. Это мы с Валей.

В а л ь к а. И еще Мадали со мною. *(Здороваясь с подругой.)* Как странно, Зойка: я потеряла отца, а ты нашла... но все осталось по-прежнему. Не появлялся еще положительный герой нашего времени?

М а д а л и. Он вчера с охоты поздно вернулся... но, как всегда, я появляюсь вовремя, добрый вестник Мадали. Там, за дверью, все отступники столпились, Зоя... почти все. А с ними... угадаете, кто?

Короткое замешательство, и Валька уже протягивает подруге Зиночкино, с комода, зеркальце.

З о я. Нет, не надо. Пусть будет так. Впустите их, Мадали.

Дверь распахнута, и сперва поодиночке, потом дружнее, виновато вступает м о л о д е ж ь, М и ш к а Ж а в о р о н к о в в том числе. Это обычные ряженые, и все несут дары посмешнее — холщовый окорок с видным на просвет огоньком, такую же большую бутылку, звезды и прочий новогодний инвентарь. Шествие замыкает С е р е ж а в мексиканском пончо и широкополой шляпе, с гитарой.

С е р е ж а *(пряча под развязностью понятное смущение)*. Итак, все недоразумения отменяются, потому что, как разъяснилось на поверку, все это был только сон. *(Нараспев, тоном сказки.)* И едва он вошел, все ожило в замке спящей красавицы, приоткрыли глаза придворные, и засвистели птицы в листве, и нежные звуки лютни раздались поблизости.

Судя по всему, он собирается запеть.

З о я. Подожди, Сережа... Значит, ты начисто простил меня?

С е р е ж а. Ты можешь быть совершенно спокойна, Зоя. Я же сказал, что ничего и не было. Тем более что по наведенным справкам твой отец оказался знаменитостью испанской, даже перевел сюда какие-то деньги... правда, неизвестного происхождения.

К а т е р и н а. В самом деле, не спешите с решением, Сережа. А что, если у Зои... ну, под влиянием жизни, снова возникнут какие-нибудь неприятности в анкете?

С е р е ж а *(машинально сдергивая с себя шляпу)*. Простите, не понял вашего намека, Катерина Андреевна.

В а л ь к а. Дайте я ему поясню. Видите, Сережа, тут одна жуткая вещица запрятана. *(Про портрет, невесело.)* Вот этот старичок, дед Зойкин,— он даже не слесарь никакой, а просто лед в Москву возил для общего потребления. Но ведь лед-то он не общественный возил, а для семейной выгоды. Так что если бдительность сюда приложить...

М а р ф а. Тогда уж и я приоткрою ему секрет один. А у Зиночки-то нашей иконка за занавеской повешена...

Сережа пятится из полукруга улыбающихся и чем-то уже безнадежно враждебных ему лиц. Из-за этого он слишком поздно замечает М а д а л и, который уже наготове, с веревочкой и развернутой газетой, жестом рекомендует ему упаковать гитару, чтоб не повредилась в дороге.

С е р е ж а. Я ухожу отсюда навсегда, мои друзья уходят со мною.

Никто не глядит на него, он царственно удаляется в одиночку... Очень кстати, впервые так складно и слитно, детская рука за стеной играет совсем простенький вальс, который скоро приобретает оркестровое звучание.

З о я. Так на чем же мы остановились в прошлый раз? Кажется, на танцах... Хотите со мною, Мадали?

Начинается кружение пар, и в первой — Зоя. В отчаянии и кусая губы, не отрывает она глаз от двери, в которую ушел Сергей.

1939, 1962

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ладыгин Дмитрий Романович — известный оперный певец.
Вера Артемьевна — его жена.
Алексей Иванович — его племянник.
Кира — невеста Алексея.
Констанция Львовна — мать Киры.
Свеколкин — друг Ладыгина.
Аннушка.
Параша — горничная у Ладыгина.

Действие происходит в столичном городе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Покинутая на лето городская квартира Ладыгиных. Она похожа на антиквариат обилием вещей, закутанных ныне в марлевые чехлы и пожелтевшие газеты. Последний луч солнечного дня, пробившись под шторой, переползает с рояля на горку с хрупкой и пестрой мелочью, чтоб посверкать там четверть часа и погаснуть. Здесь, в жарких августовских сумерках, вешают новую картину на оголенную стену, от которой отодвинута тахта. Взгромоздясь на стол и табуретку, придерживаемую за ножки Парашей, шофер Ладыгиных вбивает крюк: еще до поднятия занавеса слышны удары молотка. Геркулесовского сложения дворник готов поднять на воздух самое сокровище в полосатом, не ладыгинском чехле. Обмахиваясь нарядной соломенной шляпой, Вера Артемьевна из кресла руководит работой.

Вера Артемьевна. Ну, вешайте ее наконец. И пора на дачу. Как Дмитрий Романович вернется, так и едем.

Все приготовились. Вера Артемьевна привстала.

Чехла снимать не будем. Все равно мухи засидят.

Телефонный звонок.

Параша. Наверно, опять эта приезжая Дмитрия Романовича добивается.

Повторный звонок. Вера Артемьевна с досадой тянется к аппарату.

Не берите, Вера Артемьевна... Уж больно нахальные пошли эти поклонницы. Намедни одна пришла карточку у Дмитрия Романовича просить. Уж вторую. Первая от поцелуев вся сносилась.

Все смеются, кроме дворника.

Вера Артемьевна. Несчастная!

Дворник приподнимает картину.

Постойте... а не рухнет она на Дмитрия Романовича? Как раз его любимое место тут.

Параша. Может и рухнуть. Тяжелая, ровно на чугуне написана.

Вера Артемьевна. А что, если ее поместить над горкой, а мелочь перевесить сюда? Как вы находите, Параша?

Параша. Дайте сообразить, Вера Артемьевна. *(Солидно.)* Уж конечно, против окна самый вид. И опасность меньше.

Вера Артемьевна. Давайте прикинем начерно, пока Дмитрий Романович не вернулся.

Отирая рукавом лицо, шофер спускается. Параша снимает мелкие картины со стены. В соседней комнате звонкий дребезг стекла и басовитое чертыхание. Все оглянулись на звуки.

Параша. Дмитрий Романович вернулись.

Вера Артемьевна. Ничего, продолжайте. *(Громко.)* Митя, что ты там еще разбил?

Голос Ладыгина. Ва-аза! Черт, наставлено везде. На дачу скоро едем?

Вера Артемьевна. Через десять минут.

Из-под картины падает письмо. Параша пытается скрыть его.

Дайте сюда, Параша.

Параша. Пылища какая! Я за тряпкой схожу, Вера Артемьевна.

Вера Артемьевна *(скучным голосом)*. Я видела, Параша. Дайте сюда.

Параша. Это Дмитрию Романовичу письмо.

Вера Артемьевна. Я его жена и друг. Дайте, пожалуйста.

Параша отдает письмо. Вера Артемьевна читает его, держа в кончиках пальцев.

Параша *(с сердцем)*. Чего заснули, как мороженые! Берите снизу, да поухватистей беритесь.

Под жалобный звон хрусталя горка выезжает на середину.

Разгрузить бы сперва, Вера Артемьевна. Посуда хорошая побьется.

Все стоят в ожидании, пока Вера Артемьевна дочитает письмо.

Вера Артемьевна *(складывая письмо)*. Рухнет она и здесь, боюсь. А не отвезти ли нам ее на дачу, Параша... как вы думаете?

Параша. Уж конечно, на даче для здоровья безопаснее будет. Люди всё больше на воздухе. И упадет, так на свое место упадет.

Вера Артемьевна *(поднявшись)*. Так и решили. *(Про письмо.)* Отнесите это Дмитрию Романовичу.

Параша *(уходя, дворнику)*. Волоки ее к машине. Сверху привяжем. Да на лестнице-то не загреми.

Дворник уносит картину.

Вера Артемьевна *(шоферу)*. Берите пока абрикосы. На переднее сиденье. Пожалуйста.

Шофер уносит решето. С осколками большой вазы возвращается Параша.

Параша. Поморщились... на письмо... и ничего не сказали.

Вера Артемьевна. Хорошо. Сюда придет пожилая дама. Я дома.

Кивнув, Параша идет к выходу. Большой и красивый, с седеющими висками, в рубашке с расстегнутым воротом, вошел Ладыгин.

Ладыгин. Кисленького чего-нибудь или яблочка моченького у вас не найдется? *(Прочистив горло звуком.)* Стражду и жажду.

Параша *(взглянув на хозяйку)*. Всё уже в машину отнесли, Дмитрий Романович.

Вера Артемьевна делает знак Параше уйти.

Вера Артемьевна *(про картину)*. Опять ты купил какую-то громадину, Митя. Как хочешь, я отправила ее на дачу.

Ладыгин. Мировая вещь!.. Но черт с ней, можно и на дачу. Фу, жара! *(Опускаясь в кресло.)* В такую погоду рыбу на речке удить.

Вера Артемьевна *(собирая покупки)*. Одевайся, сейчас едем.

Ладыгин. Ты... поезжай одна. Я приеду завтра утром.

Вера Артемьевна. У тебя концерт?

Ладыгин. Нет... но мне надо остаться в городе.

Вера Артемьевна *(шутливо)*. Очередная поклонница? *(Присаживаясь к нему на поручень кресла.)* Не думай, я слишком молода сама, чтобы ревновать тебя к твоим фифкам!.. Кстати, одна притащила вчера две банки варенья. Я отдала их сторожу: не люблю малинового. И, кроме того, эти девчонки такие неряхи... *(Искоса взглянув на мужа.)* Ты не замечал?

Ладыгин. Верочка, мне уже сорок пять. Меня уже племянник забивает. Опять статья об Алешке... читала?

Вера Артемьевна. Не увиливай. Целый день какая-то сумасшедшая звонит. Вот опять...

Телефонный звонок. Вера Артемьевна тянется к трубке.

Что ей сказать?

Ладыгин. Болен.

Вера Артемьевна *(в телефон)*. Говорите же, кто там? Нет, это аккомпаниатор и личный секретарь Дмитрия Романовича. К сожалению, он нездоров. Ему как раз ставят банки на поясницу... Что? Нет, у него поясница.

Ладыгин. Что ты говоришь, Вера!

Вера Артемьевна. Пусти руку. *(В телефон.)* Нет, это я санитару. Да, представьте, вчера пел в «Фаусте», а сегодня... Ну, девочка, когда вам тоже стукнет пятьдесят шесть, и вы станете прихварывать. Берегитесь смолоду, милочка. Цветы можете передать горничной. *(Положила трубку.)* Так почему же вам надо остаться одному в пустой квартире?

Ладыгин *(обиженно)*. Ты зря. Я никогда не изменял тебе, Верочка...

Вера Артемьевна. ...но всегда был в полной готовности. *(Ласкаясь и перебирая его волосы.)* Итак, от кого вы получили это письмо?

Ладыгин *(смеясь, как от щекотки)*. Не могу же я запретить им писать. Ну, от женщины... ну!

Вера Артемьевна. Я хочу иметь представление об этой кошечке. *(Насмешливо.)* Ее масть?

Ладыгин. Как тебе сказать... Ну, потемней вот этого кресла.

Вера Артемьевна. Возраст?

Ладыгин. На вид ей около сорока. И вообще она довольно молодо выглядит...

Вера Артемьевна *(другим тоном)*. Ладно, я отвечу сама. Ей уже за пятьдесят. По ее словам, она еще свежа,

но в бороду уже вплелись серебряные нити. Ее зовут Павлом. К сожалению, этот Павел ничего не пишет о себе. Кто этот человек, Митя?

Ладыгин *(неохотно)*. Ну, в гражданскую войну... был у меня приятель один на фронте. Фамилия Свеколкин. Мы с ним хлеб делили пополам и спали под одной шинелью.

Вера Артемьевна. Не торопись, я хочу знать все по порядку.

Ладыгин. Только ты пересядь куда-нибудь. Жарко.

Вера Артемьевна переходит к роялю.

Мы и раньше встречались... он даже выручил однажды нашу батарею из беды. Но подружились мы, когда наша дивизия, уже краснознаменная, стояла под Херсоном. Кудрявый, бессребреник, литого золота человек. *(Чего-то стыдясь.)* Он жарко меня любил и все пророчил мне славу.

Вошла Параша и ушла после нетерпеливого жеста Веры Артемьевны.

Помню, накануне моего отъезда на учебу в консерваторию мы до рассвета просидели на обрыве, над рекой. Рваные, веселые, голодные и молодые!

Вера Артемьевна. И что-нибудь случилось в эту ночь?

Ладыгин. Нет. Но я много пел ему в ту ночь, как умел. Так же август стоял, днепровская луна катилась в небе. *(С театральной выразительностью.)* И хотя в этом громадном зале был только один зритель, Свеколкин... никогда потом петь так мне не удавалось.

Вера Артемьевна. И с тех пор ты видался с ним хоть раз?

Ладыгин *(с неловкостью)*. Он написал мне, но я как раз уезжал учиться в Италию. Было и второе письмо, но, кажется, я тогда репетировал Базилио...

Вера Артемьевна. И вот скромный провинциальный человек, собираясь приехать по делам, просит разрешения навестить тебя. А ты сунул письмо куда придется и даже забыл, что это как раз сегодня. Тебе не хочется его видеть?

Ладыгин молчит.

Ты хвастался Алексею каким-то приятелем, который стал большим человеком. Это не он?

Ладыгин *(виновато)*. В том и дело, что я не знаю, кем он стал. Ту ночь я бережно храню в себе двадцать лет и...

боюсь: ввалится какой-нибудь кассир с портфелишком, маленький и лысый... увидит эти вещи, напьется, нахамит. И вся мечта рухнет к черту!

Вера Артемьевна. Если в нем и тогда были задатки пьяницы или проходимца, ты можешь не ждать его и прямо уехать на дачу.

Ладыгин. Но этому человеку я пел самые первые свои песни.

Вера Артемьевна. Тогда садись и жди его.

Ладыгин *(в раздумье)*. Они всегда нуждаются, эти старые друзья. Им негде ночевать, и у них всегда какие-то африканские несчастья. Дружба — чувство мужественное, и я не хочу, чтобы она выродилась в жалость.

Солнце скрылось. Мягкий летний вечер вступил в комнату.

Вера Артемьевна *(улыбаясь)*. Ты как ребенок, Митя! Решай, скоро уже взойдет твоя днепровская луна.

Ладыгин. Знаешь, я посижу этак до одиннадцати... и поеду. Кто же ходит в гости ночью!

Вера Артемьевна. Даже если ему и не удалась жизнь, ты должен его дождаться, Митя.

Параша *(войдя)*. Вера Артемьевна, пришла эта дама. Имя какое-то чудное, язык сломаешь с нею говорить... Очень сердятся.

Вера Артемьевна *(мужу)*. Это она. *(Параше.)* Задержите ее там на минутку.

Параша ушла.

Совсем забыла. Приехала тетя Констанция из Ялты. Я хочу пригласить ее к нам на дачу.

Ладыгин. Какая еще Констанция?

Вера Артемьевна. Ну, жена брата моей покойной матери... словом, Кирина мать. Она слышала, что Кира выходит за Алексея, и хочет быть на свадьбе. И хотя она немножко нелепая, я уверена, ты полюбишь ее, когда узнаешь ближе.

Ладыгин. Да черт с ней, пускай живет. Приютили дочь, найдем место и для матери. Сунь ее в угловую светелку, а Киру перекинем вниз, ближе к Алексею. *(Хитро.)* Это им будет на руку. Вот черти плисовые, чего они тянут со свадьбой?

Вера Артемьевна. У него большая работа, государственное задание, ты знаешь. Он все ночи проводит в институте.

Ладыгин. Но Кира молодая женщина. Ей скучно одной.

Вера Артемьевна. Я понимаю Алексея. Он хочет присмотреться к человеку, с которым идти всю жизнь. Он не из тех, кому нравятся многие. Этого мало, что она хороша собою. *(И опять косой взгляд на мужа.)* А она, по-моему, очень красива!

Ладыгин *(неуверенно)*. Н-не нахожу.

Вера Артемьевна наблюдает, как он расхаживает по комнате, стараясь побороть свое смущение. Ее молчание заставляет его говорить.

Во-первых, у нее какой-то непонятной архитектуры спина. Я бы даже сказал, неприятная спина. А шея! И уж какие-то... совершенно не такие ноги.

Вера Артемьевна. Ты несправедлив к ней. Ты у меня стареешь, Митя.

Ладыгин. Может быть, но все-таки я артист. У меня есть вкус на красоту.

Параша снова вошла и придерживает дверь за скобку.

Параша. Вера Артемьевна, бунтуется эта гражданка. Меня по первое число обложила.

Вера Артемьевна *(мужу)*. Иди, встреть ее сам. Я столько рассказывала ей про тебя.

Параша открывает дверь. Ладыгин живописно приветствует еще невидимую за порогом гостью. В комнату важно и сердито вступает массивная, с усиками и без единой сединки дама, в шляпе с бывшею птичкой и в пенсне на длиннейшем шнурке; в руке вместительная сумка с замком, издающим звук, точно перекусывают кость. При виде хозяйки ее лицо смягчается: она плывет к ней мимо протянутых рук Ладыгина.

Мы заставили вас ждать, тетя Констанция?

Констанция. О, мы все чего-нибудь ждем, мой друг. *(Приблизившись, она отступает на шаг.)* Молчи, дай мне глядеть на тебя. Те же брови, тот же невыразимый взгляд... Боже, как ты похожа на мать!

Пенсне срывается с носа куда-то вниз, лицо принимает плаксивое выражение. Вера Артемьевна торопится обнять ее.

Твоя мать... Она умирала у меня на коленях!..

Вера Артемьевна *(кротко)*. Вы забыли, тетя. Вы были тогда даже в другом городе.

Констанция *(безутешно)*. Тем тяжелее, тем тяжелее,

мой друг. Быть в разлуке в такую исключительную минуту... *(Извлекает мужской платок из сумки и, забыв вытереть сухие глаза, прячет назад.)* Однако где же твой муж, спит?

Вера Артемьевна. Вот он. Уже давно стремится познакомиться с вами.

Ладыгин кланяется. Пенсне водворяется на нос. После осмотра Констанция движется к нему, и хотя Ладыгин благоразумно отступает, она настигает его.

Констанция. Ну, здравствуй, дружок. Нагнись, не лестницу же мне к тебе подставлять! *(И, притянув его голову, шумно целует в лоб.)* Ты что-то изобрел, говорят? Не крутись, не крутись. Тут ничего дурного нет, что изобрел.

Ладыгин *(потирая лоб)*. Верочка, вмешайся, пожалуйста, в эту историю.

Вера Артемьевна. Вы спутали, тетя. Это не он, а его племянник... вакцину против паппатачи открыл.

Констанция. Как ты сказала?.. Повтори...

Вера Артемьевна. Есть такая паппатачи, москитная лихорадка.

Констанция. А-а... *(Ладыгину.)* А ты, мой дружок, значит, ничего не изобрел? *(Снимая шляпку.)* А еще инженер. Нехорошо.

Ладыгин заметно сердится.

Вера Артемьевна. Тетя, я же объясняла вам вчера по телефону. Мой муж — известный оперный певец.

Констанция. А инженер кто же? Раз изобрел, значит, тут должен быть инженер.

Вера Артемьевна. Никакого инженера нет. А на Кире женится его племянник, очень талантливый патофизиолог.

Констанция недоверчиво переводит взгляд с жены на мужа.

Ну, патофизиолог. Они изучают природу болезней, чтоб бороться с ними. Вот и сейчас... у него в лаборатории есть очень дорогая обезьяна. С нее даже картинки в журналах печатали. И он ей привил одну неслыханную болезнь.

Констанция. О-о!.. *(Ладыгину.)* А ты, мой дружок, тоже что-нибудь такое... прививаешь?

Ладыгин *(довольно громко)*. Если вас не затруднит, милая тетя, зовите меня на «вы». Я человек грубый, из маляров. Мне так больше нравится.

Констанция *(оробев)*. Хорошо. Я сяду. *(Села.)*

Вера Артемьевна *(мужу)*. Ты ступай пока, скажи Параше, что купить к вечеру. *(Констанции.)* Извините Дмитрия Романовича, он гостя ждет.

Констанция. Иди, иди, мой дружок. Я зайду к тебе проститься. Ну, теперь я все поняла. *(Кивая вслед уходящему Ладыгину.)* Скажи... а этот мужчина тоже что-нибудь изобрел?

Вера Артемьевна *(потеряв терпение)*. Дмитрий Романович — певец. У него голос. В горле у него бас, понятно? Он поет, и ему за это платят деньги.

Констанция *(сокрушенно)*. Да-да, везде деньги. Мне вот тоже комнату надо покупать. *(Покопавшись в сумке, она достает нечто в тряпочке, из которой появляется большой футляр.)* Тут у меня от покойного мужа часы остались. Сослуживцы поднесли. Скажи, твой муж не купит у меня часы?

Вера Артемьевна. Да вам и не надо их продавать, тетя. Пока вы погостите у нас на даче, а после свадьбы Алексей — для точности патофизиолог!.. — наверно, получит новую квартиру.

Констанция. Но у вас уже живет моя дочь... *(Поднимаясь.)* Я лучше продам ему часы.

Вера Артемьевна *(удерживая ее в кресле)*. Дом очень большой, река под самой террасой, березовая роща.

Констанция. Нет, и не упрашивай меня. Я человек болезненный. Мне нужны покой и тишина.

Вера Артемьевна. Там у нас очень тихо, разве только Дмитрий Романович поет иногда по утрам.

Констанция. Это ничего. Если немножко, то пускай поет. Я и сама иногда пою... Уж и не знаю, что тебе сказать. *(Робко.)* Я бы их недорого ему отдала!

Вера Артемьевна в изнеможении опустила голову.

Параша *(войдя)*. Шофер спрашивает, успеет ли он в гараж съездить.

Вера Артемьевна. Нет, поздно. Надо было раньше. *(Поднявшись.)* Я сейчас еду.

Констанция. Ну, бог с тобой. Я и матери твоей ни в чем не могла отказать. Вези, вези меня в свою березовую рощу.

Пользуясь тем, что Вера Артемьевна занялась с Парашей, Констанция незаметно выскальзывает в дверь к Ладыгину.

Вера Артемьевна *(подойдя к Параше)*. К Дмитрию Романовичу придет малознакомый человек. Водки на стол не ставьте. Если засидится, напомните Дмитрию Романовичу погромче, что я одна осталась на даче.

Параша. Я понимаю, Вера Артемьевна.

Вера Артемьевна. И потом, я уговорила Констанцию Львовну погостить у нас на даче. Велите шоферу заехать за ее вещами. Она скажет адрес. Чему вы улыбаетесь, Параша?

Параша. Да они уже в машине, вещи-то. *(Усмехнувшись.)* Корзиночка небольшая да сундучок такой... печальный. Так прямо на абрикосы и брякнула.

Вера Артемьевна *(не сразу)*. Ну, тем лучше. А куда же она сама-то пропала?

Они прислушиваются к громким голосам в кабинете.

Боже, она, кажется, уже там...

Голос Ладыгина *(рыча)*. Поймите же, драгоценная мадам... У меня своих, своих четверо. В зубах я их буду носить, ваши часы?

Вера Артемьевна бежит к мужу на выручку. Дверь осталась открытой. Вошли Кира с теннисной ракеткой и Алексей. Они слушают нарастающий шум в кабинете.

Голос Констанции. Я же просто подарить их тебе хочу... как древнюю вещь. Покупаешь же ты древние вещи!

Голос Ладыгина. На дьявола мне нужен ее будильник! На нем даже стрелок нет.

Голос Веры Артемьевны. Уймись, уймись, Митя. Ты же с дамой говоришь!

Голос Констанции. Объясни же ему, Верочка, что стрелки ему на каждом углу вставят.

Кира со вздохом берет в руки шляпку Констанции и, узнав птичку, роняет обратно.

Алексей. Кто это там дяде Мите кровь пускает?

Параша *(иронически кивнув на Киру)*. Это вот к ним мамаша приехали.

И ушла. Кира молча поглаживает скатерть на столе.

Алексей. Кира, мы пропустим начало концерта.

Кира. Идите одевайтесь, Алексей. Я только с мамой поздороваюсь.

Алексей ушел. Отступая перед Верой Артемьевной, из двери кабинета пятится Констанция.

Констанция (*взволнованно*). Но я же старого закала, мой друг. Я не привыкла даром есть чужой хлеб!

Вера Артемьевна (*раздельно, как с глухой*). В машину садитесь. Нам ехать пора, тетя-а.

И дверь закрылась. Констанция стучится в кабинет.

Констанция. Но пойми, может быть, я десять лет у вас проживу. У нас в семье все были выдающегося здоровья и погибали только от несчастных случаев.

Кира (*стыдясь ее*). Боюсь, мамочка, что ты не избегнешь этой судьбы.

Констанция оборачивается и видит дочь. Слова замирают у нее на языке; она становится старенькая, жалкая и старомодная. И, забыв про платок, она плачет уже по-настоящему.

Констанция. Кира!

Кира. Я прошу тебя, мама...

Констанция. Как я соскучилась по тебе, моя роза... черная роза моя. За два года ни одного письма!

И зачем-то склоняется к руке дочери,— та конвульсивно прячет руки за спину.

Кира. Как тебе не стыдно, мама!

Констанция. Ты меня простила?.. за ту мою ошибку простила? Я хотела, чтоб ты сидела в гнездышке, а я бы носила тебе червячков. Кто же виноват, что один, самый первый, оказался тухлый!

Кира. Не надо, услышат. Сядь. Ты надолго?

Констанция (*садясь*). Насовсем, мой дружок. Представь, Катин муж обучил свою громадную голую собаку каждое утро лизать мне лицо. Ну, я устроила ему грандиозную варфоломеевскую ночь и укатила. Ты же знаешь мой характер!

Кира (*смеясь*). Ты неисправимая, мама.

Вера Артемьевна (*уходя от мужа*). Я пришлю машину к одиннадцати. Вы всё еще не ушли, тетя?

Кира. Ну, мы поговорим с тобою завтра, мама.

К о н с т а н ц и я. Будь счастлива, роза моя! Куда же я шляпу-то задевала?

Оказывается, она сидит на ней. Расправив смятую птичку, она возлагает шляпу на голову и уходит.

В е р а А р т е м ь е в н а. Все такая же и все хлопочет о твоем счастье. Я слышала, едете на концерт с Алексеем? Разве он закончил свою работу?

К и р а. Не знаю. Обезьяна, кажется, выздоравливает. Ну, поезжай.

Они разошлись. П а р а ш а приходит накрывать на стол. Почти стемнело: на шторах проступили световые пятна от чужих окон. Из кабинета выглянул Л а д ы г и н.

Л а д ы г и н. Увезли?.. Удивительная дама.

П а р а ш а. А что ж в ней удивительного? Кажная пчелка на свой медок летит. *(Мельком.)* Говорят, Алексей Иванович большую премию получает. С приданым жених!

Л а д ы г и н. Откройте окно, Параша. Пускай это пекло продует.

Параша поднимает штору и открывает окно. Ворвался ветерок, и виден серый пролет вечернего двора.

Г о л о с А л е к с е я. Это вы, Параша, сквозняк устроили?

Л а д ы г и н. Это я тут... *(полунапевая из арии)* «...кого никто не любит и все живущее...» Зайди потом, Алешка. *(Подняв крышку рояля, он выстукивает одним пальцем мотив этой арии.)* Почему вы усмехнулись давеча, Параша... насчет приданого-то?

П а р а ш а. Просто так, Дмитрий Романович.

Л а д ы г и н. Просто так не бывает. А все-таки?

П а р а ш а *(делая свое дело)*. Не любит она Алексея Ивановича. Другое у ей на уме.

Л а д ы г и н. А что у ней на уме?

Параша украдкой поднесла передник к глазам.

Ну-ну, с чего это вы... землячка?

П а р а ш а. Веру Артемьевну жалко. Добрая, ничего не видит... На сколько человек накрывать, Дмитрий Романович?

Л а д ы г и н. На двоих, Параша, на двоих. И перестаньте!

Одетый к концерту, вышел А л е к с е й. Еще с порога он жестом приветствует дядю.

А, похудел, пират. Ночи не спишь. Что с обезьяной?

Алексей. Очень страдала эти десять дней. К сожалению, есть болезни, которые не воспроизводятся на других животных. Зато теперь пойдет в долгий и заслуженный отпуск. *(Параше.)* Спуститесь, пожалуйста, задержите машину, Параша.

Параша ушла.

(Оттянув рукав, он смотрит время.) Кира, кончается первое отделение концерта.

Голос Киры *(спокойно)*. Я сейчас.

Ладыгин. Сядь, я вечность тебя не видал. Болтают, что после премии ты двинешь прямо в академики?.. Молодец! Твой дед, а мой отец, Роман Ладыгин, тоже был не последним среди маляров. Жизнь надо ломать, как мед, и жрать из пригоршни. *(Мимоходом.)* К слову, большая премия?

Алексей хмурится.

Понимаю. Молчу, молчу.

Алексей. Почему ты не на даче, дядя Митя?

Ладыгин. Вот жду фронтового друга. Томлюсь, и время идет на убыль...

Может быть, полдюжины часов в разных комнатах квартиры вперебивку вызванивают время. Дядя и племянник пережидают этот музыкальный шум.

...идет на убыль время, и не приходит старый друг.

Алексей. А не боишься? То были друзья гневной и героической бедности... Придет, увидит эти стены, спросит: что у тебя здесь, товарищ... товарная база, или ломбард, или, прости на дерзком слове, приданое твоей будущей вдовы?

Ладыгин *(сумрачно)*. Ты не впервые заводишь со мною этот разговор, Алексей. Но я... я не крал все это. Это мне дал мой народ за то, что я пою ему. И потом, братец мой, это такие пустяки...

Алексей. Дядя Митя, проказа начинается тоже с пустяков. Она начинается с насморка.

Ладыгин. Что ты этим хочешь сказать?

Алексей. Я обожал тебя в детстве, дядя Митя, подражал в юности и очень хочу уважать тебя и теперь.

Ладыгин. Ты!.. *(Горячась.)* Тебя мне помогала растить вся страна. У тебя были книжки, пионерские дома, а я провел

детство на коньке крыши, с ведерком медянки, подручным маляра. Мы экономили семитку на квасе. А ты, ученый, даже не знаешь, что такое семитка. Знай, это две копейки нищего!.. Меня в детстве отовсюду гнали, и все кругом было: нельзя, нельзя, нельзя. Я слишком долго ждал, братец, когда все будет: можно, можно, можно!

Алексей *(иронически)*. Значит, ты мстишь прошлому... или все еще утоляешь детский голод?

Ладыгин отвернулся.

Э, да ты, никак, обиделся, дядище!

Ладыгин. Покойный брат велел мне вырастить тебя. Я исполнил. И ты созрел. И уходишь от меня. Уже я не вижу ни лица твоего, ни мыслей... Будь добр, включи свет.

Алексей вертит выключатель, света нет. Ладыгин в ярости распахивает дверь.

Параша!.. Почему нет света?

Параша *(запинаясь)*. Новую люстру вешали, которую вы вчера купили, Дмитрий Романович... Не успели соединить провода.

Ладыгин *(во весь голос)*. Дать сюда полсотни свечей!.. Сотню самых толстых стеариновых свечей!!

Алексей *(спокойно)*. Дядя Митя хочет сказать, что двух свечей ему пока за глаза хватит.

Параша ушла.

(Дружески кладет руки на плечи дяде.) Ну, не рычи. Я же понимаю, что ты рассердился на меня.

Ладыгин. Брось, брось... Ты хотел бы видеть меня босяком, с шарманкой. Тебе все на свете надо подправить. Дай тебе власть, ты бы и соловья отрегулировал!

Алексей. Ну, дядя Митя... Соловьи басом не поют. *(Взглянув на часы, громко.)* Кира, скоро начнется второе отделение концерта.

Голос Киры: «Я сейчас».

Параша вносит канделябр о пяти зажженных свечах.

Ладно, давай мириться... и выпьем за твоего друга, который вряд ли придет: не сезон. Самая стройка в разгаре. Чем он занимается-то теперь?

Ладыгин. А вот не скажу. Не хочу с тобой говорить. Не ваш брат... ф-физиолог! Это широкого действия человек. *(Глядя, как Алексей разливает вино.)* Кабы не он, природа давно накрутила бы из меня всякой всячины на том безвестном баштане. Словом, он спас меня. Нас белые однажды окружили, тыща сабель... *(Увлекаясь рассказом.)* Представь себе, солнце хоронилось этак за курган, а мы кавунами занялись у овражка, когда...

Алексей, улыбаясь, подает ему вино.

А ты не рано развеселился, товарищ?

Алексей. Ты не обращай на меня внимания, дядя Митя. Бери, бери!

Ладыгин. Нет, ты объясни. Иначе сло̀ва дальше не услышишь.

Алексей *(мягко)*. Словом, когда я слышал эту историю в первый раз, белых было только двести.

Ладыгин *(потупив глаза)*. Это... это жестоко, Алешка!

Алексей. Ты же сам учил меня в детстве: будь жесток к себе, если не хочешь, чтобы другие были к тебе жестоки.

Ладыгин. Уж позволь мне, однако, украшать мою юность цветами. Нет, не хочу с тобой пить, трезвый и умный человек. *(Отставляя свой стакан, громко.)* Кира-а... второе отделение концерта близится к концу!

Кира *(из-за двери)*. Я уже готова. *(Она входит в длинном спортивном плаще и без шляпы.)* Ну, Алексей, поехали?

Телефонный звонок. Ближняя к аппарату, Кира берет трубку.

Квартира Ладыгиных... Кого? Но их здесь два. *(Прикрыв микрофон ладонью, Алексею.)* Из лаборатории. Сказать, что уже уехал?

Алексей. Нет, я подойду. *(Взяв трубку.)* Кто это? А-а. *(И почти сразу его лицо принимает озабоченное выражение.)* Когда? Не температура, а моча! Мне нужно знать, когда прекратилось выделение мочи... Нет, так не годится. Я немедленно приеду сам.

Молчание. Положив трубку, Алексей закуривает папиросу и виновато поднимает глаза на Киру.

Кира. За весь месяц это первый вечер, который вы собрались подарить мне. И снова... нельзя?

Ладыгин *(тревожно)*. Что-нибудь с обезьяной?

Алексей. Она опять потеряла сознание.

Кира теребит перчатку. Интонация Алексея меняется. Кажется, он хочет растрогать свою невесту.

Кира, это очень забавное и поучительное существо. Ее зовут Лилианой. Она даже носит пенсне... правда, без стекол, но на веревочке. Хотите поехать туда... со мною? Старый Моцарт не обидится, если мы его отложим на другой раз.

Взяв папиросу из раскрытого на столе портсигара Алексея, Кира рассматривает ее, точно видит впервые.

В эти дни решается вопрос счастья для многих людей.

Кира. Минус одно. Мое.

Ладыгин *(как эхо)*. А это значит, и твое, Алешка.

Кира. Всё будни, будни, будни. Бывает у вас когда-нибудь праздник, Алексей?

Алексей. Завтра я весь день с вами... И у нас будет важный разговор. Сегодня я смогу лишь проводить вас до зала. *(Решительно.)* Спускайтесь черным ходом, Кира... машина во дворе. Я только переоденусь, мне неудобно ехать в таком виде.

Он ушел, оставив дверь открытой. Ладыгин взялся за отвергнутый было стакан. Он обернулся: с тою же папироской в руке, Кира пристально смотрит на него из двери.

Ладыгин *(смущенный этим взглядом)*. Вам спичку? Где-то были... сейчас.

Он наугад шарит в карманах и на столе. Сломанная в пальцах папироска упала на пол. Ладыгин в замешательстве.

Тут, между прочим, шпроты есть. Хотите шпроты?

Кира *(раздумчиво)*. Мне с детства сулили в жизни какую-то необыкновенность. И жизнь пришла. И шпроты! А где необыкновенность?

Ладыгин. Вы... меня спрашиваете? Затрудняюсь, не знаю...

Кира *(громко)*. Есть одно свободное место. Хотите со мною на концерт, Ладыгин?

Ладыгин молчит. Его спасает появление Параши.

Параша *(недобро косясь на Киру)*. К вам пришли, Дмитрий Романович.

Ладыгин *(с показной радостью)*. Так скорей... ведите же его сюда, скорей! Эй, где ты там, товарищ?

Кира исчезает.

Параша *(удостоверясь, что Киры уже нет)*. Девушка... приезжая, чистенькая такая, цветы просится передать. И прогнать-то жалко... всю-то в иголочку ее проденешь!

Ладыгин. Людей не надо гнать, Параша!.. Впустить!.. Я только пиджак надену.

Он ушел. Параша выглянула в коридор.

Параша *(жалостливо)*. Входите уж... несчастная.

Прижимая к груди целую охапку флоксов, входит молоденькая девушка в открытом цветастом платьице и полотняной панамке — Аннушка.

Только имейте в виду, граждапочка... у Дмитрия Романовича назначено одно важное заседание.

Девушка робко кивает. Ревниво оглядев ее до пят, Параша ушла. И тотчас же со свертком, в кожаной заграничной куртке появляется Алексей. Аннушка смотрит на него сияющими глазами. Падает несколько цветков.

Аннушка *(шепотом)*. Так вот вы какой... Ладыгин!

Алексей. Да, я такой... Вы цветы растеряли!

Аннушка. Пускай, мне не жалко.

Алексей *(вдруг)*. А если не жалко, то... подарите мне половину. Понимаете, до зарезу нужны цветы.

Не сводя с него глаз, она протягивает ему цветы.

Вот спасибо. Уж я тогда побольше заберу, можно? Вы, наверно, к дяде? Он сейчас, он там усы подкручивает. *(Громко.)* Дядя Митя, тут к тебе поклонница пришла.

Голос Ладыгина: «Иду».

Ему цветы ни к чему. Он яблоки моченые любит.

И быстро уходит, унося ее букет. Поняв ошибку, Аннушка показала вслед ему язык. Сзади появился настоящий Ладыгин.

Ладыгин *(снисходительно)*. Итак, где же они, мои цветы?

Аннушка *(отдавая несколько оставшихся стебельков)*. Вот... Я думала... Он у меня все отобрал.

Ладыгин. А, племянник! Ничего, они ему нужнее. Он

сейчас с невестой поссорился. Вы не глядите, тут у нас беспорядок.

Аннушка *(благоговейно оглядывает стены)*. Я еще никогда не видела, как живут великие артисты. Всё вещицы, вещицы, большие и маленькие... Меня Аннушкой зовут!

Ладыгин. Ну, пока снимайте вашу панамку, Аннушка. Вот яблочко берите, так. Теперь садитесь на это пружинное облако, фея...

Аннушка. Ну, что вы!

Улыбаясь — и когда она улыбается, морщинки разбегаются от ее переносья,— Аннушка опускается на краешек тахты. Вставив один цветок в петлицу, Ладыгин грузно садится рядом.

Ладыгин. Рассказывайте... когда и в чем вы слышали меня в последний раз?

Аннушка. Еще вчера... *(От робости забыв название.)* Ну, как ее... это произведение из жизни чертей!

Ладыгин *(покровительственно)*. А, «Фауст»! Впервые после лета пел. А, постойте, кажется, я даже помню эти веснушки! Вы в ложе бенуара сидели?

Аннушка. Кто... мы? Не-ет, мы там, под самой люстрой, сидели. Нам сказали... когда Ладыгин поет, всегда билетов нет.

Ладыгин *(польщенно)*. Да. И как же звучал мой голос?

Аннушка. Ничего себе. Он довольно громко звучал.

Они помолчали. Протянув руку за спиной гостьи, Ладыгин отечески приподнимает спустившуюся с ее плеча бретельку платья. Аннушка отодвинулась.

Только вы... не надо меня обнимать. Я не люблю, когда меня обнимают.

Ладыгин. Да я и не собирался...

Аннушка. Все равно не надо. *(И поднялась. Яблочко покатилось на пол с ее колен.)* Так вот вы какой... *(разочарованно)* Ладыгин!

Ладыгин. Какой же я?

Аннушка. А папка говорил, что вы молодой и красивый... *(И зачем-то оглянулась на дверь, куда ушел Алексей.)* Он, наверно, забыл: уж давно-о!

Ладыгин *(гораздо суше)*. Вам рано судить об этом. Вы еще ребенок.

Аннушка. Нет, я уж большущая, в вуз поступать приехала.

Ладыгин. И какой же вуз вы себе избрали?

Аннушка *(застенчиво)*. Папка в науку уговаривает. А мне хочется...

Ладыгин. Куда, куда? Что вы там под нос шепчете?

Аннушка *(громко, со страхом)*. В театральный... говорю.

Ладыгин *(холодно и печально)*. Не примут вас в театральный. Данные не те, и голосок у вас вполне куклячий. Вам скорее белый халат науки к лицу... или, например, почему бы вам по пчеловодству не вдарить! *(Тоном выговора.)* И не шататься в ночное время по артистам.

Аннушка. Я не одна, я с папкой пришла. Он там за такси расплачивается, а я уж бегом сюда.

Ладыгин. Какой папка? Ничего не понимаю...

Аннушка *(секретно)*. Мне хотелось, пока его нет, проверить... правда ли, будто однажды вы ему одному... целую ночь на фронте пели?

Ладыгин. Стойте... *(Схватив ее за плечи, издавая неясные звуки удивления, он мучительно всматривается в ее лицо и вдруг бросается к двери.)* Эй, кто там в доме есть... быстрей, Параша!

Параша вбежала.

Там, внизу... кудрявый такой... Свеколкин... На лифте его махом сюда!

Параша убежала.

(Тащит Аннушку к окну.) Где он там, где, покажите!

Аннушка. Во-он... который с племянником вашим прощается. Вот Параша к нему подошла. Это он, он! *(Высунувшись в окно.)* Папка, иди скорей, он уже поправился, твой певец! *(Ладыгину.)* Как он обрадуется... ведь он еще не знает, что вы уже выздоровели!

Ладыгин не спускает с нее взгляда, потому что в ней он видит пробежавшее время.

После театра спать вчера не хотелось, мы до рассвета по улицам гуляли. Я люблю ночью заблудиться в незнакомом городе. Папка все рассказывал про молодость, про вас... Какой вы

хороший, какой вы хороший... были, Ладыгин! Но что же они не идут?

Ладыгин. Да перестаньте вы вертеться, юла. *(С трудом.)* Значит... вы дочка Паши Свеколкина? Я к тому, что тогда вас не было.

Аннушка. Верно, меня не было тогда... Я — потом.

Параша *(в коридоре)*. ...Имейте в виду, что Дмитрий Романович торопится на очень важное заседание.

И вот, торопливо и улыбаясь, со старенькой шляпой в руке, входит небольшой, скромного облика человек. Под слегка прищуренным взором Ладыгина он проводит платком по облысевшей голове, оправляет пиджак, надетый поверх вышитой рубашки.

Аннушка. Вот и папка в натуральную величину.

Молчание.

Свеколкин. Не узнаёшь, Дмитрий Романович? Ну-ну, привыкай ко мне. *(Улыбка медленно сбегает с его лица.)* Нам не к спеху.

Ладыгин. Где же кудри-то твои, пират?

Свеколкин. Э, ветром да временем посмыло. *(Кивнув на дочку.)* Взгляни на этот календарь... Не столь красиво, зато гигиенично, Дмитрий Романович.

Ладыгин *(красивым голосом)*. Ну, дай мне... сжать тебя, Пашка Свеколкин!

Они обнялись, не очень крепко.

Теперь узнаю́. Глаз твой узнаю́ озорной. А, и оспинка на месте, ха-ха...

Свеколкин. Я с племянником твоим задержался... *(Искренне.)* И вообще извини, что до сих пор тебя не навестил: некогда. Я тебе писал, не раз писал.

Ладыгин промычал что-то неопределенное.

Аннушка *(отцу)*. Дмитрий Романович тебе, наверное, по старому адресу отвечал.

Свеколкин. Я так и догадался. А мы с дочкой на новое место переехали. Всех ты обогнал, Дмитрий Романович. На всю страну гремишь.

Ладыгин *(с приятностью)*. Переста-ань, не люблю. Ты о себе-то расскажи.

Свеколкин. По радио слушаем тебя. Обширнейший

твой голос. Веришь ли, целиком-то в квартирке как-то и не помещается. Подтверди, дочка!

Аннушка *(счастливо)*. В палисадник слушать выходим.

Ладыгин. Ну, мерси. А сам-то, сам-то кем теперь стал?

Аннушка *(переглянувшись с отцом)*. Не говори, не говори. Пускай он сам определит.

Свеколкин. Ты артист, у тебя глаз зоркий. Угадай.

Ладыгин. Тогда держись, Паша. Встань так попрямей... *(Обходя кругом.)* Не серчай, по лицу и виду твоему я бы сказал, что ты есть... ну, кадр районного масштаба.

Аннушка. Нет, точней, точней надо!

Ладыгин. А ну, подыми голову, так. *(Осторожно, чтоб не обидеть.)* Кассир?

Аннушка *(хлопая в ладоши)*. Угадал, угадал!

Свеколкин. Артист, сразу видать. Насквозь глядит!

Ладыгин. Что ж, должность твоя не крупная, но ничего, Свеколкин. Перед народом своим всякий человек маленький. А помнится, ты о науке мечтал... Не сбылось? Ладно, дочка наверстает. *(Аннушке, полушутливо.)* В науку, товарищ!

Свеколкин. А чую, не оправдал я чем-то ожидания твоего, Дмитрий Романович! Ждал небось, что я на линкольне прямо в шестой этаж к тебе подъеду, а?

Ладыгин. Неверно! *(Театрально.)* Рад был любого, в опорках и язвах, обнять тебя, Паша Свеколкин... И вчера я даже как-то сразу учуял, что ты в зале. *(И уже сам верит в это.)* И как подняли меня из подполья в красных моих пламенах, даже накладка случилась... не заметил? Вараввин дирижировал, дает второй раз начало... помнишь? Пам-пам, пам-пам... *(И он напевает несколько тактов своей знаменитой арии.)* А я молчу. Понимаешь, замкнулся звук. Гляжу в эту тысячеглазую тишину, ищу тебя... И как мне захотелось пожить с тобой недельку, вспомнить все то, на чем уже роса истории лежит!..

Свеколкин незаметно посмотрел на часы.

Ты чего время-то смотришь, пират?

Свеколкин. Не обижайся, Дмитрий Романович, мы люди приезжие. А у тебя поясница... Твоему басу спать пора.

Аннушка *(лукаво)*. Нам еще номер надо искать. Те-

перь сессия, все гостиницы заняты. Вот мы с папкой ночь-то и прогуляли.

Свеколкин укоризненно покачал дочери головой из-за спины Ладыгина.

И даже вещи в чужом номере сложены.

Л а д ы г и н. Сожалею, друзья мои... Но тут мне вас поместить, как видите, негде...

Вошла П а р а ш а.

Что вам?

П а р а ш а. Шофер вернулся, спрашивает, скоро ли поедете.

Л а д ы г и н. Ждать. Идите, Параша.

П а р а ш а. Я к тому, что ночь на дворе, а дача громадная, совсем пустая... Вере Артемьевне страшно одной.

Молчание.

Л а д ы г и н *(неохотно)*. А это неплохая мысль! Слушайте, пираты: семь комнат, речка с карасями и сорок километров первостатейного горизонту. Машина ходит раза четыре в сутки. Соглашайтесь!

С в е к о л к и н. Как, Аннушка?.. Удовлетворим его ходатайство?

Аннушка давно уже подает ему знаки, чтоб соглашался.

А н н у ш к а *(рассудительно)*. Дмитрий Романович так упрашивает тебя, что тебе неудобно отказываться.

Л а д ы г и н *(Параше)*. Сейчас спускаемся. Мне мою сбрую!

Параша ушла. Ладыгин стеснительно трогает локоть Свеколкина.

Маленький уговор, Паша. Будь друг, выдай там себя за кого-нибудь поважнее...

Свеколкин недоуменно прищурился.

Видишь ли, я столько хвастался тобою перед своими домашними, что... Ну я прошу тебя, словом!

С в е к о л к и н *(растерянно)*. За кого же мне себя выдать? Скажем, директор Каспийского моря. Сердито звучит, как ты находишь?

Л а д ы г и н. Не дойдет. А если повыше хватить?

А н н у ш к а. А например, дальневосточный наркомздрав?

Ладыгин. Наркомздрав... это неплохо. А выдержишь?

Свеколкин. Попробую, Дмитрий Романович. Блеснем, дочка?

Аннушка. Блеснем, папка.

Вошла Параша со шляпой и пальто Ладыгина.

Ладыгин *(показав гостям на дверь)*. Прошу...

Гости выходят первыми.

Приберите этот кавардак и ранним поездом на дачу. *(Кивнув вслед Свеколкину.)* Видали паренька? Был директором всего Каспийского моря, а теперь выдвинули в наркомздравы. Одних докторов у него семь с половиной тысяч, а всякой мелочи, фельдшеров да акушерок... *(Он только рукой махнул.)* Словом, мы с ним на фронте Советскую власть вместе добывали.

Параша *(с почтением)*. А по виду и не скажешь, что большой человек.

Ладыгин *(с усмешкой)*. Большой... Необыкновенный человек!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Когда раздернут синюю занавеску, в которую солнечными пятнами и щебетом птиц уже ломится утро, обнажится раздвижная стеклянная перегородка, отделяющая комнату от веранды, станут видны гряда неистовых августовских настурций, вершины берез на спуске к реке и, в просвет между ними, пойма с копнами сена; веселые отблески сада отразятся тогда в краске стен, в лаке мебели, в эмали электрического холодильника. А пока — синий, как бы зимний сумрак стоит в этой нарядной комнате с массой дверей и широкой лестницей наверх, в помещение хозяев; пока — на столе, вокруг которого беспорядочно расставлены стулья, тарелки после ночного ужина гостей, бутылки, увядший букет, и красивая шелковая шаль Веры Артемьевны забыта в кресле. На диване в углу, разметавшись, спит Аннушка: ее платьице чинно висит рядом на спинке стула. Другая, уже скатанная, постель сложена у стены возле привезенной с вечера картины. Вошла Параша делать утреннюю уборку. Прикрыв одеялом голые ноги Аннушки, она загораживает ее ширмой. Из комнаты под лестницей, споткнувшись на высоком пороге, вышла Констанция.

Параша. Ш-ш, тише...

Констанция. И пороги какие-то... за ноги цепляются. Порядки в доме! Завтракать пора, и никого нет.

Параша. Воскресенье, а у Дмитрия Романовича вечером спектакль. Спите, все еще спят.

Констанция. Я человек по натуре деятельный, мой друг. Я не привыкла без дела сидеть. Мне всегда что-нибудь делать надо.

Ходит за Парашей и смотрит, как та работает.

Кофе еще не скоро?

Параша. Сперва Дмитрий Романович на речку сходит, потом вернется. Тогда уже Веру Артемьевну начнем ждать.

Констанция возмущенно уходит к себе. Дверь остается открытой. Из своей комнаты вышла с мохнатой простыней Кира. Она стучит в дверь к Алексею.

Кира *(вполголоса)*. Алексей, вы собирались пойти купаться. Уж утро, Алексей!

Параша *(собирая посуду со стола)*. Алексей Иванович еще не возвращался.

Кира. Он ночевал в городе?

Параша. Нет, он совсем домой не приезжал. Ночью только позвонил из института.

Кира. Зачем?

Параша. Ну, спрашивал... веселая ли вы вернулись с концерта. *(В глаза.)* Спросил... одна ли вы вернулись с концерта.

Кира. Что же вы сказали?

Параша *(недружелюбно)*. Я сказала, что Дмитрий Романович гостей на дачу повез.

Кира *(смутившись и спиной к Параше)*. Это... каких гостей?

Параша. Директор Каспийского моря с дочкой к нему приехали.

Забрав посуду, она уходит. Кира с самонадеянной улыбкой обводит глазами комнату и только теперь замечает под дверью большие черные башмаки Констанции.

Кира. Мамочка, я вижу твои громадные сапоги. Убери их, пожалуйста.

Башмаки уходят. На площадке лестницы с удочками появляется Ладыгин; увидел Киру и тотчас пытается скрыться.

Вы тоже на реку, дядя Митя?

Ладыгин. Минуточку... я только полотенце захвачу.

Кира. Оно у вас на плече. *(Медленно поднимается к нему на несколько ступенек.)* Вы усердно избегаете встреч со мною. Вы боитесь меня, Дмитрий Романович?

Ладыгин. Тише. Я ночью товарища привез. Тут его дочка спит.

Кира. С некоторого времени вы даже не смотрите мне в глаза.

Ладыгин *(глядя в сторону)*. Вам... в глаза? Н-не замечал. *(И вдруг в упор.)* По-видимому... опять оказалось одно свободное место?

Кира. Вы делаете иногда такие ценные наблюдения, которые меня просто умиляют.

Ладыгин. Я хотел сказать, что последнее время вы проявляете ко мне признаки внимания, которого я не заслужил. Ну, извините, мне пора. Я отсюда слышу, как эти... караси плещутся на речке.

Кира стоит на три ступеньки ниже, преграждая ему путь.

Если нас увидит жена, она ничему не поверит. Она отлично знает, как я люблю... Алешку. Но что будет, если он сам застанет нас здесь наедине?

Кира *(тихо)*. Я только этого и добиваюсь, Ладыгин. Все еще непонятно вам?

Ладыгин. Для чего, для чего это? Вам скучно с ним? Мне и самому непонятно, что его привлекает в этих... микробах. Но, Кира, поверьте мне, этот парень стоит того, чтоб его любили. Вдобавок, он и теперь на примете, а лет через пять, когда слава и деньги хлынут на него, как воды потопа, любая, поймите же, любая пойдет за него вприпрыжку. Но вы, вы красивей всех! У вас отличные ноги, глаза... и шея тоже. Он... разум потерял из-за вас... Пожалейте... его! И мой совет: целуйте его, целуйте до обрученья. Это парень чистый и, главное дело... совестливый.

Полузакрыв глаза, она слушает это, по существу, его собственное признание.

Кира *(качая головой)*. Что вы понимаете, кроме своих арий, Ладыгин!

Ладыгин. Два месяца подряд все шепчутся о вашей свадьбе. Уж и шампанское выдохлось в чулане. Вера давно приготовила вам подарки... Почему, почему же вы не хотите стать его женой?

Кира. Вам нужно, чтоб я сама, сама сказала вам об этом? Хорошо.

Приставив удочки к стене, он на всякий случай прикрыл позади себя дверь. Оба не видят, что башмаки Констанции снова появились под дверью.

Я неделями не вижу Алексея. Оставаясь со мной, он рассказывает мне только про Лилиану. Ею одной заняты его мысли и дни. Обезьяна владеет и моей собственной судьбой... Но о свадьбе Алексей еще не заговаривал со мной ни разу... *(Отступив к перилам.)* Я мешаю вам пройти? Идите.

Ладыгин. Простите меня, Кира. Я не знал... *(Он тянется утешить ее и вдруг отдергивает руку, как от западни.)* Ну тогда, будь я на вашем месте...

Кира *(очень просто)*. Не замахивайтесь, Дмитрий Романович. Он сильней меня. У него нет соперников в этом доме. У меня был только один способ привлечь к себе его внимание: вы. Но вы не поняли, не захотели... хотя я могла бы попросить для вас у Веры даже письменное разрешение на это!

Ладыгин. Мне... мне не нужно никаких позволений. *(Солидно.)* Дайте мне сутки, и я посажу вам Алешку, как муху на этот клейкий лист! *(Мужественно.)* Пойдемте на реку, и пусть Алешка нас поищет для начала.

Удочки шумно падают на ступеньки. Ладыгин оглянулся на дверь позади.

Кира. Чего вы так напугались, дядя Митя? Разве мы делаем что-нибудь дурное?

Ладыгин. Ш-ш, мы Аннушку разбудим. Спускайтесь, тихо...

Они уходят крадучись. Улыбаясь своим сокровенным догадкам, Констанция выходит из-за дверей. Потом она прикроет Кирину дверь, прежде чем войдет вернувшийся из города Алексей.

Алексей. Доброе утро.

Констанция. Здравствуйте, мой друг. Мы незнакомы с вами. Я Кирина мамочка.

Она движется с явным намерением обнять его и задерживается на полпути, остановленная его ироническим взглядом.

Я знаю вас только по письмам Киры. Верите ли, весь последний год она мне только про вас и писала.

Алексей. Охотно верю. Тем более, что Кира знает меня уже целых два месяца. Мы уговорились вместе идти на реку. Она встала?

Констанция *(томно)*. О, пускай дети еще понежатся в постели!

Алексей. Вы все-таки постучите к ней. Я зайду за нею через минутку.

Он прошел к себе. Аннушкина голова показывается поверх ширмы.

Аннушка *(шепотом)*. Она уже ушла. Она на реку с Дмитрием Романовичем ушла.

Пенсне Констанции вопросительно поднимается на нос.

Констанция. И что вы здесь делаете, милочка?

Аннушка. Кто, я? Сплю-у...

Констанция. И вы всегда, милочка, стоя за ширмой спите или только в гостях?

Аннушка. Нет, я проснулась, как удочки у него упали. Я и проснулась. А папка всегда еще до чая уходит гулять.

Констанция. И вам хорошо пройтись перед чаем. Одевайтесь, милочка. Детям вредно долго оставаться в постели.

Судя по движению силуэта на ширме, Аннушка торопливо одевается.

Вот и славно. У нас прекрасный сад. Нарвите свежий букет. *(Милостиво ведя ее к веранде.)* Значит, вы Аннушка? У вас очень милое лицо, Аннушка. Вы очень похожи на меня в молодости... как и я на вас!

В открытой летней рубашке и с полотенцем вышел Алексей. Выпроводив Аннушку, Констанция успевает опередить его на пути к Кириной двери.

Кира, ты проснулась? *(Она осторожно стучит.)* Алексей Иванович зовет тебя на реку. *(Алексею, улыбаясь.)* Спи-ит...

Алексей. Как она долго сегодня.

Констанция. О, перед тем как проснуться, девушки спят со страшной силой! У вас такой усталый вид. Вы можете прилечь пока у себя. Кира постучит к вам потом.

Алексей. Гораздо проще подождать ее здесь. Времени еще достаточно.

Он опускается в удобное плетеное кресло. На площадке лестницы появилась Вера Артемьевна. Алексей приветствует ее рукой.

Дядя Митя еще дрыхнет?

Вера Артемьевна. Я не заглянула к нему. Он поздно лег, долго с гостями сидел. *(Спускаясь вниз.)* Как вы провели ночь, тетя?

Констанция. Кошмарно, мой дружок. Совершенно незнакомые люди до утра заставляли меня пилить какое-то громадное полено. Ужасно проголодалась!.. Побудь с Алексеем Ивановичем, я только Киру разбужу. *(Ушла в комнату дочери.)*

Вера Артемьевна. Вы опять не спали ночь, Алексей? Которую на неделе!

Алексей. О, у меня в лаборатории есть диван... старый, колючий друг. Мне удалось на полчасика прилечь перед рассветом. А сейчас пойду искупа-юсь...

Откинувшись к спинке кресла, он блаженно закрывает глаза. Вера Артемьевна садится рядом.

Впереди у меня только каких-нибудь... тридцать лет. Потом я стану разводить цветы, украшать собою президиумы, писать мемуары... А время течет. И вот я тороплюсь нагрузить его своей добычей.

Вера Артемьевна. Мне надо идти, Алексей.

Алексей. Посидите со мною, Верочка. *(Наугад коснувшись ее руки.)* Мне хочется рассказать про себя, и... некому. Я уже месяц сплю не раздеваясь. И так много надо сделать! И океан времени впереди... Кажется, я счастлив, Верочка!

Она поднялась.

Куда вам надо? Еще утро...

Вера Артемьевна. Я хочу пройти на реку.

Алексей. Сейчас разбудят Киру, и мы пойдем все трое.

Вера Артемьевна. Ну, сегодня ее придется долго будить.

Алексей приоткрыл глаза.

Кира уже давно на реке. Она ушла с Митей. *(Улыбнувшись.)* И ее мать знает это.

Алексей. К чему же тогда вся эта комедия?

Вера Артемьевна. Когда-нибудь мы это узнаем. Оба сразу.

Алексей *(рассмеявшись на ее тон)*. Однако вы смелая женщина... Вы отпускаете мужа с моей невестой, среди бела дня, одних... и куда? Жутко сказать: на реку!

Вера Артемьевна. Не смейтесь, Алексей. Люди смотрят на просвет вино, которое они пьют.

Алексей. Понимаю, дядя Митя держит экзамен на верность.

Вера Артемьевна. И не он один. *(Защищаясь.)* А вы... разве вы закрыли бы глаза на все вокруг, если бы в вас вкралось сомнение?

Алексей. Сомнение в чем?

Вера Артемьевна *(охваченная новой идеей)*. Скажите, может случиться, что вы не получите премии?

Алексей. Наверно, так и будет. Туда представлены блестящие работы... по полевой хирургии, например. А от моей паппатачи пока никто еще не умирал. К чему вы это?

Вера Артемьевна. Я с детства знаю мать Киры и знаю, чего она ищет для дочери. Уверены вы, что она отпустила бы с вами Киру на лишения самой простой трудовой жизни?

Алексей. Кира — человек взрослый.

Вера Артемьевна. Однажды ее мать уже пыталась поселить ее в своих воздушных замках. Вам известно, что Кира была замужем?

Алексей. Мне глубоко неинтересен этот разговор.

Вера Артемьевна. Не я начала его... Замужем за одним режиссером, у которого внешнее и душевное уродство прикрывалось его большим заработком.

Алексей *(недобро)*. Я все-таки надеюсь, что из этого путешествия на реку с моей невестой дядя Митя вернется целым и невредимым.

Вера Артемьевна *(с упреком)*. Алеша, я вам завтраки в школу готовила!

Алексей. Мне известно, что люди болеют. Но болезнь я считаю отклонением от здоровья, а не наоборот. Кроме того, я люблю Киру. Люблю ее одну. Люблю ее любую... *(И совершенно другим голосом.)* Как я, однако, спать хочу!

И опять, откинувшись к спинке, закрывает глаза.

Вера Артемьевна *(материнским тоном)*. Кира — первая ваша женщина, и вы потеряли голову. Это хорошо, это молодость. Но у вас большая жизнь впереди, и не надо засорять ее ошибками. Ищите жену, для которой ваша работа станет самым главным на свете. Когда вы познакомились с Кирой, я нарочно поселила ее у нас, чтобы вы разглядели ее

ближе. Вам этого оказалось мало. Тогда я пригласила сюда и ее мать. Всмотритесь в них, не торопитесь. Мне не понравилось, как всю дорогу вчера она расспрашивала меня о вашей премии. *(Вполголоса и отойдя от Алексея из опасения, чтобы кто-нибудь не вошел.)* Хотите маленький опыт, Алексей?

Он молчит.

Хорошая любовь не боится испытаний. И разве у себя в лаборатории, решаясь на крупный шаг, вы не делаете предварительных исследований?

Алексей неподвижен. Вошла Параша с чайной посудой на подносе. Пока Вера Артемьевна идет к ней, полотенце Алексея падает на пол, соскользнув с колена.

К вам просьба, Параша. Мы хотим подшутить над Митей. Пожалуйста, когда все будут в сборе, вызовите Алексея Ивановича как бы к телефону. Сделайте вид, что случилось что-то ужасное. Можете даже разбить что-нибудь в суматохе...

Параша *(опустив глаза)*. Я все понимаю, Вера Артемьевна.

Вера Артемьевна *(строго)*. Понимайте меньше, Параша, и вы дольше проживете у нас. *(Возвращается к Алексею.)* Все готово, Алексей. Остальное я беру на себя. Вы слышите меня?

Он не отвечает. Он спит. В раздумье Вера Артемьевна поднимает полотенце Алексея, потом останавливает уходящую Парашу.

Параша, ничего не надо. Суматоха отменяется.

Наклонив голову, Параша ушла. С цветами возвращается Аннушка.

(Говорит с нею уже шепотом.) А вы куда, Аннушка, поднялись в такую рань?

Аннушка. Уже я выспалась. Нигде так крепко не спала.

Вера Артемьевна. И что же вам приснилось на новом месте, Аннушка?

Аннушка. Вот это самое... как Дмитрий Романович сказал вчера. *(Припоминая.)* Ты-ся-че-глазая тишина. И я стою одна, в белом халате, посреди. И все ждут, какую же дорогу я выберу в жизни. А я еще не знаю...

Вера Артемьевна. Я покажу вам человека, Аннуш-

ка... Со временем будет стыдно не знать его имени. *(Ведя ее к Алексею.)* Он только заснул нечаянно. Он работал ночь. Запомните его лицо!

Аннушка. О, с этим я уж знакома. Он цветы у меня вчера отобрал.

Вера Артемьевна. Тем лучше. Поговорите с ним о своей дороге в жизнь.

Хмурясь и улыбаясь своим мыслям, которые, как солнечные пятна, бегут по ее лицу, Аннушка стоит перед Алексеем. По дороге в сад Вера Артемьевна шумно раздергивает занавеску. В комнату врывается день. Алексей открывает глаза.

Алексей. Простите, Верочка... меня тут словно волной подмыло. *(Видит Аннушку.)* Вы... ко мне?

Аннушка *(лукаво)*. Вы так храпели, даже мухи садиться на вас боялись. Я из сада прибежала взглянуть, как вы это делаете...

Ее шутка не дошла до Алексея.

Я пошутила... Я читала про вас. И думала, вы старенький и добродушный, а вы — нет. Но уже знаменитый?

Алексей *(сухо)*. По части знаменитости — это у меня дядя. А мне пока мало что удается.

Аннушка *(горячо)*. Неправда! Папка говорит, что вы будете такой же, как Павлов. А уж папка-то знает!

Лицо Алексея резко меняется.

(Отступает.) Я обидела вас?

Алексей. Вы юны, товарищ. Не бросайтесь словами, которые вам пригодятся когда-нибудь, чтоб обозначить самое дорогое в жизни. *(Почти сурово.)* Павлов — это образец человека и его труда.

Аннушка. Но ведь Павлов не сразу родился старым. Некоторые уверяют, что он тоже был молодым...

Алексей усмехнулся.

...и даже, говорят, на велосипеде ездил.

Алексей *(смягчаясь)*. Это у вас я вчера цветы отобрал?

Аннушка. У меня. Пригодились?

Алексей. Немножко. Теперь я вспомнил вас. Вы — вчерашняя поклонница.

А н н у ш к а *(обиженно)*. И неверно. Я сюда учиться приехала.

А л е к с е й. О, это почтенно. И чему же вы намерены посвятить свои могучие силы?

А н н у ш к а. Еще не решила. Ум как-то с сердцем борется. Театру или науке.

А л е к с е й *(полушуткой)*. Если колеблетесь, идите в театр. Там слава, толчея, аплодисменты... А науке нужны верные люди, которые не ждут от нее ни денег, ни быстрого успеха, ничего... *(почти самому себе)* кроме разве маленького утешения под старость, что и ты помогал человеческому роду подняться хоть на ступеньку из его жалкого зверства. Итак, в театр, милый товарищ!

Аннушка отошла и ставит букет в вазу, он не влезает. Видя, как дрожат руки девушки, Алексей идет к ней.

Давайте я вам помогу. Да вы не огорчайтесь. Дядя Митя, например, тоже в театре. Однако это вполне порядочный человек.

А н н у ш к а. Спасибо... за совет!

Она убегает на веранду. Из Кириной комнаты, запыхавшись, со сбитой прической, вышла К о н с т а н ц и я.

К о н с т а н ц и я. Кира выйдет сейчас. Едва добудилась ее... Куда же вы, мой друг?

А л е к с е й. Я думаю, Кире незачем вторично идти со мною на реку. *(Коснувшись подбородка, он выглянул в коридор.)* Параша, мне кипятку, пожалуйста.

И ушел. Констанция приоткрывает дверь, за нею никого. К ее удивлению, К и р а появляется с веранды.

К о н с т а н ц и я. Почему ты не влезла в окно, как я тебя просила?

К и р а *(сдержанно)*. Я не хочу в окно, мама.

К о н с т а н ц и я. Твое счастье, что он ушел. Сядь. Я хочу, чтоб ты ввела меня в курс дела.

Кира расставляет чайную посуду на столе.

Не уловлю, кого же из них ты выбрала себе, наконец. Ты как будто невеста младшего Ладыгина и просто на аркане тащишь с собою старшего. Я же вижу твои уловки, сама была когда-то женщиной!.. И, как видно по всему, ты любишь именно

певца, а выходишь замуж за ученого? Я отказываюсь понимать твои планы.

Кира. Тебе и не надо их понимать. Дай мне самой делать мою судьбу.

Констанция. Надо же разобраться в этой путанице. Возьмем для начала жениха. Конечно, он молод, хорош и, кажется, даже образован... в своей области, конечно! Но не всегда же он будет находить эти самые микробы. Они же такие маленькие, девочка. Мне соседка рассказывала, у них даже ножек нет! Когда они родятся, их даже собственная мама не видит!

Кира. Ты тише говори. Услышат, будут смеяться над тобой.

Констанция *(грозя пальцем)*. Ничего, мой друг. Над Суворовым тоже смеялись... Я даже допускаю: ты ушла, скажем, к подруге, а он тем временем запирается в кабинете, снимает пиджак, заглядывает в микроскоп и опять открывает какого-то неописуемого микроба, который уже присел, как тигр, и готов прыгнуть на человечество... Слов нет, это приятно, но ведь он может и ничего не получить за это. Этих микробов на каждой пылинке, как в трамвай, насовано. За каждого микроба премию платить — это американский банк лопнет.

На веранде появились Ладыгин и Свеколкин с дочерью.

Кира *(смеясь)*. Перестань, я разобью что-нибудь, мама...

Констанция. Теперь коротко взвесим твоего певца. Конечно, это ветреный народ... слава богу, я имела дело с артистами!.. Кроме того, они глохнут, теряют голос под старость... и вообще любят умирать от паралича. Зато закрой глаза и вообрази на минутку. Ты сидишь в первом ряду на его концерте. На тебе длинное платье, тонкий мех, но ты грустна. И пока твой муж рычит что-то со своих подмостков, весь зал затая дыханье в тысячу биноклей смотрит на тебя одну... *(С пылом.)* О, это уже не микроб, милая моя! Спел разок потише — люстра, спел погромче — черно-бурая лиса. Господи, да будь у меня такой бас, я бы рта не закрывала... я бы в месяц целый Париж себе напела, радость моя! *(Вздохнув.)* Мой совет: бери певца!

Кира. Кончила?.. Теперь слушай меня.

Констанция затихает при одном звуке ее голоса.

Ты уже рассорилась с братьями, а однажды жестоко напутала и в моей жизни. Так вот: или я уеду отсюда... или ты даешь мне слово сократить твою кипучую деятельность...

Констанция. Хорошо.

Кира. ...и не вмешиваться в мои дела.

Констанция *(зловеще)*. Хорошо. *(Пытаясь взять ее за руки.)* Мне казалось, что ты меня простила...

Кира. Пусти, я хочу к людям.

Но теперь поздно: вошли Вера Артемьевна и Ладыгин с удочками. Одновременно, уже в летнем костюме, вошел и Алексей.

Вера Артемьевна. Тетя Констанция, скажите Параше, чтоб давала кофе. *(Алексею.)* Вы так и не дождались Киры?

Алексей *(поцеловав руку невесты и смотря ей в глаза)*. Кира вышла, когда я задремал, и пожалела меня будить.

Вера Артемьевна. Вот вы всё спите, Алексей, а Митя тем временем отобьет у вас невесту.

Ладыгин. Ну, Алешка — это апрель, а я уже август. Куда же августу состязаться с апрелем!

Кира. Август — это еще не ноябрь.

Алексей. Но это уже август! *(Дяде.)* Я шел садом и слышал, как кричали караси, которых ты подсекал. Где твой улов?

Ладыгин. Сперва не клевали, потом щука леску утащила, потом стало накрапывать...

Вера Артемьевна. Словом, не повезло.

Параша вносит большой кофейник.

Параша, пошлите сюда за картиной. Ее надо повесить теперь же! После обеда все едут на футбол. А куда же тетя Констанция пропала?

Параша. Они там у себя... наряжаются.

Кира *(заметив улыбку Параши)*. Я схожу за нею, Верочка.

Параша и Кира уходят. Вошли Свеколкин и Аннушка. И тотчас же стал слышен легкий шелест дождя.

Вера Артемьевна. Как раз от дождя ушли. Знакомьтесь. Это и есть Алексей Ладыгин. *(Подталкивая Аннушку*

вперед.) А это девушка, которая ищет, как применить себя в жизни,— Аннушка.

Алексей. Первую консультацию, правда неудачную, мы уже провели.

Вера Артемьевна. И ее отец — друг Митиной молодости.

Свеколкин *(кланяясь)*. Я давно и пристально слежу за работами Алексея Ивановича.

Алексей. Это неутомительно. Их не так много.

Ладыгин *(похлопывая Свеколкина по плечу)*. Ты не шути с ним, Алешка. Это, брат, тоже своего рода ученый. Скрещивает под пиво раков с помидорами!

Все удивленно посмотрели на Ладыгина.

Алексей *(Свеколкину)*. Не обижайтесь на дядю Митю. Он хороший человек, но к его юмору надо терпеливо привыкать.

Вошли шофер и сторож.

Верочка, это к вам!

Вера Артемьевна. Митя, усаживай пока гостей. *(Подойдя к вошедшим.)* Доброе утро. Берите, пожалуйста, картину... Параша покажет вам место над диваном. Только вбейте крюк поглубже, чтоб не сорвалась: боюсь.

Шофер и сторож выносят картину. Из коридора слышны голоса Киры и Констанции. Голос Констанции: «Оставь меня в покое, мой друг. Я сама знаю, что прилично и что мне к лицу».

Вера Артемьевна возвращается к гостям. Наряженная в атласное, но ставшее ей тесноватым платье, вступает Констанция; на ее жилистой, как у кондора, шее черная бархотка с агатовым крестиком. Сцепив руки за спиной, Кира остается у двери.

Вера Артемьевна *(демонстративно)*. Будьте знакомы, пожалуйста. Это мать невесты Алексея Ивановича.

Привстав, Свеколкин кланяется. Тем временем Алексей незаметно отправляется за Кирой.

Констанция *(шумно)*. О, мне уже говорили про вас. Если мне не изменяет память, вы директор Каспийского моря?

Ладыгин. Нет, это он раньше был каспийским директором.

Констанция *(садясь за стол)*. Мне всегда было как-то

до слез жалко Каспийское море. Ведь, если не ошибаюсь, это высыхающее море?

Свеколкин *(пожимая плечами)*. Да, море, как говорится, не особенно надежное.

Констанция. Но будет ужасно, если оно когда-нибудь высохнет совсем!

Вера Артемьевна. До этого не допустят. *(Свеколкину.)* Наверно, каждую весну приходилось подвозить воду?

Аннушка. Там узкоколейка проложена. Целый день цистерны взад и вперед ходят.

Ладыгин. И даже на верблюдах. У них на горбу такие котомки кожаные... *(Фыркнув.)* Сам видал!

Все смеются. Констанция больше всех. И уже непонятно, кто же над кем шутит. В эту минуту Алексей ведет к столу свою невесту.

Кира. Не надо. Я хочу уйти, Алексей.

Алексей. Не стыдитесь вашей матери, Кира. У меня не было и такой.

Поймал на себе внимательный взгляд Свеколкина.

Долго собираетесь погостить у нас?

Свеколкин. Сессия завтра уже кончается. Денек-другой еще побудем.

Аннушка. Не забудь, завтра ты делаешь доклад у врачей.

Свеколкин. Я успею. Сессия закончится днем, и вечер у меня свободный...

Ладыгин *(деятельно помогая ему в этой трудной роли)*. Смотри, замотаешься, старик. Засадят тебя в санаторий, приставят батальон докторов... *(Хвастаясь Свеколкиным.)* Как видишь, Алеша, ни зернышка из нашей горстки не пропало!

Тем временем за стеной началась работа. Под ударами молотка крюк идет в стену.

Слушай, что они там у тебя затеяли?

Вера Артемьевна. Ты чудак, Митя. Они вешают твою картину.

Ладыгин. В четыре молотка дубасят. Дайте хоть в воскресенье передохнуть.

Вера Артемьевна. Кира, скажи им, пожалуйста, чтобы потише.

Кира охотно уходит. Вскоре стук прекращается.

Свеколкин. Давно собираюсь посетить ваш обезьянник и кстати познакомиться со знаменитой Лилианой. Кажется, так ее зовут?

Алексей. Она в большой работе сейчас. На ней как раз изучается это новое почечное заболевание.

Свеколкин. Я слышал. Вы начали эту работу недавно?

Вкрадчивый, пока еще неуверенный стук снова вступает в тишину, приходится повышать голос. Ладыгин с удовольствием слушает научный разговор.

Алексей. Недели три назад. Я сам вводил ей в вену патогенный материал.

Свеколкин *(приставив к уху ладонь, чтоб лучше слышать)*. Менингиальных явлений не замечали?

Алексей. Нет. Центральная нервная система не была затронута. И вообще это уже в прошлом. Сегодня она уже вступила в контакт, температура снизилась. Только совершенно небывало гиперемированы глаза...

Стук усилился. Свеколкин не расслышал.

Я говорю, глаза очень красные стали! *(Оглянувшись на стену.)* Ого, это уже серьезные работники действуют.

Ладыгин. Черт знает что такое. *(Жене.)* Вдолби ж им, что гости, гости у меня!..

Его заглушает грохот, как бы обвал мебели, звон и вскрик за стеною. Аннушка сразу убегает туда. Привстав, все обеспокоенно глядят на стену. Тишина. Вошла Параша.

Параша *(деловито)*. Вера Артемьевна, примочечки у вас какой-нибудь не найдется?

Ладыгин. Что у вас там, сражение происходит?

Параша. Сторож с табуретки рухнул. Хорошо еще, на картину упал, не шибко повредился.

Свеколкин. Может, пойти повязку наложить?

Вера Артемьевна. Пустяки, там невысоко. Тетя Констанция, сходите туда. Лекарства в шкафчике.

Констанция поднимается с большим бутербродом в руке.

Параша. Бинтик бы на всякий случай захватить.

Констанция. Там на месте посмотрим, Параша.

Они уходят. Слышно лишь мелкое, судорожное постукивание.

Алексей. Красота тебя погубит, дядя Митя.

Ладыгин. Это у них надолго. Давайте на террасу перебираться. А ну, ребята, перетаскивайте харчи...

Свеколкин и Ладыгин уносят часть посуды. Вера Артемьевна составляет на поднос оставшуюся. Алексей уходит со стульями. Очень встревоженная, вбежала Параша.

Параша. Алексея Ивановича нет? Его немедленно к телефону требуют.

Вера Артемьевна *(насмешливо)*. Во-первых, я просила вызвать его, когда все будут за столом...

Параша. С картиной завозилась, Вера Артемьевна.

Вера Артемьевна. ...во-вторых, я уже отменила этот переполох.

Параша. Да нет же, его в самом деле к телефону зовут!

Алексей вернулся еще раз за стульями.

Алексей. Верочка, пойдем радугу смотреть. Радуга в полнеба!

Вера Артемьевна. Вас к телефону, Алексей.

Параша. У них там что-то ужасное получилось. Женский голос говорил и вдруг заплакал.

Алексей быстро уходит.

Ладыгин *(войдя)*. Кто... где заплакал?

Параша *(сурово)*. В работлатории у Алексея Ивановича нехорошо.

Молчание.

Кира *(войдя)*. Дядя Митя, требуется ваша атлетическая сила. Представьте, крюк завязнул в сучке, и теперь вытащить не можем... Что у вас такое?

Ей никто не отвечает.

Вера Артемьевна *(прижимая пальцы к вискам)*. У меня весь день было предчувствие. Что же он станет делать теперь... накануне самой свадьбы!

Кира *(с нарастающим беспокойством)*. Вера... что случилось?

Ладыгин. Мы стали перетаскиваться от вашего грохота на террасу, а Параша вызвала его к телефону. Он ушел как в воду опущенный.

Вера Артемьевна *(раздумчиво, для Киры)*. Могут и с института снять теперь...

Параша *(неподкупно и скрестив руки на груди)*. И очень даже просто. Раз у них в работолатории нехорошо. *(И, переглянувшись с Верой Артемьевной, она решается еще подстегнуть события.)* Ладно еще, если под суд не отдадут!

В фартуке, с веревкой и молотком возвращается Констанция.

Констанция *(возмущенно)*. Человек с огромной тяжестью стоит под самым потолком, и все ушли. Будем мы ее вешать, наконец, или не будем?

Вера Артемьевна. Завтра утром повесим. *(Параше.)* Скажите, на сегодня кончили. Пускай идут.

Довольная сознанием хорошо выполненного поручения, Параша уходит.

Констанция. Тогда для чего было весь шум затевать?

Ладыгин. Порадуй тетю, Верочка.

Кира *(тихо)*. У Алеши большие неприятности.

Констанция *(роняя молоток)*. Что-нибудь с премией?

Вера Артемьевна. Вы попали в самую точку, тетя.

Констанция. Какой ужас, какой... *(Внезапная догадка осеняет ее лицо.)* Но где же он сам? Приведите его, дайте мне обнять его в такую исключительную минуту.

Вера Артемьевна. Пусть Кира одна побудет с ним пока. Мы придем потом. Митя, задерни занавеску!

И, отгородив таким образом веранду от столовой, Ладыгины уходят.

Констанция *(плачевно, дочери)*. Иди скорей к нему, мой несчастный дружок. Ничего, можно устроиться уютно и в шалаше... Раздели с ним это... несуществующее горе. *(В сторону веранды.)* Ах, шутники!

Кира. Как ты сказала... несуществующее?

Констанция. Я ничего не знаю.

Кира. Что, что ты скрываешь от меня?

Констанция. Ты оторвешь рукав у моего лучшего платья. *(Высвободив руку.)* Ты же запретила мне вмешиваться в твои дела.

Кира. Мама!

Констанция. Могу только пожелать тебе скорого решенья. Но боюсь, что любое из них будет ошибочным. *(Напоследок.)* А только не кажется тебе, что они хотят тебя проверить?

Кира. Проверить?.. меня проверить?.. в чем?

Мать уплывает, посылая дочери торжествующие поцелуи. Смутные подозрения терзают Киру. В ее поведении отражены все внезапные и тотчас откидываемые решения. Она бежит к веранде — и раздумала, распахнула дверь в коридор — и захлопнула снова, точно оттуда пахнуло бедой. Аннушке приходится приложить усилия, чтоб войти сюда.

Ну!

Аннушка молча гладит ее руки.

Меня только одно пугает, что... ничего не случилось!..

Аннушка. Я сама видела, как трубка чуть не выпала у него из рук.

Кира. Вы слышали, о чем он говорил? Хоть полслова... о чем?

Аннушка. Какое-то вскрытие дел у них сейчас начинается. Может, деньги растратили или секрет какой пропал. Теперь начнется... Но, может, и лучше, если он не получит премии, и пусть. Вы же не жадная! Зато никто не скажет, что вы выходили на готовенькое. У нас есть еще, которые любят сразу выходить за знаменитых... А где они раньше были, эти крашеные, беспощадные, когда их мужья в одиночку пробивались к своей славе... где! *(С жаром.)* Их кнутом, кнутом надо по их белой коже!

Кира. Какая вы... жестокая, Аннушка.

Аннушка. Я не жестокая, я только честная... Вам тяжело, я понимаю. Ведь я все-таки тоже будущая женщина! *(Ластясь к Кире.)* И я знаю, вы гордая... Но, говорят, если поплакать, то легче станет.

Кира. Я с детства не умела плакать, Аннушка. *(Про глаза.)* Они у меня сухие, сухие...

Аннушка. Мне тоже редко плакать доводилось: папка запрещал. А вы попробуйте,— может, выйдет... я отвернусь.

Кира хочет уйти. Аннушка с раскинутыми руками заступает ей дорогу.

Не уходите, вы не смеете уходить от него. Вы же хорошая. Алексей Ладыгин не мог полюбить дурную! *(И уже совсем по-детски.)* Не пущу, не пущу...

Кира *(сквозь зубы)*. Дайте мне пройти, девчоночка.

Она прорвалась и ушла. Аннушка в смятении, когда, внешне спокойный, возвращается Алексей.

Алексей. Кира ушла?.. Я слышал ее голос.

Аннушка. У нее... голова закружилась... от жары. *(Плача и комкая занавеску.)* Не надо, не надо...

Алексей *(с досадой)*. Послушайте, что вы там шепчете? Роль, что ли, разучиваете? Вы мешаете мне думать...

Она умолкает, закрыв рот скомканным краем занавески. Он идет к ней и, повернув к себе, заглядывает в ее опущенное лицо.

Э, да и у вас беда какая-то. Верно, любимая кукла заболела. Ничего, мы ее помажем столярным клеем, и она поправится. Еще красивей станет. Ну, улыбнитесь... актриса!

Аннушка. Мне жалко вас очень.

Алексей. И жалеть меня совершенно излишне. Вы посмотрите на меня, ну! Я здоровенный парень, семьдесят два кило. А горе мое — действительно непоправимое... горе. Теперь я уже не выполню в срок государственное задание, которое было поручено мне. Видите ли, у меня умерла... моя обезьяна.

Аннушка *(неумело)*. Она была... важная?

Алексей. Очень, Аннушка. И довольно дорогая.

И как-то случилось незаметно: по-товарищески обняв ее за плечи, он ходит с нею по комнате.

Есть такая страна, Гвинея... проходили по географии? Так вот, у себя на родине они скачут и свисают с лиан, как лилии... мы ее и звали Лилианой. Она была немолодая. Еще Павлов заглядывал в эту живую книгу в минуты своих раздумий. И потребовалось привить ей одну новую болезнь...

Аннушка *(подняв глаза)*. Какую?

Алексей. Вы же все равно не поймете. Геморрагический нефрозо-нефрит, понятно? Мои ребята уложили ее в ремни, и я сам сделал это. Она металась, кричала, бредила своим лесом и стадом... И многое из того, что очень нужно людям, она рассказала мне в эти ночи своим немым языком. *(Горько.)* О, если бы все, кого мы любим, так помогали нам в наших поисках человеческого счастья!

А н н у ш к а *(с силой)*. Первый раз в жизни... денег, много денег хочу!

Алексей внимательно взглянул на нее.

Будь у меня богатство, я бы их купила вам сразу десять.

А л е к с е й *(улыбнувшись ее порыву)*. Вчера ночью я зашел к ней с сотрудниками в виварий. *(Выпускает Аннушку, чтобы наглядно показать обстоятельства последней встречи.)* Припадок кончился. Она забилась вон в тот угол. Я протянул ей яблоко. Она взяла... и все кругом засмеялись!.. Но она так и не съела его. Вы опоздали взглянуть на нее, Кира!

А н н у ш к а *(отступив и с еще не осознанной болью)*. А-а... как же вы любите ее! Даже теперь, даже теперь...

Алексей не понял, какую оплошность он совершил.

(Спешит поправиться.) ...даже мертвую!

С веранды тихонько вступают В е р а А р т е м ь е в н а, С в е к о л к и н и Л а д ы г и н, который подходит обнять племянника. Алексей ждет, что войдут еще, но никого нет, и только ветерок колеблет занавеску.

Л а д ы г и н. Не унывай, Алешка.

В е р а А р т е м ь е в н а. У вас несчастье, Алексей?

А л е к с е й. Я потерял Лилиану. Ту самую, которую вы ездили смотреть с дядей Митей.

Л а д ы г и н. Это, конечно, прискорбно. Но Лилиана же не человек!

А л е к с е й *(не без резкости)*. У нас разные взгляды, дядя Митя. Я привык любить свой инструмент, которым я преобразую мир. Это часть меня, моей руки. А Лилиана была инструмент, живой и точный. У меня больше нет таких.

С в е к о л к и н *(осторожно)*. Алексей Иванович, я увижу завтра кое-кого на сессии и, если вы позволите...

А л е к с е й. Спасибо. Преждевременно. Ваша дочь заронила в меня другие планы.

В е р а А р т е м ь е в н а. О планах потом, потом. Они просят меня поиграть им... Хотите немножко музыки, Алексей? *(Аннушке.)* Пойдемте наверх, маленькая советчица.

А н н у ш к а *(пряча лицо)*. Я только умыться сбегаю.

В е р а А р т е м ь е в н а. Ну, ваших веснушек вы все равно не смоете. Занимайте место на диване.

Все смотрят, как Аннушка, спотыкаясь, поднимается по лестнице.

У этой девочки хорошее сердце, Алеша. Правда?

Алексей *(рассеянно)*. Да... и сердце. Вы начинайте, мне надо звонить в институт. Там началось вскрытие Лилианы. Мы придем попозже... с Кирой.

Вера Артемьевна идет наверх с Ладыгиным, который задерживается на верхней площадке. Свеколкин взял за плечи Алексея.

Свеколкин. Вы строгий человек, Алексей Иванович. Сына всегда хотел иметь такого.

Алексей молча кивнул в ответ.

Наверно, завтра уже опубликуют постановление правительства о премиях. А это уже радость. Ну, идите... расскажете потом.

И, проводив Алексея взглядом, он идет к Ладыгину.

Ладыгин. Паша, есть важный разговор.

Свеколкин остановился.

Ты уже держись, Паша, этой роли до конца. Тем более что у тебя здорово получается. Ты просто артист!

Свеколкин. Ты это про какую роль, Дмитрий Романович?

Ладыгин. Алешка же полагает в душевной простоте, что ты и в самом деле важный гусь. Было бы жестоко, если бы ты теперь раскрылся вдруг.

Свеколкин. А!.. Уж я постараюсь, Дмитрий Романович.

Вера Артемьевна сыграла вступительные такты.

Пойдем, пойдем, а то хозяйка обидится.

Они ушли. Домашний концерт начался: торжественная, как гимн наступившему дню, музыка наполняет дом. Когда первая буря затихает, из сада приходит Кира, которая ведет за руку упирающуюся Констанцию.

Констанция. Итак, ты просишь меня, гордыня?

Кира. Да.

Констанция. Нет, не так. Ты ласково попроси свою мамочку.

Кира *(сквозь зубы)*. Прошу.

Констанция *(расположась в кресле)*. Так вот, дружок: весь этот спектакль задуман для тебя одной.

Кира безотрывно смотрит в лицо матери.

Он намекал вчера, что будет важный разговор... видимо, насчет свадьбы. А перед этим тебе прикалывают крылышки и кладут под микроскоп.

Кира. Не понимаю...

Констанция. Словом, они делают вид, что премии никакой нет... и даже наоборот.

Кира. Но Аннушка слышала сама...

Констанция *(перебивая ее)*. И Аннушка! Им всем интересно, как ты поведешь себя при этом. Останешься с ним — все равно любить его после такой гадости ты не станешь. Уйдешь — скажут: низкая, нужды испугалась.

Кира *(с недоверчивой полуулыбкой)*. Ты путаешь что-то.

Констанция. Давеча, совершенно случайно, я слышала сама, как Вера сговаривалась с Парашей вызвать Алексея к телефону и устроить весь этот адский переполох. *(Стуча пальцем в стол.)* О, Верочка!.. После смерти твоего отца это я приютила тебя с твоей несчастной матерью. И я хотела мирно жить с тобою, но ты разбудила дьявола во мне. Хорошо, тетя принимает твою игру!

Кира *(с какой-то надеждой)*. Конечно, Алексея не было при этом?

Констанция. Нет, он был.

Кира. Был!.. Но он не хотел, он возражал, он спорил?

Констанция. Кажется, он курил папироску... Потом я побежала за тобой. Они ведь могли толкнуть дверь.

Кира. Однако какой же разговор о премии: постановление-то еще не состоялось!..

Констанция. Ах, мой друг... ну, значит, твой экзамен переносится на завтра. И имей в виду, что этот Алексей способен и вовсе отказаться от премии. Скажешь, кто же отказывается от личного счастья? О-о, эти, нынешние, они могут всё. Они ломают по сорок норм, не спят по десять суток и еще улыбаются при этом! *(Вслушиваясь в музыку.)* Боже, что она играет? Такое знакомое — и не могу вспомнить. *(Она негромко вторит мелодии Веры Артемьевны.)* Будь я на твоем месте, я была бы осторожна до поры. В чужом доме нельзя быть

красивей молодой хозяйки. Я б ему ежеминутно хвалила его талант, артисты это любят. Потом я разрыдалась бы и позволила бы ему себя утешить. И наконец: «Верочка, не пугайся, ничего особенного. Митя любит меня!..» А, вспомнила! Это самое играли давно-давно, когда я познакомилась с твоим отцом. Как хочешь, я поднимусь. Хочу вспомнить молодость.

Кира *(остановив ее уже на лестнице)*. Отец был добрый и умный человек. Как могло случиться, что он женился на тебе?

Констанция. Ах, милочка, он просто не заметил!.. Ну, пей свою желанную судьбу. Не проглоти иголку, которая на дне ее лежит!

Она ушла. Кира неподвижна: она не меняет положения, даже когда приходит, с плащом на руке, Алексей. Они молчат, и так проходит некоторое время.

Алексей. Как я ждал, что вы подойдете ко мне... хоть с каким-нибудь теплым словом, Кира.

Кира. Вы были с этой... девчоночкой. Я не хотела прерывать вас.

Алексей. Это правда. Все кругом мысленно жали мне руку. Все, кроме вас. Я не думал, что вас так отпугнет мое несчастье.

Кира. Как смешно: самое главное еще не сказано, а уже семейная сцена. Мы начали нашу жизнь не с того конца, Алексей.

Алексей. Но было бы поздно упрекать вас через год, когда я стану вашим мужем.

Кира *(иронически)*. Так скоро?.. Вы торопливы, Алексей.

Алексей. Да... мне хотелось, чтобы вы хоть немного привыкли к моей работе. И целый месяц была больна Лилиана.

Кира. Каждый раз она встает между нами, эта знаменитая Лилиана!.. У меня уже нет сил бороться с нею. *(Горько.)* Ну, хоть опишите мне мою соперницу. Красивая она, по крайней мере?

Алексей *(очень тихо и строго)*. Очень. У нее была сильная, несколько сутулая спина и маленькая волосатая грудь. На мой взгляд, это самый гениальный из приматов. Сей-

час я еду к ней на последнее свиданье. Там начинается вскрытие.

И, тронутая суровостью его признания, Кира машинально движется к нему.

Не ревнуйте меня к ней. Она уже мертвая.

Кира. Простите, я не хотела обидеть ваше горе. Я все ждала, когда вы начнете... это.

Алексей *(улыбнувшись).* Тот разговор? О, я не спал эту ночь, и у меня несвежая голова. Разговор мы отнесем на завтра. *(Он уходит в сад и обернулся с полдороги.)* Но я буду драться за вас... с вашей матерью, с дьяволом, с вами самою, наконец. Потому что даже слепую я люблю вас, Кира!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Ночь, пронизанная сиянием августовских звезд. И глаз не сразу угадывает очертания этой просторной площадки в ладыгинском саду; она почти нависла над обрывом, откуда крадутся наверх молодые елочки. Вдалеке за ними, в тумане и росе, мерцает излучина реки. Совсем не видно, кто говорит и кто отвечает; и вообще сначала только ровная трескотня кузнечиков. Позже, когда слева, в стене дачи, затянутой хмелем, засветится окно, яркий сноп света выхватит из мрака высокий жердистый столб с фонарем, скрытый в ветвях деревьев, крашеный круглый стол, врытый в землю, и такую же скамейку, Ладыгина на ней и Свеколкина в шезлонге.

Из дома глухо доносится радиомузыка.

Ладыгин. Черт, и газет не несут, и Алешки нету. Неизвестность. Ну, бери же, рука держать устала!

Свеколкин. Постой... что это ты мне суешь?

Ладыгин. Возьми, закури хорошую сигару. Кассиры таких не курят. Рад я, Паша, что сбылось и мы сидим с тобой, как прежде. И сквозь туман кремнистый путь блестит, и звезды... Множество. Бери, бери... сигары хорошо от комаров!

Свеколкин. Нет, уж я лучше папироску, Дмитрий Романович.

Вспыхнувшая спичка озаряет его лицо и протянутую с ящиком руку Ладыгина.

Ладыгин. Слушай, пират... а откуда тебе известно, что постановление уже напечатано?

Свеколкин. Мне там один кассир знакомый из газеты

передавал. А уж кассиры всё знают. Да ты не волнуйся за Алексея Ивановича. Тут дело верное.

Ладыгин. А может, по телефону все-таки позвонить?

Свеколкин. Потерпи, может, по радио сообщат.

Ладыгин. Такое состояние, точно сам экзамен держу...

Кто-то подходит к ним со стороны дачи.

Вот и квасок приехал. А стаканы захватили, Параша?

Звякнули стаканы, поставленные на стол.

Вера Артемьевна. Что же вы здесь в темноте сидите?

Свеколкин. Ждем нашу днепровскую луну...

Ладыгин. ...однако не торопится, старуха.

В открытом окне отвели штору. Яркий свет хлынул на площадку.

Я же просил, просил не зажигать... Потушить в доме свет!

Вера Артемьевна. Ты уж не мешай им, Митя. Они опять с твоей картиной занялись. Надо же повесить наконец твое сокровище.

В окне стоит Параша; ее огромная тень качается на кронах деревьев.

Не закончили еще, Параша?

Параша. Дмитрий Романович шуметь запретили, а нам бы еще разочка три стукануть. Опасаемся, как бы не сорвалась она с крюка.

Ладыгин. Хорошо. Стучите... Два раза.

Параша скрылась. Слабый свет сочится в щель шторы. Следуют с большим промежутком два глухих полновесных удара и один маленький.

Непорядки, Верочка. До самой ночи нет газет.

Вера Артемьевна. Видимо, письмоносец заболел. *(Свеколкину.)* Митя ужасно волнуется: наградят Алексея или нет.

Свеколкин. Он его нянчил, на коленях держал, растил...

Ладыгин. Вера, а если Парашу на станцию послать? Может, продаст кто-нибудь газету?

Вера Артемьевна. Гнать человека ночью за четыре километра... это неудобно, Митя. Она работала весь день. Я звонила туда. Алексей давно выехал. Возможно, он уже на пароме стоит.

Ладыгин. А ну, дай-ка я гаркну ему. *(Во весь голос, в сторону реки.)* Алексе-ей... Алешка!

Тишина, эхо, кузнечики трещат.

Нету. Радио не выключать. Стол до моего сигнала не готовить.

Вера Артемьевна. Закрой пока горло, Митя. Застудишь ты свой огромный бас! *(Своим шарфом она обернула шею Ладыгина и ушла.)*

Свеколкин. Крепкая у тебя хозяйка: капитан. Она тебя бережет.

Ладыгин. Н-да, она меня... этово... бережет.

Свеколкин. Моя умерла... Помнишь, когда мы сидели на обрыве, девушка пришла к ужину звать, рыженькая такая?

Ладыгин. Прости, забыл. Вот не помню даже, были тогда сверчки или нет. Даже себя прежнего забыл... Только голос свой помню. А, наверно, я забавный был тогда?

Свеколкин. Ты уходил от меня в жизнь длинный, неуклюжий, басовитый, почти нищий. Я тебе чемоданчик на дорогу предложил, но ты ответил, что судьба мира лежит в твоей берестяной кошелке. Гордо так сказал... Цела еще кошелка-то?

Ладыгин. Валяется где-то в чулане.

Свеколкин. На дорогие игрушки разменял ты ее. А ведь ты артист. Народ твой ежедневно смотрит на тебя.

Ладыгин. Ну, артиста надо спереди смотреть... кто же смотрит артиста сзади!

Свеколкин. А разве, становясь артистом, ты перестал быть человеком, Митя? Или ты собираешься тащить всю эту ветошь с собою в будущее? Там, на свету-то, за каждое пятнышко стыдно будет.

Ладыгин. Значит, там уже не будет искусства?

Свеколкин. Там оно хлынет в улицы, чтобы украсить самую жизнь. Помнится, возвращался я раз с одного конгресса морем и решил побывать в Афинах...

Ладыгин. Минутку, Паша! *(Он зажигает свет на столбе и обходит площадку.)* Никого нет... чего же ты мне одному-то заливаешь? И вообще, слушал я, как ты лихо с Алешкой о какой-то барбитуровой кислоте разговариваешь...

Свеколкин. Есть такая, это веронал. Ну!

Ладыгин. И вкралось в меня одно подозренье.

Свеколкин. Наконец-то, догадливый человек!

Ладыгин *(хитро)*. Скажи... а ты не родственник будешь тому ученому, известному Свеколкину, который на сессии выступал и который в экспертной комиссии по премиям, а?

Свеколкин. Промахнулся, Дмитрий Романович. Нет... я ему не родственник.

Ладыгин. Так откуда же ты нахватался столько, пират?

Свеколкин. А видишь ли... у них кассир есть в институте. Так вот, жены его свояченица соседкой нам приходится по улице. Вечера-то у нас длинные, а бабенка болтливая... Ну, слушаем ее да вникаем!

Ладыгин *(недоверчиво)*. Что-то больно много кассиров у тебя знакомых.

Свеколкин. Постой... кажется, наша луна восходит.

Они встают и молчат. Голубоватый свет заливает заречное пространство. Потом из дома слышны голоса, шум, беготня, из-за угла показывается взволнованная Параша, а несколько спустя и Вера Артемьевна.

Параша. Дмитрий Романович, Дмитрий Романович... ой, даже сердце замерло!

Ладыгин. Опять кто-нибудь свалился?

Параша *(торопливо)*. Только мы ее на крюк-то подняли... я еще подергать собралась, крепко ли висит. А тут и слышим: Ладыгина по имени называют... да отчетливо так. Враз меня ровно знойким ветром прохватило...

Вера Артемьевна. Кричи «ура», Митька! Только что по радио сообщили. И Алексей на четвертом месте.

Ладыгин недоверчиво молчит.

Дай я поцелую тебя...

Свеколкин. Позволь и мне поздравить тебя, друг. Спасибо тебе за твоего питомца.

Ладыгин. Вот оно, чего я ждал. Ну, выпускаю тебя в жизнь. Выше, выше всех летай, Алешка!

Вера Артемьевна. И как странно, Митя: Кира рядом сидела. Даже не шевельнулась... только лицо вдруг померкло. Неужели ей не приятно? Такие деньги...

Параша. Да тут от радости очумеешь, Вера Артемьевна. Счастье-то! Перед всем народом спасибо человеку сказали... Что с ледника-то нести?

Вера Артемьевна. Все, что в доме есть, все на стол.

Параша убежала.

Ладыгин. Свет!.. полный свет зажечь в доме... в гараже, в погребе, везде. И напьюсь же я с тобой, Алешка!..

Встретить его как-нибудь почудней. Постойте, я с вами вместе пойду.

Все ушли, кроме Свеколкина. Из-под обрыва слышен хруст сучьев. Свеколкин подходит к краю. Целиной, пробираясь сквозь кусты и елочки, поднимается Аннушка. Наткнувшись на отца, она тяжело дышит и вдруг, подняв голову, счастливо смеется.

Свеколкин. Ой, ноги мокрые, чулки изодрала... Откуда ты такая, Аннушка?

Та не в состоянии вымолвить и слова.

Разве можно бегать так, дочка! Сердчишко-то на весь мир стучит.

Аннушка *(через силу)*. Я... я со станции... газету доставала. *(Слышно ее загнанное дыхание.)* Еле выпросила... соврала, будто я и есть его невеста.

Свеколкин. Что же там, Аннушка, в газетах-то?

Аннушка. На!.. *(Тормоша за локоть отца.)* Доставай свои очки...

Свеколкин. Я уж в глазах твоих прочел. Там полностью отпечаталось. А я думал, свернулась ты где-нибудь клубочком...

Аннушка. Он уже едет! Только у него что-то в машине сломалось. Я у мостика обогнала. Я лугом, прямо через кусты махнула. Бегу, бегу, потанцую... и опять бегу!

Далекий автомобильный гудок. Свету в доме прибавляется. Скрипит передвигаемый стол: слышен нетерпеливый голос Ладыгина: «На костылях вы, что ли, черти плисовые!»

Сейчас в ворота въедет. Пойдем встретим его у речки, а?

Свеколкин. Это неудобно, Аннушка. Встретить его должна другая.

Ведя ее к скамейке.

Мы с тобой тут посидим.

Аннушка *(рванувшись)*. Я только газету им отнесу.

Свеколкин *(удержав ее)*. Все уже знают, Аннушка. Тут по радио без тебя передавали.

Газета скользит из ее рук на землю.

Аннушка. А там хорошо сейчас, внизу. Сеном пахнет... и птицы какие-то под кустами разговаривают. Пойдем!

Свеколкин. Ну, птицы теперь дрыхнут. Это лягушки под кустами балакают. Чему же ты обрадовалась-то, дочка?

Аннушка прячет лицо у него на плече.

Не отец твой, не брат премию получил, а чужой дядя с дальней стороны... *(Испытующе.)* Нам-то от того какая прибыль?

Она молчит. И вот возникает веселый шум, возгласы и приветствия: встречают Алексея на веранде. Слышно: «Алексею Ивановичу ура!..», «И мне, и мне дайте его обнять...» — а громче всех ладыгинский бас: «Ты ж Клод Бернар, ты ж Клод Бернар, Алешка!»

Аннушка *(тихо)*. Это ничего, что нас там нету?

Свеколкин. Им не до нас теперь. Мы с тобой люди посторонние. К тому же завтра мы уезжаем отсюда.

Аннушка. Уже... завтра?

Свеколкин. У них начнется свадебная суматоха, переезд на новую квартиру... Мы будем только мешать. Ты поселишься пока в общежитии, я уже договорился с директором.

С веранды доносится новый взрыв голосов и звон бокалов.

Аннушка. Никогда еще не пила вина. Наверное, горькое, да?

Свеколкин. Бывает и сладкое вино.

Шум приближается.

Они сюда идут. Возьми себя в руки... ты ничего не знаешь!

Аннушка послушно кивает в ответ. Из-за угла, в сдвинутой на затылок шляпе, возбужденный вином и поздравлениями, выходит Алексей; поодаль Кира. Позади всех Параша несет поднос с налитыми бокалами, а впереди, точно она и есть виновница торжества, Констанция.

Констанция. Мы ищем их, а они тут секретничают, пустынники. Налей им тоже, Кира, доверху.

Алексей. Поздравьте меня с большой радостью, мои друзья.

Кира *(держа бокалы)*. Все пьют до дна!

Свеколкин *(принимая бокал)*. Поскольку настоящего не испортишь похвалой... Словом, горжусь, что видел вашу молодость, и хочу дождаться полной зрелости вашей.

Алексей. От речей я уже сбежал из института. *(Аннушке.)* Как видите, случается шум и в нашем скучном деле.

Аннушка искусно играет непонимание.

Кира. Поздравьте его, Аннушка. Он получил большую награду.

Аннушка. О... вы, наверно, обрадовались?

Алексей. Очень, Аннушка. Они мне крайне пригодятся, эти деньги.

Аннушка. Сколько вы теперь купите красивых вещей... зеркала и люстры. Только ковров не покупайте, их моль ест.

Алексей пристально посмотрел на Аннушку, обманутый детским тоном ее восхищения.

Вы даже сможете купить огромный дом с глухими воротами и цепной собакой... И она будет лаять на весь мир!

Констанция *(властно)*. Ну, на дачу может и не хватить. Дачу мы оставим до следующего раза.

Хмуро, даже не чокнувшись с Аннушкой, Алексей хочет поставить бокал на поднос и тут встречается взглядом с Парашей.

Алексей. А вы сами так и не поздравили меня, Параша. Пожелайте мне что-нибудь, за что вина не жалко.

Параша. Ой, не уронить бы мне угощенье-то! *(Перехватив в левую руку поднос, она правой берет бокал. Очень просто.)* Работайте так, Алексей Иванович, чтоб людям еще краше стало на свете жить.

Алексей признательно пожимает в кисти Парашину руку.

Ладыгин *(из окна)*. Павел, иди помоги нам. И покуда все не будет устроено, Алешку не пускать!

Свеколкин уходит, унося Аннушкину газету. Аннушка нерешительно движется за ним.

Алексей. Аннушка, куда же вы? Вы нам не мешаете, Аннушка!

Кира. Верните ее! Она стесняется, бедняжка.

Алексей догнал Аннушку только за углом. Тем временем Констанция приблизилась к дочери.

Констанция *(тихо)*. Теперь держись, дружок. Сейчас начнется твое испытание. У него такие торжествующие глаза!

Кира. Этого не будет.

Констанция. Ты увидишь сама. Но что бы он ни сказал, молчи. Я проучу его сама.

Алексей возвращается, ведя за руку Аннушку.

Алексей. ...и вообще, не могу уловить, что в вас изменилось со вчерашнего дня. Вы совсем другая стали.

Аннушка. Наверно, заспанная? Я в гамаке дремала, когда вы приехали.

Алексей. А разве не вы бежали давеча перед машиной? Я даже остановился у мостика, кричал вам, когда вы свернули...

Аннушка *(насмешливо)*. Вы, кажется, думаете, что это я к вам на дорогу выбегала?

Алексей. Нет, с какой стати. Но я отчетливо видел, как белое платье мелькнуло в фарах и пропало. Я и решил...

Констанция. Здесь есть и другие в светлых платьях!

И тогда взоры всех невольно обращаются к Кире.

Кира *(смущенно)*. Но я тоже все время была дома. Верочка может подтвердить.

Констанция. Что же здесь стыдного, если ты поспешила встретить жениха? Любая на твоем месте поступила бы так же.

Отойдя от Аннушки, которая остается в тени дерева, Алексей молча целует руку невесты и опускается в шезлонг.

Расскажите же, мой друг, если это не секрет... как началось ваше открытие.

Откинувшись к спинке, Алексей закрывает глаза.

Кира *(тихо)*. Принести вам подушку, Алексей?

Алексей. Спасибо, мне хорошо и так. *(И, наугад поймав ее руку, он уже не выпускает ее из своей руки)*. В южных приморьях проживает один гадкий москит, который разносит лихорадку. Его зовут флеботомус.

Констанция *(мигнув дочери)*. Ты слышишь, Кира? Флеботомус!

Алексей. Мы долго искали его в плавнях, ловили его родню и тысячи этого зверья растерли в ступках. Но сам преступник, этот коричневый двукрылый комар, по-прежнему валил с ног рыбаков, выводил из строя наших моряков и звенел у нас над ухом. *(Увлекаясь этой импровизированной лекцией.)* А есть у нас одно научное положение, так называемая триада Коха...

Он открывает глаза и видит сладкий и плохо скрытый зевок Констанции.

Констанция *(сконфуженно поглаживая губы)*. Какая гадина, а? ф-флеботомус... Я готова его проткнуть первым попавшимся предметом!

Алексей *(сразу охладев)*. Словом, это длинная история. Завтра я отыщу вам мою статью, и вам все станет ясно. *(Уже одной Кире.)* Какая это отличная вещь — затишье после законченной работы!

Констанция. Но можно ли так изнурять себя... перед самой свадьбой, мой мальчик!

Кира *(сдержанно)*. Мама, давай послушаем ночь.

Констанция. Ночь вы послушаете потом, а пока надо обсудить, куда вам отправиться после свадьбы. В свое время настоящие люди уезжали за границу. Хозяин, у которого служил Кирин папа, всегда после свадьбы уезжал за границу. Они там смотрели природу, поправлялись, мыслили... Конечно, теперь это отпадает. По сравнению с нынешней заграницей братская могила покажется курортом!

Кира. Ты помогла бы Вере по хозяйству, мама.

Констанция. Я знаю, ты обожаешь море. Это красиво, конечно, поселиться в уединенном домике возле самого прибоя... И все-таки я посоветую вам длительную пароходную прогулку. *(Мечтательно.)* Вообразите: вечер, и шлепают колеса по аметистовой воде, и хочется грезить о чем-то несбыточном... Кроме того, всегда свежая питательная рыба. Вы любите рыбу, Алексей?

Алексей. На реке я больше всего люблю тишину. Когда молчат, люблю.

Констанция. У нас с вами одинаковые вкусы, мой друг.

Алексей *(сердясь)*. Я хотел сказать, что вряд ли мы поедем куда-нибудь после свадьбы. У меня много срочной работы, и, наверно, я буду очень занят эти... ближайшие тридцать лет.

Констанция. Мы можем уехать с Кирой вдвоем, вы догоните нас попозже!

Кира. Мама... Алексей хочет отдохнуть.

Констанция. Боже, а я о чем докладываю? Имейте в виду, когда вы получите на руки эту сумму, я не позволю вам ее транжирить. О, все влюбленные расточительны. *(Со вздохом.)* Я займусь ею сама... Надо, чтоб ее хватило как

можно дольше... чтобы жить месяц, два, даже полгода и ничего, ничего не делать, а только отдыхать!

И, видя, как круто меняется настроение Алексея, Кира делает решительную попытку предотвратить начинающийся скандал.

Кира. Мне холодно. *(Поднявшись.)* Пойдемте в дом, Алексей.

Алексей. Простите, я не догадался раньше... *(Он накинул свой пиджак на плечи Киры и бережно, но настойчиво возвращает ее на место.)* Останьтесь ненадолго. Кажется, ваша мать неправильно истолковала мою радость. *(Констанции.)* Вам не придется взваливать на себя эту обузу. Я уже нашел назначение для этой... внезапной суммы. Их уже нет у меня, этих денег.

Общее движение. Констанция победительно взглянула на дочь.

Констанция. Ты слышала? У него уже нет этих денег!

Кира *(напряженно улыбаясь)*. Куда же вы дели их? Вы бросили их в воду?

Алексей. Нет, но можно считать, что я уже истратил их. Сегодня утром.

Констанция *(притворно всплеснув руками)*. Кира, он отказался от премии... Еще не поженившись, он уже разорил тебя, этот молодой человек!

Алексей. Я не отказывался от премии.

Констанция. Вы потеряли их?.. Но где, где?! Я сама туда поеду, я пешком пойду... Принеси мне мою накидку, Кира!

Сбитый с толку ядовитой иронией Констанции, Алексей выжидательно молчит.

(Резко меняет тон.) О, я догадалась... Алексей Иванович купил тебе свадебный подарок, он у него в кармане. *(Нежно.)* Не мучьте нас, покажите же нам его наконец!

Кира. Не беснуйся, мама. Пусть он сам объяснит... свою шутку.

Алексей. Я не шутил, Кира. В жизни мне нужно только то, что необходимо для работы. И, кроме работы, у меня нет ничего на свете.

Констанция. Кроме работы, у вас будет еще жена!

Алексей. Я полагаю, что моей жене, как и мне, не нужны... *(искоса взглянув на Аннушку)* ни зáмки с цепными собаками, ни вещи... которым место в музеях.

Констанция. Пора оставить эти старые замашки, Алексей Иванович. Слава богу, мы, хоть и слабые существа, тоже имеем свой голос. Мы, женщины, с боями завоевали это право. Что требуется вашей жене, она скажет сама...

Молчание. Вера Артемьевна пришла звать Алексея.

Вера Артемьевна. Ну, у них почти все готово. Они оба ужасно смешно нарядились. *(Обведя всех взглядом.)* Митя там целую феерию поставил...

Никто даже не оглянулся на нее.

Алексей. Меня пугает ваше молчание, Кира.

Кира *(растерянно)*. Простите, Алексей... я все не могу понять, что именно здесь происходит?

Аннушка делает шаг вперед. Вера Артемьевна предупредительно задержала ее за плечо.

Констанция *(вызывающе)*. Как же ты не понимаешь, Кира! Алексей Иванович даже к выбору невесты подходит научно. *(Ее голос звенит.)* Он кидает под стол трехрублевую бумажку и смотрит в щелку, не стянешь ли ты ее украдкой...

Аннушка *(Вере Артемьевне)*. Остановите ее, она их поссорит!

Констанция *(жестко)*. Дети молчат, когда говорят взрослые... *(Кире.)* А когда ты протянешь руку за этой бумажкой, он тебя за руку-то хвать!

Аннушка *(кидаясь к Констанции)*. Как не стыдно вам, вы... старая женщина! Алексей Ладыгин хороший, хороший... Он лучше всех, лучше всех нас!

Констанция. Вполне допускаю это, девочка. Но учитесь скрывать свои желания. Вам самой угодно замуж за этого знаменитого молодого человека?

Смятение. Все переменили места. Алексей стал очень прямым и строгим. Аннушка отшатнулась, как от удара.

Аннушка *(захлебываясь словами от боли)*. Злая, самая злая на свете! Смотрите, какое у ней старое, опытное, какое у нее черное лицо...

Вера Артемьевна. Аннушка! *(Схватив чей-то бокал со стола.)* Возьмите, отпейте глоток... Ну немножко отпейте.

Бокал расплескался. Аннушка никого не видит, кроме Констанции.

Аннушка. Дайте же нам жить, черные люди. Уйдите, уйдите!..

Вера Артемьевна. Успокойтесь, Аннушка, успокойтесь. И я, и Митя, и Параша... все вас любят в этом доме. *(Алексею.)* Дайте ей что-нибудь попить... она вся дрожит.

Аннушка *(уже тише)*. Как ей жить среди нас не стыдно!

Молчание, кузнечики трещат. В замысловатом тюрбане, скрученном из бархатной скатерти, торжественно и до чрезвычайности невпопад в окне появляется Ладыгин.

Ладыгин *(ударив в медное блюдо и на мотив варяжского гостя)*. Веленьем визиря и солнца справедливости приказано Алешку привести...

Вера Артемьевна *(ровным голосом)*. Уйди, Митя. И притуши свет. Чего вы там иллюминацию не ко времени устроили!

Ладыгин *(виновато сдирая тюрбан с головы)*. Вино киснет, понимаешь, и мухи на закуску садятся.

Вера Артемьевна. Уйди. И не пускай сюда ее отца.

Ладыгин быстро опускает штору. Констанция шумно пьет у стола; в эту минуту ей почти тесно на сцене. Свет в доме то здесь, то там постепенно убавляется.

Констанция. Тебе придется выбирать между твоими гостями, Верочка!

Вера Артемьевна *(гладя по голове Аннушку, затихшую у нее на плече)*. Хорошо, тетя Констанция.

Констанция. И завтра же, мой друг! *(Алексею.)* Если вам не угодно было вступиться за мать вашей невесты, может быть, вы хоть объясните ей вашу гадкую шалость?

Алексей. Я не ждал, что вас так огорчит мой поступок.

Констанция *(дочери)*. Слышала?.. Он уже раскусил свой поступок. *(Алексею.)* Еще, Алексей Иванович, еще пошарьте внутри. Может быть, там найдется и человеческое слово!

Поочередно переводя взгляд с одного на другого, Алексей ищет разгадки происходящему, и никто не смотрит на него в эту минуту.

Кира. Теперь дай и мне сказать, мама.

Она поднимается. Пиджак Алексея соскользнул с ее плеч на землю. Веру Артемьевну пугает надвигающаяся развязка.

Вера Артемьевна. Ты бледна, Кира. Лучше бы на завтра отложить этот разговор...

Слышен дальний гудок автомобиля.

Кстати, кто-то едет к нам.

Кира. Мы успеем закончить, Верочка. *(Алексею.)* Я знала... еще вчера узнала я, что вы задумали со мною. Я тысячу способов за ночь перебрала, в какую же форму вы облечете свой опыт. И я думала: разве мало ему Лилианы, чтобы и на мне изучать темные людские болезни... *(Почти спокойно.)* Скажите, она тоже кричала, как я, смотрела вам в глаза, просила о пощаде, когда вы делали над нею... это?

Вера Артемьевна. Кира! Не торопись с последним словом, Кира.

Кира. Да, мы поторопились... И мне уже расхотелось. Я не умею и мне не надо быть вашей женой, Алексей Ладыгин. *(Тихо.)* Я устала, Алексей.

Она медленно уходит. Констанция движется за нею.

Не ходи за мною, мама.

Констанция. Только деревянный истукан может тебя оставить в такую минуту.

Вера Артемьевна *(быстро, Алексею)*. Догоните, объясните ей, что вы пошутили.

Алексей *(все еще не понимая)*. Кира, вернитесь. Кира!

Констанция *(становясь на его пути)*. Поздно, Алексей Иванович. Роза, когда ее срубают заступом под корень... вы думаете, она едет в санаторий, чтобы пить ваши обезьяньи лекарства? Она осыпается и умирает, молодой человек!

Она торжественно удаляется за дочерью. Алексей один остается на обрыве.

Параша *(в окно, тихо)*. Гости едут, Вера Артемьевна. Уж на пароме стоят. Может, сделать вид, что спать легли?

Вера Артемьевна. Всё в порядке, Параша. Пусть их встретит Митя.

Параша скрылась. Вера Артемьевна подняла за подбородок Аннушкину голову.

Ну, все еще болит, Аннушка?

Аннушка. Заживет... Какую хорошую ночь испортили!

Вера Артемьевна. Каждый держит свое счастье

в ладонях. И не надо его ронять на землю. А то подымут другие.

Она идет с нею к скамейке.

Слушайте-ка, деревянный истукан... дайте нам ваш пиджак.

Алексей подошел рассеянный и волоча пиджак за собою.

Итак, вы все-таки решили взглянуть на просвет свое вино? Не жалейте, Алексей. Вам нужна другая жена, как у Вирхова, у Пастера, жена-друг, помощница-жена. *(Укрывая пиджаком Аннушкины плечи.)* А если в вино попала муха, надо выплеснуть и налить другое!

Свет фар, пробившись сквозь кусты, обегает площадку.

Вы посидите тут, а я пойду встречу гостей.

Отложив пиджак, точно он жжется, Аннушка поднялась за нею. Вера Артемьевна уходит.

А вам зачем, Аннушка?

Аннушка. Вещи укладывать. Уж раз наскандалила, надо уезжать.

Вера Артемьевна. Никуда вы не уедете, пока не уедут другие. У нас места много!

Аннушка. Я не хочу.

Вера Артемьевна. Но вы даже не знаете, что я собираюсь вам сказать.

Аннушка. Все равно не хочу...

И, не умея скрыть невольной своей радости, она убегает. Ладыгин, вышедший из-за угла, еле успевает посторониться.

Ладыгин *(Алексею)*. Там к тебе поздравители из института нагрянули. Пойдешь?

Алексей. Я давеча удрал от них. *(С усмешкой.)* Я так торопился к своей невесте. Что же случилось-то, Верочка?

Вера Артемьевна. Они решили, что это проверка.

Алексей. Кому же я обязан... кто устроил все это?

Вера Артемьевна. Вы сами! Но можно было сделать это незаметно, а вы решили в упор и при всех.

Алексей. Но я действительно истратил эти деньги.

Ладыгин *(обиженно)*. Ну, Алексей... мы же не собираемся с Верой просить у тебя взаймы! *(Вскользь, жене.)* Иди пока к гостям, а то неудобно.

Вера Артемьевна уходит.

А л е к с е й. Мне потребовалось израсходовать эти деньги у себя в институте. Имел я на это право, дядя Митя?

Л а д ы г и н. Но ты же знаешь, как правительство относится к твоим работам. Если нужно, попроси, тебе дадут. Это же дело государственное!

А л е к с е й *(уже сердясь)*. Ну, у моего правительства сейчас много и других расходов... тебе не кажется?

С в е к о л к и н с д о ч е р ь ю показываются на краю площадки.

Иду, иду! Извини за поученье, но... ни черта у нас не получится, если дела государственные не станут нашими личными делами. Эх, дремучее ты мое дядище! *(И, дружески хлопнув дядю по плечу, торопливо уходит.)*

С в е к о л к и н *(Ладыгину)*. Ступай и ты, гости требуют хозяев.

Ладыгин виновато уходит.

Куда же ты меня тащишь, дочка?.. От самого веселья.

А н н у ш к а. Встань здесь. Ну... посмотри на меня хорошенько.

С в е к о л к и н. Посмотрел. Дальше?

А н н у ш к а. Еще, еще посмотри... *(С надеждой.)* Скажи, смешная я? Неуклюжая, правда?

С в е к о л к и н. Это от молодости, Аннушка. К сожалению, это проходит.

А н н у ш к а. А знаешь... она, по-моему, тоже не такая уж красивая. У нее только глаза хорошие. И волосы тоже ничего...

С в е к о л к и н. Нет, Аннушка. Она очень красивая. Побеждай свое сердце. *(И, видя ее огорченье, торопится приласкать ее.)* И волосы отличные у нее. Но твои мягче!

А н н у ш к а *(вдруг рассмеявшись)*. Помнишь, Дмитрий Романович пел третьего дня: «люди гибнут за металл». *(Секретно.)* Алексей Иванович сделал вид... ну, для проверки!.. будто он истратил эти деньги. А им жалко стало, они начали кричать на него. Да я бы халаты пошла стирать к нему в институт, чтобы только возле него учиться, учиться... *(спохватившись)* если бы, конечно, он хоть чуточку нравился мне!

С в е к о л к и н. Они обе на него кричали?

А н н у ш к а. Нет, только старуха... Она, как крапива, жглась и своего добилась: они разошлись. Нет, он ее не любит, не любит, не любит.

Свеколкин. Он ее очень любит, Аннушка. И ты это знаешь лучше всех.

Аннушка. Но разве можно этим испытывать любимую!

Свеколкин. А если он не испытывал ее, а действительно купил... ну, материалы, необходимые ему для работы. А ей почему-то показалось, что он неправду сказал. Не поняла, обиделась... похоже? Видишь, как просто все разгадывается.

Аннушка. Все равно, уж последнее слово сказано.

Свеколкин. Ну, в этих делах за каждым последним всегда найдется местечко для самого последнего. *(Бережно.)* Тебе не хочется найти ее сейчас и объяснить ей ее ошибку?

Аннушка неуверенно качнула головой.

А если бы ты, скажем, нашла на дороге счастье. Большое, нарядное... и чужое. Разве ты унесла бы его с собой, чтобы закопать у порога... или украдкой стала бы примерять на себя? Нет, ты б до утра ходила, спрашивая даже лесных зверюшек: не вы ли, маленькие, мохнатые, не вы ли обронили ваше счастье?

Аннушка пытается пальцами охладить свои горящие щеки.

Ступай, отнеси ей твою находку, Анна.

Аннушка покорно отправляется в путь и по дороге без сил припадает спиной к дереву.

Аннушка. Я не могу... я притворяться не умею.

Свеколкин. Ой, конфузно как. На первую же роль силенок не хватает. *(Подойдя ближе.)* А как же ты на настоящей сцене станешь играть? Тебя оденут в чужое платье, дадут чужое имя, горе вложат чужое в твое маленькое сердечко... И тысяча очень строгих, большими делами занятых людей станут судить тебя за чужую вину... а?

Аннушка *(еле слышно)*. Увези меня отсюда, папка... Сейчас!

Свеколкин. Куда же мы на ночь-то глядя? Да и билет себе я только на завтра заказал. Ладно, пойду сам искать счастливую соперницу твою!

Не видно, где они разошлись, потому что луна уже скрылась, и ночь почти вернулась на свое место. Только фонарь тускло светит в высоте, раскачиваемый ветерком, и тени ветвей колеблются по земле. Через сцену проходит Кира; она находится на середине, когда, распахнув занавеску, Вера Артемьевна всматривается в темноту.

В е р а А р т е м ь е в н а. Это ты, Кира?.. Параша пошла на ледник и пропала.

К и р а. Не видала! *(Жмурясь от света.)* Никто не искал меня?

В е р а А р т е м ь е в н а. Как будто нет. Алексей вовсю с гостями веселится. Приходи, развлечешься немножко.

Взрыв чужого смеха донесся из комнаты, и занавеска опустилась. Потом слышно изнеможенное дыхание К о н с т а н ц и и, и вот она сама появляется из-за деревьев.

К о н с т а н ц и я. У меня нет сил гоняться за тобой по оврагам. Не убегай, я не буду больше. Если и теперь он еще дорог тебе, этот милый мальчик, я умолкаю навсегда.

Кира переходит на скамейку.

(Следует за нею.) Видишь, я молчу. И еще могу молчать. Хоть до утра. Пожалуйста.

Тишина, и только ночные звуки возятся, как мыши в гулком коробе.

Я только хочу сказать, что то — артист, художник... на нем печать бога лежит, а это — обыкновенный человек. Я не сержусь: дети никогда не ценили наши заботы.

К и р а. Заботы! *(Горько.)* Если бы не ты, я была бы теперь химиком где-нибудь на заводе... ела бы свой черный хлеб, дружила бы с людьми, которым я издали завидую! Ты, ты заставила меня бросить ученье, выдала за поганца, от которого я сбежала ночью в чем была... Теперь ты торгуешь меня за старшего Ладыгина, потому что золото льется у него из горла и восьмицилиндровый рысак стоит у его ворот...

К о н с т а н ц и я *(торжественно)*. Я искала тебе счастья. Ты не хочешь. Пусть. По-прежнему ты будешь корпеть над переводами своих химических трактатов да одно и то же платьишко гладить по ночам. *(Дернув за рукав.)* Ведь это на тебе последнее, гордыня?

К и р а. Не трогай меня, не трогай!

К о н с т а н ц и я. Мне ничего не нужно от тебя: ни сухаря, ни рубля, ни лоскута. Я вернусь в свою нору. Я только мать, чтоб плакать... Но я люблю тебя, не истребляй меня за это!

Они не слышали, как сзади, поднявшись с шезлонга, подошел С в е к о л к и н.

С в е к о л к и н *(над самым ухом)*. Надо уметь любить своих детей... мадам!

Держась за сердце, Констанция пятится назад. Кира закрыла лицо руками.

К о н с т а н ц и я *(стараясь овладеть собою)*. Разве так можно! Ведь этим убивают наповал...

С в е к о л к и н. Я задремал тут было по-стариковски. Потом слышу — чьи-то кости хрустят. Я и вышел взглянуть, кого это терзают в темноте.

К о н с т а н ц и я. Полюбуйтесь, что с нею наделал этот мальчик.

С в е к о л к и н. Ну, ему так не сделать. Тут видна старая, опытная рука. *(Пригласив ее в сторону и вполне корректно.)* Не хочу вам льстить, но у вас есть несомненные способности в этом деле. Если развивать их и дальше, можно далеко пойти. И даже до Колымы, мадам. Ну, вы столько потрудились сегодня, что теперь можете и отдохнуть.

К о н с т а н ц и я *(присмирев)*. Кира, ты не хочешь пойти со своей мамочкой?

С в е к о л к и н *(со злой мягкостью)*. То, чего она не успела сейчас, она доскажет вам завтра.

Констанция растворяется в темноте.

Вы не ушли с нею, значит, хотели остаться со мною... или вам просто некуда уйти отсюда, Кира?

Молчание.

За эти дни мы с вами не обмолвились даже словом. А завтра я уеду. А минут через пять меня позовут к гостям. Но пять минут — это много. За это время человека можно вытащить из воды... Правда?

Молчание.

Чтобы вам не скучать со мною, я открою вам один секрет. *(Внятно.)* Никто не устраивал вам этой унизительной проверки. Он действительно истратил эти деньги.

Кира с надеждой подняла голову.

Вам непонятно, как можно, еще не получив, уже истратить. А если эти материалы для работы нельзя достать у нас... мог он послать заявление с просьбой разрешить их закупку за гра-

ницей?.. Похоже? Я видел утром и самое заявление. Ему очень нужны обезьяны... Что вы сказали?

Кира *(в раздумье)*. Все эти дни она неотступно идет за мной, Лилиана!

Свеколкин. Вот и всё. *(Совсем просто.)* Если вам больше ничего от меня не нужно, тогда ступайте. Свежо становится...

Кира *(поднявшись)*. Спасибо вам... хороший человек.

Она уходит, Свеколкин не останавливает ее. Но какая-то сила вдруг поворачивает ее назад, к Свеколкину. Она несмело опускается рядом, и теперь во всем ее облике сквозит та же виноватая беспомощность, что и у Аннушки в недавнем разговоре с отцом.

Свеколкин. Вот, вы вернулись... значит, еще что-то болит?.. Что?

Молчание.

Гордость хороша с врагом, а я друг всех, кого любит Алексей Иванович. *(В самое сердце.)* Да ты не прячься от меня, дочка!

И тогда, впервые в жизни, Кира безутешно плачет, положив голову на руки, брошенные на стол. И удивительна спокойная отцовская властность, с какою Свеколкин отводит от лица Кирины руки.

Ой, совсем как маленькая... все пальцы мокрые, хоть ведро подставляй. Ну, покажи мне свое горе, дочка!

Кира *(не смея поднять глаз)*. У меня не выходит... больно...

Свеколкин. Нужно, чтоб ты сама свою болезнь назвала. Значит, в самом сердце она лежит, если только крикнули — проверка, а оно уже сжалось — про меня!

Кира. Я сама... сама искала этой красивой, необыкновенной жизни.

Свеколкин. Я сразу понял, что не только в старухе дело. Кого же теперь силой замуж выдают! А необыкновенное не живет, оно умирает, как всякое уродство. Только самое простое вечно. Другая красота стучится в мир, и если ей завтра не откроют дверь, она взломает стены!

Параша идет к ним из дома.

Уходите вы скорей из чудесных за́мков вашей необыкновенной мамы под обыкновенное солнце обыкновенной весны. Алексей Иванович лучше меня вам про это расскажет. Он помоложе...

П а р а ш а. Павел Сергеевич, на вас гости очень обижаются. *(Она собирает со стола посуду.)*

Свеколкин *(Кире)*. Мы еще попозже с вами поговорим. *(Параше.)* Давайте и я захвачу что-нибудь с собою.

И, нагрузясь посудой, он уходит первым. Параша подходит к Кире.

П а р а ш а *(тихо)*. Уж шли бы вы к Алексею-то Ивановичу... Он там как мертвый посредь пира сидит.

Она тушит свет на столбе и уходит. Темнота, как в начале действия. Кира подходит к окну. Снаружи, оттянув занавеску и прячась в тени, она с полуфразы слушает окончание тоста, который с звенящим мальчишеским задором произносит в доме одна из приехавших гостей.

Г о л о с. ...весело, умно и страстно, как умеет это Алексей Ладыгин. Здравствуй, ветер, грозный ветер, попутный ветер всемирной истории! Гони наш широкий красный парус к вечным вершинам человеческого счастья. За героическую обыкновенность!

Конец заглушают аплодисменты и голоса. Кира отпускает занавеску, и сразу тишина. Проносится порыв ночного ветра.

К и р а *(в темноте)*. С вами хочу, Алексей Ладыгин!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Боковая комната с небольшой застекленной террасой, где поверху и понизу вставлены квадраты цветного стекла. Только они разнообразят прохладный густо-зеленый колорит помещения. Терраса эллиптической формы фонарем выдается влево, в березовую рощу; сквозь отвесно ниспадающие ветви видны вдалеке шпалеры небольших елочек. Здесь также имеется выход в сад. Над диваном, где лежат уже в ремнях постели Свеколкиных, чуть покосившись набок, все в том же чехле висит картина, нашедшая наконец здесь свое пристанище. В стороне, под нею, телефон. Пристроившись на краешке столика, где стоит низкая стеклянная ваза с полевыми цветами, Аннушка с ученическим усердием дописывает свое послание. Рядом следы ее упражнений — куча изорванной бумаги. Моросит дождик. Время близится к вечеру.

Аннушка *(отложив перо)*. Ну-ка, что тут у меня получилось? *(Она перечитывает, вслушиваясь в отдельные слова.)* «Прощайте, Алексей Ладыгин! У вас будет жена самая красивая на свете. Объясните ей про человеческое счастье, которое как птица, которая не отдыхает никогда. И не надо ставить капкан на нее: кому она нужна с переломанным крылом!.. Я сама хотела поговорить с Кирой, но не успею, потому что я сегодня уезжаю с папкой из этого дома. Хочу, чтобы у вас была жена, и самая хорошая на свете. Но вы глубоко ошибаетесь, если решили, что я сама немножко люблю вас. Вы только нравились мне одно время, в прошлом году, как выдающийся научный работник. Тем более что я хотя и не горбатая, но почти рябая. А. С.». *(Почмокав, с сожалением.)* Не годится... Сразу догадается, что это я. Не надо подписи!

Телефонный звонок.

Минуточку, я только зачеркну...

Она вычеркивает подпись. Повторный звонок. Она берет трубку.

Ну, кто там? *(Ее тон меняется.)* О, я сперва не узнала вас,

Алексей Иванович. Нет, ничего подобного, я веселая. Только у нас дождик идет. У вас не идет? Можно... сейчас позову.

Спрятав письмо, она отпирает дверь и отступает. Смущенная, неузнаваемая со вчерашнего дня, за дверью стоит Кира.

Кира *(неуверенно)*. Меня?

Аннушка. Берите скорей. *(Обеими руками, точно самую хрупкую вещь, вручая ей трубку.)* Он издалека... Не уроните, а то может ток на станции разъединиться. Спросите кстати, папка уже достал себе билет?

Кира *(в трубку)*. Да... да?.. Да-а...

Аннушка наблюдает искоса, как одновременно со сменой Кириных интонаций меняется выражение ее лица.

Я уже все знаю. Нет, другие... Я рада, что этих денег уже нет! Конечно. *(Приглушив голос.)* Я скажу потом.

Аннушка. Мне уйти?

Кира *(удержав ее за рукав)*. Я буду ждать. О... не разбейтесь! *(И, уже положив трубку, как будто он еще может слышать ее.)* Скорей!.. *(Аннушке, не сразу.)* Ваш отец уже купил себе билет.

Аннушка. А еще что он вам сказал?

Кира. Сказал... что будет гнать машину со скоростью ветра.

Аннушка *(с почтением)*. Ветра!.. Значит, все улаживается, да? Что же вы не веселитесь... ну?

Она насильно кружит ее по комнате.

Быстрей, быстрей!.. Ой, даже голова закружилась. О чем вы задумались, счастливая?

Кира. Так... о разном. Вам, наверно, грустно расставаться с вашим отцом? Вчера мы до полуночи проговорили с ним. Он... добрый и справедливый человек.

Аннушка. Папка у меня ничего, довольно ценный папка. Вот облысел только немножко.

Кира. Я пойду, Аннушка. *(Задержавшись.)* Какие у вас странные глаза сейчас!

Аннушка. Мне представилось... что ведь и я тоже кого-нибудь полюблю... потом. Какой он будет? Такой же... как папка, или другой? Идите.

Кира оглянулась на нее с порога. Оставшись одна, Аннушка достала письмо.

Когда вы получите это письмо, Алексей Ладыгин, я буду далеко-далеко от вас. И вы не сразу его получите. *(Надрывая письмо пополам.)* Оно будет идти к вам долго-долго... Уж и дети наши вырастут и состарятся... а оно все будет идти, идти к вам... Алексей Ладыгин.

Она рвет бумагу еще и еще, намелко, пока не приходит, кутаясь в свою венецианскую шаль, Вера Артемьевна с мужем. Аннушка успевает зажать в кулачке клочки письма.

Вера Артемьевна. Вы не заняты, Аннушка? Я и Митя хотели поговорить с вами о делах.

Ладыгин опускается на диван. Вера Артемьевна с беспокойством взглянула на картину над его головой.

Только ты пересядь отсюда, Митя... я боюсь.

Ладыгин. Какая ерунда!.. Ты просто суеверная стала. На потолке, что ли, мне сидеть?

Вера Артемьевна. Где хочешь. Я прошу тебя. Она упадет!

Пожав плечами, Ладыгин переходит на другое место.

Завтра у вас экзамен в театральном училище. Наша квартира находится как раз рядом. А Митя все ищет быть чем-нибудь полезным вашему отцу.

Из сада в мокром плаще входит Свеколкин. Остановившись на пороге, он подает знак, чтобы его не замечали. Аннушка его не видит.

Словом, мы приглашаем вас поселиться на все это время... у нас.

Аннушка. У вас? *(И сразу подавив свою радость.)* Нет, спасибо. Мне это не подходит.

Вера Артемьевна. Да вы нас нисколько не стесните. У нас всегда кто-нибудь живет. Вы подумайте, не спешите...

Аннушка отрицательно покачала головой.

Ладыгин. Вот чудачка! Сама же рвалась в театральное, а тут только через улицу перейти.

Аннушка. Я уж раздумала в театральное. Вы верно тогда сказали: и данные не те, и голос у меня... кукличий. И сама не хочу. *(Увидев отца.)* А, папка приехал! Ой, весь мокрый... *(Заематривая в глаза.)* Ну, говори, быстро... сколько билетов взял? Ты же хитрый, все наперед знаешь...

С в е к о л к и н *(снимая плащ)*. Два, Аннушка, два. *(Ладыгиным.)* Верно, ей лучше со мной ехать. Институт у нас не хуже ваших. Да, видно, и по друзьям соскучилась. Домой-то всегда как магнитом тянет.

Л а д ы г и н. Знаем мы, какой там у нее электромагнит. Этакий... повыше меня и с карими глазами. Попал?.. Попал.

В е р а А р т е м ь е в н а *(всматриваясь в смущенное лицо Аннушки)*. И в самом деле, кто-нибудь вас туда притягивает? Мы тогда и уговаривать не станем.

Аннушка счастливо кивает в ответ.

Кто же этот удачник, который достучался в ваше сердечко?

С в е к о л к и н. Выдавай свои секреты, дочка.

А н н у ш к а. Ну, этот... футболист один. Ну, Егоров же! Он еще третьего дня, на встрече с Киевом, центр играл. *(Ладыгину.)* Вы же рядом сидели, а Егорова не приметили? Плечистый такой, в синей майке... Ой, даже не помните, как он во втором тайме вырвал мяч и, словно ураган, понес его к воротам? *(Отцу.)* Папка, они даже Егорова не заметили!

С в е к о л к и н. Разве их всех упомнишь! Они там как черти гонялись.

Л а д ы г и н. Нет, я, кажется, припомнил. Егоров — это верзила такой! На контрабас похож, и еще брови у него срослись у переносья?

А н н у ш к а *(отцу, с обидой)*. Это Егоров-то контрабас!.. Смешные, верно?

Махнув рукой, Ладыгин возвращается на диван, под картину.

В е р а А р т е м ь е в н а *(разочарованно)*. Ну... жалеем, Аннушка. Что же вы станете делать, когда вернетесь?

А н н у ш к а. Там дела много. Танцевать, потом в кино буду ходить. *(Глядя на кулачок, где зажаты клочки письма.)* Только я кино больше люблю... И потом, новые танцы у нас никто не умеет, всегда за кавалера приходится танцевать!

Ладыгины снисходительно переглянулись.

С в е к о л к и н. Ничего, она у нас еще маленькая.

В е р а А р т е м ь е в н а. А когда же учиться, Аннушка?

А н н у ш к а. Ну конечно, в остальное время буду учиться.

Л а д ы г и н *(жене)*. Вот видишь. А ты собиралась ее в нашу стариковскую компанию запереть.

Вера Артемьевна. Опять ты сел на то же место! Так тебя сюда и тянет, Митька!

Ладыгин молча меняет место.

Что ж, поезжайте, Аннушка. Вам виднее.

Через сцену проходит в сад **Кира**, торопливо окутывая голову легким шарфом.

Куда ты собралась в такую погоду, Кира?

Кира. До парома добежать... Алексей возвращается.

Вера Артемьевна. Ты же вымокнешь вся. Без разговоров, вернись и надень пальто! Я категорически прошу тебя беречь здоровье.

Кира. Ничего со мной не будет... Верочка, я не успею добежать!

Вера Артемьевна. Возьми хоть это...

Она кинула ей свою шаль. На лету схватив ее, Кира убегает.

Ладыгин. Не мешай ей. Может, ей хочется вымокнуть немножко... для него.

Свеколкин. Да и дождик-то теплый, грибной.

Вера Артемьевна. Заболеет перед самой свадьбой... *(Мужу.)* Скажи Параше, чтоб отнесла ей пальто.

Ладыгин уходит. Слышно, как он зовет по комнатам Парашу.

Свеколкин *(Вере Артемьевне)*. А ведь хорошая жена будет у Алексея Ивановича!

Вера Артемьевна. Я всегда это говорила... если только она войдет в его работу и расстанется со своей мамочкой. *(Чтобы переменить разговор.)* Вы так и не успели побывать в институте?

Свеколкин. Я как раз оттуда. Алексей Иванович на прощанье показал мне все.

Аннушка. Лилиану уже увезли?

Свеколкин. Мы зашли в ее пустую клетку, постояли...

Аннушка. Наверно, тишина-а... Когда даже самое маленькое уносят из дома... или из сердца, все равно!.. всегда тишина наступает, правда?

И, привлеченная этой недетской интонацией, Вера Артемьевна снова приглядывается к Аннушке.

Свеколкин. Скоро там опять будет шумно. Меня уже запрашивали об очередной работе Алексея Ивановича. *(По-*

низив голос.) Видимо, правительство находит, что ему незачем тратить премию на обезьян. Они будут куплены срочным порядком.

Он умолкает. Прислушиваясь ко всему, из сада приходит Констанция. Она делает вид, что ищет что-то.

Вера Артемьевна *(уже не для Аннушки)*. А то оставайтесь жить у нас, Аннушка!

Аннушка *(громко)*. Стоит ли на какую-нибудь неделю...

Вера Артемьевна. Наоборот, мы хотим, чтобы вы жили у нас всегда. Вы что-нибудь потеряли, тетя Констанция?

Констанция *(тоном сдержанной угрозы)*. Да, укладываю вещи и потеряла мою сумочку.

Вера Артемьевна. Скажите Параше, она поможет вам найти.

Констанция. Спасибо, дружок. *(Демонстративно, Свеколкину.)* Вы, кажется, уезжаете сейчас? Уделите мне крохотный уголочек у себя в машине!

Свеколкин. С величайшим удовольствием *(взглянув на часы)*... если только вы поторопитесь. Нам уже пора.

Констанция *(колеблясь)*. Но только мне надо далеко...

Свеколкин. Вас довезут на край света... и даже дальше, мадам.

Констанция *(очень трагично)*. Верочка, можно взять у тебя кусок черного хлеба на дорогу?

Вера Артемьевна. Я еще с утра заказала изжарить вам утку. Параша говорит, что все готово.

Фыркнув, Констанция уходит.

Свеколкин *(дочери)*. Ну, принимайся за чемоданы!

Вера Артемьевна *(уходя)*. Я вам тоже припасла коечто на дорогу, Аннушка.

Молчание. К удивлению отца, Аннушка садится на подоконник.

Аннушка. Еще последнюю минутку, папка. Ну, прощайте все. Старые березы, прощайте! Красивый диван, прощай! И ты, многострадальная картина... Смотри не падай! Готово, бери меня в свою науку, папка. Я выбрала себе дорогу в жизни.

Свеколкин. Вот мы и взрослые стали. А что это за Егоров такой объявился?

Аннушка. Какой Егоров? А!.. Не знаю, выдумала. Умница твоя дочка?

Свеколкин. Умница-то умница, только ты слишком много наплела на себя: и танцы, и кино, и футболист...

Аннушка *(лукаво)*. Мне хотелось доказать тебе, что я все-таки могла бы быть актрисой. А знаешь, у нас лучше: и речка шире, и снег без копотиночки...

Она с силой кидает за окно разорванное письмо. Медленно кружась, клочки бумаги оседают на землю.

Вернусь с лекций, сварю тебе обед, а вечером мы опять пойдем с тобой на лыжах. Уж скорей бы зима. *(И вдруг резко соскочила на пол.)* Хватит, погостили у великого артиста! *(Выдвинув из-под дивана чемодан, приступает к укладке вещей.)* Это сюда, а это?.. Смотри, платье, в котором я на экзамен в театральное собиралась. Самое любимое у меня!

Слышны голоса из сада.

Голос Алексея. Возьмите же мой плащ... Как это глупо — бегать под дождем!

Кира *(вбежав, с порога)*. Но посмотрите сами, потрогайте меня, я же совсем сухая.

У Аннушки острее стали плечи да торопливей принялась забивать вещи в чемодан.

Свеколкин. Этак сомнешь ты любимое-то!

Аннушка. Все равно гладить придется, ничего!

Отец и дочь невольно слышат, хотя и приглушенный, разговор позади них.

Алексей *(войдя)*. Надо же сказать вам эти слова когда-нибудь!

Кира. Сберегите их до вечера. Я так боялась потерять вас, Алексей.

Алексей. Я купил вам розы... Последние, больше не было. *(И, достав из портфеля, из-под книг, он дует на них, чтобы расправить смятые лепестки.)* Тут где-то и третья была... неужели потерял?

Кира. Давайте уж хоть две!.. *(В глаза.)* Не говорите. Сберегите до вечера... когда все уедут.

Аннушка. Какой ты нерасторопный стал у меня, папка! Мы же на поезд опоздаем.

С в е к о л к и н *(Алексею)*. Вот вырастет у вас дочка, тоже покрикивать станет.

А л е к с е й *(подойдя к Аннушке)*. Уже в дорогу? А мне будет жалко... Я как-то уже успел привыкнуть к вам за эти дни.

А н н у ш к а *(рывком затягивая ремень на чемодане)*. Мы еще встретимся. *(Отцу.)* Чего же ты стоишь? Подарки-то мы повезем с собой?

Свеколкин снимает свертки со шкафа.

Пройдет каких-нибудь десять — двенадцать лет... незаметно пройдут!.. и, может быть, я приеду диссертацию защищать, а вы будете моим официальным оппонентом.

А л е к с е й. Возможно, возможно... *(Кире.)* Ну, пойдем все-таки переодеться, Кира!

Он уводит ее. Все вещи Свеколкиных сложены в одно место. С поднятым воротником и с головой накрывшись плащом Киры, приходит из сада Л а д ы г и н.

Л а д ы г и н *(стряхивая плащ)*. Ни Параши, никого: все пропали!

С в е к о л к и н. Ну, спасибо, Дмитрий Романович, за дом, за хлеб, за братское слово.

Л а д ы г и н. Все хотелось мне сделать тебе что-нибудь приятное, Паша. Так и не успел. *(Очень серьезно.)* Слушай-ка, у тебя в доме этакий надежный крюк найдется?

С в е к о л к и н *(смеясь)*. Мне еще пожить охота, Дмитрий Романович... Ну найдется, а что?

Л а д ы г и н. Тогда дарю тебе вот эту картину. Бери, только не благодари.

С в е к о л к и н. Мерси, Митя. Мне не надо.

Л а д ы г и н *(обиженно)*. Зря, мировая вещь. Капиталист Рябушинский две тысячи за нее отвалил. Не помню только, что изображено... Не то галки сидят на кладбище, не то... Словом, что-то из охотничьей жизни. Можно посмотреть!

С в е к о л к и н. Ты не хлопочи, Дмитрий Романович, не возьму. *(Аннушке.)* Иди узнай насчет машины.

Аннушка уходит.

Л а д ы г и н. В таком случае... Я тут деньжат с филармонии некую толику получил. Возьми у меня взаймы, Паша. Да ты не стесняйся, ты без отдачи бери. *(Достав пачку из кармана.)* Будь друг... ну, я прошу тебя!

Свеколкин. Да я не нуждаюсь. Спрячь это, спрячь. Чудак ты этакий. Я лучше тебя, легче тебя живу.

Ладыгин *(в затруднении).* Но можешь же ты потерять казенные деньги, обсчитаться... растратить, наконец, ненароком. Имей в запасе, Паша!..

Свеколкин *(весело).* А ведь ты это мне взятку, Митя, суешь... Только за что? Чтоб не приезжал я больше или за молчание мое? А я твой друг, Митя, не буду молчать. Отыщи берестяную кошелку-то, поглядывай на нее почаще: в ней молодость твоя звонкая лежит. А вот не спел ты мне ни разу за всё время, это правда!

Ладыгин. Да для тебя, если только охота есть... *(Хлопая в ладоши.)* Вера, Верочка!

Вера Артемьевна *(войдя).* Машина у большой террасы стоит. *(Параше, которая пробегает под окном.)* Параша, покричите Алексею Ивановичу, что гости уезжают.

Уже одетая и в той же полотняной панамке, Аннушка приходит из внутренних комнат.

Ладыгин *(подавая плащ Свеколкину).* Мой первый концерт, который ты услышишь по радио, будет только тебе одному.

Свеколкин. Ты уж тогда хоть покашляй для меня вначале. Пойду мадам искать. Что-то не шибко она торопится ехать с нами.

Параша. Они у себя в угловой светелке заперлись и даже занавеску опустили.

Свеколкин. Ничего, у меня заветный ключик к этой светелке есть.

Уходя, он встречается с Алексеем и Кирой.

По старой дружбе, Алексей Иванович, помогите Аннушке вещи в машину унести.

По уходе Свеколкина все обступают полукругом Аннушку.

Аннушка. Ну, спасибо вам за все... вы были ко мне такие ласковые. *(По очереди пожимая руки и заглядывая в лица, точно стремясь унести их с собою в памяти.)* И вы... и вы тоже! И вы, Парашенька.

Кусая губы, еле сдерживаясь, Параша смотрит в сторону. Аннушка подошла к Кире, стоящей с края.

И вы прощайте. Самая счастливая на свете.

Кира *(держа ее руки)*. Верочка сказала по секрету, что ваш жених был тогда на матче. *(Алексею.)* Кажется, Егоров, вы не запомнили? Как жаль, что вы не показали его нам, Аннушка!

Аннушка неподвижно смотрит, чуть склонив голову, в лицо Киры. И та, прочтя еще не затихшую боль в застылой улыбке Аннушки, смутилась и замсталась. Теперь она поняла, какой свадебный подарок поднесла ей эта приезжая девчоночка.

Аннушка *(в самые глаза)*. Ну... вы счастливы теперь? Любите Алексея Ивановича!

Кира *(торопливо вынув розы из волос, подарок Алексея)*. Сейчас у меня нет ничего дороже этого. Передайте их... Егорову!

Аннушка *(шепотом)*. Непременно... *(И медленно уходит.)*

Покашливая и не глядя друг на друга, все трогаются к выходу. Каждый несет что-нибудь из багажа Свеколкиных. Потом очень дружественно, судя по виду, выходят Констанция со вдетым в один рукав пальто и Свеколкин, который осторожно, как святыню, несет ее шляпу с птичкой.

Свеколкин *(одной рукой помогая ей надеть пальто)*. Издали вы лучше поймете свои родительские чувства и даже встретите, быть может, матерей, которые сами посылают своих любимых на лишения и нужду.

Констанция. Но, право же, я буду вам в тягость. У меня так разболелась голова!

Свеколкин *(суше)*. Мадам, она разболится еще больше, если Вера Артемьевна узнает про ваши былые намерения... относительно ее мужа! *(Подавая шляпу.)* Теперь головной убор, мадам!

Констанция. Вы так любезны, мой друг!

Свеколкин. Я еще не разучился ухаживать за дамами.

Констанция. Но я уже старуха...

Свеколкин. Я бы не сказал. Вам, например, даже не поздно заняться каким-нибудь производительным трудом!

Из сада вошли поспешно Вера Артемьевна и Параша.

Вера Артемьевна *(Параше)*. По-моему, я ее на буфете забыла...

Параша убежала в комнаты.

Свеколкин. Проститесь с вашей тетей, Вера Артемьевна. Я похищаю ее от вас.

Констанция *(приближая платок к глазам)*. Так не хочется покидать твой гостеприимный дом, Верочка!

Вера Артемьевна *(утешительно)*. Вы приедете к нам в будущем году. Хотя следующее лето Митя собирался провести, кажется, на юге...

Параша принесла кондитерскую, доверху наполненную сластями плетенку.

Констанция *(внезапно, Свеколкину)*. О, вам придется ехать без меня. Я совсем забыла про свои вещи...

Параша. Они уже в машине. Я еще давеча их отнесла. Корзиночка небольшая да сундучок такой... печальный.

Констанция *(яростно глядя на нее сквозь пенсне)*. Очень мне хотелось бы еще раз повстречаться с вами, Параша.

Параша *(с простой улыбкой)*. Может, и встренемся. Я тоже как-то с первого взгляда вас... полюбила.

И только теперь, оскорбленно вскинув голову, Констанция покидает дом Ладыгиных.

Вера Артемьевна *(передавая плетенку Свеколкину)*. Это Аннушке. Кроме кино, дети любят еще и сладости. Приезжайте еще раз! Как видите, дом большой, березовая роща, речка...

Свеколкин. Теперь уж с внуками когда-нибудь.

Все ушли. Доносятся прощальные возгласы: «Пишите с дороги!» и «Казенные деньги берегн!» Затем хлопанье дверцы и фырканье машины... Тем временем погода разветрилась, и дальние елочки оранжево горят в закате. Держась за руки, возвращаются Вера Артемьевна и Ладыгин.

Ладыгин. Не люблю... *(Садясь на диван.)* Чемоданов, вокзалов не люблю. Провожать не умею.

Вера Артемьевна. Я присмотрелась к ней... Она милая, но совсем простенькая, эта Аннушка. Кира и сильней и красивей ее. Правда?

Ладыгин *(без всякого выражения)*. Седьмой раз тебе говорю, ты у меня лучше всех, Верочка.

Вера Артемьевна. И я понимаю, почему тебя так тянуло с нею на реку!

Ладыгин *(тем же тоном)*. Седьмой раз тебе повторяю:

Алешку нужно было с места сдвинуть. Они бы и теперь в молчанку играли.

Посмотрев на картину, Вера Артемьевна уводит Ладыгина с дивана.

Вера Артемьевна. Ты славный у меня. Но не скрывай от меня ничего. Я только берегу твой голос. Как только я замечу, что я мешаю тебе петь, я уйду сама. *(Ласкаясь.)* Ну... веришь мне?

Ладыгин. Я... я из всех сил стараюсь, Верочка. Кстати, откуда у него такая машина взялась?

Вера Артемьевна. Но он же и нарком и депутат, научный деятель. Как видишь, страхи твои не сбылись. Что, что с тобой, Митя?

Ладыгин *(точно проснувшись)*. Нет, ничего... А я-то деньги ему тайком в карман засунул и махину эту хотел всучить...

И тогда с зловещим шелестом картина срывается с крюка: подскочив на пружинах дивана, как бы с намерением настигнуть Ладыгина, она с треском валится на пол. На грохот прибегает Алексей, позже Параша с Кирой.

Алексей *(после долгого молчания)*. Такие вещи хорошо над кроватью вешать, дядя Митя. Не гоняться же ей за тобой по всей квартире!

Параша. Промахнулась, чертовка...

Вера Артемьевна *(осторожно идя к картине)*. Уж лучше бы нам ее сразу в сарай отнести. Как вы думаете, Параша?

Параша. Уж конечно, Вера Артемьевна. Стоит себе в сохранности, а захотелось полюбоваться — пришел с фонариком, посмотрел и ушел невредимо.

Ладыгин *(придя в себя)*. Три дня она, как гора, надо мной висела. К черту ее отсюда, немедленно... А ну, помогите мне кто-нибудь!

Они выволакивают, как придется, эту провинившуюся громадину.

Чем она там, лапой, что ли, упирается, черт?

Вера Артемьевна *(заранее распахивая дверь)*. Параша, вы на кольцо наступили. Чего ты так разошелся, Митя?

Параша. Безжизненная вещь, а, видать, уже корешки запустила!

Картину вытащили. Из комнат слышен гневный, постепенно затихающий голос Ладыгина. Кира расставляет опрокинутые стулья; за этим и застает ее Алексей.

Алексей *(смеясь)*. И в довершение всего картина оказалась совсем не та, какую ему продавали. Разгремелся, грозится все со стен поснимать. Обожаю, когда в дяде Мите маляр бунтуется!

Кира. Как смешно живут иногда очень хорошие люди.

Алексей *(с упреком)*. А мы, Кира?

Кира. О, я целые дни проводила одна, будучи вашей невестой. И я гадала со страхом: что же будет, когда я стану вашей женой? На что я не пускалась, чтоб оторвать вас от Лилианы! И теперь... я не хочу, не хочу одна проводить мои бессонные ночи.

Алексей. Кира! Когда стареет человек и меркнет его сила, он вспоминает только бессонные ночи, потраченные на счастье или работу. И я научу вас любить их... любить клеенчатый стол со склянками, и хрупкую тишину утренних часов, и штопаный халат из миткаля. *(Сильно.)* У меня нет сокровищ, которые снятся вашей матери, но я разделю с вами мое могущество, искательство мое, нестерпимую жажду проникновения в тайну, которой еще не знает никто, и самую жгучую радость в мире: каждое мгновенье быть необходимым людям...

Кира. И я буду подавать на рассвете остылый чай... вам, одержимый человек!

Алексей *(опьяненно)*. Я сделаю вас первым помощником моим. В два года... которые пускай покажутся вам вечностью!.. и передам вам все, что я успел узнать в моей науке. И, может быть, вы даже обгоните меня, потому что я дам вам больше, чем владею сам... Я замыслы свои подарю вам, потому что я люблю вас, вас люблю, Кира!

Телефонный звонок. Не без заметной внутренней борьбы Алексей берет трубку.

Вас слушают. Ладыгин. Нет, никто совещания не отменял. *(Посмотрев под рукав на часы.)* Давайте хотя бы в малой угловой. *(Его голос становится совсем трезвым.)* Не прощаюсь. Думаю, что скоро.

Кира *(подойдя к нему)*. Опять... туда?

Алексей. Да.

Кира. И на всю ночь?

Алексей. Не знаю, очень сложный опыт. *(Мягко.)* Видите, я напрасно берег до вечера свои слова.

К и р а. Вы обещали мне подарить два года, которые покажутся вечностью. Начнем ее сегодня вместе, хорошо?

Он не понимает.

Можно мне туда... с вами? Ступайте, выводите машину.

Он притягивает ее к себе. Он целует ее, стоящую с опущенными руками. Платок падает из ее разжавшейся руки. Потом она, задыхаясь, отталкивает его от себя.

Пустите... оставьте же хоть что-нибудь на эту вечность!

1940—1941

НАШЕСТВИЕ

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Таланов Иван Тихонович — врач.
Анна Николаевна — его жена.
Федор — их сын.
Ольга — их дочь.
Демидьевна — свой человек в доме.
Аниска — внучка ее.
Колесников Андрей Петрович — предрайисполкома.
Фаюнин Николай Сергеевич — из мертвецов.
Кокóрышкин Семен Ильич — восходящая звезда.
Татаров, Егоров — люди из группы Андрея.
Мосальский — бывший русский.
Виббель — комендант города.
Шпурре — дракон из гестапо.
Кунц — адъютант Виббеля.
Старик.
Мальчик Прокофий.
Паренек в шинелке.
Партизаны, офицеры, женщина в мужском пальто, официант, сумасшедший, солдаты конвоя и другие.

Действие происходит в маленьком русском городе в дни Отечественной войны.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Низенькая комната в старинном каменном доме. Это квартира доктора Таланова, обставленная по моде начала века, когда доктор лишь начинал свою деятельность. Влево двустворчатая дверь в соседние комнаты, с матовыми стеклами до пояса. Простая девичья кровать и туалетный столик, отгороженные ширмой в углу. Уйма фотографий в рамочках, и над всеми главенствует одна — огромный портрет худенького большелобого мальчика в матроске. В широком среднем окне видна черная улица провинциального русского городка с колокольней вдали, на бугре. Сумерки. Анна Николаевна дописывает письмо на краешке стола; на другом его конце Демидьевна собирает обед.

Демидьевна. А ночью тараканы с кухни ушли.

Нетерпеливый жест Анны Николаевны.

От немца бегут. Послушала бы на улице-то.

Анна Николаевна. И все-то ты в дом тащишь. То подкову битую, то слух поганый.

Стучат в дверь.

Демидьевна. Войди. Кто еще там ломится?

Кокорышкин (*просукув голову*). Это я, извиняюсь, Кокорышкин. Нигде Ивана Тихоновича застать не могу.

Анна Николаевна. У него операционный день сегодня. Скоро вернется. Пройдите, подождите.

Кокорышкин. Ничего, я тут-с.

И дверь закрылась.

Анна Николаевна. Кокорышкин!.. Чудак какой!

Она идет за ним и приводит его, упирающегося. Это подслеповатый неопределенного возраста человек в пальтишке с чужого плеча.

Кокорышкин. Тогда уж дозвольте не раздеваться, в домашнем виде я. Мне и дела-то — только бумаги подписать.

Демидьевна. Приткнись и не мешай. Письмо Федору Ивановичу пишем.

Кокорышкин сел, кашлянул разок и замер с папкой на коленях.

Точно с ума повскакали. Боровков всем домом укатил. Наверху тетка сидит, самовар держит. Уезжают люди-то.

Анна Николаевна. Никто никуда не уезжает. Спроси вон Кокорышкина, он все знает.

Кокорышкин *(привстав)*. Точно. Уезжают-с.

Анна Николаевна. Сейчас звонил Колесников и ничего не сказал. А уж ему-то, как председателю райисполкома, было бы известно.

Кокорышкин. И он уедет-с.

Анна Николаевна. И пускай едут. *(Склоняясь над письмом.)* И перестань бубнить, Демидьевна.

Демидьевна. Мне бубнить нечего... а вещи закопать, пока земля не задубенела, это всякий скажет. *(Кокорышкину.)* У Аниски три рубахи исподних забрали. Ленточка сверху лежала, стираная, косу заплетать... и на ту польстились.

Кокорышкин. Это которая же Аниска?

Демидьевна. Внучка, даве из Ломтева, от немцев, прибежала. За сорок верст пешком маханула. Значит, сладко!

Кокорышкин сочувственно почмокал и снова замер.

Еле чаем отпоила, дрожмя девка дрожит. Сейчас за сахаром послала постоять. Уж такова-то ласкова у меня: всё баушка да баушка... *(Анне Николаевне.)* Я ее на сундучке пристроила. Она и полы нам помоет, и постирает что.

Анна Николаевна. Конечно, пускай отдохнет. *(Закончив письмо.)* Ломтево! Там Иван Тихонович работу начинал, Федя родился, на каникулы туда приезжал. Как все обернулось!

Демидьевна. Пиши, пиши, обливай его материнскими слезами. *(С сердцем взглянув на портрет мальчика.)* Может, хоть открыточку пришлет!

Анна Николаевна *(заклеивая конверт)*. Последнее! Если и на это не откликнется, бог с ним. *(Стеснительно, сквозь полуслезы.)* Извините нас. Мы к вам так привыкли, Кокорышкин.

Кокорышкин. Сердечно понимаю. *(С чувством.)* Хотя сам по состоянию здоровья детей не имел... однако в мыслях

моих всем владал и, насладясь, простился. *(Коснувшись глаз украдкой.)* Не встречал я их у вас, Федора-то Иваныча.

Анна Николаевна. Он в отъезде... Закрывай окна, Демидьевна, скоро самолеты полетят.

Кокорышкин. И давно они в этом самом... в отъезде?

Анна Николаевна. Три года уже... и восемь дней. Сегодня девятый пошел. *(Со вздохом.)* Внезапность... непонятная.

Демидьевна. Незадачник он у нас.

Анна Николаевна. Он вообще был хилого здоровья. Только нянька его и выходила. А добрый, только горячий очень был... *(Поднявшись.)* Кажется, Иван Тихонович вернулся.

Демидьевна закрыла окна фанерными щитами, включила свет и вышла к себе на кухню. С портфелем, в осеннем пальто и простенькой шляпе, вернулась с работы Ольга. Минуту она щурясь смотрит на лампу, потом произносит тихо: «Добрый вечер, мама»,— и проходит за ширму. И вот тревога улицы вошла в дом вместе с сыростью на ее подошвах.

Раздевшись, Ольга бездумно стоит, закинув руки к затылку.

Разогреть тебе или отца с обедом подождешь?

Ольга. Спасибо, я в школе завтракала.

Анна Николаевна *(заглянув к ней)*. Ты чем-то расстроена, Оленька?

Ольга. Нет, тебе показалось. *(Достав из портфеля кипу тетрадей.)* Устала, а надо еще вот контрольную просмотреть.

Анна Николаевна. А почему Оленька в глаза не смотрит?

Ольга. Так. Давеча войска мимо школы шли. Молча. Отступление. Ребята сидели присмире-евшие. И сразу как-то пусто стало... даже собаки затихли. *(Очень строго.)* На фронте плохо, мама.

Анна Николаевна. Когда же... случилось-то?

Ольга. Прошлой ночью. Они ударили танками в обход Пыжевского узла и вышли клином на Медведиху. К Колесникову по дороге забежала: бумаги жгут.

Кокорышкин. Копоть везде летает, точно черный снег идет. Тяжелое зрелище!

Ольга. Простите, я вас и не заметила, Кокорышкин.

Кокорышкин *(жестко)*. Их бы теперь проволокой окружить да артиллерией всех и уничтожить.

Ольга. Легко нам, в тылу, судить о войне. А там...

Анна Николаевна. А еще что случилось, Оленька?

Та молчит.

Вы не обедали, Кокорышкин? Ступайте на кухню. *(В дверь.)* Демидьевна, покорми Кокорышкина.

Кокорышкин. Балуете, растолстею я у вас, Анна Николаевна.

Он уходит. Мать выжидательно смотрит на дочь.

Ольга. Только не пугайся, мамочка... он жив и здоров. И все хорошо. Я сейчас Федю видела.

Анна Николаевна. Где, где?

Ольга. На площади... Лужа большая, и рябь по ней бежит. А он стоит на мостках, нащурился во тьму, один...

Анна Николаевна. Рваный, верно, страшный, в опорках... да?

Ольга. Нет... похудел очень. Только по кашлю его и признала.

Анна Николаевна. Давно приехал-то?

Ольга. Я не подошла, из ворот смотрела. Потом домой кинулась предупредить.

Анна Николаевна. Что же мы стоим здесь... Демидьевна, Демидьевна!

Демидьевна вбежала.

Демидьевна, Федя приехал. Собирай на стол да настоечки достань из буфета. Уж, верно, выпьет с холоду-то. Дайте мне на себя накинуть что-нибудь, я сбегаю. А то закатится опять на тыщу лет...

Демидьевна. Коротка у тебя память на сыновнюю обиду, Анна Николаевна.

Ольга *(за руки удержав мать)*. Никуда ты не побежишь. Сам от нас ушел, пусть сам и вернется. *(Слушая тишину.)* Кто-то у нас в чулане ходит.

Они прислушиваются. Жестяной дребезжащий звук.

Корыто плечом задел. Верно, больной к отцу, впотьмах заблудился.

Демидьевна *(шагнув к прихожей)*. Опять двери у нас не заперты.

Анна Николаевна. Не надо, я сама запру.

Она выходит, и тотчас же слышен слабый стонущий вскрик. Так может только мать. Затем раздается снисходительный мужской басок: «Ладно, перестань хныкать, мать. Руки-ноги на местах, голова под мышкой, все в порядке!»

Демидьевна. Дождалася мать своего праздничка.

На пороге мать и сын: такая маленькая сейчас, она придерживает его локоть — тому это явно неприятно. Федор — высокий, с большим, как у отца, лбом; настороженная дерзость посверкивает в глубоко запавших глазах. К нему не идут эти франтовские, ниточкой, усики. Кожаное пальто отвердело от времени, плечо испачкано мелом, сапоги в грязи. В зубах дымится папироска.

Федор *(избавившись от цепких рук матери)*. Здравствуй, сестра. Руку-то не побоишься протянуть?

Ольга *(неуверенно двинувшись к нему)*. Федор! Федька, милый...

Смущенный ее порывом, он отступил.

Федор. Я, знаешь, простудился... в дороге. Не торопись.

И вдруг яростный приступ кашля потряс его. Папироска выпала на пол. Ольга растерянно подняла ее в пепельницу. Он приложил ко рту платок, потом привычно спрятал его в рукав.

Вот видишь, какой стал...

Анна Николаевна. У печки-то погрейся, Феденька. У нас печка горячая. Стаскивай кожу-то свою. Давай я ее повешу.

Федор. Ладно, я сам. *(Нетерпеливей.)* Пусти же, я сказал.

Мать стала еще меньше, попятилась. Он ставит пальто торчком у двери на полу.

Не по чину на вешалку-то, постоит и так. *(Пригрозив пальцем, как собаке.)* Стоять! *(И только теперь, вместо приветствия.)* А постарела, нянька. Не скувырнулась еще?

Ни один мускул не шевельнулся на лице Демидьевны.

Анна Николаевна. Оля, ты займи Федора... я пока закусочку приготовлю. *(Федору, робко.)* Без ужина не отпустим тебя.

Ольга. Демидьевна приготовит, мама.

Демидьевна. Не трожь, дай ей руки-то чем-нибудь занять.

Анна Николаевна торопится убежать с закушенными губами.

Ольга. Видимо, тюрьма все в тебе вытравила, даже чувство к матери. Мог бы и помягче с нею... Она хорошая,

консерваторию для нас с тобой бросила, а какую ей карьеру пророчили!

Без ответа Федор обходит комнату, с боязливым любопытством касаясь знакомых вещей.

Федор. Все прежнее, на тех же местах. *(Открыл пианино, тронул клавишу.)* Мать еще играет?

Ольга. Редко... Даже не написал ей ни разу. Стыдился?

Молчание.

Или срочным делом занят был?

Федор. Вот именно: через болото, тысячеверстное, трассу вели... по самый подбородок. *(С усмешкой.)* Так что буквально по горло занят был.

Ольга с тревогой смотрит, как мимоходом, остановившись возле своей фотографии на стене, брат машинально воспроизводит ту же позу, с тем же наклоном головы, что и на портрете.

Все мы бываем ребенками, и вот что из ребенков получается. *(Не оглядываясь, няньке, через плечо.)* Чего, старая, уставилась?.. даже в спине щекотно.

Демидьевна. Любуюсь, Феденька. Уж больно хорош ты стал.

Ольга. И у тебя нечего сказать нам? Срок твой, по крайней мере, кончился?.. значит, вчистую вышел?

Федор. Не беглый, не трусь, не подведу.

Непослушными пальцами из холщового мешочка на груди он достает — в осьмушку, на плохой бумаге и с расплывшимся лиловым пятном — отпускной документ и, как бы защищаясь им, издали показывает сестре.

Ольга. Ты зря со мною так, ведь я сестра тебе, Федор... Посиди с ним, Демидьевна, я пойду маме помочь.

Она уходит с опущенной головой, и в ожидании последнего натиска Федор медленно оборачивается лицом к няньке.

Демидьевна. Ну, всех разогнал... теперь, видать, мой черед. Давай поиграемся, расправь жилочки-то... Да глазом-то не замахивайся! Береги силу: скоро папаша с работы воротятся.

Усевшись на стул посреди, Федор бережно прячет назад драгоценное удостоверение, потом одергивает слишком короткие ему, как из стирки, рукава пиджака.

Чего зубы-то щеришь, не волки мы. Перед людьми согрешил, люди тебя и наказали... Война опять же, малые ребята жизни не щадят, с горем бьются, а он все в сердце свое черствое глядит. Уж поделись грешком с нянькой-то, разгони страх. За что взяли-то, в самые болота рассибирские загнали?

Молчание.

Совестно, так шепотком... облегчи душу. Подрался сгоряча, девчонку обидел по пьяному угару ай чужое что без спросу взял?

Молчание.

Уж тайком-то и богу намекала, прибрал бы тебя, скорбного да бесталанного... ан нет! *(С горьким смешком.)* И ведь что: в ту пору пальто племяннику, семисезонное, обыденкой у бога вымолила, а про тебя не дошла до уха божия моя молитва. *(Еле слышно.)* А то, быват, словцо неосторожное при плохом товарище произнес? Разомкни уста-то, Феденька!

Федор. Они у меня, нянька, самым главным железом запечатаны. Только верь мне: народу моему я не вор... *(Поежившись.)* Продрог шибко, на всю жизнь я теперь продрог.

Демидьевна. То-то, продрог. Тебе бы, горький ты мой, самую какую ни есть шинелишку солдатскую. Она шибче тысячных бобров греет. Да в самый огонь-то с головой, по маковку!

Федор. Не возьмут меня. *(Тихо и оглянувшись.)* Грудь у меня плохая стала.

Демидьевна. А ты попытайся, пробейся, поклонись.

Заглянула Аниска; ей лет пятнадцать, на ней цветастое платьице и толстые полосатые шерстяные чулки. Она робеет при виде незнакомого человека.

Входи, девка, не робей. Мы тута не рогатые.

Аниска. Я, баушка, сахарок принесла.

Демидьевна. Положь на буфет, умница. Носом не шмыгай, сапогами не грохай, люди смотрят.

Благоговейно, на цыпочках, в вытянутых руках Аниска относит пакетик. У нее так светятся глаза и горят с холоду щеки, такая пугливая свежесть сквозит в движеньях, что нельзя смотреть на нее без улыбки. Лицо Федора смягчается.

Не признаёшь?

Федор. Важная краля. Кто такая?

Демидьевна. А помнишь, кубарик такой по двору в Ломтеве катался, спать тебе не давал? Она, Аниска. Ишь вытянулась. От немцев убежала. *(Аниске.)* Поздоровкайся, это Федор Иванович, сын хозяйский. Он из путешествия воротился.

Аниска кланяется, облизывая губы. Федор недвижен.

Федор. Чего смеешься, курносая?

Аниска. Это я не смеюсь. Это у меня лицо такое.

Демидьевна. Ты поговори с ней, она у меня на язык-то бойкая.

Федор *(не зная, о чем спросить)*. Ну, как немцы-то у вас там?

Аниска. А чево им! Ничево, живут.

Федор. В разговоре-то они как, обходительные?

Аниска. Ничего, в общем обходительные. Что и взять надоть — всё на иностранном языке.

Федор *(Демидьевне)*. Все ребята в Ломтеве приятели мне были. У длинного-то Табакова поди уж и дети. Много у него?

Аниска. Трое, меньшенькому годок. *(Оживясь, Демидьевне.)* Забыла тебе сказать-то, баушка... Как повели его с Табачихой на виселку, шавочка ихняя немца за руку и укуси. Аккуратненькая така была у них собачка, беленькая! Так они и шавочку рядом с хозяйкой вздернули... *(Содрогнувшись, как от озноба.)* Видать, уж и собаки воюют.

Федор *(угрюмо)*. Та-ак... А Статнов Петр?

Аниска. Этот с первочасья в леса ушел. В баньке попарился напоследок и баньку спалил. И парнишку увел с собой, из шестого класса. Прошкой звать.

Федор улыбнулся на ее певучие интонации.

А ты чево смеешься, путешественник?

Федор. Так, смотрю на тебя: смешная. Кабы все люди такие были!

Ольга, приоткрыв дверь, произносит одно лишь слово: «Отец». Все приходит в движение. Демидьевна отставляет стул, Аниска исчезает. Заметно волнуясь, Федор заправляет под пиджак концы серенького шарфа, которым обмотана шея.

Демидьевна. Не лай отца-то. Дай ему покричать на себя, непоклонный.

Федор отходит к окну. Входит Таланов — маленький, бритый, стремительный. Кажется, он не знает о возвращении сына.

Таланов. Обедать не буду. Чаю в кабинет, погуще. Демидьевна, пришей же мне, милочка, вешалку наконец. Третий день прошу. *(Заметив сына и тоном, точно видел его еще вчера.)* А, Федор... вернулся в отчий дом? Отлично.

Федор собирается ответить — ему мешает глухой, мучительный кашель. Склонив голову набок, Таланов почти профессионально слушает и ждет окончания припадка.

Давно прибыл?

Федор. Дня три уже...

Таланов. И что ж, забыл отцовский адрес?

Федор. Так, в раздумьях шлялся... мимо всякий раз. Идешь, и чей-то длинный темный глаз, как ветер в спину, мимо гонит. Извини, если доставил вам с матерью это... ну, надгробное рыдание.

Таланов. Мы тоже виноваты, Федор: так всегда бывает с первенцами. Когда их слишком берегут от несчастий, они решают, что все только для них одних в этом мире.

Подобие конвульсии проструилось в лице Федора, стоящего перед отцом с закрытыми глазами.

Мы про тебя тут с догадок сбились... сделай милость, объясни. Чего-нибудь... напалил? Мне на днях в больницу одного привезли: молодой господин призывного возраста, тоже мамина утеха, стрелял в такую же юную барыньку, потом в себя: неразделенная любовь. Нашел время! *(Пытливо.)* Но, во всяком случае, это лучше тех зловещих слухов, что дошли до нас стороной...

Словно толкнули, Федор делает движение вперед и, сдержась, искоса оглядывается на окно за спиной.

Что тебя там беспокоит?.. мы же одни тут.

Федор *(чуть иронически)*. Молчок, всему молчок.

Как сквозь глухое стекло, они вглядываются друг в друга, и вот тень виноватого прозренья появляется в лице Таланова... Новый приступ жестокого кашля у Федора мешает отцу дочитать ответ в глазах сына.

Я пришел к тебе как к врачу.

Таланов *(поспешно)*. Отлично... только садись поближе к свету. Вечерами плохо видеть стал...

Он приподымает край матерчатого абажура и потом, держа запястье Федора, невольно всматривается в то же самое окно.

Правду сказать, кашель твой мне не нравится... и этот глянцауген[1]. И руки твои влажные, горячие...

Федор. Это всё пустяки. Я другое имел в виду.

Таланов. И другое. Ты растерян, резкость твоя от смущенья... и эти усики тоже. Значит, ищешь выхода, это уже хорошо. *(Вдруг, как в детстве когда-то.)* Оглянись, Федя... горе-то какое ползет на нашу землю. Многострадальная русская баба сгорбилась у лесного огнища, и детишечки при ней, пропахшие дымом пожарищ... и никогда он не выветрится из их душ. Сколько этих недобитых цыпляток прошло через мои руки. Вчера, например... *(Махнув рукой.)* Боль и гнев туманят голову, боль и гнев. А болезнь твоя излечимая, Федор!

Федор. Ну, раз диагноз поставлен, садись, сочиняй рецепт тогда.

Таланов. Он уже написан. Это — справедливость к людям!

Гортанный звук непроизвольно вырывается у Федора, и он покачивается потом с закрытыми глазами, словно кислоту пролили в рану.

Федор. Справедливость? Обожаю эти всемирные лекарства в нарядной упаковке. *(Возгораясь темным огоньком.)* А к тебе, к тебе самому, справедливы они, которых ты лечил тридцать лет? Это ты первый, еще до знаменитостей, стал делать операции на сердце. Это ты, на свои кровные копейки, зачинал поликлинику... стал принадлежностью города, коммунальным инвентарем, как его пожарная каланча...

Таланов *(постукивая пальцами о стол)*. Отлично сказано, продолжай.

Федор. И вот нибелунги движутся на восток, сметая всё. Людишки бегут, самовары вывозят и теток глухонемых. Так что же они тебя-то забыли, старый лекарь? Выдь на перекресток, ухватись за сундук с чужим барахлом: авось подсадят... *(И вновь зашелся в кашле.)* Прости, все клокочет там... и горит, горит.

---

[1] Блеск глаз. (Здесь и далее в подстрочных примечаниях — перевод с немецкого. — *Ред.*)

Таланов. Не то плохо, что горит, а что дурной огонь тебя сжигает.

Ольга приоткрыла дверь.

Не мешай нам, Ольга.

Ольга. Папа, извини... там Колесников приехал. Ему непременно нужно видеть тебя.

Таланов *(с досадой)*. Да, он звонил мне в поликлинику. Проси. *(Сыну.)* У меня с ним минутный разговор. Ты покури в уголке.

Федор. Мне не хотелось бы встречаться с ним. Черный ход у вас не забит?

Ольга. Зайди пока за ширму. Он спешит, это недолго.

Федор отправляется за ширму. Ольга открыла дверь.

Папа просит вас зайти, товарищ Колесников.

Тот входит в меховой куртке и уже с кобурой на поясном ремне. Он тоже лобаст, высок и чем-то похож на Федора, который из-за ширмы слушает последующий разговор.

Колесников. Я за вами, Иван Тихонович. Машина у ворот, два обещанных места свободны. *(Ища глазами.)* У вас много набралось вещей?

Таланов. Я не изменил решения. Я никуда не еду, милый Колесников. Здесь я буду нужнее.

Колесников. Я знал, что вы это скажете, Иван Тихонович.

Ольга *(тихо, ни на кого не глядя)*. Времени в обрез. Небо ясное, скоро будет налет.

Таланов *(Колесникову)*. Торопитесь, не успеете мост проскочить... Ну... попрощаемся!

Колесников не протянул руки в ответ.

Вы ведь тоже уезжаете?

Колесников *(помедлив)*. Нас никто не слышит... из соседней квартиры?

Таланов. У нас булочная по соседству.

Ольга хочет уйти.

Колесников. Вы не мешаете нам, Ольга. *(Таланову.)* Дело в том, что... сам я задержусь в городе... на некоторое время. Я член партии и, пока я жив...

Таланов. Вот видите! *(В тон ему.)* Я тоже не тюк с мануфактурой и не произведение искусства. Я родился в этом городе. Я стал его принадлежностью... *(для Федора)* как его пожарная каланча. И в степени этой необходимости вижу особую честь для себя. За эти тридцать с лишком лет я полгорода принял на свои руки во время родов...

Колесников *(улыбнувшись)*. И меня!

Таланов. И вас. Я помню время, когда ваш отец был дворником у покойного купца Фаюнина. *(Иронически.)* Постарели с тех пор, доложу вам. Мало на лыжах ходите.

Колесников *(взглянув на Ольгу)*. Ну, теперь будет время и на лыжах походить.

Федор задел какую-то вещь на столике. Она упала.

(Насторожился.) Нас кто-то слушает там, Иван Тихонович.

Таланов. Нет, никто.

Колесников заметил пальто Федора и молча поднял глаза на Таланова. В ту же минуту Федор выступает из-за ширмы.

Федор. Никто — это, по-видимому, я. Как говорится в романах, из стены вышел призрак средних лет. Гутен абенд[1], бояре!

Таланов *(смущенно)*. Вы не знакомы? Это Федор. Сын.

Федор. Когда-то мы встречались с гражданином Колесниковым. В детстве даже дрались не раз. Припоминаете?

Колесников. Это правда. У нас в ремесленном не любили гимназистов. *(С упреком, Таланову.)* Не понимаю только, что дурного в том, что сын... после долгой разлуки... навестил отца!

Федор. Ну, во-первых, сынок-то меченый. Тавро-с! А во-вторых, прифронтовая полоса. Может, он без пропуска за сто километров с поезда сошел да этак болотишками сюда... с тайными целями пробирался?

Ольга. Чем ты дразнишь нас, Федор?.. чем?

Колесников. Вы напрасно черните себя. *(В ответ на дерзкую улыбку Федора.)* Не вижу, что здесь смешного. Вы споткнулись, правда... но если вас выпустили, значит, общество снова доверяет вам.

Федор. Так полагаете?.. ага. Тогда... вот вы обронили давеча, что остаетесь в городе. Разумеется, с группкой вер-

---

[1] Добрый вечер.

ных людей. Как говорится — добро пожаловать, немецкие друзья, на русскую рогатину: пиф-паф!.. Так вот, не хотите ли взять к себе в отряд одного такого... исправившегося человечка? Правда, у него нет солидных рекомендаций, но... *(твердо, в самые глаза)* несмотря на обиду, он будет выполнять все. И смерти он не боится: он с нею три года в обнимку спал.

Неловкое молчание.

Не подходит?

Колесников *(помедлив)*. Я остаюсь только до завтра. Я тоже покидаю город.

Федор. Понятно. *(Поглаживая усики.)* Не потому ли так настойчиво и рекомендуете папаше драпануть отсюда?

Таланов. Я прошу тебя быть вежливым с моими друзьями, Федор.

Колесников. Я отвечу ему. Иван Тихонович безраздельно подарил себя людям. К нему ездят даже из соседних районов. Нам хотелось избавить его от опасностей. К тому же здесь будет довольно шумно, начнут оживать всякие мертвецы. Уже и теперь высовываются кое-где из подполья змеиные головки...

Федор. Значит, сестре моей, Ольге, например, полезен этот шум?

Ольга. Я остаюсь со школой, Федор.

Федор *(руки в карманах и покачиваясь)*. А не проще? Немцам потребуются видные фигуры для разных должностей...

Ольга *(с намеком, резко)*. Боюсь, что они уже нашли их, Федор!

Колесников. Кончайте вашу мысль. Меня мать ждет в машине.

Федор. А не опасаетесь ли вы, что папаша здесь глупостей без вашего присмотра натворит?

Колесников. Вы озлоблены, но в вашем несчастье повинны только вы. Кроме того, мне некогда вникать в ваши душевные переливы. В другой раз. До свиданья, Иван Тихонович!

Они обнялись. Колесников перевел взгляд на Ольгу.

Ольга *(тихо)*. Я провожу вас до машины.

Колесников *(Федору)*. От души желаю вам найти себе место в жизни.

Ф е д о р *(фальцетом)*. Мерси-и.

Ольга выходит вслед за Колесниковым.

Т а л а н о в. Догони и извинись, Федор.

Ф е д о р. Доктор Таланов никогда не сек своих детей... тем более без вины. С годами его взгляды на воспитание изменились?

Таланов устало опустил глаза. Вернулась О л ь г а. Она зябко обхватила руками плечи.

О л ь г а. Звезды, звезды... И, кажется, уже летят.

Ф е д о р *(полувиновато, отцу)*. Слушай, неужели ты и теперь боишься его? Сколько я понимаю в артиллерии, эта пушка уже не стреляет.

Т а л а н о в *(гневно)*. Теперь я знаю твою болезнь. Это гангрена, Федор.

Ему дурно; ухватясь за край скатерти, он оседает в кресло. Ольга кинулась к нему.

О л ь г а. Папа, ты заболел?.. дать тебе воды, папа?

Вошедшая с ужином Д е м и д ь е в н а торопится помочь ей.

Только тихо, тихо, чтоб мама не услышала.

Они успевают дать ему воды и подсунуть подушку под голову, когда приходит А н н а Н и к о л а е в н а.

Мама, ему уже лучше. Ведь тебе уже лучше, папа?

Т а л а н о в. Трудный день выпал. Всё дети, дети...

Д е м и д ь е в н а *(Федору)*. Ступай уж пока, ожесточенный. Потом постучишься... *(совсем тихо)* я тебя впущу.

Через плечо няньки Федор все смотрит на отца и суетящихся вокруг него женщин. Он, кажется, не верит, что такие пустяки могут вызвать такие следствия.

О л ь г а *(подойдя к Федору)*. В самом деле, тебе лучше уйти теперь. Отец рано поднимается... работы много, очень устает. Пожалуйста...

Ф е д о р *(беря пальто)*. Я не сразу понял, Оля, что это твой жених. Извини!

Ольга *(с горечью)*. И это все, что ты понял за целый вечер, Федор?

Издалека, все повышаясь и усиливаясь, возникает сигнал воздушной тревоги. Федор слушает, подняв голову, потом уходит, никем не провожаемый. Молчание. Присев к столу и сжав уши ладонями, Ольга принимается за правку тетрадей.

Анна Николаевна *(мужу)*. К тебе Кокорышкин с бумагами. Позови его, Демидьевна.

Демидьевна *(на кухне)*. Войди, казенная бумага. Засох поди у печки-то.

Она уходит, взамен появляется Кокорышкин и уже на ходу достает чернильницу из кармана.

Таланов. Задержал я вас, Кокорышкин.

Кокорышкин. Пустяк-с. Зато помечтал на досуге.

Анна Николаевна. О чем же вам мечтается? *(С болью.)* Не о сыне ли?

Кокорышкин. Мои мечтания больше все из области сельского хозяйства. *(Копаясь в портфеле.)* Диоклетиан, царь, удалился от государственных дел для ращения капусты. В Иллирию! *(Подняв палец.)* Громадные кочны выращивал. *(Подавая бумагу.)* О проведении оборонных мероприятий.

Таланов. Это о курсах медсестер? *(Подписывая.)* А ведь был день, Аня... и у нас все наше, мечтанное, было впереди. И ты держишь экзамен, на тебе майское платье. И ты играла тогда... уже забываю, как это?

Анна Николаевна идет к пианино. Одной рукой и стоя она воспроизводит знаменитую музыкальную фразу.

И дальше, дальше. Там есть место, где врываются ветер и надежда.

Тогда она садится и играет в полную силу. Молча Кокорышкин подает, а Таланов подписывает бумаги.

Кокорышкин. И последнюю, Иван Тихонович.

Слышен разрыв бомбы, и второй — ближе. Музыка продолжается. Это борьба двух противоположных стихий. Когда героическая мелодия заполняет все, следует третий, совсем близкий разрыв. Дребезг стекла и грохот обвала. Свет гаснет. С разбега Анна Николаевна успевает сыграть два последующих такта. Потом тишина.

Чернил не опрокиньте, Иван Тихонович. Погодите, я вам спичечку чиркну.

А н н а Н и к о л а е в н а. Оля, зажги лампу. На окне стояла.

Вспыхнула спичка в потемках. Ольга уже у окна. Громадные тени колеблются на стенах. Короткая пальба и непонятный шум с улицы. Лампа разгорается плохо. Все на ногах. Портрет Феди лежит на полу, и как будто уже наступил другой вечер другого мира. Д е м и д ь е в н а с огарком входит из кухни.

О л ь г а. Принеси метлу, Демидьевна, стекла вымести. Федя упал.

Демидьевна уходит. Слабый шорох у двери. Только теперь Талановы замечают на стуле возле выхода незнакомого с т а р и ч к а с суковатой палкой между колен. Он улыбается и кивает, кивает плешивой головой, то ли здравствуясь, то ли милости прося и пристанища.

Т а л а н о в *(с почтенного расстояния)*. А ты как попал сюда, отец?

С т а р и к. Со страху заполз, хозяин. Небеса рушатся.

Ольга подносит лампу ближе. На госте грязные стеганые штаны и такая же кофта; сума и ветхая шапчонка лежат у ног. Точно принюхиваясь, Кокорышкин со всех сторон осматривает старика.

О л ь г а. Ты сам-то откуда, старик?

С т а р и к. Странствую, аки Лазарь... в пеленах, в коих был схоронен. И, эва, плита гроба моего еще глядит мне вслед.

И, стуча палкой, таким обострившимся взором уставился в угол, что все невольно покосились туда же.

Чево, чево чресла-то разверзла, вдовица каменная!

А н н а Н и к о л а е в н а *(вполголоса)*. Наверно, больной... на прием к тебе притащился.

Т а л а н о в *(уже профессионально.)* И давно странствуешь, отец?

С т а р и к. Ведь как: ум-то жадный, немилосливый, шепчет — год, год, а ноги-то стонут — триста, триста! Так и бреду, в два кнута.

О л ь г а. Так ты не туда забрел, дедушка.

С т а р и к. Дом-то фаюнинской?

Т а л а н о в. Дом-то фаюнинский, да тебе через площадь надо. Номера не помню, тоже бывшего купца Фаюнина дом. И там проживает доктор вроде меня, с бородочкой. Он как раз специалист по странникам. К нему и ступай.

А н н а Н и к о л а е в н а. Пускай переждет, пока налет кончится.

С т а р и к. Спасибо, Анна Миколаевна, за жалость твою.

Анна Николаевна *(настороожась)*. А вы меня откуда знаете?

Старик. Может, и во сну встренулись ненароком. Вот креслице стоит, мяконькое... и креслице снилось не раз. На нем еще подпалинка снизу есть.

Ольга. Никакой подпалинки там нет, вы ошибаетесь.

Старик. Есть, дочка, есть. Сон был такой: колечко золотое закатилось, а дворник свечку под низ и поставь. Чуть пожара не наделал.

Таланов. Я такого случая не помню.

Старик. А давай взглянем, Иван Тихонович. Подержика батожок мой, хозяюшка. *(Кокорышкину.)* Помоги, мушиная чахотка.

Вдвоем с Кокорышкиным они кладут кресло набок. На холщовой подбивке явственно видно большое горелое пятно. Талановы переглянулись.

Тебя, дочка, еще на свете не было, а вещь эта уже в конторе у Николая Сергеевича Фаюнина стояла.

И что-то в отношениях решительно меняется. Кокорышкин почтительно и чинно кланяется старику.

Кокорышкин. Добро пожаловать, Николай Сергеевич. Измучились, ожидамши. Свершилось, значит?

Старик. А потерпи, сейчас разведаем. *(Жесткий, даже помолодевший, он идет к старомодному телефонному аппарату и долго крутит ручку.)* Станция, станция... *(Властно.)* Ты что же, канарейка, к телефону долго не идешь? Это градский голова, Фаюнин, говорит. А ты не дрожи, я тебя не кушаю. Милицию мне. Любую дай. *(Снова покрутив ручку.)* Милиция, милиция... Ай-ай, не слыхать властей-то!

Кокорышкин *(выгибаясь и ластясь к Фаюнину)*. Может, со страху в чернильницы залезли, Николай Сергеевич, хе-хе!

Фаюнин вешает трубку и сурово крестится.

Фаюнин. Лета наша новая, господи, благослови.

Теперь уже и сквозь прочные каменные стены сюда сочится треск пулеметных очередей, крики и лязг наползающего железа.

Ныне отпущаеши, владыко, раба своего по глаголу твоему с миром. Яко видеста очи мои...

Его бесстрастное бормотанье заглушается яростным звоном стекла. Снаружи вышибли раму прикладом. В прямоугольнике ночного окна — освещенные сбоку заревом люди в касках. Сквозь плывущий дым они заглядывают внутрь. Это немцы.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

И вот беда грозного нашествия застлала небо городка. Та же комната, но что-то безвозвратно ушло из нее: стала тусклой и тесной. Фотографии Федора уже нет, только срамное, в паутине и с гвоздем посреди, пятно зияет на обоях. Сдвинутые вещи, неубранная посуда на столе. Утро. В среднее окно видна снежная улица с тою же, но уже срезанной наполовину колокольней на бугре. Соседнее, высаженное в памятную ночь, забито поверх одеяла планками фанеры. Откуда-то сверху — то усилится, то затихнет — доносится унылое, от безделья, мужское пение. Ольга, одетая по-зимнему, собралась уходить. Анна Николаевна держит дверь за скобку.

Ольга. Мама, мне каждая минута дорога... Мама!

Анна Николаевна. А я не пущу тебя, Ольга, не пущу.

Ольга. Пойми, дети могли собраться... Из шестидесяти хоть трое. Что будет с ними?

Анна Николаевна. Сядь и рассуди: какие же занятия сегодня? И кто, безголовый, пошлет своего ребенка в школу!

Два, один за другим, выстрела. Пригнув голову, кто-то суматошно и беззвучно пробежал под окном.

Отойди от окна, Ольга.

Ольга *(переменив место)*. Некоторые живут при глухих бабках, а те и землетрясенья не услышат, если бы случилось... Я должна, мне нужно пойти. Я деньги за это получаю, мама!

Таланов *(из соседней комнаты)*. Дай человеку что-нибудь делать, Анна.

Анна Николаевна. Ты хочешь потерять и дочь? Последнюю, Иван.

Демидьевне, которая вошла из кухни.

Чего они там распелись-то? Точно отпевают кого...

Демидьевна. И верх, и флигелек во дворе заняли. Куды ни глянь — солдат торчит. *(Доверительно.)* Опять нонче четверых немцев нашли заколотых. А сверху записочка на всех общая.

Анна Николаевна. А в записке что?

Демидьевна. А в записочке надпись, сказывают,— «добро пожаловать». Наро-оду похватали! И у нас на дому синяя бумага висит. Большие деньги сулят, кто докажет. Ищут...

Анна Николаевна. Кого же ищут-то?

Демидьевна. Кто его знает, Андрея какого-то. А у нас в городу Андреев-то штук тридцать поди наберется.

Ольга. Нам это неинтересно, Демидьевна. Мы люди мирные. И вам лучше заниматься своим делом.

Демидьевна. В немки, что ль, записаться? *(Обиженно.)* Картошка-то у нас на погребе, мимо немца идти. Рази Аниску послать? Она как ветерок проскочит.

Анна Николаевна. Пока не стихнет, никому из квартиры не выходить. Пошли ее сюда, на столе прибрать. *(Ольге, после ухода Демидьевны.)* Расспроси-ка ее сама, что в Ломтеве-то делается!

Ольга, не раздеваясь, терпеливо садится на стул. Вошла Аниска.

Аниска. Меня баушка послала. Что делать-то надо?

Анна Николаевна. Прибери посуду, девочка, только не побей чего-нибудь.

Пыхтя от важности порученного дела, Аниска приступает к работе.

А вот Ольга говорит, что зря ты из Ломтева убежала.

Аниска *(рассудительно)*. Чево зря! Лютовать стали, Анна Миколавна. Избу вытопят, сестры нашей, бабенок, нагонят, распатронят как следовает быть... и пошла карусель. У меня подружка была, на одной парте сидели, Клавушка... Так, нагишом, в ледяную воду и кинулась. *(По-бабьи, концом головного платка она коснулась глаз.)* Чать, помните озерышко-то наше?

Анна Николаевна. Помнишь, Оля, ломтевские озерки? Ивы старые кругом... помнишь?

Ольга безучастно смотрит в окно.

Аниска. Офицер один боле всех зверовал. Белобрысый, ровно дым, а хроменькой. Надругается да еще спину сургучом припечатает. С чего бы это, Анна Миколавнушка? Ведь баба-то, чать, не письмо.

Ольга *(решительно поднявшись)*. Ну, мамочка, я пошла. А то мне поздно станет.

Анна Николаевна. Платок-то порванéй надень. Да горбься, горбься на улице-то. Горбатая да убогая кому глянется!

Ольга отворила дверь и тотчас закрыла. Долетел шум ссоры: ворчливый басок Демидьевны и знакомый тенорок Фаюнина.

Ольга *(отцу, в соседнюю комнату)*. Иди, папа. Начинается светлая жизнь. К тебе власть с визитом. Я черным ходом пройду. *(Обернувшись.)* Не беспокойся, мама... я скоро вернусь.

Она ушла. Обороняясь от наступающего гостя, появляется Демидьевна. На Фаюнине летний просторный пиджак со складками от лежанья в заветной укладке. Сапоги, стоячий воротничок и лысина блестят, как натертые воском. У него вид и повадки дореволюционного филера.

Фаюнин. Не заигрывай, голубушка, старик я. Пусти руки, не заигрывай.

Демидьевна. Не посмотрю, что Лазарь. Вдругорядь уже поглубже закопаем, чтоб не вылезал.

Фаюнин. Ай-ай, дуреха какая. Уйди, не расстраивай меня, уйди.

Таланов *(выходя к Фаюнину)*. И правда, уйди, Демидьевна.

Косясь и ворча, та отходит в сторону.

Фаюнин. Разве можно такие слова, да на людях, да под горячую руку, да кому? Мне! Ай, дуреха. *(Всем.)* Поздравляю вас, родные мои. Не за горами, не за горами свет.

Все молчат. Он напрасно ждет ответа.

А вы не молчите со мной, родные. Не за платой квартирной, с миром пришел. И пришел к вам один. Мог бы и во множестве нагрянуть, а один пришел. Эва, весь тут.

Анна Николаевна. Зачем же вы нас пугаете, Фаюнин?

Фаюнин. Чем тебя, хозяюшка, птаха сирая испугать может, чем? Твой дом — полная чаша, а мое гнездо где? Где слава моя, фирма где? Одна газетина парижеская писала, что-де лён фаюнинский нежней, чем локоны Ланкло Нинопы... Нету! Где птенец мой любимый? В тесной земляной каморке почивает.

Демидьевна. В богадельню, что ли, его, краснорожего? Уж он людей травить зачал.

Фаюнин *(круто повернув голову, так что воротничок врезался в шею)*. Чего-с? У сирой пташки востры зубки прорезались. Как бы ей тебя, старушечка, не прокусить!

Таланов. Ты, Демидьевна, так и не пришила мне вешалки. Принеси в кабинет. Пусть Анна Николаевна займется.

Обе поняли и уходят.

Вы, конечно, по делу ко мне, господин Фаюнин?

Фаюнин. Угадали. Второй день стремлюсь задушевно поговорить с вами, Иван Тихонович. *(Аниске, которая подметает пол, намеренно пыля на Фаюнина.)* Стань, деточка, в подъезде. Как машина подкатит, упреди. Брысь!

Аниска убежала.

Сядем, Иван Тихонович. Старики, а равно на дуели стоим.

Таланов. Я слушаю вас.

Они сели.

Фаюнин. Где пешком, где опрометью — светлый день грядет. Уже скоро, шапки снявши у святых ворот Спасских, войдем мы с вами в самый Архангельский собор. И падем на плиты и восплачем, изгнанники рая. *(Мельком.)* Давно в Кремле-то не бывали?

Таланов. Давно.

Фаюнин *(иронически)*. Я тоже, все как-то собраться не мог. Сперва, знаете, скитался, потом в одиночестве томился, затем строительством занимался в горах Акатуя... *(Заметив движение Таланова.)* Чего, виноват?

Таланов. Мне непонятно... чем я вызвал такое доверие ваше.

Фаюнин. Сходность судьбы-с. Милостями от прежних оба мы не отягощены: сынки наши, может, на одних нарах

в казенном доме спали. Кроме того... *(Он щелкнул крышкой часов и почмокал.)* Ай-ай, время-то. Давайте уж пряменько. Домичек сей со всей его начинкой предназначен под комендатуру. Сперва в школу метили, где Ольга Ивановна ваша, да поскольку сгорела дотла, а ремонт нонче, сами знаете... Словом, сейчас сюда прибудут для осмотра адъютант Виббеля, коменданта, и Мосальский-господин. Значит, вас с супругой тряханут отсюда на старости лет. Но... *(почти на ухо, по-приятельски)* бог-то силен! Виббель, по слухам, на тигров охотился, но, подобно Первому Петру, государю, ужасно мышек боится. Вот мы бы его мышками, а?

Таланов. Вы покороче, я понятливый.

Фаюнин. Слушаю-с. *(Деловито.)* Утречком опять четверых нашли. Все одним почерком, в бочок, заколоты. И с записочкой... Следовательно, остался в городе один какой-то шутник. Андреем его зовут, Андреем. Кто бы это мог быть, а? Хоть бы фотографию взглянуть, что за Бова такой бесстрашный.

Таланов. Фотографией не занимаюсь. Андреев знакомых не имею. Всё больше Иваны. И сам я тоже Иван.

Фаюнин. Теперь неповинные пострадают. Виббель-то отходчив, да с него Шпурре требует. А Шпурре этот... известно вам, что такое дьявол? Так вот господин Шпурре этим самым дьяволом кровь у себя в управлении, как тряпкой, вытирает. Вытрет, выжмет насухо и сушиться на веревочку повесит. Да-с! А уж чего, казалось бы, этому Андрею руками махать. Можайск-то пал, уж в подзорную трубу воробьев на Архангельском соборе видать... *(В самые глаза.)* Убедили бы вы его при личном свидании, чтоб сокрылся от греха, не мутил бы нашего города!

Таланов. Это кого же убедить?.. Шпурре, дьявола или самый Архангельский собор?

Фаюнин *(почти по-детски)*. Нет, а этого самого, Андрея.

Таланов. На площадь, что ли, выйти и кричать, пока не услышит?

Фаюнин. Разве так дозовешься!.. А вы черканите ему письмишечко, чтоб пришел по срочному делу. Кокорышкин так полагает, что адресок его вам непременно известен. Вот и повидаетесь.

Он ласково поглаживает рукав Таланова. Тот поднялся, шумно отставив стул.

Таланов. И опять не туда вы забрели, Фаюнин. В должности этой я никогда еще не состоял.

Фаюнин *(тоже встав)*. Это... в какой должности?

Таланов. А вот в должности палача. Не справиться мне, силы не те. Тут, знаете, и веревку надо намылить, и труп на плече оттащить...

Фаюнин. Жаль, жаль! Боюсь... больно Кокорышкин кругом вьется. С Мосальским снюхается, из зубов кусок вырвут... *(С надеждой.)* Ведь не к спеху, можно и завтра, а?

С перепуганным видом Аниска влетает из прихожей.

Ну, что там?

Аниска. Енарал приехал!

Пометавшись, она потом незаметно прячется за портьерку. Фаюнин выглянул в окно.

Фаюнин. Хватайтесь за свое счастье, Иван Тихонович. Сам Виббель прикатил.

Он заранее замирает в полупоклоне. Входит Мосальский, из эмигрантского поколенья, в русском, видимо отцовском, башлыке и дубленом командирском полушубке. Он пропускает вперед похрамывающего адъютанта Кунца, белобрысого, как дым.

Кунц. Achtung! [1]

Затем, потирая подмерзшие уши, появляется Виббель, высокий пожилой офицер в шинели. Фаюнин устремляется навстречу.

Фаюнин *(скороговоркой)*. Рад приветствовать в собственном доме, где познал жизнь и сам родил сына моего, павшего в беззаветном бою с коммунизмом. Фаюнин... градский голова. Фаюнин.

Кунц. Zurück! [2]

Виббель *(Кунцу, гладко и медленно, точно читает упражнение)*. Я уже давал приказ моим офицерам говорить в этой стране по-русску. *(Полуобернувшись.)* Sklave?

Мосальский *(переводит на ухо)*. Раб.

Виббель. Раб может не знать язык господина, aber [3] господин обьязан знать язык раба.

Кунц *(покраснев и с усилием)*. Это та-ак трудно, господин майор.

---

[1] Внимание!
[2] Назад!
[3] Но.

Виббель *(сердясь)*. Но я сам говору по-русску. *(Указав пальцем на Таланова.)* Кто этот?

Фаюнин *(самозабвенно)*. Таланов — знаменитый здешний, извините за выражение, эскулап-с.

Виббель склонил голову к Мосальскому.

Мосальский *(на ухо)*. Arzt! [1]

Виббель. Пошему молшит?

Фаюнин. Доктор Таланов взволнован честью видеть господина Виббеля.

Мосальский. Тебе приличнее, Фаюнин, называть господина коменданта — господин майор.

Виббель. Нишево. *(Таланову.)* Надо говорит, мой дружок.

Фаюнин. Господина Таланова сын известен нам как борец против советской власти.

Таланов *(вспыхнув и со стыдом)*. Это все неправда... Ложь и неправда.

Фаюнин. От скромности!.. Господина Таланова сын совместно с геройски погибшим сыном моим Гавриилом...

Виббель хмурится.

Мосальский. Когда ты напомнишь это в десятый раз, Фаюнин, мы отправим тебя в долговременную побывку к твоему сыну. *(Таланову.)* Отвечай. Сколько здесь комнат и выходов?

Таланов. Когда вы родились, молодой человек, я уже лет десять верно служил моей родине. *(Помолчав.)* Три и кухня. Выходов два.

Мосальский *(опустив глаза)*. Подвальное помещение у вас имеется?

Таланов отрицательно качнул головой.

Угодно господину майору осмотреть расположение комнат?

Фаюнин *(забегая вперед)*. Здесь, изволите видеть, у них кабинет. Имеется неудобство: как ни кинь, стол приходится против окна. А за окном-то русские ходят! Конечно, если поставить дополнительно часового...

Мосальский останавливает его за плечо.

Мосальский. Останешься здесь, Фаюнин.

---

[1] Врач!

Т а л а н о в. Могу я уйти теперь?

Ему не отвечают. Виббель взглянул на Кунца, тот остается. Мосальский с Виббелем уходят.

Ф а ю н и н *(желчно)*. Уж если вы, Иван Тихонович, сами выгоды своей не понимаете, так мне, по крайней мере, не мешайте. Они же вам тут кровью всё загадят!

Т а л а н о в. Ах, не трогайте вы меня, Фаюнин.

У окна, где стоит Кунц, дрогнула портьера. Кунц с интересом отводит ее в сторону. Прижавшись к косяку, А н и с к а в ужасе молчит. Кунц узнал свою беглянку.

К у н ц. Ah, du, mein feiner Käfer! [1]

Он тянется пальцами к ее подбородку. Аниска с визгом бросается наутек. Приговаривая: «Komm mal her, komm mal her, Liebchen» [2],— Кунц спешит за нею. В сопровожденье М о с а л ь с к о г о возвращается встревоженный В и б б е л ь.

М о с а л ь с к и й. Кто тут кричал?

Ф а ю н и н *(разводя руками)*. Такая оказия! Мышка скользнула да прямо девчонке под подол...

В и б б е л ь *(тихо)*. Что есть мишка?

М о с а л ь с к и й *(на ухо)*. Maus [3].

Ф а ю н и н. Их тут и раньше пропасть бегало. По причине соседства булочной. За обоями так, бывало, стайками и шурстят.

Виббель в нерешительности посматривает под ноги себе. Виновато посмеиваясь, возвращается К у н ц.

Только они тута ласковые, господин майор, ровно канарейки...

В и б б е л ь *(содрогнувшись)*. А, ньет. Этот плохой дом. Ньет этот, ну... Kein Raum für die Wachtmanschaft [4].

М о с а л ь с к и й. Конвойная рота.

В и б б е л ь. Да, так. Wir müssen in alte Loch zurück [5].

Вскинув два пальца к козырьку и все еще поглядывая по углам, он поворачивает к выходу. Для прочности воздействия Фаюнин решается даже преградить ему путь,

---

[1] А, это ты, милочка!
[2] Поди сюда, поди сюда, красотка.
[3] Мышь.
[4] Нет помещения для охраны.
[5] Придется возвращаться в прежнюю дыру.

Фаюнин. А ведь только, господин майор, от них вреда нету... от мышек. *(Действием показывая, как это делается.)* Ее в уголочек загонишь, пальчиками этак сдавишь шеечку... и в форточку. Сальто-мортале — и всё!

Виббель ускоряет шаг. Не отставая, Фаюнин убегает за ним.

Мосальский *(уже вежливо)*. Скажите, доктор... Я не очень верю этой лисе. Сюда действительно забегали мыши?

Таланов *(в лицо)*. И крысы, господин офицер.

В глазах Таланова не читается и следа насмешки. Мосальский неохотно берется за скобку двери. Вернувшийся Фаюнин, облизывая губы, сторонится в дверях.

Фаюнин. Видали,— как пробка у меня вылетел! Вопите ура, Иван Тихонович: сам буду жить у вас. *(На радостях он даже пытается обнять Таланова.)* Зато уж потесню маненько, кабинетик-то отберу. Временно! Крупной фирме место только в Москве. Кстати, я сего генерала и на новоселье пригласил. Четверть века именин не справлял... теперь уж по новому стилю их отпляшем. Подарков не жду, а уж с супругой пожалуйте!

Таланов. Вряд ли выйдет,— мы люди больные...

Фаюнин. Не пренебрегайте: сам Шпурре будет. Пригодится! Насчет Андрея подумайте. И хотя... *(загадочно)* мы его, возможно, еще нынче вечерком сами увидим, политически важно, чтоб это исходило именно от вас. А ведь ловко придумано: добро пожаловать! Шпурре так распалился, что аж искры от него летят, как эти словца услышит.

Таланов. Я устал, я устал от вас, Фаюнин.

Фаюнин. Лечу. Еще в управу надо, потом мертвяков немецких хоронить, потом с жителями совещание... Дела! Вы пока вещи-то переносите, а вечерком я и сам сюда переберусь. Ауфвидерзен, что значит — будьте здоровеньки, господин эскулап!

И, сделав ногами балетный росчерк, убежал. Минуту Таланов стоит посреди, повторяя: «Обезьяны, обезьяны...» Потом начинает снимать фотографии со стен. За этим делом застает его Анна Николаевна.

Анна Николаевна. Что ты делаешь, Иван?

Таланов. Освобождаю место, Аня. Здесь предполагается обезьянник.

Анна Николаевна закутывает голову шерстяным платком.

Далеко собралась?

А н н а Н и к о л а е в н а *(с досадой)*. И ведь запретила из дому выходить. Солдаты шляются по городу, трезвые хуже пьяных. Аниска пропала, Иван.

Войдя через заднюю дверь, О л ь г а проходит к себе за ширму.

Хоть Ольга-то вернулась, слава богу. *(Громко.)* Оля, к тебе два каких-то товарища пришли по школьным делам.

О л ь г а. Ничего, подождут.

Анна Николаевна ушла.

Т а л а н о в. Что у тебя в школе, Ольга?

О л ь г а *(почти беспечно)*. Как всегда, мама оказалась права. Из ребят никто не явился. *(Вышла, взяла хлеб со стола.)* Ужасно проголодалась.

Т а л а н о в. Что же ты делала в школе?

О л ь г а. Заглянула в класс. Пустой, неприбранный. И только сквозняк Африку на стенке шевелит. Там окно разбито.

Т а л а н о в. Одно разбито... или несколько?

Опустив руку с хлебом, Ольга пристально смотрит на отца.

Мы жили дружно, Оля. И у тебя никогда не было от нас секретов. Но вот приходят испытания, и ты выдумываешь разбитое окно... и целую Африку, как могильный камень, нагромождаешь на нашу дружбу. Ты рассеянная. Ты даже не заметила, что школа-то сгорела, Оля.

О л ь г а *(ловя руки отца)*. Милый, я не могла иначе. Я не имею права. Ты же сам требуешь, чтоб я дралась с ними... мысленно требуешь. Кого же мы — Федора туда пошлем? *(Нежно и горько.)* И я уже не твоя, папа. И если пожалеешь меня — уйду. *(И сквозь слезы еще не известная Таланову нотка зазвучала в ее голосе.)* Ах, как я ненавижу их... речь их, походку, всё. Мы им дадим, мы им дадим урок скромности! И если пушек не хватит и ногти сорвут, пусть кровь моя станет ядом для тех, кто в ней промочит ноги!

Т а л а н о в. Вот ты какая выросла у меня. Но разве я упрекаю или отговариваю тебя, Ольга, Оленька!

О л ь г а. И не бойся за меня. Я сильная... и страшная сейчас. В чужую жалобу не поверю, но и сама не пожалуюсь.

Т а л а н о в. Вытри слезы, мать увидит. Я пока взгляну, что она, а ты прими своих гостей. *(С полдороги, не обернув-*

шись.) Фаюнин обмолвился — вечером намечается облава. Так что, если снова соберешься в школу...

Ольга *(без выражения)*. Спасибо. Я буду осторожна.

Отец ушел. Ольга отворила дверь на кухню. Она не произносит ни слова. Так же молча входят: Егоров, рябоватый, в крестьянском армяке, и другой, тощий, с живыми черными глазами — Татаров, в перешитом из шинели пальтишке. Говорят быстро, негромко, без ударений и стоя.

Кто из вас придумал назваться школьными работниками? На себя-то посмотрите! А что в доме живет врач и вы могли порознь прийти к нему на прием, это вам и в голову не пришло?

Татаров. Верно. Сноровки еще нет. Учимся, Ольга Ивановна.

Егоров. Ничего. Ненависть научит. Мужики-то как порох стали, только спичку поднесть. *(Передавая сверток в мешковине.)* Старик Шарапов велел свининки Ивану Тихоновичу передать: жену лечил у него... Видела Андрея?

Ольга. Да. Он очень недоволен. В Прудках разбили колунами сельскохозяйственные машины. Зачем? В Германию увезут или стрелять из молотилок станут? Паника. А в Ратном пшеницу семенную пожгли. Прятать нужно было.

Егоров. Не успели, Ольга Ивановна.

Татаров *(зло)*. А свою успели?

Ольга. И все забывают непрерывность действия. Чтоб каждую минуту чувствовали нас. Выбывает один — немедля, с тем же именем заменять другим. Партизан не умирает... Это — гнев народа!

Дверь распахнулась. Ничего не понять сперва: шум, плач, чей-то истерический смешок. Не замечая посторонних, вбежала Анна Николаевна.

Анна Николаевна. Быстро, дай что-нибудь теплое... юбку, одеяло, все равно!

Ольга. Что случилось?.. с папой? Ты вся дрожишь, мама.

С силой, непривычной для женщины, Анна Николаевна выдернула из-под кровати чемодан Ольги и наспех выхватывает вещи. Ольга выглянула в прихожую.

Она под машину попала, мама?

Анна Николаевна *(убегая с ворохом вещей)*. Самовар поставь... и корыто железное из чулана сюда!

Ольга *(гостям)*. На кухню. Там договорим.

Егоров и Ольга уходят. Татаров задержался: ему видна прихожая. По его посуровевшему лицу можно прочесть о происходящем там.

Голос Таланова. Я подержу под руки пока... Освободи диван, Демидьевна!

Голос Анны Николаевны. Ничего, милочка, ничего. Здесь их нету... успокойся.

Пятясь и не сводя глаз с Аниски, которую сейчас введут в комнаты, появляется Демидьевна.

Демидьевна *(причитая)*. Махонькая ты моя, зве-ез-дочка, потушили тебя злые во-ороги...

Горе ее бесконечно.

КАРТИНА ВТОРАЯ

И вот переселение состоялось. Теперь жилище Таланова ограничено пределами одной комнаты, заваленной вещами: еще не успели разобраться. Вдоль стен наспех расставлены кровати: одна из них, видимо, спрятана за ширмой. Веселенькая ситцевая занавеска протянута от шкафа к окну, закрытому фанерой. В углу, рядом со всякой хозяйственно-обиходной мелочью — щетка, самовар, еще не прибитая вешалка,— стоит разбитый, вверх ногами, портрет мальчика Феди. Поздний, по военному времени, час. У Фаюнина передвигают мебель, натирают полы: торопятся устроиться до ночи... Только что закончилось чаепитие на новом месте. Присев на тюк возле стола, Анна Николаевна моет посуду. Таланов склонился над книжкой журнала.

Таланов *(откладывая книгу)*. Так рождается новая область медицины: детская полевая хирургия!

С фаюнинской половины слышен визгливый голос Кокорышкина: «Краем, краем заноси... Люстра, люстра! В ноги надо смотреть...» Треск мебели, жалобный звон хрустальных подвесок, что-то упало и покатилось. «Мильонная вещь, деревенщина!» Какой-то огромный предмет протаскивают за открытой дверью. В жилетке, с перекошенным лицом, влетает, обмахиваясь картонкой, Кокорышкин, произносит: «Упарят они меня нынче. Откажусь, откажусь... Капусту стану садить!»— и исчезает. Таланов идет закрыть дверь, но и после сюда сочится брань и скрежет; кажется, нечистая сила переставляет там стены с места на место, а на матовом стекле появляются размахивающие руками силуэты и тени фантомов, занятых благоустроением фаюнинского уголка.

Помяни мое слово: съест Фаюнина наш Кокорышкин. В гору пошел!.. Ну, спать пора, Аня, поздно.

Анна Николаевна. Надо еще Ольги дождаться. *(Вдруг.)* Как ты думаешь, зачем сюда приехал Федор?

Т а л а н о в. Не надо о нем, Аня. Мы похоронили его еще тогда, три года назад.

А н н а Н и к о л а е в н а *(обычным голосом)*. Не пора давать лекарство?

Т а л а н о в. Через десять минут.

А н н а Н и к о л а е в н а. Через десять минут уже нельзя ходить по улицам, а Ольги еще нет.

Т а л а н о в. Открыла бы дверь на всякий случай.

А н н а Н и к о л а е в н а. У нее есть ключ.

На кухне хлопнула дверь.

Легка на помине.

Рванув на себя дверь, вся в снегу, вошла О л ь г а. Стоя к родителям спиной, она отряхивает шубку за порогом. Так удается ей скрыть одышку от долгого бега.

О л ь г а *(еле переводя дыхание)*. Кажется... я опять опоздала к чаю?

А н н а Н и к о л а е в н а. Чайник еще горячий. Пей. Что на улице?

О л ь г а. Снег идет... вьюга. По двору на ощупь шла.

На стекле сгущается силуэт К о к о р ы ш к и н а, потом входит он сам. Ольга делает вид, что не замечает его.

Жалко часовых в такую ночь!.. Вам что-нибудь нужно, Семен Ильич?

К о к о р ы ш к и н. Метелочки у вас не найдется? Пыль обмести.

О л ь г а. Конечно. *(Она подает ему щетку.)* И вообще, если что-нибудь потребуется... Устраиваетесь?

К о к о р ы ш к и н. Расставляемся. Все фаюнинские вещи разыскал. Стол письменный в исполкоме, буфет из детских яслей вырвал... Бесстрашно по улицам ходите, Ольга Ивановна!

О л ь г а. О, у меня еще семь минут в запасе, Семен Ильич.

Г о л о с Ф а ю н и н а. Симе-он!

К о к о р ы ш к и н. Несу-у... *(Проникновенно и с намеком.)* Ну, на новом-то месте приснись жених невесте!

Он убегает, Ольга прикрывает за ним дверь.

А н н а Н и к о л а е в н а. Я даже как-то не знала, что его зовут Семен Ильич. Что же ты стоишь? Садись, пей чай, раз пришла.

Ольга *(неуверенно)*. Видишь ли... я не одна пришла. Такое совпадение, знаешь. Я уже во двор входила, гляжу, а он бежит...

Таланов. Кто бежит?

Ольга. Ну, этот, как его... Колесников! А с угла патрульные появились. Я его впустила...

Родители не смотрят друг на друга: каждый порознь боится выдать то, что знает об Ольге.

Он уйдет, если нельзя. Он минут через шесть... или десять... уйдет.

Таланов. Так зови его. Где же он сам-то?

Ольга. Видишь ли, он ранен немножко. Пуля случайно задела. Пустяки, плечо...

Таланов быстро уходит на кухню.

Мамочка, ничего не будет. Папа перевяжет ему, и он уйдет... домой. Я так прямо ему и сказала. Он понимает.

Анна Николаевна. Посмотри мне в глаза, Оля.

Она приподняла за подбородок ее опущенную голову.

Ты у нас смелая и честная девочка, но ты... последняя. Федор не вернется. Отец стар. Несчастье убьет его.

Ольга порывисто целует ее в лоб. Таланов впускает Колесникова. Он в той же меховой, уже потрепанной куртке, небритый, рука бессильно висит вдоль тела.

Что с ним?

Таланов. Сейчас посмотрим. Оля, воду и тазик. За ширму. Стань у двери, Анна.

Беззвучная стремительная суета. Все на своих местах.

Пройдите сюда, на кровать.

Колесников *(идя за ширму)*. Как нескладно все получилось. И спать вам не даю, да и нагрянуть за мною могут. Снег бы не подвел!

Таланов. Придумаем что-нибудь. Снимайте ваш камзол.

Уходит следом за Колесниковым. Сцена пуста. Дальнейший разговор происходит за ширмой. Льется и булькает вода. Таланов моет руки.

Снимите совсем. Помоги, Ольга. Не торопитесь, вытяните руку...

Треск разрываемой ткани.

Здесь больно?

Колесников. Немножко... Тоже нет, только ноет. А как странно все это, Иван Тихонович! *(Его интонация меняется в зависимости от степени боли при перевязке раны.)* Я говорю, как странно: восемь лет мы работали с вами вместе. Я вам сметы больничные резал, дров в меру не давал, на заседаниях бранились. Жили рядом...

Он замолк. Упали ножницы.

Таланов. Спирт. Потерпите, сейчас закончим. Выше, выше... Бинт.

Потом из молчания снова возникает голос Колесникова.

Колесников. И за все время ни разу не поговорили по душам. А ведь есть о чем. Нет, теперь не больно... И сколько таких неопознанных друзей у нас в стране...

Таланов. Пока всё. Утром еще посмотрим. Где мы его положим, Аня?

Та не успевает ответить. Резкий и властный стук в раму окна. Смятенье. С усилием натаскивая на себя куртку, Колесников первым выходит из-за ширмы.

Колесников. Это за мной. Вот и вас-то подвел. *(Идет к выходу.)* Я встречу их во дворе. Сразу тушите весь свет — и спать.

Анна Николаевна. Оставайтесь здесь.

Колесников. Они будут стрелять... Да и я так, запросто, им не дамся.

Анна Николаевна уходит, сделав знак молчать. Текут томительные минуты. От Фаюнина несется игривая музычка: музыкальный ящик, аристон. На кухне голоса. Колесников отступает за ширму. Обессилевшая, хотя опасность и миновала, Анна Николаевна пропускает в комнату Федора. Он щурится после ночи, из которой пришел: непонятный, темный, тяжелый. Усики сбриты. У него жар, отчего создается впечатление, что он немножко пьян.

Анна Николаевна. А мы уж спать собрались, Федя.

Федор. Я так, мимоходом зашел. Тоже, пора б и мне бай-бай: уста-ал.

Садится, потягиваясь и не замечая, что все стоят и терпеливо ждут его ухода.

Деревни кругом полыхают. Снег ро-озовый летит, и в нем патрули штыками шарят. *(С зевком.)* Облава! *(Подмигнув Ольге.)* А я знаю, по ком рыщут... Найдут, черта с два! Он глядит где-нибудь из щелочки и ухмыляется. Бравый товарищ, я бы взял в компанию такого.

Ольга. А сам-то как же прошел? У тебя ночной пропуск есть?

Федор. У меня в каждом заборе пропуск. *(Задиристо.)* Стрельнули бы, так и у меня есть. *(Хлопнув по карману.)* Пуля за пулю, баш на баш.

Таланов. Выдали, что ли... оружие-то?

Федор. Из земли вырыл, товарищ завещал. *(И только теперь заметив обступившую его выжидательную тишину, поднимается.)* Я ведь, собственно, по делу. У вас выпить чего-нибудь не найдется? Иззяб весь.

Таланов. Странно, Федор. Русские деревни горят кольцом, а тебе холодно. Зашел бы да и погрелся у головешек... *(Резко.)* Нету у нас водки, Федор.

Федор. У доктора да нету... Смешно!

Ольга *(примирительно)*. Я на днях зарплату получила.

У нее все падает из сумочки при этом от спешки.

Возьми, купи себе... только там, там...

Анна Николаевна. Убери свои деньги, Ольга. *(И вдруг, сорвавшимся голосом.)* Подлец... как тебе не стыдно! Волки, убийцы в дом твой ворвались, девочек распинают, старух на перекладину тащат... а ты пьяный — пьяный приходишь в дом к отцу. Ты уже испугался, испугался их, бездомный бродяга? *(Мужу.)* Он трус, трус...

Таланов *(дочери)*. Уведи на кухню. Фаюнин услышит.

Ольга. Мама, пойдем, мамочка... там за печкой и поплачешь. *(Гладя ее руку.)* Он сейчас уйдет. Осталось же в нем хоть немножко сердца: сам уйдет.

Анна Николаевна. Пусть бог, пусть бог его рассудит!

Ольга увела мать, обняв ее беззвучно содрогающиеся плечи. Сутулясь и с обвисшими руками Таланов выжидательно смотрит на сына, который не уходит. Похоже, ему уже безразлично состояние Федора — хмель, бред болезни или раздумье над пропастью.

Федор. И опять сорвалось... Три дня без сна по городу мотаюсь, додумать не умею. Нитка мелькнет и рвется. Если мильон — единица со множеством безмолвных нулей, так почему ж меня зачеркнули, а они не исчезают? *(Пытаясь со-*

греться, он переплетенными руками подтягивает к телу локти.) Погоди, сейчас уйду... Ах, лекарь, как я простыл весь в той жиже ледяной. Слушай, дай мне глоток чего-нибудь, чтоб спалило все внутри... дай!

Таланов *(не сразу)*. Хорошо, я дам тебе лекарство, сильней которого нет на свете.

Федор *(хрипло)*. От смерти глоток... сейчас дай.

Таланов. Сейчас дам. Выпей залпом, если сможешь.

Он неторопливо отдергивает веселенькую занавесочку. Сперва и не поймешь, в чем дело. Сгорбясь, сидит Демидьевна, поглаживая кого-то, лежащего на кровати и накрытого почти с головой. Из-под одеяла посверкивают горячечные точечные зрачки.

Можно к вам, Демидьевна?.. не задремала?

Демидьевна. Не может. *(С глухой мужицкой лаской.)* Спи ты, касатка. Спи ты, яблонька моя полевая. Спи...

Таланов. Вот тебе лекарство, Федор. Оно на человечьей крови замешено.

Федор *(почти жадно.)* Кто же это?

Таланов. Ты видал ее у нас. Смешную Аниску помнишь?.. она. Ей пятнадцать. Их было много, рыжих, беспощадных. Твоя мать нашла ее на дровах, в сарае. Всю в занозах.

Демидьевна. Была смешна, да ни смешиночки в ей не осталося.

Аниска *(высвободив голову и каким-то дрожким, пылающим голосом)*. Ска-азку давай... баушка. Где ты там, где?

Демидьевна. Тут я, тут, яблонька. *(Напевно и меланхолично.)* И вот, махонька моя, лишь успел он вымолвить свое прошенье, глянь — идут к нему полем четыре великих мастера. За руки держутся, голова в облаках. Один в сером, другой в полосатом пальте, в белом третéй, а четвертый в черном. Ветер, дождь, мороз-воевода...

Аниска *(с проблеском сознанья)*. А в черном-то кто же... баушка?

Демидьевна. А в черном пальте — солнышко. В черном-то, чтоб ему ненароком не спалить чего. Оно куда и полюбовно глянет, а там огонь бурлит.

Аниска заулыбалась, довольная, поднялась на локте. Демидьевна откидывает со лба ее волосы.

И пошла меж их дружная работа. Ветер пыхтит — дорожки подметает, дожжик рощу моет, а солнышко радугу над воротами ме-елким гвоздичком приколачивает...

Ф е д о р *(грубовато, тронув Демидьевну за плечо).* А ну, пусти меня посидеть близ нее, нянька.

Демидьевна смотрит на Таланова, тот разрешительно кивает.

Т а л а н о в *(вполголоса).* Приподними ее немножко.

Д е м и д ь е в н а. Подымайся, звездочка. Ты его не бойсь. Это сынок хозяйский, Федор Иваныч. Он тебе пряничек преподнесет.

Безотрывно, опершись локтем в колено, Федор смотрит в горящие глаза Аниски.

Ф е д о р. Есть у ней кто-нибудь из родни-то?

Д е м и д ь е в н а. Были. Были у ей и браты, соколиной рати. Один-то убит, в десантной частѝ. А другой и пононче бессонно бьется. Танкист он подмосковный. Одна я у ей тута. А и самоё — утресь завязало в узелок, и развязаться не могу...

Ф е д о р *(в самые глаза).* Здравствуй, Аниска!

В лице Аниски родится ужас.

А н и с к а. Ой, беги, беги... они тебя за шею повесят, беги-и!

Она бессильно отваливается к стене. Федор поднимается, разминаясь.

Ф е д о р. Хватит мне, пожалуй. Уж больно жжет...

Д е м и д ь е в н а *(Таланову).* Спиночку-то ейную не показать ему? Спиночка-то всея сургучом закапана. *(Решительно, Аниске.)* Сыми давай рубашечку-то, чернавушка. Пускай Федор Иваныч посмотрит. Он из путешествия воротился, еще не знает...

И вот начала было приподымать розовую, с прошивками, Ольгину сорочку, но Таланов остановил ее, а Федор уже отошел.

Т а л а н о в *(поверх уже задернутой занавески).* Лекарство пора, Демидьевна... Вот и всё, Федор. Ну, спать нам тебя положить негде, а уж ночь во дворе.

Ф е д о р *(смотря на свой портрет).* Слушай... у тебя здесь никого нет?

Т а л а н о в. За дверью — Фаюнин, а здесь — нет. А что?

Ф е д о р. Поцелуй меня, отец. В лоб. Вперед и за все разом поцелуй... Можешь?

Таланов криво усмехнулся на непонятную просьбу сына. Вернулась на цыпочках О л ь г а. И вдруг оказывается, сами того не замечая, все

смотрят на один и тот же предмет: тазик с ярко-красными бинтами после перевязки. Ольга делает порывистое движение убрать таз, и это выдает тайну. Сдержанное лукавство проступает в лице Федора. Зайдя сбоку, он сильным и неожиданным движением сдвигает ширму гармоникой. Там стоит Колесников.

Э, да у вас тут совсем лазарет. Комплект!.. Ну, как, приятно стоять за ширмой?

Ольга. Понимаешь, он случайно вывихнул руку, и вот...

Федор *(насмешливо)*. Не вижу смысла скрывать... что к врачу на прием зашел такой знаменитый человек. *(В лицо.)* А за вас большой приз назначили, гражданин Колесников.

Колесников. Мне это известно, гражданин Таланов.

Федор. И все-таки за тебя — мало. Я бы вдесятеро дал. *(Тихо и не без вызова.)* Вникни, старик, в мои душевные переливы. Я такого в жизни моей хлебнул, что мне ничего теперь не боязно. Сейчас я пойду из этого дома вон... пока не выгнали. Никаких поручений мне не дашь?.. могу что-нибудь твоим передать, а?

Колесников. Да видишь ли... нечего мне передавать, пожалуй. Да и некому.

Федор. Та-ак, понятно... Как говорится в романах — «и злодей удалился, низко опустив голову». Зря забрел, наследил только. *(Наклонясь к ногам.)* Вы чего тут наделали в благородном семействе?.. пошли вон!

По его уходе все тревожно переглядываются: какую именно решимость уносит он под этим шутовством. Ольга рванулась брату вдогонку.

Ольга. Большие деньги можешь заработать одним ударом... на выпивку!

Федор обернулся на эту пощечину. Высоко приподняв бровь, он обводит всех почти смеющимися глазами. Так он пятится в дверь, Анна Николаевна бросается следом. Хлопнула дверь, что-то упало и разбилось на кухне, и — молчание.

Шут гороховый... *(Плача и кусая пальцы.)* На выпивку сорвать отправился, шут гороховый...

Таланов. Это ты зря сделала, Ольга. Теперь я боюсь, вам придется быстро уходить отсюда, Андрей Петрович.

Колесников двигается к выходу. На пороге его останавливает вернувшаяся Анна Николаевна.

Выпусти Андрея Петровича.

Анна Николаевна *(шепотом)*. Нельзя. Во дворе какой-то человек стоит. В шляпенке. Мычит и весь дрожит при этом.

Таланов. Может, больной ко мне?

Анна Николаевна. Какие же теперь больные! Не думаю.

Ольга. Как же Федор-то ушел в таком случае?

Анна Николаевна. Значит, не Федор ему нужен.

Двустворчатая дверь торжественно открывается. В одной жилетке, с приятностью в лице, в упоении от достигнутого могущества, входит Фаюнин. Сзади, с подносом, на котором позванивают налитые бокалы, семенит Кокорышкин. Шустрепькая мелодия сопровождает это парадное шествие.

Фаюнин. Виноват. Хотел начерно новосельишко справить... Да у вас гости, оказывается?

Выхода нет. Точно в воду бросаясь, Анна Николаевна делает шаг вперед.

Анна Николаевна *(про Колесникова)*. Гости и радость, Николай Сергеевич. Только что сын к нам воротился.

Таланов. Через фронт пробирался. И, как видите, пулей его оттуда проводили.

Ольга. Знакомьтесь. Федор Таланов. А это градоправитель наш, Фаюнин.

Церемонный поклон. Кокорышкин подслеповато и безучастно смотрит в сторону.

Колесников. Простите, не могу подать вам руки.

Фаюнин. Много и еще издалека наслышан о вас. Присоединяйтесь!

Все разбирают бокалы. У Кокорышкина дрожат руки, стекло позванивает.

Возьми и себе бокалишко да поздравь с возвращением молодого человека, муха.

Не спеша Кокорышкин ставит поднос на стол, выбирает бокал пополнее.

Кокорышкин. Добро пожаловать... Федор Иваныч!

Все смущены. Кажется, Кокорышкин и сам понял свою оговорку — завертелся, заюлил. И может быть, это только танец его сокровенного ликованья.

Ольга. Забудьте эти слова, Семен Ильич. Попадете вы с ними в историю!

Все смеются над смущением Кокорышкина.

Фаюнин. Он теперь и наяву бредит: тайну бы раскрыть... *(Поднимая бокал.)* Ну, будем радехоньки!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же, что и вначале, комната Таланова, теперь улучшенная и дополненная во вкусе нового жильца: ковры, пальмы, аристон, солидная мебель, вернувшаяся по мановению старинного ее владельца. Длинный, уже накрытый стол пересекает сцену по диагонали. К нему приставлены стулья — много, по числу ожидаемых гостей. На переднем плане высокое, спинкой к рампе, кресло для Виббеля. Кривой и волосатый официант, весь в белом, завершает приготовления к новоселью. Сам Фаюнин, в золотых очках и дымя сигарой в отставленной руке, подписывает у столика бумаги, подаваемые Кокорышкиным. Тот уже побрит, приодет, в воротничке, как у Фаюнина, даже как будто немножко поправился. День клонится к вечеру. На месте Фединой фотографии висит меньшего размера портрет человека с крохотными усиками и как бы налипшей прядью через лоб. Разговаривая, все украдкой на него поглядывают.

Кокорышкин. И еще одну, Николай Сергеич.

Фаюнин. Что-то мне, братец, голову от твоих бумаг заломило.

Кокорышкин. Государственное дело только с непривычки утомляет. А как обмахаешься, так и ничего. *(Подавая следующую.)* О сокрытии от германских властей пригодного для них имущества. Не беспокойтесь, сам Шпурре составлял-с!

Фаюнин подписывает.

И последнюю, Николай Сергеич. *(Злорадствуя чему-то.)* При мне господин Федотов, начальник полиции, от Шпурре выходили. Утирали платком красное лицо. Видимо, получимши личное внушение. От собственной господина Шпурре руки... Плохо Андрея ловит-с! *(Подавая бумагу.)* О расстреле за укрытие лиц партизанской принадлежности.

Ф а ю н и н *(беря бумагу)*. Что с облавой?

К о к о р ы ш к и н. Осьмнадцать душ с половиной. Один — мальчишечка. Из них, полагают, двое соприкосновенны шайке помянутого Андрея.

Ф а ю н и н. Эх, его бы самого хоть пальчиком коснуться.

К о к о р ы ш к и н *(тихо и внятно)*. Это можно-с, Николай Сергеич.

Выронив бумагу на колени, Фаюнин уставился на него поверх очков. Кокорышкин многозначительно косится на официанта.

Ф а ю н и н. Слетай, ангелок, проведай там телятину. Не готова ли!

Официант уносится на талановскую половину.

К о к о р ы ш к и н. Есть у меня один приятель... да дорого просит.

Ф а ю н и н. Ну!

К о к о р ы ш к и н. Смеяться станете!.. Имея довоенный еще позыв к политической деятельности, а также стремление искать и находить... Словом, поскольку господина Федотова теперь турнут за непригодность.

Ф а ю н и н *(сообразив)*. В начальники метит твой приятель?.. да он в своем уме? Это же к самому дракону в пасть лезть. Его сам Виббель трясется. Да ты сам-то видал Шпурре хоть раз?

К о к о р ы ш к и н *(благоговейно вдыхая воздух)*. Уму непостижимо. Сила!

Ф а ю н и н. Деньги ж дают, муха.

К о к о р ы ш к и н. Я с ним и так и сяк,— отказывается. Деньги, говорит, есть условный знак мирного времени. Теперь ничего на них не укупишь, а после взятия Москвы другие выпустят.

Ф а ю н и н. Еще когда выпустят-то! За Москвой-то еще Волга. А за ей Урал лежит в шубе снеговой. А еще дале — Сибирь, с речищами, с лесищами. А уж позади ее и невесть что! Только сполохи шатаются... Россия — это, брат, такой пирог, что чем боле его ешь, тем боле остается!

Кокорышкин пожал плечами: дескать, мое дело сторона.

Ты выуди адресок-то, да и обмани.

К о к о р ы ш к и н. Эх, Николай Сергеич! Нонче еще три солдатика задобропожаловали. Может, и сейчас заготовка на

завтра идет. А ведь за это с градского головы взыщут... Скажут: всё сигары курили-с?

Фаюнин суеверно откладывает сигару.

Повременим,— может, и дешевше подвернется.

Он складывает бумаги в портфель; Фаюнин сердится. В сопровождении официанта, осунувшаяся и строгая, в зловеще черном платье, Демидьевна вносит блюдо с телятиной.

Демидьевна *(почти величаво)*. Куды падаль-то ставить, коршуны?

Кокорышкин. Не задевай. Зачем, зачем торопишься? Час настанет, сама помрешь.

Демидьевна. Эх, недоглядела я тебя, Семен Ильич.

Кокорышкин. Еще придешь ко мне в стряпухи наниматься. И прогоню... и прогоню!..

Фаюнин *(шикнув на Кокорышкина)*. Сюда, на срединку, ставь, старушечка. Ой, хорошо ли ужарилась-то? *(Отрезав кусок.)* Ну-ка, пожуй, не жестка ли?

Демидьевна. По моим зубам и каша тверда.

Фаюнин. А все равно пожуй, старушечка.

Усмехнувшись на его опасения, Демидьевна ест мясо. Тогда осмелев, и Фаюнин лакомится куском поменьше.

Ай-ай, ровно бы горчит маненько, а?.. Пригаринка, видно. А не смейся. Видала на стенках-то? Уж ищут одного такого, Андрейкой звать. *(Подмигнув.)* Вот бы тебе хватануть капиталец, на черный-то день, а?

Демидьевна. Куды мне! Капиталу в могилу не возьмешь. Кабы еще продуктами выдавали.

Фаюнин. Можно, можно и продуктами.

Демидьевна. Еще смотря какие продукты. Сухие аль в консервах?

Фаюнин. По желанию. Мыло да крупка хоть век пролежат.

Кокорышкин. В Египте мумию нашли. При ей пшено и кусок мыла. Как вчера положено!

Демидьевна. А как уладимся-то, змей? По чистому весу, с нагиша, станешь платить аль с одежей? А ну-к у ево бомбы в карманах?.. поди чугунные!

Деликатно отвернувшись, Кокорышкин беззвучно смеется. Плечики его вздрагивают. Официант вторит ему, прикрываясь салфеткой.

Фаюнин. Не омрачай мне праздника, старушечка. Именинник я. Уйди, уйди от греха.

Официант усердно перетирает бутылки. Медленная и прямая, Демидьевна уходит, бросив на прощанье: «Чушки!» Фаюнин толкает в бок Кокорышкина.

Кокорышкин. Уж дайте досмеяться, Николай Сергеич. Хуже нет, когда недосмеюсь!

Фаюнин. Полно, рассержусь, полно.

Кокорышкин. Ну, чево, чево вам от меня? Ей-богу, Мосальский дороже даст. Только мигнуть.

Фаюнин. Человек-то он верный, приятель твой?

Кокорышкин. Господи! *(Вкладывая всю душу.)* Он является сыном бедного околоточного надзирателя. Пятен в прошлом не имел. И даже наоборот, судился за растрату канцелярских средств. Сто сорок два рубля-с.

Фаюнин. Больше-то,— аль рука дрогнула?

Кокорышкин. Больше не доверили, Николай Сергеич.

Фаюнин. Ты?

Кокорышкин. Я-с!

Оба смеются.

Фаюнин. Ну, показывай товар лицом, а то гости собираться станут.

Кокорышкин. Увольте, сам тыщу лет ждал. Вся душа перегорела.

Фаюнин. Хоть за ниточку-то дай подержаться. Может, ты только завлекаешь меня!

Кокорышкин. Разве уж ниточку!..

Косясь на дверь к Талановым, он шепчет только: «Ольга Ивановна!»— и отскакивает. Фаюнин раздумчиво мычит.

Фаюнин. Сам-то он далеко отсюда находится?

Кокорышкин. Небыстрой ходьбы... минут двадцать семь.

Фаюнин. А не сбежит он у тебя?

Кокорышкин. Я враз, как прознал, шляпу одну во дворе поставил. Сам не пойдет, чтоб своих не выдать... Все одно как на текущем счету лежит.

Фаюнин. Ну, муха, быть тебе слоном. Бумаги отнесешь, надушись... и покрепче надушись. Пахнешь ты нехорошо!

И приходи. Я тебя на Шпурре выпущу, а уж ты сам яви ему свое усердие.

С дороги Кокорышкин оглядывается, опасаясь за врученную тайну: «Не спугните, Николай Сергеевич!» И верно, оставшись один, Фаюнин сразу оказывается у талановской двери. Он дважды собирается постучать туда, но еще прежде на стекле появляется силуэт Таланова и раздается стук. Отскочив в противоположный угол, Фаюнин сурово вертит ручку телефона.

Комендатуру. Фаюнин. Подожду.

Повторный стук.

Войдите.

Это Таланов. Он очень теряется в своей новой роли просителя.

Ай-ай, а супругу-то на кухне забыл, просвещенный человек!

Таланов. Я не в гости, я по делу, Николай Сергеич!

Фаюнин *(суше)*. Личному?

Таланов. Не совсем.

Фаюнин. Присядьте пока. *(В трубку.)* Не освободилась еще? Подожду. *(Раздумчиво, глядя на стол.)* Четверть века зажмурясь жил, в надежде: проснусь... и всё позади. Отшумело, как дождь ночной. И солнышко. И яблонька в окошко просится. И раскрылись очи, и, эва, яства райские стоят, а на душе — ровно на собственные поминки попал. Как эта болезнь прозывается, доктор?

Таланов. Предчувствие, Николай Сергеич.

Фаюнин. Предчувствие?.. *(В трубку.)* Спасибо, деточка. Битте, мне фирте нуммер нужен. Данке[1]. *(Почтительно.)* Это помощник господина Шпурре? Фаюнин беспокоит. Да опять насчет новоселья-с. Обещались. Что?.. плохо слышно, что? *(Он трясет и дует в трубку.)* Комендант тоже обещались... в целях поддержания авторитета градского головы. Да, кое-кто уже собирается. Что?.. не слышу, не слышу, что? *(Таланову.)* Визг какой-то. И кричит-то как, послушайте-ка!

Таланов *(склоняясь ухом к трубке)*. Это женщина кричит.

Фаюнин. Допрашивают... Ай-ай, и голос знакомый будто. *(Озабоченно.)* Ваша-то Ольга Иванна дома ли?

Таланов *(вздрогнув)*. Была дома... а что?

---

[1] Пожалуйста, мне нужен четвертый номер. Спасибо.

Ф а ю н и н. Ну и слава богу. *(Бережно повесив трубку.)* Не будем мешать им. Вот я и готов, Иван Тихонович.

Таланов собирается с силами. Фаюнин слушает, откинувшись к спинке, прикрыв глаза и играя цепкой часов.

Т а л а н о в. Я пришел выразить свою глубокую обиду.

Ф а ю н и н. Чем именно?

Т а л а н о в. Вам известно, что ко мне вернулся сын. Временно он живет у меня. Вчера он собрался в баню с дороги...

Ф а ю н и н. С простреленной-то рукой? Ай-ай, не бережется наша молодежь... Виноват, слушаю, слушаю!

Т а л а н о в *(решаясь после промаха идти напролом)*. И тогда оказалось, что к моим дверям приставлена какая-то гнусная фигура... в шляпенке да еще с обмороженными ушами.

Фаюнин приоткрыл один глаз, глянул, словно клювом ударил, и снова замер. И только засуетившиеся пальцы обнаружили его волнение.

Ясно, Федору стало противно... и он вернулся домой. *(Горячо и убежденно.)* Слушайте, Фаюнин. Мне шестьдесят. Меня никто никогда не трогал. И я прошу господ завоевателей оставить мою семью в покое и теперь!

Он даже стукнул ладонью по столу. Фаюнин ловит его руку.

Ф а ю н и н. Да успокойтесь вы, Иван Тихонович. Голубчик, придите в себя, успокойтесь. Господи, да кто же вас обидеть собирается! Людей-то ведь нету... я да Кокорышкин на весь город. Ведь вы, к примеру, не согласитесь у чужих ворот постоять... ведь нет? Ну вот! Вот и берут всякую шваль. *(Возмущенно.)* Да еще с обмороженными ушами... ай-ай-ай! И вид из окна портит, да еще и заразу занесет. Скажу, непременно скажу... чтоб заменили!

Часы-кукушка в соседней комнате глухо кричат шесть раз. Окончательно смерклось.

Не идут гости-то. Вот вам и точность немецкая.

Фаюнин намеренно молчит, а Таланов все не уходит. Его мучит подозрение, что Фаюнину что-то известно.

Кстати, как вы решили насчет того письмеца?

Т а л а н о в. Это какого письмеца?

Ф а ю н и н. Написали бы, говорю, а дочка ваша, Ольга

Ивана, и отнесла бы, поскольку она и теперь с ним видается. С Андреем-то!.. А вот и гости сползаются...

Просочился откуда-то в щель длинный, со стоячими волосами и в слежавшемся сюртуке господин артистических манер и лошадиной внешности. Он поклонился в пространство и сел, сложившись в коленях. Впорхнули — толстячок с университетским значком на толстовке, под руку с вострушечкой в мелких бантиках. Они задержались у столика, а когда отошли, оказалось, что там уже обмахивается веером старушка в бальном платье, под которым видны подшитые валенки. Гости двоятся и троятся, как шарики под чашкой фокусника, переставляемой с места на место. И между всеми уже носится с одухотворенным лицом, теперь даже шикарный Кокорышкин. Таланов кланяется. Фаюнин провожает его.

А Федору Ивановичу я и пропуск выхлопочу. Пускай хоть ночью в баню ходит... *(Заслышав оживление в прихожей и заглянув туда.)* Я это ему, пожалуй, и сам скажу. *(Уходя с Талановым.)* Принимай гостей, Семен Ильич!

Кокорышкин включает свет. Теперь видны и гости второго плана, уже плакатные, с ограниченными манекенными движениями. Нерусская речь из прихожей. Кокорышкин выглянул и даже будто уменьшился в размерах.

Кокорышкин *(молитвенно)*. Внимание, господа. Шпурре!

Все взоры обращены к двери. Быстро входит Мосальский.

Мосальский *(конфиденциально)*. Господа... я должен предупредить друзей, что Вальтер Вальтерович является сюда сразу после работы. Вальтер Вальтерович не спал ночь. И потому лучше не раздражать его... громкой русской речью.

Тишина испуга. Кое-кто попятился к дверям.

Нет, зачем же... вы разговаривайте, общайтесь. Вальтер Вальтерович сам любит повеселиться.

Все затаили дыханье. Мелким шажком, точно его катят на колесиках, появляется плотный, кубического сложения человек с желтоватым лицом, в штатском, фиолетовых тонов и в обтяжку, костюме. Шея поворачивается у него лишь вместе с туловищем. На пиджаке, под сердцем, Железный крест первой степени. Он останавливается и глядит. Кокорышкин приближается, делая изящные движения кистями рук, точно плывет.

Кокорышкин *(просветленно)*. Добро пожаловать, добро пожа...

Это производит впечатление выстрела из пушки в упор. Вострушка ахнула. Середина сцены опустела. Рыжая щетка усов у Шпурре становится перпендикулярно к губе. Лицо меняет цвет. Он испускает странный свистящий звук. Помертвевший Кокорышкин пятится назад.

Извиняюсь, нет, нет...

Шпурре *(шагнув на него, как в пустоту)*. Ah, Himmelarsch! [1]

Кокорышкин жмется к столу, падают позади него бутылки. В его лице закаменелое выражение какого-то смертельного восхищения. Шпурре запускает ему ладонь за стоячий воротничок. Суматоха.

Колесникофф?

Он, как перышко, поворачивает Кокорышкина спиной к двери и ведет его вытянутой рукой. Они уходят ритмично, как в танце, нога в ногу и глаза в глаза. Кокорышкин не сопротивляется, он только очень боится наступить на ногу Шпурре. Процентов на тридцать пять он уже умер. При выходе его, как дитя, перенимает рослый динстфельдфебель. Затем карьера Семена Ильича идет много быстрее. Откуда-то сквозь стену доносится его сдавленный и, скорее всего, удивленный вопль: «Николай Сергеевич!» И все стихает. Самый выстрел похож на то, будто кто-то гулко кашлянул на улице. В ту же минуту, покусывая усы, возвращается Фаюнин. Он с первого взгляда понимает все.

Фаюнин *(поискав глазами)*. Тут у меня старичок был такой. Где ж это он?

Гость-лошадь *(в октаву)*. Прекратился старичок.

Мосальский *(нервно поламывая пальцы)*. Пустили бы какую-нибудь музыку, господа.

Кто-то запускает аристон. Погромыхивая на стертых валах, звучит полька пиччикато. Шпурре вернулся.

Шпурре. Уфф! *(И, странно, из него выходит дым при этом.)* Он... пошел... домой. *(С юмором.)* Немножко!

Мосальский *(тихо)*. Das war eine alte russische Redensart [2].

Мгновение Шпурре быковато молчит, потом разражается громовым смехом. Тогда уже и все начинают подсмеиваться над блистательной неудачей Кокорышкина.

Шпурре *(хохоча)*. Redensart? Ha, Trottel! [3]

Входят три немецких офицера. Фаюнин аплодирует, гости следуют его примеру. На губах переднего офицера родится язвительная усмешка.

Первый офицер. Das ist ja das reinste Paradies! [4]

---

[1] Солдатское ругательство.
[2] Это было старинное русское выражение.
[3] Выражение? Ха, идиот!
[4] Да это просто рай!

Второй офицер. So fern's, im Paradies Bordelle gibt [1].

Третий офицер *(явно под хмельком)*. Aber, es scheint, wir sind in die Abteilung für Pferde geraten [2].

Они залпом и металлически смеются. Шпурре скосил глаза.

Шпурре *(ворчливо)*. Hier hängt das Bild des Führers, meine Herren! [3]

Струхнув, офицеры отходят в сторону. Их привлекает вострушка в бантиках, к неудовольствию толстячка. Мосальский жестом подзывает Фаюнина.

Мосальский. Тебе лично известен весь этот зверинец?

Фаюнин. Помилуйте, Александр Митрофанович. Промышленность, адвокатура-с! Даже бас имеется, только прославиться не успел.

Мосальский. Отвечаешь за благополучие вечера. Шампанское в доме найдется?

Фаюнин. На столе-с. Победы ждут, извиняюсь, али приезжает кто?

Мосальский. Я скажу. Комендант будет через четверть часа. Приглашай к столу.

Фаюнин. Прошу дорогих гостей закусить чем бог послал.

Орава движется к столу. Влево от кресла, предназначенного для Виббеля, садится Шпурре. Пространство вокруг него знаменательно пусто. Мосальский кладет перед ним часы и стучит ножом о бокал, требуя внимания. Это приходится повторить, так как один офицер через стол рассказывает другому анекдот: «Ach, übrigens... Kennen sie schon den neuen Witz? Also, zu einem Mädchen kommt ein Jude...» [4] Тот уже хохочет.

Мосальский. Хозяин просит налить бокалы.

В тишине булькает разливаемое вино.

Господин комендант, который уже вышел сюда, поручил мне сказать эту речь. Времени нет, господа, я буду краток. *(Шпурре.)* Можно говорить по-русски?

Тот монументально кивает головой.

---

[1] Если только в раю имеются бордели.
[2] Но, видимо, мы попали в лошадиное отделение.
[3] Здесь висит портрет фюрера, господа!
[4] Кстати, знаете новый анекдот? К одной девушке приходит еврей...

Сейчас, господа, когда мы так приятно сидим у радушного хозяина, пишется последний абзац исторической справедливости. Германская раса, как в бутылку запертая славянами в старой тесной Европе, вышибла пробку и стремительно потекла на Восток, неся новый порядок и повелевающую волю. В эту минуту мы ожидаем телефонных сообщений колоссального значения.

Шпурре. Zeit! [1]

Среди тишины он по прямой идет к телефону и выжидательно кладет руку на рычаг.

Мосальский *(звеняще)*. Ржавый замок, тысячу лет провисевший на воротах Востока, взломан. Господа... сейчас взята Москва!

Фаюнин украдкой крестится. Артист-лошадь вытирает лоб громадным носовым платком. Стоя, все берутся за бокалы. Телефонный звонок. Шпурре срывает трубку.

Шпурре. Hier Hauptmann Spurre. Wer dort? *(И вдруг, почти наваливаясь на аппарат.)* Ermordet... wer? Uff! Wer noch? Lorenz, Pfau, Mülle... Ja! [2]

Откинув стулья, офицеры обступают Шпурре.

Фаюнин *(подталкивая Мосальского)*. Что, что там? Эх, спросить бы его, стоят ли еще московские-то соборы?

Мосальский *(переводя междометия Шпурре)*. Тихо!.. Виббель убит. И с ним трое, из штаба. По дороге сюда.

Фаюнин схватился за голову.

Шпурре. Wer ist der Täter? *(Яростно.)* Antworten Sie auf meine Fragen und stottern sich doch nicht so, Waschlappen! Einer? Jawohl. Ha, sechs Schüsse! [3]

Мосальский *(для Фаюнина)*. Стрелял один. Шесть выстрелов... К черту руку!

Фаюнин отдергивает руку от его локтя. Тем временем артист-лошадь под шумок подносит бокал к губам. Мосальский с силой ударяет его по руке.

За что пьешь, скотина?

---

[1] Здесь в значении: пора!

[2] У телефона капитан Шпурре. Кто говорит? Убит... кто? Уфф! Кто еще? Лоренц, Пфау, Мюлле... Да!

[3] Кто убийца? Отвечать на вопросы и не заикаться, тряпка! Один? Конечно. Ха, шесть выстрелов!

Артист-лошадь *(оскорбленно)*. Как вас понимать... в переносном смысле или буквально?

Мосальский *(сквозь зубы.)* Буквально. Понимать.

Артист-лошадь *(стряхивая брызги с сюртука)*. Ну, тогда другое дело.

Шпурре шипит на них. Вид его страшен, воротник ему тесен. Гостей сразу становится вдвое меньше. Они растушевываются так же незаметно, как и появились.

Шпурре. Haben sie ihn geschnappt? So richtig. Ich bleibe hier. Bringen sie ihn her! [1]

Он вешает трубку и валится на случайный стул, одиноко стоящий посреди. Офицеры уже стоя и пальцами подкрепляют силы у стола.

Raus mit der Bande da! [2]

Мосальский *(гостям, толпящимся у двери)*. Здесь будет происходить допрос, милорды. Продолжение увидите на площади. Покойной ночи, господа.

Он сам выпроваживает гостей. Шпурре недвижен. Кого-то ударили в прихожей. И тогда, не подозревая о случившемся, являются запоздавшие гости: муж и жена Талановы.

Таланов. Гостей еще принимают, Николай Сергеич?

Анна Николаевна. Федор придет попозже. Ему делают перевязку.

Фаюнин скользит к ним, прижав палец к губам.

Фаюнин. Слышали, камуфлет какой? Виббеля угрохали. И не пикнул. И с ним еще шестерых. Допрыгались.

Анна Николаевна. Не может быть... Это ужасно!

Фаюнин. Десять пуль, одна в одну всадил. Наповал.

Таланов. Кто же это, кто стрелял-то?

Фаюнин. Должно быть, этот... не то Обозников, не то Хомутников. Ай-ай, Виббеля-то как жаль. В Амстердаме и сейчас еще его постановления на стенках висят. И угодил с размаху в русскую окрошку!

Таланов *(берясь за скобку)*. Нам тогда, пожалуй, лучше...

Фаюнин *(преграждая выход)*. Наоборот, самое интересное начинается... Сейчас его сюда приволокут. *(Кивнув на*

---

[1] Схватили его? Хорошо. Я остаюсь здесь. Доставить его сюда!

[2] Вон эту сволочь!

Шпурре, сидящего к ним спиной.) Самому невтерпеж стало взглянуть, что такой за Тележников. Присаживайтесь тихонько в уголок.

Шпурре. Tisch! Papier! [1]

Он не меняет позы мешка с мукой, вкось поставленного на стул. К нему приставляют ломберный столик, приносят чернильницу, бумагу, графин с водой, расставляют стулья для участников предстоящего допроса.

Nehmen Sie Platz, meine Herren! [2]

Офицеры, дожевывая, занимают места. Грохот сапог и стук оружия. Деловито возвращается Мосальский.

Мосальский *(Шпурре)*. Он здесь. Разрешите ввести его?

Тот делает движение указательным пальцем. Склонившись, Мосальский уходит. Солдаты занимают места у выходов. Команда, потом слышен надрывный, уже знакомый кашель. Анна Николаевна тревожно поднимается навстречу звуку, Таланов едва успевает удержать ее. В ту же минуту быстро вводят Федора. С непокрытой головой, в пальто, он своеобычно прячет платок в рукаве. Он кажется строже и выше. С каким-то обостренным интересом он оглядывает комнату, в которой провел детство. Конвойный офицер кладет перед Шпурре пистолет Федора и при этом на ухо сообщает дополнительные сведения. Тишина, как перед началом обедни. Шпурре обходит свою жертву, снимает неприметную пушинку с плеча Федора, потом в зловещем молчании садится на место.

Шпурре *(Мосальскому)*. Verhören Sie ihn! [3]

Мосальский *(со злой и подчеркнутой вежливостью)*. Встаньте дальше.

Федор. Не бойтесь. У меня все отобрали.

Мосальский. Встать дальше.

Федор отступает на шаг, зябко потирая руки.

Рекомендую отвечать правду. Так будет короче и менее болезненно. Это вы стреляли в германского коменданта?

Федор. Прежде всего я прошу убрать отсюда посторонних. Это не театр... с одним актером.

Обернувшись в направлении его взгляда, Мосальский замечает Талановых.

[1] Стол! Бумагу!
[2] Займите места, господа!
[3] Допрашивайте его!

Мосальский. Зачем эти люди здесь?

Фаюнин *(привстав).* Свидетели-с. Для опознания личности изверга.

Мосальский. Я разрешаю им остаться. Займите место ближе, мадам. Вы тоже... *(указывая место Таланову)* сюда! *(Федору.)* Имя и фамилия?

Федор. Я хочу курить.

Мосальский смотрит на Шпурре. Тот делает разрешительное движение пальцем. Держа папиросу за табак, Мосальский протягивает ее Федору.

И спичку.

Шпурре усмехнулся. Мосальский подносит спичку. Они смотрят в глаза друг другу. Огонь жжет пальцы, но ненависть еще сильнее. Мосальский отворачивается, когда падает свернувшийся уголек спички.

Фаюнин *(в величайшем оживлении).* Видать, закоулистый господин!

Шпурре. Wer ist der Mann? [1]

Мосальский. Итак, кто вы?

Федор. Меня зовут Андрей. Фамилия моя — Колесников.

Общее движение, происходящее от одного гипноза знаменитого имени. Анна Николаевна подняла руку, точно хочет остановить в разбеге судьбу сына: «Нет, нет...» Шпурре вопросительно, всем туловищем, повернулся к ней,— она уже справилась с собою.

Записывайте, второй раз повторять не стану.

Мосальский *(с сомнением).* Это точно... ваша фамилия?

Федор. Думаете, что я хочу присвоить себе честь поболтаться за него на виселице? Это, пожалуй, слишком высокая честь для самозванца.

Мосальский *(офицеру).* Bitte, schreiben Sie auf! [2] *(Федору.)* Ваше звание, сословие, занятие?

Федор. Я русский. Защищаю родину.

Мосальский *(смутясь).* Я понимаю, но... нам нужно знать вашу последнюю должность.

Молчание.

---

[1] Кто этот человек?

[2] Пожалуйста, записывайте!

Ф а ю н и н. Разрешите пояснить. Председатель уездной Советской власти.

Мосальский вполголоса диктует офицеру, который записывает.

Точно-с. Вот хоть и господина Таланова спросите. Им, как врачу, все жители известны.

М о с а л ь с к и й. Вы подтверждаете?

Т а л а н о в *(не очень уверенно)*. Да... Мы встречались на заседаниях.

Ф а ю н и н. И мамашу спросите заодно.

Мосальский переводит глаза на Анну Николаевну.

А н н а Н и к о л а е в н а *(не отрывая глаз от Федора)*. Да. И хотя, мне кажется, десять лет прошло с последней встречи, я узнаю его. Я могу уйти?

М о с а л ь с к и й. Еще минуточку, мадам.

Талановы сели.

Ш п у р р е. Wieviel Männer hat er gehabt? [1]

М о с а л ь с к и й. Сколько людей состояло в вашей...

Ф е д о р. Я понял вопрос, офицер. Нас было пятеро.

Шпурре жмурится в усмешке.

М о с а л ь с к и й *(почти вкрадчиво)*. А вы не ошибаетесь, господин Колесников?

Ф е д о р *(в тон ему)*. Да нет, я в арифметике силен.

Все кратко посмеялись.

М о с а л ь с к и й. Но ваши люди действовали одновременно в десяти местах. Минимально мы считали вас за тридцать — сорок.

Ф е д о р. А это мы так хорошо работали, что вам показалось за сорок. *(Сдержанно.)* Погодите, когда их останется четверо, они померещатся вам за тысячу.

Фаюнин возмущенно подталкивает в бок Таланова,— какова, дескать, дерзость.

М о с а л ь с к и й *(подавив в себе ярость)*. Если ты не перестанешь скалиться, потаскуха, я сам сдеру этот смех с твоей морды...

---

[1] Сколько людей у него было?

Федор *(так же негромко и с потемневшими зрачками).* Это твоя мама обучала тебя на чужбине русскому языку?

Шпурре бьет кулаком по столу. Звон стакана о графин. От прежней элегантности Мосальского не остается и следа. Со словами: «Скорой смерти ищешь, дьявол?»— он пружинно поднимается и, схватив пистолет за ствол, кидается к арестованному. Два солдата привычно, со спины, выпрямляют Федора. Нахмурив брови, Анна Николаевна безотрывно смотрит в лицо сына.

Фаюнин *(вцепясь в локоть Мосальского).* Только не здесь, Александр Митрофанович, ради Христа, миленький... не здесь! Тут же еда, вы мне всю обстановку забрызгаете. Там у нас тихий чуланчик есть... Александр Митрофанович!

Шпурре также показывает жестом, что делать это предпочтительнее там. Федора уводят.

Анна Николаевна. Если не уйти... то хоть отвернуться я могу, господин офицер? Я не люблю жандармских удовольствий.

Мосальский *(смешавшись).* Вы свободны. Благодарю вас, мадам.

На ходу расстегивая рукав сорочки, он спешит догнать ушедших.

Анна Николаевна. У меня закружилась голова. Проводи меня, Иван.

Видит на полу оброненный платок Федора. Вот она стоит над ним. Она поднимает его. В его центре большое красное пятно... Все смотрят. Она роняет платок.

И тут кровь. Какая кровь над миром...

Фаюнин любезно провожает Талановых до дверей. Анна Николаевна уходит первою.

Фаюнин. Железная у тебя старушка, доктор. *(Притворяя за ними дверь.)* Ты послабже будешь.

Исподлобья поглядывая на телефон и внезапно меняя направления, Шпурре ходит по комнате. Он даже берет трубку, свистит, стучит по ящику, как бы стремясь разбудить в нем голоса победы. Потом очень обеспокоенный Мосальский вводит мотоциклиста. Отдание чести. Из громадного штабного конверта Шпурре извлекает крохотную, в несколько слов, записку. Он вертит ее в руках. Мосальский воровски заглянул через плечо. В его лице отразилась растерянность.

Шпурре. Verhör vertagen![1]

Уходит мотоциклист. Удаляются офицеры. Конвойный командир снимает караул: «Wegtreten, marsch!»[2] Шпурре все еще смотрит в записку.

Фаюнин. Ай новости есть, милый человек?

Мосальский *(торопливо застегивая запонку на обшлаге)*. Не пришлось бы тебе, Фаюнин, где-нибудь в канаве новоселье справлять. Плохо под Москвой.

Фаюнин *(зловеще)*. Убегаете, значит... милый человек? А мы?

Уходит и Мосальский. Шпурре все стоит. Фаюнин осторожно, чтоб разведать обстановку, подходит к нему с бокалом вина.

Не позволите винца... для поддержания сил?

Точно не узнавая, Шпурре смотрит на него сверху вниз и вдруг хватает за плечи. Это разрядка бешенства. Оба бормочут что-то — Шпурре и Фаюнин, раскачивающийся в его лапах. Вино расплескивается из бокала. Откинув градского голову в кресло и оглашая тишину одышкой, Шпурре покидает гостеприимного именинника. Фаюнин долго сидит зажмурясь: судьба Кокорышкина еще витает над ним. Когда он открывает глаза, в меховой куртке, надетой на одну руку, другая на перевязи, перед ним стоит Колесников и с любопытством разглядывает его.

Колесников. Шею-то не повредил он тебе?

Фаюнин щурко смотрит на него.

Я бы и раньше зашел, да вижу — ты с гостем занят... *(И показал жестом.)* Мешать не хотел.

Фаюнин *(с ядом)*. В баню, что ль, собрался, сынок?

Колесников. Уходить мне пора. Засиделся в отцовском доме.

Фаюнин. Посиди со стариком напоследок... Федор Иваныч.

Колесников садится: задуманное предприятие стоит таких задержек.

Поближе сядь.

Колесников. Поймали, слыхать, злодея-то. Что ж не радуешься?

Фаюнин. Задумался я, Федор Иваныч... Как отступали красные-то, я эдак при обочинке стоял. Тишина, кашлянуть

---

[1] Допрос отложить на завтра!
[2] Разойдись!

страшно. А они идут, идут... И не то зубы, знаешь, не то снег под лыжами поскрипывает. Тут соскочил ко мне паренек один в шинелке, молоденький, обнял, дыханьем обжег... «Не горюй, говорит, дедушка. Русские вернутся. Русские всегда возвращаются...» *(Поежась.)* Как полагаешь, сдержит свое слово паренек?

Колесников. Тебе видней, Николай Сергеич. Не меня паренек-то обнимал.

Фаюнин. И вспомнилось еще: как зайдешь, бывало, в дворницкую, к родителю твоему: «Запрягай, Петруха, рыженькую, а в пристяжку Гамаюна да Сербиянку возьми!» Вскинет он кафтанишко, кушаком опояшется, ровно пламенем... да как вдаримся с ним во льны, в самый ветер луговой... Э-эх!

Ничто не изменилось в позе Колесникова, равно и в лице Фаюнина, раскрывающего свои карты.

Мы Петра Колесникова не забижали. К праздникам обновки, малюточкам сластей. *(Толкнув в колено.)* Ай забыл фаюнинские прянички?

Колесников. С кем говоришь, Николай Сергеич? Невдомек мне.

Фаюнин *(строго)*. Бог тебя нонче спас. Бог и я, Фаюнин. Это мы с ним петелку с тебя сняли.

Два громких аккорда на талановской половине, и потом музыка, почти затухающая порою.

Железная старушка играет. Доказать мне стремится, что не жалко ей родимого сынка... *(Тихо.)* Сдавайся, Андрей Петрович. Ведь я тебя держу.

Колесников стремительно поднимается, оглянулся. В залитом луною заиндевелом окне постояла тень в шлеме и со штыком и снова двинулась взад-вперед. Тогда он садится и закуривает.

Колесников. Куда уж сдаваться? И так в паутине твоей сижу. Сказывай, зачем звал?

Фаюнин. В непогодную ночь мы с тобой встретились. Какие дерева-то ветер ломит, оглянись. И мы с тобой в обнимку рухнем посередь людского бурелому... А может, полюбовно разойтись?

Колесников. Так ведь не пустишь, хорь.

Фаюнин. Милый, дверку сам открою... А как вернется паренек в шинелке, и ты мою старость приютишь. Не о фир-

ме мечтаю. Не до локонов Нинопы: сыновья на отцовские кости ложатся мертвым сном спать! Хоть бы конюхом аль сторожем на складу... Мигни — и уходи! *(Помолчав.)* Выход только в эту дверь. Там не выйдешь!

Колесников. Значит, бьют ваших под Москвой... русские-то?

Фаюнин. Всё — весна и жизнь лежат перед тобою. Нюхни, сынок, пахнут-то как! Хватай, прячь, дарма отдаю... Ночь ведь, ночь, никто не услышит нас.

Глубоко, во всю грудь затягиваясь, Колесников курит папироску.

Сыми веревку-то с Ольги Ивановны... Шаршавая!

Он отваливается назад в кресло. Колесников тушит окурок о каблук.

Колесников. Да, вернется твой паренек, Николай Сергеич. Уж в обойме твоя пуля и в затвор вложена. Предателей в плен не берут. Думалось мне сперва, что обиду утолить на русском пожарище ищешь. Гордый три раза смертью за право мести заплатит. А ты уж все простил. Нет тебя, Фаюнин. Ветер войны поднял тебя, клуб смрадной пыли... Кажется тебе — ты городу хозяин, а хозяин-то я. Вот я стою — безоружный, пленник твой. Плечо мое болит... и все-таки ты боишься меня. Трус даже и в силе больше всего надеется на милосердие врага. Вот я пойду... и ты даже крикнуть не посмеешь, чтоб застрелил меня в спину немецкий часовой. Мертвые, мы еще страшней, Фаюнин. *(Ему трудно застегивать куртку одной левой рукой.)* Ну, мне пора. Заговорился я с тобой. Меня ждут.

Без движения, постаревший и маленький, Фаюнин глядит ушедшему вслед. Кукушка кричит время. Вопль вырывается у Фаюнина. В прыжок он оказывается у телефона.

Фаюнин. Комендатуру! Разъединить!.. здесь Фаюнин. *(Крутя ручку телефона.)* Врешь, мой ножик вострей твоего, врешь... *(В трубку.)* Цвай. Это Шпурре? Фаюнин здесь. Давай, миленький, людишек быстренько сюда... я тебе подарочек припас... то-то! *(Бросив трубку.)* За Оленькой-то вернешься, сынок. Ой, ночь длинна, ой, не торопись с ответом!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Приспособленное под временную тюрьму подвальное складское помещение. Два полукруглых окна под высоким сводчатым потолком: одно забито вглухую, с дощатыми склизами для спуска товарных тюков, другое — веселое, в розовой оторочке недавней метели. За ним редкий для декабря, с восходящими дымами, погожий полдень. Словно задуваемые ветерком, блики солнца мерцают на выбеленной кирпичной стене со следами надписей —«Лукояновъ, 1907» и «Не кури а кто заку 1 ру». На нарах, сооруженных из ящичной тары, разместились люди, которым назначено провести здесь остаток дня и жизни. Это старик в кожухе и дремлющий у него в коленях мальчик, да еще рябой и громадный Егоров вышагивает взад-вперед вдоль стены, словно ищет выхода из этой братской ямы. Ольга в меховой жакетке убеждает в чем-то маленькую зябнущую женщину в непомерно широком мужском пальто, и сумасшедший в заерзанной шляпе пирожком переезжает из угла в угол на своей рогожке по делам служебной надобности. Другие без движения расположились на нарах. Правая, за аркой, половина подвала пропадает в потемках; там видна лишь железная решетчатач дверь да разбитый, на крюке, лабазный фонарь. Изредка доносится безнадежно далекая пулеметная очередь, и на этой прерывистой пунктирной линейке — то ветер в щели, то сумасшедший, то немецкий часовой у выхода посменно тянут все те же две-три томительно длинных ноты. И, наконец, Татаров, привставший на ящик с поднятыми к окну руками, греет в зимнем солнышке свои изуродованные, невесть чем обинтованные пальцы.

Татаров. Смотри, зима глухая, а щекочет теплом-то, сквозь тряпье пробивается... славная какая вещь, солнышко. Уж и мастеровиты были, бедные пальчики мои, всё на свете могли. Думается, кабы протянуть их туда, поближе к нему, верст на двадцать, быстрей бы на поправку пошло.

Ольга. Не думай про них, Татаров, боли меньше... И что же, на допросе-то?

Татаров. Ну, тут кэ-эк пустит он меня по всей немецкой матушке —«ты,— кричит и ножками топочет,— это ты, стерва, сообща с Колесниковым эшелон под откос пустил?» —

«Извиняюсь, господин младший фюрер,— сквозь кровь ему смеюся,— оно и рад бы, да ведь враз за всем-то не угонишься. А Колесникова самому хоть издаля бы посмотреть, что за личность такая неуловимая». Тотчас отдается приказ привести его вроде для нашего персонального знакомства. А пока последний мой, мизинчик, раздевать принялися. *(И потряс пальцами от боли.)* Аккуратно, черти, работают.

Егоров. Нация — аккуратнее нету, окурка наземь не кинешь. Чуть что — сразу с тебя штраф семь копеек.

Татаров. И опять вроде мглой меня затянуло, а слышу сквозь одурь-то — ведут. По звуку конвой человек двенадцать, аж позвякивает. Вижу чьи-то ноги искоса, а взглянуть не смею: струсил за милого дружка. И вдруг как зайдется он в кашле, Колесников мой, ровно холстину рвут. Вскинул я очи...

Егоров *(с надеждой)*. ...не он?

Ольга. Не битый, не раненый... не заметил?

Татаров. В том и дело, что цельный весь. А я тебе Колесникова в любом виде из тыщи выберу: с малых лет знавал... и мать его, и деда.

Старик. Подставная фигура, не иначе. Могут и к нам сюда подсадить...

Егоров. ...и запросто. Знаешь, сколько их нонче вокруг нас насовано?

Следом за ним все оборачиваются к замолкшему было сумасшедшему, который, тотчас перекинувшись в безопасную зону, возобновляет там свои жалостные упражненья.

Тоже человек... А какая-то несчастная песенкой его баюкала, у бога счастья для него просила. *(Татарову.)* Чего вздыхаешь, болит?

Татаров *(мечтательно)*. В тихий бы, тихий вечерок, когда цветики на ночь засыпают, встренуться мне с палачиком моим у овражка один на один. И не надо мне ничего, ни твоего вострого ножичка...

Егоров. Интересное намерение. Еще чего тебе охота?.. заказывай, не стесняйся.

Татаров *(виновато)*. Тоже щец бы покислее напоследок похлебать. А пуще — посмотреть бы, что там, на воле-то, деется.

Егоров. Вот это другое дело, тут мы тебя уважим, пожалуй... *(И принимается составлять шаткую постройку из ящиков.)* Выясним сейчас, чего на свете новенького.

Старик. Смотри загремишь. Лучше паренька моего снарядим, он полегше.

Ольга. Внучек, что ли?

Старик. Еще роднее... внучком-то он мне и раньше был. *(Тормоша мальчика.)* Прокофий, а Прокофий...

Татаров. Не будил бы, больно спит-то сладко.

Старик. Ничего, привышный. *(С какой-то пронизывающей лаской.)* Пускай свою долю несет... Прокофий, полно на коньках-то кататься, нос обморозил совсем. Очкнись!

Мальчик садится, спросонок протирая глаза.

А ну, полезай за новостями наверх. Мир просит.

Часовому не видно за выступом стены, как мальчик карабкается к окошку. Старик снизу поддерживает это шаткое сооружение.

Прокофий. Ух, снегу намело-о!

Егоров. Ты дело гляди. Столбы-то стоят?

Прокофий. Не видать. Тут какой-то шут ноги греет.

В окно видно: рядом с неподвижным ружейным прикладом беззвучно топчутся две иззябших немецких ноги в военных обмотках.

Пляши, пляши, подождем.

Он даже припевает: «У-уторвали от жилетки рукава, уторвали от жилетки рукава...» Движенья ног и припев, к общему удовольствию, совпадают.

Старик. Не озоруй, парень. Услышит.

Ноги наконец отошли.

Прокофий *(удивленно)*. На качель похоже, дедушка.

Татаров *(зло и негромко)*. Не туды смотришь. В небо выглянь: чьи гудят-то... наши аль ихние?

И тотчас же доносится отдаленная стрельба зениток.

Прокофий. Тоже спрашивает. Рази они по своим станут палить! *(Старику.)* А боле ничего, дедушка! Только воробьев массыя летает.

Старик. Слезай, еще застрелит.

Пирамиду успевают разобрать вполне своевременно: нарастающий шум и лязг вдалеке за дверью. Татаров бормочет сквозь зубы: «Правильно, в распоследнюю минуту завсегда ключи тюремные должны звенеть. Я в описаниях читал...» Безмолвное смятение, все взоры выжидательно устремлены на входное пятно в потемках.

О л ь г а. Спокойствие, товарищи, спокойствие. Кажется, еще одного с допроса ведут.

Гремят засовы. С о л д а т ы вводят полуживого Ф е д о р а и, прислонив к стенке, удаляются. Он совсем другой, хотя, кроме надорванного рукава, никакого повреждения на нем не видно. Перед уходом старшина конвоя поправляет склоненную набок голову мнимого Колесникова, косвенным взглядом как бы рекомендуя его вниманию Татарова.

Е г о р о в *(вполголоса)*. Это он, твой?

Т а т а р о в *(с заминкой)*. Что-то не разберу, но судя по сапогам... вроде тот самый.

Е г о р о в *(иронически)*. Ничего не скажешь, шибко изменился Андрей Петрович.

Обступив молчаливым кольцом, заключенные издали изучают новичка. И даже Ольге требуется время примириться с этой очевидной подменой.

О л ь г а *(стараясь пробиться в затемненное сознанье брата)*. Андрей, как страшно ты смотришь... ты слышишь мой голос? Это я, Ольга. Пойдем, я уложу тебя на койку. Помогите кто-нибудь, товарищи.

Молчание.

С т а р и к. Давай, бабочка, я тебе подмогну. Ничего, к весне, к поправке дело идет. Ему отлежаться самолучшее дело теперь.

Вдвоем, на глазах у всей недоверчиво затаившейся камеры, они отводят Федора на свободное место. Отвалившись к стене, тот благодарит их подобием улыбки.

Ишь как, в лохмотья человека обратили. Знать, сурьезная была беседа.

П р о к о ф и й. Уж больно осерчали они, дедушка, на Колесникова-то...

О л ь г а. В самом деле, тебе немножко отлежаться надо, все вчерашнее забыть... а я пока зашью тебе рукав.

Ф е д о р *(вразбивку и с той же странной улыбкой)*. Лишняя роскошь, Ольга.

О л ь г а. Колесников должен быть всегда опрятен... Именно сегодня, т а м. *(Федору.)* Прости, еще побеспокою тебя...

Выдернув из-под Федора сползший пиджак, она взваливает на койку его непослушные ноги, потом накрывает грудь своей жакеткой. Тотчас Егоров по нетерпеливому знаку Татарова сдергивает с себя шинель и остается в одной кочегарской тельняшке.

Е г о р о в. Накинь на него лучше телогрейку мою, Ольга Ивановна. Остудишься... *(В ответ на ее колебанье.)* Бери, бери, нашему брату перед смертью и холодок в самую сласть!

О л ь г а. Спасибо. *(Женщине, наугад.)* Не вы ли мне иголку предлагали давеча?.. о, и с ниткой!

Ж е н щ и н а. Позвольте мне, я сама... рукам что-то делать надо, делать, делать.

Подчиняясь безмолвному приказанию Ольги, заключенные расходятся по своим местам. Женщина торопливо принимается за работу. Снова вступают в дело ветер, сумасшедший и часовой... Видимо, чувство вины удерживает Ольгу возле брата.

О л ь г а. Хочешь пить?.. Можно натаять снега. Холодный, жгучий, хорошо.

Ей не сразу удается довести свою речь до его сознания, прочесть неразборчивое шевеленье его губ.

Что, что ты сказал?.. повтори!

Та же, еле уловимая улыбка родится в лице у Федора в ответ на смятенную, смешанную с неподдельным отчаяньем радость сестры.

Боюсь, тебе уж не до нас, Федор, и все же... *(Порывисто.)* Какое это счастье, что ты с нами, даже т а к о й, на этой койке. Но теперь-то, когда уже ничего больнее нет впереди, скажи, хоть глазами мне признайся... так в чем же т а твоя смертная вина?

Федор неподвижен, и видно лишь, как его пальцы поглаживают колено Ольги.

Тогда я сама откроюсь... надо же произнести необходимые слова. Все это время только о тебе и думали... и боялись остаться с тобой наедине. Но верь мне, Федор: не только от стыда и страха молчали мы, нет. Есть такое, чего нельзя узнать во всем разбеге, чтоб не разбиться, чтоб не сойти с ума. Иное знанье разъедает душу и цель, самое железо точит. *(Шепотом.)* А нам нельзя, никак нельзя сегодня... Значит, история как порох — иногда сильней тех, кто его делает!

И снова шероховатая, полная то пугающих, то обнадеживающих звуков, тюремная тишина. В трехнотную, тянущую за сердце мелодию зимы вплетаются подозрительные стуки и как бы сверхчеловеческие, с площади, радиоголоса.

Федор. Накрой меня с головой, Ольга. Так надо...

С кивком согласия Ольга исполняет просьбу брата и отходит к своим товарищам. Пока там происходит краткое совещание, луч солнца перебирается на старика с мальчиком. Прокофий открывает глаза.

Прокофий. Дедушка, а дедушка...

Старик. Чего не спишь, человек. Рано еще, спи.

Прокофий. Дедушка, это больно?

Старик. Это недолго, милый. *(С суровой нежностью.)* Зато с кем сравняешься! Поди проходили в школе и про Минина Кузьму, и про Сусанина Ивана?

Прищурясь, мальчик смотрит в необъятность перед собою, и так хрупок в тишине его голосок, так значительна речь старика, что еще задолго до средины рассказа все живое вокруг — партизаны с Ольгой во главе, затихший на это время сумасшедший и даже Федор, через силу приподнявшись на локте,— все прислушиваются к рождению легенды.

То бородачи были, могучие дубы. Какие ветры о них разбивалися. А ты еще отрок, а вровень с ними стоишь. И ты, и ты землю русскую оборонял. Вот ты сидишь, коньки твои отобрали, сон тебя бежит... а уж Сталину про тебя известно. На таком посту виду показывать нельзя, его должность строгая. Послы держав пред им чередуются, армии стоят, генералы приказов ждут... все народ бывалый, неулыбчатый: бровинкой не шевельни... А может, внутри у него одна дума, что томится в лукояновском подвале русский солдат тринадцати годков, Статнов Прокофий, ожидает казни от ерманского палача... Так-то, спи... побегай там по снежку-то, порезвися! Кликнут, как понадобимся. Накройся кожушком с головою... и спи.

Мальчик укладывается в ногах у деда. Взволнованная рассказом, Ольга возвращается к брату, захватив по дороге готовую починку у давешней швеи; чуть позже сюда подойдут остальные члены колесниковского отряда. Солнечное пятно неторопливо переползает на койку Федора.

Ольга. Оденься, Федя, все готово.

Ей приходится повторить дважды, чтобы пробиться в молчание брата.

Вижу, согрелся немножко... это хорошо.

Федор *(улыбнувшись)*. Даже кашлять перестал. Должно быть, выздоравливаю... Слышала сказку?

Ольга. Позволь мне промолчать об этом...

Федор. Две грани мифа. Смежные при этом... и какого мифа!..

Ольга. Товарищи твои хотят говорить с тобою. *(Подав условный знак Егорову.)* Можно, он не спит.

Партизаны приближаются к койке Федора, возле которой, незаметно и заранее появившийся, уже приготовился подслушивать сумасшедший.

Татаров. Видать, это я за болью моей сразу не признал тебя, Андрей Петрович... извини. А вместе за смертью-то рыскали. Эва, как буря людей наизнанку-то выворачивает. Большие мастера над тобой работали. Вон, даже Катерину Ивановну не пощадили, а надо бы: она не одна.

Егоров. Тут все битые. Наш с тобой черед, Ольга Ивановна... *(Резко наклонясь к сумасшедшему.)* А тебя били, браток?

Пауза.

Не люблю, когда со мной молчат.

Сумасшедший *(плачевно)*. Би-или...

Егоров. Незаметно, неумелые тебе попалися. Зато я кузнецкого сословья... и как стукну иного подлеца промеж бровов, то остается сильное впечатление на всю жизнь. *(Поднеся кулак к глазам.)* Взгляни, какая прелесть! *(Распрямившись.)* Нам заседанье срочное надо провесть. Сядь у двери выходной да скули погромче, чтобы часовой не скучал. Ну, давай...

В мгновенье ока тот переселяется со своей рогожей на указанное место.

Оно, конечно, какое там заседанье... перед смертью! Можно б и попроще обойтись.

Татаров. Тут-то и следует построже быть... ничего не уступать без бою. Деды, бывало, в новую одежу, во все регалии перед ею облачалися.

Федор делает попытку подняться.

Я в описаниях читал...

Ольга. Можно и лежать, Федор.

Татаров. Хочет сесть, помоги ему, Ольга Ивановна. *(Егорову.)* Доложи собранию покороче, нас могут прервать каждую минуту.

Егоров *(с гордыней смертника)*. Ну, президиума не станем выбирать. Пусть будут там те, кто раньше нас отдал жизнь за это... за самое дорогое на свете. Вот, еще один чело-

век стучится к нам, товарищи. Ольга Ивановна вам все про него рассказала. Так сказать, строчка из летописи...

До дребезга близкое гуденье самолета, прошедшего на бреющем полете. Пулеметные очереди вдогонку. Единодушный вздох, и вдруг женщина кричит навзрыд, запрокинув голову и разрывая платок на себе.

Женщина. Отомстите за нас, отомстите. Убивайте убийц, убивайте убийц!

Все сдвигается с места, кроме мальчика, который сурово, из-под приспущенных век смотрит на обезумевшую. Задвигалось за дверью, щелкнул затвор винтовки, к решетке приник часовой. Ольга торопится отвести женщину в сторону. Приходит успокоение, и снова — тишина.

Ольга. К порядку, к порядку, товарищи...

Егоров. Этот человек дважды просился к Андрею, в его партизанскую дружбу. Андрей проявил осторожность, обязательную для всех нас. Оставшись в одиночестве, этот человек вел себя хорошо. *(Чуть повысив голос.)* Он убивал убийц, ворвавшихся в наш дом. Когда Андрей выбыл из строя, он взял на себя его имя...

Татаров. И не уронил его.

Егоров. ...и не уронил его. *(Федору.)* И ты лихо придумал это, Таланов. Пусть им вдвое страшней станет, когда убитый, расстрелянный Колесников снова нагрянет из пурги. Уж он тем временем не спит, никто нонче не спит в России. Нам крепко пригодится твой пай, Таланов... Предлагаю принять его в наш истребительный отряд!

Старик. Чего там, в герои не просятся, туда самовольно вступают.

Татаров. Везде, отец, порядок нужен. *(Егорову.)* Спроси товарищей,— может, у кого вопросы есть?

Солдатские ноги с приглушенным шелестом проходят вверху, в окне, и все невольно косятся на пробегающую по нарам множественную тень.

Тогда я хочу спросить. *(Федору.)* А именно: почему ж ты после всего, столького, к нам сюда воротился?.. не из обиды ли? Дескать, получайте чего осталося, и расписки в получении не требую... Так нам таких не надо. То наш внутренний, домашний счет. Как слова из песни, так и нитки из знамени не выдернешь... особливо в бою!

Ольга *(не сдержась)*. Ах, не все так в жизни происходит, как в описаньях. Человечней иногда и проще. А может, он просто за сиротку заступился? *(Примирительно.)* И этот человек умрет сегодня первым.

Татаров. Что ж, это большая честь, умереть Колесниковым!

Егоров. Словом, единогласно. Дай я поцелую тебя, Федор Таланов.

Татаров *(зло и огненно)*. В губы, в губы...

Федор спустил ноги с койки, и вот его уже не отличить от прочих. В ожидании событий некоторое время все смотрят с опущенной головой, как гаснет на полу солнечное пятно. Идет на убыль зимний денек. Никто не оборачивается на возникающую за спиной, с лязгом оружья смешанную иноземную речь.

Хорошо, в самый обрез управились.

Следует команда: «Ganzer Zug, halt! Links um! Richt't euch!» [1] Все сбиваются в кучку на левом ближнем плане. Скинув личину, сумасшедший устрашенно прижимается к стене.

В барабаны полагается при этом. Что-то не слыхать...

Ольга. Идти в ногу, глядеть легко, весело. На нас смотрят те, кто еще нынче, до вечера сменит нас. Красивыми быть, товарищи!

Мальчик шарит шапку на нарах.

Старик. Шапку-то оставь, Прокофий. Тут недалеко.

Входят солдаты, Шпурре, Мосальский, Фаюнин в шубе с громадным воротником плакатно торчит возле двери. У офицера фотоаппарат на ремне.

Прокофий. Гляди, дедушка, никак карточку сымать на память будут...

Шпурре *(показывая на выход, свистяще.)* Добро пожаловат.

Толпа разом двигается с места. Конвойный офицер предупредительно выставляет руку — три пальца.

Егоров. По трое, значит. Ну, я пойду, Татарова в компанию прихватим... *(Выбирая глазами, Федору.)* И ты, конечно. Помочь тебе, Андрей Петрович?

Ольга. Пусть он сам, сам...

Молчаливая прощальная переглядка. Затем происходит быстрая деловая перетасовка, и вот первая тройка, чуть поодаль, готова в последний путь. Все парализуется, однако, когда над головой, где-то в недоступно-

---

[1] Взвод, стой! Налево, равняйся!

отвлеченной высоте начинается прохожденье бомбардировщиков. Волна следует за волной... В этом нарастающем звуке тонут слова немецкой команды и чей-то одиночный всхлип. Торжественное и грозное гуденье буквально насквозь, до дребезга, пропитывает ранние сумерки, лукояновскую окрестность, самый зрительный зал. Все с поднятыми головами, смятенный враг в том числе, провожают взглядом органную тающую ноту возмездия... Суматоха возобновляется, Шпурре уходит вслед за конвоем. Последним подвал покидает Мосальский.

Минуточку, офицер... Офицер говорит по-русски?

Тот склоняет голову.

Здесь имеются беременные.

Мосальский *(поморщась от слова)*. Веревка выдержит, мадмуазель.

Ольга *(упавшим голосом)*. ...и дети!

Мосальский. Вы, право же, зря задерживаете меня, мадмуазель. *(Прокофию.)* Сколько тебе лет, Статнов?

Прокофий *(с вызовом)*. Семнадцать.

Мосальский удаляется с ироническим полупоклоном. И тотчас мальчик, уже по своему почину, взбирается к окну. Все наблюдают за ним снизу.

Ух, народишку сколько нагнали! А вон и наших ведут...

Ольга. Слезай, мальчик. Нечего тебе делать там.

Словно зачарованный зрелищем, тот не может сразу оторваться от окна, отворачивается лишь, когда с площади доносится неразборчивый возглас, прорвавшийся сквозь шквальную, как истерика, пальбу зениток.

Прокофий. И воробьев всех распугали... только снежок идет. *(И вдруг, краем глаза выглянув в окно, разражается нестыдными ребячьими слезами.)* Дедушка, парашюты, парашюты. Смотри, в небе тесно стало... Наши, наши пришли!

Ровный гул над головой снова сдвигает в сторону начавшуюся было пальбу. Громадное полотнище, розовое от пожара поблизости, застилает левое окно, отчего в подвале светлеет ненадолго. И потом все население подвала смятенно наблюдает, как рушатся и крошатся доски на правом. Тотчас через образовавшийся пролом несколько осатанелых от боя стрелков скатываются по склизам в сумрак ямы. Последний, паренек в шинелке, пронзительно и с ходу всматривается в лица уцелевших; развязавшийся на руке бинт волочится за ним по полу.

Старик. Чего ищешь, милый, тут чужих нету. Да утрися, кровь на щеке...

Паренек в шинелке *(еще в запале атаки).* Разве убережешься в экой суматохе. Пока не утихнет, никому наружу не выходить. *(Двум товарищам с карабинами.)* А пошарь на всякий случай под корягами. Глядишь, еще один налимишко найдется.

Те исчезают во мраке соседней половины. С досадой крайней спешки паренек пытается перебинтовать сбившуюся на запястье повязку.

В том-то и дело, что не чужих я — своих разыскиваю...

Старик *(присаживаясь к нему на нары).* Не с руки тебе. Да-кось, я живей перемотаю.

Однако работа у него не ладится, и вскоре старика сменяет Ольга.

Паренек в шинелке *(возбужденно).* Случилося — как отступали мы в позапрошлом месяце, плелися как под хворостиной, то старичка одного я заприметил. Рваный да нищий, на ветру весь... и так он жалостно нас глазами провожал, сердце дрогнуло. Сбежал я к нему на обочинку, ко грудкам прижал. «Не горюй, говорю, дедушка: еще не закопанные!» И последнюю горбушечку в пазуху ему сунул. И весь месяц во снах его видал. Подойду — «потерпи, скажу, дедушка, скоро вернемся... дай только разогреться маненько. Ведь русского обозлить — проголодаешься!»

Ольга. Вот и все, только не шибко гните в локте.

Паренек в шинелке. А у меня такая установка: дал зарок — держись до последнего...

Он замолкает при виде вошедшего Колесникова. Следует молчаливая встреча с Ольгой. В ту же минуту, гоня перед собой смущенного Фаюнина в нарядной бекешке, появляется один из давешних, с карабином.

Партизан. Гляди, всамделе поймал налима-то... Там у них запасный вход имеется. Чуть сунулся, а он тут и есть. А слизкой, черт, всю руку впотьмах облизал...

Колесников. Какой же это налим?.. полная щука. А еще рыбак!

Паренек в шинелке растерянно, со всех сторон обходит поникшего Фаюнина, и, конечно, их встреча — самая значительная во всей этой суетливой сцене розысков и узнаваний.

Никак, наш-то нашел своего старичка с обочинки.

Паренек в шинелке. А поправился ты, папаша, с

горбушечки-то моей. *(И в ласке его звучит железо.)* Чего ж повял... и обняться не тянет на радостях?

Колесников. Кажется, постихло, можно всем выходить понемножку. *(Пареньку.)* И вы тоже: там на свежем воздухе и обниметесь.

Паренек уводит Фаюнина. Подвал пустеет. Колесникову удается заглянуть в лицо Ольги, уткнувшейся в его плечо.

Ступай наверх, встреть мать.

Ольга. Она уже видела?

Колесников. Да... Чего же ты плачешь, Оля? Это и есть наша великая победа!

Ольга *(как эхо)*. Великая победа...

1942, 1964

ЛЁНУШКА

Народная трагедия в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Похлебкин Василий Васильевич — председатель сельсовета.
Дракин Максим Петрович — он же Бирюк.
Дракин Степан Петрович.
Потапыч — балагур на старости лет.
Устя — девушка позднего возраста.
Мамаев — житель из Кутасова.
Катерина — его жена.
Лена — их дочь.
Дракин Илья Степанович — жених Лены.
Темников Дмитрий Васильевич — командир танка Т-34.
Сержант Ваня — механик-водитель при нем.
Травина Полина Акимовна — инструктор райкома, хозяйка.
Женщина в черном, Туркин и его жена, старуха и ее внучек Донька, женщина с ребенком, пленный, плотник, гармонист, немой и другие люди из отряда «Плачь, Германия!».

Действие происходит в дни войны.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Теплая, благополучная, с занавесками и бальзаминами на окнах изба Мамаева. Жестяной колпак висячей лампы весь свет отдает вниз,— потолок остается во мраке. Из потемок красного угла, спрятанные в роще венчальных свечей и пасхальных розанов, сурово смотрят боги. Опершись локтями о стол, Катерина наблюдает за руками рябой и громадной Усти, которая с важностью раскладывает карты. Илья, красивый парень в военной гимнастерке и шинели внакидку, сидит у печки с котом на коленях, черным, как сажа. Время от времени, повернув его голову, он щурко смотрит ему в глаза, как бы спрашивая: «Чего, черный, глядишь?.. скажи, что знаешь!..» В окне слабо помигивают непонятные вспышки, похожие на зарницы.

Устя *(положив последнюю карту)*. Ну, ставь пол-литра, Катерина. Катит твоя дочка домой... ишь торопится. А при ей, с сердечной стороны, военный король.

Катерина. Знать, ты, Илья.

Устя. Не, то не Илья. Илья черный, крестовый... ишь в ногах валяется. А этот русый, во весь рост король.

Скинув кота с колен, Илья, похрамывая, идет к столу.

Илья. Где ты там русого углядела? Дай сюда. Я его в цигарку заверну.

Устя. Не горюй. Как уйдет она с русым, ты на мне женишься. *(С полунадеждой.)* Меня уж никто у тебя не уведет... Теперь глянем на сердце ей. При чем находится, обо что ударяется. *(Она приподымает карту и вдруг, спрятав ее за спину, смахивает остальные со стола.)* Ой, не хочу... не буду больше, не буду!

Илья. Покажи.

Устя молчит.

(Берет ее за локоть.) Не балуй с солдатом, Устинья. Он людей убивал.

Недолгая борьба. Разжав Устину ладонь, Илья расправляет карту на столе.

Катерина. Девятка винновая. Какое ей означенье-то, Устенька?

Устя молчит, потирая помятую руку.

Илья. Отвечай старушке.

Устя *(нехотя)*. А означенье ей — великая печаль.

Катерина. Ты по-нашему, по-русски скажи, Устенька.

Устя. Убьют у ей, кого она полюбит. В самом сердце настигнут... и убьют там.

Илья *(еле слышно)*. Меня... или русого?

Устя. Ай в картинки поверил, пристал. Встречай невесту-то. Уж, верно, при пороге стоит.

Илья недоверчиво оборачивается к двери. Тягучий скрип петель, и в ту же минуту входит Лена. Слышно урчанье отходящего танка. Спустив рюкзак со спины, она скрытно улыбается чему-то, оставшемуся за порогом.

Катерина. Лёнушка-то наша, господи!

Лена подчиняется материнской ласке. Катерина вытерла передником скупую слезинку.

Не вовремя ты, Лёнушка. Видала зарева-то вокруг? Скоро и наш черед.

Дочь подняла большие ясные глаза, и, кажется, светлее становится в избе.

Лена. Все будет хорошо, мама. Вот шевельнем плечами, и спадут вороги. О, Устенька забежала посидеть. *(И холодное облачко скользнуло на лицо.)* А, и ты здесь, Илья!

Что-то мешает им протянуть руки друг другу.

Я думала, ты на фронте.

Устя. Жалей его, Лёнушка. Из лазарета вырвался, на тебя поглядеть.

Лена. Он и сам мог ответить, Устя. *(Заглядывая в соседнюю каморку.)* Папаня отдыхает?

Катерина. Ходит. Места себе не найдет... *(Беря глиняную миску с полки.)* Пойдем, я тебе покушать накрою. Тут у нас собранье будет.

Устя. Клуб у нас третьевось бонбой спалило. Ладно еще, ветру не было.

И пока Катерина вытирает миску полотенцем, Устя торопится вывалить Лене весь ворох новостей.

А в председатели нынче Похлебкин выскочил. А братцы-те Дракины делиться вздумали. Бирюк-то уже в смолокурной избушке живет...

Катерина *(уходя.)* Прибери карты, Устенька. Отец браниться станет.

Лена проходит по избе. Илья исподлобья следит за нею.

Лена. На дорогах грязища... ступить некуда.

Илья. Грязища, а ноги сухие.

Лена. Меня танкисты подвезли. Нам по пути оказалось.

Устя *(собирая карты с полу)*. Кажный вечер мимо нас ходят. Станция там у них какая-то.

Илья. Знакомые, значит, танкисты-то!

Лена *(просто)*. Их часть рядом с нашим общежитием стояла. И, знаешь, еду, а лес шуми-ит... Гневно так. Точно кулаки над головою поднял.

Илья. Та-ак! *(Как бы нечаянно.)* Кстати, забыл... как этому, русому, фамилия-то?

Лена. Темников... а что?

Усмехаясь и похрамывая, Илья отходит в сторону.

Тебя в ногу ранило, Илья?

Илья. Нет, мне в сердце попало.

Лена недоуменно переглянулась с Устей. И только появление Мамаева выручает их всех из неловкого молчания.

Лена. Здравствуй, папаня. *(Взяв за плечи, она вглядывается в лицо отца.)* Седины-ы прибавилось... и капельки в бороде!

Мамаев *(сдержанно)*. Дождик маненько сыпет. Отучилась, умница?

Лена *(весело)*. Вот, воевать к вам прибыла. Весь техникум разъехался. Сму-утный ты нынче какой!

Мамаев. Не знает разумок твой детский, какой огонь идет, любимица.

И, слегка отстранив дочь, отошел. Лена искоса смотрит, как, остановясь посреди, он поднял голову к образам.

Катерина *(появляясь из каморки)*. Раздевайся да по-

хлебай молочка с Лёнушкой. А там и представленье вместе посмотрите. *(Дочери.)* За артистами поехали.

Она увела дочь.

Илья. Что там, тихо, в мире-то?

Мамаев *(не прежде, чем досказал что-то богу)*. Тихо пока. *(Раздеваясь.)* Азаровка горит. В одно пламя полыхает... ровно свеча по мертвеце.

Устя *(всхлипнув)*. Господи, дай ты нам хоть минуточку отдохнуть от тебя!

Она затихает от одного взгляда Мамаева. Дверь приоткрывается, и в щель просунул лысую свою и шишковатую голову, похожую на айву, Потапыч, мужичонка вострый, крикливый и не по возрасту подвижный.

Потапыч *(не входя)*. На собранье стучали. Заём будут проводить... аль обложенье какое?

Илья. Не бойся, что с тебя взять-то, голь?

Мамаев *(в сени)*. Ноги вытирайте, там рогожка постелена.

Потапыч. Это можна-а. *(В сени.)* Слушать мою команду. Ноги вытира-ай!

Он на время скрывается. Слышно множественное пришаркиванье ног. Вслед за Потапычем, который с шутовским пением «аллилуйя, аллилуйя, аллилуй-я!» пройдя по кругу, снимает шапку перед образами и, погрозившись богам, отходит в сторону, входят остальные и размещаются на скамьях вдоль стен. Тут баба с ребенком, сухорукий старик, который все мигает, старуха и ее внучек Донька, стайка девчат и подростков, мужики — по разным явным статьям оставшиеся вне призыва, и другие. Потапыч успевает сказать: «Держись, мужички! Братцы Дракины пришли, значит, драчка будет...» И тотчас, глядя под ноги себе, опрятный и весь литой, входит Степан Дракин, знахарь, в круглой, рыжей, точно в йод ее окунули, бороде и в сапогах с широкими голенищами, где, верно, и содержит свой коновальский инструмент. Следом, позже всех и не снимая громадной кудлатой шапки с красным донышком, громоздко вваливается Максим Дракин, похожий на младшего брата, как отраженье его в черных болотных кутасовских водах. Шепот идет по собранью: «Бирюк, Бирюк пришел...»

Донька *(не в меру громко)*. Баушк, верно это... будто у ево в шапке сатана живет?

Старуха *(легонько замахиваясь)*. Шши ты, Донька.

Бирюк медленно оборачивается к мальчику. И когда, не смея вступиться за маленького, люди ждут зла от этого лесного человека, он гладит голову ребенка и, со всех сторон показав ему шапку, проходит в угол. Тем временем Степан Дракин как бы невзначай оказывается возле сына.

Дракин. Илюш... а Илюша?

Тот знает, о чем будет речь, и молчит, барабаня пальцами в стол.

Ты, что ль, аржанухи мешок нищим кинул?

Устя. Он не нищим, он сироткам отдал, Степан Петрович.

Илья. Ты бы глянул на них. С утра босеньки из войны идут. На них и глядеть-то — кровь из глаз течет.

Дракин. Всемирной нишшеты мешком муки не покроешь. *(Ярясь на молчанье сына.)* Я ее горбом, горбом я ее, эту мучку. Я табун коней за нее перелечил. *(Ударив картузом в пол.)* Судиться буду с тобой, Илюха.

Устя. Люди слушают, Степан Петрович.

Подняв картуз с пола и ворча, Дракин отходит в сторону.

Потапыч. Эх, что с людьми деется! *(Сопровождая речь наглядным жестом.)* Глянешь на иного — все в порядке: и волос растет, и картузом сверху прикрыто. А заместо рожи — рукомойник глиняный висит, пра-а...

Все смеются его ужимкам.

Дракин. Береги яд, змея. Блох травить.

Баба с ребенком *(закачивая грудного)*. Уж начинали бы. Печка у нас топится.

Тогда, поглаживая богатые усы и посверкивая новенькими калошами, быстро входит предсельсовета Похлебкин; за ним, в перешитом из шинели пальто с костяными пуговицами и в черном беретике — Травина. Деловитым жестом Похлебкин требует себе места у стола.

Похлебкин *(Усте, с важностью)*. Иди, девушка, гостей покарауль.

Устя уходит.

(Раскладывает портфель на столе.) Пожарные дозоры проверял, Мамаев?

Тот утвердительно кивает в ответ.

Тогда откроем, значит. Товарищи, время военное... не будем, значит, курить.

И, шумно обрадовавшись напоминанью, мужики закуривают. Илья рвет косой лоскут газетки, Потапыч со словами: «Вот это можна-а...»— достал из-за пазухи носогреечку. Кашлянув разок, и сам Похлебкин вынул из кармана тоненькую мятую папироску, подул в мундштук и сунул под усы. Он братски закуривает от одной спички с Ильей.

Товарищи, приехавший новый инструктор из райкома... *(Пыхнув дымком.)* Извиняюсь, как все-таки вас кличут... опять в суматохе из башки вылетело.

Травина *(улыбнувшись)*. А кличут меня Полина Акимовна Травина.

Похлебкин. Так вот, указанная *(недоверчиво покосясь)* Полина Акимовна доложит вам потом, как и что, после чего состоится выступленье гостей. А покеда кратенькое слово для доклада предоставим, как председателю, мне. *(Поглаживая портфель.)* Итак, что мы имеем на текущий момент, товарищи? Отвечаю на заданный вопрос. На текущий момент *(ткнув перстом в окно)* мы имеем пылающую Азаровку. Горе и слезы мужицкие — вот какую картину мы имеем на текущий момент, дорогие мои товарищи. А это есть верный показатель того, что главный волк, наточив зубы на мелких державках, припожаловал к нам с волчатками за свежатинкой. И это я вам сейчас как дважды два докажу.

Он раскрывает портфель. Мужики сокрушенно вздыхают и кашляют.

В самом деле, товарищи! Еще сам Фридрих Енгельс указал нам на всемирной заре человечества... Где это у меня тут? Черт, точно провалилось куда. Повторяю, на заре всемирного трудового человечества...

Он шарит в портфеле какой-то заветный листок, сердится и не находит. Травина неодобрительно качает головой. Легкий ропот идет по собранью.

Потапыч *(нараспев)*. Проки-имен, глас седьмы-ый!

Мамаев. Имей бога, Василь Васильич. Жженой человечиной пахнет, а ты все от книги проповедуешь.

Похлебкин *(настойчиво продолжая поиски)*. Не будем, не будем, товарищи. Это есть обывательский разговор. Душевно убеждаю вас, как председатель, давайте не будем!

Дракин. Он теперь не кончит, пока всею портфель не прочтет.

Похлебкин. А ты у меня, знахарь, помолчи. Недозволенной наукой кто лечит? Бабку Аксинью кто вылечил?.. Кто лихачом в Питере всяких министров катал?.. Отвечай на заданный вопрос, кто?

Илья. Сократи его, Полина Акимовна, а то мы больно сердимся.

Травина шепчет на ухо Похлебкину, тот зловеще захлопывает портфель.

Похлебкин. Хорошо. Похлебкин кончил.

Травина *(выступив вперед)*. Так вот, хозяева. Армия уходит. Старый русский враг у ворот стоит. Решайте, что делать станем. Кто просит слова?

Молчание. Похлебкин торжествующе смотрит на нее. Два глухих, как бы в большие литавры, разрыва.

Стучатся! Отпирать им двери-то... или повременим? Как скажете, хозяева?

Похлебкин *(подсказывая собранью)*. А то можно и в болотину уйти да оттоль злодеев наших тревожить.

Потапыч. Во-во, там теплы-ынь. Залез по шейку и сиди. *(Вскочив, горячо.)* Уж иневá по утрам-те. Избы-те на закорках унесем?

Травина. Армия уходит, но землянки остаются. *(Помолчав.)* Кто еще хочет сказать? *(Бирюку.)* Кажется, вы... руку поднимали.

Бирюк. Не, это я почесался. Чево,— тут и без меня, эва, умы пресветлые сидят.

Тишина, потом топот в сенях, грохот опрокинутой бадьи, и бегом возвращается Устя.

Устя. Артисты приехали!

Она вклинивается в стайку девчат. Собранье волнуется. Ближние засматривают в черноту сеней, но холод сочится к ногам, и Катерина закрывает дверь.

Травина. Ну, Похлебкин, пускай они пока на гостей посмотрят, а мы... Там скотину угоняют. Взглянем, попоили ли в дорогу.

Поняв друг друга, они уходят. Наступает некоторое оживление.

Баба с ребенком *(сторожко, оглянувшись на дверь)*. Сказывали, они мужиков-то не трогают.

Мамаев. Ясно: поползать перед ими, то не трогают. Кто же свою скотину лупит? С нее и шкура, с нее и мясо.

Потапыч. А может, и стороной пройдут. Бонапарт-те, как шел, обыкновенно, трех полковников посылал: «Сыскать

мне Кутасово-село. Желаю видеть дураков, которы... *(метнув глаза на Дракина)* волков посередь стада держат!» — «Можна», — полковники отвечают. Семь ден по болотам ползали, каждый листочек подымали, мундиры промочили, Кутасова не пашли.

Никто не смеется на этот раз.

Споем, что ли? Запевай, Доня, развеселую.

Мамаев. Брось клоуна ломать, Потапыч. Болтает-болтает, язык за уши заплетается.

Старуха *(крестя зевок)*. Ох, господи. Сидим, как грыбы, и артистов не видать.

Дверь открывается. Не старая, худая очень, со строгим, даже отреченным лицом, женщина в черном, в приспущенном на брови платке, помогает переступить порог высокому благообразному старику с каким-то снежным покоем на лице: «Тут порожек, дедушка, не оступись». На его штопаном пиджаке, надетом поверх белой, косой, со стеклянными пуговками рубахи, в ряд — три Георгиевских креста и орден Красного Знамени в пунцовой розетке. С другой стороны гостя поддерживает крохотная, в больших лаптях старушка — и ветром ее повалишь. Мужики пристально и недоверчиво взирают на это шествие нищих. Достигнув средины избы, гости кланяются, старика приходится подтолкнуть при этом в спину.

Женщина в черном *(тихо)*. Дайте табуреточку, граждане. Ноги у ево плохие.

Устя робко ставит перед ними табуретку и возвращается на место. Приехавшие женщины усаживают старика. Устремив голубые, точно утро в лесной чаще, глаза куда-то в матицу, он как бы слушает птиц милой родины. Черная гостья говорит почти без выраженья, от великой скорби или усталости.

Мы являемся, граждане, Колычевского района, села Малые Грачи. Вы нас не бойтеся, мы ничего не просим. Мы просто так... Нам мир повелел: «Вам теперь, сказано, жизни нет. А все идите, леса и пустыни наскрозь, поколе в крайные льды не упретесь. Покажите, сказано, раны свои русским людям. А уж как они порешат, так тому и быть».

Донька. Баушк, они настоящие, а?

Старуха. Шши ты!

Женщина в черном. Сельцо наше, граждане, ничем не знаменитое. Сорок дворов было, как немец пришел. И мы горем своим не выставляемся. У иных уж моря наплаканы... хоть кораблики пущай! *(Ее голос дрогнул; закусив губу, она помолчала, пока не справилась с собой.)* Тут перед

вами находится русский житель, герой своей жизни. Фамилия ему Туркин.

Не отрывая глаз от старика, Бирюк поднимается. Тяжелое раздумье бороздит его лицо.

Старушка. А иди поближе, миленькой. Гляди на нас, что получилося. *(Беспечально и разведя руками.)* Все у нас тута. Батожка не осталося, собачку отогнать.

Бирюк недоверчиво отступает.

Женщина в черном. При нас имеются карточки, за годок в газету сымалися. *(Она достает их из глубокого кармана, три, обернутые в красный, как кровь, платок.)* Вот тут он у себя на пасеке стоит. При ём внучки Лида и Маня... Берите, берите, гражданы, кто желает взглянуть для интересу. С платком берите!

Карточки в молчании идут по рукам. Бирюк вглядывается в старика, как бы сравнивая портрет с оригиналом.

Бирюк *(неуверенно, Туркину)*. Слушь-ка, отец... ты не Филипп Демьяныч будешь... а? *(И вдруг, припав на колено, чтобы заглянуть в опущенное теперь лицо старика.)* Эй, взводный... это я тут, Максимка Дракин. Ты не смотри, что в бороде, а это я, я! И шапка, эва, что казак-то подарил... и дырочки в ей незашитые, держи! *(Взволнованно, обернувшись к своим.)* Он это, он и есть, Туркин Филипп. Служили вместе... Осподи, история какая!

Ребячливая нежность звучит в голосе Бирюка, когда руки гостя ощупывают бороду его и шапку.

Помнишь, Демьяныч, как Перемышь-то брали в пятнадцатом? Как курей-то шрапнелью шарахнуло, а одна, эка, яичко со страху и родила... помнишь?

Молчание. Распрямляя огромную спину, Бирюк переводит взгляд на старушку.

Чего он у тебя, бабка, своих-то не признает? Он у нас великий стрелок был. Мухе крылышко мог отстрелить... без остатнего повреждения. Совсем глумной стал.

Старушка *(с доброй и лучистой улыбкой)*. А он, миленькой, четыре часа в колодце под мертвыми лежал. Доверху

было у нас пасовано. Спасибо солдатикам нашим... из колодца его, миленькой, достали.

Устя. Знать, тьма ему очи-то погасила.

Мамаев *(крестясь)*. Эко злодеяние, господи!

Женщина в черном *(строго)*. Гражданы, нам на разговоры время не дадено. Расея-то больно велика... Имейте внимание, гражданы!

Бирюк пятится. Туркин недвижен, но, по мере того как гостья произносит родные его слуху слова, еле приметный блеск родится в незрячих его глазах.

Филипп Демьяныч, тут перед тобою гражданы сидят, правды ждут. Расскажи им, как ты за отечество грудью стоял, поколе в силе находился. И как Грачи твои черным пеплом разлетелися, скажи им. И куда ты внучку свою, мертвенькую, три дни на спине тащил, пока не почернела. И темно ли было в колодце твоем... Все объясни им, не утаивай!

Голос ее звенит, как тетива, спустившая стрелу. И, эхо всемужицкого горя, единодушный вздох вздымается и замирает в избе.

И еще сознайся людям, Туркин. Может, ты жизнию своей обидел народ ерманский, что он железо поднял на тебя, как на пса? *(Вся дрожа.)* Встань, перед родиной стоишь, Филипп Демьяныч!

Старик поднимается, одергивая на себе рубаху. Невнятное клокотание слышно в его груди. И вдруг, точно подломившись, он валится ничком перед собранием.

Туркин. Заступися, мати русская земля!..

И когда его белая борода касается пола, все собранье, как по команде, поднимается. Слышны возгласы: «Аль у них в Германии плакать некому?», «Что ж они делают-то с нами, изверги!» — и один, Устин, навскрик: «Душить их, душить, всю середку из них вырвать...» Все стоят — прямые, с суровыми и торжественными лицами, как бы заново рожденные.

Старушка *(бабам)*. Не плачьте, миленькие. Через слезу гнев утекает. А вы глядите на его, силами запасайтеся...

Бирюк *(не смея прикоснуться к лежащему)*. Филипп Демьяныч... Демьяныч! Что же ты во всех крестах-то перед нами? Чать, не черти мы лесные, чать, люди...

Пряча заплаканные глаза, Устя и Лена поднимают старика. Прежний беспамятный покой возвращается в лицо гостя.

Женщина в черном *(поклонясь в пояс)*. Теперь прощайте, граждане. Нет у нас больше слов, одни угольки осталися. Учитеся на нас. *(Старушке.)* Давай пока тулупчик, не остудился бы. Где там карточки-то наши... спасибо... *(Потапычу, подвернувшемуся на глаза.)* Узнай насчет лошадки, дяденька.

Потапыч. Можна-а. *(Всем, с важностью.)* Эй, жители, кто вчера в Путилино ездил?

Устя *(утирая лицо)*. Я, Потапыч, ездила.

Потапыч *(подняв палец)*. Не реви. Марш за мной! Аллюр три креста.

Они уходят за старушкой. И пока черная гостья, бережно завернув в платок, прячет карточки на дно кармана, старушка возвращается с одеждой Туркина. Гостей окружили полукольцом: Мамаев держит короткий латаный полушубок, Катерина — старую военную фуражку и дырковатую шаль, а Бирюк — детский шарфик с пестрой бахромкой,— видимо, даяния добрых.

Катерина *(кланяясь)*. Может, закусите... что осталося.

Старушка *(повязывая шалью старика и высвобождая бороду наружу)*. Неколи, миленькая, сроку нет. Поедем людей будить.

Мамаев. Счас ехать-то хорошо, светлы-ынь. Пожары кругом.

Возвращаются Потапыч с Устей, одетой в брезентовый, с капюшоном, подпоясанный веревкой плащ.

Потапыч. Ну, жизни своей ерой, сбрую тебе отыскали... С бубенцом! На всю Русь прозвенит. Одолжи кучеренку кнута, Мамаич!

Мамаев *(подавая Усте кнут)*. У опушки, где селезни, силы-то подкопи да внахлест махни: стреляют.

Устя. Слава те, езживано.

Бирюк. Эй, может, и не встренемся... Демьяныч!

Но Туркин не отзывается на зов друга, и руки Бирюка опускаются. Все провожают отъезжающих стоя, за исключением Дракина: явно потрясенный зрелищем народной беды, он сидит — локтями в колени и закрыв руками лицо. В открытую дверь слышны — последнее напутствие черной гостьи: «Обороняйтеся, родные, обороняйтеся...»— и нещадный дребезг бубенца. Устя стегнула лошадей. «Э-эх ты, горе мое с колокольчиком!»— произносит Бирюк и надевает шапку. В сопровождении Похлебкина возвращается Травина.

Травина *(обведя всех глазами)*. Ну... побеседовали, хозяева? За вами слово теперь.

Илья *(решительно становясь к ним в ряд)*. Кто с нами, на жизнь и смерть, чтобы Германия плакала... называйсь!

Они стоят трое на отлете, и взглянуть на них сейчас — значит бесповоротно присоединиться к ним.

Догорает Азаровка!

Похлебкин *(доставая бумагу из портфеля)*. Кстати и в ведомостя оформим.

Травина *(вполголоса)*. Эти вещи, Похлебкин, не записывают.

Илья. Ты, Василь Васильич, лучше на пальцах загибай.

И опять, пожав плечами, Похлебкин закрыл портфель.

Мамаев. Во-от!.. и начинай с хозяев: Мамаев с дочкой.

Он обнял подошедшую к нему Лену. Со словами: «И я, и меня вставь!» — несколько человек переходят на сторону добровольцев. Донька тоже перебежал к ним, и бабка, поднявшая было руку, уже не успела произнести свое обычное: «Шши ты!»

И Устю! Вековухе ничего не заказано. И плакать по ей некому.

Еще двое-трое присоединяются к этому ядру будущего отряда. И вдруг Похлебкин, зорко следивший за течением собранья, резко поворачивает голову в сторону, где, за спинами односельчан и под шумок, Потапыч пробирается к выходу.

Похлебкин *(ударив, как бичом)*. Стой... Потапыч!

Потапыч *(вздрогнув и не сразу)*. Можна-а...

Среди расступившихся людей он виден весь, оторопелый и жалкий, застигнутый на месте.

Похлебкин. Ай в гости к немцам собрался, дружок?

Потапыч *(глядя на лапти себе)*. Обыкновенно... телочка у меня непоена стоит. У меня и родни-то на свете одна ета телочка. С ей и посидишь, с ей и душу отведешь, пра-а...

Виноватый смешок вырывается из его груди. Собрание безмолвствует, и он делает отчаянную попытку отбиться от этого молчаливого презренья.

Чево, ну чево! Какой я вояка... У меня сердце в час ударяет пять раз, а ему положено семьдесят. Видите, дело какое...

Илья *(хлестко)*. Трус ты, дядя, старый плешивый трус. И дурак к тому же.

Потапыч. Чево, у меня в голове-то — как в банке золота, во! *(Воинственно.)* Мы его и тут, немца-то... пускай придет. Харю-то наклонится помыть, а мы его, обыкновенно, по шее-те топором. Задремит, а мы ему в глаза-те лучинкой!

Дракин *(насмешливо)*. Эдак-эдак, они этого страсть не любят. *(Поднявшись, сурово и гневно.)* Расея тебя кормила — не выкормила. Власть Советская двадцать лет с ладошки тебя питала... все забыл, стервец? Ай у новой-то коровы вымя сытнее, а?

Травина. Не задерживайте его, друзья. Телочка у него. *(Потапычу, спокойно.)* Идите, куда вам надо, гражданин.

Дверь Потапыч открывает медленно, в надежде, что его вернут, прикажут, остановят. Великое молчание. Он побито обернулся.

Потапыч. Телочка-то... ведь она коровкой станет, точно. А то я и останусь, гражданы, а?

У всех на лицах кривая усмешка. Дверь закрывается нестерпимо медленно. И тогда, не помня себя, Дракин кидается к сеням.

Дракин. Погоди, как пятки-то прижгут,— вернешься, собачья радость!

Рот его перекосило, он задохнулся. Илья торопится успокоить отца: «Папань, успокойся, папань, нас и без него хватит!» В одышке, раздернув ворот рубахи, Дракин обернулся к Похлебкину.

Заместо прохвоста пристегни меня, Василь Васильич. Степан Дракин меня зовут.

Бирюк *(в полной тишине)*. Предлагаю не принимать Степку Дракина.

Травина *(с острым интересом)*. А почему бы так? Поясните, товарищ.

Бирюк *(угрюмо, поглаживая край лавки, на которой сидит)*. Больной он, грыжа у него.

Голоса: «Пожалел братана-то!», «Явственно, однех кровей...».

Похлебкин *(жестко)*. Ничего, Бирюк. Нам не на парад ходить. Помалкивай и с правильных граждан пример бери!

Дракин. И еще дивуюсь я на вас, хозяева. Воевать собрались, а жевать... елову шишечку станете? Кланяюсь харчами, чем могу.

Вышагнув вперед, Бирюк кладет руку ему на плечо.

Бирюк. Ты што, што задумал... каторжный?

Дракин. Не жалей, все одно сгорит. Пора нам человеками быть.

Но Максим не отходит, и Степан сердится.

Уйди с путя моего, Максим. Не хочу в такой день братнюю кровь лить. *(Стряхнув с плеча его руку.)* Страдаешь, что не тебе достанется?

Бирюк *(отойдя)*. Предлагаю ничего не брать от Степки Дракина.

Илья. Не мешай, дядя Максим. Отец дело говорит. *(Отцу.)* Давай, папаша. Пора тебе, пора. Встань во весь рост перед людьми!

Дракин *(невозмутимо)*. Вношу на мирское дело муки сеяной три мешка да немолотого четыре центнера. Капустка тоже есть, отдаю вместе с дубовой кадушечкой. Боровка я в заговены засолил, да повял малость...

Похлебкин. Ничего, в мужицком брюхе долото сгниет. Давай сюды!

Бирюк раскатисто смеется: «Вали, куча мала... а поверх он сам сядет!»

Лишаем тебя голоса, Максим Дракин.

Поднявшись, Бирюк вызывающе смотрит на Похлебкина: не уйти ли, дескать?

Не задерживаем!

Бирюк отправляется к выходу. Голоса вслед: «Злоба какая!», «Бирюк, он Бирюк и есть...», «Шут с ним, после сосчитаемся!», «Потапычев приятель...».

Донька *(вслед)*. И шапка-то на ём, как у главореза какого!

Бабка его подслеповато шарит вокруг себя внучка, которого ей уже не достать. Бирюк ушел.

Дракин *(выждав тишины, ровным голосом)*. Еще ядрицы вношу четыре мешка с половиной, а половину старухе оставлю. Все-таки венчанные... Картошка не копана, корову я продал. За корову деньгами вношу три тысячи...

Одобрительный возглас: «Эк его горем-то обожгло!» И по мере того как он вываливает перед миром свои сокровища, пустеют его глаза.

Также отрез вношу синего губернаторского сукна, с прикладом, как есть. Еще имею при себе часы анкерного ходу. Получено за отличную езду в городе Санк-Петербурге в девятьсот осьмом году... *(Он долго отцепляет их, точно снимает с самой души, и вдруг, вырвав с лоскутом и наотмашь какое-то зацепившееся колечко, кладет на стол.)* Прошу принять. Ты загибай на пальцах-то, Василь Васильич!

Похлебкин *(зачарованный этим размахом, с чувством)*. Вот видишь... вот посняли мы тогда жирок-то с тебя, Степан Петрович... а ты через посредство этого человеком стал. Во все вникаешь, очи имеешь открытые на картину людского горя!

В порыве сердца он даже руку было протянул для пожатия. Тот как бы не заметил его движенья.

Дракин *(отечески посмеиваясь)*. На тебе калошки, сынок,— все собранье в их, как в зеркале, видать. А людей в дырьях да в лапотнике на болотину посылаешь. *(Мужественно и сухо.)* Вношу сапоги яловочные с новыми головками. Да еще пару хромовых, женихом носил. Да еще дёржаные, резиновы, выменял надысь... отдаю. Да еще...

Голоса: «Ладно, хватит, дядя Степан. Чего ж догола-те раздеваешься!», «Не срами нас, Дракин!».

...да еще полсапожки новые, старухины. *(Сыну, который блестящими глазами, не узнавая, смотрит на отца.)* Не жалей, Илюша: куды ей! До господа-то и босичком недалеко, добежит. Ну... петушок еще у нас остался. Пускай под окошком поет, птичка божия... *(Чеканно.)* Можете получить, Василь Васильич. Местожительство имею четвертый дом от пруда, под осокорем. Теперь пойду дому поклониться последний раз. С приветом, Дракин!

Среди благоговейного молчанья он с достоинством надевает картуз. Следуют два глухих разрыва, и сразу — гуденье взмывшего в небо самолета. Красноватый отсвет ложится на плечи сидящих у окна. Катерина выглянула и, помертвелая, привстала.

Катерина. Горим... Опять бонбы горючие скинул.

Травина. Потом, старик, дому поклонишься. Людям помогай. На улицу, товарищи!

Похлебкин *(уже с порога)*. Сбор у конюшен внизу, через двадцать минут. За мной...

Изба пустеет. Из чужих только Илья в нерешительности стоит теперь посреди избы. С улицы приглушенно доносятся мычанье скота и по-

жарные крики: «Багры давай, голова...», «Коней, коней отводи!». Слышно, как, присев на ларе в сенцах, баба закачивает плачущее дитя. В эту адскую мешанину звуков вливается скрежет бреющего вдоль улицы самолета. Короткая, с низкого захода, пулеметная очередь. Где-то тоненько звенит стекло. Лена закрывает дверь, шум стихает.

Мамаев *(очень волнуясь)*. Ну, собирай нас, мать. Чего не хотели, то и придвинулось.

Он уходит с женой в каморку. Илья делает шаг к двери. Лена берет его за руку.

Лена. Куда тебе, хромому!

Илья. Уж подживает, плясать могу.

Лена. Посиди со мной минуточку... словом не обменялись. О чем задумался?

Илья *(неохотно)*. Так. Вдовой тебя делать не хочется. *(Горько и убежденно.)* Но что бы ни случилось — верь, Лена, ты мне жизни дороже. Пропасть раскройся, и лягу мостком поперек... А ты по мне ступай и ничего не бойся.

Лена *(неумело ласкаясь к нему)*. Ты хороший, ты лучше всех.

Илья. А тот... русый?

Лена *(искренне)*. Что мне русый! Два раза и встретились, а с тобой... Помнишь, как в лесу заблудились, а ты за плечи обнял и вел меня. Сквозь ночь, как в сказке. И звезд в небе было — как дней впереди! Мне десять, тебе двенадцать едва пробило... *(В раздумье.)* Странно: с тобой как-то тревожно всегда, торопиться куда-то надо, а с ним...

Илья. С кем это?

Лена. С этим, с Темниковым... как на горе стоишь. Спокойно, и воздуху мно-ого, и лететь хочется. Отчего это?

Он собирался ответить, она зажала ему рот ладонью.

Погоди, в сенях скобку шарят.

Илья. Сиди, никого там нет.

Лена *(трепетно, как во сне)*. Нет, я знаю. Пусти...

Она движется к двери, открывает ее. В сенях стоит высокий, в синем комбинезоне и кожаном шлеме, танкист. За расстегнутым воротом видны знаки лейтенантского звания. Не двигаясь, опустив руки, они смотрят друг на друга. Потом, чуть смутясь, гость снимает шлем и проводит рукой по русым слипшимся волосам.

Лейтенант *(улыбаясь)*. Вот... заехали воды напиться напоследок. Жарко...

Лена. Да... сегодня жарко. Есть молоко... хотите?

Лейтенант *(глаза в глаза)*. Нет... воды.

Илья сердится. Ему понятно, что этот незначащий диалог — только оболочка других, из сердца в сердце, непроизнесенных слов.

(Опускает взгляд и, точно зовя на помощь, оборачивается в сени.) Эй, Ваня... тут вода имеется знаменитая. Заходи!

Входит другой, в чине сержанта, коренастый, с озорным и слегка закопченным лицом.

Сержант *(про лейтенанта)*. Ни в один дом, кроме твоего, не заехал. Видать, здешняя вода вкуснее. А ну, попробуем... Ковшичка не найдется, гражданочка?

Лена подает ковш и снимает крышку с ушата. Сержант пьет с видимым наслаждением. Взяв с полки миску блинов, Лена держит ее в руках, наготове.

Хороша-а, сытна земли родной водица. *(Заметив угощение Лены.)* Извиняюсь, танкисты не закусывают!

Вытерев черные свои усы, он передает ковш лейтенанту. Илья, прихрамывая, приближается к ним.

Илья. Это вы, значит, на такси тут... извозчиками работаете?

Лейтенант *(оторвавшись от ковша)*. Про что это он, Вань, балакает?

Илья *(упорно)*. Я спросил... это вы на боевой машине барышень по домам развозите?

Сержант *(Лене)*. Интересный товарищ. Смешное говорит, а сам не смеется.

Илья. Я когда засмеюсь-то — со страху помрешь.

Сержант *(подняв палец)*. Сурьезный деятель. Если и воюешь так, то молодец. Как звать?

Лена. Это Дракин Илья, мой... знакомый.

Сержант. Илюша, значит... подходяще. А я Ваня. Так и зови меня, я простой. А это командир танка моего.

Лейтенант *(кивнув)*. Темников.

Сержант *(Илье)*. Не слыхал? Глухая ваша сторона, и гром до вас не доходит. *(С ударением.)* Герой Советского Союза, Дмитрий Темников.

Лейтенант *(дружественно, Илье)*. Это просто так, звание такое. Мы все — солдаты.

Покусывая губы, Илья отходит. Из каморки появляется Мамаев, уже одетый в поход. Сзади Катерина несет корзинку с провизией.

Лена *(со смущением, указывая на гостей).* Вот... напиться зашли.

Стоя рядом, плечом к плечу, танкисты улыбаются, и это получается у них приветливей всякого поклона.

Мамаев *(со стариковской тоской).* Покидаете, сынки?

Лейтенант. Там все минировано. Раньше утра не взойдут... *(С улыбкой.)* Что смотришь? Понравился я тебе?

Мамаев. Хороший, видать. Что будет-то, скажи!

Сержант. А ты вглядись в него хорошенько. *(Постучав в грудь Темникова.)* Слышишь, сталью звенит. Этот человек и танк его из одного мартена отлиты. Ну, найдется сила в мире такого опрокинуть?

Темников *(сердясь).* Брось, Ваня... не люблю, брось.

Мамаев *(сержанту).* Не тебя, сынок, спрашиваю.

Сержант. Э, кого огнем в бою спаяло, в тех и мысль одна бежит. *(Задоря.)* Сказать им, Дмитрий Васильич, про что думка твоя сейчас?

Лена *(поспешно).* Не надо! Зачем вам это, не надо...

Она оборвалась, поняв, что выдала себя с головой. Темников опустил глаза. Все заметили смущенье Лены.

Мамаев. Образа́, мать.

В молчании Катерина поднимается на лавку оправить лампаду.

Илья. Да, глухая наша сторонка. *(Вымещая досаду, про бога.)* Он же бьет, его же маслицем потчуют.

Мамаев *(степенно).* Не трожь его. Он в избе меньше твоего места занимает.

Илья. Покланялся бы, чтоб дочку твою от великой печали упас. *(Зловеще глядя на Темникова.)* Уж, может, под окошком судьбища-то стоит!

Мамаев *(не понимая значения его намека).* Я доли людской не бегу. Но попрошу, как приступит, и он мне не откажет.

Илья *(дерзко).* Аль еще не приспичило?

Стук в окно. Мамаев уходит в сени. Сержант, с усмешкой наблюдавший эту сцену, касается локтя Темникова.

Сержант. Поехали, Дмитрий Васильич. А то гражданин нервничают.

Темников *(Лене)*. Спасибо за воду. Никогда не пил такой.

И опять они смотрят друг на друга долгим взглядом. Темников надевает шлем. Свидание кончилось. Гости ушли, а Лена все смотрит им вслед.

Илья. Одевайся, танкистка. Мать с одёжей стоит.

Лена *(вздрогнув)*. Вот видишь, они и ушли. Не дуйся, Илья. Кончится война, вернусь учительницей, ты станешь агрономом... будем жить. И как ценить станем всё! *(Оглянувшись на дверь.)* Давеча ехала — листья последние летят... и каждый как родного в дальнюю разлуку провожала. Прощайте до весны, милые! *(Тряхнув головой, весело.)* Мы даже и не вспомним о нем никогда. Ну, давай руку...

Мамаев *(возвращаясь)*. За нами приходили. Прощайтеся.

Катерина обнимает дочь; долго смотрит в лицо ей, зажмурится и опять посмотрит. Мамаев коснулся плеча жены: не обниматься же на людях!

Всего не перескажешь. Присматривай... Присядем.

Все присаживаются на долю минуты. Илья закуривает при этом. Слышен гул проходящей за окном толпы.

Пошли.

Катерина *(низко кланяясь)*. Где ни придется лечь костям моим — навещайте.

Мамаев *(сурово)*. Как бог даст.

Все ушли. Лена задержалась на пороге.

Лена. Мама!.. Пойдем с нами, мама. Что ты здесь одна останешься?

Катерина. Нет, Лёнушка. Я тут каждую половичку в лицо помню, по голоску признаю. Здесь я плясала, как замуж шла. Отца тут на войну провожала. Тебя вон там, под окошком, родила... *(И с суровой признательностью она обводит глазами эти места главных событий в ее жизни.)* Ступай своим путем, солнышко!

Лена ушла. Катерина поправляет сбившийся половичок, привертывает фитиль в лампе и, прямая, бесстрастная, садится у стола.

Уголечек останется, и того уголечка не спокину.

Песня за окнами стихает. Ярче горит лампада, освещая темное ночное лицо бога.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Пять крутых ступенек сводят из наружной траншейки сюда, в просторную землянку с низким накатным потолком. Налево вверху полуокно-полуамбразура, в которую смотрит ночь. Почти готовая дверь стоит у входа в груде свежих стружек; дверной проем временно завешен трофейным брезентом с косой надписью: «Reichpost»[1]. Черные готические буквы спорят в четкости с белым шрифтом боевого кумачового лозунга, свисающего драпировкой со стены. Круглая, из бензиновой бочки и с походным котелком наверху, печка топится на переднем плане; бок ее красновато светится в темноте. Справа нары в два яруса, слева — простой, ниже обычного, стол с чурбаками вокруг вместо табуреток и со скамьей по стене. На столе хлеб, и с краю, сделанная из масленки, пылает коптилка. Положив лицо в ладони, Лена, не мигая, смотрит на высокое желтое пламя. Слабо слышна гармонь, далекие паровозные гудки, и порывами сочится осенний холодок; пламя гнется, и колеблется полотенце на веревке, протянутой поперек землянки. Лене холодно; она встает подкинуть в печь поленце. Падает железная, приставленная сбоку, клюшка, и тогда приподнимается Устя, спавшая на соломе под пестрым лоскутным одеялом.

Устя. День уж аль ночь?

Лена. Вечер, спи. Илья зайдет, когда нужно. Ты спи.

Устя *(потягиваясь)*. Что же это снилось-то мне? Хорошее такое...

Лена. Хорошее, а забыла.

Устя. Не-ет... *(Закрыв глаза, чтоб увидеть еще раз.)* Знаешь, будто иду я в крутую гору, высоко-высоко. И всё цветы кругом, краси-ивые, каких и на свете не бывает... только без запаха. И будто не рябая я нисколько... Ле-егкая, в подвенечном платье иду... *(Строго.)* Ты не смеешься? Сейчас надо мной нельзя смеяться.

Улыбаясь, Лена заплетает самый кончик длинной ее косы.

[1] Имперская почта.

И вот уж все скрылося... и гора, и облачинки, а я все иду-у, и только бареточки на мне, черненькие, поскрипывают: скрип да скрип... К чему бы это, Лёнушка?

Лена. За счастье бьемся. Значит, к счастью, Устя.

Устя. Иду и радуюсь, а чему — не знаю. И спросить не у кого. Ни маменьки у меня, ни милого дружка... Ты не верь, что про меня плетут. *(Стыдясь и еле слышно.)* Я ведь девушка... никого еще не обнимала. Кому я нужна... такая! *(Выставив руки, точно видит их впервые.)* Эва, какие лапищи...

Лена. А как ты ими часового-то задушила: пригодились, значит. Я тебя и не признала тогда... словно рысь кинулась. Как ты его разглядела? Ведь тьма была.

Устя. Не знаю. *(Усмехнувшись.)* И не крикнул, как я его обняла. Только затрепетал весь. *(Помолчав.)* Утром пошла взглянуть — высокий, лежит, с усиками... подлец.

Она поднялась — сильная, размашистая, прежняя. Прижав каравай к кофте, под которой проступила могучая грудь, она отрезала ломоть и крупно посолила. Лена смотрит на нее, любуясь ею.

Может, и нынче женишка себе впотьмах нашарю. В клочья изорву!

Откинув занавес, Илья всматривается в сумерки землянки. Оробев, Устя опускает руку с хлебом.

Пора нам, Илюша?

Илья. Не пора, но скоро. За ужином небось не ходила?

Устя. Принесла, на печке греется. Уйти мне, Илюша?

Илья. Там Ефим ногу распорол. Спросишь у Похлебкина, кто с нами третий пойдет.

Устя ищет себе накинуть какую-нибудь одежку, все попадается не то.

Тебе и пробежать-то десять шагов.

Она ушла, как была, с непокрытой головой.

Лена. Зачем прогнал? Она тебе сердце свое под ноги стелет.

Илья. Все равно ей девать его некуда! *(Подойдя вплотную.)* Ну, награди меня за то, что будет.

Лена отступает, пугаясь его.

Сейчас пойду поезд немецкий в преисподнюю спускать.

Л е н а. А мы с Устей третьего дня ходили...

Он порывисто обнял ее, Лена отбивается как может.

Не надо, несчастье у людей... Не надо, нельзя.

И л ь я *(глухо)*. Все можно. Ночь на земле.

Л е н а. Не хочу. Пусти. Укушу тебя.

Илья разжал руки, Лена отошла, содрогаясь.

Лучше дверь навесь, как вернешься. Мерзнем с утра.

И л ь я. Не вернусь я, Лена. Вот закрою глаза и вижу, как лежу один, в росе, под насыпью. И птица ночная мне на лоб садится. Лапочки у ей холо-одные. Скажи... любишь меня?

Л е н а *(шагнув к двери)*. Выпусти. Боюсь тебя.

И л ь я. Не выйдешь, пока не скажешь. В глаза говори: любишь?

Л е н а. Я не могу так, вслух, Илья. Это говорят на ухо, нежно. Это один раз в жизни говорят. Ну, я еще не умею... это слово. *(Очень тихо, через силу.)* Разве без любви замуж выходят?

И, словно обожженный ее признаньем, Илья садится и опускает голову. Приподняв бровь, Лена наблюдает его.

Ты недоволен этим, Илья?

И л ь я. Предсказанье мне было. Убьют, кого ты полюбишь.

Л е н а. Кто... кто это тебе сказал?

Впервые она заглянула себе в сердце и удивилась, что не Илья отразился в зеркале ее испуга.

Глупости... кто нынче верит в это!

И л ь я. Уж сбылась половина. Гадали на тебя, а ты и приехала.

Л е н а *(с холодком)*. Так ты... откажись от меня, Илья. *(Громко, в сторону входа.)* Простудишься, Устя!

И тотчас же, с мешком на плече, У с т я, слушавшая у двери, виновато спускается в землянку.

У с т я. Сами идут сюда. *(Ища глазами.)* Куда бы мне положить... Груз-то больно сердитый.

Л е н а. Клади к стеночке. Осторожней.

У с т я *(когда Лена наклонилась помочь ей)*. Шепни ему, чтобы не боялся. Гаданье в любви не сбывается. *(Горько.)* Уж чего только я себе не нагадала!

Лена *(громко и распрямясь)*. Мой жених, Устя, не боится ничего на свете.

Лекарство подействовало. Илья поднимается, расправляя сильные свои плечи. В ту же минуту сюда деловито и безмолвно спускаются начальники: Похлебкин, Травина, Дракин и еще какие-то, видимо из дальних, глухих деревень, мужики, из которых один время от времени произносит: «Вот это в аккурат будет», а другой — «Присоединяюся». Все они кажутся выше обычного, потому что тени их достигают самых бревен наката.

Травина *(мельком, Илье и Усте)*. Закусили бы пока в дорогу. *(Похлебкину.)* Кого же мы им третьего дадим? У Ефима нога распухла. Садитесь, товарищ. Надо еще Мамаева дождаться.

Похлебкин. Может, Потапыча пока примем? *(Копаясь в походной сумке, на которую сменил свой портфель.)* Хлебанул, старый телятник. Как на дрожжах прискакал.

Дракин *(неподкупно)*. Делом его проверить надоть.

Травина *(одному из мужиков)*. Давай его пока сюда, до заседанья.

Мужик уходит. Устя, Илья и Лена едят кашу в стороне. Расстелив на столе обрывки карты, Похлебкин знаком подзывает Илью: тот подходит с ложкой. Чертя ногтем по бумаге, Похлебкин объясняет ему смысл предстоящей операции.

Похлебкин. За главного пойдешь. Видать, наступленье у них готовится. Всё под укрытием ночи поезда гонят. Ну, мы тоже не шапкой подпоясаны, в Европе живем. Значит, надо и встретить их *(ударив на слове)* могучим фейерверком. Смотри сюда. Итак, что мы видим перед собою? Азаровскую пойму — вот что мы видим на данном участке. Это линия. И вот оно, то тихое местечко, где ты заляжешь... понятно? Перед мостом влево бродом берите, минирован. Здесь гнездо у них было, не напорись.

Дракин *(сбоку)*. До сабуровской мельницы лучше низом, по ручью, идти. Там поглуше.

Илья выражает свое согласие кивком. Подойдя, Лена из-за плеча Похлебкина засматривает в карту.

Кушай, красавушка. Каша простыпет.

Лена. Я хотела себя предложить... вместо Ильи. *(С вызовом глядя на Илью.)* У него нога не поджила. Не уйти ему, если что...

Илья *(Лене, твердо и непонятно для других)*. Я своего, что мне причитается, и самой смерти не отдам.

П о х л е б к и н *(через плечо, без резкости).* В другой раз женишка пожалеешь, как вдвоем останетесь.

Лена возвращается к Усте. Придержав брезент, мужик пропускает П о т а п ы ч а. С берестяной котомочкой, держа руки по швам, тот смиренно, без прежней удали останавливается у лестницы. Похлебкин бережно складывает карту.

Ну, знаменитый скотовод... как телка твоя родимая поживает?

Потапыч бормочет что-то.

Не слыши-им!

П о т а п ы ч *(приблизясь на шажок и не сразу).* Съели, окаянные. *(Разведя руками.)* Как увидели, загоготали враз — грос калюб, грос калюб... большая телка по-ихнему. Тут же голову, обыкновенно, отрубили, ливер в ведерко выпустили... Конешно, вору тоже питание нужно: точна-а!

Д р а к и н. Косточку-то дали на память пососать?

Все дружно посмеялись над Потапычем.

П о т а п ы ч. Глухое сердце имеешь в себе, Степан Петрович. *(Стукнув себя в грудь.)* Во где горько-то! Заветная была...

П о х л е б к и н *(сухо).* У тебя заветного-то отродясь не бывало. Ближе подойди. Что в Кутасове, сказывай.

Все сидят, кроме Потапыча.

П о т а п ы ч. Можна-а. Ну, в селе, обыкновенно, стоит рота связи. Начальник у них вроде Хирнер. Особого зверства, сказать, не проявляет. А только, как взошел к Мамаеву, наперво повелел кота сказнить. Штыком. Больно черен, говорит...

Лена, видимо, хотела спросить что-то о матери.

Т р а в и н а *(предупредительно).* Потом расспросишь, девушка. *(Потапычу.)* Ты главное говори. Нам некогда.

Потапыч в затруднении.

Д р а к и н. Вот, говорят, старостой у них Бирюк состоит. Правильно?

И л ь я *(с места).* Враки поди. Он еще эва когда с немцами воевал!

П о х л е б к и н. Не мешай, Илья Степанович. Тут родни нет, тут воины. *(Потапычу.)* Обрисуй нам кратенько, какая его деятельность.

П о т а п ы ч. Это можна-а. Деятельность его, обыкновенно,

такая. Ходит, посматривает, усмехается. Окроме того, шапкой страх наводит. Вчерась объявил картошку копать.

Травина. Так, дело ясное. Вопросов больше нет?

Молчание. Дракин всем своим существом негодует.

Вот пришел ты к нам. Что делать-то здесь собираешься?.. Спать, что ли?

Потапыч. Зачем спать! Обыкновенно, что повелят, то и буду. К примеру, могу на часах стоять. У меня слух чу-уткой: скажи, вошка ползет, а я слышу, как она лапочки переставляет... тук-тук-тук. У меня, заметьте, вострый слух. Эх, ты меня только приласкай, хозяйка, я, как собачка, за тобой побегу...

И опять, посмеявшись, все подобрели к нему.

Травина. Ладно, учтем. *(Со значением взглянув на Похлебкина.)* А на диверсии будешь ходить?

Потапыч. Чего, чего? *(И хотя не понял, своеобычно тряхнул головой.)* Можна-а. Что скажешь, то и можна.

Дракин. У нас связь нечем проводить, а он лапти проводом примотал. *(Наклоняясь рассмотреть.)* Да еще, гляди, серый, немецкий, провод-то... Что ж, покормил тебя Хирнер-то твой?

Потапыч *(безгневно)*. Ничего, я на дорожку жареной водицы похлебал. Половину отхлебал, половину про запас в речку вылил!

И еще посмеялись они на его балагурство, и сразу точно ветром смыло их смех.

Похлебкин *(придвинув хлеб на столе)*. Вот тебе паек, пожуешь в дороге. Котомочку оставишь нам на сбереженье. И пойдешь сейчас вместе с ними. *(Указал на Устю и Илью, уже покончивших с ужином.)* Дорогой объяснят. Как вернешься — получишь койку и паралелбаум, какой тебе по чину полагается. Все. *(Поднявшись и взглянув на дракинские часы.)* Отправляйтесь, товарищи. Поезд проходит в одиннадцать сорок, а вам ходу одного-два часа.

Илья. Выноси пока мешок, Потапыч. Да не стукни.

Потапыч. Можна-а!

Повеселев, нарочито кряхтя и охая, он тащит мешок к выходу и вдруг делает вид, что роняет его наземь. И хотя опасности нет, раздается общий вздох испуга. Мешок, однако, повисает у Потапыча в руках.

Ничего, не пужайтеся, орлы. Уповайте на воробышка!

И, окинув всех озорным оком, легко вскинув мешок за плечо, он покидает землянку.

Травина *(Илье)*. Присматривай... что-то не нравится мне этот воробышек. Дрезинка пойдет — дрезинку пропустите сперва.

Илья кивает, затягивая поясной ремень с оружием.

Похлебкин. На худой конец под ключицу финкой бей, тише будет. Перец взял от собак?

Илья. В порядке. В полночь слушайте наш салют... проверку времени! *(Мужественно и сильно.)* Ну, сыграем в большую орлянку, Лена!

Она одобрительно кивает ему. Уходя, Устя кланяется остающимся. Невысказанная значительность сквозит в ее поклоне. Никто не отвечает ей, потому что заседание фактически уже началось. Дракин раскрывает клеенчатую тетрадочку — дневничок или книгу приказов.

Травина. Ложись спать, девушка. Начинай, Похлебкин.

Похлебкин *(когда Лена накрылась одеялом)*. Ну, товарищи полководцы, повесточка у нас небольшая, но довольно аккуратная. Расширяется наша картина, уже в полсотне ходим, товарищи! Поскольку народ понял, что врага в слезах не утопишь, а бога детской кровью не удивишь, прибывают к нам свободолюбивые граждане. Даже пришлось послать Мамаева на известный вам склад для пополнения оружия... Словом, начинают немцы маненько от нас подрагивать. Вместе с тем за неделю, как мы здесь, убыло из наличного состава шестеро. Двоих Мамаев секретно, под видом дров, отвез в больницу. Доктор Иван Петрович уложил их на коечки, будто попали в молотильный привод, и велел еще привозить, когда нужно. *(Вскользь.)* Пристяжка у тебя хромает, Дракин. Посмотри.

Дракин. Зайду утресь.

Похлебкин. Остальных, в количестве — четыре, я совсем снял с довольствия. Предлагаю отметить ихнюю память стоянием.

Они стоят некоторое время. Дракин листает в это время странички. Взволнованный чем-то, в землянку спускается Мамаев.

Садись, Мамаев. Сейчас дойдем и до тебя.

Все сели.

Теперь засуча рукава, товарищи, выметем маненько грязцу. Армия ушла, мы одни тут осталися, островочек в синем морюшке. Это накладает на нас особую строгость. Как насчет Бирюка решим?

Д р а к и н *(жарко)*. Руку ему за это, руку мало рубить!

Мужики присоединяются. Мамаев тем временем шепчет что-то на ухо Похлебкину, который сразу меняется в лице.

Что в приказах писать?

Т р а в и н а. Пиши проще. Постановили казнить предателя.

П о х л е б к и н *(бледный, вставая)*. И одну строчечку пустую оставь. Кого-то из нас вписать туда придется. *(Обводя всех глазами.)* Нечисто между нас, товарищи.

Насторожась, все вопросительно посматривают на Мамаева, сидящего с опущенной головой.

Мамаев сейчас доложил... Ходил на склад с ребятами, и печальная перед ними раскинулась картина. Склада на месте не оказалось. А, окроме винтовок да шнура, там спирту одного находилось, извиняюсь *(с сожалением прищелкнув языком)*, четыре бидона по десять кило да толу пудов сорок... Накат раскидан, ямина пуста. И на донышке кучка нам на сердечную память оставлена. *(Постучав рукоятью ножа в стол.)* С чем и поздравляю, товарищи! *(Садясь.)* Одолжи табачку, Дракин.

М а м а е в. Это еще не все: связь у нас порезана, граждане. И самый проводок увели. Теперь кричи и плачь, никто не услышит. И провод-то серый, немецкий провод-то.

Молчание.

П о х л е б к и н *(со злостью, скручивая папироску)*. Духовитый табачок куришь, Степан Петрович. Немецкий, что ли?

Д р а к и н. Потапыч даве преподнес. В лесу нашел пачечку.

П о х л е б к и н *(недобро усмехаясь)*. Хотел бы я того солдата посмотреть, что на фронте хоть табачинку потерял.

М а м а е в. Стыдись, Василь Васильевич. *(Про Дракина.)* Этот человек все именье на божье дело отдал.

П о х л е б к и н. Знавал я одного божьего человечка: помолился, да и зарезал троих. У вашего брата всяко дело свято. Вопрос — отколе смотреть!

Т р а в и н а *(с выговором)*. Тебе что-нибудь известно, Похлебкин, про товарищей, которых ты порочишь?

П о х л е б к и н *(наотмашь)*. Да мы и тебя, Полина Акимовна, толком не знаем. Откуда ты к нам хозяйкой в темную ночь свалилася? Документы и с мертвого можно снять.

М а м а е в *(гневно)*. А коли не знаешь, так чего на людей, как пес, кидаешься?

Похлебкин. Кто... я пес? *(Вскочив и рванув рубаху у ворота, запальчиво.)* Пес я, да. Я власти моей пес верный! Я дом большой стерегу, где народ мой живет. Я днем и ночью по цепи моей хожу бессонно... урчу, чтоб махоньки детки там *(широкий жест куда-то за стены, в просторы страны)* безгрозно спать могли. Я грызть, я жевать того стану, кто на них злодейскую руку подымет. Я...

Он задохнулся, зубной стон его наполняет тишину. Разбуженная Лена поднялась на локте.

Лена. Что это... тревога?

Травина *(спокойно)*. Спи, спи, девушка. Это лес шумит. Спи.

Зевнув, Лена снова накрывается одеялом.

Сядь, Похлебкин. Сядь, сказала. Велю.

Похлебкин повинуется.

Он прав, товарищ. Страшно сказать: об этом складу знали только мы. Один завелся, и вот с ножом друг на друга кидаемся.

Мамаев. Это как сверчок в фатере заведется: расстроишься искамши. *(Заметив котомочку Потапыча.)* Никак, Потапыч приходил?

Травина. Стойте... *(Хватаясь за спасительную догадку.)* Как же это серый проводок на ноги-то Потапычу попал?

Все переглянулись, пронзенные одной и тою же разгадкой. Выскочив из-за стола, Дракин молча вываливает из котомки имущество Потапыча. Там пара новых лаптей, рубаха стираная, клубок лыка, кочеток и жестяная кружечка из консервной коробки. «Не большой залог оставил, собачья радость...» — бормочет Дракин. И, уже не садясь за стол, он с повинной обводит всех глазами.

Дракин. Так и есть! *(Склонив голову.)* Не ссорьтеся, люди. Насчет склада это я, Дракин, виноват. К чему ни присудите, за все поклонюсь.

Все окаменели от внезапности его признания.

Это я Потапычу намедни насчет оружия расхвастался. Задорил он меня, распалил. С лучинкой, дескать, на всемирную державу выступаете... *(Колотя себя по башке.)* Стар стал, ума не стало!

Похлебкин *(в бешенстве)*. Уйди лучше... Стрелять в тебя стану. Уйди, враг!

Мамаев *(пока Травина усаживает Похлебкина)*. Где же у тебя разум-то был, Степан Петрович? Кому доверился!

Дракин. У человека душа дремучая. Всю-то в кулачок сожмешь, а в ей заблудишься. *(Открыто, подняв голову.)* Вместе нас с Потапычем судите...

Травина. Вот куда проводок-то нас привел. Ну, хватит нам на сегодня Потапыча. Завтра, как вернется, виду не показывайте: проследить.

Похлебкин. А пока — охраненье двойное выставить. И никому в эту ночь не спать. Сам буду ходить... *(Поднявшись.)* Всё! Отправляйтесь по делам, товарищи полководцы.

Подавленные происшедшим, мужики расходятся — все, кроме Дракина, который, кривясь от внутренней боли, задержался на лестнице.

Дракин. Побрани хоть ты меня, Акимовна. Языка, языка мне за это резать мелким ломтичком!

Откинувшись к стенке, Травина смотрит на разгоревшееся пламя светца.

Да есть хоть что-нибудь, окроме партбилета, в каменной гру́де твоей, хозяйка?

Она молчит, точно заснула с открытыми глазами, и Дракин на цыпочках удаляется. Ничто не двинулось в лице Травиной. Но вот вздрагивают губы и слеза катится по щеке. Лена с удивлением смотрит на командира, потом, испуганная и тронутая, босыми ногами приближается к ней.

Лена. Полина Акимовна, Полина Акимовна...

Травина *(глядя в огонь)*. Чего тебе не спится, девушка? Ночь на дворе, спи.

Лена. Вас Похлебкин обидел, да? Он злой теперь. Вся Россия на плечи ему легла. И ночью-то — привалится к дереву и спит. Стоя.

Травина. Он прав, девушка. Уж и адреса такого нет на свете, где я жила. Разве пепел спросишь: откуда ты летишь, пепел? Это я играю каменную, девушка. На певицу когда-то училась, потом заболела, испортилось мое сопрано... Ворон кружит над всем, что я любила... И все у меня там осталося.

Лена *(ласкаясь к ней)*. И карапузик маленький... да?

Травина. Уж большой был... Все забыть его хочу. Все хочу уверить себя, девушка... может, плохой бы вырос. Может, прогнал бы меня взашей, как состарюсь... *(Шепотом.)* Не могу. Добрый был.

Лена. Они его убили?

Травина *(не ответив на вопрос)*. Ты счастливая. Когда твои родятся, светло будет на земле. За большой кровью всегда большое счастье идет. Береги его, девушка. Дерись за него!

Мелкая, как по воде, дрожь пробегает по брезентовому занавесу.

Лена. Войдите.

Травина. Это ветер, девушка.

Лена. Нет... *(Нетерпеливо, в сторону лестницы.)* Войдите же, кто там?

Она легко взбегает по ступенькам и с силой отдергивает тяжелую намокшую ткань... Никого, и тишина. Могучая лапа старой ели простерлась над входной траншейкой, да еще молодой, точно росой омытый, с востренькими рожками, висит месяц. Потом возникают голоса, треск бурелома. Лес оживает.

Несут кого-то... *(Сама отвечая на свою тревогу.)* Неужели Илья? Выйти не успел, напоролся...

Крылом подстреленной птицы стелется понизу пламя светца. И опять где-то глухо фальшивит гармоника. Потом, весь в копоти, точно вырвался из ада, с прожженным у локтя рукавом комбинезона, без шлема, появляется сержант Темникова. Держась за косяк, он мутным, неузнающим взором глядит на Лену.

Говорите же!

Сержант. А, гражданочка!.. *(Сплюнув черную слюну и тыльной частью ладони устало проводя по обгорелым усам.)* Вот, опять к тебе... за живой водою припожаловали. Принимай гостей...

Слизывая копоть с губ, он оседает на чурбак. Не сводя глаз с проема двери, Лена растерянно ждет. Ее ладони сжимаются в кулаки, когда в просвете входа показывается множество ног. Сержант знаком подзывает Травину.

Повесь что-нибудь... загородиться. Нельзя ей глядеть на него теперь.

Травина успевает сдернуть полотнище с лозунгом со стены и накинуть на протянутую поперек землянки веревку. Тотчас показываются со своею ношей мужики; шествие замыкает Похлебкин. Они спускаются медленно, чтоб не колыхнуть тяжело провисшее на большой мешковине тело человека, и проносят его за самодельную занавеску, на скамью. Сержант уходит к ним.

Не кладите, ему только сидеть можно. Привалите к стеночке... так, ладно.

Травина *(Лене)*. Кто это... Кого это принесли?

Похлебкин. Танкист один знаменитый. Им вся округа

гремит. *(Качнув головой.)* Эка власть над собой: стону не подаст!

Сержант вслед за мужиками выходит из-за занавески.

Сержант *(не поднимая голоса, вполоборота ко всем).* Кто здесь главный? *(Похлебкину.)* Судя по усам — ты?

Похлебкин кивает на Травину.

Так вот, тут Дмитрий Темников сидит. Это лев русский, понятно? Срочно нужен хороший врач. Даю минуту, думай. *(Посмотрел на часы под рукавом и махнул рукой.)* Э-э, и тут сгорело!

Похлебкин. Нести его больше нельзя. Не выдержит.

Травина. Постой, я сейчас... дай сообразить. *(Заметила среди мужиков Доньку, который, размазывая слезы по лицу, смотрит с лестницы за занавеску.)* Иди сюда, Доня. Вот ты все подвига искал... Бегом отправишься в Кутасово, к доктору Ивану Петровичу. Тропками проведешь сюда. Скажешь: я сама прошу.

Сержант *(задержав внимание на мальчике).* Что ревешь, бесстыдник? Ай знавал Темникова?

Донька *(всхлипывая).* Как, бывал, едет мимо, все уговаривал: полно тебе курей гонять, Данил Захарыч. Пойдем, Данил Захарыч, врага громить...

Сержант. Так слушай же меня, Данил Захарыч. Теперь детей нет, все взрослые. Помни: славу русскую в руках несешь. Ранят — ползи. Землю кусай и ползи. Пошел!

И легонько толканул в плечико. Набрав воздуху в грудь, мальчишечка метнулся и исчез.

Первый мужик *(вслед).* От луны кройся... подшибут.

Второй мужик. В его и стрелять-то, изволите ли видеть, некуда: одни глаза да ноги!

Травина *(Мамаеву).* Дракина сюда и лампу мою большую. И посторонние уйдите все. Пока — спать ребята будут там.

Мужики удаляются вслед за Мамаевым. Лена идет на середину.

Лена *(надтреснуто).* Он ранен... да?

Сержант *(неохотно и глядя в сторону).* Горели мы с ним, гражданочка. Они нас болванкой на развороте жахнули... Эх, хороша была машина, три-четверточка!

Лена нетерпеливо ждет продолжения.

И ведь до чего ж дерзкий характер у человека. Я уж люк открыл, чтоб ходом пламя сбить. Огонь рычит, в ноги ему хлещет, а он... *(Утратив спокойствие.)* Слабый я человек, в голос ему кричу: «Бастуй, Митя, смерть!..» Уперся. Все: «Гони, скрипит, гони!» — пока проводка не сгорела. *(Сквозь боль свою.)* Что ж, сыт ты теперь, Дмитрий Васильич?

Лена. Еще!..

Травина, Похлебкин и вернувшийся с лампой Мамаев с удивлением прислушиваются к ее необычной, чуть повелительной интонации.

Еще говорите про него.

Сержант. Три гнезда змеиных подавили, больше не осталося. Вытащил я его через люк из пламени — дымится весь, а в рост, в рост идет... «Сам, пусти, я сам!» До опушки шел, пока не рухнул.

Похлебкин. Я как раз дозоры проверял, видел... костер среди ночи мечется.

Мамаев зажигает лампу. Слабое шевеленье слышно за занавеской, и непонятно скрипит дерево. Похлебкин, глядевший за занавеску, отвернулся. Лена шагнула вперед.

Травина. Что тебе надо, куда?

Лена. Пустите меня к нему.

Травина обняла ее плечи.

Я плакать не стану. Пустите меня.

Травина. Не нужно это, девушка. Дождемся доктора, он скажет.

Она ведет Лену к скамье. В землянку входит Дракин.

Вот, кстати... Слушай, Степан. Тут большой человек... горит. Можешь хоть временно облегчить ему это?

Дракин молчит.

Сержант *(недоверчиво)*. Доктор, что ли?

Похлебкин. Доктор, да не тот. Конский доктор-то. *(Просительно, Дракину.)* Степан Петрович, этот человек всех нас вместе стоит.

Дракин *(зло и тяжко)*. Выдай мне сперва казенную бумагу... людей лечить.

Мамаев. Не серчай на обиды, Дракин. Люди мы.

Похлебкин. Может, на коленки стать, знахарь?

Сержант *(тряхнув за плечо)*. Да ты русский аль не русский! Камень кричит... не слышишь?

Дракин. Посмотреть надоть. *(Насмешливо.)* Комиссию давай... Ну-ка, посвети, власть.

Похлебкин вслед за ним уносит лампу за занавеску. Сержант идет туда же. Лена бессильно опускается к ногам отца, присевшего на чурбак.

Мамаев *(касаясь ее волос)*. Эх ты, любимица, так разом весь секрет свой и раскрыла.

Лена прислушивается к происходящему за занавеской.

Сержант. Дмитрий Васильич!.. Дмитрий Васильич, это я, Ваня твой, близ тебя. Тело твое нам нужно посмотреть.

Молчание. По кумачовому полотнищу сквозит свет и двигаются силуэты.

Ты отбивайся от боли-то, Дмитрий Васильич. Сейчас доктор придет, примочку наложит, порошки даст. Теперь доктора хорошие, не в старину живем... *(Окриком.)* Тише, черт, не дерево ворочаешь!

Молчание.

Лена. Тишина какая...

Травина. Когда на войне тишина, это крадется кто-нибудь.

Мамаев. Небось Донька к больнице подползывает.

Лена *(с болью)*. Не подстрелят его, папаня?

Мамаев. Бог милостив, достигнет. Мостик он уж давно миновал. Ишь ты, верхом на ветерке скачет. Вот к доктору перстиком стучится. Тук-тук-тук. Докторица поднялася, волосья со сна ровно тина висят... к окошку присунулась. *(Подражая женскому голосу.)* «Чего колотишься, человек аль ветер?» — «Это я, Серафима Платоновна, Донька!..» Ну, тотчас его пускают. И тут зачинают они доктора тормошить...

Лена. Скорей, папаня. Это жизнь моя!

Мамаев *(рассудительно)*. Безо времени ничего не бывает. Доктор не наш брат: топорище за пояс, и пошел. Ему пузыречки надо захватить, опять же часового обмикитить.

В полном составе из-за занавески появляется «врачебная комиссия». Все смотрят на конского доктора. Дракин проводит руками по лицу, как бы в потребности стереть с лица ощущение чужой муки.

Похлебкин. Пошарь, пошарь в черном своем мешке, Степан Петрович. Тряхни недозволенной наукой.

Дракин. Тут моя наука бессильная.

Мамаев. Может, водку нагреть да влить в него, чтоб оглушило... а?

Дракин *(с ученым видом)*. Водка-то, чай, она тоже горючая.

Травина. А если раздеть его?

Дракин. С кожей вместе, хозяйка? *(Угрюмо и торжественно.)* Перьво-наперьво облачите его в холод. Воды на него болотной, да котора со льдинкою...

Захватив ведро, Травина торопливо уходит. Блестящими глазами Лена смотрит в закопченные бревна наката.

(Понижая голос.) Окроме прочего, не давайте ему о смерти думать. Сказывайте ему... про сад цветущий, про вино, про невесту, про всякое несбытошное мечтание. Зудите его, чтоб жадней стал. Партейный он у вас?

Мамаев. А то как же!

Дракин. Ну, раз партейный, значит, выживет. *(Надевает шапку.)* Так-то. Ну, занимайтеся с богом, а я ужинать пошел.

И уходит, провожаемый безмолвием. Памятуя наставления конского доктора, сержант тотчас переводит взгляд на Лену.

Сержант *(осторожно)*. О тебе глазами спрашивал, гражданочка: жива ли, мила ли... И чего, говорит, голоска ее звонкого не слыхать.

Лена решительно поднимается с полу.

Лена. Покажите мне его.

Из состраданья к ней сержант становится ей на дороге.

Хочу. Откройте его.

Уже не в силах противиться ее воле, сержант протягивает руку к занавеске.

Сержант. То ли ветер в него бил, то ли ты мысленно в лицо ему глядела... лицо-то целое у него.

Лена делает жест нетерпенья. Тогда рывком вниз сержант сдергивает занавеску... Легко узнать его и теперь, знаменитого лейтенанта, сидящего на подложенном сеннике. Он похож на изваяние из дерева, побывавшее в пожаре, и кажется больше обычного человеческого роста. Он осунулся, черное пятно на виске, глаза закрыты, руки сложены на коленях ладонями вниз. Горелые клочья комбинезона свисают с его широко расставленных ног.

Полевей стань, чтобы прямо на глаза ему попасть. Ему ворочаться-то нельзя.

Лена. Скажите ему... пусть он меня увидит.

Сержант *(склонясь к уху лейтенанта)*. Дмитрий Васильич!.. Взгляни, Дмитрий Васильич, кто стоит перед тобой.

Глаза Темникова раскрываются не сразу. И проходит некоторое время, прежде чем он различает Лену. С расстояния в четыре шага и точно через непереходимую реку они смотрят друг на друга. Потом ясная и безбольная улыбка осеняет лицо лейтенанта. Она проходит, подобно солнечному лучу, и исчезает в неподвижных губах, успев отразиться в лице Лены. Веки снова опускаются.

Легше ему стало... *(Благодарно и горячо.)* Хороша, сытна ему глаз твоих прохлада. Стой так! Отдохнет минуточку, опять на тебя посмотрит.

Тишина. С топором и инструментальным ящиком рослый плотник вваливается в землянку.

Плотник *(размашисто, со второй ступеньки)*. Тут, што ли, велено дверь-то навешивать? Илья Степанович уходимши наказывал.

Все шикают на него, машут руками, чтоб уходил.

Мамаев *(шепотом)*. Потом, часа через два, придешь.

Лена *(медленно, не отводя глаз от Темникова)*. Оставьте нас одних. Все уйдите.

Они подчиняются. Сержант произносит перед уходом: «Соскоблю копоть с себя... я тебя сменю потом». С молчаливого позволенья Лены Мамаев привертывает огонь в лампе. Слабое лунное сиянье вливается в землянку через верхнее окно-амбразуру... Лена переступает незримую границу, которая их, чужих, разделяла до сих пор. С сухими глазами она опускается в лунное пятно у ног Темникова. Она прикасается щекой к руке лейтенанта...

Темников *(глухо и ясно)*. Кто... это?

Лена *(трепетно, подняв к нему лицо)*. Это я с вами, Лена Мамаева. Слушайте меня. Я скажу вам слово, которое говорят раз в жизни... которое я берегла для вас. Всей душою слушайте меня. И вам станет легко...

Глаза Темникова раскрываются. Он смотрит в лунный свет поверх ее головы. Голос Лены спадает до шепота.

Слушайте меня...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же землянка, и, на первый взгляд, ничто не изменилось, только дверь уже навешена, и минула первая ночь Лениной любви. Красноватым нагоревшим фитилем светит иссякающая коптилка, и синеватая белизна рассвета сочится сверху... Ночью выпал первый снег. В том же положении, с руками на коленях и закрыв глаза, сидит Т е м н и к о в: кажется, что он стал еще большего роста. Усталая и похудевшая, в стареньком пуховом платке, Л е н а несет у его ног свою скорбную вахту. Порою голос ее слабеет, и рвется непрочная нитка ее повествованья; тогда с бездумной пристальностью она следит за какой-то плывущей перед ней пылинкой, пока снова не вспомнит о своей обязанности. Горячая волна опять пробегает по ее телу, и время отступает перед волевым усилием Лены...

Л е н а *(борясь со сном)*. Это будет, правда!.. и когда все кончится, вы сойдете по нарядной лестнице, будто ничего и не было. И все красавицы будут глядеть на вас, но я не жадная, пускай!.. Вы поедете ко мне, прямо в школу, в Кутасово. *(Доверчиво.)* Моя наука — география. Еще девочкой любила забираться иногда по карте в такие дебри, куда никто не забредал. Брожу по гора-ам, пою разные песни... Я смешная, правда? *(Она замолкла, покачнулась с закрытыми глазами и опять...)* Нет, я не сплю. О чем я только? Да-а... Ты приедешь ко мне прямо на урок. Я увижу тебя в дверях. «Ребята, скажу, это Темников, командир всех наших танков». О, что будет!.. И я шепну тебе: «Не сердись, посиди на крылечке. Нам еще нужно в Бразилию заехать на минутку!» Ты сядешь на ступеньках, там у нас вишенник кругом. Конечно, это будет ма-ай!..

И вот дремота одолела ее. Платок соскользнул с плеча. Глаза Темникова раскрываются: два немигающих блеска, отраженье потухающего огня, стоят в его зрачках. Его рука движется, преодолевая расстояние в несколько нескончаемых сантиметров. Пальцы потягивают на плечо девушки сбившийся платок... Голоса снаружи,— глаза лейтенанта закрылись. Т р а в и н а и М а м а е в спускаются в землянку.

Травина. Спят обрученные. *(Накидывает занавеску так, что остается видна только Лена.)* Сменить ее надо, Мамаев!

Мамаев. Три раза ночью заходил. Прогнала.

Он смотрит на дочь, приникшую щекой к черному и рваному колену лейтенанта, и, видимо, переполнилось его сердце.

Вот, дочку лелеял — пробивайся, цветик, к солнышку: взошло. А уж и стучится черной рученькой в окошко судьбица-то: выводи дочку, старик!.. И ведь все равно одолим, так почто же мука-то такая?

Травина. Об этом бога своего спроси, Мамаев.

Она наклонилась накрыть одеялом Ленины ноги. Очнувшись, та с надеждой уставилась на дверь.

Лена. Что... доктор пришел?

Травина. Теперь уж ско-оро. Сама жду.

Расправив занавеску во всю ширину лавки, Мамаев остается с Темниковым. И вдруг, прочтя скрытую тревогу в лице Травиной, Лена начинает торопливо одеваться. Травина молча наблюдает за этой бесполезной вспышкой.

Куда?

Лена. Я сама пойду. Я его в Москву, на санках, повезу... Пустите!

Травина *(по-хозяйски, удержав ее руку)*. Я тебе не давала приказания идти. Под Москвой сражение идет, девушка. *(Ласковее.)* Приляг, засни на часок. Хочется ведь?

Лена *(идя с нею к лавке, по-детски)*. Хо-очется...

Смирясь и поджав озябшие ноги, она положила голову на колени Травиной, но сон не приходит и не закрываются глаза.

Куда механик его ушел?

Травина. Танк пошел проведать. Там у них еще башенный стрелок остался.

Лена задвигалась в тоске.

Ленушка, ему больней твоего. Эх ты, Шахразада моя! Ночку провела, а уж обвяла, как цветок. А их еще тысяча впереди.

Лена *(монотонно)*. Да... Илья вернулся?

Травина. Нет еще. Спи.

Смирившись, Лена вслушивается в голос отца за занавеской.

Мамаев. Так-то!.. А как приедешь ко мне зятем, в сад

я тебя, на пчельник поведу. Медов наломаем, брагу сварим... э-эх, Дмитрий Васильич! И вспомним, как сидели мы с тобою во глубине мерзлой земли, один на один... и посмеемся над болью нашей. А после пиру сам тебе дочку мою приведу. «Вот она, скажу, вся... как молочко в кувшине серебряном. Пей, зятек, исполни закон жизни!..»

Лена спит. Травина поглаживает ее плечо. Скрипит дверь, заглянул Похлебкин. Он не входит и тотчас опускает голову.

Травина *(тихо, чтоб не разбудить Лену)*. Я выйду. Подожди меня... там.

И тотчас, опередив ее, Лена распахивает дверь. Рядом с Похлебкиным, держась за полу его мехового пиджака, стоит Донька. Доктора позади них нет. И хотя все ясно теперь, происходит этот уже ненужный разговор.

Чего тебе, Василь Васильич?

Похлебкин. Да вот, Донька вернулся. Мокрый весь.

Травина. Это хорошо, что вернулся... Входи, мальчик.

Они входят. Донька виновато косится на занавеску. Его заметно знобит.

Садись у печурки, грейся. *(Она сама устраивает его у печки.)* Был в Кутасове?.. Что там?

Донька молчит.

Похлебкин. Речь в нем замкнулась с напугу. Сначала бойко так разговаривал... *(И точно махнув рукой и на присутствие Лены, и на все на свете.)* Словом, не состоялось, Акимовна. Хирнер этот, которого Потапыч за тихий нрав похвалял... больницу навестил с автоматчиками. *(Пожевав усы.)* Так что нет их там больше, наших-то. И доктора нету. Увели нашего Ивана Петровича... в одной рубахе ночью увели. В Германию, землю копать, в рабы увели.

Покусывая ноготок, Лена безотрывно смотрит на маленького вестника больших несчастий.

Чужие в лазарете лежат, чужой доктор промеж чужих ходит.

Травина. Знал, верно, Потапыч-то... а смолчал. *(И что-то захрустело в ее голосе, как сминаемая бумага.)* Шагу не ступишь без Потапыча. Как вернутся, надо допросить его построже.

Мальчик смотрит на нее, шевеля белесыми губами.

(Склонилась к нему.) Ты что-то сказать нам хочешь, сынок?

Донька. Они не вернутся, тетенька.

Безмолвие крайнего удивления.

Они висят...

Общее движение, и — тишина. И вдруг, что-то сообразив, привстав на колено, Похлебкин задает Доньке самый главный для этой минуты вопрос.

Похлебкин. Доня!.. Ты не торопись, не бойся нас. *(Необычно ласково для него.)* Сколько, сколько их там, Доня, висят-то... ты считал?

Донька *(плачевно)*. Двое висят. На ветерке качаются... *(И слабо обозначил это движение рукой.)* Их еще издаля, от больницы, видать.

Травина *(глядя на Похлебкина)*. Ночью, значит. При факелах, что ли?

Мамаев *(выходя от Темникова)*. Так ведь наших-то трое было.

Травина. Эх, борода! *(Бессильно.)* Третий-то Потапыч был. Они нарочно третьего подослали... *(Похлебкину, гневно.)* Живьем достать. И сразу, как приведут, судить. Общее собрание назначить в большой... если успеют печь сложить. Заготовишь речь минут на пяток, не затягивай...

Похлебкин *(насмешливо)*. Не увлекайся, хозяйка. Рыбку еще поймать надо... *(Мамаеву.)* Сходи, Дракина надо поддержать. Илья-то один у него был.

Мамаев уходит. Напряжение спадает. И вдруг розовый луч из окна могуче врывается сюда, по диагонали расчеркнув землянку. Взошло солнце. В эту минуту возвращается сержант. Донька жмется и прячется от его взгляда за печку.

Ну... навестил свой танк?

Сержант *(раздеваясь)*. Стоит.

Похлебкин. Сидит твой башенный стрелок?

Сержант. Сидит. Черными глазами из люка смотрит. *(Чуть повысив голос.)* Россию караулит... Доктор не пришел?

Похлебкин *(по-мужски твердо)*. И не придет.

Только теперь сержант заметил Доньку. Потирая руки, точно вдруг озяб очень, он скрывается за занавеской.

Да... великодушны мы. *(Зло и горько.)* Великое имеем сердце. Пройдет сто лет, и все забудем. И некому напомнить будет им!

Он шагает из угла в угол, лицо его дергается. Травина подкладывает поленца в печку, чтобы скрыть волненье.

А более всех Ильи мне жаль. Парень со всячинкой, но гордый... и наш. Устя с малых лет души в нем не чаяла. Вот и повенчались, значит, пеньковым венчиком...

Травина. Ты ступай, мальчик, на кухню. Покушай, посушись. *(Лене.)* Отведи его, девушка!

Донька и Лена, взявшись за руки, послушно покидают землянку. И пока открыта дверь, видно еще издалека, как Мамаев ведет под руку согбенного и постаревшего Дракина. Старики спускаются. Похлебкин заблаговременно устанавливает чурбак посреди землянки. Дракина сажают: он в чужом, криво надетом треухе и пестрых варежках.

Вот, Степан Петрович. В гору пошел Потапыч-то! Выше всех хочет забраться. И мы хороши...

Похлебкин *(вторя ей)*. Да, доверили цыгану коня постеречь.

Стащив варежку с руки, Дракин вытирает ею нос и опять бессмысленно смотрит в солнечное пятно на полу.

Мамаев. Крепись, Петрович, не надламывайся. Копи в себе: за каждую травиночку спросим. А на подвиг сына твоего весь мир сейчас дивуется!

Из-за спины Дракина он жестом подсказывает Похлебкину, чтобы дали подкрепиться старику. Похлебкин достает из шкафчика на стене бутылку, наливает — скупо, как лекарство,— в кружку и, отложив на стол варежки Дракина, протягивает ему водку. Не сразу постигнув, чего от него хотят, тот пьет в одно дыханье, морщится, и потом все смотрят, как пробуждается биенье жизни в этом оглушенном человеке.

Ну, как, легше стало?

Дракин. Крепка-а...

Мамаев. Крепка, да хороша. Ишь, и выпил-то пустяковинку, а фигулирует. Может, еще?

Дракин *(вытирая усы)*. Хватит. Понемножку лучше. Чего зря-то лить!

Похлебкин. И смех и слезы! *(Отставив на стол бутылку и кружку.)* Ну, на данном этапе хватит и нам лить этот бесполезный матерьял. Слушай нас, Степан Дракин. Твое горе сейчас впятеро злей нашего... Значит, не один ты, а как бы пятеро тебя. Через час пойдешь в Кутасово... Навести старушку свою, утешь. *(Помедлив.)* Кстати, исполнишь приговор над старостой. Они сына твоего умертвили, как пса... помни!

Стук в дверь.

Войди!.. *(Дракину.)* Да не сбрехни кому по дороге, как тогда Потапычу. Беречься надо.

Повторный стук.

(Сердится.) Войди же, дьявол...

И сразу же, как от дьявола, пятится на шаг... Без шапки, один, живой, невредимый, без кровинки в лице, там стоит Илья. Сзади, стеснясь кольцом, хмуро смотрят на него люди отряда. Стараясь держаться независимо и твердо, Илья спускается. Махнув рукой мужикам, чтоб расходились, Травина сама, спиною, прикрывает дверь.

Илья. Вот... пришел. *(И что-то дрогнуло в его голосе.)* Устю-то, Потапыча-то... а?

Дикими, опустошенными глазами он обводит лица стоящих перед ним: знают ли? Да, знают.

И шапку потерял...

Растопырив пальцы, он смотрит на свои сильные и пустые руки, из которых выпало счастье. С отвисшей губой, подавшись вперед, Дракин уставился на сына; он больше всех потрясен его внезапным возвращеньем. Илья поворачивается повесить на гвоздь свою овчину. Тем временем Мамаев произносит, широко крестясь: «Прости, Потапыч, что помыслом погрешили мы на тебя». Вешалка рвется, и тогда с глухим воплем боли Илья взмахивает рукой, словно отбивается от кого-то, незримо стоящего рядом.

Э-эх!..

Похлебкин *(негромко и почти спокойно).* Ты потише, Илья. Мы сами нервные.

Травина. Больные у нас тут.

Шаркая сапогами, Илья движется к занавеске, которую только теперь приметил, и все видят, как отяжелели за ночь его ноги.

Илья *(видимо, узнав Темникова).* А-а, заболел, что ли?

И, не нуждаясь в ответе, он тянется к бутылке и наливает себе много. Струя сперва не попадает в кружку. Подойдя, без единого слова, Дракин наотмашь сшибает кружку со стола. Илья следит, скосив глаза, как она, гремя, катится по полу.

Дракин *(сипло).* Не торопись. Доложи сперва народу, где воинство твое, командир!

И слышно, как он дышит. Мамаев с силой отводит его за плечо. Весь дрожа и комкая бороду в кулаке, Дракин не сразу отступает от сына,

Пусти, тебе зять нужен, а мне... Я по нем ведро слез пролил, а он... он мне дегтем бороду вымазал! Дай мне его...

Мамаев. Полно, полно тебе, Степан Петрович. Бог слышит. Чем он тебя изобидел?.. Что в петле не висит?

И почему-то не столько увещания Мамаева, сколько пристальный, из-под приспущенных век, взгляд Похлебкина заставляет утихнуть Дракина.

Похлебкин *(Илье)*. Не волнуйся. Сядь здесь. Никто тебя пока не обвиняет.

Илья садится, озираясь.

Теперь поделись впечатлением. Как такая картина получилась?

Илья. Спрашивайте.

Травина. Сам скажешь.

Илья молчит, точно ему не под силу сдвинуть первое, чугунное слово своего рассказа.

Не молчи, Илья. Тебе теперь нельзя молчать. Ни минуточки.

Дракин сунулся было что-то сказать.

Не мешай, Степан Петрович.

Дракин *(ударив себя в грудь)*. И прóклятый, а сын он мне, сын мой единый...

Он идет к Илье, и тот жадно ухватился за эту первую протянутую ему руку.

Ничего, сынок, тебя природа бережет. Разоришься — такими кусками кидаться!.. Потешь их, как из петли на волюшку-то маханул. Все им очерти!

Илья *(насторожась)*. Я в петле не был... Они в засаде, у ключа сидели. Выскочили враз, по пятеро на брата... и лозинка не хрустнула. Взорваться бы, да не успели!.. Я в обнимку покатился с одним, а как подняли меня, их уже уводили. Устю волоком во тьму волокли. Только и крикнула напоследок...

Мамаев. Что крикнула-то?

Илья *(потупясь)*. «Прощай, Илюшенька...» — крикнула.

Дракин. Вишь, как она тебя жалела. Вот бы тебе невестушку, не за кралями гоняться... Ничего, что рябая. Рябая крепше!

Травина *(с досадой)*. Не мешай, Степан... сказано тебе.

Илья. Я тоже идти приготовился... *(Опять его треплет лихорадка воспоминания.)* А тут офицер ихний подошел, посветил мне в лицо фонарем. Посмеялись, полопотали... он еще в плечо меня ткнул, в снег уронил, и ушли...

Травина. Добрый, значит, офицер-то!

Похлебкин. Погоди, не там шаришь, хозяйка. *(Илье, с непонятным умыслом.)* А ты не удивился, значит, за что они тебя помиловали?

Дракин *(не давая сказать сыну)*. Экой, догнал бы да попросился с ними в петелку! Там места мно-ого!

Уже с нескрываемой неприязнью все посмотрели на Дракина.

Травина. Ты ступай пока в Кутасово, Дракин. Время теряешь...

Дракин. Эдак, эдак... переобуюсь и схожу. Долго ли до Кутасова!.. *(Протянув руку сыну.)* Обымемся на прощанье, Илюша. На бога я вышел. Брата убивать иду...

Он сосредоточенно смотрит на сына с намерением вложить что-то свое ему в душу, и, точно испугавшись своего отражения в этих прищуренных болотных озерках, окаймленных рыжей осокой ресниц, Илья отпрянул от отца.

Мамаев *(даже и теперь не разгадав намеренья Дракина сорвать допрос Ильи)*. Ступай, Петрович. Бог простит. За деток бьемся.

Травина. Выполняй приказание, старик.

Дракин. Есть... выполнять приказание.

Он надевает шапку и уходит. Он нарочно затворяет дверь неплотно. Захватив со стола оставленные Дракиным варежки, Похлебкин в мгновенье ока оказывается у выхода.

Похлебкин *(намеренно громко)*. За что вы его так! Он последнюю рубаху миру отдал.

Мамаев *(не поняв его уловки)*. Под рубахой-то еще душа есть, Василь Васильич.

Похлебкин *(изготовясь тем временем и весело подмигнув всем)*. Рукавички забыл, Дракин. Бери!

И, рванув на себя дверь, наугад протянул варежки. Звук досады, точно душу вывихнул с размаху, вырывается у него. Дракина там нет.

Играет знахарь. Ну, поиграю и я с тобой, Степан Дракин!

Мамаев. Так, может, не пускать его в Кутасово?

Похлебкин. Ничего, здесь сын его любимый останется... Далеко не уходи, Илья: под водой сыщем. Прикинь пока, отдохни, подумай...

Он кончил как раз вовремя. Снаружи ударом ноги открыли дверь. Слышны голоса: «Иди, волчина, не огрызайся», «Придерживай его за шею-то...». Заметно робея людей, Илья уходит в глубь землянки. Четверо мужиков торжественно вводят громадного человека, с головой покрытого мешком, из-под которого виден черный нагольный тулуп да рука с грязным и грузным кульком. «В могилу, что ль, ведете?»— громоздко сходя, спрашивает добыча из мешка. «Иди, дядя, иди. Ты себе полгроба уже заработал!»— отвечают конвойные. Установив добычу перед Похлебкиным, все четверо посмеиваются.

Ну и денек выпал. Видать, крупный улов. Что за зверь?

Задний мужик, безбородый и в рваном малахае, выскочив вперед и мыча, пытается жестами и мимикой объяснить обстоятельства поимки.

Травина. Это еще что за чудо природы?

Первый мужик *(видимо, любитель поговорить)*. Свояк даве из Путилина пришел, сиротка! Ценный человек, главный плясун на всю Расею. Немой только...

Травина взглянула на Похлебкина. Тот утвердительно кивнул в ответ.

Главное, ему и питания особенного не требуется... хоть в дупле проживет. *(Немому.)* Ну, чево, чево суешься, немота? Ну, объясни, объясни... не можешь?

Сдавшись, немой сокрушенно отступает.

То-то, горе!.. Пошли мы с Прокопом в Заберезник стог ломать. *(Про добычу.)* Поддели вилáми-то, а он и вылез. В крове весь, а потом встряхнулся, ничево.

Второй мужик. Медведь ранетый, видите ли что... он травой рану себе затыкает. Поплюет, заткнет дырку-то и отправляется, куда ему надоть по делам!

Добыча *(из мешка)*. Запарился я тут, Василь Васильич.

Травина. А ну, покажите вашу добычу.

Сдергивают мешок. Похлебкин, привыкший к неожиданностям, только усы поглаживает. В знаменитой своей шапке с красным донышком и приставшими к ней сенинками перед ним стоит Бирюк. После долгого мрака он жмурится в прямом солнечном луче.

Обыскали его?

Второй мужик. Ножичек нашли, в цехауз сдали. *(Про кулек.)* А это, говорит, суприз Похлебкину, не дает.

Похлебкин. Ступайте, ребятки... и молчок, кого привели. А то я плохой, когда сердитый.

Мужики уходят на цыпочках, косясь на занавеску.

Поговори с ним, Акимовна. Знобит меня будто, как посмотрю на него.

Он принимается свертывать цигарку, но бумага неизменно рвется, он бросает ее и принимается за другую, третью...

Травина *(Мамаеву)*. Задержи Дракина. Поход отменяется.

Мамаев уходит.

Отдыхал, что ли, от злодейства своего... в стогу-то?

Бирюк. Не... дожидал, пока наши выйдут. Боялся, один-то, на мину напороться. Да сном меня и замело...

Травина. При тебе, значит... наших-то?

Бирюк. При мне. Караул построили, костер запалили... Ну, и я назади, по чину моему, стоял.

Похлебкин *(остро и быстро, точно выстрелил)*. Потапыч-то ведь дружок тебе был!

Бирюк *(любовно)*. Как же, за утвой вместе хаживали! Сла-авный...

Присев и примостив кулек между ног, он пытается вытрясти на ладонь хоть крупицу табаку из пустого своего кисета. Со страстной ненавистью Травина дивится этой нечеловеческой выдержке.

Да, убили Потапыча. «Влезай, рус!» — Хирнер-то ему приказывает. А он понял, раз на табуретку показывают. «Можна»,— отвечает, влез... В ём и весу-то не было, безгреховный. А потом как брыкнет его в нос лапотком, начальника-то. «Посторонись, говорит, свинья. Тут русский человек помирать будет!..» Да-а, вот какого содержания... *(Усмехнувшись, концом сапога пошевелил зачем-то кулек.)* Так до самой кончины и слова не молвил. Все утирался...

Травина. Кто же это... до самой кончины утирался?

Бирюк. А начальник-то этот.

С достоинством равенства он берет с колен Похлебкина его жестянку и осторожно отсыпает табаку себе в кисет. Нахмурясь, Похлебкин ждет продолжения такой, еще небывалой в его практике, игры.

Травина. С чего же он помер-то вдруг?

Бирюк *(занятый своим делом)*. Смерть причину отыщет.

Молчание.

Похлебкин. А не много ли отсыпаешь, Бирюк?

Бирюк. Много ли тут, до утра не хватит.

Похлебкин. А тебе и не надо до утра. Ты помирать, помирать к нам пришел... понятно? Сквозь вижу, с чем тебя подослали. Только, брат, мы нынче тоже чесаные. Хитер твой Хирнер, мозговитую имеет головку... в руках бы такую подержать!

Бирюк *(скручивая цигарку)*. А не ужахнешься?

Похлебкин. Ничего, выдержим.

Бирюк. А раз ничего, так на́... побалуйся, коли охота.

И сапогом пихнул в ноги Похлебкину принесенный кулек, который с деревянным стуком перекатился на другое место.

Травина *(пугаясь)*. Что, что у тебя тут?

Бирюк не отвечает, он заклеивает цигарку. Похлебкин сам заглянул в кулек и тотчас выпрямился, содрогнувшись.

Похлебкин. Куда, куда ты стерву в дом тащишь?.. *(Горячо.)* На нас Европа смотрит, а ты... ночной ты человек из дремучего леса — вот кто ты! С варварами боремся, а сам, сам...

Бирюк. Что сам? *(Он поднимается в рост, и чурбак катится в сторону.)* Чего ты меня Европой стращаешь! Как мы в обнимку с бандитом по земле каталися... где была Европа твоя? Туркина в колодец запхали, Устю, заголя подол, вешали... кофий пила твоя Европа? Я то буду делать, что мне мертвый Потапыч повелит...

Травина *(стараясь унять его)*. Максим Петрович, больные у нас тут...

Бирюк *(широко и могуче)*. Погоди, я еще сам к ним припожалую. Сам желаю судить злодея моего. Чтоб и внучаткам ихним ночной Бирюк мерещился! *(Во весь мах души.)* Э-эх, все бы истребил... окроме птичек. *(И, бросив шапку на пол, наступил на нее ногою.)* Ты правило составь... как мне дрянь эту повежливей убивать.

Похлебкин *(поднимая шапку с полу)*. Уймись, сила лесная. Береги шапку-то, зима идет.

Бирюк. Куски братских телов в полях валяются. Куды ни пойду, смрад меня с места гонит... и Потапыч мне в лицо глядит... «Что ж ты не мстишь за меня, Максимка?» *(И словно*

две раны стали его глаза.) Как он мне из петли-то подмигнул: и тогда мне верил. Милый, милый...

Закатив рукав, он взглянул на рану, поплевал, потер и опять спустил рукав.

А Степку ты поглубже засади... *(Развеселясь.)* Я у Хирнера с докладом был, а Степка к нему и заявился. Да шапку мою на лавке и увидел. Как зыркнет с порога-то: шлюхи, ведь они пужливые!

Вошел Мамаев, и, пока не закрылась дверь, врывается гул голосов.

Мамаев. Там народ пришел, просятся. Выйди к ним, Василь Васильич. *(И уже гораздо тише.)* Ушел Дракин-то. Уж я на дорогу бегал, перехватить...

Похлебкин. Вернется!.. Ты отдыхай, Максим Петрович. Зайду через часок, обсудим совместную картину нашей жизни. *(Травиной.)* Пошли!

Он подтягивает на себе ремень с кобурой, садит шапку чуть набекрень и, придав себе молодцеватый вид, выходит первым. Слышно его приветствие: «Здорово, русские жители!»— и ответное, как бы лесной шум, эхо. Со словами «собакам на студень захватить» Травина поднимает кулек и уходит за Мамаевым. Только теперь Бирюк различает в углу Илью, прижавшегося к нарам.

Бирюк. Чего ровно убитый стоишь?

Илья. Я и есть убитый. Это я по привычке мигаю. Давиться мне теперь надо, дядя Максим!.. Ну, плюнь в меня. Я сын Степкин.

Бирюк *(идя к нему)*. Не дури, парень. Все у тебя в руках легше легкого. Только теперь тебе такое надо сделать, чего никто не может. И все.

Илья. Скажи... Руку буду целовать тебе, дядя Максим!

Бирюк чешет затылок, не в состоянии разрешить такую задачу.

Хирнера бы!.. Да отнял ты его у меня. Где ты его настигнул?

Бирюк. Он после казни ко мне зашел, диких медов похлебать. Дикóй-то духовитее. Ну, и нагнулся над плошкой-то, такой неосторожный господин. *(Усмехнувшись одними глазами.)* Как муха помер, безо всякого рычания...

Илья *(в тоске)*. Кто ж это меня наповал-то нынче уложил?

Бирюк. Папаня твой. Он тебя у Хирнера выпросил. Махонькому тебе копить зачал. Ладил всю вселенную в пазуху

тебе сунуть, а, эва, кость мертвую сунул-то... *(Присел на солому и снял сапоги.)* Эка, хламной я стал. На все расстраиваюсь.

Он прилег на солому, сунул шапку в изголовье, натянул тулуп и враз заснул. Илья стоит над ним; здесь и застает его Лена. Ее глаза становятся глубже и темней: и эта знает!

Илья. Лена... что случилось-то, Лена!

Он страшится подойти ближе. Кривая улыбка бежит в ее губах.

Лена. Тебя и смерть не берет, Илья. Брезгует.

Илья *(схватив ее руку)*. Лена... что ты говоришь, Лена!

Лена. Тише. Тут человек горит. Герой. *(И вдруг покачнулась ему в плечо.)* Это любовь моя... как змея жалит. Шепни, шепни мне, что не я, не я его убила!

Молча, как когда-то в детстве сквозь ночной лес, он ведет ее к лавке и, усадив рядом, подкатывает под ноги ей короткий чурбачок.

Их в танке зажгли. И врача нету. Угнали. Ничего у меня нету больше, Илья.

Илья. Ничего, поправится. Еще поженитесь, все будет хорошо. *(Обняв за плечи, он укачивает ее, как ребенка.)* В гости буду ходить... я с маленькими умею... Белок им наловлю. Они меня любят, маленькие-то...

И оба смеются, как дети, выдумавшие сказку. Потом из молчания возникает полушепот сержанта за занавеской.

Сержант. ...враз, как прознают, санитарный за тобой пришлют. Может, в эту самую минуту докладают про тебя Сталину. И тут моментально он карту всемирную от себя отодвигает, зовет главного академика в толстых очках. «Поставить мне Темникова нá ноги. Не затем мы с ним на свет рожалися, чтоб раньше сроку разлучаться!» И как сказал, будто молния вдарила. И не успел ты очей раскрыть, уж несут твое тело под целебную машину, вяжут в ремни, пускают волшебные лучи. И вот, Митя, Митенька мой, трамваи не ходят, фонари в столице не горят... весь ток на тебя одного пущен. Ну, поболит сперва: эку силищу да по живому-то мясу. Только алый пар от тебя подымается. Зато уж к вечеру начнет пробиваться све-

женькая кожица, как пеночка на молочке. Дунешь — и сбежит, дунешь...

Лена. Спасибо ему, всем людям спасибо.

Илья. Не жмись ко мне, жалей меня...

С вязанкой хворосту спускается Мамаев и, присев у печки, начинает разводить огонь.

Иди туда. Ты ему, как лекарство, нужна. Пойдем!

И он сам ведет ее к Темникову. С полдороги, однако, Лена сворачивает к отцу. Илья осторожно выглядывает за дверь. Когда, во утоление последней надежды, Лена начнет разговор с Мамаевым, он неслышно возьмет кожан, чужую шапку и, взглядом попрощавшись с Леной, покинет землянку.

Лена *(опускаясь возле отца)*. Папаня, я дочка твоя любимая... да?

Мамаев молчит, насторожась.

Ты сказал, давно... попросишь, когда нужно, и он тебе не откажет.

Мамаев. Кого попросишь, умница?

Лена. Бога твоего. Не для меня одной, для всех!

Мамаев. Разве можно, молчи!

Лена. Папаня!.. если он не черный старый камень, которому в такой же пещере поклонялись голые, несчастные люди, пусть он сердце мое увидит!

Мамаев оглянулся и уже не заметил отсутствия Ильи.

Не бойся, я сама у дверей стану. *(Страстно, сквозь полуслезы.)* Скажи ему: убить его — значит детей моих убить, которых я в мыслях уже на руках носила. Пусть он завтра придет... когда лицо мое скоробится, как древесная кора. Что ему век людской! Ему небось зевнуть тысячелетье нужно...

Мамаев *(глухо)*. Ладно, ладно... Не гляди на меня теперь.

Суетливой рукой он расстегнул ворот рубахи, чтоб освободить тельный, на темном гайтане, крест. Лена становится у двери. Он уходит в угол к полатям. Вскоре жаркий и рваный шепот его наполняет землянку.

...не надоедал тебе, обходился. Всё в руке твоей, моря, и горы, и звездные пути. И мы скачем в страшном вихре твоем, оспо-

ди!.. Услыши мои мужицкие слова... исцели воина Дмитрия. Он себя по кровиночке за родину милую отдавал...

Резкий стук прерывает его, и Лене не удается удержать дверь. Без шапки, с оружием в землянку врывается Похлебкин. Позади него стоят люди отряда.

Похлебкин. Чего заперлись... Колдуете? Илья!

Молчание.

Значит, это он по дороге бежал. Догнать!

Лена. Тише! *(Заглянув к Темникову.)* Ну, что он?

Сержант *(жмурясь и выходя на свет)*. Кажется, задремал.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вечер того же дня, и землянка та же, только трофейный брезент теперь с помощью колец укреплен на проволоке перед лавкой, где сидит Темников; да пестрый домотканый половичок постелен на лестнице для тишины; да лампа уже повешена над столом. Фитиль ее привернут на малый огонь, чтоб не тревожить больного. Вокруг стола, с той же целью отодвинутого подальше от занавески, идет заседание. Под тулупом замысловато похрапывает Бирюк; после одного в особенности затейливого пассажа все — Травина, Похлебкин и Мамаев, оторвавшись от дневничка,— с удивлением и почтительно взирают на спящего.

Похлебкин *(почти с научным любопытством)*. Царапина, что ль, в горле у него? Спираль какую выгибает...

Мамаев. Все забыл, дитя лесное.

Травина дважды кашлянула погромче, Бирюк заворочался и умолк.

Травина. Продолжай, Похлебкин.

Похлебкин. Итак, спрашиваю, товарищи: кто же именно, несмотря на все эти успехи, виноват, что темпы нашей подрывной деятельности все-таки занижены? Отвечаю на указанный вопрос. *(Твердо.)* Я!.. Доверился в этом отношении Дракину. И хотя сей главный сверчок, как ценно отметил нам товарищ Мамаев, еще не пойман, имеем надежду, что недолго покойный Хирнер поскучает без любимого дружка. *(Мамаеву.)* Не марай, дружок, тетрадочки, а найди на прежней страничке. Фамилия та же... только Степана впиши, а Максима вычеркни.

Травина. Надо еще решить, кто с тобой ночью отправится, Василь Васильич! Удастся тебе в село ворваться — в одну ночь наверстаешь.

Она не досказала: из-за занавески вышел сержант. Он посутулел, и что-то новое объявилось в его походке. Как человек, которому некуда спешить, он выпил воды из ведра, вытер укоротившиеся свои усы и стоит, бездельно глядя в лафетную ступеньку лестницы.

Сержант. Эх, хороша, сытна земли родной водица...

И сам вслушивается в невозвратимое эхо своих слов. Трое из-за стола смотрят ему в спину. Так идет время.

Похлебкин. Что ж хозяина-то покинул?

Сержант. Там гражданочка сидит... *(Вполоборота ко всем и понизив голос.)* Потешить бы его, други, напоследок. Провожать — так веселой песней, чтоб земля дрогнула. Шибко любил песню этот человек.

Похлебкин *(Травиной)*. Добеги налегке до четвертой. Там у нас все песенные. Да немого прихвати на случай.

Травина *(выйдя из-за стола)*. Не вреден ему шум-то?

Сержант. Теперь ничего ему не вредно, хозяйка.

Травина раскрывает дверь и задержалась на пороге; на ее лицо, едва уловимый, ложится отблеск далекого зарева.

Травина. Товарищи, кажется, Кутасово горит.

Оповестив, она уходит. Все движутся к выходу взглянуть на багровое отражение в зимнем небе. На соломе ворочается от холода Бирюк.

Похлебкин. Епархия моя догорает...

Его голос дрогнул. Все стоят молча, опустив руки.

Мамаев. Жена у меня там... была.

Похлебкин *(положив ему руку на плечо)*. Ты так вой, Мамаев, ровно ничего у тебя не осталося... ни жены, ни яблоньки под окном. Ничего... кроме гнева да громадного отечества.

Бирюк *(приподнимаясь с соломы)*. Тепло-то наружу выпускаете, окаянные. Чай, не лето!

Мамаев. Огонь в Кутасове, Максим Петрович.

Потирая заспанное лицо, Бирюк тоже отправляется поглядеть.

Бирюк. Огонь — хорошо. Всяка горюха бывалая погорает... *(Отходя.)* Что это мне во сну-то представилось? Лошадь какая-то некованая. Должно, к морозу.

Два мужика появляются у входа. Очень довольные, они поталкивают друг друга локтями, блестят ровными зубами и молчат.

Похлебкин. Остальные-то где же, мигуны?

Второй мужик. Идут... *(И ему как будто жалко разлучаться с таким веселым известием.)* Слыхал?.. Дракин вернулся. Пьяненький, видите ли что, а глаз хи-итрый имеет.

Первый мужик. Чего врешь? Тоскливый, выпитой глаз.

Похлебкин. Разошлись, значит, с Ильей-то. Взя-ять!

Бирюк. Не торопись, спугнешь. А как залетит, мы его враз шапкой моей и накроем.

Он отводит Похлебкина в сторону, и, пока доверительно сообщает ему обстоятельства встречи с братом у Хирнера, в землянку возвращается Травина с обитателями четвертой. Между ними — парень с гармонью, Донька и немой. Сержант размещает это множество по краям, оставляя середину свободной.

Сержант *(отрывисто и стоя посреди)*. Ну, баяны... погостил у нас степной орел, пора и улетать. Уж самолет за нами вышел. Спасибо за хлеб, за угол, за теплую русскую любовь. Повеселите напоследок молодых!

Злым, небрежным махом он откидывает занавес. Рука Темникова лежит на плече Лены, сидящей у его ног. Строгая, похудевшая, с черным пятном на щеке, Лена медленно обводит взглядом собранье.

Дмитрий Васильич!.. Песней хотят угостить тебя напоследок. Любимой твоею. Давай, баяны...

Несмелые голоса: «Кому заводить-то?», «Доньке надоть. У его голосочек резвый, как на крылосе...», «Давай, Доня, не торопись!». Следует взмах какого-то добровольного регента, но нет песни. Закусив губу, Донька смотрит на лейтенанта, и детская слезка катится по его щеке. И вдруг, глубоко заглотнув воздух, точно птица вскинула крылом, он пронзительно и высоко, без сопровождения гармони пока, запевает про коня, как гулял он в последний свой разочек при знакомом табуне... С третьей строчки подхватывают другие, а гармонист с силой разводит мехи. Темников открывает глаза. И вдруг сержант, следивший за ним, движением руки и во всем разбеге останавливает песню.

Что, Дмитрий Васильич?.. Ты очами, очами скажи, я пойму. *(Всем.)* Времени у нас в обрез, баяны. Давай сразу на главный накал... А ну!

Длинноносый музыкант кивает в знак того, что принял команду. Лица делаются истовей и суровей, когда кожаной грудью набирает воздуху гармонь... Это начинается издалека, и сперва великая печаль звучит в протяжных и переливчатых аккордах. Тут предстает она вся, в злой и зимней своей красе, раздольная русская равнина, где ни птицы в небе, ни малой горочки на горизонте... лишь знойкий ветерок ударяется с разбегу в полысевшую рощицу; она струнно звенит. Нет, только нам гулять в этом обжигающем пространстве!.. И надо богатырски расширить плечи, чтоб не потеряться здесь, чтоб заполнить собою эту бескрайнюю ширь, чтоб не раствориться без остатка в этой чудовищной и прекрасной тишине. И вот убыстряется дыханье, и удалая, как от веселого вина, дрожь пробегает в коленях: звонким речитативом ударяет в землю каблук, и первый вздох, легкий, как стружечка, срывается с души. Так, верно, рождалась русская пляска,— так возникла она и на проводах лейтенанта. Похлебкин мигнул немому... Уже еле видны сумасшедшие пальцы гармониста, а тот лишь снимает оранжевый, ольховой дубки кожанок с наставными рукавами, складывает поверх сношенную жилетку и овчинный треушок и тихо, как бы робея, в васильковой выцветшей рубахе, подается на середину. И сперва то ли балует он, плечиком подразнивая огневой мах пляски, то ли боится ступить ногою на это вертящееся колесо... Но кто-то понукает сзади: «Разговаривай теперь, немота...» Потом приглушенное «а-ах!» скользит с чьих-то прикушенных девичьих губ. И пошел, и заговорили ноги, и враз не стало на свете красноречивей немого мужика из горелого Путилина. Порою все спадает до прерывистого шепота, и только по стуку западающих клавиш да по скрипу половиц можно угадать ритм происходящего неистовства... Недвижно, с полуулыбкой, Темников следит за этим русским вихрем, где пальцы гармониста состязаются с ногами плясуна. Кто знает, о чем его гаснущая мысль! О девушке ли, с которой, не дав наглядеться до конца, разлучили вороги, о родине ли, которая с материнской скорбью подносит ему этот последний дар?.. Воровато скрипит дверь, и в землянку заглядывает Дракин. Он обводит глазами по кругу: нет, не видать Бирюка, что непостижимо пропал из Кутасова. «Эге, да тут полное кабаре у вас!»— произносит он для начала и пробы. По молчаливому сговору никто не смотрит на него теперь; и хотя никто не смотрит на него, только одного его все и видят сейчас. Он пьяновато спускается, обходит краем и, остановясь возле Похлебкина, со склоненной набок головой наблюдает за мастерством немого.

Дракин. Выпил я с устатку, Василь Васильич.

Похлебкин. Не порть удовольствия, Дракин. Молчи.

Дракин. Максим-то убежал. Резвый, учуял...

Травина. Догоним.

Дракин *(присев на корточки, чтоб в непосредственной близости изучить основные колена плясуна)*. Талант имеет в ногах, собачья радость!

Умное озорство и ликование, что нераскрытым остался грех его, овладевают Дракиным. Но ему нужно еще глубже и прочнее укрепиться в доверии этих простодушных и грозных мстителей.

Э, разве так у нас плясали в старину... А ну, сторонись, тараканушко!

И верно, пора передохнуть немому; облизывая пересохшие губы, он конфузливо отступает в сторону... Ухнув, Дракин идет первым кругом. Его шаг тяжелее, чем у немого, и тесно прижата к горлу круглая злодейская борода; и что-то — может, сребреники предательства — металлически позвякивает в его широких голенищах. «Наши-то хреновья из земли огонь вырубают!»— слышен похвальный выкрик позади... Дракин усложняет ход. Он стар, но исправно выполняет дело, хотя, наверно, это самая опасная работа в его жизни. При этом левую, выкинутую с платком руку он, как правило, держит посреди, на уровне плеча, в магическом центре круга... И когда на короткую полминутку он оборачивается спиной к Похлебкину, дробно работая полупудовым сапогом, тот быстро ставит на пол позади него, алым донышком вверх, Бирюкову шапку и с невозмутимым лицом возвращается на место. Новая трель круто поворачивает Дракина... И тогда, подогнув голову, он видит улику под ногами: жарче кутасовского пламени пылает она теперь и гонит от себя своим сокрытым зноем. Следует чей-то возглас: «Берегись, Степка, укусит!» Дракин не прерывает пляски: теперь он живет, пока пляшет. Но вот сбились ноги с такта, отяжелели, подогнулись — смертным магнитом присасывает их земля.

Похлебкин. Доплясывай, доплясывай, Дракин. Подождем...

Обрывается вихрь гармони. В тишине, не сводя глаз с алого лоскутка, Дракин вытирает испарину со лба. Он поднимает голову. Как и остальные, чуть подавшись вперед, Похлебкин смотрит в него острым, смеющимся глазком.

Ты у нас прямо артист, Дракин. За душу берешь. Си-ильная картина у тебя получается! *(Сержанту.)* Поясни хозяину своему: сейчас злодея судить будем, что руку на него со спины занес. *(Ближним мужикам.)* Оборудуйте, ребятки, что полагается под это дело.

Передвигают стол и переставляют скамью. С клеенчатой тетрадочкой и вздев очки, Мамаев присаживается на уголке. Прокурором становится сбоку Похлебкин. Главное место за столом остается незанятым, но если продолжить через него линию от Дракина, она закончится в строгих глазах Темникова. Дракин присаживается на краешек чурбака и оказывается таким образом в середине людского полукруга.

Давай, Акимовна. Спрашивай для порядку.

Травина. Поднимись, Дракин. Народ твой перед тобой. *(Мамаеву.)* Вкратце записывай. Подробности потом проставишь.

Мамаев скрипит пером. Время от времени Похлебкин наклоняется к столу записать мысль на клочке бумаги.

Лет сколько, Дракин?

Д р а к и н *(озираясь)*. Пятьдесят шесть пошло. С рожества богородицы. Эдак, эдак... а что?

Он еще не свыкся с мыслью, что это уже конец. Потом он видит Бирюка, на голову возвышающегося позади других, и отводит померкшие глаза.

Т р а в и н а. Женат?

Д р а к и н. Я являюсь бывший женатый. С женой не живу. Ослаб, по старости годов.

Смех. Мамаев укоризненно качает головой.

С е р ж а н т. Он что, чудак у вас или притворяется?

Д р а к и н. А чего представление-то делать из меня? Дракина тут все знают.

Т р а в и н а *(терпеливо)*. Нам для похоронного акта нужно, Дракин. И ты не мне, ты ему отвечай... *(И показала на Темникова.)* Он твой главный судья... Чем занимался до семнадцатого года?

Д р а к и н *(переступив с ноги на ногу)*. В лихачах ездили. Имели обоз, двадцать семь лошадей. *(Почесав бороду и кашлянув в рукав.)* Бывший город Санк-Петербург.

Т р а в и н а *(для присутствующих)*. Почему бывший?.. Весь простреленный, он еще стоит и дерется, Дракин. А вот ты, например... много ты против отечества потрудился! А в прежние годы воевал за него?

Д р а к и н. Как Бирюка забрали, я единственный сын у отца остался. *(Быстро, опережая следующий вопрос.)* Имею срочное заявление к суду.

Заминка и настороженное внимание. И даже Лена вопросительно подняла голову.

Золото закопано у меня. Браслеты, также цепи разные, на ценных камнях. Могу указать место. По соглашению.

Пока Похлебкин кратко совещается с Травиной, нарастает гул гневных голосов: «Насосал злата-те!», «Экой Минин наизнанку выискался...». Один даже выскочил на середину, яростно потрясая гранатой: «Ты почем, почем на рынке за морковку-то взымал? Женщина одна в голос над мешком твоим ревит... при ей двое писклят за юбку держатся, а ты скребешь ее железною рукой!»

М а м а е в *(горячо)*. Не надо нам. Через сто годов найдут твой клад и скажут... подлец, скажут, в какую пору у отечества похитил. Не надо нам злата твоего!

Травина. Тише, товарищи!

Следует еще запоздалый возглас из толпы: «Купить нас хочет, банкир какой».

Товарищи, больные у нас тут.

Шум стихает.

Бирюк. Вынай, Степан, что на душе-то у тебя смердит. Вынай, облегчи себя.

Травина. Слышал? Скажи людям, какие причины толкнули тебя на это черное дело?

Дракин *(сперва обдумав ответ)*. Я давно обрек себя... на это. Двор вы мне разорили... молчал я. Коней моих увели. На Гнедом-то, бывало, без дубчика на башню вкатишь! Ему бы в тот раз, как зазяб, сороковку споить да поездить погуще, он бы теперь... *(С вызовом.)* Где Гнедой? *(Подавив вспышку.)* И Гнедого смолчал. А нынче сына вы у меня отобрали.

Травина. Не хитри. Сбежал твой сын.

Дракин *(скорбно)*. Дурак, вернется. Не наш, не наш он, не дракинский...

Мамаев. Твой-то отец богаче был, а эка, убивца вырастил. А у нас Илья — агрономом, человек стапет. Он в тайну ращенья всякого проник...

Дракин *(грубо и властно перебив его)*. Он бы у меня король был. Король, понятно? И ты бы в яшках при столе его стоял, пока тебе не свистнут.

Похлебкин. Врешь! *(С маху кулаком по столу.)* Он бы на конюшне спал у тебя, твой король. Бирюк-то дитем от отца сбежал...

Голоса: «Заткни ему глотку-то!», «Особой ценности не представляет», «Дай ему девять грамм шесть десятых!».

Ничего, пускай, пускай все говорит. Теперь Советская власть ничего не боится. Трепись дальше, Дракин.

Дракин. Тот настоящий король и есть, кто из солдат выходит. Ты человек молодой, Василь Васильич. Дай тебе господь при полном коммунизме сон такой радостный увидеть, как бы сын мой жил...

Травина *(покачав головой)*. Слышали? Запоминайте... в ком еще сомнение осталось! Есть у кого-нибудь вопросы?

Молчание. Травина повернулась к Похлебкину.

Похлебкин *(сбирая листки со стола)*. Пять минут мне нужно.

Травина *(так же вполголоса)*. В полторы укладывайся... некогда, Похлебкин. Давай!

И тогда, скомкав в кулаке, Похлебкин прячет в карман эту шумную, ненужную ему больше бумагу.

Похлебкин *(торжественно, почти мудро и без крупицы прежней злости)*. Всенародно обличаю тебя, Дракин. Пойман ты на месте, народной жизни вор. Кто же ты есть, враг? Отвечаю на указанный вопрос. Ты есть явленье временное. Ты жил, пока ночь землей владала. Но поет петух, и пора тебе собираться в дорогу... Да, пора всемирному человечеству исходить из пустыни его зверства. Это я ему нонче совет даю, русский мужик из спаленного Кутасова... *(Коснувшись сердца под гимнастеркой.)* Что это со мной... сердце-то как щемит!

Голос в тишине: «Воды ему!» Зачерпнув из ведра, Бирюк отправляет к Похлебкину по рукам ковш. Тот отпивает глоток и ставит на стол, расплескивая часть воды при этом.

Какая же ныне картина расстилается перед нами, товарищи?.. Немирный век в могилу сходит. И это ты, Дракин, под руки его ведешь, кровавого своего папашу. Слушай же, в последний раз, как лес шумит. Ой, славно шумит, слаще девичьей песни. Думаешь, силу свою считает либо мелку зимню елочку прибаюкивает? Нет, это он вас славит, русские рабочие и мужики. *(Повышая голос.)* Вся дикость земная из пещер своих на вас рванулась, и вы ее грудью окровавленной отшибли.

И опять, сам дивясь недугу своему, замолкает с закушенными губами. Неожиданно он садится. В ту же минуту, подойдя к Травиной, сержант произносит одно какое-то слово, которое меняет все.

Травина. Ладно, кончили... *(Торопливо, про Дракина.)* Уведите его пока. И сами, и сами...

Тревожно поглядывая на лейтенанта, которого не видно сейчас из-за спины сержанта и Лены, народ покидает землянку, увлекая в своей волне и Дракина.

Василь Васильич... догорает наш гость. Отойдем в сторонку, пускай простятся!

Все они отходят в противоположный угол. Глаза Темникова закрываются.

Лена. Открой, открой. Я забыла, какого цвета твои глаза. Покажи мне их, покажи...

Обезумев, она трясет его колено. Веки Темникова поднимаются.

Темников *(тихо и внятно)*. Руку дай... Лена.

Как в самом начале, они смотрят в лицо друг другу. Улыбка родится и потухает на устах лейтенанта. Глаза закрываются, и падает разжавшаяся рука.

Лена. Еще, еще гляди... *(Распахнув платье у ворота.)* Смотри... Это я, Лена твоя. Не оставляй меня, не уходи!

Она еще ждет чего-то, может быть — чуда. Надоумленный жестом Травиной, сержант задергивает брезентовый занавес. Визжат проволочные кольца. Мамаев крестится. Похлебкин намелко ломает какую-то щепочку... Шум и ругань слышны снаружи. Мамаев заранее открывает дверь и сторонится. С громадной ношей и в кожане с оторванным рукавом, растерзанный и в поту появляется Илья. Он еще не понимает значения предостерегающе поднятых ему навстречу рук. Сложив на ступеньках рогожный узел, который скатывается вниз, в землянку, он шапкой вытирает лицо.

Похлебкин *(подозрительно)*. И ты падаль какую-нибудь притащил?

Илья *(хрипло)*. Смерти ходил искать, не взяла. Доктора не было, так я фершала ихнего приволок. Развяжи... поосторожней. Я, кажется, руку ему сломал.

Развязывают рогожный узел, накрест опутанный веревкой. Смертно запуганный, там съежился человек в немецкой врачебной форме. Его подняли. Он в ужасе пятится к печке, когда к нему приближается Илья.

Чего, не тигры мы, люди. Только осерчали на подлость вашу!

Поочередно глядя на всех, пленный пожимает плечами. Рука его, как тряпичная, висит вдоль тела.

Мамаев. Потише с ним говори. Боится.

Илья. Слушай меня, фриц. Смерть твоя говорит с тобою. Хорошего человека вы убили, и девушка моя любит его. Лечи! Не вылечишь... *(и глаза Ильи темнеют)* выпью рыжие твои очи, сердце в тебе задушу!.. *(Тихо и кивнув на занавеску.)* Иди.

Пленный *(поняв смысл приказания, воодушевясь и скороговоркой)*. Больной? Можна, можна. Ich soll mir den Kranken ansehen[1].

Приосанясь, он отправляется за занавеску и тотчас выбегает оттуда. Челюсть его отвисла, неразборчивое мычанье срывается с перекошенных губ.

Aber einen Toten kann ich nicht heilen. Ich bin kein Herrgott. Ich bin nur ein Sanitätsfeldwebel![2]

Илья *(замахнувшись)*. Лечи!..

Похлебкин ловит в воздухе руку Ильи. Появляется Лена, и это дает пленному время забиться в угол землянки. Платье Лены раскрыто на груди; она стоит, ничего не видя перед собой... и как не похожа она на себя в начале этого повествования! Мамаев спешит укрыть ее плечи платком.

Мамаев. Закройся, дочка... люди тут.

Лена. Что ж он молчит, твой старый черный камень, папаня?

Мамаев опускает голову перед этой великой и гневной печалью. Сержант распахнул дверь и, привалясь к косяку, смотрит в небо. Зарево погасло, светят звезды, шумит ночной лес.

Травина. Вот и тихо стало у нас. *(Деловым тоном.)* Сколько на часах у тебя, Похлебкин?

Похлебкин *(взглянув на часы)*. Пора собираться... Нет, шумно будет в эту ночь, хозяйка. Эй, не хочешь на большой тризне погулять, сержант? Облачайся тогда. Там, в углу, выбери ему что пострашней, Мамаев.

Мамаев идет в угол, где под нарами сложено оружие.

Скажи ребятам, чтоб наготове были.

Травина уходит. Сержант одевается. Лена тоже движется к стене, где висит одежда. Пугаясь ее решимости, Илья с раскинутыми руками становится на ее пути.

Илья. Не ходи, Лена... *(Ища поддержки во всех.)* Не пускайте ее, она не вернется. Не ходи!

---

[1] Я должен посмотреть больного.

[2] Но я не могу лечить мертвого. Я не господь бог. Я всего только санитарный фельдфебель.

С е р ж а н т. Пусти ее. Она имеет право. Она забыться хочет... Таких и смерть трепещет!.. *(Сдернув с гвоздя полушубок Лены.)* Пойдем с нами, бездомная. Заплатим им горем за горе, ударом за удар.

Лена стоит посреди. Великая печаль уходит из ее глаз, и как бы стальное забрало опускается на ее похудевшее лицо.

Л е н а *(затягивая ремень на себе)*. Содрогнись, земля! Плачь, всемирное Злодейство!

1942—1943

ЗОЛОТАЯ КАРЕТА

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Щелканов Сергей Захарович.
Марья Сергеевна — его жена, председательница горсовета.
Марька — их дочь.
Березкин — полковник, проездом в городе.
Непряхин Павел Александрович — местный житель.
Дашенька — его жена.
Тимоша — его сын.
Кареев Николай Степанович — заезжий ученый.
Юлий — сопровождающий его сын.
Рахума — факир.
Табун-Турковская — мадам.
Раечка — секретарша.
Маслов — тракторист.
Макарычев Адриан Лукьяныч } председатели колхозов.
Галанцев Иван Ермолаевич } председатели колхозов.
Отцы с невестами, командировочные и прочие.

Действие происходит в бывшем прифронтовом городке в течение суток, тотчас после войны.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Номер во втором этаже провинциальной гостиницы бывшего монастырского подворья. В одном из окон, расширенном нынешними хозяевами применительно к современности, как и в проеме стеклянной двери на балкончик, качаются голые деревья и гаснет осеннее небо за зубчатой стеной. Закатные тучи горят дымно и неярко, как сырые дрова. Снизу доносится однообразный развеселый дребезг неизвестного происхождения... Щелкает дверной замок и выключатель; при свете тусклой лампчонки видно сводчатое помещение, обставленное предметами былых времен. Тут имеются узорчатая, чудесного голубого кафеля печь, кресло с высокой спинкой и на березовом чурбаке-протезе, потом зияющий пустотой резной киот и, наконец, две нынешнего производства железные койки с жидкими одеяльцами. Директор гостиницы, пожилой человек в ватной стеганке, Непряхин приглашает войти новых постояльцев с богатыми, желтой кожи, чемоданами, Кареевых — отца с сыном.

Непряхин. Тогда остается последний номер, граждане, лучше нет. Заметьте, стекло в окнах цельное, вид на древность, опять же санитарный узел — рукой подать.

Юлий *(потянул носом). Верю... (Отцу.)* Вот он, твой желанный за дремучими лесами Китеж-град. Хлябь, тьма, холодина... и, сколько я понимаю, потолки текут вдобавок?

Непряхин. Может, читали в газетках, гражданин: война была на белом свете. Весь городок ничком полег! *(Сдержась.)* Так что решайтеся, граждане, и сдавайте пачпорта в прописку.

Старший Кареев ставит чемодан посреди и присаживается на стул.

Кареев. Ладно, сутки проживем как-нибудь. *(Сыну.)* Не ворчи, а лучше достань-ка из чемодана пилюльку какую-нибудь, с горячительным. Знобит с дороги...

Снизу доносится неразборчивый частушечный выкрик и ритмичное звяканье оконного стекла под плясовой перебор доброго десятка сапог.

Весело живете, не по времени!

Непряхин. Внизу, в колхозном ресторане, мужики гуляют: знатный тракторист с войны воротился. А у каждого невесты на выданье, дело житейское. *(Со вздохом.)* Эх, в единую ночку, под десятое июля, сиротским пепелком поразвеялась наша краса... Целую ночь бомбили.

Кареев. На что же они польстились-то? Помнится, всей индустрии у вас спичечная фабрика да кожевенный завод.

Кареев указывает Непряхину место против себя, но тот остается на ногах.

Непряхин. А я скажу, на что. В плоду главное-то — семечко... и желательно им было то золотое зернышко склевать. Народ уничтожают со святынь.

Знакомые душевные интонации Непряхина, его манера по-птичьи прищелкивать языком заставляют Кареева внимательней приглядываться к старику.

Нет русской летописи такой, чтоб про нас словечка не нашлось, а то и двух! У нас сомы в речке ровно киты слоняются, в бывалошние годы на подводах увозили. Самобогатейшие места! А в канун войны воду под нами открыли — в три с половиной раза целебней вод кавказских. Вот оно как, миленькие!

Юлий между делом открыл водопроводный кран над раковиной в углу, оттуда ничего не течет, пощупал ледяную печь и сокрушенно покачал головой.

Юлий. Судя по хозяйству, в горсовете у вас тоже сом с аршинными усами сидит.

Непряхин. Каб везде-то такие сидели! Нашу председательшу, Марью-то Сергевну, еще в какие города сманывали: с трамваями. А не отпустили трудящие-то.

Кареев *(не оборачиваясь)*. Это какая же Марья Сергевна?.. не Машенька ли Порошина?

Непряхин. Хватил!.. Порошиной она, почитай, годов двадцать пять назад была. Щелканова теперь, спичечного директора жена. *(Насторожась.)* Извиняюсь, живали у нас или так, проездом случалося?

Юлий. Мы геологи, любознательный старик. Это сам Кареев, академик, к вам пожаловал... слыхал такого?

Непряхин. Не возьму греха на душу, не слыхивал. Много на свете Кареевых-то. У меня дружок был, тоже Каре-

ев. Сомов вместе ловили, на Памирских горах погиб. Сколько я понимаю, в недрах наших пошарить приехали?.. давно ждем. Нам бы не злато, а хоть бы слюдицу, керосинчик там али другую какую полезность отыскать. Больно с войной-то поизносилися; и деток жалко, и святыньки не на что починить.

Юлий. Нет, мы проездом... Ну, прописывай наши пачпорта и насчет дровец похлопочи.

Что-то бормоча под нос, не чувствуя на себе пристального кареевского взгляда, Непряхин идет с паспортами к двери, но с полдороги возвращается.

Непряхин. Зреньице мое с годами шибко поослабло. Дозвольте товарищу академику в личико бы заглянуть.

Они смотрят друг на друга, рассеивается туман двух десятилетий. К великому удивлению Юлия, следует молчаливое и несколько затянувшееся по вине Непряхина объятье.

Кареев. Ну, полно, полно, Павел... смял ты меня совсем. Кроме того, остерегись: простудился я в дороге.

Непряхин. Друже ты мой, друже!.. А я-то кажнную осень об эту пору мысленно обегаю горы Памирские, кличу тебя, братец ты мой... и отзвуку мне нету. Ведь как одурел, ровно от вина: что и сказать тебе на радостях, не знаю... Миколай Степанович!

Кареев. Ладно... перестань, дружок, перестань. Все пройдет и сравняется... И зови по-прежнему: неужто я такой важный да старый стал?

Непряхин. Куды, ты еще полный орел. Вот я... Как Власьевна моя приказала долго жить, я с тоски-то на молоденькой женился, Дашенькой звать. Со стороны глянуть — вроде живи да поправляйся: при месте нахожуся, весь должностями окружен... музей тоже на меня возложен. Опять же обувку шить навострился за войну-то, тоже копеечка бежит. И кровля имеется, и сынок, слава богу, живой с поля боя воротился... Слышь, как внизу орудует?

Юлий. Он и есть знаменитый тракторист?

Непряхин. Зачем, то другой. Моего-то мужики наняли в трактористову честь на гармони играть. Мой-то голова был, в городе Ленинграде на звездочета обучался. Разов пять не то семь в заграничных вестниках печатали... Тимофеем звать. Вознесся старый Непряхин гордынею,— тут его судьба сперва Дашенькой стуканула, глянула в очи — маловато!.. Тимошей до-

бавила. У кого руку-ногу, у него глаза отобрала, война-то, у звездочета моего!

Пауза молчания.

Окаянный, ай денег на марку не было: за столько годов весточки не прислал?

Кареев. Были тому особые причины, Палисаныч.

Непряхин. Понятно, понятно: копил, в мертвых таился до поры. Жива, жива Машенька-то Порошина. Пронзи ее своей славой, Миколай Степаныч, до самого сердца пронзи! Чего дровец... я вам и кипяточку погреться раздобуду!

Юлий снимает пальто с отца. Непряхин бежит исполнять обещанное. С порога оглянулся.

Местность у нас ветреная, круглые сутки ровно орда шумит. И дверь не прикрывайте — печка в коридоре утром топилася...

Снова вперемежку с ветром тяжкий гул самозабвенного пляса. Некоторое время старший Кареев разглядывает что-то в непроглядном, кабы не зорька на краю неба, пространстве за окном.

Кареев. Когда-то эти сорок километров я обыденкой хаживал... в непогоду у Макарычева в Глинках ночевал. Былинный был богатырь... на войне не побили, тоже поди облунел весь. Бывает перед закатцем: молодость пройдет прощальным маршем, жаром обдаст и дыханьем лугов... и в яму потом!

Юлий. Не жар ли у тебя, родитель, в лирику вдарило... Ну-ка, я тебя пристрою начерно пока!

Он усаживает отца в кресло, наливает чарочку из походной, в желтой коже, фляги, потом дает две большие белые пилюли. В полутьме коридора за открытой дверью проплывают смутные фигуры местных и командировочных.

Кареев. В этом самом городишке, однажды, юный совсем учитель полюбил девушку... каких нынче и не бывает на свете. Отец у ней был важный чиновник с жесточайшими седыми бакенбардами и такая же мать... если не изменяет память, уже без бакенбард. Так вот, ровно двадцать шесть лет назад этот нищий мечтатель отправился с ними на гастроль заезжего факира. Обожа-ал эти наивные провинциальные чудеса для бедных!.. но в тот вечер видел только мерцающий профиль своей соседки. В антракте чудак осмелился испросить у старика руку его дочки... и до сих пор мерещится мне, дружок, его зычный негодующий бас и этакое вращательное движение сер-

дитых бакенбард... А получив афронт, он вот в такую же бездомную ночь и отправился искать счастья...

Юлий *(в тон ему, из потемок)*. На Памир, как говорит легенда. Аминь! Извини, еще немного побеспокою...

Сын укрывает клетчатым пледом ноги отца, расставляет привезенную еду. Внезапно падает накал в лампочке, что заставляет младшего Кареева зажечь две свечи из чемодана.

И здесь эти судороги подыхающей войны. Тебе не дует ниоткуда?.. Это и была Машенька Порошина?

Кареев. Не вздумай включать это в мою академическую биографию!

Юлий. А я-то всю дорогу гадал: с чего тебя понесло в такую трясовицу? Греза юности!

Кареев. Юность моя прошла безрадостно, однако не ропщу... В каждом возрасте содержится свое вино, только мешать не рекомендуется... во избежание изжоги и разочарований!

Голос с порога. Ну, ежели во благоразумной однородности мешать, тогда безопасно... Прошу дозволения войти.

Насколько можно разобрать в потемках, на пороге стоит худой и высокий, с седыми висками незнакомый полковник. Через плечо висит набитая полевая сумка, в руке трофейная бутылка неожиданной формы. Слова свои он произносит замедленно, с суровым достоинством, причем время от времени утрачивает нить рассказа. Кажется, черное послевоенное безмолвие вступает сюда за ним по пятам. Юлий высоко поднимает свечу с клонящимся на сторону пламенем.

Юлий. Войдите... вам угодно?

Березкин. Прежде всего краткие описательные сведения. Полковник Березкин, бывший командир гвардейской бригады... в отставке. Случайно задержался здесь на сутки.

Он показывает колодку орденов, которая вслед за тем с оловянным звуком возвращается в карман. Юлий склоняет голову в полупоклоне.

Не ношу из деликатности перед этим обугленным городом.

Юлий. Ясно. А мы Кареевы, по части геологии, тоже проездом. Итак, чем могу... полковник?

Березкин. Разве только совместно помолчать часок и, если найдете причины основательными, пригубить этого занимательного напитка.

Юлий *(стремясь ослабить шуткой странное стеснение*

перед гостем). Однако о н о у вас зеленоватое. Сколько я понимаю в химии, это водный раствор медного купороса?

Березкин. Внешность вещей обманчива, как и у людей. *(Вскинув бутылку на просвет.)* Данный состав содержит в себе малоизвестный мягчительный витамин «У». Незаменимо от простуды и одиночества.

Юлий жестом приглашает полковника к столу, куда тот дополнительно к расставленным выкладывает и свои припасы. Почему-то его, как и старшего Кареева, тянет к стеклянной двери.

Примечательно — прошел со своей бригадой Европу наискосок... и след поучительный оставил. А вот вернулся, взглянул на это, милое, и стою, как мальчишка, и колени дрожат. Здравствуй, первейшая любовь моя...

Юлий. Кого вы подразумеваете, полковник?

Березкин. Россию.

Он открывает дверь на балкон, ветер относит занавеску, раскачивает лампочку на шнуре, гасит пламя одной свечи, которую не успел прикрыть ладонью Юлий. Слышно, как надсадно кричат грачи и грохочет где-то лист порванной кровли.

Юлий. Попрошу прикрыть дверь, полковник. Отец простудился в дороге, а мне не хотелось бы раньше срока остаться сироткой.

Кареев *(из своего угла).* Ничего, сюда не задувает.

Закрыв дверь, Березкин берет свечу со стола и находит глазами кареевское кресло. Видимо, полковника вводят в заблуждение длинные волосы сидящего перед ним человека.

Березкин. Прошу прощенья, товарищ художник, не различил впотьмах. *(Сухо щелкнув каблуками.)* Бывший военный Березкин.

Кареев. Приятно... но, как уже было сказано моим сыном, я не художник, а геолог.

Березкин. Прошу снисхожденья за дурную память: уволен по контузии. Сказали: ты свое отвоевал, теперь иди отдыхай, Березкин. Тогда Березкин взял чемоданчик и пошел в пространство перед собою...

Что-то случается с ним; с закрытыми глазами он мучительно ищет порванную нить. Кареевы переглядываются.

Простите, на чем я остановился?

Юлий. Вы взяли чемоданчик и пошли куда-то...

Березкин. Точно, я пошел отдыхать. Вот я хожу и отдыхаю. *(Неожиданно жарко.)* Я любил мою армию! У ее походных костров мужал и крепнул еще совсем юный и нищий пока, желанный мир... Тут я выяснил мимоходом, что именно первей всего нужно человеку в жизни.

Кареев. У нас также настроение по погоде, полковник. Хороший случай проверить действие вашего напитка...

Они садятся. Все трое смотрят на жарко полыхающую свечу. Течет долгая, объединяющая их минута.

Так что же, по вашему мнению, прежде всего надо человеку в жизни?

Березкин. Сперва — чего не надо. Человеку не надо дворцов в сто комнат и апельсинных рощ у моря. Ни славы, ни почтенья от рабов ему не надо. Человеку надо, чтоб прийти домой... и дочка в окно ему навстречу смотрит, и жена режет черный хлеб счастья. Потом они сидят, сплетя руки, трое. И свет из них падает на деревянный некрашеный стол. И на небо.

Кареев. У вас большое горе, полковник?.. семья?..

Березкин. Так точно. В начале войны я перевез их сюда с границы — Олю-большую и Олю-маленькую. Опрятный такой домик с геранями, на Маркса, двадцать два. Последнее письмо было от девятого, десятого их бомбили всю ночь. Вот третьи сутки сижу в номере и отбиваюсь от воспоминаний. Чуть сумерки, они идут в атаку. *(Потирая лоб.)* Опять порвалось... не помните, на чем порвалось у меня?

Юлий. Это не важно... Раскроем и мы нашу аптеку. У нас тут имеется отличная штука от воспоминаний.

Березкин *(отстраняя его бутылку)*. Виноват, старшинство — войне!

Он разливает, и сперва Кареев прикрывает свою чарку ладонью, потом уступает полковнику, не выдержав его пристального взгляда.

Сожалею, что лишен возможности показать вам карточку моих Оль. Утратил по дороге в госпиталь. Только это и могло разлучить нас.

Он поднимается и с чаркой в руке, не чуя ожога, не то дразнит, не то обминает пальцами длинное, трескучее пламя свечи. Кареевы не смеют прервать его раздумья.

Ну, за мертвых не пьют... тогда за все, за что мы дрались четыре года: за этот бессонный ветер, за солнце, за жизнь!

Они закусывают, беря еду просто руками.

Кареев. На мой взгляд, витамина «У» здесь у вас шибко переложено... *(Морщась от напитка.)* Большие раны требуют грубых лекарств, полковник!

Березкин. Если меня не обманывает болезненное предчувствие, вы собираетесь пролить мне бальзам на рану.

Кареев. Пожалуй. Увечья войны лечатся только забвеньем... Кстати, вы уже побывали там... на Маркса, двадцать два?

Березкин. Виноват, плохая голова, не схватываю маневра. Зачем: удостовериться, порыться в головешках... или как?

Юлий. Отец хочет сказать: на это следует наглядеться один раз досыта и уезжать на край света. Раны, на которые смотрят, не заживают.

Снова откуда-то из подземелья осатанелый топот множества ног.

Березкин. Во имя того, чтоб не замолк детский смех на земле, я многое предал огню и подавил без содроганья. Малютки не упрекнут Березкина в малодушии... *(с ветром изнутри и положив руку на грудь)* и пусть они берут что им сгодится в этом нежилом доме!.. Но как же вы порешились, товарищ художник, протянуть руку за последним моим, за надеждой? *(Тихо.)* А что, если выхожу я на Маркса, двадцать два, а домик-то стоит и дочка мне из окна платочком машет? Еще не все мертво на поле боя. Не трогайте человеческих сердец, они взрываются.

Он снова отходит к балкону. В небе за стеклянной дверью осталась лишь желтая полоска дикой предзимней зари.

Какая глубина обороны! Ни одна твердыня не устоит, если двинуть со всего плеча этих континентальных расстояний...

Кареев. Но ведь вы затем и поехали в такую глушь, чтобы навестить ваших... милых Оль?

Березкин. Не совсем так. Я прибыл сюда с другим заданием — наказать одно здешнее лицо.

Юлий. Любопытно. Вас послали — суд, закон, командование?

Березкин. Меня послала война.

Он расхаживает по номеру, делясь с Кареевыми историей Щелканова. После двух начальных фраз он прикрывает дверь, предварительно выглянув наружу.

Был у меня капитан на батальоне — страсть не любил, когда в него стреляют. Солдаты потешались, довольно громко иногда. И послал он с оказией дамочке одной письмишко: похлопочи, дескать, не отзовут ли меня куда-нибудь на самоотверженную, без пролития крови, тыловую работу. Но оказия прихворнула, письмо пошло почтой, ткнулось в цензуру и рикошетом попало ко мне.

Он слушает что-то у двери и усмехается. Свет гаснет почти совсем.

Я вызвал к себе эти восемьдесят шесть килограммов мужской красоты. «Вот, любезный,— спрашиваю его,— ты что же, духобор канадский или кто еще там? Вообще против кровопролития или только против драки с фашистами?» Ну, путается, пускает длинную слезу: жена, дескать, и дочка... обе Маши, заметьте, как у меня обе Оли. «Ночей не сплю от мысли, как они без меня останутся!» — «А ежели они узнают, спрашиваю, как их папаша от войны за бабью юбку прятался, тогда как?» Даю ему промокашку со стола: «Утрись, капитан. Завтра в семь ноль-ноль поведешь в операцию головной эшелон и не щади себя... даже кровь пролей, черт тебя возьми, да так, чтоб солдаты видели!» Потом приказал тряпкой вытереть дверную скобку, за которую он брался.

Юлий. Трусость — это только болезнь... болезнь воображения.

Березкин. Возможно!.. Тем же вечерком наш герой напивается с заезжим корреспондентом, едет проветриться на мотоцикле, и часом позже ночной патруль доставляет его домой с поломанными ребрами. Вывернулся, словом. Я навестил его в медсанбате. «Прощай,— сказал я ему,— туловище с усами. Лежачих не бьют, а мы уходим дальше на запад. Но если Березкин не встанет где-нибудь на могильный якорь, он навестит тебя после войны... и мы тогда потолкуем наедине о подвигах, о доблестях, о славе!»

Кареев. Он что же, в этом городе живет?

Березкин. Спичечной фабрикой заведует... Целых три дня гоняюсь по его следу, но едва протягиваю руку, он утекает сквозь пальцы, как песок. Значит, следит за каждым мо-

им передвиженьем. Вот и сейчас: пока сидим тут, дважды пробежал мимо, по коридору.

Кареевы переглянулись. Заметив это, Березкин жестом приглашает Юлия остаться на том же месте, у двери, где тот случайно оказался.

Вы склонны и это отнести за счет моей контузии, молодой человек? *(Понизив голос.)* А ну, рваните дверь на себя: он стоит здесь!

Молчаливая борьба воль; стряхнув с себя чужую, Юлий возвращается на место у стола.

Кареев. Успокойтесь, полковник, там никого нет.

Березкин. Ладно. *(Громко.)* Эй, за дверью, войдите, Щелканов... и я верну низкое ваше письмо!

Он достает из нагрудного кармана сложенный вдвое синий конверт. Подавшись из кресла, старший Кареев смотрит на дверь. Следует вкрадчивый стук снаружи.

Юлий. Войдите...

В дверь пролезает бочком ладная молодая женщина в дубленом полушубке, с охапкой обгорелых наличников и резных крылечных стоек. Следом, заметно навеселе, показывается Непряхин с керосиновой лампой, чайником и двумя вздетыми на пальцы стаканами. Электрического накала в лампе несколько прибавляется.

Непряхин. Вот и чаек приехал, грейтеся. *(Жене.)* Вязанку-то скинь у печки, ласочка, я затоплю потом. *(Подняв с полу точеную балясину, с ожесточением боли.)* Гляди, как разбогатели, Миколай Степаныч: человечьими гнездами печи топим! Вот оно и пляшет, горе-то...

Дашенька. Эх, жижик ты эдакий: и выпил всего на грош, а уж и лапти расплелися!

Непряхин. А нельзя не выпить, ласочка, раз сам Макарычев велит: выпей да выпей в трактористову честь. Откажи, а как к нему потом за картошечкой-то покатишь: гроза! А ты меня судишь...

Дашенька. Отойди, устала я, жимши с тобою.

Непряхин *(поталкивая ее к Кареевым)*. Хозяйка моя, славная бабочка... белье на речке полоскала, прозябла малость, серчает. Поднесли бы глоточек для здоровья, она у меня принимает в плохую погоду. Дашенькой зовут.

Юлий идет к ней с налитым стаканом и со вздетым на вилку огурцом.

Юлий. Не побрезгуйте с нами, красавица, а то скучаем в одиночестве... ну просто как сомы!

Березкин. Да еще про должок не забудь, должок за тобой, Дарья.

Непряхин. Слышь, ласочка, никак, зовут тебя?.. ишь упрашивают. Давай сюда ручку-то.

Дашенька. Куда ж ты меня экую тащишь, неприбратую да нечесаную?

Непряхин. Люди образованные, не осудят.

Дашенька. Тогда... ну-ка, в шкатунке на сундуке у меня косыночка желтая — нога тут, другая там. Да не разбей чего сослепу, тетеря!

Непряхин стариковской опрометью кидается исполнять приказание молодой жены. Дашенька стаскивает с себя полушубок, разматывает полушалок с плеч и становится статной круглолицей молодайкой с заплетенными вокруг головы рыжими, в руку толщиной, косищами; заправская начинающая ведьма. Оправляясь, она подплывает к столу.

Чего и пожелать вам, ума не приложу... И без меня, видать, богатые да счастливые. Давайте уж пожелаю вам по крайности изменения погоды!

Она выпивает свой стаканчик неторопливыми глотками и с ясным лицом, как воду. Юлий почтительно крякает, полковник готовит ей угощенье, однако Дашенька сама и поочередно оказывает внимание всякой снеди, выставленной на столе.

Какой ты должок на меня насчитал?.. ровно бы не занимала я у тебя.

Березкин. Как же, обещалась вчера про кралю-то приезжую рассказать... Бают, всех мужей законных в городе с ума свела.

Дашенька. Ах, это соседка наша, Фимочка, вдвоем со старушкой своей проживает. Этакая змеечка, гибкая, двадцати осьми годков. Я с ей в бане мылась: тело белое, пригожее, тонкое, в иголку проденешь, а с жальцем. Кавалеры вкруг вьются, ровно мухи над ватрушкой... Тянет вашего брата на грешненькое!

Березкин. Живут на что со старухой-то?

Дашенька. Она войну-то кассиршей на железной дороге просидела. А кажному ехать надо — кому за хлебцем, кому мать хоронить. Ну и брала: с горя по крупице — к праздничку пирожок. *(Закусывая.)* Наша председательша, Марья-то Сергеевна, и не гадает, какая над ей гроза нависла. В самого Щелкана, в мужа ее, Фимка-то наметилась. Может, и брешут, кто их знает, а только она его будто из войны выручила. И про спички свои забыл, жениться на ней ладит.

Кареев. При живой-то жене?

Дашенька. Разъедутся!.. Уж тайком помещение ищут. А ей невдомек, бедняжке, Марье-то Сергеевне. Ночью часок-другой подремет на казенной жесткой коечке и опять до свету бумагой шурстит. За текучими делами горюшко-то и подползло!

Юлий *(для отца)*. Несчастна, значит?

Дашенька. Промашка у ей вышла. Она из богатого дома, отец-то всем телеграфом у нас заведовал... учителишка один в нее и влюбись! Вроде и он пó сердцу ей пришелся, да только бедный: ни ножа в дому, ни образа, ни помолиться, ни зарезаться. В молодые годы сомов с моим-то ловили!.. Ну и высказали учителишке напрямки: чего ты, арифметика горькая, у крыльца бродишь, травку топчешь, наших псов дразнишь? Чем ты королевну нашу одарить можешь, окроме нищеты да чахотки? А ты ступай в люди, добивайся да приезжай за ей в золотой карете. Тогда посмотрим, што за прынц такой,— вон как!.. И пошел он с горя в страну Памир, да и канул: то ли в пропасть кувырнулся, то ли со спирту зачах. А на третий, кажись, годок Щелкан-то и подвернулся... до гроба за ту вину ее казнить!

Березкин. Вкусно сплетничаешь. *(Наливая ей.)* В чем же ее вина, раз он сам от нее ушел?

Дашенька. Не в том ейная вина, что ушел, а в том, что вослед за ним не побежала.

Юлий *(жестко и мстительно, за отца)*. Вот именно в том, что босиком по снегу, в ночь глухую за ним не побежала!

Дашенька. Мой-то жижик сказывал: она впоследствии времени всё письма ему писала... *(с восторгом зависти)* на Памир, до востребования.

Вернувшийся с косынкой Непряхин машет ей рукой со стороны.

Чего размахался, ай опять подслушивал?

Непряхин. Иди домой, рыжая ты удавица!.. Не верь ты ей, Миколай Степаныч: семейство дружное, без взаимного попреку живут. И чего душа ни захочет, полный стол у них имеется!

Дашенька *(зловеще)*. Это верно: все в доме есть, окроме нужды да счастья.

Музыка становится громче и ближе, слышна звонкая величальная частушка. Дашенька выглядывает в коридор.

Ну, держитесь теперь. Макарычев мужиков в обход повел. И наш звездочет с ними...

В коридоре показывается внушительное шествие колхозного люда: невесты и отцы. Первым в номер заглядывает парнишка лет шестнадцати, разведка — можно ли. Юлий делает пригласительный жест рукой. Внезапно лампочка начинает светить с явным перенапряжением. Передние входят, держа на шестах транспарант с надписью: «Пламенный привет герою-трактористу Маслову Л. М.!» Большинство остальных, привстав на что пришлось, один поверх другого заглядывают в номер. Впереди старые председатели колхозов: один — могучий и бритый, лишь в усах, старик с черным трактирным подносом, на котором, точно извиваясь, перезваниваются узенькие, не по напитку, рюмочки,— Макарычев Адриан Лукьяныч. Другой — сложением помельче, с лица попостней, Галанцев, в бородке метелкой и с громадным эмалированным чайником, где, надо думать, и содержится горючее гулянки. Вперед протискивается коренастый и белобрысый виновник торжества с золотой звездочкой на гимнастерке, расстегнутой у ворота для облегчения, сам тракторист Маслов. Все выжидательно смотрят на полковника.

Березкин. Чего вы, братцы, на меня, ровно на водолаза, уставились?

Голоса:

— Говори ты, Адриан Лукьяныч!..

— Первый голос Галанцеву!..

— Зачем же, пускай сам начнет, а мы поддёржим. Давай, Маслов!

Маслов *(чуть с хрипотцой в голосе)*. Дозвольте обратиться, товарищ полковник.

Березкин. Пожалуйста... только ведь не я тут хозяин-то.

Макарычев. У нас на всех хватит, смело обращайся, тракторист!

Маслов. Являюсь по демобилизации второй очереди старший сержант Маслов, Маслов Ларион... *(покосившись на свою звездочку)* Ларион Максимыч. Так что выполняю данный зарок, товарищ полковник,— отгулять неделю скрозь в знак победы над проклятым фашизьмом.

Березкин. Как же, слышим... вторые сутки вся хоромина дрожит. А что, братцы, не пора ли и за работу?

Из толпы выделяются двое, любители поговорить.

Первый. Осподи, да рази такую победу в двои сутки отпразднуешь? На ей семь пар сапог мало исплясать!

Второй *(вдохновенно)*. Нонче гуляем, завтра единодушно кидаемся на восстановление мирной жизни.

Галанцев *(обернувшись)*. Тихо... загалдели. Чего замолк, давай, Максимыч.

Маслов. Никак не могу, не могу я с ними, Иван Ермолаич, при подобном шуме... весь голос себе сорвал. Слышишь, в горле ноты какие? И без того сам не свой, а тут еще и слова молвить не дают.

Непряхин. Ты не серчай, сержант, это они на радостях. *(Про Кареевых.)* Люди с дороги, не задерживай людей, объясни им разборчиво, отчего происходит твое такое состояние.

Маслов. Вот колебание во мне, товарищ полковник. Поскольку вследствие военных действий противника лишился собственного угла, то два колхоза охотно желают прикрепить меня, так сказать, на вечное пользование. В силу чего является затруднение *(показывая поочередно на Макарычева и Галанцева):* направо — полный достаток, зато налево — красота!

Галанцев. Наши местностя́ исключительно высокохудожественные!

Березкин. Ну, достаток — дело наживное. Выбирай красоту, сержант.

Галанцев. И я ему то же твержу. Это нонче покамест и гвоздя не добьешься, а погоди, как отстроимся через годок... Видал, коней-то даве к нам на погорельщину пригнали?

Макарычев *(презрительно)*. Немецкий конь на русском лугу не сгодится.

И немедленно ропот давнего соревнованья возникает между мужиками позади.

Первый. Ты, Адриан Лукьяныч, наших коней заранЬше времени не страми!

Второй. Понимать надо: немецкий конь имеет шею короткую, он воспитан с кормушки есть, ему пропадать на русском-то лугу.

Первый. А это, милые, надо отвыкать — поле да молодой лесок конем травить. Пора косилочку заводить, любезные дружки...

Галанцев. Тихо, я сказал!.. Эк-кая публика. Обращайся, тракторист!

Маслов безнадежно показывает на горло и машет рукою.

Одним словом, земляки убедительно просят угоститься за нашу

всеобщую встречу. *(Встряхнув чайник.)* Никак тут покончилось у нас?.. Гришечка, давай сюда нашу дальнобойную!

Из глубины появляется гигантского роста неусмешливый виночерпий с запасной непочатой бутылью. Однако его отстраняет Макарычев с черным подносом.

Макарычев. Извиняюсь, граждане, наш черед... А ну, выдвигай пока Тимошу на передовую позицию!

Девушки вводят и усаживают на черный ящик от гармони Тимошу Непряхина. Под накинутой на плечи шинелью бедная черная сатиновая рубаха со стеклянными пуговками. Невольно щемит сердце при взгляде на его молодое, безветренное, улыбкой озаренное лицо, в котором запоминаются открытые, немигающие глаза. Он слепой.

Разогревайся пока, Тимоша... Мы подождем.

Тот обводит незрячим взором комнату, как бы ища, на что опереться, потом начинает с медлительных вариаций на полузнакомую тему: по мягкости звука его инструмент походит на концертино. Тем временем колхозный виночерпий обходит собрание с подносом. Каждый огромными, по сравнению с рюмочкой, перстами берет свою — как бы за талию, и даже академик Кареев присоединяется к простому и честному торжеству земляков. Вдруг мелодия взрывается частушечным, на высокой ноте, перебором, и тогда негромким речитативом Галанцев оповещает всех, что

Галанцев.

...проживает в данном мире
на одном концу Сибири
ненаглядная моя...

Макарычев *(притопнув).*

на другом тоскую я!

И немедля, пригладив начес на лбу и как бы задетый за живое, Маслов сипло вспоминает с озабоченным видом про то,

Маслов.

как на Киевском вокзале
два подкидыша лежали:
одному лет сорок восемь,
а другому пятьдесят!

Единственно для затравки он делает плясовой выход, машет платком, и тотчас девушки, все восемь, бесшумно, по-русалочьи скользят вокруг завидного жениха. Юлий, Березкин и Непряхин наблюдают гулянку с переднего плана, возле кресла с Кареевым, для которого, в сущности, и начался весь этот парад воспоминаний.

Непряхин *(над ухом, про гармониста).* Вот ознакомься,

Миколай Степаныч, это и есть сын мой, бывший звездочет, Непряхин Тимофей. С Марьей-то Сергеевной через дочку ее породниться собирались, а не судьба!.. Ничего, молча сносит свою участь.

Березкин. В каких войсках воевал твой сын?

Непряхин. Танкист был.

Березкин. Значит, нашей железной породы!

Жестом он приглашает всех к тишине, причем трудней всего остановить плясуна в резиновых сапогах, который самозабвенно, через всю сцену выделывает балетные композиции собственного сочинения. Все затихает. Березкин направляется к Тимоше.

Здравствуй, Непряхин. Где тебя так полымем-то охватило?

Тимоша *(сидя)*. У Прохоровки, на переправе, на Курской дуге.

Березкин. О, да мы еще и родня с тобой. И я, брат, оттуда... Бывший твой командир, Березкин, находится перед тобою.

Тимоша резко поднимается.

Тимоша. Здравствуйте, товарищ полковник!

Березкин. Ничего, сиди, отдыхай... нам теперь с тобой положено отдыхать. Помню Курскую дугу, помню я эту, в два захода, по цветущей травке, танковую кадриль.

Маслов *(скороговоркой)*. И мы, товарищ полковник, там же, на Тридцать восьмой высотке, в резерве стояли... И как поперли они на нас, извиняюсь за выражение, как клопы железные, так, верите ли, аж трава со страху побледнела!

Березкин. Погоди, Маслов,— никто в славе твоей не сомневается. *(Тимоше.)* Как отдыхается, солдат?

Галанцев. А ему чего: пригрет, обут, люди не обижают. Он дома!

Тимоша. Это верно, товарищ полковник, люди меня любят за веселье мое. Я хорошо живу.

Макарычев. Вот уговариваю в Глинки ко мне перебираться: второй после меня будешь. Тут меня все знают, мое слово верное — Макарычев я!

И отовсюду вперебой начинается подсказка приезжим, что это тот самый Макарычев, «что в Кремле сымался, по всем газетам наскрозь прошел, у которого племянник в генералы выдвинут...».

У меня в Глинках даже цирюльник свой. В гостинице «Метрополь» всяких послов действительных стриг, а я его увел...

(Хохоча.) Видишь: бритые — мои, а которые в шерсти — так те его, Галанцева!

Все смеются, кроме галанцевских, сокрушенно качающих головами на подобное поношение.

Попа себе отыскал — ахнешь: в дореволюционных волосах. Старухам везу, заели Макарычева... А вот насчет музыки слабовато у меня, пострадать девкам не подо что. Дай ему наставление, полковник, чтоб ехал.

Березкин. Поговорю ужо. *(Взглянув на часы.)* Ну, мне до полночи еще в одно место попасть надо... Рад узнать, что и в мирное время жизнь без моего танкиста не обходится. Сегодня же навещу тебя, Непряхин, на обратном пути... посмотреть твое житье-бытье, солдат.

Все расступаются: полковник уходит, провожаемый одобрительным гулом: «Беспощадный командир... с таким и в ад не страшно!»

Маслов. Махнем и мы куда-нибудь, братцы. Скучно мне тут. *(Непряхину.)* Кто у тебя там, в крайнем номере?

Непряхин. Старикашка один, непьющий. Поди спать лег.

Макарычев. Не важно. Кто таков?

Непряхин. Факир один. Рахума, Марк Семеныч. Из Индии.

Маслов. Чего делает-то?

Непряхин. Обыкновенно: женщину разрезывает в ящике на части, после чего она ему готовит яичницу в шляпе.

Молчание, мужики переглянулись.

Галанцев. Сумнительно... Слышь, Адриан Лукьяныч, факир еще остался. Что с им делать-то?

Макарычев. Чего ж, уложим факира — и по домам: хватит. *(Про Кареева.)* Ишь, гражданин нахохлился... Ты к нам на поправку приезжай: село Глинки здешнего району. Как со станции в горку выкатишь, тут мы, все пятьсот дворов, над речкой и красуемся... Толще меня станешь! *(Непряхину.)* Давай, веди на факира!

Тимошу пропускают вперед. Номер пустеет, и накал в лампе падает до прежнего уровня. Доносится затихающая девичья запевка: «Не гляди на меня, стерегись огня...» Теперь вместо ветра слышен только посвист ливня в окно. Пока младший Кареев раскладывает привезенные постели, старший зажигает свечи.

Кареев. Сколько зорек в шалаше пролежали на охоте,

а не признал меня Макарычев... *(Лирически.)* Виденья юности... Еще одно последнее осталось.

Следует приглушенное чертыханье Юлия.

Что там у тебя?

Юлий. Скатерть вместо простыни захватил.

Кареев. Пора тебе жениться, Юлий... пора тебе обугливаться, дотла сгорать от нежного пламени. Все порхаешь мотыльком по цветкам удовольствий...

Юлий. Значит, огнеупорный я... Значит, не родилась еще такая, чтоб ради нее обугливаться.

Стук в дверь.

Кого черт несет... Войдите!

Робея, в номер вступает девушка лет девятнадцати, в старинной, поверх пальто, накидке с капюшоном, с которой течет,— дождь на дворе. Она очень хороша: какая-то чистая воспламененность в ее лице и голосе не позволяет взгляда от нее оторвать. Когда она откинет капюшон с лица, Юлий опустит руки, а его отец с возгласом: «Маша!»— и во исполнение необъяснимой потребности сделает движение навстречу и закроет ладонями лицо.

Девушка. Я не ошиблась?.. простите, я полковника Березкина ищу.

Юлий. Он сейчас вернется, он и вещи тут свои забыл.

Девушка *(застенчиво, Карееву).* Вы, верно, с мамой меня спутали, мы с нею как две капли похожие. И я тоже Марья Сергеевна, как она.

Не спуская с гостьи глаз, Юлий ставит для нее стул. Девушка теряется от смущения и тыльной частью пальцев пытается охладить горящие щеки.

Уж и не знаю... Нет, я пойду, пожалуй, а то вон наследила у вас.

Юлий. Это ничего, это высохнет. В разговоре незаметно время летит... Пока Березкин не вернулся, давайте ваши туфли, я у печки посушу.

Он переставляет стул к печке. Соблазнившись теплом, гостья нерешительно садится и вытягивает ноги к огню. Оба Кареева почтительно стоят возле, готовые к услугам.

Марька. Вы знаете, это знаменитый номер у вас: здесь Иван Грозный ночевал у игумена Варнавы, проездом на нов-

городское усмиренье. Зимой тысяча пятьсот семидесятого года...

Юлий. Вот как?.. кто бы мог подумать!

Вся зардевшись, она снова поднимается. Эта несколько провинциальная грация застенчивости и лишает Юлия свойственного ему красноречия.

Марька. Нет, я лучше пойду... Видите ли, папка случайно проходил по коридору давеча и слышал, как Березкин какое-то письмо обещался ему передать. Папка так торопился, не смог зайти: ужасно всегда спешит. У нас даже шутят в городе, что сам Щелканов сгорает на работе, а спички у него не зажигаются... Они большие друзья с полковником... *(с наивной гордостью за отца)* как-никак вместе проливали кровь за человечество!.. *(С тревогой.)* Вы думаете, это очень важное письмо?

Кареев *(почти сурово)*. Иначе не решился бы такую дочку да по такому ливню к незнакомым людям посылать!

Марька. А я даже предпочитаю в дождик гулять. Забавно, что и маме в моем возрасте тоже дождик нравился... хотя, правду сказать, при солнышке я еще больше люблю.

Молчание. Разговоры иссякли. Марька решительно берется за плащ, и тотчас же Юлий сдергивает с гвоздя свое пальто. Марька переводит на него вопросительный и строгий взгляд.

Юлий. Я настоятельно прошу позволения разделить с вами прогулку под дождем.

Марька. Видите ли... я под дождем одна люблю гулять.

Юлий. Насколько мне известны законы, дождь принадлежит всем гражданам... без ограничений!

Марька уходит, сверкнув взглядом на прощанье. Юлий бросается следом за нею.

Кареев. Куда же ты, куда, огнеупорный сын мой?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В конце подвального коридора нашарь обитую войлоком дверь, ночной гость, и, когда откликнутся на стук: «Войди, человек, не заперто»,— вытри ноги о половичок на площадке и затем спустись по железной, без поручней, лестнице в бывшую котельную с толстыми трубами санитарного назначения на сыроватых стенах, покрашенных веселеньким колерком. Уютно и по-своему нарядно в этом жилье, прогретом людской теплотой; здесь живут Непряхины. Тусклой электрической лампочке помогает керосиновая коптилка на верстаке у хозяина. Все здесь выдает Дашенькин вкус: султаны цветного ковыля в крынках, румяные гипсовые коты с местного базара, но в первую очередь запомнится тебе не старинный, заклеенный картинками посудный шкафчик, не самодельная печурка с длинным коленчатым дымоходом, даже не корыто посреди, в которое размеренно ударяет дождевая капель с потолка, а большой черный глобус звездного неба на столике в углу. В горизонтальное, как щель, и чуть выше головы окно с бальзаминами в бумажном кружеве смотрится осенняя мгла. Хозяева помещаются в каморке справа, за богатой ситцевой занавеской; Тимоша ютится за такой же, поскромнее, слева.

Дашенька накрывает ужин на стол, Непряхин у верстака чинит белую нарядную туфельку, которую принесла соседка Табун-Турковская; она в китайском халате с драконом на спине. Сидя возле, эта пожилая, пестрая и пышная дама ловко скручивает козью ножку из газетного лоскута.

Турковская. Как на грех: с нетерпением ожидаем жениха, и Фимочка, уже в халатике, полезла занавеску на окно закрепить, чтоб не подглядывали... да оступилась, каблук и сломала. Огня, мой друг!

Поеживаясь от непривычного тона, Непряхин протягивает ей горящую коптилку.

Мерси! Замечаете, вся жизнь кругом стала такая непрочная!

Дашенька. Да он тебе на шуруп его поставит, каблук-то, хоть с башни падай тогда... Вроде покидать нас собираетесь?

Турковская. Пора, так опротивела эта эвакуация. Я как-то морально деградирую здесь.

Затянувшись, она испускает громадный дым, от которого Непряхин отмахивается подвернувшейся картонкой.

Понюхайте только, что я курю: тут и солома, и опилки, и несомненное гусиное перо. Ужас!

Дашенька. И не говори,— спекулянт нонче продувной пошел: не зевай... Никак, должность новую получает жених-то?

Турковская. Хлопочем. По торговой части хотелось бы, а нам то школу музыкальную подсовывают, то кинематографию, то детский санаторий. Это я с вами, разумеется, по секрету делюсь...

Дашенька. Тайна, в гроб с собой положу!.. Конечно, с музыки-то чем попользуешься, а вот при детях-то — не скажи: продукты всегда свежие и бельишка вдоволь — меняй на что душа велит. Вроде все холостяки наперечет в нашем городе... Из здешних будет жених-то?

Непряхин. Да чего, чего пристала, удавица, будто не знаешь!

Дашенька. А мне из ейных-то уст слаще узнать. *(Тормоша собеседницу.)* Марья Сергеевна не проведала еще, что вы у ей мужа со двора уводите?

Турковская. А нас это абсолютно не интересует. Сергей Захарыч так про нее и выразился, что, несомненно, Машенька — достойная женщина, но слегка устарела, отстает от новых веяний и вообще уже не стимулирует к работе. *(Непряхину.)* Сами замечали, наверно, как это отражается на умственной деятельности.

Непряхин. Отражалося когда-то...

Он с сердцем швыряет туфлю на верстак, Табун-Турковская еле успевает увернуться в сторону.

Хватит на сегодня, баста, и сейчас же с глаз моих долой, уходи!

Турковская *(надменно)*. Если мне память не изменяет, вы же не бесплатно чините. Я могла бы и вперед заплатить.

Непряхин. И денег твоих не надо, после них руки надо мыть.

Дашенька. Да он, никак, спятил у меня?.. капиталист объявился! Не слушай его, соседушка, пускай брешет. Давай сюда!

Однако Табун-Турковская прячет деньги назад в сумочку, которая закрывается со странным зубовным прищелкиванием. Здесь, наверно, и разразилась бы раньше срока семейная сцена, если бы не крайне своевременный стук в дверь.

Войди, человек, не заперто...

Входит Марья Сергеевна в старомодном пальто, с мокрым зонтиком и тяжелым, в намокшей простыне, свертком; после уличной мглы ее слепит даже этот неяркий свет. Непряхины молчат, стоя в почтительном недоумении от позднего визита высокой гостьи. Раньше всех осваивается с обстановкой Табун-Турковская.

Турковская. Смотри, Дашенька, кто пришел-то к вам, сама хозяйка городская пожаловала. Боже, как же я счастлива видеть вас, Марья Васильевна!.. Ведь это только халифы багдадские — и то наиболее передовые! — подданных своих по ночам навещали. А мы тут как раз впечатлениями делились, какая обаятельная у нас градоначальница.

Марья Сергеевна *(строго и тихо)*. Меня зовут Марья Сергеевна... Здравствуй, Палисаныч, и ты тоже здравствуй, Дашенька. Еле отыскала вас среди развалин, бедный мой городок!.. Тимоша еще не возвращался?

Непряхин. С ужином дожидаемся. Мужики отшумели, запрягать пошли.

Дашенька. Скидывай одежку поскорей, подари нам минуточки три, радость наша ненаглядная!

Марья Сергеевна. В самом деле, я подожду его, пожалуй.

Гостья ставит у стенки свою ношу и раздевается, чуть смущаясь от пристального взора Табун-Турковской. Под пальто у нее подложена теплая ватная безрукавочка, из-под юбки видны грубоватые сапоги. Непряхин вешает на гвоздь одежду гостьи. Дашенька старательно вытирает для нее и без того чистую табуретку. Оставшись в стареньком пуховом платке, Марья Сергеевна неторопливо знакомится с помещением: все ей интересно здесь.

А мне нравится у тебя, Палисаныч: уютно и, знаешь, сравнительно тепло!

Турковская. Это такая редкая удача — встретиться с вами в нейтральной обстановке. Кстати, у меня к вам одно абсолютно конфиденциальное дельце... Возможно, вы и помните меня: Табун-Турковская!.. Лет сорок назад был еще такой

вице-губернатор на юге, между прочим, выдающийся противник монархического режима!..

Марья Сергеевна *(плавно, мимоходом)*. Я принимаю в четные дни, кроме воскресений, с часу до четырех.

В сопровождении Дашеньки она идет дальше и замечает на верстаке белые туфельки, которые Табун-Турковская не успевает прикрыть бумагой.

О, уж не твоя ли работа, Палисаныч... или только в починку принесли? Красивые какие, ровно лебеди. Тесны кому-то, по шву надорваны, жалость какая!

Турковская *(жеманно и нагло, в самые глаза)*. Это подарок жениха племяннице... вернее, воспитаннице моей. Ножка у нее действительно полновата, а вообще она у меня крайне привлекательная девочка. Я ее чумазым ребенком на улице подобрала и отдала ей буквально все: молодость, здоровье, культуру. Собственно, не столько для себя, сколько ради нее я и решила обратиться к вам...

Марья Сергеевна. От часу до четырех в помещении горсовета.

Дашенька бросает насмешливый взгляд в сторону Табун-Турковской. Корыто на полу заставляет Марью Сергеевну взглянуть на потолок.

Что же ты мне не сказал, что течет у тебя, Палисаныч? Сколько лет пользуюсь твоими услугами для горсовета, и ни о чем ты меня не просишь... а с какими только просьбами не обращаются иногда ко мне разные бесстыдники!

Табун-Турковская зловеще улыбается вслед этой красивой когда-то, увядающей женщине с гладко уложенными волосами, потом шипит и уплывает домой.

И пол каменный, холодный. Хоть бы фанерой застелить. Вот разживусь — пришлю тебе листика два — у кроватей положишь.

Дашенька делает мужу знаки из-за ее спины: бери, дескать, бери, раз дают!

Непряхин. Обойдемся... У тебя, Марья Сергеевна, и без нас забот хватает. Игуменья ты у нас.

Марья Сергеевна. Чепуху какую сказал — какая ж я игуменья? У меня дочка на выданье, муж статный да веселый, в крытой пролетке езжу. Я королевой у вас живу.

Дашенька *(плачевно и подпершись рукой)*. Обтрепалась ты с нами, королевнушка ты наша, сапожки твои сносилися. Другая от такого муженька давно легла бы где стояла, в земельку потёпле завернулась бы, только бы шашней ихних не видать!

Марья Сергеевна. Прекрати спектакль, Дарья. Какую еще сплетню про него узнала?

Непряхин. Перестань воду мутить, удавица... ставь картошку на стол! Не слушай ее, Марья Сергеевна: завсегда ее к ночи жадные бесы зудят.

Дашенька приступает к исполнению хозяйских обязанностей. На столе появляется глубокая деревянная плошка с дымящейся картошкой.

Не угодно ли погреться с нами?

Марья Сергеевна *(колеблясь)*. Поздно ведь, а у меня еще телефон с областью заказан... да и Тимошу-то непременно надо повидать. Ладно, угощай меня, Палисаныч!

Они едят молча.

Непряхин. Машенька, на что тебе Тимоша-то понадобился?.. дозволь уж по старинке тебя назвать. Большие люди не лазают ночью попусту по таким буеракам.

Марья Сергеевна. Я вообще собиралась взглянуть, как ты живешь... да тут еще *(про сверток)* генерал Хрептов подарок мне трофейный прислал. А нам ни к чему, никто у нас не играет. Вот я и решила Тимоше отдать. Раскрой, Дарья, не урони только...

Замирая от любопытства, та выполняет порученье. Из тряпок показывается новый, перламутром обложенный аккордеон. Кажется, он пугает Непряхина, этот загадочный ночной подарок.

Дашенька. Хозяюшка ты наша, бог дочку твою счастьем не оставит, что слепенького не забываете!.. Придет — ручки тебе исцелует. Чудо какое, страшно в руки взять. *(Суетясь вокруг.)* Куда ж нам его, жижик: двери у нас всегда не заперты.

Непряхин. Придержи руки... и язык заодно, ласочка: тут разум нужен.

Он говорит это с холодком и упреком, повергающим Марью Сергеевну в еще еле приметное смущенье.

Не надо нам, Машенька. Нету у нас ничего продажного.

Дашенька. Да не слушай ты его, кареглазая, в годах он... у него затемнение мозговых оболочек, сказывают!

Марья Сергеевна. Я и не собиралась ничего покупать у тебя, Палисаныч.

Непряхин. Ты окинь глазом, Машенька, хоромы наши: всё тут. Что тебе у нас приглянулося? Мигни, мы и так отдадим. Вон и Дашенька приметила: эти сапожки я тебе еще до войны шил, и ноги у тебя сейчас скрозь мокрые... А за такую вещь Макарычев коровку с бычком отвалит. Не таися: какая тебя печаль к нам привела?

Марья Сергеевна. Ты просто смутил меня, Палисаныч. С детства, сам знаешь, не было ничего тайного в жизни моей.

Непряхин. Тогда давай начистоту, Машенька... Ведь ты за Марьку боишься: какая ж мать дочку за слепого отдаст? А ты не терзайся: ничего такого промеж них не было... Мало ль что взаимно любовалися: это у них детское, это пройдет под влиянием жизни. Молва людская помолвила, она ж их и разведет.

Дашенька *(всплеснув руками)*. Да чего ты, злодей, от всего отказываешься! Цены ему нету, жениху нашему: из самой главной из обсерватории, где звездам счет ведут, сколько разов о здоровье его справлялися, пока в госпитале лежал.

Ее никто не слушает.

Непряхин. Разве мы не понимаем, Машенька, что теперь Тимофей Непряхин не чета ей? Она красавица... за таких сердце без стону о горы Памирские расшибают, а он... нет на свете сирей его. Сам должен место свое понимать. И не стыдися, никто тебя не осудит: ты мать... Ешь картошечку, пока не простыла!

Они едят молча, обжигая пальцы.

Марья Сергеевна. Действительно хороша... И соль-то у вас какая вкусная.

Дашенька. Горяча больно, не ожгись.

Марья Сергеевна. Замаялась я совсем с водопроводом, Палисаныч. Уж договорилась было— с генералом Хрептовым: дает на восстановленье полтораста человек, а людей разместить негде. И, такая беда, документы на соседнюю скважину утрачены — ни глубины известняков, ни характеристики

горизонтов — ничего не знаем. С реки вести — труб нет, а новую бурить, сам знаешь, каково!

Замолкнув, лицом к двери, все трое слушают шорох шарящих рук. Движением глаз Дашенька оповещает гостью о возвращении пасынка. С кульком и черным ящиком на ремне входит Тимоша Непряхин. Никто не произносит ни слова, пока тот раздевается.

Тимоша. Разъехались наконец. Надарили всего — разберись там, тетя Даша. *(Насторожась.)* Гости у нас. Кто же это?

Дашенька. Беги, valись в ноги, слепенький... Гармонь-то какую в подарок тебе принесли!

Марья Сергеевна. Вы у нас главный мастер веселья... вот и действуйте, Тимоша. Тут еще факир один на днях приехал. Пускай развлекутся хоть немножко люди-то.

Тимоша. Работы действительно много — все хотят плясать: топчут войну. *(Спускаясь вниз.)* Мне всегда так спокойно становится, как в детстве, когда я слышу ваш голос, Марья Сергеевна!

Дашенька *(про подарок)*. Тут он, тут, бери скорей, прячь к себе, на руках держу.

Тимоша берет аккордеон; огладив его, Тимошины пальцы привычно, вглухую пока сбегают по клавишам. Он извлекает всего две ноты, потом возвращает аккордеон Дашеньке.

Тимоша. А занятный этот тракторист: при львиной отваге детской кротости человек. Да и Макарычев тоже... Невольно чувствуешь себя должником перед такими людьми.

Непряхин. Ужинать садись, Тимофей.

Тимоша. Куда, на неделю накормили! *(В ту сторону, где только что стояла Марья Сергеевна.)* Где вы там, Марья Сергеевна? Неужели только для меня вы затеяли этот героический ночной поход?

Марья Сергеевна *(с явной неискренностью)*. У нас эта вещь все равно заваляется, а вам она...

Непряхин. Погоди, мы уж не станем мешать тебе, Марья Сергеевна. Пойдем, ласочка, дровец попилим, стены на ночь подсушить.

Непряхины одеваются в молчании и уходят, прихватив пилу с гвоздя.

Марья Сергеевна. Ужасно жалею, что не понравился вам подарок мой.

Тимоша. Напротив, отличного звука вещь, но мне она ни к чему.

М а р ь я С е р г е е в н а. Хороший инструмент в руках артиста — это уже половина его успеха.

Т и м о ш а. Вы полагаете, что я примирился с моим нынешним ремеслом? Это ваше заблуждение, Марья Сергеевна... Я не сдавался на войне, не сдался и теперь.

М а р ь я С е р г е е в н а. Мне приятно слышать, Тимоша, что у вас имеются планы на будущее. Если не секрет... какие?

Т и м о ш а *(помедлив)*. Вы спрашиваете как мать девушки, которую необходимо оградить от опрометчивых решений?

М а р ь я С е р г е е в н а. Перед вами друг вашей семьи, который помнит вас еще ребенком.

Т и м о ш а *(усмехнувшись)*. Хорошо, надо отвечать друзьям.

Марья Сергеевна заранее поднимается опустить щеколду на двери, чтобы никто не помешал этому важнейшему разговору. По волнению, с которым Тимоша выбирает слова, видно, как дорого ему обходится этот ответ.

Я задумал большой ход в жизни, но... мне надо собраться с силами. Для начала, вероятнее всего, я просто уйду из города. Выберу ночь подождливей и уйду.

М а р ь я С е р г е е в н а *(с болью и горечью)*. Куда, куда, милый Тимоша... в бродяги, в нищие?

Т и м о ш а *(корректно и сухо)*. По-видимому, мое несчастье внушает вам потребность пожалеть меня. Напрасно, Марья Сергеевна... Жизнь так прекрасна, что я не отказываюсь в ней даже от боли... вы слышали?.. я сказал: даже от боли. Я собираюсь уйти, но не сгинуть. Конечно, любимая страсть моя, астрономия, закрыта для меня навсегда, но главный мой инструмент, мой мозг... вот этот самый осиротевший мозг мой, он в надежных руках. Первое время ему трудновато будет во тьме... но я помогу ему, он привыкнет. *(Совсем легко.)* Зато теперь ничто не станет отвлекать меня от работы: ни смена дня и ночи, ни глубина весеннего неба, ни даже фотография девушки, которая имела неосторожность... попривыкнуть ко мне с детства. *(С неожиданно прорвавшейся надеждой)*. Конечно, если бы девушка не торопилась, если бы нашла силу потерпеть... ну, десять лет, даже шесть... Поймите: в моих условиях просто невозможно уложиться в меньший срок! Я не смею обнадеживать вас, но, возможно, я показал бы людям, на что способен человек, у которого есть любовь и цель... да, любовь и цель.

На свое счастье, Тимоша не видит откровенной смены чувств в лице и поведении Марьи Сергеевны: то облегчения, то мучительной жалости, то возобновившихся подозрений, то просто укоров совести. Марья Сергеевна дважды удерживается от желания пожать руку слепого, чтобы не выдать себя этим движением материнской благодарности и согласия принять жертву.

Марья Сергеевна. Вы благородный и непреклонный человек, Тимоша. *(Неожиданно торопливо.)* И, пожалуй, это лучший выход: уйти в люди, потому что люди добры... да-да, они вас поддержат, они не допустят вас разбиться! Они потому и люди, что не смеют забыть, чего вы добились для них своим подвигом. И чем скорей вы осуществите свое решение, тем с меньшей болью. Не скрою, первые годы будут вам труднее смерти... *(упорствуя в первоначальной цели)* и в этом смысле мой подарок помог бы вам отчасти скрасить ваше одиночество.

Но, значит, Тимошу задели за живое ее неуместная настойчивость и прорвавшийся при этом тон лести.

Тимоша *(сухо)*. Видите ли, Марья Сергеевна, я еще не завтра собираюсь уходить. И я охотно принял бы эту вещь, если бы она не носила характера отступного. Возьмите ее назад, а то я смогу подумать, что вы пришли выманить у меня сердце в обмен на дорогую игрушку. Стоит ли вам тратиться, Марья Сергеевна: со мной можно обойтись дешевле.

Марья Сергеевна. Не обижайте меня, Тимоша.

Тимоша. Я уже третий месяц здесь после госпиталя, но разве я не даю проходу Марьке, мешаю ей спать серенадами, надоедаю вашим собакам? Мы связаны только словом, а это не документ: здесь нет места для казенной печати! Однако ложная совесть заставляет Марьку чуть не каждый вечер прибегать сюда... я едва успеваю прятаться от нее. И вы сами должны помочь мне в этом. *(Совсем тихо.)* Видите ли, Марья Сергеевна, ведь я... я совсем ничего не вижу, а она ходит неслышно, как солнечный луч, она может выследить, догнать, застичь меня в мыслях о ней... и я могу дрогнуть, ослабеть тогда!

Кто-то слегка подергал снаружи дверь — маленькая суматоха.

Как раз она!.. скажите, что Макарычев увез меня на месяц в Глинки.

Следует повторный стук. Тимоша скрывается в своей каморке. Подойдя к двери, Марья Сергеевна поднимает щеколду. Входит полковник Березкин. Вначале он молча стоит с расставленными руками, давая стечь воде с фуражки, потом вытирает платком мокрое лицо.

Березкин. Вот это я понимаю — линия обороны! Мне еще не доводилось брать таких: горы щебня и воронки, залитые водой. Здесь живет Тимофей Непряхин?

Марья Сергеевна. Я посторонняя тут, но боюсь, не увез ли его Макарычев к себе в Глинки.

Березкин. Мне почему-то кажется... вы еще больше боитесь, что я останусь ждать.

Марье Сергеевне приходится выдержать его иронически-пристальное внимание.

Ничего, я располагаю неограниченным запасом времени. *(Скинув шинель и разложив на столе свое табачное хозяйство, он принимается набивать трубку.)* Погодка-то!.. Гулял по городу сейчас и, в частности, побывал на Маркса, двадцать два.

Марья Сергеевна *(печально)*. О, эта улица была буквально сметена в ночь на десятое июля. Пустыня... да?

Березкин *(иронически)*. Вы обладаете поразительной наблюдательностью: пустыня, и кое-где уже бурьяном поросло. Вы не обращали внимания, как быстро зарастает все это...

Марья Сергеевна. Что и на чем?

Березкин. Ну, это самое, дырки на человечестве.

Марья Сергеевна. Мы были тихим и опрятным городком — отбоя не было от художников. Потом пришли другие посетители...

Березкин. Довольно чистая работа, с военной точки зрения. Мы в их стране были милосердней. Простите, с кем имею честь?

Марья Сергеевна. Я Щелканова, Марья Сергеевна.

Березкин *(загораясь недобрым огоньком)*. А, городничиха! Как все отлично складывается, одно к одному. Бывший командир гвардейской танковой бригады... Березкин.

Он представляется без поклона, звучно сдвинув каблуки, и не без умысла называет свою фамилию лишь после краткой паузы. Марья Сергеевна делает непроизвольное движение к нему; в ответ на это полковник опускает глаза и начинает закуривать. Между прочим, как ни пытается он применить щелкановские спички, из множества не зажигается ни одна; тогда он временно отказывается от своего намерения.

Марья Сергеевна. Так что же вы таитесь от меня... знаменитый, непобедимый Березкин! Я столько слышала о вас... да и муж всегда отзывался как о храбром, даже исключительно порядочном человеке. Вы навестить его, отдохнуть

к нам приехали... или навсегда?.. чему мы были бы все ужасно рады!

Березкин *(сухо)*. Не совсем так. Я здесь проездом.

Марья Сергеевна. И, конечно, в гостинице остановились... Как не стыдно вам, полковник! Кто-кто, а Березкин-то мог бы рассчитывать на наше гостеприимство. Правда, последние полгода мы живем почти врозь с Сергеем Захарычем... просто из-за работы неделями не видимся друг с другом. Вы могли бы даже и с семьей к нам приехать!.. или она уже здесь?

Березкин. Нет, она у меня... в другом месте.

Марья Сергеевна *(сочувственно)*. И далеко отсюда?

Березкин. В известном смысле — да.

Марья Сергеевна. Где-нибудь в Сибири, на Дальнем Востоке?

Березкин. Нет, еще дальше. Они жили здесь, на Маркса, двадцать два.

Известие это, сообщенное без тени упрека, жалобы или расчета на участие, само по себе звучит как зловещее предостережение от душевных излияний и обещание дальнейших грозных открытий.

Марья Сергеевна. Я сожалею, что мы не смогли сохранить вашу семью. То была ужасная ночь... нас расклевали дотла. Правда, бомбы были всё маленькие, на нас скупились тратить большие.

Полковник возобновляет безуспешные попытки добыть огня посредством спичек, на что уходит вторая треть коробка. Марью Сергеевну пугает это внешнее бесстрастие.

И я отлично помню этот домик: ну как же... чистенький такой, с садиком.

Ничего в ответ, кроме чирканья спичек.

Ведь вы, кажется, большие друзья с Сергеем Захарычем?

Березкин. Не совсем так. Скорее сослуживцы... но тоже не совсем. Поразительные спички готовит товарищ Щелканов на радость нашей терпеливой родине. У нас танки на фронте пылали жарче. Только от войны не закуришь: огня, знаете, многовато.

Марья Сергеевна. Да, еще не наладили... Недавно на шефском вечере в клубе Сергей Захарыч рассказал, как вы посылали его в бой на ратный подвиг, как обняли его и даже шепнули на ухо: «Иди, пролей кровь, капитан!» В этом месте

я сама видела у некоторых женщин заплаканные лица... *(С неожиданным сомнением.)* Так оно и было?

Березкин. Не совсем так.

Марья Сергеевна. Я тоже не слишком поверила, будто вы даже перекрестили его на прощанье... ну, как Кутузов, что ли? Кто же в наши дни станет так... на глазах у всего войска, верно?

И тогда происходит вспышка вполне созревшей тревоги: Марья Сергеевна порывисто хватает руку полковника, но и это не изменяет его позы.

Да что же вы молчите, железный человек... ведь он же дочери моей отец! Немедленно говорите, чего он еще там натворил... убил, обокрал, предал кого-нибудь? Сейчас же, велю вам, покажите мне письмо, за которым он Марьку в номер к вам посылал!

Березкин безответно смотрит на нее. Начальный план его показать близким истинное лицо Щелканова имеет смысл лишь в случае, если у жены и дочери Щелкановых уцелела в душе хоть капля привязанности к мужу и отцу. Стыдясь себя, Марья Сергеевна постепенно стихает.

Но я допускаю, что и не было никакого письма, а просто вы боль свою на всех нас разделить хотите!..

И в ответ на эту неуклюжую хитрость Березкин нехотя достает из нагрудного кармана синий конверт.

Что еще там, в этой гадкой бумажке, разверните!

Березкин. Может, не открывать?.. а то вылетит плохая птичка.

Марья Сергеевна. Ну, милый Березкин, эти птички дни напролет щебечут на моем окне. Верно, опять послание какой-нибудь дурной бабенке. Это правда, Сергей Захарыч нередко проявляет неожиданное для своих лет легкомыслие... никогда не затруднял себя долгим выбором... да и вообще мужчины становятся благоразумны куда позднее нас, женщин. Кто же это, однако? *(Не в силах скрыть скопившейся обиды.)* Если Лемпицкая, так ведь они же в ссоре вот уж год. Значит, прежняя Верка?.. или Катерина Эдуардовна, так называемая Кэт?.. *(Стыдясь своей слабости.)* Я не хочу вашего письма... только адрес прочтите!

Жестом дочери она тыльной частью пальцев пытается остудить пылающие щеки. Полковник кладет письмо на стол, но теперь уже сама Марья Сергеевна малодушно боится взять его.

Березкин. Почерк разборчивый, это не займет у вас много времени. Возьмите.

Марья Сергеевна *(по-детски)*. Он плохо вел себя на фронте?

Березкин. Да, как говорится, не гнался за военной славой.

Марья Сергеевна *(с надеждой)*. Раз в госпитале лежал, значит, бывал в боях!

Березкин. Н-не совсем так. Как ящерица в опасности сбрасывает хвост, он выкинул войне два ребра из своего организма... и ушел.

Брезгливо, кончиками пальцев, Марья Сергеевна берет письмо, рука ее дрожит вначале, но по мере того, как чтение близится к концу, все чаще гримаска боли и презренья родится у нее на губах. Следует заключительная героическая попытка полковника разжечь трубку.

Марья Сергеевна. Так он еще и трус вдобавок! В целом свете не подозревает никто, на что еще способен товарищ Щелканов... Ах, это наша здешняя Фимочка? *(Молчание.)* Ну, если вы собирались в моем лице лишить его любящего сердца, то вы опоздали, полковник.

Березкин. Есть еще любящее сердце дочери.

Марья Сергеевна *(с заминкой)*. Да, Марька ничего не знает. Правда, когда у дерева рубят сук, больно им обоим! Я не собираюсь разжалобить войну...

Березкин. Войну нельзя разжалобить. Вы знаете, в какую погоду мы живем. Сталь куют заране. Когда клинок на взмахе, любая раковинка рвет его пополам...

Сверху в дверь без стука, лукаво улыбаясь, заглянула Марька. Не произнося ни слова, она обегает помещение глазами.

Марька. Так и знала, опять он спрятаться успел. *(Матери, переводя глаза на полковника.)* Надеюсь, я тебе не помешала, мамочка? А в горсовете у тебя свет из окон сияет на всю площадь, и все думают, что городничиха, как всегда, на капитанском мостике...

Мать молчит.

Как странно, всё тайны и тайны кругом... Но заметь, у нас с тобой совершенно одинаковые привычки... и не только гулять

под дождем. Я тоже не спрашиваю, например, какое у тебя здесь неотложное дело!

Марька спускается. Поднявшись из-за стола, полковник наклонением головы отвечает на царственно беглый кивок Марьки, которая проходит в глубину помещения.

Тимоша, ваша шинель на гвозде... О, как мне надоела эта затянувшаяся игра в прятки! Я сержусь, вылезайте же! *(Лишь теперь она замечает на верстаке белые туфельки Табун-Турковской.)* Смотри, какие, мамочка, таких и во сне не увидишь! Это и есть чудо... да?

Марья Сергеевна. Не касайся их, Марька, это чужие, надеванные. Потерпи, все будет у тебя в жизни... в обмен на молодость. Ах, как же ты легка на помине, бедная моя!.. Вам везет, Березкин: перед вами дочь Щелканова.

И тогда, едва заслышав эту фамилию, в точности повторяя душевное движенье матери, Марька стремительно, с порывистой скороговоркой кидается к полковнику.

Марька. Так дайте же мне вблизи рассмотреть знаменитого Березкина! *(Держа его за плечи.)* Ведь я вас знаю только по газетам да описаниям отца... Но знаешь, мама, именно таким я его и представляла — хмурый, высокий, совесть войны. И, может быть, даже рябой немножко: мне всегда казалось, что война должна быть рябая... а вам? Мамочка, но он же ни капельки не рябой... И, смотри, его тоже, как Тимошу, забыли наградить, в суматохе! Ничего, полковник Березкин, за нами не пропадет...

Марька дважды и не обнимая целует полковника, принимающего это, как и былые атаки на фронте, с ледяным, неподкупным бесстрастием,— потом шутливо приседает.

Едва не забыла! Дозволено ли будет мне по случаю тезоименитства вашей покорной слуги просить вас, эсквайр, прибыть завтра на вечерний бал с приглашением целых пятнадцати достоуважаемых местных персон... Рассчитывайте, что и вам с папкой тоже достанется по стаканчику. Мамка, я так задумала: пускай они пьют и вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они... *(И вдруг, пронзительно.)* То таинственное письмо еще при вас, полковник?

Взрослые молчат, и вот звонкий колокольчик Марьки постепенно замирает, вянет в недоброй тишине.

Я что-нибудь неправильно сказала, мамочка?

Марья Сергеевна. Встань здесь, Марька. *(Березкину.)* Уж поздно, и еще телефон с областью заказан, а мне хотелось бы, чтобы задуманная вами операция произошла в моем присутствии... Ну, закаляйте вашу сталь, суровый мститель с детскими глазами!

Мать отходит в сторону. Напуганная и бледная Марька ждет своей участи, потом пятится от чуть печальных глаз полковника и вдруг бросается под защиту Тимоши Непряхина, который в ту минуту выступает из-за занавески.

Тимоша. Так случилось, что я оказался дома, товарищ полковник, и мне уж не к чему скрываться... *(С нажимом.)* А раз случайно дома оказался, приходится вмешаться в игру. Я вижу, не в ваших правилах стрелять в ребенка, даже если за его спиною прячется дезертир. Дайте сюда, у меня больше прав на эту бумажку... *(Протянув руку.)* Здесь она будет сохранней, товарищ полковник!

Березкин *(не сразу)*. Ты прав, пожалуй, Непряхин. Я потерял много, ты утратил всё. Желанный свет очей ты отдал за то, чтобы другие могли глядеть на звезды. И они уже не вернут тебе, эти другие, желанный свет твоих очей.

Встречное молчание. Тимоша успокоительно поглаживает плечо повисшей на нем Марьки. Полковник вкладывает синий конверт в Тимошину руку и сжимает ее в кулак.

В черный день ты мог бы разменять его на большие деньги, этот талон на стервеца!

Тимоша неторопливо разрывает письмо.

Да ты еще и любишь ее, солдат... вдобавок ко всем твоим несчастьям?

Тимоша. Не бойтесь его, Марька... Этот человек не принесет вам вреда. Это Березкин!.. Однако вы испугали мою гостью, полковник. *(Полувопросительно.)* Есть еще какие-нибудь дела в нашей трущобе?

Березкин. Я пришел вмешаться в твою судьбу, солдат, если ты позволишь мне сделать это целью моей жизни.

Он явно избегает уточнять цель своего визита в присутствии посторонних.

Т и м о ш а *(тоном полушутки)*. Это весьма заманчиво, полковник... но отложим на утро наш разговор. Что может измениться за ночь в судьбе слепого?

Б е р е з к и н. Завтра я буду здесь в десять ноль-ноль. Добрых тебе сновидений, солдат... *(Марье Сергеевне.)* Могу проводить вас до горсовета?

Он помогает Марье Сергеевне одеться, по ее молчаливой просьбе берет сверток своей спутницы и пропускает ее впереди себя. Некоторое время Марька еще молчит, прижавшись к Тимоше.

М а р ь к а. Что-нибудь плохое было в том конверте, Тимоша?

Т и м о ш а. Просто ночной сон, Марька... один из тех, что шатаются под окнами и пугают маленьких девочек, когда они не спят... Теперь ступайте, Марька. Дайте мне видеть вас. Во снах я вижу все как прежде...

М а р ь к а. Опять гоните меня, Тимоша... а клялся до гроба быть моим придворным звездочетом! Я так любила бродить по ночному небу, держась за вашу руку... Я становилась маленькая и легкая — пылинка в звездном луче: хотелось закрыть глаза и скользить в высоту по той серебряной нитке. *(Другим тоном.)* Я пришла к вам...

Т и м о ш а. Ах, все равно зачем... Спасибо, что вы пришли сегодня. Она мне нестерпима стала, моя двойная ночь!

Прорвавшаяся в его голосе мужская интонация возвращает М а р ь к у к действительности; она делает попытку освободиться от Тимошиной руки на своем плече. Оправляя волосы, она бочком отходит в сторону. Возвращаются Н е п р я х и н ы.

М а р ь к а. Дождь не прошел, Дашенька?

Та раздевается и вместо ответа сразу начинает бушевать: с сердцем закинув свою одежду в угол, она сбивает ногой попавшееся по дороге ведро и, наконец, разодрав какую-то неповинную тряпку, скрывается к себе за занавеску.

Н е п р я х и н. Не трожь ее, голубка,— серчает. Устанешь по хозяйству день-деньской! Да и погодка, ровно из ведра льет. Я уж в сарайчик его отвел, паренька твоего,— до самых, скажи, до костей промок. Не остудился бы!

Т и м о ш а. Вы не одна пришли, Марька?

Марька молчит.

Кто там мокнет, отец?

Непряхин. Да лоботряс-то этот, что с академиком наехал.

Марька. Ах, тот, с Памира? *(Виновато.)* Ну и пусть мокнет, кто ж его заставляет? Пускай помокнет еще минутки три...

Тимоша. Это хорошо, Марька, что вам не придется возвращаться одной. *(Голосом издалека.)* Кроме прогулки под дождем, у вас не было других причин... тащить этого молодого человека сюда, в такую даль?

Марька мучительно медлит с ответом и вдруг с безоблачным лукавством поднимает голову.

Марька. А разве не сказала я? Мне хотелось пригласить вас... всех вас пригласить на день рождения. И приходите со своею музыкой, Тимоша, ладно?

Тимоша *(с разочарованием)*. Как можно оставить вас без музыки в такой день! Только с запозданием, Марька: я теперь на работе.

Марька. Но вы не сердитесь на меня, Тимоша? *(Просительно коснувшись его руки.)* Я тогда пойду, ладно?

Она поспешно одевается. Непряхин берет лампу с верстака.

Не надо светить, Палисаныч, я наизусть дорогу знаю.

Тимоша. Покойной ночи, Марька.

Девушка уходит; молчание... тишина, пока в совершенной ярости не появляется Дашенька: посудное полотенце на плече, в руке тарелка. Она садится на стул посреди, с маху бьет тарелку о пол и заливается горючими слезами. Непряхин с безопасного расстояния старается утешить ее.

Дашенька *(сквозь слезы)*. Заманули, злодеи, пташку в сырую темницу, сгубили в расцвете сил. Туфли чинит — денег не берет, полный ремонт жилплощади предлагают — нос воротит, вещь тысячную за порог выкидают... Оглянись, жижик ты окаянный, как люди-то живут, копеечкой чужой не брезгуют. Вон Дюндин в потребиловке, впился в самый загривок и сосет себе помаленьку, палкой его не собьешь. И сколько я в тебя жизни своей вложила, ничего впрок не пошло!..

Непряхин *(оправдываясь)*. Так ведь в гостинице-то у нас все на замке да на учете, ласочка, а в музее... чего там украдешь: ядра лежат чугунные да удавы разные на спирту. Не убивайся, ласочка: здоровье твое и без того надорванное!..

Д а ш е н ь к а *(с новой силой)*. За меня из милиции полуглавный сватался... можешь ты это сообразить? Чем, чем ты меня, окаянный, опоил?

Н е п р я х и н. И сам не знаю, чем я тебя опоил, ласочка. Пойдем, спать уложу! Пошто тебе убиваться: муж твой цельный, не побитый. Редьки безотказно на всю зиму имеется, картошечки целых три мешка с половиной. Живи да радуйся!

Он уводит ее, затихающую, со вздрагивающими плечами, за занавеску. Тимоша кладет руку на глобус звездного неба — как легко вертится под его пальцами этот черный шар! Слепой поднимает голову. Ни сводчатый тяжелый потолок, ни закутанное в тучи предзимнее небо — ничто не мешает ему теперь видеть звезды.

Т и м о ш а *(в раздумье)*.

И только ты, мой добрый разум,
Даешь мне жить в моей тоске,—
Как прежде мир окинуть глазом
И отразить в одной строке!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Чистенький, в бывших монастырских палатах, горсоветский кабинет Марьи Сергеевны, залитый прощальным светом последнего в ту осень погожего полдня. Кроме коечки с плоской подушкой в нише стены, кроме цветущей гераньки на просторном, в позднейшее время расширенном окне, кроме раздернутых, легчайшей желтой ткани, занавесок, не видно ни одной личной, тем более женской вещи. Бросаются в глаза — карта района, любовно выполненная местным живописцем, образцово-показательный сноп льна в дубовой кадушке местного производства и положенная здесь по чину чахлая пальма с прикрученным к нижнему листу жестяным инвентарным номерком. В окне гигантский, слепительного золота купол без креста и с пробоиной на боку. Солнечные блики медленно движутся по кумачу на столе для заседаний и к концу действия сползают на крашенный охрою пол... За соседним письменным столом Марья Сергеевна принимает посетителей.

Марья Сергеевна *(по телефону)*. Так и передай: Марья Сергеевна приказала, чтобы ко вторнику шесть тысяч вот здесь, у ворот, было сложено. Сколько угодно в городе кирпича, только штукатурку старую околоть. И фанеры добудь где-нибудь листов хоть сорок... Впрочем, фанеру я сама у Сергея Захарыча займу, попозже. *(Взглянув на стенные часы.)* Наверное, обедать укатил... он рано уезжает. Потом доложишь...

Она положила трубку телефона и с закрытыми глазами откинулась на спинку кресла. Так она сидит в солнечном луче, долго и бездельно. Приоткрыв обитую клеенкой дверь, в кабинет заглядывает секретарша Раечка, и тогда из приемной доносятся возбужденные голоса и неожиданный для присутственного места женский взвизг. Марья Сергеевна открывает глаза.

Что там у тебя, Раечка?.. в жмурки играете?

Пауза, в течение которой Раечка на носках и с видом величайшей таинственности идет от двери к столу Марьи Сергеевны.

Раечка *(шепотом)*. Там факир пришел... Рахума!

Марья Сергеевна. Ну и что?

Раечка. Сейчас накрыл вазочку исходящей бумагой, дохнул — и, главное, дохнул-то не шибко! — а под ней мышь. *(Содрогнувшись.)* Черный, живой... вȍ хвостище!

Марья Сергеевна *(перебирая бумаги на столе, обычным своим, спокойно-плавным тоном)*. Живой ничего, живой убежит. Пускай подождет твой Рахума. Дай ему газетку почитать. *(Раздумывая вслух.)* Я так думаю, шести тысяч за глаза хватит... Большая там очередь ко мне?

Раечка. Четверо осталось... с Рахумой вместе.

Марья Сергеевна. И барынька та сидит?

Раечка кивает, с ожесточением взглянув в сторону приемной.

Больше никого не записывай. Отсюда я прямо на бюро горкома проеду. Марька, если позвонит, пусть обедает без меня.

Раечка уходит. Снова телефонный звонок.

Вас слушают... Да, это я, товарищ Кареев... Нет, уж дайте мне сперва сказать! Так нельзя работать, дорогой мой... Еще весной я посылала вам в область смету на ремонт пристани... *(Вся вспыхнув.)* Простите... это какой же Кареев говорит?

Она вся меняется, заливается краской и чуточку молодеет. Держась рукой за поручень кресла, она взволнованно поднимается и снова садится. На ее счастье, никто из посторонних не видит этой быстрой смены чувств: точно вспышкой осветили ее душевные потемки. И снова в голосе звучит прежняя певучая приветливость.

Нет, нет, я не ушла, тут я. Здравствуйте, Николай... так вашего отчества и не пришлось мне никогда узнать... Ну что вы, Николай Степаныч! Как же не слышать, не на полюсе живем. Конечно, догадывались... откуда у вас такое неверие в силы рабочего класса? Наоборот, мы гордимся за своих земляков. Ведь генерал Хрептов тоже из нашего города вышел... Вот-вот, и он тоже голубей гонял когда-то! *(Продолжая разговор, она шарит вокруг себя и не сразу находит в глубине ящика крохотное круглое зеркальце и все смотрит в него, засматривает украдкой, точно помилования ждет от стекла.)* Тогда заходите поскорей, я рада буду... Если города нашего не забыли, так это на заднем дворе, за собором, где раньше святой колодезь был... Вот я как раз в бывшей трапезной

и сижу! Да вам покажут, только скажитесь — к Марье, мол, Сергеевне. Так приходите же!

Разговор окончен, женщина в последний раз как-то сбоку взглядывает в зеркало, потом печально откладывает его стеклом вниз. Опять, движением дочки, тыльной частью пальцев она пытается остудить предательский румянец на запылавших щеках. Ей остается только поправить складки занавесок, сдвинуть чуть влево гераньку, прикрутить, чтоб не видно было, жестяной на пальме номерок — так она охорашивается. Возвратясь на место, городничиха звонко зовет секретаршу. В раскрывшуюся дверь слышен повышенный голос Рахумы.

Рахума. Так я и не имею нужды просить у вас деньги взаймы. Дайте мне воздух, и я вам сделаю государственный банк... Но это неудобно — понимаете? — неудобно, чтоб Рахума выжидал два часа. Я же выдающийся артист, можете вы это понять?.. не слышу, что?

Дверь закрылась, Раечка еле переводит дыхание.

Марья Сергеевна. Что же я хотела еще сказать тебе, Раечка? Все вылетело из головы. Да, соедини меня попозже с Сергеем Захарычем.

Раечка. Ладно... а теперь Рахуму? *(Ежась, как от щекотки.)* Чтобы с места мне не сойти, Марья Сергеевна: третьего мыша из вазочки достает! Весь мышами набитый...

Марья Сергеевна. Кроме того, возможно, ко мне придет сюда академик Кареев... его зовут Николай Степанович. Он с целью важных научных изысканий прибыл к нам. Ни с кем не соединяй тогда и... чаю подашь нам, три стакана.

Раечка. Как хотите, Марья Сергеевна, еще на прошлой неделе чай весь вышел.

Марья Сергеевна. Ну, займи опять в райпотребе, у бороды. Научись соображать, Раечка!.. Кареева проведешь без очереди. А пока давай быстро эту барыньку.

Раечка *(приоткрыв дверь в приемную)*. Заходите... Нет, вы сперва!

В дверях, не в состоянии протиснуться одновременно, застревают Рахума и Табун-Турковская.

Рахума. Вам же говорят публичным языком, мадам: у меня дневной сеанс в штабе... в штабе генерала Хрептова.

Турковская. Я своей очереди, милостивый государь, самому Вельзевулу не уступлю. И не прижимайтесь ко мне!

Раечка *(дрожащим голосом)*. Товарищ факир, я же

сказала вам... Марья Сергеевна принимает только в порядке записи. Входите, гражданка!

Она пропускает в кабинет шумную, расплывшуюся, однако еще перетянутую в талии даму в страусовых мехах, с синим от пудры носом и с ногтями, крытыми черно-лиловым лаком,— Табун-Турковскую, которая охорашивается на ходу, слегка взбивая прическу, отдающую в цвет какой-то сатанински-зеленоватой бронзы.

Турковская *(с ходу)*. Извините, дорогая, что я вмешиваюсь не в свои прерогативы, но на вашем месте я бы абсолютно пресекла факиров. Как люди известного круга, просвещенные, мы-то с вами понимаем происхождение таких иллюзий... но ведь в гуще народной это прививает антимарксистскую веру в чудеса, не так ли? Если не мы с вами, Марья Васильевна, то кто же, кто тогда будет заботиться о моральной чистоте простого народа? Да вы сами... сами-то вы даете себе отчет, Марья Васильевна, куда эта мышка норку роет?

Марья Сергеевна. Не волнуйтесь, гражданка: на каждую мышку найдется своя кошка. Вот сюда садитесь. Я слушаю вас.

Для начала Табун-Турковская извлекает из сумки пудреницу и подправляет свое обширное фасадное хозяйство. Все объяснения она ведет в изысканно светском тоне.

Турковская. Редкая погода для этого месяца, товарищ Щелканова, не правда ли? Такую благостную осеннюю прелесть я помню только в Беловежской пуще в одна тысяча девятьсот девятом году. Мы тогда с папой, который умер годом позже, выезжали...

Марья Сергеевна. Пожалуйста, ближе к делу.

Турковская. Ах да, я тоже спешу. Итак, вы, верно, встречали мою фамилию в мемуарах сенатора Пятышева. Но там упоминается не отец, а дядя мой, вице-губернатор на юге, широко известный тем, что был с государем... ну абсолютно на ножах. Тот его терпеть не мог, такая невозможная злюка!.. И я еще ребенком помню на дядином диване целую груду благодарственных писем от разных видных революционеров, знаете ли, за проявленный к ним гуманизм...

Марья Сергеевна *(постукивая карандашом в настольное стекло)*. Право же, у меня сегодня трудный день, гражданка. Прошу покороче.

Посетительница кивком головы соглашается уважить просьбу городничихи.

Турковская. Как человек повышенной чуткости, за что вас и поставили на это место... вы понимаете, конечно, что длительное пребывание в этой не слишком благоустроенной местности не может не отражаться на здоровье. Я не о себе забочусь: нам-то с вами уже нечего терять!.. Нет, я племянницу свою имею в виду. Мы безропотно терпели четыре года, потому что все должны нести тягости войны, но теперь-то картина резко изменилась!.. Впрочем, Фимочка только на днях подала вам заявление. Я много слышала о вашей сердечности и умоляю вас откликнуться на зов молодой жизни, едва распускающей лепестки. Словом, Фимочка моя выходит замуж, и хотя он далеко уже не юноша *(доверительно, грудным голосом и вся подавшись вперед)*, тем не менее, вы понимаете, даме не слишком преклонного возраста будет несколько стеснительно находиться в том же помещении.

Марья Сергеевна *(грубовато)*. Так чего же вы хотите?

Турковская. Я охотно вам изложу. У нас там имеются соседи, Непряхины... Такой простой старичок, из подсобных граждан. Помните, мы еще встретились у него вчера? Если бы подыскать им хибарочку где-нибудь за городом, на селе,— тем более что слепому нужен свежий воздух! — то, после небольшого ремонта, мы могли бы временно занять эту, извините за выражение, катакомбу.

Марья Сергеевна. Постойте, у жениха-то у вашего имеется какая-нибудь жилплощадь?.. не под забором же спит! Проще пареной репы: возьмите да и поменяйтесь с ним.

Турковская. К сожалению, этот варьянт абсолютно исключается: жених проживает на квартире своей жены, которая из понятных соображений вряд ли допустит меня к себе, хотя я еще довольно живая собеседница и даже могла бы руководить хозяйством. *(С намеком.)* Разумеется, если бы нам удалось уговорить ее с вашей помощью...

Марья Сергеевна. Ничего не понимаю: какой-то женатый жених. *(Шаря в груде бумаг на столе.)* Кроме того, у меня неплохая память, но я не помню вашего заявления. Кем оно подписано?

Турковская. У моей племянницы другая... несколько редкая фамилия: Подыха́енко. *(С французским произношением.)* Серафина Энтоновна Подыхаенко.

Здесь она достает из сумочки табачный инвентарь и приступает к сооружению козьей ножки. У Марьи Сергеевны есть время совместить

воедино вороха разрозненных подозрений. У нее краснеют кончики ушей и как-то по-детски беспомощными становятся руки. Нащурясь, она смотрит в накрашенное лицо Табун-Турковской, силясь разглядеть в нем черты своей неизвестной соперницы.

Нам уж недолго злоупотреблять вашим гостеприимством, Марья Васильевна. Фимочкин жених, по всей видимости, переводится в областной центр, где скорее сумеют оценить его административные способности. О, если бы вы хоть разок увидели его, вы навсегда сохранили бы о нем приятнейшее воспоминание!

Марья Сергеевна *(вся в пятнах)*. Мне крайне лестно, что вы так высоко расцениваете моего собственного мужа.

Прямой ход городничихи срывает коварную игру посетительницы, которой остается только месть. Нечто неизмеримо более значительное, чем просто личная неприязнь, звенит теперь в речи Табун-Турковской. Внешне ничто не меняется ни в лице у ней, ни в голосе,— только чуть пронзительней становится, чуть ласковей.

Турковская. Ах, разве? Но, простите, в данную минуту ваше родство меня абсолютно не интересует. *(Испустив залп дыма.)* Я обращаюсь за помощью к лицу официальному, в некотором смысле высокопоставленному... к самой наседке, так сказать, которая призвана опекать нас, своих куряток. Кроме того, Марья Васильевна, нас всех когда-нибудь бросают, и я с восторгом приду к вам во внеслужебное время всплакнуть за кагорцем над нашей женской участью... не теперь! *(Торжественно.)* Соловья не прикуешь к окошку, к зиме он улетает. Так что давайте потеснимся в сторонку и подумаем о нашей смене!

Откинувшись назад, без кровинки в лице, городничиха безмолвствует. Ее руки непроизвольно тискают локотники кресла — это ярость, и требуется время, чтобы побороть ее. Марья Сергеевна привстает с прежней привстливостью в потемневшем лице — это воля.

Марья Сергеевна. В ближайшие дни я подумаю о подходящей жилплощади для вас.

Табун-Турковская также поднимается, давя свой окурок на мраморе чернильного прибора. Марья Сергеевна звонит секретарше.

Турковская. Мне было крайне приятно с вами, Марья Васильевна. В жизни я повидала немало всяких мэров, но такого отзывчивого встречаю впервые. Имеется ли у вас книга отзывов... или как он называется, такой гроссбух, где я могла бы записать свое мнение о вашей общественной деятельности?

Марья Сергеевна *(с двойным значением)*. Это потом... когда я навещу вас на новой квартире, чтоб посмотреть, как вы устроены. Покажите гражданке, Раечка, как уйти отсюда.

Дверь перед Табун-Турковской открывает Раечка, которую та с пронзительной лаской треплет по подбородку: «Спасибо, крошка!» — и потом до конца акта Раечка будет стирать платком ее прикосновение... Тотчас в кабинет мерной тигровой походкой, мурча арию индийского гостя, вступает Рахума. Это очень провинциальный и старомодный, без тени карикатурности, однако, старичок с черными как смоль и вздыбленными, подобно дыму, волосами, в лоснящемся альпаковом пиджаке, с галстуком-бантом запоминающегося цвета и в черных нитяных перчатках для вящей впечатляемости. Свалив на край стола свой чемодан — бывший футляр от трубы из духового оркестра, он сразу оказывается в кресле, откуда, кажется, его придется удалять лишь артиллерией.

Рахума. С приветом. Меня зовут Марк Семенович. Идя навстречу требований текущего момента в вашем уважаемом городе, я приехал представиться и предложить шесть гастролей... Как хотите, я не имею больше времени.

Раечка *(в приоткрывшуюся дверь)*. Сергей Захарыч у телефона.

Марья Сергеевна *(подняв трубку, факиру)*. Я попрошу вас подождать, Марк Семенович.

Рахума. До вас, я надеюсь, дошла информация, что в город прибыл популярный аттракцион Рахума? Я не вижу нужды скрыть это... так как Рахуму знает широкая общественность, кроме того, цивилизованный мир. Над ним бьется вся современная наука, чтобы разгадать загадку природы. Ничего, я подожду здесь!

Марья Сергеевна *(с улыбкой)*. Нет, уж придется там подождать, Марк Семенович. *(В трубку.)* Извини, пожалуйста, я тут только человечка одного выпровожу.

Рахума *(вскинув пенсне на черной ленте)*. Надеюсь, я имею дело с культурным человеком? *(С горькой иронией, роясь в своем чемодане.)* Вы имеете время прочесть, что написал обо мне профессор Левенбок в Магдебурге еще в девятьсот третьем году? Хорошо, считайте меня, что я ушел.

Марья Сергеевна. Раечка, усади товарища Рахуму в приемной... дай ему еще разок газетку почитать. И не пускай пока никого.

С печалью качая головой и сознательно оставив имущество на захваченной позиции, факир покидает кабинет. Некоторое время Марья Сергеевна почему-то не берет шипящей трубки со стола.

Задержала тебя, Сергей Захарыч, извини. Я вот о чем хотела: найдется клееная фанера у тебя?.. листов хоть тридцать. Сироток жалко... пока стекло не прибыло, хоть фанерой окна утеплить... что? А без обмена не можешь? Ладно, если так, я через часок подводу вместе с кровельным железом и подошлю. Верно, давно не видались... А вот приедешь сегодня на Марькино торжество, тогда и поговорим обо всем. Кстати, будь друг, захвати с собой белые туфельки, которые я тебе для Марьки доставала... Как же не помнишь: еще жаловался, что нечего дочке подарить... ну, высокие, с бантами! *(С деланным удивлением.)* Где же ты их потерял? Ах, жалость какая! Ты непременно их разыщи, Сергей Захарыч: за такую пропажу сердце из человека мало вырвать. *(Не сдерживаясь.)* А я скажу тебе, что̀ я имею в виду: устраивайся в жизни так, чтобы дочку не марать. Будь друг, не погань ее! Мало того что ее туфельки любовнице даришь, ты девочку ночью за письмом в номер к приезжему офицеру шлешь. Негодяйство-то какое! Да, да, именно это я и хотела тебе сказать. Ах, какая твоя боль, голова с усами... Ты боль испытываешь, только когда тебе зубы рвут! *(Шепотом.)* Пропади же куда-нибудь из нашей жизни... богом тебя заклинаю: исчезни! Не хотим тебя больше.

Она бросает трубку на рычаг и сидит, закрыв лицо руками. В кабинет заглянула Раечка; ей приходится дважды назвать Марью Сергеевну по имени, прежде чем это доходит до сознания той.

Эх, день или ночь сегодня, Раечка?

Раечка. День, и солнышко светит, Марья Сергеевна. *(Душевно.)* Уж не ссорились бы с этим Рахумой! Я и сама в привидения не верю, а только напустит чего-нибудь такого в горсовет... и дежурить на ночь никто не останется.

Марья Сергеевна. Кто еще там у тебя? Ладно, давай факира.

Марья Сергеевна отходит к окну и время от времени рассеянно поглядывает через окно во внутренний дворик, не идет ли предпоследний в этот день посетитель. Возвратясь с видом незаслуженно ущемленного артиста, Рахума без единого слова отпирает ключиком на цепочке свой футляр и вынимает из глубины пачку обветшалых бумажек, афиш и газетных вырезок.

Рахума. Если слухи о моей славе еще не достигли вашего города, я буду вынужден представить отзывы прессы, также общественных и просветительских организаций о моей

педагогической и научно-популярной деятельности. *(Вскинув пенсне на черной ленте.)* Здесь имеются вырезки польских, турецких, также китайских газет. Мадам читает по-китайски?

Марья Сергеевна. Вы зря обиделись на меня, Марк Семенович. Напротив, мы всегда рады видеть факиров в нашем городе.

Рахума. Если бы вы знали: в переживаемое время работать факиром — это голгофа... Но хотя бы по-русски читает мадам? *(Угрожающе тряхнув пачкой.)* Вы видите это? Теперь посмотрим, что тут у меня имеется. Ага, Северо-Осетинская туристическая база... интересно, раз! Курчаевское оборотное депо Аральской железной дороги — это уже два... не бывали? Исключительный кумыс! Председатель месткома — мой поклонник: случится заболеть туберкулезом — только сошлитесь на меня! И ваше дело в шляпе. Ну, что тут еще? Стерлось... все стирается от употребления в жизни. Ага, коллектив служащих иноверческого кладбища, город Ереван... возьмите!

Марья Сергеевна. Я и без того вам верю, чудак вы этакий! А вот дозволение на производство фокусов у вас имеется, чтоб нас с вами в газетах не пробрали?

Рахума. Мадам, я фокусов не делаю: я серьезный человек, я факир. Фокус — это временный обман чувств, факир — это навсегда. Но я не сделаю вам ненормально. Мои опыты покоятся частично нет, частично на чисто биологической основе. Напротив, идя навстречу требований Наркомпроса, здесь нет ничего развлекательного. Рахума сам боится развлекательного как огня.

Марья Сергеевна. А нам-то как раз и желательно, Марк Семенович, чтобы после таких страданий развлеклись бы, посмеялись бы люди-то. Вон некоторые говорят, настоящего-то здоровья не бывает без смеха.

Рахума. О, Рахума вполне учитывает задачи искусства в наше переходное время для пострадавших областей! А как иначе? Я имею приглашение *(зажимая на пальцах)* — Ярославль, Хабаровск, даже Ташкент, но я знаю, куда еду. Смех вы хотите? Смех — это моя стихия. Кончено, в среднем вы будете иметь от сорока до пятидесяти минут живого, самообразовательного смеха.

Марья Сергеевна *(стесненно)*. Простите, у меня много дел скопилось сегодня. Конечно, мы тут плохо разбираемся в факирстве, но... одну минуточку!

Следует телефонный разговор. Лишь теперь по качанию портьерки можно заметить, что, приоткрыв дверь, Раечка с упоением слушает происходящий с Рахумой разговор.

Дюндина мне... Здравствуй, Дюндин! Разбогатеешь: голоса твоего не узнала. Спроси там — остался еще у нас мед на базе? Да вот артист к нам один прибыл... *(Смеясь.)* Именно, из-под самых Гималаев! Требуется, как говорится, окрылить искусство. Будь друг, отвесь ему кило-полтора в баночку...

Она случайно взглянула на ноги факира, который с непринужденным видом разглядывает карту района на стене.

...да кожи подошвенной из той, второй партии ему подбрось.

Рахума. Если можно, то мед лучше в бидончике, с ручкой — носить!

Марья Сергеевна. Вот он в бидоне просит... устрой, пожалуйста! И еще: доставили тебе чемоданы из артели «Красное пламя»?.. А ему фанерные и нужны. Отбери-ка штуку среднего размера, поисправней, без дырок. Он забежит к тебе через полчасика.

Марья Сергеевна кладет трубку с приятным сознанием, что репутация города не посрамлена в глазах искусств. Рахума, в свою очередь, благодарит ее восточным приемом, прикладывая руку ко лбу и сердцу. Документы факирской славы поспешно прячутся в футляр.

Рахума. Вот уже не узнаю себя, мадам, старею... последний факир в России. Голова сходит с ума, когда подумаешь, что будет в дальнейшем! Хотелось бы на старости лет открыть где-нибудь курс, передать мастерство, вырастить смену, молодое поколение. *(С чувством.)* Дайте мне, мадам, сто мальчиков, и через год вы будете иметь сто квалифицированных факиров! Вот всегда у нас так, потом будем себе рвать волосы.

Вряд ли Марья Сергеевна слышит его: она глядит в окно.

Когда человеку столько лет и плюс к этому аорта — через переживания! — то ему нужно должность полегче. Даже согласился бы сторожем, но это некрасиво: я артист. *(Не найдя сочувствия в лице Марьи Сергеевны.)* Кстати, чисто производственный вопрос... Ряд своих опытов я работаю исключительно при темном матерчатом занавесе. У вас случайно не бывает плотная такая шерстяная ткань, метра четыре? Если пошире, то хватит три... Бостон, габардин — безразлично!

М а р ь я С е р г е е в н а *(уже с холодком)*. Временно, после войны, дорогой Марк Семенович, даже рогожное производство приостановлено.

Р а х у м а. Так!.. но все равно — раз я вызвал подобный отклик из вашей груди, я представлю только для вас некоторые образцы моего труда. Я просто хотел бы ознакомить с методологией факирского мастерства на современном этапе.

М а р ь я С е р г е е в н а. Я сейчас важного товарища жду, Марк Семенович, а вот вечерком дочка у меня день рождения празднует. Заходите на пироги!

Р а х у м а. Вечером я тоже постараюсь выделить для вас время. Но в данный момент глядите на это место, думайте про цифру пять: пять, пять... так! Теперь назовите мне машинально, по вашему выбору... популярный деятель или генерал. Можно Переживальский, Александр Македонский, Гирибальди... Я жду.

М а р ь я С е р г е е в н а *(смеясь)*. Кого же вам назвать — и не придумаю. Ну, академик Кареев, скажем... Кареев Николай Степанович!

Р а х у м а. Это сложней. Кто такой Кареев? Тогда надо собраться с силами. Значит, пять, пять... Тишина!

Рахума простирает руки к двери. Ожидание. В прихожей слышны голоса, потом быстро и победительно входит К а р е е в, оставивший свое пальто в приемной. Рахума не без раздражения пытается выпроводить его назад.

Извиняюсь, попрошу вас почитать немножко газетку там. Я занят.

Кареев поочередно смотрит то на улыбающуюся Марью Сергеевну, то на факира.

К а р е е в. Я академик Кареев. Позвольте, а в чем дело?

Факир озирается, вытирает испарину со лба, подозревая злостный розыгрыш.

Р а х у м а. Но этого же не бывает. Вы смеетесь надо мной: я старик! *(На всякий случай.)* Извиняюсь, тогда интересно проверить, я задержу на минутку: а звать?

К а р е е в *(немножко сердясь)*. Николай Степанович... Но почему вас занимает это в такой степени?

Убедившись, что заказ хозяйки выполнен, Рахума раскланивается перед ней и направляется к выходу. Однако, владея запасом неизрасходованной магической силы, он внезапно возвращается, хватает Кареева за

жилетную пуговицу, в хорошем темпе выматывает из него метров шесть шелковой ленты, прячет в карман, благодарит и уходит. Кареев провожает факира прищуренным взглядом, точно хочет и не может вспомнить, где он видел его раньше.

Что это за чучело у вас такое... гороховое?

Марья Сергеевна *(выходя к нему из-за стола)*. Это прошлое приходило улыбнуться нам,— не помните?.. Однако как же я рада видеть вас у себя, Николай Степанович! Правда, речей у нас не заготовлено, но от имени родного города мы задушевно приветствуем нашего выдающегося земляка!

Преодолевая маленькое сопротивление Марьи Сергеевны, Кареев почтительно целует ей руку. Длительная пауза. Оба ищут завязку разговора, который не дается им сперва.

С вечера приехали, а хоть бы весточку мне в горсовет подали, срам какой! Столько лет носу к нам не казали... за что же вы к нам такие жестокие? Мы того никак не заслужили... да уж ладно! Откуда же теперь, неужто с самых высот памирских?

Кареев *(загадочно)*. Почти.

Марья Сергеевна. И надолго к нам?

Кареев. Нынче ночью отправляемся дальше. Мы с сыном мимоездом тут. Медицинское начальство на курорт посылает, стариковские хворости выполаскивать...

Марья Сергеевна. Значит, оно является выдающейся ценностью для науки, ваше здоровье. Тем более ценим мы ваш визит, Николай Степанович. Дорога к нам плохая: от Памира до Москвы вдвое ближе, чем от нас до станции. Это подвиг ваш...

Кареев. Ну что вы, что вы, Марья Сергеевна!

Марья Сергеевна *(шутливо и через силу)*. А что, не верно разве? Знаменитые моря не омывают нас, океанские пароходы не заходят даже по праздникам. Уж хоть бы карточку свою подарили... а мы ее в музее рядом с генералом Хрептовым повесим, в рамочке!

Кареев. Благодарю, большая честь для меня! Непременно, распоряжусь... по возвращении.

Этот нелепый, невпопад, взволнованный разговор Марья Сергеевна прерывает пригласительным жестом садиться. Гость внимательно взглянул на кресло и почему-то остался стоять.

А действительно, давненько не видались мы с вами, Марья Сергеевна! Боже, сколько же воды утекло! Но вчера я уви-

дел в гостинице вашу дочку, и вдруг что-то дрогнуло во мне, и, обознавшись, даже рванулся было к ней навстречу... показалось, будто вы еще раз... ворвались в мою жизнь. Но из этого я смог сделать заключение, что и вы тоже замужем. Ведь я ничего о вас не знаю. Кто же он, ваш супруг? Кажется, из местных жителей? Тогда уж позвольте мне вопрос, Марья Сергеевна...

Телефонный звонок.

Марья Сергеевна. Минуточку, Николай Степанович... Щелканова слушает. Давай, чем еще собрался порадовать. А мне раньше всего бани, бани нужно... *(Ее голос становится резок и неприятен.)* Так ведь еще в прошлом месяце я наказала всех к зиме перековать. Как кто?.. ты и виноват. Смеются про тебя, всю водку в районе выхлестал. Да на что мне твой акт! Ах ты...

Впрочем, она находит силы вовремя положить трубку на рычаг. Некоторое время Марья Сергеевна сидит локтями в стол и спрятав лицо в ладонях, пока Кареев рассеянно трогает вещи перед нею.

О чем-то спросить меня хотели?

Кареев. Боюсь, не к месту... Счастливы вы теперь, Марья Сергеевна?

Марья Сергеевна. Нам о личных горестях думать некогда. На меня возложено большое, очень разоренное хозяйство. Воды нет, мины рвутся кругом, и вот вдобавок в горкомхозе лошадь пала, Белка... самая кроткая, работящая была. И такой поток нужд народных, что, кажется, скала растворится в них без остатка. Но мне приятно, что трудящиеся в нашем городе нуждаются во мне и... да, любят меня, пожалуй. *(И лишь после полминутной немоты, стряхнув с себя воспоминанья.)* Ничего, еще отстроимся... Хотите, покажу вам проект будущего города? Тогда заходите ближе к свету...

Кареев идет за нею к столу заседаний. Марья Сергеевна достала со шкафа большой, пыльный, свернутый в трубку рулон.

Держите-ка тот край!.. нравится? Люблю мой завтрашний город. По секрету сказать, как устану к ночи, расстилаю эту молчаливую бумагу перед собой и все брожу по моим, пока безлюдным улицам. Могу провести из края в край с закрытыми глазами. От Главного стадиона, через Гуманистический переулок вы выходите на прямой как стрела проспект Вечности...

и тут у меня, как видите, театр, телефонная станция, Дом промышленности. Если помните, у нас преобладают главным образом южные ветры... *(еле выдерживая пристальный взгляд Кареева)* и, чтобы спасти город от дыма, я всю промышленность планирую на северной стороне. Здесь будет целое море привольной, шумной зелени. Уж два питомника заложены... совсем прутики пока: ничего, подрастут. Парк будет спускаться прямо к озеру... хочу, чтобы в центре города всегда было много воды. Ах, как страшно полыхал он в ту ночь, милый Николай Степанович! И здесь, посреди озера, на островке,— Ленин...

Кареев. В какой же срок вы надеетесь осуществить столь объемную мечту?

Марья Сергеевна. В данном случае это и не важно, Николай Степанович.

Все это время Кареев смотрит не на план города, а на склоненный профиль Марьи Сергеевны; и вдруг рулон с бумажным шумом катится со стола.

Вы так внимательно изучаете меня, Николай Степанович. Поди очень изменилась я?

Кареев. Не сказал бы. Но как бы пыль дальнего путешествия легла вам на волосы и лицо. На дорогах с большим историческим движением, как наша в особенности, всегда много т а к о й пыли. А я, на ваш взгляд, изменился я?

Марья Сергеевна. Вроде с лица чуть-чуть, да и фигурой тоже поправились. *(Водворяя проект на прежнее место.)* Очень это лестно нам, что наши земляки таких успехов в жизни добиваются.

Кареев. Да, пожалуй, стыдно мне жаловаться на судьбу, Марья Сергеевна. Чтобы сразу в курс ввести, у меня академический институт, томов двенадцать всяких трудов, пользующихся приличной репутацией и за границей, ордена, ученики, обширная библиотека... и что еще? Да, взрослый сын, наконец... который, кстати, ночь напролет, довольно безжалостно в отношении престарелого родителя, делился впечатленьями о вашей дочке.

Марья Сергеевна. Марька поминала, что с утра отправляются осматривать местные красоты... уцелевшие красоты наши и раны.

Кареев. Они собирались зайти за мной... и тогда я буду иметь удовольствие представить его вам.

Марья Сергеевна. Судя по отцу, должен быть способный мальчик. Не женатый еще?

Кареев. Все некогда было... Учился, а после гибели жены сопровождал меня в скитаньях по белу свету на правах секретаря. Вы даже не подозреваете, в вашей благословенной глуши, какая это лямка — всякие конгрессы там, симпозиумы! Да тут еще война...

Марья Сергеевна. Значит, и повоевал немножко?

Кареев. Косвенным образом. Войну мы с ним провели в разведке рудных стратегических месторождений. В конце концов, войн много, а сын у меня один...

Марья Сергеевна *(как бы идя на примиренье)*. Видите, как хорошо все сложилось, ко всеобщему счастью... А кабы не уехали тогда, вот и сидели бы нынче на головешках с нами, без медалей, без путешествий заграничных, без ничего. И мобилизовали бы вас об эту пору на рытье картошки. *(С улыбчатой приглядкой.)* За делами да поездками и не вспомнился поди ни разу родной-то городок?

Кареев. Помилуйте, даже частенько. *(Поигрывая какой-то назойливо сверкающей безделушкой на цепочке от часов.)* И почему-то в особенности за границей, приезжая в незнакомую столицу или перед вступительным словом, я неизменно обращал свой мысленный взор в вашу сторону... как бы спрашивая: «Живы ли вы там и что поделываете, дорогая Марья Сергеевна?» Сравнительно недавно, как раз на парижской ассамблее, мне удалось вырваться между заседаниями на эти знаменитые Шанз-Элизе, в переводе — Елисейские поля. На самом деле никаких полей там и в помине нет, а, напротив, этакое расплесканное море летящих фар, витрин, рекламных огней с его обманчивым, несколько пьянящим, первое время, шумом житейского прибоя. *(Сопровождая иллюстрирующим жестом.)* И там, знаете, повсюду под деревьями расставлены железные такие стульчики, на которых, уплатив сущие пустяки, можно сидеть хоть целый день, наблюдая... ну, это самое. В тот раз я съел прекрасную грушу, весь обливаясь соком: мне это запомнилось из-за стоявшей тогда во Франции африканской жары...

Только пятнистый румянец да частая, в поисках словца, запинка выдают состоянье Кареева. Это смешная, запоздалая месть за когда-то отвергнутое чувство. Марья Сергеевна с тревожным интересом поднимает на гостя глаза, отчего маска сбегает с посетителя, и вот, припав на колено и спиною к рампе, пожилой, несколько оплывший человек прини-

кает губами к безжизненной руке градоначальницы. Теперь сожаленье о прошлом окрашивается благодарностью за давнюю обиду, которая, в сущности, всю четверть века и вела Кареева на вершины всемирного признанья.

Простите меня, Машенька. Как я любил вас... И вам одной обязан всеми успехами моими. Простите мне меня!

Марья Сергеевна *(вполголоса и машинально касаясь его головы)*. Встаньте, Николай Степанович... нельзя. *(Про зрительный зал.)* Смотрите, сколько глаз... встаньте! *(Беспомощно оглянувшись на окно.)* А вон и дети идут, смотрите: веселые и молодые...

Они расходятся. Отряхнув пыль с колен, Кареев долго изучает карту района на стене. С обеих сторон прилагаются усилья для наладки новых отношений.

Спросить о чем-то хотела, и вылетело... ах, вот! *(Испытующе, уже из-за стола.)* Значит, хорошо там, привольно, за границей-то? Поди свет на улицах всю ночь, и воды сколько хочешь...

Кареев также возвращается в свое кресло у стола. Свидание закончилось, продолжается прием знатного путешественника в провинциальном горсовете.

Кареев *(сплетая и расплетая пальцы)*. Теперь и у них повсюду битое стекло под ногами хрустит... но мне и до войны бросалась в глаза этакая гибельная дымка над мнимым праздником, что-то грешное в их безумном, опережающем поиске все новых средств для утоления еще не проявившихся потребностей... Отсюда естественный вопрос — в чем же конечная цель цивилизации с ее сомнительными обольщеньями, с преизбытком всяких блистательных и полубесполезных вещиц, на которые, признаться, мы так падки иногда... ну, в силу нашего вынужденного и, я бы сказал, несколько подзатянувшегося аскетизма. А не в том ли назначение их, чтоб заполнять щемящий душевный вакуум... заглушать вечную тишину, которая всегда являлась самым суровым зеркалом, судьей и собеседником мыслителя? Словом, у нас лучше, потому что ближе к первоистокам бытия, дорогая Марья Сергеевна...

Градоначальница улыбается, и хотя не все поняла, ей приятно, что, выбившись в большие люди, знаменитый академик не оторвался от земляков. Больше говорить не о чем, и крайне своевременно в кабинет вбегает запыхавшаяся Марька, как знакомому, кивает Карееву и присаживается на краешек письменного стола.

Марька. Ох, уморилась: полгорода обежали! На Лихуше, мамочка, по обрыву, такая прощальная красота — сердце разрывается. Вся земля листовой медью устлана... медь, бронза, латунь.

Кивнув на появившегося в дверях Юлия.

А они в шахты норовят зарыться, чудаки. *(Сорвавшись с тона.)* Гляжу, а на той стороне Тимоша с Березкиным, тоже что-то полковнику объясняет. Какое занятное совпаденье, верно?

Облачко огорченья набегает на Марькино лицо, и все молчат в ожиданье, пока рассеется.

Знакомься, мамочка, это Юлий Кареев. Такие вещи про Памир рассказывает: небо, орлы, ледники, пропасти без дна. Так и тянет — броситься на крыло и плыть. Хоть краешком глаза взглянуть бы!

Кареев жестом знакомит Марью Сергеевну с сыном.

Юлий *(речисто, издалека).* Столько наслышан о здешней хозяйке... даже, боюсь, надоел вашей дочери просьбами о возможности быть представленным вам.

Марья Сергеевна. Так вот он каков, наследник-то... И меня одно время все на Памир тянуло *(со вздохом),* да, видать, орлиного крыла не хватило... Тоже геолог?

Юлий. С вашего позволенья, юрист.

Все немножко смущены неожиданным открытием, в том числе и Марька, бегло взглянувшая на Юлия.

Кареев. Я бы сказал — юрист с геологическим уклоном.

Дружественный смешок маскирует маленькое разочарованье минуты.

Я имел в виду, что у нас, в горном деле, найдется место для любых специальностей.

Юлий. Вот именно... *(Со значением глядя на отца.)* И если девушка сразу по окончании школы так стремится к нам, в памирскую глушь...

Кареев. О, можно только приветствовать... если она согласится украсить нашу холостую, тусклую компанию. Весна не за горами... а горы действительно чудесны в эту пору. *(Через Марью Сергеевну, адресуясь к ее дочке.)* Недель через шесть мне придется навестить наши памирские владенья, и

мы могли бы залететь за вашей милой дочкой на обратном пути с моря...

Юлий. Но зачем же откладывать? Море и горы сделаны одним и тем же почерком, а Марька никогда не видала моря. Администрация Памира в твоем лице просто заинтересована в расширении образовательного кругозора своих возможных сотрудников... не правда ли, Марья Сергеевна?

Марья Сергеевна. Что же, я не стала бы возражать, Марька. Ты все рвалась посмотреть большой мир... так вот, сбывается твое желанье. За тобой слово.

Скорее испуганная, чем обрадованная внезапным исполнением мечтаний, Марька растерянным взором скользит по лицам старших — те с понукающим видом ждут ее решенья. Всем очевиден расширительный смысл предложенья, и в Марькином поведении явственно сквозит колебанье юного существа между искушением и совестью.

Марька. О, это заманчиво, спасибо, но... право, не знаю... ведь это такая даль! А во-вторых, что-то обещала на будущей неделе, только вот забыла — кому.

Пальцами охлаждая щеки, она движется по кабинету, косясь на окно с давешним оврагом за ним, на запавших ей в душу — Березкина и его слепого поводыря.

Если только ненадолго... Но ведь вы же уезжаете сегодня в полночь!

Кареев. У вас уйма времени до отъезда.

Юлий. В отношении упаковки и переноса тяжестей могу предложить свои незаурядные способности.

Тягостная пауза. Марькино лицо блекнет. Выбор начерно сделан, сознание долга победило.

Марья Сергеевна. Не торопись с отказом, Марька... *(Кареевым.)* У ней день рождения сегодня, приходите вечерком. Будет музыка, факир, пирог с грибами... Зови гостей, дочка!

Марька неуклюже кивает приезжим.

Юлий. В таком случае мы не прощаемся, отец? *(Марьке.)* До отъезда я рассчитываю досмотреть здешнюю старину с вашей помощью, сударыня.

С шутливой церемонностью оправившаяся Марька распахивает Юлию дверь. Они уходят.

Кареев *(хозяйке)*. Собирался до вечера матушку навестить. Кладбище-то, по крайней мере, уцелело у вас от десятого июля?

Марья Сергеевна. Там у нас стороной прошло. Кланяйтесь старушке от Машеньки Порошиной.

При уходе, навстречу Карееву, самозабвенно сияя, Раечка вносит поднос с тремя стаканами чаю и пекарными шедеврами послевоенного периода в вазочке цветного курчавого стекла.

Убирай свои трофеи, Раечка, и зови... кто там еще?.. и зеркальце куда-то закатилось со стола...

Она суетливо и напрасно шарит под бумагами, потом поднимает потухший взор вдогонку ушедшему Карееву.

Раечка. У вас еще бюро сегодня, Марья Сергеевна. *(Выглядывая в приемную.)* Следующий.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пустынная, с казенной мебелью щелкановская квартирка, скромность которой несколько скрашивается пестрым паласом в простенке да развеселой компанией старых Марькиных кукол на полке в углу. Левая дверь — в прихожую, правая, двустворчатая — в столовую, откуда, перемежаемый взвизгами настраиваемого радиоприемника, доносится галдеж молодых голосов. Шкаф с чемоданами наверху. В низком креслице у гаснущей печки дремлет Рахума, свесив голову набочок, а ближе к рампе, приспособясь у табурета, играют в шахматы Кареев и Непряхин. В другой половине, перед жардиньеркой с цветами, под сенью упершегося в потолок филодендрона — обширная тахта. Время позднее, праздничный вечер на исходе...

Присев на самый краешек, Марька рассеянно внимает Юлию и отчаянно, как на последнее прибежище, поглядывает на повешенный сбоку телефон старой системы: нужно крутить ручку, стучать по ящику и дуть в трубку, чтобы привести в действие дремлющие там силы.

Юлий. ...но когда мы приземлились на Памире, то ничего из прочитанного не оказалось налицо. Только громадный воздух и какая-то дикая звезда всходила над долиной. Над ней склонялись горы, как над колыбелью. И девушка кому-то кричала на бегу: «Низямбай, Низямбай...»

Веселый шум из соседней комнаты. Непряхин неодобрительно прислушивается. Марька поднимается к телефону.

Марька. Минуточку, Юлий... Кабинет Щелкановой, пожалуйста!.. Занято, такая жалость. *(Положив трубку.)* Простите... какая это девушка склонялась над колыбелью?

Юлий *(с досадой)*. Ах, вы не слушаете меня, Марька. Я к тому вспомнил все это, что... вот приезжаешь на новое место, и сначала ведут по нетопленному коридору. Потом при-

ходят теплые люди... и, наконец, однажды только час, один час последний остается до отъезда...

Марька с закрытыми глазами отрицательно качает головой на повторный, в его молчании, вопрос.

Кареев *(не отрываясь от доски)*. Кстати, ты следишь за временем, Юлий? Тут в пургу на неделю можно застрять.

Непряхин *(немножко под хмельком)*. Вот и погостили бы. Наперво двинули бы на сомов по старой памяти. Они об эту пору на жареного воробья ой хватко берут. Макарычева в Глинках навестили бы на масленой, в санцах да с колокольцами навзрыд... хорошо! Нет в тебе искры, Миколаша, задушевного приятеля уважить.

Кареев. Нельзя, братец, никак мне этого нельзя: со службы прогонят... Шах!

Игра продолжается. Новый взрыв смеха из столовой. Марька снова тянется к телефону.

Марька. Горсовет не освободился еще?.. Нет, это ее дочка говорит. Тогда соедините, пожалуйста.

Дашенька *(в переднике, появляясь на пороге)*. И распотешная же эта барынька... до икотки усмеялась с ею. Дурь-дурь, а с коготком — кого подцепит.

Непряхин. Гнала бы ты ее от греха, ласочка.

Дашенька. Попробуй свяжись с ею... Хватит, кончайте вашу молчанку. Осерчает хозяйка, что некормленых в дорогу отпустили.

Кареев. Ма́т!.. вот, в самый раз уложились, Дашенька. *(Непря́хину, поднимаясь.)* Да не проверяй, тут у меня, брат, по всем правилам науки... *(Юлию, мимоходом.)* Рассчитывай, нам еще в гостиницу за вещами заезжать.

Марька. Не обижайтесь, Николай Степанович, что так получилось: ни хозяйки, ни музыки, и пирог подгорел. У мамки бюро сегодня...

Дашенька. Ей до дому рукой подать. Только за музыку боюся... как он потащится по исковырянным-то улицам! Гулянка у них нонче в клубе водников, а танцы — дело затяжное... И чародея толканите, уж однова́ кормить.

Непряхин. Тревожить жалко, трель какую выводит... Назябся в номере-то.

Марька. Не будите, я его покормила давеча...

Подивясь на тоненький, в две ноты исходящий из факира звук, все на носках, бесшумно отправляются в столовую — кроме Юлия поодаль.

Останься на минутку, Дашенька. *(Юлию.)* Вы что-то мне сказать хотите?

Юлий. Пятьдесят три минуты осталось до отъезда.

Марька. Лучше помогите ребятам радио наладить, пока я с мамой переговорю.

Юлий. Пятьдесят две. Повинуюсь.

Он ушел, и вскоре радиосвист сменяется приятной, издалека и с затуханьями, мелодией. Дашенька с умиленьем наблюдает полудетское Марькино смятенье.

Дашенька. Спросить не смеешь, а мне твою думку как скрозь воду видать. Не жалей Тимошку-то: он герой, такие втрое вынесут. Опять же при занятиях нонче, сыт: то жиров, то крупки подкинут водники-то. Сама отводила его давеча... Стульчик ему поставлен железный, у всех на виду, публика чи-истая. Сам начальник милиции тут же: одной рукой ситро пьет, другой папироску курит. *(Доверительно.)* Березкин-то все утро с собою нашего-то сманывал. Уходи, говорит, пока звезды твои в тебе не погасли. Тень твоя буду, ворота жизни распахну. Ты половинка, я другая, и составится из нас цельный, непобедимый человек. В такую, убеждает, высоту вознесемся — и не разберешь сверху-то, где она там затерялась, горемычная твоя, солдатская любовь. А у полковника полная чаша в осиротелом-то дому...

Марька *(не смея поднять голову)*. И согласился он?

Спасительный телефонный звонок.

Это мамка, наконец-то... *(В телефон).* О, спасибо, Раечка. Спросите мою уважаемую мать, помечена ли я у ней хоть в самом кончике повестки?.. Здравствуй, мамка. Ну, приезжай же, все разваливается без тебя. Нет, факир тут, отогревается, но Березкин обманул, отца на совещанье вызвали... только, помнишь, те белые туфельки прислал. И почему-то их та, крашеная, принесла. Вместе с гостями и сидит. Откуда же мне ваши родительские секреты знать!.. В том-то и дело, что Кареевы уезжать собрались. *(Шепотом.)* Ах, мамка, я сама ничего не знаю и умоляю только — заезжай за Тимошей... и скорей, скорей!

Она бессильно возвращается на тахту. Дашенька искусительно склоняется к ее уху, пуще бередя Марькину совесть.

Дашенька. Чего, чего ты себе, сиротка, сердечко рвешь! У тебя цветы да цветочки на уме... ты с ним семь раз старухой станешь, пока он в силу взойдет, Тимошка-то. А слепые-то втрое видят: каково ему будет на морщины твои глядеть! Да и сам: разве примет он такое от любимого-то человека. Ты первая его пожалей, ослобони от терзанья. От себя его ослобони... да и бога не гневи заодно! Какую тебе добычу посылает: сама в золотой карете подкатила. А кроткою походочкой сойди к нему с крылечка, к прынцу-то, да враз кольцо и накинь. Мало одного — два, три накинь, да и не выпускай черта из удавки-то. Он во дворец царский — и ты на шейке ему обвилася, в небо взовьется — и ты на нем. Господи, да меня коснись...

Напуганная жестоким и жарким натиском, Марька сторонится от постаревшей, осунувшейся Дашеньки.

Марька. Чего ж зеваешь?.. вот и накидывай.

Дашенька. Накинула б, милая, да поздно: не смотрят... Ладно, утри глазки, поди гости по нас с тобой соскучились...

В самом деле — шум отодвигаемых стульев и приближающиеся голоса гостей, которых опережает Юлий.

Юлий. Ввиду того что хозяйка задерживается, а время позднее и всего сорок минут нам осталось... может, начнем закругляться понемножку?

Марька. Тогда уж, чтоб ничего не пропадало, я сейчас факира разбужу!

Пока гости, с Табун-Турковской во главе, вступают на сцену, Марька стучит пальчиком в плечо Рахумы.

Доброе утро, Рахума... и ваша очередь теперь! Как всегда, после пирогов всем захотелось чего-нибудь таинственного... вы готовы? *(Юлию.)* Объявляйте номер пока!

Юлий *(тоном конферансье)*. Уважаемые современницы и современники! Среди нас присутствует проездом старейший факир земного шара, личный советник многих магараджей и набобов, популярный Рахума. Он согласился показать для избранного круга что-нибудь такое из черной магии. Прошу оказать ему знаки внимания и, прежде всего... тишина!

Под всеобщие аплодисменты окончательно вошедший в роль Рахума делает профессиональный выходной поклон.

Р а х у м а. Чтобы сказать старый, так Рахума находится в среднем возрасте для факира. Нет сомнения, триста двадцать семь — это уже не мальчик, но тем не менее это далеко не конец!

Он замирает при виде Табун-Турковской, и гости с невыразимым наслаждением наблюдают, как эта пара, едва ли не выпустив коготки, несколько мгновений глаза в глаза созерцает друг друга, причем только взаимного фырканья недостает для полноты сравненья.

Р а х у м а. Слушайте, что вам от меня надо?.. я вас обсчитал или что-нибудь допустил с вами нехорошо?

Т у р к о в с к а я. Это пирамидально!.. сам же мне нигде проходу не дает да еще соблазнить угрожает. *(Карееву.)* К сожалению, я не в курсе, профессор, за что вам платят премии и тантьемы, если вы терпите подобные вещи с точки зрения своей науки. *(На всеобщую потеху.)* Я сама повидала немало факиров, и еще каких!.. но ведь это же плут и... как выражалась у нас одна приходящая женщина в детстве... *(с французским произношением)* просто брехун. *(Смеясь.)* Давеча утверждал в горсовете, будто Петр Великий после выступленья шубу ему с плеча подарил...

Р а х у м а. И знаете, какую шубу? Это же был крупный мужчина. Когда семейство переезжало в Киев, так я помещался в одном рукаве, внуки в другом...

Н е п р я х и н. И много у тебя внуков, факир?

Как от удара по глазам, Рахума пятится, сутулится, молчит. Пауза — и все немножко озабочены трагическим преображением Рахумы... потом артист откидывает назад воображаемую гриву.

Р а х у м а. Итак, я готов для вас... это профессия Рахумы, чтобы все имели неограниченное удовольствие. *(Любезно, Марьке.)* Наверно, в такой вечер мадмазель желает немножко счастья, угадал?

М а р ь к а *(для Юлия)*. Мадмазель верит только в счастье, добытое ее собственными руками, хотя... можете вы мне хоть один цветик раздобыть?

Р а х у м а *(философично)*. Теоретически да, но практически... вы видите этот снег во дворе? *(Подумав.)* А в каком именно роде вы хотели бы это иметь?

М а р ь к а. Ах, да в любом, Рахума!

Кареев. Через месяц-другой у нас, на памирских лугах, их можно собирать охапками...

Общая переглядка, теперь и гостям понятен намек старшего Кареева.

Рахума. Как сказал Лев Толстой: вы роза среди бала. Розе положена роза. Кончено, мадмазель... считайте, что вы имеете розу.

Турковская *(в новом разоблачительном порыве)*. Так подавайте, где ж она? Бедняжка, у него одни мыши в запасе. А ну, быстро, покажите нам ваши рукава... пусть он всем покажет рукава!

Рахума *(раздраженно.)* Слушайте все, я же не могу работать на таком фоне. Скажите ей, что через это можно сломаться на всю жизнь...

Кареев *(тоном укоризны)*. В самом деле, рискованно подобные вещи факиру высказывать, да еще под горячую руку...

Юлий. В разгоряченном состоянии он просто в мошку может обратить.

Непряхин. Во-во, это ему самое плевое дело. А там летай по милициям, доказывай...

Дашенька. Пойдем, голубушка, от греха, журнальчик почитаем... плодо-ягодным напитком тебя угощу.

Турковская *(озираясь на ходу)*. Не вижу ничего смешного... Интеллигентные люди, судя по всему, и не могут отличить чудо от самого возмутительного, низкопробного шарлатанства...

Разгневанную, со сбившейся прической даму уводят вполне своевременно,— как раз появившаяся из смежной двери Марья Сергеевна застает лишь аплодисменты пополам с заразительным смехом гостей. С белыми туфельками в руках дочь бросается навстречу матери, которая ставит на пол Тимошины вещи, и затем происходит их молчаливый, из глаз в глаза, диалог, в заключенье которого Марька разочарованно отставляет в сторону приношение отца.

Марька. Здравствуй!.. Уж снег повалил? *(Снимая пальцами.)* И капельки на бровях... Ну вот, еще на год постарела твоя дочка...

Марья Сергеевна. Не огорчайся... Даже не подозреваешь, как хорошо на свете, Марька... несмотря ни на что. Даже этот непригожий снежок. *(Вполголоса.)* Тимошу привезла, куда-то за подарком тебе забежал... встреть. *(Гостям.)*

Никак, я к самому веселью подоспела. С кем еще я тут не видалась-то?

Приветливо кивая по сторонам, она направляется к факиру, который под наблюдением Кареева готовит к сеансу свою адскую снасть: достает из дареного чемодана мрачное покрывало с символами Зодиака, на восковой свечке стерилизует старинный артиллерийский тесак.

Извините, скучать вас заставила, Николай Степанович. Повестка накопилась ужасно длинная... буквально с разбитого корыта каждую мелочь приходится начинать. Такое в зале поднялось, как о вашем приезде сообщила. Обнадежились земляки-то, ведь вы у нас главный комендант при подземных кладовых!

Кареев. Об отъезде надо было, Марья Сергеевна... В следующий раз теперь, уж на отлете мы. Хозяйку поблагодарить осталось.

Марья Сергеевна. Я вам свою пролетку заказала, поспеете. Поди уж давно факиров-то не видали?.. Как, налаживается у вас понемножку, Марк Семенович?

Рахума. Делайте свое дело, я никого не задержу.

Марья Сергеевна. Это на исход души, что ли, свечка-то зажжена церковная?

Кареев. Полагаю, для профилактики, чтоб зараженья крови не получилось.

Пока они пошучивают перед расставаньем, появляется и Тимоша. Марька спешит к нему навстречу и вот пугается протянутых к ней Тимошиных рук. Так они стоят на глазах у обступивших сверстников по войне или школе.

Тимоша *(опуская руки)*. Простите мне опозданье, Марька. У водников вечеринка по случаю соревнованья. Ставят суда на зимний ремонт... *(Начиная раздеваться.)* Весь мокрый... снежная мгла и капель на улице.

Марька. Мы теперь вешалку туда перенесли, Тимоша.

Следует нетерпеливый, даже властный кивок Юлию, и тот с воодушевлением новой надежды приближается к Тимоше.

Юлий. Позвольте, я отнесу на место ваше пальто.

Он ловко принимает на руки Тимошину шинель, в порыве усердия стряхивает талую изморось с его оброненной шапки. Пожалуй, не столько его торопливое послушание бросается в глаза, как невозмутимое величие, с каким Тимоша принимает услугу от соперника.

Марька. Весь вечер... как мне вас не хватало, Тимоша. Но что же вы стоите, как чужой. Пойдемте, тут у меня все наши прежние, мальчики и подружки, собрались.

Тимоша. Давно не бывал у вас, Марька!.. и вот уж не могу уловить происшедших перемен.

Марька. Вам с непривычки кажется, Тимоша. С тех пор как вы меня по алгебре готовили... ну, ни чуточки не сдвинуто с тех пор, кроме вешалки.

Тимоша. Нет, это вы, Марька, по своей доброте преувеличиваете мои несчастья. Самое главное я вижу острей, чем прежде. На вас голубое платье, например... верно?

Марька подает знак окружающим молчать о его ошибке: платье на ней розовое.

Вижу черную ленточку на горле. И с левой стороны локон на бровку упал.

Все аплодируют прозорливости слепого. Марька суеверно касается черной бархотки на шее, отводит назад прядку волос со лба.

Дашенька. Ладно, приступай к работе, гармонист..., ребятам покружиться охота. А то скоро и свет выключат...

Тимоша. Погоди, тетя Даша. Долго думал, что вам подарить, но... к сожаленью, мало чего осталось достойного вас в нашем бедном городе. Только вот...

Шумит бумага, и затем из громадного свертка в Тимошиной руке показывается слепительная на длинном черенке алая роза. Шелест восторженных восклицаний кругом: «Смотри, живая!» — «И даже роса на ней...»—«Мальчики, ведь зима же, почти зима на дворе». —«Он, верно, душу черту заложил!» Старшие тоже подходят взглянуть на подношение слепого. Марька медлит, пятится, молчит.

Непряхин. Бери, не стесняйся, дочка... Нет ничего на свете щедрей солдата.

Дашенька. Забирай, девушка, должность ихняя такая, кавалерская. *(Марье Сергеевне.)* Мой-то, бывалошнее дело, всё лимоны подносил. Положит на стол и вздыхает, аромат на все общежитие. Знал, окаянный, чем сердце женщины покорить.

Тимоша *(тихо и внятно, про розу)*. Не бойтесь ее, она скоро завянет... возьмите, Марька!

С погасшим лицом Марька принимает смутительный дар. Спеша на выручку дочери, Марья Сергеевна вскоре отберет его — подивиться, понюхать это не по сезону чудесное явление природы.

Вот я и готов к исполнению обязанностей. *(В полушутку.)* Теперь ведите, где он тут... мой железный стульчик?

Марья Сергеевна. Видать, придется нам, милый Тимоша, до следующего раза танцы отложить. Да и молодежь вон по домам собралась...

Дашенька. На последний автобус торопятся. Жалость такая: вроде и разрезание посмотреть не терпится, да и грязищу-то неохота мерить эку даль!

Часть молодежи схлынула в прихожую одеваться.

Кареев. Пожалуй, и нам пора в дорогу... еще в гостиницу надо заехать, Марья Сергеевна.

Юлий. Тридцать две минуты нам осталось... пардон, тридцать одна!

В сущности, это его последнее напоминанье Марьке, и снова та, в дверях прихожей, отрицательно качает головой, не отрываясь от Тимошина цветка.

Марья Сергеевна. Тогда, не теряя времени, прямо к факирству перейдем. Куда же вы, куда, молодые люди... вернитесь на минуточку. Уж больно хвалил генерал-то Хрептов: за всю войну, говорит, страху такого не натерпелся... Это у вас длинный номер, Марк Семенович?

Рахума. Если вы имеете в виду в обе стороны туда и сюда, тогда считайте... это не булка, разрезать пополам. Потом надо поправить... вы же будете недовольны, если срастется ненормально!

Одетые в дорогу гости располагаются амфитеатром, в фокусе которого водружается надежный табурет.

Сейчас будет показан психологический опыт разрезания живой гражданки, также обратный процесс. Хотя у меня происходит без всякого наркоза, однако никаких болезненных переживаний. *(Между делом, обернувшись к Марьке.)* Только хочу спросить, вам ничего этот колер у розы?

Вооруженный тесаком, с полотенцем на руке, он напрасно ждет добровольцев. Как ей положено, публика хихикает и ежится под сверлящим взором факира.

Многие боятся испортить верхние вещи, но у Рахумы без повреждения одежды. Я жду... Граждане, у факиров тоже имеются нервы!

Непряхин. Да приступай же ты, колдун злосчастный. *(И посмотрел на лампочку в потолке.)* И свет и транспорт скоро покончатся.

Рахума. Тогда я сделаю вам короче... номенклатурный акт по исчезанию как не-, также одушевленных предметов. Желающие, прошу занять место действия...

Беспричинно оборвавшись на полуфразе, даже как бы изготовясь к прыжку, Рахума следит за непонятным пока движением посреди зрителей,— оттуда выплывает Табун-Турковская. С тем же шипеньем при виде факира, повторяя прежнюю пантомиму, она, не без опаски на этот раз, устремляется к застывшей от досады Марье Сергеевне.

Турковская. Всего минуточку, и сразу исчезаю... Представьте, дорогая: приношу сюда те белые туфельки, кстати, оказавшиеся у нас по абсолютному недоразумению... и, так уж мне везет, третий раз на дню застаю эту подозрительную личность, которая... *(вдохновенной скороговоркой и пересыпая речь хохотком)* мало того, что своими махинациями подрывает основы здоровой мистики, в чем после всего пережитого так нуждается простой народ, но еще, вообразите... *(издевательски потешаясь)* грозится чуть ли не в мошку летучую меня обратить!

Непряхин *(с пригласительным жестом на табурет)*. А вот не угодно ли, голубушка, попробовать?

Турковская. Это вы мне?.. о, с восторгом! Жизни не пожалею — уличить этого самого закоснелого жулика всех времен и народов...

Она демонстративно усаживается на свой эшафот, и вдруг такая зловещая решимость проступает в лице Рахумы, что теперь все с замираньем сердца следят за разворотом событий.

Абсолютно не поддаюсь гипнозу... но заранее должна предупредить, не выношу никакой щекотки!

Рахума *(похоронным голосом)*. Возьмите свечу, мадам, крепко... И второе — один глубокий вздох теперь, благодарю вас. Двое других смельчаков попрошу держать занавес... выше, так.

Добровольные помощники загораживают шумную гостью от зрителей. Кто-то шиканьем требует полной тишины. Несколько магических пассов, и сатанинский хохот Табун-Турковской неожиданно переходит в пропадающий писк. Занавес падает, всеобщее изумление, мадам исчезла.

Дашенька. Уж теперь-то засудят тебя, волшебник. Спросят — куды, греховодник, чертову старушку дел?

И тотчас же кое-кто из гостей, в шутку или всерьез, начинает отмахиваться от чего-то надоедного перед самым лицом. Голоса: «Вот, вот она, бойкая какая». —«В самые глаза норовит... Никак, тоже к автобусу торопится!» Все пускаются в прихожую, вслед за Дашенькой, в том числе Непряхин и озирающийся Рахума, кажется более всех озабоченный исчезновением своей жертвы.

Кареев *(аплодируя)*. Очень, очень мило, смешно и мило... Однако же примите от путешественников признательность за гостеприимство... и жаль, что у вас обеих такая, видимо, врожденная неприязнь к Памиру. *(Взглянув на часы.)* Вы готовы к отбытию, незаурядный сын мой?

Тот давно уже держит наготове отцовское пальто. Судя по тишине в прихожей, гости без прощанья побежали на последний автобус. Краем своего теплого платка прикрыв плечо прильнувшей сбоку дочки, Марья Сергеевна улыбкой прощается с молодостью... Свет предупредительно гаснет три раза.

И вот уж ночь стучится в жизнь.

Марья Сергеевна. Нет, еще целых пять минут нам осталось.

Кареев. Что же, величайшие события истории укладывались в пять минут. *(Со значением, для Марьки.)* При желании это целая груда времени...

Марья Сергеевна. ...иногда, пожалуй, даже нестерпимая, если делить ее на дольки.

Юлий. Вот до самого отъезда я и буду вам напоминать звонком о каждой дольке... можно?

Церемонный поклон, и Кареевы уходят, провожаемые до порога. Пауза, и чуть позже, спохватившись при виде раскиданного факирского инвентаря, мать и дочь с запоздалым сожаленьем взирают друг на дружку.

Марья Сергеевна. Что же мы наделали-то, Марька?.. Можно было и Рахуму в пролетку к ним приладить. Марк Семенович, где вы там?

Они спешат на его голос в столовую, и тогда шевеленье в углу, за жардиньеркой, напоминает нам о Тимоше; забытый, он ждет там своего часа, откинувшись затылком к стене. Что-то, не только холод из распахнутой двери в прихожей, заставляет его выйти на опустелую сцену, где уже стоит Березкин с его шинелью на руке.

Тимоша *(шепотом)*. Время, полковник?

Березкин. Одевайся, солдат... отдохнули на привале, и в дорогу. Ни зги кругом... ни плачущих, ни провожатых: хорошо. *(Про рукав.)* Теперь другой...

Правильно разгадав шарящее Тимошино движенье, он из-за спины, по праву тени, останавливает поиск слепого.

Кроме горсти пепла — ничего с собою. В дорогу к звездам надо отправляться налегке.

Тимоша. Проститься...

Березкин *(сзади и в самую душу)*. Не мешай ей, солдат. Сейчас ее увезут в золотой карете... и до первых, скорых слез она не вспомнит о тебе ни разу. Не расплещи своего горя, солдат, оно поведет тебя в зенит... и до самой ночки своей она будет глядеть тебе вслед заплаканными глазами.

Станция прекращает подачу света — недолговременная тьма. На сцене уже нет никого, когда Марья Сергеевна внесет зажженную керосиновую лампу. За нею — Марька с пакетом и Рахума с шапкой и фантастической дохой на руках.

Рахума. А что должен делать артист, когда номер кончен? Он уходит за кулисы. У каждого человека начинается момент, когда можно не торопиться.

Марья Сергеевна *(вручая ему пакет из Марькиных рук)*. Марька еще давеча кое-что вам с собою собрала... и передать стесняется, глупая. Здесь кулебяка, мармеладцу немножко и знаменитые яблочки наши. Только кислые они у нас...

Первый телефонный звонок, который повторяется затем приблизительно через равный интервал. Похоже, что мать и дочка не слышат их вначале.

А ведь я давно знаю вас, Марк Семенович. Лет почти тридцать тому я сидела здесь, на вашем представленье... с одним человеком, которого, в сущности, уж нет. Вам еще прислуживала миловидная такая, с родинкой, девочка лет двенадцати...

Рахума *(складывая вещи в чемодан)*. Так это же моя дочка, вторая. Уже выросла, удачно вышла замуж. Гардины, обивка мебели: драпировщик. Вы слышали — Столыпин? Так его племяннице он делал тахту на заказ: двойной мягкий турецкий борт. А там, знаете, пошли внуки: болеть, учиться... то переехали в Киев. И тоже неплохо устроились. Не совсем в центре, но что мне нравилось, так это балкончик прямо в сад. Старшая, уж решили, будет певица. *(Запирая чемодан.)* Если

раскрыть биографию Рахумы, может получиться богатый материал!

Марья Сергеевна. Всё там же, в Киеве, и живут?

Рахума. О, далеко нет, мадам. Вам не попадалась такая местность в газетах — Бабий Яр? Там они лежат, многие, мои в том числе. Тут кончается биография, мадам, и начинается история.

Пауза черного воспоминанья. Потом факир собирается в дорогу, Марька помогает ему одеться.

У вас красавица дочка, мадам. Пусть она будет счастливая!

На прощанье он эффектно снимает живого мышонка с Марькина плеча, старомодно кланяется и уходит в гостомыслову глушь послевоенной ночи.

Марья Сергеевна. На крыльце там не оскользнитесь... я вам через окно посвечу.

Переставленная на подоконник лампа освещает дерево, уже в зимнем убранстве, и медленно падающий, благостный снег зазимка.

Не знаю, как он впотьмах потащится по нашим ямам. Ладно, туши свет, запирай двери... завтра трудный день у меня.

Марька. Посидим еще немножко... люблю глядеть на первый снежок, хорошо. *(Вдруг.)* Интересно, а на Памире большие бывают снега?.. Ведь это правильно, мамка, что я от поездки отказалась, правда?

Мать и дочь пережидают, пока кончится повторная серия настойчивых звонков.

Скажи мне хоть что-нибудь, мамка!

Марья Сергеевна. Ты сама должна решать, Марька. И я вовсе не отговариваю тебя, но... прикинь заранее, хватит ли твоих силенок на эту ношу.

Марька. Но ты же несешь свою, вот и я буду... Хотя все равно разлучаться нам с тобой. Правда, обсерватория Тимоше не нужна теперь, зато потребуются, наверно, трудные, главные книги. *(Убежденно.)* И, знаешь, мы с ним будем двое самых трудолюбивых на свете. Уж во всем городе погаснут окна, а еще будет светиться наш чердак. И мы всего добьемся, потому что он сильный и ничего теперь не боится... ни тьмы, ни войны, ни смерти.

Опять звонки, заключительные.

Именно потому и глупо ему сердиться, если б я совсем ненадолечко вырвалась на мир посмотреть. Месяца мне за глаза хватит, даже меньше. Только разочек пройдусь по Памиру и — назад. Даже вещей брать не стану, а просто так, как есть... правда?

Марья Сергеевна. Ну, нельзя совсем без вещей, Марька. Как же ты обойдешься первое время? Кстати, мой большой чемодан свободен. Примерь хоть начерно.

Они достают со шкафа чемодан: сообщницы!

Марька. Конечно, сюда все поместится, даже теплые вещи. Любопытно, суровая ли там зима?.. А ты думаешь, мне еще не поздно?

Марья Сергеевна. Ах, в твои годы, Марька, ничего не поздно!

Мать легонько толкает Марьку в плечо, и теперь видно — все давно примерилось в их воображении: где и что лежит. Как бы вихрь проходит по комнате: отовсюду, из сундука и ящиков вещи как попало летят в раскрытый на полу чемодан, цветными пламенами вспыхивая на лету.

Марья Сергеевна. Мой новый костюм бери. Убавишь в плечах, будет как раз впору...

Марька *(с колен)*. ... а сама, сама?

Марья Сергеевна. С деньгами соберусь, другой сошью. Скорее, там погладишь. *(Высвобождаясь из ее объятий.)* Ладно, ладно, у тебя же считанное время... сейчас позвонят в последний раз. На ключ запри и одевайся... ветрено, потеплей!

Укладка наконец завершена. Мать сама закутывает в шарф Марькину шею. Все готово. Обе долго и выжидательно смотрят на телефон, который молчит теперь.

Марька. Уехали...

Марья Сергеевна. Не может быть, им же по дороге.

Марька *(с пылающими щеками)*. Значит, мимо проехали.

Медленное ночное время. В лихорадке нетерпенья как-то шелестяще неразборчиво звучит Марькина скороговорка.

Теперь уже, наверно, к вокзалу подъезжают... *(Со слабеющей надеждой.)* На всякий случай, если Палисаныч котенка принесет, обещал сибирского... скажи, что пока не надо. И Кате ничего не говори. Я же совсем ненадолго, ты даже пыли

у меня на столе не вытирай. Вернусь — сама... *(После паузы.)* Нет. Уехали.

Напрасно они ждут звонка, и наконец — желанный шум в потемках прихожей, шевелится от низового ветерка брошенная на полу газета,— запыхавшийся Юлий предстает на пороге.

Юлий *(беспощадно)*. Карета у подъезда и... ровно одна минута, Марька!

Он с ходу хватает приготовленный Марькин чемодан и с беглым жестом приветствия исчезает.

Марька. Прощай, мамка... ну, прощай же! Я тебе с дороги напишу. *(Плача и ликуя.)* Только ты скажи Тимоше, ради бога, что я ни в чем, ни в чем не виновата...

Марья Сергеевна. Да, да... опоздаешь, ступай!

Марька исчезает, чтобы через мгновенье еще раз показаться с заключительной полуфразой: «И ты объясни ему...»— после чего вступает в свои права ночь. Марья Сергеевна берет чей-то нетронутый бокал с этажерки.

Так и не поздравила я тебя, милая ты моя. За твои горы высокие, Марька!

1946, 1964

ПРИМЕЧАНИЯ

Перу Леонида Леонова принадлежит двенадцать пьес — количество, достаточное, чтобы полнокровно заполнить творческую жизнь, отданную только театру,— и среди них «Нашествие» и «Золотая карета». Его драматургия глубоко и всесторонне проанализирована в работах таких авторитетных театроведов, режиссеров, критиков, как П. Марков, Н. Акимов, Е. Сурков. Поэтому есть прямой смысл привести ряд принципиально важных характеристик, выявляющих специфику театра Леонова.

«Леонид Леонов пришел к драматургии от беллетристики,— отмечал П. А. Марков в предисловии к его ранним пьесам, изданным в 1935 году. — Драматургия стала частью его общелитературной деятельности. В пьесах его творческие особенности приобретают более резкие и выпуклые черты, а некоторые элементы его дарования проступают в них более четко, чем в рассказах. В его театре, как под увеличительным стеклом, делается более явственной описываемая им жизнь. Ощущение Леоновым театра лишено спокойствия и тишины. Воспринимая театр мажорно, он воздвигает сценические глыбы; какой бы темы он ни касался, он, по существу, строит монументальный театр и исключительные образы. Он хочет театральной необычности и силы, хотя при этом выбирает сюжеты отнюдь не исключительные, а вполне обыденные. Он добивается яркости сценических характеристик, хотя рассказывает о людях простых и внешне серых. Театр усиливает страсти его героев, он внутренне их обнажает и демонстрирует зрителю с какой-то жестокостью, неколебимостью и неумолимостью. Театр Леонова — жестокий театр. В театре Леонов становится суше и властнее, здесь он менее всего сентиментален. Он ни на секунду не рассчитывает на испытанные театральные эффекты, он не верит в них и презрительно их отвергает. Он не ловит зрителя на удочку дешевых приемов и не доби-

вается его слез и восторгов трогательными положениями или сценами уютной жизни. В его драматургии нет ни выигрышных положений, ни трогательных монологов, ни сентиментальных сцен — монологи суровы, положения просты, образы угловаты и негармоничны. Отказавшись от привычных театральных соблазнов, Леонов проявляет строгость в выборе сценических приемов» (П. А. Марков. О театре. В 4-х томах, т. 4. М., «Искусство», 1977, с. 91—92).

Даже пьесы, представляющие собой драматургические варианты прозаических сочинений Л. Леонова («Барсуки», «Провинциальная история», «Унтиловск», «Скутаревский»), не были просто инсценировками или сценическими композициями. Они явились в полном смысле новыми произведениями, ради которых менялись целые сюжетные линии и дописывались ключевые сцены (пример — заседание деревенских большевиков, лишь упомянутое в романе «Барсуки», или новый финал в пьесе «Скутаревский»). В целом же от «Унтиловска» и до «Обыкновенного человека» и «Нашествия», прошедших сотни раз на десятках сцен, складывается совершенно самобытная драматургия Леонова, «особенный театр Леонова», по словам П. Маркова. Мастер художественной прозы, Л. Леонов остро чувствует специфику драматургии, ее особый сценический климат, иную шкалу температур и частоту грозовых разрядов.

«Леонов входил в драматургию колеблясь, проходя первоначальный период театральной учебы, впервые на практике знакомясь с законами сцены,— писал П. Марков. — Они были отличны от хорошо изученных им законов беллетристики. Обучение стоило не дешево. Результат был неизвестен — подчинится ли Леонов установленным законам драматургии или же, напротив, овладеет ими, для того чтобы строить пьесы по-своему, подчиняясь внутренним требованиям своего театра, не похожего на существующие. Случилось второе. Леонов сохранил в пьесах присущее ему своеобразие, но именно оно казалось многим несценичностью и отпугивало от постановки его пьес на сцене» (П. А. Марков. О театре, т. 4, с. 93).

«Драматургия,— сказал сам писатель на встрече с творческим коллективом Малого театра в 1946 году,— как всем известно, есть самый тяжелый в смысле емкости труда, самый высокий и доходчивый литературный жанр. В этом жанре вполне отсутствует всякая беллетристическая орнаментика; с самого начала автор обязан вскрыть, так сказать, двигательный нерв события,— и, таким образом, зритель с самого начала становится нелицеприятным судьей наших персонажей, на чьих примерах мы хотим показать борьбу, происходящую в человеческом обществе» (статья «Театр нашего времени», см. т. 10 наст. Собр. соч.).

Провидческий потенциал, заложенный в драматургии Л. Леонова, лишь постепенно, с перевалов новых десятилетий выявляет себя. Быть может, перед нами единственный в русской литературе пример интеллектуального театра, где полемически переосмыслены достижения прошлого — словесная наполненность А. Островского, чеховский подтекст, романтическая патетика М. Горького. «Обладая законченной и крепкой драматургической композицией,— анализировал пьесы писателя П. А. Марков,— они носят явную печать своеобразия леоновского дарования. Он идет не проторенным путем. Основываясь на глубоких реалистических наблюдениях, он обобщает их до символов. Если уж пытаться искать определений, которые могли бы наиболее точно охватить сложную леоновскую драматургию, то уместно будет назвать ее символическим реализмом. Леонов не довольствуется жизненной верностью или психологическим правдоподобием. Он упорно хочет в глубине явлений современности вскрыть их философскую основу. Он ищет философских обобщений, он борется за театр мысли, он заинтересован глубиной идейного содержания. Драматургия, как и литература вообще, рассматривается им как способ ответить на мучающие его вопросы» (П. А. Марков. О театре, т. 4, с. 93—94).

«Вечное» и «временно́е» находит у Л. Леонова гармоническое воплощение и слиянность, обретая глубоко национальную окраску. Это чувство родины, иногда подспудно, сложной символикой, в других случаях непосредственно, в образе прочных на любое давление кристаллов проходит через весь монументальный театр Л. Леонова. Чуждый мелкому и уродливому национализму, предельно конкретный в изображении Отечества — то как обугленного войной маленького городка с его нетленными святынями («Золотая карета»), то как цветущего сада с новым сортом яблок, названным Маккавеевым «Родина» («Половчанские сады»), то как доброго защитника русского леса, укрывающего своей сенью партизанку Поленьку («Русский лес»),— писатель возвышается до общечеловеческих, философских категорий.

О мирах Л. Леонова-драматурга очень точно сказал один из лучших исследователей его театра критик Е. Сурков:

«Леонов — суровый автор. Он не торопится облегчить зрителям путь к своим замыслам, ставит перед ними всегда очень сложные и многоступенчатые задачи, рассчитывая на их особую ответную сосредоточенность и собранность. И действительно, слушая леоновские пьесы, нельзя пропустить буквально ни одного слова. В них все имеет свой «отыгрыш» где-то в дальнейшем, все спрессовано в художественные концентраты величайшей плотности и органической целостности. Каждая пьеса Леонова — это особый художественный мир, постичь ко-

торый можно только изнутри, проникнув в самую суть его атомной структуры.

Пьесы Леонова движутся молекулярным сцеплением образов. Они развертываются перед нами как сложные, внутренне динамичные системы, дающие все новые и новые повороты теме, постепенно поднимающейся от бытовых обозначений к многозначности поэтических символов огромной внутренней емкости. Леоновские художественные концепции почти всегда имеют несколько планов. Их первоначальный эмпирический смысл — только отправной пункт для развития зрительской фантазии. За первоначальными значениями раскрываются другие, всё более и более обобщенные. Ни одна из леоновских пьес не может быть сведена только к своей бытовой фабуле... Ибо при всем том, что Леонов необыкновенно щедр на яркие, неповторимо колоритные подробности, зрителю и театру всегда надо помнить о тех подспудных течениях, какие бурлят и сталкиваются под терпкой многоцветностью созданных им жизненных картин». И далее:

«Леонов населяет свои пьесы людьми сложной, запутанной судьбы, ставит своих героев перед решением моральных проблем огромной трудности, потому что хочет застигнуть их в час величайшего нравственного потрясения, когда до конца и с наибольшей драматической энергией обнажается их истинный человеческий потенциал. Леоновские пьесы почти не знают покойного, лирически-созерцательного развития. Они движутся толчками, через бурные катастрофы, под гигантским напряжением. В них всегда кипят страсти, а идейные поединки, в которые яростно вступают персонажи, развертываются в ходе действия как опасные и трудные битвы, лишь к концу раскрывающиеся перед нами в своем действительном жизненном и философском значении» (статья «Театр Леонида Леонова» в сб.: Е. Сурков. На драматургические темы. М., «Советский писатель», 1962, с. 52, 53).

УНТИЛОВСК

Впервые пьеса напечатана в журнале «Новый мир» (1928, № 3). Первое действие публиковалось в журнале «Красная новь» (1926, № 8). Пьеса была включена в первое Собрание сочинений Леонова в пяти томах (т. 4, ЗИФ, 1930) и в книгу Л. Леонова «Пьесы» (М., ГИХЛ, 1935), а затем входила в т. 7 Собраний сочинений писателя (Гослитиздат, 1961; «Художественная литература», 1971). Премьера спектакля состоялась во МХАТе 17 февраля 1928 года.

«Унтиловск» был первой пьесой Л. Леонова, созданной на основе одноименной повести (над которой писатель работал с ноября 1924 до марта 1925 годов). Повесть, по воле автора, осталась неопубликованной. В октябре 1925 года в ответ на просьбу К. С. Станиславского написать пьесу Л. Леонов предложил тему повести «Унтиловск», принятую МХАТом. Первая ее редакция была создана в ноябре — декабре того же года. Молодость сказалась в свободе интонации и свежести красок, которые подметил Станиславский. По отзывам старожилов театра, он был влюблен в эту пьесу и работал над ее сценическим воплощением зимой 1927—1928 годов вместе с В. Г. Сахновским при самом активном участии самого Л. Леонова. «Свежим дыханием веяло всегда на исполнителей от драматурга,— вспоминал Сахновский,— когда он рассказывал о каждом из действующих лиц... его рассказы и пояснения всегда имели ближайшую связь с каким-нибудь словом, репликой, эпитетом, которые могли бы ускользнуть от исполнителей и режиссера, если бы автор не присутствовал в театре» (журнал «Театр и драматургия», 1934, № 3, с. 35), что, кстати, слишком часто сказывалось на постановках леоновских пьес без его участия, потому что при этом не улавливалось самое главное — подтекстовая специфика.

Критика увидела в пьесе столкновение двух начал — агрессивно-обывательского, воплощенного в Червакове, и трудового-интеллигентского, выраженного в Буслове: «Возрождение Буслова и «посрамление» Червакова — такова идея пьесы» (журнал «Новый зритель», 1928, № 4, с. 14). Однако такое прочтение следовало лишь за внешним фарватером сюжета, по расставленным автором для наглядности бакенам, и не учитывало подспудной, многослойной жизни унтиловских обитателей.

Унтиловск, как обмолвился однажды в разговоре Л. Леонов,— это глухое всепоглощающее болото, в котором живут свои редкие растения и рыбы, всякая диковинная тварь. Фауна и флора этого мира по-своему экзотична: озлобленный «пророк» и философ Черваков, либеральный болтун Гуга, пронырливый батюшка Иона с попадьей и «приплодом»— сразу двумя Агниями, кооператор и нелепый мечтатель Редкозубов, «земноводная личность» Аполлос, наконец, некогда могучий, но вмерзший, словно мамонт, в унтиловскую почву Буслов. Все они влюблены в красавицу Раису, мечта о которой по-своему согревает душу каждого. Но Раиса, воротившаяся в Унтиловск, уже совсем не та «скрипка Амати», какой помнил, какой «слышал» ее Буслов. По словам писателя, брошенным мимоходом, Раиса износилась — не телесно, а душевно: в деке скрипки трещинка, нет музыки, нет гибкости: душа умолкла.

Некоторые акценты уточняются и в судьбе Буслова. В критике го-

ворилось о его безусловном возрождении: в конце пьесы ликующий Буслов в руках с детским рисунком бегущего по тундре оленя. Тогда как Буслов, заметил Л. Леонов, идет на дно, медленно погружается с этим рисунком. И солдатка-самогонщица Васка, подаренная ему судьбой в утешение, играет роль скорее пышного успокоительного облака, сопровождающего его ранний закат. Там, в унтиловщине, есть свои слои, течения, своя лирика уже «по ту сторону нуля».

Смысл и сущность иных леоновских персонажей и их высказываний раскрывается подчас как бы с запозданием, выглядит по прошествии определенной временнóй дистанции полнее и глубже. Так, к примеру, зловещее пророчество Червакова, далеко перерастающее рамки конкретного характера. Его антиутопия освещается сегодня по-новому в контексте философско-футурологических фрагментов «Последняя прогулка» и «Мироздание по Дымкову». Теперь в большей мере воспринимается черваковская бездушность, не оставляющая того света надежды, который упрямо теплится в дымковской модели мира.

Работая со Станиславским над постановкой пьесы, Л. Леонов обрел для себя как драматург немало важного. Он вспоминал об этой поре: «Пьеса моя была длинная и трудная, и ее приходилось сильно сокращать. Когда коллектив театра обсуждал отдельные сцены, подобно консилиуму врачей, и выносил решение удалить сцену, изменить диалог, дополнить роль, я спорил, защищался... тем не менее приходилось уступать. Я складывал оружие и преклонялся перед теми традициями, большим опытом и умением, которые окружают драматурга в этом театре... После постановки «Унтиловска» я стал значительно старше во многих отношениях» (журнал «Театр и драматургия», 1934, № 3, с. 29).

В 1936 году Л. Леонов снова обратился к тексту «Унтиловска», переписал два акта, но очередная работа, по его словам, помешала вторично «пропустить пьесу через себя».

УСМИРЕНИЕ БАДАДОШКИНА

Впервые опубликовано в журнале «Красная новь» (1929, № 3). Пьеса вошла в т. 4 Собрания сочинений в 5-ти томах (ЗИФ, 1930), в сборник, изданный в Гослитиздате, 1935, а также в двухтомное издание «Театр. Драматургические произведения. Статьи» («Искусство», 1960) и в т. 7 Собрания сочинений в 10-ти томах (М., «Художественная литература», 1971).

Пьеса «Усмирение Бададошкина» писалась с 11 июня до начала июля 1928 года.

В этой «трагикомедии», как определил ее жанр сам автор, Л. Леонов завершает, уже в гротескно-сатирических красках, целую линию обреченного на безусловное вымирание купечества «новой» формации. От Николки Заварихина, полного сильных и опасных в ту пору замыслов («Вор»), к «тятькиному отростку», выродку нэпмановской формации Полуекту Раздеришину («Провинциальная история») и наконец — как герметический тупик — к гипертрофированному в своих социальных амбициях рыботорговцу Бададошкину — такова картина деградации социального слоя, которому не нашлось места в новой послеоктябрьской действительности.

«Леонов выдвигает моральные проблемы. Он разоблачает старые этические нормы,— отмечал П. А. Марков. — Порой он ставит в центр внимания испытанные старые положения, которые нуждаются в новом разрешении. Он доводит до абсурда нормы старой этики и старую бытовую мораль... В «Усмирении Бададошкина» до гиперболы доведена страсть стяжательства, снедающая Бададошкина и окружающих. Порою кажется: Леонов считает, что страсти прошлого поглотят их носителей, что в самом себе человек старого мира несет отраву, которая разрушит его организм, и новая социальная сила только ускоряет, а не определяет гибель зараженного этой страстью человека» (П. А. Марков. О театре, т. 4, с. 98).

Изображая в фантастико-сатирических тонах загнанного в тупик и еще не сознающего неизбежности близкого конца частного предпринимателя, Л. Леонов одновременно полемизировал с примитивно-плакатным изображением «буржуев», о чем он писал в статье «Я верю» в газете «Кино» от 8 ноября 1927 года.

ПОЛОВЧАНСКИЕ САДЫ

Впервые напечатано в журнале «Новый мир», 1938, № 3. Ранее отдельные отрывки из пьесы публиковались в газете «Советское искусство» (1937, № 42, 11 сентября) и в «Литературной газете» (1938, № 11, 26 февраля). Впервые пьеса была включена в 3-й том Собрания сочинений Л. Леонова (М., Гослитиздат, 1953), а затем и в последующие собрания сочинений.

Работу над пьесой Л. Леонов начал в 1936 году. 21 января 1937 года он писал В. И. Немировичу-Данченко: «Позвольте передать Вам пьесу, два акта которой я имел удовольствие читать Вам. Никто ее пока еще не знает. Названия ей пока тоже нет. Имелись предположения относительно —«Сад», «Волощанская гроза», «Гроза», «Дети» и проч(ее).

В основном я, конечно, беллетрист, а пьеса сразу попадает в Ваши руки. Тревоги мои множатся в неописуемой прогрессии. Судите меня по делам моим» («Ежегодник Московского Художественного театра, 1948 г», т. 1. М. — Л., «Искусство», 1950, с. 426).

В феврале 1937 года писатель читает пьесу коллективу МХАТа. Литературный вариант «Половчанских садов» был опубликован в журнале «Новый мир» в марте, театральная редакция пьесы завершена в октябре 1938 года. 6 мая 1939 года состоялась ее премьера в Художественном театре.

«Половчанские сады»— пьеса о подвиге, о героизме, созданная накануне Великой Отечественной войны. В ней звучит закон преемственности подвига: когда во исполнение исторической надобности гибнет один — его место естественно заступает другой. Параллельно в «Половчанских садах» следует создающий драматургическое напряжение сюжетный ход, проистекающий из конфликта Маккавеев — Пыляев.

Пьеса в начальном варианте была библейски проста. В дом благополучного человека, садовника и преобразователя жизни, пришел опустившийся бывший его соперник, расстроился при виде полной чаши его бытия, позавидовал, нахамил, и его прогнали. Это та самая зависть, про которую Л. Леонов сказал в «Скутаревском»: «Зависть — это восхищение неудачника», нередко бытующая в искусстве, в литературе (в виде коллизии Моцарт — Сальери, Вихров — Грацианский). Торжественная лексика, ораторская взволнованность интонаций, насыщенность красок при почти церемониальной замедленности внешнего действия — все это позволило назвать постановщику в Художественном театре «Половчанские сады» поэмой.

После премьеры, в беседе Л. Леонова с Немировичем-Данченко в директорском кабинете, Владимир Иванович признался: «Я чувствую, что в этом спектакле мы вам чего-то недодали. Но я рассчитываю, что в какой-то будущей постановке мы вам передадим с излишком». Речь касалась глубинного прочтения подтекста. К слову, Л. Леонов вывел из этого раздумья замечательного режиссера, на наш взгляд, справедливое заключение, что всякая сценическая трактовка пьесы всегда является соревнованием автора и театра. Кто-то оказывается сильнее.

В первой редакции пьеса была более лиричной. Однако в сценическом варианте помимо воли автора Пыляев дополнительно к своим качествам отрицательного героя стал еще и шпионом. Хотя его гадкая деятельность и была вынесена за театральные кулисы, все же это, естественно, наложило отпечаток на первоначальный авторский замы-

сел. Впрочем, «устранение» Пыляева (арест, внезапная свалка в темноте, и зритель констатировал бесследное исчезновение злодея) решалось с обычным для автора драматургическим тактом.

«Половчанские сады» отмечены той емкостью реплик, какая в классической драматургии всегда была основным качеством художественного откровения. «И вот все я отбыл: любовь, славу и бегство,— говорит, формулируя неудачу своей поганой жизни, Пыляев. — Мне только пятьдесят, а уж руки коченеют по утрам. Пора на гроб доски воровать».

В послевоенные годы пьеса «Половчанские сады» с успехом прошла в ряде театров (в Большом драматическом театре им. Горького в Ленинграде в 1955 г. и др.). Подлинным событием явилась постановка «Половчанских садов» под названием «Садовник и тень», осуществленная в 1957 году Н. П. Охлопковым в театре им. Маяковского, где во многом были использованы первоначальные варианты пьесы.

ВОЛК (БЕГСТВО САНДУКОВА)

Впервые напечатано в журнале «Новый мир» (1939, № 5). Ранее отдельные отрывки публиковались в «Литературной газете» (1939, № 5, 26 января) и «Вечерней Москве» (1939, № 83, 11 апреля). Пьеса вышла отдельным изданием в 1940 году (М. — Л., «Искусство»). Она была написана в феврале — июне 1938 года.

Премьера спектакля «Волк» состоялась в Малом театре 6 мая 1939 года, в один день с постановкой «Половчанских садов» во МХАТе.

В конце 30-х годов в критике сложилось мнение, будто пьеса «Волк» создана Л. Леоновым вследствие его неудовлетворенности показом Пыляева в «Половчанских садах». В плане своеобразных художественных конфликтов Лука, пожалуй, дан живописнее своего коллеги и тени Пыляева. На всем протяжении пьесы он находится в состоянии одержимого бегством — в лес, тишину, в надежное чужое тепло. Это сильный обреченный человек, оступившийся в беспощадную западню, так что временами он выглядит фигурой почти трагической.

Жестокая ракурсировка — погоня — придает напряжение пьесе, но не исчерпывает ее многослойных коллизий. Драма «Волк» строится на искусно подобранных неожиданных встречах, ошеломляющих узнаваниях, внезапных разгадках, волнующих столкновениях. Вся она выглядит великолепно отлаженным механизмом, исключительно подогнанным

для безотказной работы сюжета. Кстати, размышляя о секретах драматургии, Л. Леонов сказал: «Сценическое произведение мне всегда представлялось часами, где каждая деталь имеет свое точное место, где движение одной обусловлено движением соседней, где на тесном кругу, на этом циферблате спектакля, оборачиваются полные сутки человеческой судьбы, где любая соринка способна приостановить этот чудесный процесс осуществления авторской мечты...» (статья «Театр нашего времени», см. т. 10 наст. Собр. соч.).

МЕТЕЛЬ

Впервые напечатано отдельным изданием: «Метель». Пьеса в 4 действиях, М., Управление по охране авторских прав, 1940 (стеклогр. изд.). Отрывки из пьесы публиковались в газетах «Советское искусство» (1940, 4 января) и «Водный транспорт» (1940, 1 мая). Пьеса была написана в июле — ноябре 1939 года. В начале следующего года Л. Леонов провел беседу о пьесе в кабинете Горького и советской драматургии ВТО в Москве. 23 сентября 1940 года состоялось обсуждение «Метели» на расширенном заседании Президиума ССП СССР.

Премьера пьесы — 12 апреля 1940 года в Русском драматическом театре им. М. Горького (Днепропетровск). Затем «Метель» была поставлена рядом других областных театров.

Проблематика пьесы продолжает и углубляет конфликты предшествующих произведений и прежде всего пьесы «Волк». «В доме Рощина не говорят неправды»,— торжественно лгал в «Волке» клеветник и враг Магдалинин. Но сам ответственный работник Рощин оказывался всего лишь обманутым и недалеким простаком. Ему противопоставляется «директор чего-то» Степан Сыроваров, который под прикрытием надежной репутации энергичного хозяйственника и партийца пошел на преступление, квалифицируемое сегодня, мягко говоря, «нарушением правил валютных операций».

Вокруг Сыроварова лгут все, все скованы страхом и чувством неполноценности — его жена Катерина, племянница и приемная дочь Зоя, наконец, жалкий и низкий получеловек Лопотухин. «Давняя, набрякшая преступлением тайна висит над ними, прижимает к земле, валит на колени, не дает понять, в ком их настоящее несчастье. Им кажется, что их неизбывная беда — Порфирий, еще в годы гражданской войны затерявшийся где-то в трущобах эмиграции. Об этом же упорно твердит и Степан, давно уверивший всех в том, что Порфирием «больны» и Катерина, которая прежде чем стать женой Степана, была женой

Порфирия, и никогда не знавшая своего отца Зоя»,— тонко и точно характеризовал расстановку действующих лиц в пьесе критик Е. Сурков (статья «Проблемы творчества Леонида Леонова». — Л. Леонов. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 1. М., 1969, с. 54). И далее:

«И все-таки вовсе не одна только тень беглеца Порфирия черным крылом легла на сыроваровскую семью. Несоизмеримо более губителен сам Степан, тот яд, который каждый день и каждый час источает он, незаметно, но тем вернее растлевая всех, кто попадает в черту его влияния. Вся его жизнь — ложь, каждый его шаг и каждый его помысел криводушны, ложью напитаны и к защите лжи обращены. В пьесе он появляется уже на излете своей судьбы. Это последние его минуты, когда он торжествует, думая, что наконец-то вырвался на свободу, а на самом деле неумолимо летит в им самим же вырытую яму. Леонов наказывает Степана, оставляя для него открытой ту самую дорогу, по которой четверть века тому назад пробежал ведомый своим юношеским неведением Порфирий. Карает великого себялюбца и хищника осуществлением самых яростных его вожделений, самых ненасытимых надежд. Он выбрасывает Степана на ту самую капиталистическую помойку, откуда вырывается, собственной кровью заработав право на возвращение, до самых костей обглоданный своей судьбой Порфирий» (там же, с. 54—55).

С гражданским гневом и болью говорится в пьесе о подозрительности и перестраховке. В «Метели» звучит призыв к преодолению лжи, к нравственной чистоте и справедливости. Собственно, само общественное «покаяние» Зои — спасительный шаг к новой жизни, к подлинно светлым героям, к Марфе, Мадали, Зиночке, Лизавете. Этим шагом Зоя подводит черту под трусливым прошлым Степана Сыроварова.

Очевидно, общественный накал пьесы был слишком велик для тогдашнего предвоенного периода. Впоследствии «Метель» с большим успехом шла на сцене Московского драматического театра им. Пушкина.

В 1963 году автор вернулся к тексту «Метели», где были уточнены психологические акценты и сюжетные мотивировки.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Впервые опубликовано отдельным изданием: Леонид Леонов. Обыкновенный человек. Пьеса в 4-х действиях. М., «Искусство», 1942. Пьеса вошла в 3-й том Собрания сочинений Л. Леонова (Гослитиздат, М., 1953), а также в последующие Собрания сочинений писателя. Премье-

ра спектакля состоялась в марте 1944 года в Пензенском областном драматическом театре; 22 мая 1945 года в Московском театре драмы в постановке Ф. Каверина.

Работа над комедией (в первом варианте) продолжалась в августе — сентябре 1940 года. В феврале 1941 года первоначальный вариант перерабатывался.

По существу, это пьеса о бедной молодости, когда одаренный впечатлительный человек с горькой памятью о прошлом старался, зачастую смешным образом, возместить несостоявшиеся маленькие радости. В частности, поводом к ее написанию послужили личные воспоминания автора. В основу сюжета положено комическое недоразумение, основанное на том, что знаменитый певец Ладыгин не разглядел в старом друге по гражданской войне обыкновенного необыкновенного человека — хозяина новой жизни, наркома и ученого. Комедийный слой пьесы таит огромный психологический потенциал, где многое сделано как бы мельком, но скрывает в себе глубину человеческих чувств.

Комедия «Обыкновенный человек» имела триумфальный успех и была поставлена в 60-ти театрах страны, причем спектакль Московского театра драмы прошел более 700 раз. Огромный интерес вызвала она за рубежом: в Болгарии, Польше, Румынии, Чехословакии, ГДР, Югославии, Франции.

НАШЕСТВИЕ

Впервые опубликовано в журнале «Новый мир» (1942, № 8). Отрывок из пьесы был напечатан в журнале «Красноармеец» (1942, № 16). Первое отдельное издание: Леонид Леонов. Нашествие. Пьеса в 4-х действиях. М. — Л., «Искусство», 1942.

Пьеса была задумана в декабре 1941 года, в Чистополе, после катастрофы с «Метелью». Она писалась в январе — апреле 1942 года. Там же состоялась авторская читка в присутствии К. Федина, К. Тренева, Н. Асеева и других писателей. Премьера спектакля — там же, в Чистополе, 7 ноября 1942 года (силами Ленинградского областного драматического театра), а в Москве лишь 29 мая 1943 года в Малом театре. 19 марта 1943 года пьесе присуждена Государственная премия. «Нашествие» было экранизировано (режиссер А. Роом), фильм успешно демонстрировался по всей стране. По мотивам пьесы Л. Леонов создал либретто для оперы, опубликованное в журнале «Советская музыка» (1952, № 6, 7). Музыка к опере, названной «Федор Таланов», написана композитором В. Дегтяревым.

Пьеса «Нашествие» — одна из вершин леоновского драматургического творчества. Как точно сказал критик Е. Сурков: «Никто в нашей драматургии не сумел так обжигающе сильно рассказать о том, что довелось нам пережить в тяжелые дни нашествия, как это сделал Леонов» («Театр. Сборник статей и материалов». М., ВТО, 1944, с. 18).

Произведение создавалось на волне небывалого патриотического подъема, охватившего страну после вероломного нападения фашистской Германии. Л. Леонов писал «Нашествие» в Чистополе при свете самодельной коптилки (местного освещения на приезжих не хватало), вместо стола ему служил пустой тарный ящик. Всего четыре месяца понадобилось ему для создания пьесы.

Возвращение в дом Талановых «блудного сына» Федора становится отправной точкой — через страдания — к подвигу.

Вначале автор предполагал сохранить единство места действия, включая четвертый акт, квартирой Талановых с показом событий отголоском, так сказать, «сквозь талановские стены». Однако пришедшая в Чистополь газета с репортажем о мученической судьбе Зои Космодемьянской заставила писателя раздвинуть рамки спектакля и, по его собственному признанию, «взамен бокового, отраженного показа событий» нанести врагу «ф р о н т а л ь н ы й удар почти плакатного воздействия».

В традициях леоновского театра в «Нашествии» нет ничего случайного. Сложнейшая психологическая символистика создает молекулярное натяжение, наполняет характеры магией жизни. Скрытые сюжетные нити связывают все воображаемое воедино. Так, бредовый всплеск маленькой Аниски подсказывает Федору его судьбу: «Ой беги, беги... они тебя за шею повесят, беги-и!»

Народная трагедия «Нашествие» триумфально прошла по всему Советскому Союзу, была поставлена в десятках зарубежных стран едва ли не всех континентов.

ЛЁНУШКА

Впервые напечатана в журнале «Новый мир» (1943, № 4). Отрывки из пьесы публиковались в газете «Московский большевик» (1943, № 90, 91, 17—18 апреля), журнале «Краснофлотец» (1943, № 8, 9, апрель — май). Отдельное издание: Леонид Л е о н о в. Лёнушка. Народная трагедия в 4-х действиях. М. — Л., «Искусство», 1943. Премьера спектакля — ноябрь 1943 года в Тбилисском русском драматическом театре им. А. С. Грибоедова; в Москве — в Театре драмы 15 июля 1946 года.

Пьеса писалась в августе — декабре 1942 года (дорабатывалась до февраля 1943 года).

«Лёнушка», продолжая «Нашествие», явилась народной трагедией нового типа с коллективным героем в главной роли. Это повлекло за собой отход от принципов символико-психологической пьесы к стихии фольклора, к бытовой упрощенности как художественному. «И «Нашествие», и «Лёнушка»,— отмечал Е. Сурков,— написаны в сознательном расчете на агитационное воздействие. Функция их — мобилизация воли». «Учитеся на нас...»— говорит в «Лёнушке» кутасовцам женщина в черном из сожженного села Малые Грачи.

По существу «Лёнушка» родилась из «Нашествия». По исходному замыслу, депутация мужиков приходила в больницу к Таланову и впервые там возникал ведущий мотив пьесы: «Заступися, мати Русская земля...», впоследствии перешедший в аналогичную сцену «Лёнушки». Пьеса открывается блистательной экспозицией, напоминающей вступительную фразу гоголевского «Ревизора». Чуть ли не в начальных строках первого акта Лене выпадает предсказание: убьют, кого ты полюбишь. «В самом сердце настигнут... и убьют там». Она увидела лейтенанта Темникова, влюбилась, и он мученически погибает.

В «Лёнушке», как и в «Нашествии», громко и страстно звучит тема родины, тема России. «Он, этот пафос,— и в языке, богато впитавшем в себя традиции народной поэтической речи... он и в тех фольклорных реминисценциях, которые так важны для понимания темы Лёнушки и Темникова, он во всем строе умонастроений и переживаний персонажей обеих пьес, все время остро ощущающих свою связь с родной землей, с ее историей, с народом. Они и земля, их породившая,— одно нерасторжимое целое» (Е. Сурков. Тема Леонова (О пьесах Леонида Леонова военных лет). — В кн.: «На драматургические темы», М., «Советский писатель», 1962, с. 5).

ЗОЛОТАЯ КАРЕТА

Пьеса, представляющая собой одно из самых значительных драматургических произведений Леонида Леонова, имеет три принципиально различных редакции.

Первый вариант «Золотой кареты» был опубликован в 1946 году: Леонид Леонов. Золотая карета, М., Отдел распространения Всесоюзного управления по охране авторских прав (стеклогр. изд.). Второй вариант напечатан впервые в журнале «Октябрь» (1955, № 4). Премьера

спектакля состоялась 6 ноября 1957 года во МХАТе. Пьеса шла на сцене Ленинграда и других городов Советского Союза, а также в ряде стран — Польше, Чехословакии, Румынии и др. В 1964 году Л. Леонов публикует третий, окончательный вариант «Золотой кареты» (Леонид Леонов. Пьесы. М., «Советский писатель»). В этой редакции пьеса вошла в т. 7 Собрания сочинений в 10-ти томах (М., «Художественная литература», 1972).

Л. Леонов задумал пьесу еще в 1943 году, но приступил к работе над ней лишь 24 марта 1946 года. В июне того же года был завершен черновой вариант под заглавием «Градоправительница». Окончательный текст первой редакции «Золотой кареты» сложился в октябре — ноябре. Премьера должна была состояться на сцене Малого театра.

Высокие философские категории — поиски счастья и своего предназначения на земле, расплата и возмездие за неправо содеянное — все это, как всегда у Л. Леонова, нашло воплощение в предельно конкретном жизненном материале. Как гласила первая ремарка пьесы, «действие происходит в бывшем прифронтовом городке в течение суток, тотчас после войны». Писатель запечатлел страшную рану, которую война нанесла стране,— разрушение до степени «обугленного пространства». «Весь город ничком полег»,— говорит гостиничный сторож и местный житель Непряхин. Но обнаженный показ страданий и бедствий, принесенных войной, вызвал отрицательную реакцию. Спектакль в Малом театре в 1946 году не был осуществлен.

Посвятившая специальную работу анализу трех вариантов «Золотой кареты» критик Е. Старикова отмечает: «Хотя и написанная целиком на вполне реальных впечатлениях послевоенного нашего бытия, пьеса эта откровенно и преднамеренно построена по аналогии со сказкой, то есть по законам поисков и утверждения идеального. «Золотая карета», в которой уезжает бедная красавица к своему счастью, потерянная и найденная туфелька с ее ноги, добрый волшебник, предсказывающий ей счастье в награду за красоту и доброту,— все эти аллегории, использованные Леоновым в пьесе, вполне прозрачны и широко известны, и отгадывание того нового, современного и иногда неожиданного смысла, которым они наполняются под рукой писателя, доставляет нам своеобразное и дополнительное удовольствие, как всегда его доставляет новое художественное перевоплощение старых мифов» (Е. Старикова. Леонид Леонов. Очерки творчества. М., «Художественная литература», 1972, с. 288—289).

Однако подсветка, образуемая внешней аналогией со старой сказкой, лишь резче оттеняет героико-трагическое и романтическое содержание пьесы.

Начиная с первого варианта, в центре ее оказывается полковник Березкин — воплощенная «совесть войны». «Мне хотелось сделать этот образ очень высоким и благородным,— делился своим замыслом Л. Леонов. — Березкин — человек, который прошел через войны, потерял многое, почти все, и понял какой-то главный и существенный смысл, открывшийся ему на войне» («Золотая карета». Материалы к постановке пьесы Л. Леонова». М., ВТО, 1946, с. 3). Но как быть, если, желая выполнить священный долг перед павшими, движимый высоким чувством самопожертвования и возмездия, Березкин приезжает в разрушенный городок, чтобы наказать дезертира Щелканова (в первом варианте — Черканова), а должен принести горе ни в чем не повинным жене и дочери труса — энергичной «градоправительнице» Марье Сергеевне и Марьке, юную душу которой может раздавить раскрывшаяся правда? Одновременно появление в городке крупного ученого, академика Кареева (Карева) с сыном еще более осложняет психологическую многослойность пьесы: Кареев-старший был некогда влюблен в Марью Сергеевну так же, как Кареев-младший влюбляется в ее дочку, названую невесту ослепшего на войне танкиста Тимоши.

Как жить? Чем жить? и ради чего жить героям? — все эти вопросы огромной нравственной наполненности вариантно колеблются, то обретая тона крайнего самопожертвования, то, напротив, вынося на поверхность как высшую ценность «черный хлеб счастья», то, наконец, как бы примиряя обе крайности, избегая категоричности в решении людских судеб, их будущего, их путей к счастью.

В первой редакции Марька уезжает, а Березкин зовет с собой покинутого ею Непряхина: «Я поведу тебя, куда ты скажешь. Я буду твоими глазами. Ты еще прогремишь в этой вселенной, слишком тесной для такой любви и боли». В одном из разговоров Л. Леонов обмолвился, что среди многочисленных откликов на пьесу было письмо инвалида войны с упреком: «Как же вы отнимаете у меня последнюю радость?», что и повлияло на временную перемену финала. Во втором варианте Марька остается в родном городке во исполнение мнимого обязательства перед Тимошей. Писатель вспоминал, что после этого как-то он смотрел последнюю сцену в Художественном театре и вдруг подумал о будущности Марьки, восемнадцатилетней девчонки, которую двое настоящих героев — Березкин и молодой Непряхин — обрекают на тяжелую должность, почти подвижничество, при слепом, в ожидании, когда тот заслужит вожделенную всемирную славу. Теперь не Марька отказалась разделить свою судьбу с Тимошей, а как раз он не принял чрезвычайной жертвы девочки, ради счастья которой, в общем итоге, и сражался он на войне.

Новые акценты появились и в обрисовке Кареева, хотя первооснова их прочитывалась и в ранних вариантах. Во всех спектаклях ученого играли как отрицательного персонажа. Тогда как налицо своеобразный и тоже житейский подвиг, совершенный (во имя отвергнутой любви) как бы ультимативным требованием приехать за девушкой по достижении определенного, гарантированного места в жизни. И вот он возвращается, уже в «золотой карете», к сожалению, с непоправимым опозданием. Так что неписаный договор их должен свершиться в судьбе смены. Таким образом пресловутая кареевская фраза о съеденной на Елисеевских полях груше не хвастовство, не стремление намекнуть любимой на упущенные ею возможности, а лишь краткая, как бы отчетная, информация о слишком долгом восхождении к поставленной цели. Краткая, потому что их свидание лимитировано временем в условиях официального приема у градоначальницы, но вроде бы на полустанке, при встрече поездов, где остановка длится полминуты.

Олег Михайлов

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

Леонов Л. М.
Л 47 Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 7. Пьесы/ Примеч. О. Михайлова. — М.: Худож. лит., 1983. — 686 с., ил.

В седьмом томе представлен театр Л. Леонова, который всегда отражал злободневные проблемы времени. Так, в пьесах двадцатых годов разоблачается мещанское болото («Унтиловск», «Усмирение Бададошкина»), а накануне войны писатель развивает тему преемственности подвига («Половчанские сады»). В дни тяжелейших военных испытаний Леонов обжигающе остро рассказывал о горе народа и о его беспримерном патриотизме и мужестве («Нашествие», «Лёнушка»). Каждая пьеса — это особый художественный мир, ни одна не может быть сведена только к своей бытовой фабуле.

Л $\frac{4702010200\text{-}340}{028(01)\text{-}83}$ подписное

ББК 84Р7
Р2

ЛЕОНИД МАКСИМОВИЧ
ЛЕОНОВ

Собрание сочинений
в десяти томах

ТОМ СЕДЬМОЙ

Редактор О. Афанасьева
Художественный редактор Е. Ененко
Технический редактор Л. Ковнацкая
Корректоры Г. Ганапольская,
Б. Тумян

ИБ № 3035

Сдано в набор 01.02.83. Подписано в печать 19.09.83. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 40,12. Усл. кр.-отт. 40,58. Уч.-изд. л. 35,21. Тираж 200 000 экз. Заказ № 797. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Художественная литература»
107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15